

M.Линдау

Из жизни Цезаря и Лукреции Борджиа

Исторический роман

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

час пик

1992

ББК 84.4 Л59

Печатается по изданию: Линдау М. Злой гений коварства: Из жизни Цезаря и Лукреции Борджиа: Исторический роман. — Спб, 1911

Л59

Линдау М.

Злой гений коварства: Из жизни Цезаря и Лукреции Борджиа: Исторический роман. — Л.: Час пик, 416 с., ил. 1992.

ISBN 6-7600-0042-X

Эпоха Возрождения в Италии много потеряла бы в своей выразительности, если бы на фоне ее не было фигуры Цезаря Борджиа, являвшегося одновременно ее злым и добрым гением. Задумав объединить разрозненные феодальные государства Италии под своим владычеством, Цезарь Борджиа для достижения своей цели не брезговал ничем: кинжал, яд, открытая война — все применялось им. Не последнюю роль играла в этих интригах Лукреция — сестра Цезаря. Слабая, безвольная, она стала игрушкой в руках брата, который пользовался ее красотой как орудием для осуществления своих политических замыслов.

ыл 1500 год.

Несмотря на жалкое состояние Италии, несмотря на дурную славу, распространяемую про главу католической церкви, великий праздник христианского мира — юбилей

тысяча пятисотлетия Рождества нашего Спасителя — привлек в Рим невероятное количество паломников со всех сторон Европы. Никто не сомневался, что темные истории, рассказываемые о жестокости, тирании и распутной жизни Папы Александра VI, были непререкаемой истиной, тем не менее благочестивые пилигримы стремились получить от него благословение и полное отпущение грехов, которого должны были удостоиться все верующие, собравшиеся в град святого Петра. Раскаяние в совершенных преступлениях, безутешное горе, неутолимые душевные муки, страхи и грезы мечтательной грусти привлекли изо всех стран тысячи богомольцев, пожелавших присутствовать на торжествах по случаю знаменательного юбилея.

Быть может, сознание опасности придавало благочестивому рвению воинственных народов особую прелесть.

Никогда еще в продолжение своего бурного существования Италия не была так опустошена и потрясена нашествием внешних врагов и внутренними междоусобицами, как в тот момент, когда начинается наш рассказ. На юге за обладание Неаполем и Сицилией сражались французы, испанцы, турки и неаполитанцы и заливали своей кровью эти восхитительные места. На севере французы и венецианцы опустошали Ломбардию. Милан в ряде следовавших одна за другой революций терял и снова приобретал свою независимость; многочисленные небольшие государства, среди которых выделялись утонченное герцогство Феррара и республики Пиза. Лукка и Сиена. с трудом боролись против завоевательных попыток своих могущественных соседей. В Тоскане флорентийцы, разделенные на многочисленные партии, несмотря на поддержку французов, едва могли разрушить честолюбивые замыслы папского могущества, какими они были охвачены со всем коварством хитростью и бессердечной энергией, чем особенно отличался, превосходя даже всех католиков и полководцев, генералиссимус церкви Цезарь Борджиа.

Эпоха Возрождения в Италии много потеряла бы в своей красочности и выразительности, если бы на фоне ее не было фигуры Цезаря Борджиа; он одновременно был ее злым и добрым гением, душою

всех заговоров и родоначальником тех идей, которые осуществились

лишь в наше время.

Цезарь был незаконнорожденным сыном папы Александра VI и уже в двадцать три год а получил кардинальскую шапку, будучи назначен кардиналом Валенсийским. Но это высокое звание не удовлетворяло честолюбивого человека. Он мечтал о бранной славе, а вместо того должен был совершать богослужения. Его манил меч военачальника, а между тем служака подавал ему кадильницу. Он мучился завистью к старшему брату герцогу Джиованни Гандийскому, который был хоругвеносцем папы. Ему казалось, что имя Цезаря дано ему не просто так, но что в этом заключается скрытый смыл, пророчество, что он станет вторым Цезарем в Италии и, как его знаменитый тезка, добьется императорской короны.

Для осуществления этих тайных замыслов Цезарь прежде всего задумал отделаться от брата и занять его место. Он пригласил герцога Гандийского к себе на ужин, а на другое утро того нашли на берегу Тибра пронзенным девятью ударами шпаги. Виновником этой трагической гибели герцога Гандийского народная молва назвала Цезаря, и это тем более вероятно, что Цезарь после этого занял место брата и сбросил с себя ненавистное ему духовное звание.

Тогда перед Цезарем открылась широкая дорога. Став во главе папского войска, он сразу заявил себя умным, талантливым полководцем, сумев к тому же заключить союз с французами. За эти политические и военные доблести папа дал ему герцогство Романья.

Став герцогом, Цезарь начертал себе грандиозный план. Вся Италия в то время разделялась на мелкие республики и королевства, и Цезарь решил объединить отдельные государства под своим владычеством. Он задумал то, что осуществилось лишь пятьдесят лет тому назад при короле Викторе Эммануиле. С этой целью он начал уничтожать представителей родового дворянства, которое имело огромное влияние в феодальных государствах Италии и в самом Риме, а также пользовался каждой междоусобицей, чтобы вмешаться во внутренние дела отдельных итальянских республик.

Для достижения своих замыслов Цезарь не брезговал ничем и не отступал ни перед какими средствами. Кинжал, яд, открытая вой-

на — все применялось им в широкой степени.

Два могущественных римских рода — Орсини и Колонна — изза взаимного соперничества, продолжавшегося в течение нескольких поколений, были враждебны друг другу. Цезарь с нетактичной и недальновидной помощью первых изгнал Колонна из страны и конфисковал все их имущество. Затем в двух ужасных походах, отличавшихся вероломством и предательством, он сломал могущество почти всех значительных родов в Романье. Тем временем Александр подавил мятежный дух церкви изгнанием, свержением или смертью значительного числа кардиналов, восставших против его тирании главным образом вследствие неудовольствия, возбужденного неис-

полнением им своих обещаний, благодаря которым он попал на папский престол.

Уничтожая таким образом могущество дворянства, Цезарь приобрел если не любовь, то по крайней мере расположение народных масс, вводя вместо неограниченного произвола их бывших правителей правление, которое, несмотря на свой гнет, было все же лучше в сравнении с прежним. Таким образом, поддерживаемый французами, Цезарь довольно удачно шел к намеченной цели. Но Орсини и другие более или менее могущественные дворянские фамилии пришли в конце концов к убеждению, что, заключив с ним союз против своих врагов, они тем самым стали орудием своей собственной гибели. Признаки неудовольствия умножались с каждым днем, и, когда союзники Цезаря, французы, потерпели в Ломбардии поражение, против него сложился открытый союз.

Жестокость и разнузданность французов вызвали возмущение побежденных; Милан восстал, прогнал зарвавшихся пришельцев и радостными криками встретил своего несчастного предводителя Людовико Сфорцу.

Французы, вовсе не расположенные поддерживать Цезаря в его планах против Тосканы, не только отозвали от него свои войска, но еще потребовали, чтобы он сам немедленно присоединился к ним со своими силами.

Между тем союз против Борджиа креп; изгнанные дворяне собирали на границах Романьи значительное войско, а государства Феррара, Милан, Пиза, флорентийцы и венецианцы вошли с ними в соглашение; французы, как полагали все, были крайне раздражены вероломством Цезаря и, отброшенные к подножию Альп, с трудом удерживали свои позиции. Казалось, Борджиа не могли избегнуть своего падения, и со всех сторон открыто раздавались требования низвержения папы Александра. Сам Цезарь одно время, казалось, был побежден оказанным ему сопротивлением и после нескольких чувствительных поражений старался вступить в переговоры.

Между тем в союзе было немало причин для разногласия, и здесьто хитрость Борджиа могла с успехом проявить свои способности. Венецианцы и флорентийцы соперничали друг с другом; взаимная вражда дворян был забыта только на время вследствие грозившей им опасности. Бентиволи ненавидели Монтефельтри, Малатеста — Сфорца, Колонна — Орсини, Эсте — Перуччи и т.д., и козни Цезаря не замедлили оказать свое действие. Флорентийцы отправили к нему послов для переговоров о всеобщем мире; Феррара заключила с ним перемирие, а ее герцог Эрколе д'Эсте охотно выслушивал предложения папы Александра относительно помолвки дочери последнего, Лукреции, с наследником его древнего и знаменитого рода. Одновременно разнеслась молва, что Цезарь снова привлек на свою сторону Орсини обещанием отдать руку Лукреции наследнику этой могущественной фамилии Паоло Орсини, сыну герцога Гравины.

Лукреция является второй замечательной фигурой ранней эпохи Возрождения. Она была сестрой Цезаря и дочерью Александра VI. Отличаясь замечательной красотой, она, не достигнув еще тринадцати лет, уже была обручена со знатным испанским грандом, но в 1494 году папа Александр VI выдал ее замуж за герцога Сфорцу. с которым затем она была разведена, чтобы вступить в брак с герцогом Бишельи, или Салернским, незаконным сыном неаполитанского короля из Арагонской династии. Слабая, безвольная, она стала игрушкой в руках отца и брата, которые пользовались ее красотой как орудием для осуществления своих политических замыслов, а также и для удовлетворения своих низменных побуждений. До сих пор, правда, не установлен точно факт, принадлежала ли Лукреция своим отцу и брату как наложница, но многое говорит за это. Так, спустя несколько лет после трагической смерти второго мужа Лукреции, герцога Салернского, которого убил Цезарь, у Лукреции родился ребенок, которого папа Александр VI в одном духовном завещании признает своим, а в другом приписывает отцовство Цезарю.

Прежние историки видели в Лукреции развратную Мессалину, но на основании новейших данных ее скорее следует признать бесхарактерной женщиной, которая с детства не получила никаких нравственных устоев и плохо разбиралась в добре и зле, в особенности живя бок о бок с такими людьми, как Цезарь Борджиа и его отец.

Кроме того, следует принять во внимание и весь характер той бурной эпохи, когда старые боги уже были свергнуты, а новые еще не появились и не только народ, но и передовые люди метались, точно лишенные руля ладьи, потеряв способность отличать добро от зла. Недаром же эта эпоха породила Макиавелли, которого наш век считает олицетворением коварства, а в то время он высказывал лишь то, что люди совершали в действительности, и по своим воззрениям не казался выходящим из ряда обыкновенных смертных.

Что касается третьего героя настоящего повествования, то он является блестящим представителем католического духовенства того времени.

Католическое духовенство широко пользовалось тогда своей огромной властью и еще более огромными доходами. Баснословные церковные богатства манили к себе всех алчущих и жаждущих, но приобретали их, конечно, не самые благочестивые, а наиболее энергичные, смелые и умные. Достигнув известной власти и упрочив свое положение, эти пастыри церкви сбрасывали с себя одежду монаха и являлись в своем истинном виде. Аббаты, кардиналы, епископы, архиепископы и даже сами папы не стеснялись предаваться совершенно открыто самому безудержному разврату и другим непотребным и несовместимым с духовным саном делам. Храмы превращены были ими в публичные торжища, где молящихся чуть не грабили. Одним словом, жизнь католического духовенства накануне реформации была сплошной вакханалией.

И вот в это-то время во главе римско-католической церкви стал папа Александр VI Борджиа. До своего вступления на папский престол он был юристом, потом военным и наконец, как и многие другие, нашел, что если есть возможность нажиться и удовлетворить ненасытное честолюбие, так только на духовном поприще. Энергия и талантливость дали ему возможность выдвинуться из рядов духовенства, и после смерти Иннокентия VIII конклав избрал его папой. Время его правления католической церковью было временем самого возмутительного произвола, вероломства и небывалого еще разврата. Историки говорят, что это был самый развратный из пап. Путем коварства, с помощью яда и кинжала он устранял своих многочисленных врагов и ставил на их место своих ближайших родственников. Его преступлениям нет числа. Один из предшественников реформации Савонарола не раз восставал против Александра VI и громил его в своих страстных и резких проповедях, но это, по-видимому, не влияло на совесть папы, который по-прежнему продолжал вести свой расточительный и развратный образ жизни. К тому же за папу стоял простой народ. Римская толпа привыкла к тому, что духовенство ведет непотребную жизнь, и особенного внимания на это не обрашала. Она выходила из себя и ненавидела только тех кардиналов и епископов, которые притесняли ее. Между тем при Александре VI народу жилось довольно свободно. Гнет папской власти сильнее чувствовали на себе высшие классы, духовенство и аристократия. В ихто кругах и образовалась оппозиция против него.

Грозные тучи со всех сторон обкладывали горизонт Италии.

В то время как французы, испанцы и турки со своими союзниками — швейцарцами, бургундцами, немцами и маврами — и сама Италия напрягали все усилия, чтобы захватить в свою власть эту чудную страну, пираты опустошали ее берега, разбойники грабили

ее города, и чума уносила бесчисленные жертвы.

И вот среди этого мрачного хаоса, как юный день из бурного океана, в спокойном великолепии поднималось искусство. Леонардо
да Винчи писал свои лучшие произведения, Микеланджело основывал во Флоренции свою школу, Рафаэль и Джулио Романо рисовали
свои первые безыскусные произведения, и молодой Челлини в золоте
и серебре запечатлевал свои дивные фантазии. Но грубые народы Западной Европы смотрели на Италию только как на школу военного
искусства, и большинство паломников, спешивших в Рим на юбилейные празднества, чтобы получить так легко расточаемое отпущение, намеревались вознаградить себя на обратном пути какимнибудь разбойничьим набегом за лишения и труды, понесенные ими
в пути.

К этому классу, по-видимому, принадлежали также предводители вооруженного отряда, медленно огибавшего к вечеру глубокую пропасть на склоне Апеннин, где они спускаются в долины Умбрии.*

[•] Умбрия — древняя область Средней Италии.

Отряд состоял приблизительно из двадцати человек, ехавших верхом на прекрасных лошадях и вооруженных по обычаю того времени. Грудь и спину защищал стальной панцирь, голову прикрывал стальной шлем. У каждого имелись копье и меч, а у седла висел с одной стороны топор, с другой — мушкет со всеми принадлежностями для стрельбы — фитилем и кремнем. Судя по грубому виду вооружения и крепкому, мускулистому телосложению, это были, по-видимому, варвары, как итальянцы еще называли все народы, которые жили на севере за могучими Альпами. Судя по дроку на шлеме, опытный глаз сразу узнал бы в них англичан, так как цветок дрока был цветком английских королей, державшимся до падения последнего Плантагенета — Ричарда III. Кроме этого значка, на плащах у солдат было вышито сияющее солнце с девизом посредине: "Оh, mon le Beaufort!" *

Предводители отряда ехали впереди на значительном расстоянии, командование же было передано младшему офицеру. Последний, очевидно, не принадлежал к дворянству, так как у него не было рыцарского оружия. По вооружению он немного отличался от других солдат, только на конце копья у него развевался небольшой флаг.

Предводителей было трое.

Старшему было лет под сорок. Он ехал на муле и, судя по платью, был священником. У него были острые черты лица и почти голая голова. Но этот недостаток возмещался длинной, густой бородой, как у патриарха; его глаза отличались живостью, и по веселому лицу его можно было скорее признать юношей Анакреона **, чем почтенным монахом-августинцем.

Другому его спутнику не могло быть больше тридцати лет; его высокая, статная фигура была облечена в одеяние рыцаря иоаннитского ордена. Длинная черная мантия с вышитым на левой стороне белым восьмиугольным крестом почти совсем закрывала его. Свой шлем он отдал одному из свиты, а его белый капюшон для защиты от солнечных лучей был спущен почти на глаза; но та часть лица, которую можно было видеть, поражала красотой и серьезным благородством, с некоторым налетом глубокой грусти и гордости. Его черные волосы, короткими локонами спускавшиеся у висков, дополняли впечатление благоговейной строгости, которой дышали его гордые черты. Это выражение как нельзя лучше соответствовало его двойственному призванию священника и воина, которое принимали на себя иоанниты. ***

^{* &}quot;О, мой Лебофор!"

^{**} Анакреон (580 — 195 гг. до Р.Х.) — один из выдающихся греческих ли-

риков, поэзия которого воспевала радости жизни, любовь и вино.

^{* * *} Орден иоаннитов был древнейшим духовно-рыцарским орденом и возник в половине XI в. в Иерусалиме. Его члены делились на три класса: рыцари знатного происхождения — для ведения войны, пресвитеры ордена — для службы в церквах и служащая братия — для ухода за больными и охраны паломников.

Третий предводитель был, очевидно, много моложе иоаннита и, суля по его золотым шпорам и оружию, принадлежал к тому же классу, хотя и числился в светском ордене. Эластичный серебряный панцирь, покрывавший его с головы до ног, обрисовывал фигуру необыкновенной силы и подвижности, хотя и не такого высокого роста. как у иоаннита, с мрачным одеянием которого его воинственный вид составлял восхитительный контраст. Звание рыцаря солнца, которое он, по-видимому, носил, согласно гербу на щите, подтверждалось его блестящим вооружением. Оно сверкало, как сияющая чещуя только что пойманной рыбы, и так художественно было украшено на груди светяшим солнцем, что небесное светило казалось отраженным, словно в зеркале. На рыцаре была шапочка из серебристой материи с пурпурным цветком дрока, а его открытое прекрасное и веселое лицо отлично гармонировало с воинственной красой его одежды. Цвет его лица был, вероятно, когда-то очень хорош, а его длинные каштановые кудри и голубые улыбающиеся соколиные глаза показывали, что он — уроженец севера. Но горячее солнце Италии обожгло его кожу там, где она не была зашищена шлемом, что придало его юношескому цветущему лицу воинственный вид.

Путники уже давно поднимались по краю крутого склона, по тропинке, вырубленной в чаще леса, причем их лошади то и дело спо-

тыкались о корни и пни, заросшие травой.

Утомленные всадники ехали некоторое время молча. Покрытые белой пеной груди и высунутые языки их лошадей свидетельствовали о большом путешествии, совершенном ими. Английский рыцарь запел было песенку своей родины, где особенно часто раздавались слова: "Robin Hood and the good greemvood!" * но удушливая тишина, в которую постепенно погружался вечер, произвела впечатление и на него.

— Мессир Бембо, — проговорил он наконец, обращаясь к священнику на хорошем итальянском языке, но с иностранным акцентом, — я думаю, что замок, про который вы рассказывали нам, должен уже показаться, если он только не исчез под влиянием какого-нибудь волшебства.

— Я уже с полчаса наблюдаю отца каноника, — со спокойной, слегка насмешливой улыбкой заметил иоаннит, — он иногда задер-

живает мула, словно сам не доверяет себе.

— Нет, монсиньор, нет, — смущенно возразил священник. — Правда, прошло уже семь лет с того времени, как я в последний раз приезжал в замок моего доброго друга Савелли, потому что с момента начала войны Феррары с его святейшеством у меня не было повода ездить в Рим, но все-таки я готов утверждать, что этот замок с незапамятных времен венчал ту вершину. Благодаря такому положению замок господствовал над этим проходом, о чем неопровер-

[•] Робин Гуд и густой зеленый лес (стар.англ. песня).

жимо говорит то обстоятельство, что все, кто переправлялся через Апеннины, должны получить от моего друга Лжакобо Савелли своболный проход и надежную охрану. С этой целью он построил башню нал дорогой, и однажды я собственными ущами слышал, как он приказал спустить опускную решетку перед отрядом генуэзских купцов. потому что они не хотели дать то, что он от них требовал. Помнится, это было по три кроны с головы, бархатное платье для хозяйки и десять прекрасных восковых свечей для часовни банка. Но я более чем уверен, что мы на верном пути, так как вижу вон там белую гору, остроконечной вершиной уходящую в облака.

— Что касается вершины, то вы правы, — сказал молодой рыпарь. — Но, клянусь святым Георгием, замок я вижу так же, как

зубцы крепости моего отца в Англии.

— Поелем дальше: стен, может быть, не видно за вершинами. возразил Бембо, пришпоривая своего мула.

— А разве Борджиа при своем последнем опустошительном походе в Тоскану не мог разрушить эту крепость, принадлежащую его известному врагу?

- Тогда, мой повелитель, пожалуй, эту ночь нам придется провести хуже, чем я полагал, — со вздохом ответил священник.

— Как мессир Пиетро Бембо, вы вечно будете забывать мои строгие приказания и называть меня повелителем, открывая мое инкогнито? — гневно воскликнул иоаннит. — Я вовсе не желаю, чтобы во мне признавали Альфонсо д'Эсте, сына герцога Феррарского.

— Да разве это опасно? Ведь Борджиа используют теперь все уси-

лия, чтобы угодить нам, — покорно проговорил священник.

 Поэтому-то они и опасны, — ответил иоаннит. — Борджиа вероломны, и, если бы я был в их власти, они принудили бы меня заключить адский брачный союз с их демонической дочерью.

- Тише!.. Нас легко может услышать кто-нибудь из людей, а мы можем доверять только одному Вильяму Бэмптому, — заметил рыцарь солнца. - Положим, все они - честные ребята и англичане до мозга костей, но они и понятия не имеют о коварстве этой страны и обманчивое здешнее вино часто принимают за честное пиво.
- Тогда, монсиньор, простите, я хотел сказать, достопочтимый брат, хотелось бы мне знать, что заставляет вас ехать в Рим? Ведь, кто боится волка, тому нечего прятаться в его логовище! — начал снова Бембо.
- Если вообще для Борджиа есть что-нибудь святое, так это будет предстоящий христианский праздник, — возразил иоаннит. — В бесчисленном множестве паломников наше прибытие останется незамеченным, и, в то время как город будет находиться в их руках, они не допустят такого вопиющего преступления, как оскорбление одного из своих товарищей. Но, — с возрастающей горячностью прибавил он, — никто не знает лучше тебя, Пиетро, что влечет меня в Рим. С тех пор, как мой отец настолько ослеплен заботами

и политикой, что не хочет верить ужасным историям об этой современной Гарпии, Лукреции Борджиа, и желает женить меня на ней, я поклялся собственными глазами увидеть правду; а если он и тогда будет настаивать на своем решении, я дам обет безбрачия, с полным сознанием навсегда облекусь в это святое одеяние и остаток своих дней посвящу борьбе за освобождение святого гроба Господня.

- Ваш брат, монсиньор Ипполит, был бы очень опечален, ус-

лышав такие речи, — с улыбкой заметил священник.

— Я ничего не могу возразить на твои слова, дорогой соратник, — серьезно сказал английский рыцарь. — Мне кажется, если не грешно говорить так, что и меня не особенно привлекала бы честь близкого родства с папой, хотя мой род и ниже твоего, несмотря на то, что мы с тобой — двоюродные братья со стороны матери, королевы Маргариты.

— Но поступки этой Лукреции!.. Особенно их я имею в виду! —

с возрастающей горячностью проговорил иоаннит.

— Смотрите, пожалуйста, какую убогую мудрость приносят с собой седые волосы! — со смехом воскликнул Бембо. — Ваш батюшка, мудрый герцог Эрколе, дал свое согласие на план вашей милости в надежде, что вы вернетесь сторонником его собственных упований.

— Да, ваш поэт Ариосто *, сочиняющий сказки, рассказывает такие чудеса о красоте этой женщины, словно она троянская Елена, — улыбаясь и краснея, но с презрительным видом возразил иоаннит. — Вы, поэты, Бембо, видите только внешность и под розовым кустом не подозреваете змеи. Но если Лукреция Борджиа и прекрасна, как Венера, все же у нее слишком много дурных качеств этой порочной богини, чтобы внушить моему сердцу иные чувства, кроме презрения и ненависти. Женщина, которой я подарю свою любовь, сир Реджинальд, должна быть чиста как по своим поступкам, так и по имени, с душой такой же чистой, как вот та снеговая вершина, соединяющая свою чистоту с небесной непорочностью!

— Помилуй Бог! Тогда вам нечего искать этого в Италии, — ответил ему Лебофор с многозначительной усмешкой, надвигая набекрень свою шапочку, — по крайней мере сколько я знаю по опыту.

- Да, так оно и есть, Лебофор! Вечные войны, театром которых вы, варвары, делаете Италию, постепенно развращают благородный характер этой некогда геройской страны, с глубоким вздохом сказал иоаннит.
- Где же, по-вашему, должен искать себе монсиньор жену, с неудовольствием спросил Бембо, предположив, конечно, что он только на время возложил на себя эти священно-рыцарские одежды?

[•] Ариосто — известный итальянский поэт, автор рыцарского романа в стихах "Неистовый Роланд"; он родился в 1474 году и какое-то время жил при дворе феррарского герцога Эрколе д'Эсте, сын которого, описываемый здесь принц Альфонсо, женился затем на Лукреции Борджиа, дочери папы Александра VI.

- Я достаточно долго пробыл у него в Италии, пускай он вернется со мной в Англию! — с воодушевлением воскликнул юный английский рыцарь. — Так он найдет девушек, неизмеримо более красивых, чем ваши женщины, обожженные солнцем, и чистых, как те жемчужины, которые они вплетают себе в косы.
- Бесцветные духи не в моем вкусе, возразил Бембо.
 Бесцветные! Эх, если бы вы увидели мою дорогую кузину Алису, вы не то сказали бы! — воскликнул юноша. — Ее шечки так же румяны, как лепестки алой розы, и я так горячо любил ее, что меня из-за этого отправили в эти итальянские битвы. Ведь Алиса была предназначена для моего брата Генриха; но с тех пор, как он погиб от какого-то шотландского копья, меня просят возвратиться на родину, как будто не могут жить без меня. Пресвятая Дева да спасет душу Генриха, он сделал меня таким богатым наследником. каким я никогла не смел мечтать.
- Аминь! заключил священник и перекрестился. Но вы все-таки не должны так резко выражаться о смуглых итальянках, если хотите получить разрешение на брак со своей кузиной, которая была обручена с вашим братом; ведь, говорят, женщины в Риме имеют большое влияние.
- Это не больше чем выдумки пилигримов, ответил Лебофор, слегка пришпоривая коня. — Но ваш замок, мессир Бембо, во всех отношениях, кажется, — воздушный замок!
- Но Лукреция Борджиа блондинка, не брюнетка, задумчиво проговорил иоаннит, не обращая внимания на последнее замечание.
- Герцог, ваш батюшка, всегда слыл за мудрого человека, хитро заметил Бембо. — Я часто слышал, что сама златокудрая богиня Венера не была прекраснее в тот день, когда вышла из моря, а волны при виде ее красоты покраснели от восторга и радости.
- У вас сегодня поэтическое настроение, Пиетро, печально промолвил иоаннит, — но надо обладать большой находчивостью, чтобы приписать Лукреции Борджиа хорошие качества.
- Клянусь цветком дрока, ни про одну невесту я не слыхал столько дурного, сколько про нее! - смеясь, воскликнул рыцарь Реджинальд.
- Да, невеста! Ведь я уже пятый жених, которого эта дама осчастливит своим скоропалительным расположением или, лучше сказать, своей особой, — с иронической усмешкой заметил иоаннит.
- Нет, монсиньор, рыцарь и последователь святого Августина не должен так говорить, — возразил Бембо. — При первых двух помолвках Лукреция была еще ребенком, и я сомневаюсь, видела ли она даже своих женихов, так как была еще в монастыре; но вдруг ее отец нарушил договоры с первыми двумя женихами — богатыми испанскими грандами, найдя их несовместимыми со своим новым положением. Со следующим женихом, Джованни Сфорцой, дело об-

стояло лучше: его святейшество выдал донну Лукрецию, свою дочь, замуж за него, но затем между ними произошла ссора — говорят, это нужно было его святейшеству, папе Александру, — и разрыв был торжественно засвидетельствован и утвержден беспартийным судом. Что касается четвертого жениха — принца Альфонсо Бишельи, герцога Салернского, — то он, бедняга, недолго пользовался своим счастьем после свадьбы с очаровательной соперницей богини Венеры.

— Убит, убит изменнически, и — кто знает, — может быть, даже с согласия Лукреции! — сказал иоаннит. — Во всяком случае в Риме не без основания называют ее роковой невестой. И думать, что я соглашусь стать ее пятым женихом? Вот вам образец благодарности Борджиа! Второй жених был сыном кастильского рыцаря, спасшего в битве с маврами жизнь Александру, когда он еще был воином! Однако, не удовольствовавшись позорным разрывом, этот Александр заставит еще старика погубить сына, сделав из него монаха. Третий, — страстно продолжал иоаннит, — опозоренный, разоренный изгнанник; четвертый — замучен и задушен! Нет, избавьте меня от такого счастья!

— Но разве несчастная женщина не может быть сама не виновна

во всех этих ужасах? — строго спросил Бембо.

— Странные слова Понтано глубоко запали мне в душу! — ответил иоаннит. — Они были в устах мертвой головы, которую мне подали в золотом кубке в тот день, когда мой отец принимал послов Цезаря, явившихся с предложением этого проклятого брачного союза между мною, Альфонсо д'Эсте, и страшной Гарпией — Лукрецией Борджиа.

И глухим голосом, с задумчивым выражением он продекламировал следующее двустишие, предназначенное главным образом для того, чтобы передать потомству отвращение к самому племени Лукреции Борджиа:

Lucretia nomie, sed re Thais, Alexandri filia, sponsa, nurus*.

Ш

Какое-то время продолжалось тягостное молчание, пока наконец его не нарушил Бембо.

— Даже святых на небесах не щадит клевета, — медленно произнес он. — Ради чего же стал бы избегать ее лживый неаполитанский поэт, который ради эпиграммы и для того, чтобы придать ей большую резкость, готов про дьявола сказать хуже, чем он того заслуживает, или даже про себя самого.

^{* &}quot;Лукреция по имени, но в действительности Таис, Александра дочь, супруга, невестка". (Таис — александрийская блудница; Александр — папа Александр VI). Здесь страшное обвинение Лукреции в том, что, будучи дочерью папы Александра (Родериго Борджиа), она вместе с тем была его супругой и состояла в незаконной связи с братом Джиованни, что вызывало зависть Цезаря, героя настоящего романа.

- Клевета даже не пощадила такого почтенного мужа, как мессир Пиетро Бембо, — с веселым смехом промолвил английский рыцарь. — Но, черт возьми, мессир Бембо, мне сдается, что ваш замок принадлежит фее Морган и так же поглощен скалами, как ее замки поглошаются волнами.
- Здесь, на самой вершине, некогда стоял прекрасный замок, какой только могли создать природа и искусство, — ответил священник, с удивлением озираясь вокруг.

Три предводителя достигли теперь возвышенного плато, находившегося на вершине громадной скалы. Солдаты, поднимавшиеся за ними на усталых лошадях, исчезли из виду, и амфитеатр лесов, громоздившихся на противоположных горах благодаря обманчивой перспективе казался от них всего в нескольких шагах. Перед путниками темными рядами спускались вниз густо заросшие по краям соснами и дубами синеватые скалы, превращаясь внизу в две высокие стены, среди которых протекал горный поток. Шум его ясно доносился снизу, но самого его нельзя было разглядеть во мраке пропасти.

— Вот здесь, пожалуй, на этом месте, стоял замок Джакобо Савелли! — воскликнул Бембо. — Мне помнится, что эти скалы в своих мечтах я часто принимал за зубцы могущественной крепости.

— И теперь еще заметны следы стен, — сказал иоаннит, — а на полуразрушенном зубце еще осталась сторожевая башня. Опустошитель прекрасно выполнил свою задачу — это похоже на руины, оставшиеся в наследие от римлян.

Иоаннит пришпорил свою лошадь, но Реджинальд внезапно схватил ее за узду, воскликнув при этом:

- Пресвятая Дева! Разве вы не видите высокой травы, монсиньор? Это глубокие пропасти в почве.
- Вы правы! с испугом ответил рыцарь. Благодарю вас, брат Реджинальд. Крепость разрушена пороховыми подкопами, и вследствие этого здесь разверзлись пропасти.
- Кажется ли мне или на самом деле это так, но как будто на той красноватой скале я вижу какую-то надпись! сказал Бембо, указывая на самую высокую скалу, поднимавшуюся над безднами.
- Надпись латинская, но и на этом расстоянии ее легко можно разобрать, промолвил иоаннит. В Италии шагу нельзя сделать, чтобы не натолкнуться на следы этого разрушительного зверя Цезаря Борджиа: "Aut Caesar aut nihil"* вот его девиз. Но что это там? Ведь это следы более близкого сражения, чем эти заросшие травой развалины.

С этими словами он указал копьем на какой-то предмет у подножия скалы. Там лежал труп, судя по вооружению — солдат.

— Может быть, он только спит, давайте позовем его, — сказал

^{*&}quot;Или Цезарь, или ничто!"

священник и испуганным голосом закричал: — Во имя всего святого, отвечайте, друг, кто вы?

- Если он спит, то выбрал для этого очень опасное место, заметил иоаннит. Защищать путешествующих одна из обязанностей ордена, к которому я принадлежу. Я разбужу ero! и, с привычной легкостью соскочив с коня, он бросил повода Бембо, который так дрожал от страха, что едва мог удержать их.
- Нет, брат, в таком случае у вас должен быть спутник; эти горы населены бандитами, и это может быть просто ловушка, проговорил рыцарь солнца, также спрыгивая с коня и догоняя иоаннита.

Тогда священник, предоставив своего мула и лошадей самим себе, точно так же слез с мула и направился вслед за рыцарями, копья которых сверкали вдалеке. Пробиваясь по дороге сквозь густой кустарник, проваливаясь в ямы, полные болотной воды, он понял, как замок почти совсем исчез. Большая часть его, разрушенная взрывом, сорвалась в пропасть, развалины же были скрыты роскошной растительностью. Спеша соединиться со своими спутниками, спотыкаясь на каждом шагу, он с ужасом заметил под высокими дубами фигуры, неподвижность которых, а также окровавленное платье и вооружение указывали, что это трупы.

Стараясь по возможности не смотреть на это ужасное зрелище, он добрался наконец до рыцарей, стоявших у подножия утеса, на котором была вышеупомянутая надпись. Почти под ней лежал труп, привлекший их внимание. Он был настолько изъеден волками и воронами, что от лица и не защищенных оружием частей тела ничего не осталось.

- Может быть, хоть это-то не дело рук Цезаря, промолвил английский рыцарь. Вот здесь следы костра и остатки жареного козленка; вероятно, это путешественники, ограбленные бандитами.
- О, прочь отсюда! воскликнул Бембо, набожно перекрестившись. — От этих негодяев и сама Пресвятая Дева не защитит нас!
- Можем ли мы быть уверены, что это не дело рук Цезаря? задумчиво произнес иоаннит. Видите знак не шлеме у этого несчастного? Видите медведя, мессир Бембо, герб Орсини, столь ненавистных ему?
- Этот Цезарь Борджиа настоящий дьявол, да простится мне, что я произношу его нечистое имя; смотрите, кто это сидит там? воскликнул Бембо, указывая на расщелину в скале и то бледнея, то багровея от ужаса.

Там сидел ворон, почти седой от старости, и, казалось, с ненавистью смотрел на пришельцев, нарушивших его покой.

— Еще раз, уйдемте отсюда, ради Бога! — снова начал священник. — Ночь надвигается, и, если мы не найдем вскоре пристанища, нас застигнет туман, и мы провалимся в пропасть, так что и костей не собрать. Сколько я помню, неподалеку отсюда находится

монастырь, который Борджиа никогда не разрушит, так как это владение святого престола. Там мы по крайней мере найдем себе кров; что же до еды, то многого я не могу обещать, так как в монастыре очень строго соблюдают суровые правила ордена.

— А кто-нибудь из добрых иноков, может быть, похоронит этих бедняг, — сказал Реджинальд. — Пойдемте, мессир Бембо: мы ни-

чем не можем помочь мертвецам.

Иоаннит молча кивнул головой, и они вернулись туда, где Бембо оставил коней. Животные спокойно щипали траву. В стороне, взобравшись на высокий холм, стоял Вильям Бемптон и изумленно озирался вокруг в поисках исчезнувших спутников. Отряд расположился на привале, образовав живописную группу.

Вслед затем все под предводительством Бембо стали спускаться по крутому склону. По уверению Пиетро, дорога вела на дно пропасти к горному потоку, течение которого, как он надеялся, могло указать им дорогу к монастырю, стоявшему на берегу. Вскоре все всадники из опасения сорваться в пропасть, вынуждены были слезть с коней и вести их на поводу. Один лишь Бембо остался сидеть на своем муле, больше доверяя его ногам, чем своим.

Опасность увеличилась, когда путников стал постепенно заволакивать густой туман; но все ясней и ясней доносившийся до них шум горного потока убеждал, что они на верном пути. Наконец они достигли узкого ущелья, разделенного горным ручьем. Узким проходом ущелье выходило на реку, значительно замкнутую с обеих сторон высокими скалами вулканического происхождения. Теснимая скалами река неслась бурным потоком, грозно шумя и пенясь.

Бембо был немало смущен, так как не мог решить, находился ли монастырь выше или ниже впадения ручья в реку. Но, припомнив, что невдалеке от монастыря, повыше его, река образовала водопад, иоаннит предложил следовать по ее течению, чтобы убедиться, находятся ли они выше или ниже водопада.

Отряду был отдан приказ остановиться, а Бембо и оба рыцаря направились вдоль реки. Реджинальд взял рог Бемптона, и лишь по его сигналу усталые воины должны были последовать за ним. Так как дорога была усеяна обломками скал, они пустили лошадей вброд и медленно подвигались по воде около берега.

- Эти ущелья убежища драконов, сторожащих скрытые сокровища, — со смехом заметил Бембо, стараясь как можно ближе держаться к иоанниту. — Но, несмотря на то что я нахожусь в обществе двух таких благородных рыцарей, мне было бы очень неприятно, если бы откуда-нибудь вдруг показалась голова такого чудовища.
- Сир Реджинальд рассчитывает выдержать первое нападение. Смотрите, как он пришпоривает свою лошадь! заметил иоаннит. Но что это такое? Поистине, это кажется сверкающей спиной дракона, преграждающей нам путь.

— Мадонна! Ведь это начало водопада! Эй, рыцарь! Его шум заглушает мой голос, а крепкоголовый варвар, знай, погоняет своего коня! — с ужасом воскликнул Бембо. — Его разобьет о камни, так как вода падает с такой высоты, что по пути превращается в пыль.

Но иоаннит слышал только первые слова этого предостережения. Дав шпоры коню, он пустился на помощь товарищу по оружию. Отъехав немного, он заметил, что вовсе не безрассудная настороженность Реджинальда, как казалось со стороны, была причиной его опасного положения. Его лошадь, испугавшись гула водопада, пришла в бешенство и выбивалась из сил, стараясь вырваться на свободу; при этом она попала в такое место, где спокойное течение реки указывало на ее ужасную глубину. Усилия всадника успокоить обезумевшее животное были тщетны, очевидная же опасность погрузиться под тяжестью доспехов в волны мешала ему соскочить с коня. Гибель его казалась неизбежной. Вдруг неизвестно откуда, словно посланный свыше, в реку бросился высокий монах в одежде доминиканца, с невероятной силой схватил лошадь за голову, отбросил ее назад и после краткой борьбы принудил остановиться.

IV

- Слава Пресвятой Деве! Благодарю, добрый отче! Фу, можно ли оставаться монахом, имея такую тяжелую руку! воскликнул молодой рыцарь, дыша полной грудью. Должно быть, моя прелестная кузина молилась за меня, что ты явился как раз вовремя.
- Ваша лошадь, рыцарь, удивительно умное животное: она чует надвигающуюся опасность, резко оборвал его монах. Шторм, шторм! Крикните вашим спутникам, чтобы они укрылись под скалами с этой стороны.

Как ни странным было это предостережение, однако Лебофор внял повелительному тону монаха и повиновался, как будто действительно уяснил себе надвигающуюся опасность, и громким голосом и жестами указал друзьям выбираться из реки и следовать за ним к прибрежным скалам. Едва они успели воспользоваться его советом, как разразился страшный ураган. Всадники остолбенели от изумления; в том месте, где они находились, была почти полнейшая тишина, между тем как на левой стороне реки ветер с ужасающей силой вздымал громадные волны. Если бы они попали в этот бушующий поток, то неминуемо были бы увлечены в пропасть. Туман на мгновение рассеялся, и глазам путников на полпути, посредине ущелья, предстал разыскиваемый ими монастырь. Стена, тянувшаяся по краю утесов, да две древние серые башни — вот все, что можно было рассмотреть в тумане. Пониже монастыря, на противоположных скалах, находился открытый мост, без перил, представлявший, по-видимому, единственный доступ к монастырю.

 Пройдет несколько часов, и этот ветер будет гулять по морю, — проговорил доминиканец.

- Не сам ли сатана с полчищем ведьм пронесся сейчас мимо нас? произнес изумленный Лебофор. Но скажите, пожалуйста, отче, откуда у вас редкий дар предвидеть такой страшный ураган?
- Ничего подобного! Я обратил внимание на вашу лошадь, а ведь известно, что животные чуют приближение урагана, резко ответил монах.
- Во всяком случае, я ваш должник и, прошу вас, примите эту золотую цепь как подарок от Реджинальда Лебофора. Не бойтесь, она не добыча какого-нибудь грабежа, а награда благородного герцога Феррары, которую я получил в тот день, когда его сын и я в Коссамброне в ожесточенной битве с чужестранцами захватили их позиции. Почему же вы не хотите принять ее?
- Я смиренный доминиканец, ответил монах, указывая на свое белое одеяние. Но в этой пустыне обитают картезианцы; пожертвуйте свой подарок их святыням. Правда, мою грязную рясу вам нетрудно принять за коричневую. Вы говорите от герцога Феррары? Мне сдается, что ваш итальянский выговор отдает холодным севером. Вы, наверное, из Франции?
- Святой Георгий да сохранит меня от этих негодяев, бегущих при звуке английской трубы, как будто это труба Роланда! воскликнул Лебофор. Я англичанин. Эти господа мои друзья, они храбрые итальянские рыцари и состоят на службе у герцога Феррарского.

— Как? Да ведь один из них — мрачный иоаннит, другой же — свяшенник! — воскликнул монах.

— Действительно, я забыл про это, голова у меня пошла совсем кругом, — в смущении пробормотал рыцарь.

Бембо, тщетно пытавшийся несколько раз прервать их разговор, хотя за шумом потока плохо разбирал, о чем они говорили, поспешил

к нему на выручку.

— Святой подвиг влечет всех нас на великие юбилейные празднества, — сказал он. — Но, мне кажется, мы или умрем с голоду, или падем от усталости, или будем убиты разбойниками, если какая-нибудь христианская душа не сжалится над нами и не укажет нам пристанища.

Капюшон духовного рыцаря во время поспешного бегства упал с его головы, и доминиканец, казалось с особенным вниманием наблюдал его, между тем как его собственное лицо было совсем скрыто его монашеским куколем.

— Я постараюсь сделать все, что можно, брат мой, так как сам ищу того же, — ответил монах. — Тем более, что мне показалось, что, несмотря на духовное одеяние, передо мною сам принц Феррарский в одежде иоаннита — ведь известно, что монсиньор Альфонсо д'Эсте выехал из родной Феррары.

- О, в Италии немало людей, очень похожих на доброго герцога Эрколе, и я никогда не слыхал, чтобы он был врагом прекрасного пола, поспешно перебил его Бембо. Но как нам попасть в тот монастырь? Мы уже разыскивали один замок, где рассчитывали хорошо поужинать, но "человек предполагает, а Бог располагает", говорит пословица.
- В этих скалах я искал тропинку, которая привела бы меня в долину ниже горного потока, где находится монастырь, как вдруг услыхал ржание ваших коней. Но есть более верная поговорка, чем ваша: "что Бог ни делает все к лучшему". Да великому несчастью одного благородного человека обязаны вы тем, что я явился сюда, чтобы служить вам проводником.

Что случилось? Говорите! — нетерпеливо воскликнул Бембо.

— Я приношу известие, которое вызовет в Риме всеобщую скорбь, — ответил монах. — Благородный господин из фамилии Орсини, с небольшой свитой ехавший здесь с тайным посланием от союзного рыцарства к нашему святому отцу, захвачен разбойниками, свита же его убита. Возвращаясь вчера вечером из Лоретто, я также подвергся нападению той же самой банды, и она вынуждала меня дать ей отпущение грехов.

— И вы отказали им? — прервал с испугом Бембо.

— Да, — хладнокровно ответил монах, — несмотря на то, что они угрожали на медленном огне поджаривать мои пятки. Увидев, что я непоколебим, они предложили мне свободу с условием, чтобы я отправился в Рим и потребовал за их пленника выкуп в десять тысяч золотых крон. Я отказался. Тогда они завязали мне глаза и провели меня в одну из только им известных пещер, где они держат Орсини. Он прикован к скале, в которой изваяно гигантское распятие. Показав мне его издали, предводитель разбойников или дезертиров, — право не знаю, кем их считать, — дал мне торжественное обещание, что несчастный пленник до тех пор не получит ни пищи, ни питья, пока к нему не явится с выкупом посланный, но непременно один.

Безбожно и бесчеловечно! — воскликнул Бембо.

- Поэтому, брат, мой, мы не должны терять ни одной минуты! сказал иоаннит.
- Они только недавно освободили меня, после того как я тщетно пытался пробудить в них чувство милосердия, продолжал монах. Кроме того, я уже говорил вам, что не могу найти дорогу в долину.

— Не можете ли отвести нас на то место, где бандиты ждут выкупа? У меня найдется кое-что в моем кошельке, — сказал Лебофор.

— Ваши предки часто сражались против сильнейшего врага, это правда, — ответил монах, — но нельзя биться одному против сорока.

- О, нас здесь гораздо больше! воскликнул Лебофор. Стоит мне только затрубить в рог, как немедленно появятся двадцать славных молодцов, которые так долго были заключены в железо, что сами сделались железными.
- Все будет тшетно: разбойники знают в горах каждую тропинку. и при вашем приближении могут убить пленника, — сказал доминиканец. — Но у меня родилась счастливая мысль. По какой дороге меня вели в пещеру, я не знаю; в горах разбойники завязали мне глаза, а когда позволили снять повязку, я находился в скалистом ушелье, откуда мог видеть всю пещеру. На одном конце я заметил в скалах отверстие и пенящиеся волны, врывающиеся каждую минуту, и их ужасный шум заставил меня полумать, что пещера находится под водопадом. Кроме того, и распятие пробудило во мне подозрение. Один ученик святого Бруно, основавшего в этих горах монастырь своего ордена, был отшельником и жил в пещере, над которой низвергался этот горный поток. Своими руками он вырубил в твердой скале распятие, и это творение было присчитано к тем добрым делам, ради которых церковь причислила его к лику святых. Однажды ночью отшельник умер в одиночестве в своей пещере, и, когда пришли картезианцы хоронить его, его тело исчезло и небесное благоухание разносилось вокруг, как будто здесь были ангелы. Пешера привлекала к себе многочисленных паломников, но так как в нее не знали другого входа, кроме как через водопад, то при безумной попытке проникнуть в нее гибло так много людей, что в конце концов это паломничество было запрещено папской буллой. Но, по моему убеждению, в пещеру несомненно ведет еще какой-нибудь другой вход, который картезианцы, вероятно, скрыли, так как распространился слух, что святой подвижник был убит из-за своей чрезмерной строгости. Так очень вероятно, что разбойники случайно открыли этот ход.

— Поистине это чудесная история, — заметил слегка насмешливо Бембо. — Но при таких обстоятельствах я посоветовал бы вам

ускорить свой путь в Рим.

— У Орсини имеются веские основания хранить свои сокровища вдали от Рима, и я сомневаюсь, чтобы даже в этом случае, когда дело идет о спасении наследника этой богатой фамилии, они могли достать необходимые десять тысяч крон где-нибудь ближе Венеции. Таким образом, это спасение может явиться слишком поздно, ибо трудно рассчитывать, что разбойники будут ждать слишком долго, — ответил монах, не сводя испытующего взора с иоаннита.

— Наследник Орсини! Как? Это сам синьор Паоло? — с видимым участием воскликнул иоаннит и более холодным тоном прибавил: — О, но так как Борджиа избрали его своим зятем, то презренные дукаты несомненно будут присланы из Ватикана, хотя бы вся сумма

была в десять раз больше.

Монах рассмеялся, но это была мрачная усмешка без малейшего следа веселости.

- Известно, какую замечательную любовь высказывали Борджиа до сих пор к своим зятьям, проговорил он, и я не вижу, почему они должны быть менее нежны к тому, кто, кроме всего, является опорой их врагов и чья хитрость пытается спорить с их коварством.
- Скажите нам ясно и понятно, чего вы хотите? смущенно воскликнул Бембо.
- Кроме того, герцог Валентино в Фаэнце, где он еще продолжает осаду, а папа уже далеко не так упрям и тверд, как был раньше, и ничего не делает без совета, ответил монах, видимо, стараясь избежать прямого ответа.
- Разве дон Ремиро, лейтенант Цезаря, этот волк справедливости, почти уничтоживший черные банды, не находится сейчас в Романье? спросил иоаннит. Там, где он находится, постоянно текут широкие потоки крови, и нетрудно найти его след.
- Сила была бы бесполезна, разбойники исчезнут и унесут свою тайну с собой, возразил доминиканец. Между тем там, внизу, в ужасной пещере Паоло борется со смертью, страдая от холода, ужаса и голода. Но я не удивляюсь, что друзья герцога Феррарского готовы дать погибнуть даже таким ужасным образом сопернику его сына.
- Клянусь слезами Пресвятой Девы, политыми ею у креста Господня, я не покину этих гор, пока не освобожу Паоло Орсини! с внезапным пылом воскликнул благородный иоаннит.
- А так как мы плоть и кровь рыцарства, то я не оставлю вас, пока не окончим этого предприятия, ответил Лебофор и затрубил в рог, но в эту же минуту с ними поравнялся усталый отряд.
- Это грешное и языческое искушение Провидения, безбожный обет, от которого я разрешаю вас обоих, озабоченно воскликнул Бембо.

Однако оба рыцаря, не обращая внимания на его разрешение, просили доминиканца постараться припомнить, не знает ли он какойнибудь тропинки, по которой они могли бы найти ход в пещеру. Монах только печально покачал головой.

- Ну, тогда мы воспользуемся путем святого и пройдем через водопад, сказал храбрый англичанин.
- Может, быть картезианцы облегчать вам каким-нибудь путем вашу задачу, так как вскарабкаться по водяному столбу невозможное дело, возразил доминиканец. Но наступает ночь, и вам необходимы факелы. Кроме того, вам надо снять свои доспехи, так как, чтобы перебраться через эти бездонные пропасти, где каждый неверный шаг грозит гибелью, нужны гибкость змеи и ловкость кошки. Поэтому попытаемся сначала разыскать дорогу в монастырь.

Солнце теперь уже почти зашло, и тени гор стали длиннее. Когда путники под предводительством монаха достигли вершины, они увидели, что дорога идет в лес, покрывающий склоны гор. Отсюда тропинка вела мимо ряда утесов над потоком, заканчиваясь образовавшейся в скале площадкой, от которой был перекинут мост. Переход через мост, не имевший перил, дрожавший от грома водопада и недостаточно широкий для одного пешехода, был, по-видимому, невозможен для всадника. Но Лебофор тотчас же дал шпоры коню и вскачь помчался на мост. Переправившись на противоположные скалы, он победоносно махнул рукой. Иоаннит последовал за ним, поразив еще большим хладнокровием, так как на середине моста он приостановил коня и спокойно взглянул на водопад. Вода огромными массами низвергалась на самую высокую группу скал, ниспадала с них на утесы, превращаясь в море пены, и текла дальше сотнями потоков, которые в свою очередь разбивались о скалы. Под выдающимися скалами второго водопада темные впадины указывали вход в пещеру; но внимание иоаннита было приковано странным светом. как будто падавшим на бурный поток от горевшего в пещере огня. В следующее мгновение свет снова исчез, и рыцарь не знал, была ли это игра воображения или своеобразное явление, встречавшееся в этой вулканической местности.

Его раздумье прервал Бембо, закричавший ему, чтобы он освободил путь, так, как, несмотря на смертельный ужас, он видел, что, кроме этого, другого пути нет. Его мул твердой поступью вошел на мост, между тем как сам священник, чтобы поддержать равновесие, протянул руки. Из чувства ли подражания или по какому-нибудь другому поводу мул остановился посередине моста и не двигался с места, пока наконец ехавший сзади Вильям Бемптон не ударил упрямое животное своим копьем. Тогда мул, задрав хвост и закричав от боли, медленно двинулся вперед. Таким образом они перебрались на другую сторону, причем Бембо не переставал креститься. Всадники друг за другом следовали за ними.

Доминиканец шел позади всех, и так как сумерки уже превратились в ночь, то рыцари с некоторым нетерпением ждали его перехода. Иоаннит и Лебофор видели, как он дошел до середины, но и он остановился здесь, словно пораженный каким-то видением, и указал им на него. Рыцари взглянули по указанному им направлению и снова увидели, как водопад осветился таинственным блеском. Когда они обернулись, монах исчез.

Все говорили, что мост он не перешел, и никто не заметил, чтобы он вернулся или упал в пропасть. Озадаченные рыцари соскочили с коней и возвратились по мосту на другую сторону, разыскивая своего проводника, но его и след простыл. На их громкий призыв отвечал лишь немолчный шум водопада. Если монах упал в пропасть,

он неминуемо должен был разбиться, и тогда его искалеченное тело унес с собой бурный поток. Но темная бездна ревниво хранила свои тайны, и единственное утешение, остававшееся еще рыцарям, заключалось в том, что монах, испугавшись вызванного им предприятия и не желая лично участвовать в нем, поспешил спастись бегством. Все чувствовали при этом некоторый суеверный ужас, но никто не хотел сознаться в этом.

Погруженные в мрачные мысли по поводу своего приключения, путники выбрались наконец снова на дорогу и под заунывный звон колокола, призывавшего к вечерне, достигли ворот картезианского монастыря. У ворот висел металлический рог, и Лебофор затрубил в него.

Спустя некоторое время заскрипели тяжелые засовы, и перед путешественниками появился старый монах в коричневой рясе картезианца с деревянным крестом на веревке, служившей ему вместо пояса. На просъбу рыцарей о крове он молча указал рукой по на-

правлению монастыря.

Узенькая дорога привела путников к еще более узкой опускной решетке, над которой возвышался монастырь, раскинувшийся между утесов и частью даже вырубленный в них. Рыцари копьями постучали в ворота, и тотчас же в окне башни над опускной решеткой показался монах; он сперва внимательно оглядел паломников и только после этого поднял воротам решетку. Тогда всадники очутились на длинном, узком дворе, вырубленном в скалах, где по обе стороны находились искусно сделанные углубления, предназначавшиеся, очевидно, служить стойлами для лошадей паломников. Едва только рыцари въехали во двор, как решетка сразу же опустилась, и вслед затем сошел с башни привратник.

Он очень вежливо приветствовал путников и выразил сожаление, что не может предложить им больших удобств, так как лучшие помещения заняты большим отрядом, сопровождавшим флорентийского посла в Рим. Настоятель, по его словам, находился сейчас у вечерни, по окончании же службы придет приветствовать путников. Затем он указал на еще не занятые стойла, рассказал, где найти солому для лошадей, и пригласил посетителей следовать за ним, после чего привел их в трапезную.

Здесь путешественники встретили общество, с которым им пришлось разделить гостеприимство альпийских монахов. Несколько длиннобородых молчаливых картезианцев были заняты угощением своих гостей; за каменным столом сидело около тридцати человек, на столе были поставлены ячменный хлеб, сыр, молоко, яйца. Около каждого сидевшего лежало копье, почти вдвое длиннее его. Вооружение у всех было солидно и богато. Их шлемы были украшены орлами с распростертыми крыльями и устремленным на солнце взглядом. Круглый щит с острием посредине, короткий меч и тяжелая булава дополняли их вооружение.

По девизу Цезаря Борджиа, окружавшему на мантиях сидевших герб церкви, иоаннит и его спутники угадали, что перед ними часть страшной гвардии, известной всей Италии своей храбростью и жестокостью. Этот отряд Цезарь составил из людей различных национальностей, сражавшихся в Италии, и выбирал преимущественно таких, кого за жестокость и преступления выбрасывали из рядов этой ужасной армии и дикие неукротимые страсти которых он один могусмирить. Поэтому среди них можно было видеть лица всех цветов, от черных мавров до белокурых немцев, но все отличались своим ростом и силой.

В кресле, предназначавшемся обыкновенно для настоятеля, сидел человек, которому эта отчаянная гвардия служила свитой. Он был во цвете лет, высокого роста, немного худощав, с резкими, но приятными чертами лица, выдававшими его итальянское происхождение. Его брови, словно от частого размышления, были как-то странно загнуты книзу, вокруг закрытого рта лежало страдальческое выражение, но, когда черты его лица и глаза просыпались от своего задумчивого покоя, они светились насмешливым, живым блеском, и его улыбка заражала своей веселостью.

Казалось, он забавлялся прыжками и гримасами одного из тех несчастных существ, вся обязанность которых состоит в том, чтобы веселить своих повелителей неожиданными выходками своего полураз-

рушенного ума.

Тем не менее этот дурак или шут был, очевидно, не обыкновенным представителем своего полоумного братства. Несмотря на пестрый шутовской наряд, вся его фигура отличалась удивительным изяществом и гибкостью; будучи среднего роста и не поражая выдающейся силой, он тем не менее заставил бы призадуматься любого борца, который пожелал бы схватиться с ним — настолько его движения были ловки и быстры. Черты его лица, сколько можно было рассмотреть под румянами и белилами, были тонки и почти женственно нежны. Его рот можно было бы назвать прекрасным, если бы в состоянии покоя он не отличался хотя едва заметным, но неприятным кровожадным выражением. Однако самым замечательным были его глаза; они необыкновенно глубоко лежали под крутыми бровями и по своему блеску и постоянной изменчивости цвета были подобны бриллиантам. Этот шут играл или, вернее, дразнил двух огромных породистых собак, угрозами и ласками заставляя их громадными лапами доставать из горячей золы печеные каштаны, и был настолько увлечен этой опасной игрой, что почти не заметил прибытия новых гостей. Наконец звон оружия пробудил его, и лишь только он заметил рыцарей, как поднялся с места и поклонился им. Он бросил на них бессмысленный взгляд, затем тряхнул своими рыжими упрямыми вихрами, как будто пришельцы нисколько не заинтересовали его, и снова занялся собаками.

— Неужели мне действительно выпало на долю счастье встретить на моем трудном пути высокочтимого Макиавелли * из Флоренции? — воскликнул Бембо.

Он произнес это таким тоном, который далеко не соответствовал его речи, но он видел, что ему не оставалось иного выхода, так как

посланник сразу узнал его.

— А если он вашему преподобию не нравится, нам стоит только послать за другим, — заметил шут, выразительным жестом указывая вниз, но затем разразился бессмысленным смехом и ударил ко-

чергой по угольям.

- Кого ты подразумеваешь? Дьявола или Цезаря Борджиа? расхохотался посланник. Но неужели я действительно вижу перед собой отражение Парнаса, квинтэссенцию учености и остроумия, Геркулеса богословия, в лице мессира Бембо из Феррары? промолвил он с легким оттенком иронии. Поистине, не будь мне никакой иной награды за мое путешествие через Апеннины, с меня было бы довольно одной этой встречи. Но ваша партия, дорогой Пиетро, вовсе не в таком фаворе в Риме, чтобы ваше паломничество туда могло быть слишком успешно.
- Я направляюсь туда, синьор, вовсе не для того, чтобы получить какие-либо милости, сумрачно возразил священник. Кроме того, вера и добрые дела не совсем еще вышли из моды, чтобы считать мое паломничество в Рим с этими благородными рыцарями таким большим чудом. Но почему тайный секретарь Флорентийской республики идет во вражескую столицу?

— Республика не требует обратно Медичей, и так как все остальные из вас заключают с церковью мир, то мы не видим, для чего мы должны быть настолько безумны, чтобы сражаться одним, — ответил посланник. — И вот, чтобы известить о таком решении святого отца, республика отправила к нему прямого человека. Но что

нового на севере?

— Я не знаю ничего, кроме того, что еду в Рим только ради своих прегрешений, безо всякого поручения, так как я должен был бы найти случай принести извинение по поводу неотложного путешествия во Францию нашего молодого принца, — ответил Бембо.

— О, если вы несете в Рим свои грехи, — со смехом воскликнул флорентиец, — то где же тогда все красавицы, которые должны были бы сопровождать вас? Но, честное слово, брат Пиетро, у вас в Риме действительно нет другого дела, кроме спасения души?

— Если бы и было какое дело, брат Никколо, я все равно не сказал бы вам, так как слишком долго был вашим товарищем по школе,

^{*} Макиавелли — знаменитый государственный человек и писатель (1469—1527), первый положивший начало науке о политике, излагающей способ воздействия на людей путем знания их вкусов, желаний и наклонностей и господствования над ними с помощью умения отгадывать сокровенные движения души, — так называемому макиавеллизму.

чтобы пускать свои секреты на ветер, — с искусственной веселостью ответил каноник. — Но я искренне рад, что вы счастливо избежали львиного логовища, как я называю лагерь монсиньора Борджиа.

- А мне жаль, что ваш принц бежал от предложенного ему блестящего союза с сестрой Цезаря, с печальной миной возразил флорентиец. Все идет согласно желанию Орсини, и, если их брак состоится, горе Тоскане!
- Да, да, пусть медведь видит, какой куш он отдает своими лапами, — смеясь и кривляясь, сказал шут. — Разве его преподобие лиса не заметала никаких следов на песке, от когтей Орсини, когда она выслеживала их, чтобы определить, какой дорогой пошли звери?
- Клянусь Пресвятой Девой, ваш шут удачно попал в цель! воскликнул Лебофор. Послушайте, господин посланник, что мы открыли, и судите сами, есть ли хоть какая-нибудь гарантия безопасности для друзей Цезаря!
- Ну, что это за история, которой предшествует такое жалобное вступление? с любопытством сказал Макиавелли.

Шут тоже наклонился вперед, но сейчас же снова принял свое обычное положение.

— Послушайте. Но нельзя ли не поминать Цезаря Борджиа, так как толками о нем, которые мы слышим на каждом шагу, мы сыты по горло, — прибавил Макиавелли, бросив мимолетный взгляд на шута, который тряс головой, весело позвякивая нашитыми на шапке колокольчиками.

Только что Бембо хотел приняться за рассказ об их удивительном приключении, как был прерван появлением настоятеля в сопровождении длинной свиты картезианцев, что избавило его от вторичного повторения рассказа. Монахи двигались в торжественном молчании, опустив голову вниз, и сам настоятель был так изможден постом и бдением, что походил на колоссальный скелет. Только он один приветствовал новых гостей несколькими словами, но произнес их серьезно и холодно.

Макиавелли не дал Бембо окончить его красноречивую просьбу о гостеприимстве, но, прервав его излияния, потребовал у него рассказа о приключении. Бембо начал весьма пространно рассказывать всю историю; однако Лебофор, которому наскучили его отступления, прервал его на полуслове и в кратких словах изложил все событие. Он закончил свой рассказ просьбой к настоятелю научить его, как найти дорогу в пещеру, чтобы убедиться, выдумано или правдиво известие, сообщенное им монахом-доминиканцем.

- А вы все в одно время бредили или один дурак одурачил всех? сказал шут, презрительно усмехаясь. Стоит ли, дядя Никколо, вези меня в подарок папе, раз эти господа по собственному побуждению едут в Рим?
- Смотри, шут, вежливый язык сохраняет здоровую шкуру, многозначительно заметил флорентиец.

— Все, что вы рассказали, невозможно, — произнес наконец настоятель, нахмурившись, — это не что иное, как бред безумного путника. Никто из нас не слыхал о другом пути в пещеру святого, кроме как через водопад, но там уже столько верующих нашли свою гибель, что этот путь запрешен.

— Когда я был послушником, — прошамкал дряхлый монах, согнувшийся под тяжестью лет, — я слышал однажды об этом... Отец Амвросий как будто говорил про дорогу... но прошло уже шесть десятков лет, как он скончался. Была суровая зима, а он уже давно мучился кашлем, бедняга, и очень страдал перед смертью. Аминь! Я думаю, его душа у святого Гвидобальда.

— Может быть, в образе такого монаха к вам явился дьявол, чтобы ввести вас в искушение сломать себе шею, — серьезно заме-

тил шут.

— Святой отшельник Гвидобальд? Да, уже не первый раз его видение встречалось вблизи пещеры, где почивают его мощи, — сказал старец. — Но он является только великим грешникам, чтобы возвестить им близкую кончину.

— Нет, тот, кто явился нам, был не в картезианском одеянии, а в рясе ученого доминиканца, — с ужасом промолвил Бембо.

- То, что вы приняли за белое одеяние доминиканца, с упрямой настойчивостью проговорил старый монах, было не что иное, как саван, который надели на святого, прежде чем явились ангелы.
- Тогда, значит, святому Гвидобальду надоело в его забытой могиле, и он хочет, чтобы его останки были перенесены в монастырь и положены в раку, где и стали бы творить чудеса.
- Вы так полагаете, синьор? воскликнул настоятель, ухватившись, по-видимому, за эту мысль. И действительно, в последнее время мы ничего не слыхали о бандитах, в особенности с тех пор, как дон Ремиро стал подестой Романьи, он предложил им на выбор: или они должны вступить под знамена герцога, или он их всех перевешает.
- Но мы собственными глазами видели трупы людей Орсини на том месте, где некогда стоял замок Джакобо Савелли! воскликнул Лебофор.

Игумен недоверчиво взглянул на него, а затем произнес:

— Если это так, тогда подождем до утра, так как разбойники ина-

че могут оказать сопротивление.

— Нет, сегодня, сегодня! Ни одной минуты я не хочу откладывать это дело! — порывисто воскликнул иоаннит. — Завтра, может быть, будет слишком поздно. Разбойники могут увезти или умертвить своего пленника, Паоло Орсини. Пусть всякий, кто считает себя христианином, возьмет факел и следует за мной!

- Как ты думаешь, шут, не подходит ли это предприятие также

и для тебя? — спросил Макиавелли.

 Нет, я посмотрю. Проваливайте вы, молодцы; вы не можете причинить мне никакого вреда! — ответил шут, равнодушно зевая.

— Если вы твердо решились, — сказал настоятель, — тогда наша братия будет помогать вам, сколько это в ее силах; но вы увидите, что ваше предприятие невыполнимо.

— Итак, в путь, и я даю вам, отче, свое рыцарское слово, что мы ничего невозможного делать не будем, — сказал Лебофор и выхватил из огня горевшую головню.

Даже картезианцы очнулись от своего обычного равнодушия и стали торопливо зажигать факелы, а телохранители посланника смотрели на него, как свора собак на привязи.

— Ну, если уж все христиане должны участвовать здесь, дядя, так отпустите и вы своих негодяев, — промолвил шут, и, словно не нуждаясь в ином позволении, отряд посланника с шумом присоединился к рыцарям.

Все монахи вышли за рыцарями во двор, где английские солдаты задавали лошадям корм, и таким образом посланник с шутом остались почти одни в зале.

— Пойдем, дядя Никколо!.. Если другие сошли с ума, будем и мы безумными, — проговорил шут, подумав немного, и схватив полу мантии посланника, пустился вокруг него в какой-то фантастический танец.

Макиавелли, казалось, не обращал внимания на своего спутника, пока они не вышли из монастырских ворот и не заметили света факелов, то появлявшегося, то исчезавшего среди извилин скал. Здесь он остановился и, усмехнувшись, обратился к шуту, внезапно перейдя в почтительный тон.

— Что вы думаете, ваша милость, об этом происшествии? — тихо спросил он.

- Я начинаю верить в чудеса, Никколо, хотя и причастен ко всей этой истории, ответил тот, иронически улыбаясь. Мигуэлото редко делает свое дело только наполовину; у него есть только один порок, который не годится для меня, а именно, он жаден, Никколо, страшно жаден! Но он губка, которую я выжму для себя, когда она наполнится; потому что без денег, Никколо, не много можно сделать на этом свете. Пойдем на мост и посмотрим, как эти дураки будут лететь в пропасть. Но где же мои собаки? Эй, сюда, Марий, Сулла!
- Они пошли за другими, сказал флорентиец, и, кажется, не узнают вас в вашем шутовском наряде.
- Если бы я знал, что дьявол не узнает меня, я согласился бы лучше умереть в этом платье, чем в рясе монаха, заметил шут и стал свистать и звать своих псов, но тщетно они не появлялись.

Тем временем Макиавелли не пошел по той дороге, которую указывали факелы, а направился на мост. Посланник со своим шутом едва ли мог выбрать лучшее место для наблюдений, чем середина моста, дугой поднимавшегося над рекой. Отсюда можно было видеть все происходящее. Правда из-за несмолкаемого шума потока трудно было разговаривать, но никто, казалось, не был особенно расположен к разговору, так как оба напряженно ждали появления искавших. Внизу в это мгновение было все погружено во мрак, слабый свет звезд не мог проникнуть в эти бездонные глубины.

— Здесь страшная высота, — сказал шут после паузы, во время которой он, по-видимому, обдумывал возможность успеха всего предприятия. — Здесь очень легко нечаянно оступиться. Что вы так странно смотрите на меня, Никколо? Я знаю, вы мой друг.

— Я думаю, благородный господин, что такие шутки при всей выгоде неожиданности и измены все же могут быть опасными, — возразил флорентиец. — Но синьор Паоло был вашим другом; по крайней мере вы обнимали его и называли своим братом.

Ну, это он так думал, — спокойно ответил шут.

— Я не умею объяснять себе глубину этой политики, — снова начал флорентиец. — Какой смысл уничтожать его теперь, когда для вашей милости так важно привлечь к себе Орсини и всю их партию и когда он с мирными предложениями направлялся в Рим?

- Я уничтожу их всех, все равно, силой или хитростью, и это достаточно благородное оружие против измены и возмущения! с жаром возразил шут. Если бы это было море, я скорее согласился бы по капле вычерпать его, чем сдаться и сложить в отчаянии руки. Да кроме того, что я могу сделать, когда на людей, путешествующих, как они думают, инкогнито и без надлежащей охраны, нападают разбойники и убивают их? Разве вы не знаете, что Паоло ехал в Рим больше по приглашению моего отца, чем по моему желанию? И неужели же я должен спокойно отказаться от награды за все свои труды только потому, что старик стал нерешительным и боязливым?
- Если бы донна Лукреция вышла замуж за Орсини, тогда действительно все дворяне снова должны были бы получить все свои права, заметил посол.
- А что стало бы с моим герцогством Романьей? воскликнул шут, тряхнув искусственными волосами.
- И где было бы тогда ваше итальянское царство? добавил с ударением хитрый флорентиец.
- Вы шутите со мной, Никколо! ответил шут, дико сверкнув глазами и сжимая руку, словно он уже держал скипетр. Ах, если бы мне снова встретить старого полусумасшедшего колдуна, который обычно помогал мне в изучении магии еще тогда, когда я мечтательным юношей ходил в Пизе в школу, между тем как мои длин-

нобородые учителя были убеждены, что я погружен в пыльные сочинения Августина и Бернарда!

- Сколько мне помнится, он в зеркале из аметиста показал вам какое-то видение? насмешливо сказал Макиавелли. По крайней мере так рассказывает об этом в Италии народ, и говорят, что седобородый мудрец был сам дьявол. Но вот они показались. Смотрите, как сверкает вода при свете их факелов... точно горячий адский поток.
- Скажи, пожалуйста, Никколо, что же, по рассказам народа, показал мне этот кудесник?
- Скелет в короне и царской мантии, вручивший вам скипетр,
 ответил посол.
- Это ложь; к черту того, кто говорит так! с дикой страстью воскликнул шут. То была тень в императорской короне и в мании Карла Великого, как мы знаем его по изображениям хроники; она вручила мне скипетр и меч, которые были перевиты, как
- Ваша милость тогда отлично поняли науку, ответил Макиавелли.
- И, я знаю, ты думаешь, что мой учитель сумел научить меня, как своего любимого ученика, всем фокусам? с усмешкой сказал шут. Но берегись, чтобы он не оставил для себя одного из них, который в конце концов перехитрит тебя. Но, Никколо, мой хитрый Никколо, если я из моей короны когда-нибудь сделаю нечто большее, чем этот дурацкий колпак, когда действительно стану Цезарем, кем ты будешь для меня?
 - Твоим Брутом!* ответил флорентиец.
- Моим Сеяном,* ты хочешь сказать, мой дорогой Никколо, сказал шут с усмешкой, за которой таилась глубокая мрачная мысль. Ты что-то все приводишь неудачные сравнения.

Ничего не отвечая, Макиавелли полунасмешливо приподнял свою отороченную мехом шапочку и устремил взор вниз, не оставляя в то же время без внимания ни одного движения своего спутника.

То, что происходило внизу, представляло оригинальное и живописное зрелище. Рыцари, солдаты и длиннобородые картезианцы перепрыгивали в русле потока со скалы на скалу и, крича друг другу, махали своими факелами. При этом фантастическом освещении водопад горел всеми цветами радуги и сверкал, как бриллиант.

Но розыски, казалось, были безуспешны, и шут разразился громким хохотом, когда разведчики сошлись на отдельных выступах утесов и, по-видимому, совещались. Внезапно Макиавелли и его спут-

• Сеян был наместником римского императора Тиберия, составил заговор против

него, заговор был раскрыт, и Сеян погиб в темнице.

^{*} Марк Юний Брут (85—42 гг. до Р.Х.) был идеалом республиканца. Друг Цезаря, он не задумался быть среди убийц его, как только Цезарь стал угрожать неприкосновенности Римской республики.

ник были поражены лучом красноватого света, исходившим из отверстия пещеры. Он сейчас же исчез снова, но был, очевидно, замечен и внизу, так как оттуда неслись громкие крики, слышные даже сквозь немолчный грохот водопада.

— В пещере совершено убийство, которое будет открыто, — промолвил флорентиец, бросив беглый взгляд в сторону своего спутника.

— Я до сих пор никогда не слыхал, чтобы убийство обладало способностью зажигать огонь для того, чтобы привлекать к себе, в свои тайники, людей, — холодно ответил шут. — Но все равно, им непременно придется вернуться, и они старались понапрасну.

 Однако для чего же рыцари снимают с себя вооружение! Что это значит? — возразил посол. — Смотрите, угрюмый английский оруженосец снимает со своего господина наколенники, а священник

ломает руки! Что он сделал со своим факелом?

— Он уронил его в воду; я видел, как тот потух и поток увлек его за собой, — ответил шут. — Но куда девались мои собаки? Их инстинкта я боюсь гораздо больше, чем сообразительности этих шутов.

- Клянусь святым Юлианом, безумцы хотят вскарабкаться на эти скользкие утесы! воскликнул Макиавелли. Смотрите, они лезут, один с этой, другой с той стороны водопада... Ловко прыгнул, дурак солнца!.. Он опередил своего спутника намного. Слышите, как он торжествующе хохочет! Должно быть, не так трудно лазать по этим скалам, как это кажется сверху! Они взбираются, словно по лестнице!
- Нет, нет ха! ха! Глядите, священный рыцарь поскользнулся и падает, он разобьется Но что это, Никколо? Ах, он ухватился за куст... спасен! воскликнул шут, следя за опасным спуском иоаннита.

Между тем последний, поскользнувшись на выступе, ухватился при падении за куст, росший из расщелины скалы, а затем, хотя и с большим трудом, ежеминутно подвергаясь опасности быть сброшенным водопадом в бездну, возвратился на прежнее место.

- Где же теперь английский дикарь? воскликнул шут.
- Вот он!.. Глядите, он окружен со всех сторон брызгами и пеной; разве вы не видите его? ответил Макиавелли.
- Я хотел бы, чтобы тот, другой, находился на его месте. Рожа этого иоаннита нравится мне гораздо меньше, сказал шут. Да, правда, он хочет последовать за ним, после того как избежал опасности с другой стороны. Но он не так ловок, три раза срывался. Ха, клянусь ключами святого Петра, сумасшедший англичанин стоит перед нами на скале и отряхивается, как мокрая крыса. Еще один прыжок, и он будет в пещере или внизу в пропасти. Честное слово, его безумная смелость почти заставляет меня желать, чтобы его отчаянная решимость увенчалась успехом, хотя бы этим самым был спасен один из представителей ненавистного мне отродья Орсини.

— Скала колеблется под его ногами; он хочет прыгнуть! Это безумие... Остановитесь, рыцарь, остановитесь, вернитесь назад! —

крикнул Макиавелли.

— Не стоит очень сокрушаться о нем, наверное, после него останутся наследники, — принимая обычный тон, проговорил шут.— Но смотрите, он не решается... Да, конечно, ни один человек, еще не потерявший рассудка, не решился бы на дальнейший путь. Простое течение может опрокинуть его.

Стоявшие внизу, очевидно, тоже заметили опасное положение Лебофора и его нерешительность. Картезианцы шумно выражали свои опасения, иоаннит, Бембо и другие путники кричали ему, чтобы он бросил свою опасную затею. Однако Лебофор махнул торжествующе рукой, словно открыл какой-то выход, которого не видно было снизу,

и... прыгнул!

Макиавелли закрыл от ужаса глаза, но тотчас же снова открыл их, так как его спутник вскрикнул, но не от ужаса, а от удивления. Снова появился таинственный свет, и в его блеске показался образ рыцаря, словно изваянный в водяной стене, образовавшейся от закругления низвергавшегося водопада.

— Несомненно, его сразу же убьют, как только он войдет в пещеру, — со злорадством сказал шут, — судя по этому свету, можно надеяться, что там кто-то есть, чтобы принять непрошенного гостя.

Рыцарь тем временем исчез.

Последовала снова глубокая, полная таинственного ужаса пауза, а затем стало видно, как иоаннит с азартом принялся карабкаться на утес; за ним следовали английские солдаты, но не так быстро, так как тяжелое оружие стесняло их движения. Иоаннит добрался до выступа, откуда его собрат по оружию прыгнул в пещеру.

— Что с ним случилось? Неужели он не решается последовать за ним? — сказал Макиавелли. — Смотрите, он наклоняется впе-

ред, как будто прислушивается к голосам из пещеры.

— Быть может, это рыцарь зовет на помощь, — ответил шут и также подвинулся вперед, словно и ему котелось услышать голоса. — Ха, ха, священник в нем одержал победу над солдатом! Видите, как он несется оттуда, словно за ним гонятся волки!

— Он снова внизу, рядом со своими спутниками, он что-то рассказывает им, смотрите, они все кидаются к утесам с вашей сто-

роны! — объяснял Макиавелли шуту.

В это мгновение до них донесся лай собак, открывших след.

Путники и монахи, как безумные, кинулись через реку, мелкую в этом месте, и один за другим быстро скрылись в темной расщелине среди утесов.

- Голову даю на отсечение, они открыли путь святого в его от-

шельническую келью! — воскликнул Макиавелли.

— Берегись, Мигуэлото, если ты обманул меня, — пробормотал шут, а затем, сорвавшись, как тигр, ловко перепрыгнул через ле-

жавшего еще на мосту флорентийца и быстро стал спускаться по скалам.

Макиавелли поднялся, в свою очередь, и спокойно пошел за ним. На берегу он наткнулся на Бембо, отряхнувшего свое мокрое платье и певшего благодарственную молитву.

— Что случилось? — воскликнул флорентиец.

В ответ на это Бембо мог указать только на противоположные скалы, судорожно расхохотался и одновременно вытер мокрые от слез глаза.

Шут не стал терять время на расспросы; перепрыгивая с камня на камень, он достиг зияющей расщелины, где свет факелов, громкие голоса в отдалении и непрестанный лай собак убедили его, что в пещеру был открыт безопасный путь. Последний образовался, вероятно, вследствие землетрясения и длинным коридором вел прямо в пещеру.

Любопытного шута ожидало здесь зрелище. Пещера была значительных размеров и, освещенная бесчисленными факелами, сверкала спускавшимися сверху сталактитами, искрилась на блестящей поверхности базальтовых природных колонн и производила волшебное впечатление. На одной из скал виднелось изображение, в котором при известном напряжении фантазии можно было найти некоторое сходство с распятием, и на нем лежал человек, привязанный к нему вокруг тела ремнем, цепью и железным обручем. Кругом него сустились рыцари, монахи и солдаты, изо всех сил стараясь разорвать державшие его путы. Над пленником тлелось еще несколько головней, которыми он, по-видимому, производил таинственный свет, обративший на себя внимание рыцарей и, судя по его бледному и изможденному лицу, приведший их как раз вовремя, чтобы спасти его.

В некотором отдалении стояли обе собаки, тихо воя и облизывая языком морды.

VII

Макиавелли осторожно и не спеша шел за своим спутником, но цепь, приковавшая несчастного Орсини к скале, была так крепка, что его спасителям еще не удалось разорвать ее, когда он вошел в пещеру.

Флорентиец внимательным взором окинул всю картину и остановил свой взгляд на пленнике. Орсини был человек во цвете лет; его фигура отличалась больше изяществом и соразмерностью форм, чем силой, но, вероятно, он был сильнее, чем казался с виду. Черты его лица были строги, но тонки, а их подвижность и непрестанная смена света и теней указывали на сильные страсти, бушевавшие в нем; несмотря на это, они по желанию могли преображаться в неподвижное спокойствие мрамора, с гневом отметавшее любопытный взор зеваки. Цвет лица Орсини можно было сравнить с тем оттенком,

который принимает мрамор под влиянием горячих лучей южного солнца. Черные волосы еще больше оттеняли бледность его лица.

— Они действительно спасли эту непримиримую змею подлого отродья! — вполголоса проговорил шут Макиавелли. — Никогда ничего не буду предпринимать в этот день месяца, так как слепой случай разрушил в этот день все, что было предусмотрено так мудро и так умно! Но погодите! Смотрите, в глотке у него пересохло, глоток воды оживит его. Я думаю, если я дам ему чего-нибудь, это будет, просто обыкновенным милосердием с моей стороны.

— А чтобы студеная вода не простудила его, вы хотите прибавить в нее немного восточного порошка, благодаря чему его желудок быстро разогреется? — спросил Макиавелли, глядя на шута. — Но я не вижу здесь хорошей политики, — прибавил он. — По моему мнению, каждый правитель, желающий уничтожить своего врага, не должен пытаться делать это многими способами, а только одним, иначе он может подвергнуться опасности пробудить сопротивление, которое может уничтожить его. Если вы не можете уничтожить врага, никогда не раньте его; в противном случае вы будете сеять зубы дракона на собственную гибель; поэтому пока вы не можете уничтожить весь род Орсини, было бы бесцельно раздражать их гибелью самого значительного члена их семьи; полагаю, едва ли вы можете ждать, чтобы такое событие не возбудило против вас подозрения.

— По вашему дружескому правилу, Никколо, тот, кто хочет утвердить за собою покоренное государство, должен истребить весь род изгнанных государей, — возразил шут. — Моя же власть вырвана

мною у ленников святого престола.

— Вы, несомненно, избраны орудием, которое должно уничтожить маленьких тиранов Италии и объединить всю страну, — произнес дипломат. —Точно так же Паоло Орсини, несомненно, один из могущественных, а со времени изгнания Колонна самый могущественный супостат церкви; но тем не менее я не считаю настоящий момент удобным для его уничтожения.

- Никколо, с презрительной улыбкой сказал шут, у тебя больше умения советовать, чем приводить советы в исполнение. Но ты был постоянно моим оракулом, и, кроме того, какой-то внутренний голос подсказывает мне, что и эта неудача, как и все другие, послужит к моему благополучию. Паоло еще может пригодиться мне на то, чтобы пустить его против гордого феррарского франта. С какой стати пожаловал сюда этот Бембо? Что он разнюхивает здесь?
 - Я сам стараюсь разгадать это, ответил Макиавелли.
- Итак, я не буду поить Орсини, начал снова шут. Кроме того, мне необходимо узнать, кто тот изменник, который оставил ему жизнь, так что мне приходится еще чем-нибудь угостить его. Но я сомневаюсь, чтобы синьор Паоло, не раз встречавшийся со мною на поле битвы, где взоры проникают прямо в душу, не узнал меня в этом наряде. Да, мне так же трудно скрываться, как солнцу.

— Нет, благородный господин, кто узнает в этом наряде, в этих рыжих волосах, в этом уродливом лице великого герцога Романьи? — возразил Макиавелли. — Если подумать, как вы ненавистны всем, кто может прийти к мысли, что самый тонкий ум нашего времени может допустить глупость искать защиты в переодевании?

Но в это время их разговор был прерван радостными восклицаниями. Под могучими ударами Лебофора распалась наконец тяжелая цепь, и пленник вскочил на ноги. Первым его движением было броситься на колени перед распятием, причем он дал торжественный обет выстроить часовню святому Гвидобальду на месте своего чудесного спасения. Затем он поднялся и с живейшими выражениями вечной благодарности обнял своих спасителей.

— Мои дворцы, мои поместья, мои сокровища, мои сердце и душа — все к вашим услугам, благородные рыцари! — воскликнул он. — Жизнь, которую вы спасли, принадлежит вам и, кроме любви к моей невесте, нет ничего, чего бы я не отдал друзьям в благо-

дарность за то, что они сделали мне.

— Это единственное условие мы не будем оспаривать у вас, благородный синьор, тем более, что оно служит, по-видимому, талисманом против несчастья, — с саркастической улыбкой произнес иоаннит. — Но ваша благодарность принадлежит больше милосердному доминиканцу, который привел нас сюда, чем нам, так как это предприятие было для нас только удовольствием.

— Доминиканец? — с удивлением воскликнул Орсини. — Тогда, несомненно, это был мой ангел-Хранитель, которого послала мне моя Покровительница, Пресвятая Дева в церкви Санта Мария Маджиоре. И ей я отслужу торжественную мессу и поставлю пятьдесят

свечей из турецкой амбры.

 От Санта Мария Маджиоре! — пробормотал шут. — Да, конечно, потому что образ Пресвятой Девы в той церкви так похож

на его прекрасную невесту.

— Возможно! Я слышал, что это свое несравненное произведение Леонардо да Винчи писал с вашей матушки, синьоры Ванацци*, — прошептал Макиавелли своему спутнику, который дрожал всем телом.

— Замечали ли вы когда-нибудь, дорогой Никколо, как мало покожу я на Мадонну Санта Маджиоре, на мать или на отца, наместника Христа на земле? — спросил шут. — Мне довольно часто нашептывали раньше, да и сам я мало-помалу пришел к убеждению, что в раннем детстве меня подменили, так как в конце концов папа больше боится меня, чем любит, и сам я питал родственных симпатий к своим близким так же мало, как и они ко мне, клянусь

^{*} Ванации де Катаней— возлюбленная Родриго Борджиа (затем папы Александра VI); последний имел от нее пятеро детей, и во главе их Цезаря и Лукрецию.

оковами святого Петра! Его святейшество почти отрекся от меня. назначив меня кардиналом. Я намереваюсь как-нибуль спросить колдунью, да так спросить, чтобы она сказала мне правду, кто породил меня! — Шут почти с жаром, почти с бешенством произнес эти слова, словно воспоминание об этой несправедливости глубоко потрясло его. Макиавелли посмотрел на него острым проницательным взором, но ответил таким тоном, будто не придавал его словам никакого значения.

- Мне кажется, благородный господин, что с вашей стороны было бы крайне странно, даже нелепо подтверждать эти слухи, если это вообше слухи.
- Вы ошибаетесь, Никколо, на этот раз вы глубоко ошибаетесь! — возразил шут более тихим, но все еще взволнованным голосом. — Клянусь небом, теперь мне хотелось бы лучше быть признанным, законным наследником нищеты моего дряхлого воспитателя, чем оставаться незаконным сыном священника!
- Возможно ли? воскликнул Макиавелли. недоверчиво взглянув на говорившего, а про себя подумал при этом: "Неужели в этой дьявольской груди есть место для стыда и раскаяния?"

Но, когда он припомнил ужасные слухи, очень распространенные тогда в Италии, у него внезапно явилась мысль, и, хитро улыбнувшись, он сказал:

- Но ведь не станете же вы уговаривать или принуждать вашего воспитателя открыть вам правду, прежде чем вы, как Борджиа, не утвердитесь в Италии, монсиньор?
- О брат души моей, наши мысли постоянно сходятся! воскликнул шут недовольным голосом, словно ему было неприятно, что его сокровенные мысли были высказаны так открыто. — Поэтому-то я не могу ничего скрыть от тебя, если бы даже и хотел. Но пойдем, нам необходимо опередить этих болванов, так как я вижу, что драгоценную добычу они выпускают на волю,

После первых горячих изъявлений благодарности и радости, Орсини, по-видимому, снова обессилел и, поддерживаемый своими спасителями, покачиваясь, приближался к выходу. Посол и его спутник

поспешили вперед, чтобы не быть замеченными.

У входа в скалистый проход слышался голос Бембо, спрашивавшего, что произошло в пещере, но не решавшегося войти туда. Шут стал забавляться, отвечая ему вскрикиваньями и визгом, и его голос, дробясь и отражаясь о каменные стены, переливался причудливым эхом. Когда они вышли из расшелины на реку. Бембо уже исчез.

— Он побоялся встретиться с существом, которое производило эти звуки, — сказал с ироническим смехом шут. — Но я никак не могу понять появление доминиканца. Отец сам, против моего желания, пригласил Орсини в Рим, пока я не вспомнил, какой опасности подвергается путешественник в это время и что с гибелью Паоло должен погибнуть и весь их союз. Но откуда же его святейшество мог быть

осведомлен о моих намерениях?

— Следовательно, вы не разделяете мнения Паоло, что само Небо приняло в нем участие и послало своего святого для его освобождения? — сказал Макиавелли.

- Если бы Небо стало печалиться о том, что происходит на земле, то ему не оставалось бы времени думать о небесном. Скорее это дело рук моего злого демона; у меня есть такой, который разрушает все мои планы! страстно воскликнул шут, и Макиавелли заметил, что черты его лица сделались мертвенно бледными.
- Не хотите же вы сказать, благородный господин, что... начал снова флорентиец.
- Ведь ты не веришь в духов, покрытых плотью или бесплотных. Но неужели ты не верил бы своим собственным глазам?
- Им то я верю меньше всего, мне надо знать самый корень, а не оболочку, ответил посол.— Если бы я поверил своим глазам, я написал бы своей республике, что ваша милость избрала себе братом племянника Медичи, этого Орсини, и что поэтому все подъемные мосты во Флоренции должны быть подняты, как если бы надо было ждать врага.
- Союзники и не могут думать иначе; никто не может доверять другому, так что каждой партии, желающей сохранить свое могущество, не остается ничего иного, как войти в союз с другой против третьей. Однако что ты такое толковал там о внешней оболочке? Разве не Лукреций полагает, что духи принимают формы их прежних тел? Если это так, тогда духи умерших сохраняли бы те же положения, в которых они отошли в вечность! Как по-твоему?
- Прошу вас, благородный господин, выражаться более понятно,
 сказал Макиавелли, ничего не выражающим взором смотря на него.
- Я говорю то, что мне приходит в голову, в мрачном раздумье произнес шут, я хочу сказать, что если бы, например, мой покойный брат, герцог Гандийский*, горькую судьбу которого отец не перестает оплакивать и который действительно был так добр и прекрасен, что люди благословляли его только из-за его восхитительных локонов, когда он проходил мимо, а все женщины поголовно сходили по нем с ума... так вот, если бы он когда-нибудь ночью за-

^{*} Это — старший брат Цезаря Борджиа, Джиованни, пользовавшийся большим покровительством папы Александра, получивший от последнего герцогство Беневентское, графство Террагина и Понтскарво, а также звания папского полковника и хоругвеносца. Эти успехи Джиованни вызвали зависть в Цезаре, бывшем тогда лишь кардиналом, архиепископом Византийским, и он, стремясь к первенству, устранил Джиованни со своей дороги — труп герцога Гандийского всплыл в Тибре и, как оказалось, был пронзен ударами шпаги. Это случилось на третий день после пиршества, которое устроил Цезарь перед своим отправлением в Неаполь, где он должен был от имени папы возложить корону на короля Фридриха.

хотел явиться своему... своему отцу, папе Александру, как ты думаешь, в какой одежде он явился бы ему?

- Своему отцу? повторил Макиавелли, избегая мрачного взора собеседника. О, отцы удивительные люди! Конечно, он явился бы ему не с кинжальными ранами на теле и тибрским илом в золотистых кудрях, которые, как я слышал, его святейшество нежно называл лучами герцога Гандия. А если бы он призвал в советники вкус своего отца, то, несомненно, явился бы ему цветущим юным Антиноем, как в тот день, когда, будучи назначен хоругвеносцем церкви, он в белом шелковом одеянии, усыпанном рубинами, ехал на белоснежном коне, украшенном серебром и жемчугом.
- Я всех своих лошадей подкую серебряными подковами, но римляне должны будут забыть это великолепие! страстно воскликнул шут. У меня самого эта картина не так скоро изгладится из памяти, потому что я помню, как лошадь моего брата окачивала меня грязью, когда я в кардинальской рясе плелся сзади него на своем тряском муле. Как он внезапно остановился, чтобы приветствовать свою сестру, донну Лукрецию, моей я едва ли могу назвать ее. Я был так взбешен, что чуть не задохся от злобы. Мне думалось, что это было сделано нарочно, чтобы унизить меня; послушали бы вы, каким кохотом разразилась чернь!
- О, я слышал... ведь хохотали так громко, что мы могли слышать во Флоренции, шутливо заметил Макиавелли. От нас хохот перешел в Мантую и так дальше, до двора французского короля в Милане, где, несомненно, хохотали точно так же, потому что тогда вас ненавидели там.
- Меня ненавидят еще и теперь. Но пусть меня ненавидят, кто кочет; мне все равно, служили бы только моим целям. Мне даже доставляет удовольствие видеть, как мои ненавистники льстят мне. Что такое могущество, как не владычество над людьми против их воли? сказал Цезарь Борджиа. Возвращаясь к предыдущему разговору, он продолжал: Следовательно, предположим, что если бы Джиованни посетил своего достойного отца, то он явился бы ему в своей лучшей одежде, и несомненно, снял бы ее, если бы решил навестить своего убийцу.
- Здесь, надо полагать, он явился бы в той одежде, с тем же взглядом мучительного страдания, с каким принял смерть, воскликнул Макиавелли, внезапно просыпаясь от своего обычного равнодушия. С искаженными от ужаса чертами лица, со страданием и безнадежной мольбой, с девятью ранами, из которых потоками льет горячая алая кровь, с мертвенно бледным прекрасным лицом, да, вот истинный образ безгрешного Авеля, умерщвленного над своей благоухающей жертвой.
- Оплакиваемый женой и сестрой!.. Xa! с ужасным хохотом воскликнул шут. Ну, Авель заслужил свою участь, хотя, быть может, и не от руки Каина, если правы современные богословы. Но

мой бедный брат! Ах, что сделал он, кого прогневил, он, такой по-кладистый, такой мягкий, такой уступчивый и нежный?

— Он был действительно выдающийся, даровитый юноша, богато одаренный прекрасными качествами, — произнес Макиавелли. — Мир душе его, если она у него была! Он достаточно долго пробыл в чистилище, чтобы освободиться от худшего своего порока — слишком большой любви к тому, что Платон называл непрекрасным.

— А если еще вдобавок подумать, что этот порок был причиной его гибели! — с лицемерным сожалением сказал шут. — Несомненно, в тот роковой день, четырнадцатого июня, он встретил на своем пути какого-нибудь ревнивого мужа или мстительного любовника.

- Или рассерженного отца, а может быть, разгневанного брата! продолжал Макиавелли. У нас во Флоренции рассказывали, что на большом празднестве, данном в вашу честь вашей матушкой, так как вы, бывший тогда еще кардиналом, должны были выехать на следующий день в Неаполь для коронования короля дона Федериго, какой-то замаскированный требовал пустить его к герцогу, и, когда его наконец допустили к тому, он передал ему раздушенное письмо. Вскоре после этого герцог, отговариваясь нездоровьем, удалился, и ваша милость ушли вместе с ним, так как вам необходимо было еще приготовиться к отъезду.
- Мы расстались с ним на лестнице палаццо Сфорца это уже доказано, спокойным тоном проговорил Цезарь Борджиа. В веселом настроении мой брат во что бы то ни стало хотел уговорить меня, чтобы я, как священник, дал ему отпущение грехов, так как он намеревался отправиться к прекраснейшей женщине. Я засмеялся и сказал ему, что сначала он должен согрешить, и он, послав мне приветствие рукой и весело напевая, удалился, как триумфатор. Вероятно, он хотел еще проститься со своей сестрой, донной Лукрецией, так как направился к монастырю, где она жила в то время.
- И вы никогда не видели его больше? внезапно спросил Макиавелли.
- О, как же! Я видел брата, когда его труп вытащили из воды у замка святого Ангела и когда его хоронили с большим великолепием, ответил Цезарь. Мне пришлось распоряжаться всем, так как наш отец совсем потерял голову; он заперся у себя в комнате, целых три дня ничего не ел и, конечно, помер бы с голоду, если бы мольбы и слезы Лукреции и требования его желудка наконец не победили его. И каких только обетов исправиться не надавал он тогда! Но его святейшество настоящий Везувий: он или пышет пламенем, или безмолвствует, покрытый снегом.
- Ну а, по вашему мнению, в каком виде явился бы дух вашего брата своему убийце!
- Как темная тень, бесцветная, безмолвная, без лица и без образа, ответил Борджиа, с таким выражением обернувшись к своему собеседнику, что тот должен был бы испугаться, если бы не был

истинным дипломатом. — Но, если бы у него и не было всех этих признаков, убийца все равно узнал бы его! Убийца любимца папы не может быть трусом; он не должен страшиться этого явления; но тем не менее оно больше раздражало бы его, чем самый ужасный образ, своим молчанием больше возмущало бы его душу, чем самыми страшными проклятиями. И вот, придя в бешенство, он схватился бы за меч, бросился бы на свою явившуюся жертву и, скрежеща зубами, увидел бы, что перед ним нет ничего, кроме тьмы, но за ней скрывается нечто, что не исчезнет никогда.

— Я не удивлюсь, что вы свое тщетное желание мщения утешаете такими ужасными надеждами на угрызения совести, — сказал флорентиец, — ведь убийцы так давно скрылись и ускользнули от розысков, что трудно надеяться найти их, по крайней мере на земле. Ах, что должны чувствовать вы, брат убитого герцога! Вы играли с ним в детстве, пережили с ним все радости цветущей юности; вы, как два прекрасных кипариса, посаженных одной и той же рукой,

росли вместе, наслаждались радостями жизни.

— Нет, скорее как два дуба, причем один случайной милостью солнца рос и тянулся ввысь, а другой хирел, — с горькой усмешкой ответил шут. — Да бросим говорить об этом! Мне необходимо выяснить появление доминиканца. Мигуэлото не посмеет так шутить с моими приказаниями. Не говорил ли ты мне Никколо, что мой лейтенант дон Ремиро получил недавно без моего согласия от святого престола что-то вроде награды?

— Его святейшество был так изумлен его строгой справедливостью, что за все жестокости, допущенные им при исполнении своих обязанностей, дал ему полное отпущение, — сказал Макиавелли. —

Кроме того, его жена — родственница Колонна.

Как мог я забыть об этом? — задумчиво заметил шут.

— Нет, благородный господин, при совершении суда и расправы вам такой бессердечный человек был необходим, — возразил Макиавелли. — И разве он не оправдал вашего доверия уничтожением почти всех разбойничьих шаек в Романье, так что теперь крестьяне

могут сеять хлеб вплоть до Сполето?

— И — что еще больше — собирать его, — сказал шут. — Когда я назначал дона Ремиро подестой, я сказал ему, что во всей Италии не должно быть больше ни одного негодяя, кроме меня. Теперь мне говорят, что Ремиро так же нелюдим, как каленое железо, которым мы прижигаем раны, и если при таких обстоятельствам он действовал против моей воли, то я знаю, что народ будет рукоплескать от восторга, когда увидит его восходящим на один из им самим же построенных эшафотов.

— Тогда я одобряю расправу над ним! — шутливо заметил посол. — Никто не имеет права властвовать над другим против его желания, хотя бы это служило ему на пользу. Но, ради Бога, куда

же мы забрели?

— Туда, куда я все время направлял наши шаги, Никколо, потому что и в развлечениях я не забываю своих дел. Я хотел просить вас прислать сюда моего немого слугу Зейда, а эта громадная сосна послужит приметой, по которой вы направите его сюда ко мне.

VIII

- Нет, благородный господин, здесь, в этой ужасной лощине, слишком уныло, особенно после нашего разговора о привидениях, сказал флорентиец, взглянув из долины на реку, оставленную ими далеко позади.
- Бросьте мрачные мысли! Герцог Гандийский хорошо устроился на небе, а для нас осталось больше места на земле, насмешливо возразил шут. Торопитесь, мой добрый Никколо, и пошлите моего Зейда; но смотрите, чтобы его уход не был замечен, и пусть он захватит с собой собаку.
- Они здесь, благородный господин, ответил Макиавелли, указывая на собак, с опущенными головами медленно следовавших за своим господином.
- Бедные животные! проговорил Цезарь, ласково погладив собаку по голове. Они не привыкли, чтобы таким образом обманывали их ожидания. Но нечего терять время, Макиавелли; я останусь здесь, пока не передам приказаний Зейду.
- Но еще раз, благородный господин, будьте благоразумны; подумайте, прежде чем замыслите что-нибудь против этого молодого человека, — с легкой боязнью в голосе промолвил Макиавелли и плотнее закутался в плащ, словно ночная прохлада лихорадила его.
- Не беспокойтесь; я просто отправлю Зейда с одним поручением,
 нетерпеливо ответил шут.

Флорентиец, заметив что его спутник взволнован и раздражен, почтительно поклонился и пошел. Поднявшись по крутой тропинке, ведшей к монастырю, он не мог удержаться от соблазна остановиться на мгновение на вершине, откуда отчетливо видел высокую стену, у подошвы которой сидел Цезарь Борджиа.

— Тиран, убийца, братоубийца! — громко закричал он, словно не мог больше сдерживать свою чувства. — Но также и истребитель тиранов! Будь королем, чтобы сделать ненавистными все формы королевского достоинства, как твой отец стал священником, чтобы сделать отталкивающими все формы суеверий. Скуй неразрывной цепью разъединенные провинции Италии и, если необходимо, пролей для этой цели море крови. Живи, чтобы объединить Италию, и ты должен будешь умереть, чтобы освободить ее!

И, судорожно сжав клинок кинжала, республиканец шестнадцатого столетия продолжал свой путь.

Но, не дойдя до ворот монастыря, он встретил того, кого искал. Зейд только один знал, кто скрывался под личиной шута, но он был только мавр и — мертва восточной жестокости — нем. Однако

молчаливость была одним из тех качеств, которые Борджиа особенно ценил, и потому мавр был особенно удобен для целей своего господина. Он числился при Борджиа скороходом, но в Риме молва называла его душителем, и, хотя никто никогда не видел его в этой роли, все же слухи об этом носились самые удивительные. Еще более чудесные рассказы ходили о способности Зейда бегать, что очень ценилось в те времена в скороходах. О Зейде рассказывали, между прочим, что он бегом не раз догонял на охоте оленя и без всякого оружия клал его на месте.

Наружность "душителя" вполне соответствовала рассказам о нем. В немногих словах, понятных мавру, Макиавелли передал ему поручение его господина, и мавр с такой стремительностью поспешил к Борджиа, что флорентиец готов был поверить, что он свернулся, как перекати-поле, и скатился в долину.

Душитель быстро добрался до указанного места, где его повелитель беспокойно ходил со скрещенными на груди руками взад и

вперед.

— Зейд, ты устал, бедный пес, и мне очень не хотелось бы снова посылать тебя в горы, — ласково проговорил Цезарь при виде скорохода. — Но я знаю, что ты любишь меня! Разве не я вымолил тебе жизнь, когда султан Зем занес над тобой саблю и хотел снести твою голову!

Раб фыркнул, как лошадь, почуявшая опасность, и этим выразил

свое признание.

— Ты должен быть еще сегодня ночью в Ронсильоне, — начал снова Цезарь, переходя в повелительный тон. — Там в крепости ты найдешь подесту Романьи, дона Ремиро д'Орко, ожидающего моего прибытия. Возьми это кольцо в доказательство того, что ты пришел от меня, и передай ему мой следующий приказ: он должен немедленно отослать дона Мигуэлото со всеми испанскими солдатами, которые не нужны для защиты крепости, с таким расчетом, чтобы они могли рано утром присоединиться ко мне.

Зейд низко поклонился, взял перстень и в знак почтения и по-

слушания положил его на голову.

— Ступай по течению реки до Нарни, оттуда ты знаешь дорогу, — продолжал Цезарь. Скороход хотел уже идти, но Борджиа быстрым движением удержал его. — Смотри, не теряй времени! Через час луна скроется за горами, и, лишь только исчезнет ее последний луч, я пошлю по твоему следу собак. И, если ты остановишься на дороге, чтобы улечься спать, ты знаешь, кто поднимет тебя.

Со знаками уважения мавр поклонился еще раз, как будто высказанная мера предосторожности была в порядке вещей, пустился

как стрела из лука и почти моментально исчез из глаз.

Цезарь решил, по-видимому, исполнить свое обещание, так как остался на месте. Несколько мгновений он стоял, погруженный в свои мысли, а затем снова стал беспокойно ходить взад и вперед

по поляне, не обращая внимания на то, что собаки следовали за ним по пятам.

Вдруг животные тихо завыли, вытянули морды по ветру и задрожали всем телом. Цезарь посмотрел на них, а затем взглянул по направлению, откуда собаки опасались, по-видимому, чьего-то появления. Он ожидал увидеть волка или кабана или какого-либо другого хищного жителя гор, но какое-то время и его орлиный взор не мог ничего рассмотреть. Вдруг в некотором отдалении на берегу реки показалась темная фигура приблизительно в человеческий рост, но неопределенных очертаний.

Лицо Цезаря внезапно побледнело, и он прислонился к дереву, чтобы не упасть. Но в следующее мгновение он уже пришел в себя, поборол свой ужас и бросился вперед, воскликнув громким и твердым

голосом:

- Стой, кто идет? Друг или враг герцога Романьи?

— Эй, вы, эхо! Эй, вы, девы! Бросьте со мною шутки в эту ночь! — ответил на это чей-то глухой голос.

Звук этого голоса, по-видимому, окончательно успокоил Цезаря. Его взор по-прежнему был направлен на путника, но и тени страха

в нем уже не было.

Между тем тот поразительно медленно, словно дряхлый старик, не переставая разговаривать с собой, продвигался вперед. Он был неуклюж и сильно горбился, его походка была неуверенна, и он все время опирался на палку; лицо же и вся фигура его были закутаны черным плащом, который был привязан у бедер, причем против глаз были вырезаны две дыры. Это была черная одежда кающегося, которая одевалась обыкновенно самыми отъявленными грешниками.

— Добрый вечер, отец! Куда так поздно и в таком одиночестве? — веселым голосом спросил Цезарь, словно чувствуя себя свободным

от охватившего его раньше ужаса.

— Хорошо одиночество, когда на каждом шагу кричит и воет

волк! — с ужасным смехом ответил кающийся.

- Как будто я уже слышал этот голос ... задумчиво сказал Цезарь. Ах, ты явился, словно по зову! Не старый ли ты мой учитель великого искусства дон Савватий из Падуи, внушивший мне умную мысль, показав в зеркале из магического камня мое будущее и, когда инквизиция пожелала поближе познакомиться с тобой, сжегший свои книги и исчезнувший, как блуждающий огонекна болоте.
- Или как те огненные языки вот там на вершинах? заметил кающийся, непомерно длинной, тощей и сморщенной рукой указывая на отдаленную гору, где виднелось довольно обычное в этих вулканических странах великолепное явление.

Казалось, что чьи-то демонические руки кидали снизу вверх горящие факелы.

- Но ведь это ты? сказал Цезарь, равнодушно взглянув в указанную сторону.
 - Я уже давно был им, ответил кающийся.
- Да, ты стар, очень стар, и в твои годы тебе необходимы покой и удобство, нежно промолвил Цезарь. Теперь я уже не так беден и бессилен, чтобы не быть в состоянии оказать друзьям услугу, как прежде, когда мы в Пизе изучали вместе каббалу. И мне хочется возобновить мои знания. Поэтому если ты пожелаешь, мой добрый Савватий, поселиться у меня, в замке святого Ангела, ты получись одну из башен и можешь там в таком близком соседстве со святой инквизицией заниматься своим запрещенным искусством, что можешь плюнуть на нее, когда посмотришь на нее из окна. Мы станем тогда делать медные головы, которые говорят, будем изобретать противоядия и изучать растения, дающие такие чудесные яды, что умереть от них одно удовольствие, и заниматься такими вещами, которые ты так любил тогда, когда я еще был твоим прежним и послушным учеником.
- Да, вы больше уже не младший брат, произнес кающийся, насмешливо кланяясь, и я очень благодарен вам за ваше приглашение; но людям, прожившим более пятнадцати столетий, следует думать о смерти; эти обязанности и меня заставили отказаться от черной науки и послали в Рим, чтобы на этом юбилейном празднике я спас свою душу.
- Пятнадцать столетий! Ты шутишь или сошел с ума, дон Савватий! испуганно воскликнул он.
- О, вы еще не знаете, как долго может ненавидеть небо! с горячностью ответил кающийся. Уже много столетий миновало с тех пор, как был зажжен огонь великой радости, а тот, кто плюнул в лицо Сыну Божию, когда тот нес крест на лобное место, все еще одиноко странствует по свету.*
- Но оставайся у меня; я знаю, ты обладаешь многими великими тайнами, изучение которых разрешает нам даже сама церковь, льстиво сказал Цезарь. Разве я не видел, как ты пробудил в образе привидения умершего императора, который вручил мне свой скипетр?
- Какая польза тебе утруждать его еще раз? спросил каюшийся.
- Но, если ты можешь пробуждать умерших, разве ты не можешь также успокоить их? Чего ради он своим присутствием будет омрачать мне сияющий день? воскликнул Цезарь, мучительно сжав руки.

^{*} Автор намекает на героя легенды о "вечном жиде" Агасфере. Когда Христос шел на Голгофу и хотел отдохнуть подле дома башмачника Агасфера, последний будто бы стал отгонять его. Христос сказал: "Я отдохну; ты же ходи, пока я не приду". С тех пор Агасфер будто бы странствует по свету.

— А разве и тебе мешают мертвецы? — возразил кающийся, и его глаза сверкнули в отверстие саркастическим, дьявольским огнем.

— Ты — опытный толкователь загадок, — спокойнее промолвил Цезарь. — Я не могу сказать, что боюсь этого, но оно мешает мне, когда вдруг среди пира или блестящего праздника я, подняв свой взор, вижу того мертвеца перед собою. Но не думай, что я боюсь его; я презирал его при жизни, презираю его и после смерти! Я скажу тебе, дон Савватий, что, когда, возложив в Неаполе в качестве посланника святейшего престола корону на главу короля дона Федериго, я в первый раз увидел его, я почти не испугался.

— Это — лихорадочный бред, сын мой; вас преследует одно из самых сильных воспоминаний, которое может быть вытеснено только еще более сильным, — с коротким заглушенным смехом ответил кающийся. — Но вы забыли отослать ваших собак, а луна уже далеко

зашла за Монте Сомма.

— Разве ты слышал мои угрозы Зейду? — с легким ужасом спросил Цезарь. — Но я никогда не грожу понапрасну. Фью — Марий, Сулла, за ним!

С этими словами Цезарь указал на след Зейда собакам, неподвижно лежавшим и все еще дрожавшим, словно присутствие незнакомца наполняло их страхом.

Но животные не двинулись и снова завыли.

- Без сомнения, я обладаю чарами, мешающими им удалиться. Но я ухожу, проговорил кающийся со своим обычным хихиканьем.
- Теперь уже поздно; пойдем со мной туда, в картезинаский монастырь, промолвил Цезарь.

Однако кающийся отрицательно покачал головой и насмешливым и в то же время тоскливым тоном ответил:

— До самого Рима я не должен отдыхать под крышей, а тем более осквернять своим присутствием святой дом.

— Тогда я проведу вместе с тобой ночь под этим могучим кровом, — сказал Цезарь, указывая рукой на небо.

— Нет, я не смею медлить, а ты должен возвратиться к своему обществу. Разве у тебя не горят уши? Ведь там говорят о тебе! — произнес кающийся и поднял свой посох, словно намереваясь про-

должать путь.

— Так обещай по крайней мере навестить меня в Риме. Тебе стоит только явиться в замок святого Ангела с каким-нибудь знаком от меня к донне Фиамме, такой же последовательнице черного искусства, и ты будешь вернее и безопаснее спрятан у нее, чем некогда Мерлин * при дворе короля Артура.

^{*} Волшебник Мерлин является одним из главных действующих лиц цикла "Королевских идиллий" английского поэта Тениссона, описывающих легендарную личность короля Артура и его рыцарей "Круглого стола".

 Дайте мне ваш знак, — после небольшой паузы проговорил мудрец, — об этой женщине и ее любви к науке я уже слыхал.

— Тогда я тебе отдам мой ядовитый смарагд, который краснеет, если мое питье опасно; свой перстень я уже отослал по другому делу, — медленно сказал Цезарь, а затем с очевидной неохотой вынул из углубления в палке маленькую свинцовую коробочку, величиной и видом напоминавшую игральную кость, и отдал ее кающемуся. — Если нам суждено увидеться с тобой снова, дон Савватий, то покажи мне тогда наконец свое лицо, которое ты так тщательно скрывал всегда. Тебе нечего бояться, что я из недостатка веры или рассудка предам тебя.

— Никому не верь, никого не бойся! — уныло произнес кающийся. — Но слушай, тебя зовут. Иначе что могут значить эти голоса,

раздающиеся с утесов?

— Итак, до свидания в замке святого Ангела! — сказал Цезарь,

подходя ближе, чтобы подать ему на прощание руку.

Но незнакомец удовольствовался каким-то фантастическим поклоном, высоко подняв свои тощие руки, а в следующее мгновение исчез за уступами скал.

— Гей, шут, шут! — раздались в отдалении голоса.

По-видимому, Макиавелли был озабочен продолжительным от-

сутствием своего шута.

Лишь только последователь тайных наук исчез, собаки с обычной живостью подпрыгнули. Цезарь, заметив это, попробовал пустить их по следу Савватия, но тщетно, собаки подняли страшный вой и не двинулись с места. Тогда Цезарь отвел их на прежнее место, к сосне, где его оставил Зейд, и они сейчас же пустились искать его по следу. Когда легкий шум их шагов стал неуловим даже для его острого слуха, Цезарь повернулся и направился к монастырю.

IX

Поднявшись на гору, Борджиа очень искусно крикнул по-совиному, и благодаря этому к нему вскоре подошли Макиавелли и несколько солдат. Флорентиец с искусственным неудовольствием сделал ему выговор за беспокойство, причиненное его отсутствием; шут же ответил ему, что пытался достать золотую корону, висевшую на небе, а затем стал бессмысленно насвистывать свою песенку. Солдаты тем временем по знаку посланника направились к монастырю.

— Вы знаете, благородный господин, — начал после их ухода Макиавелли, — возможно, что доминиканец был послан вашим батюшкой, так как я слышал, что он еще задолго до того, как синьор Паоло попал в западню, встретил его на пути и уговаривал вернуться.

— Как же это может быть? Бандитам довольно трудно сделать моего отца своим сообщником! — сухо возразил Цезарь. — По правде сказать, я, право, не знаю, чем объяснить все это. Духовник сестры — доминиканец!

— Знаменитый отец Бруно Ланфранки, ученик Савонаролы? Но

почему же ваша сестра...

— Да, нахальный монах, своими поношениями уже давно заслуживший, чтобы ему вырвали язык с корнем! Только глупость Лукреции хранит его! — с ненавистью воскликнул Цезарь. — Во всех делах меня сейчас держат под надзором, но мое время еще придет.

С этими словами они подошли к монастырю; там в большом зале они нашли Паоло Орсини и его спасителей, оживленно беседовавших за скудной трапезой о последних событиях. У запасливого Бембо нашлось в тюках бутылки превосходного вина, и несколько глотков

его заметно оживили освобожденного пленника.

— Я только что удивлялся, мессир Никколо, — сказал Орсини, когда посланник занял за столом свое место, между тем как шут беззаботно бросился на приготовленный для него пук соломы у огня, — каким это непостижимым образом бандиты проведали, что я намереваюсь пройти через горы под легким прикрытием, которое они умертвили при моем захвате?

— Если бы о вашем намерении знал только папа Александр, а не его ужасный сын! И тем не менее не нужно большого усилия, чтобы вывести заключение, — сказал иоаннит, и на мгновение во-

царилось молчание.

— Нет, рыцарь, хотя вы — мой храбрый и благородный спаситель, я все же прошу вас не говорить таких речей! — побледнев, возразил Орсини. — Донна Лукреция так же добра, как прекрасна, и прямо преступление даже в безумии помышлять о таких ужасах.

— Вы счастливы в своем заблуждении, благородный синьор, —

холодно промолвил рыцарь.

— Благодеяния донны Лукреции безграничны! — с жаром продолжал молодой дворянин. — По сию сторону нет ни одного нищего, который не мог бы рассказать о том.

— Ведь это необходимо, дядя Никколо, для того, чтобы прикрыть страшные грехи, — сказал шут, кидая на посланника ничего не вы-

ражающий взор.

— Берегитесь, синьор Паоло, чтобы те солдаты не слышали нашей болтовни!.. Они на службе герцога Борджиа, — с заметным беспо-

койством заметил Макиавелли.

— О, самый худший из моих англичан свободно положит лучшего из этого пестрого сброда! — презрительно возразил Лебофор. — Да и большинство негодяев спит на сене; кроме того, они, будучи большей частью дикарями, на таком расстоянии поймут немного из того, что мы говорим. Прежде чем жениться на этой женщине, будь она сама Венера, — воскликнул он после небольшого раздумья, что было совсем не в его правилах, — я лучше посватался бы за старшую дочь дьявола с вечным проклятьем вместо приданого!

— Нет, если бы донна Лукреция была даже этой дочерью, а смерть — священником, благословляющим наш брак, я с восторгом

лег бы в могилу, если бы только она разделила ее со мной! — страстно воскликнул Орсини.

— Во всяком случае она должна быть непременно красавицей! —

промолвил, взглянув на иоаннита, Бембо.

— Тогда, синьор Паоло, в предательстве по отношению к вам, вероятно, отец и сын протянули друг другу руки, — упрямо проговорил иоаннит.

Розу понюхать рыцарь хотел, Розу понюхать он не успел: Пчелка ужалила рыцаря в нос, Рыцарь разгневался, рыцарь вскипел,

Выбранил розу и бросил в ручей. Рыцарь, не слушай ты глупых речей! —

сымпровизировал шут, бросив на всех бессмысленный взор, как будто бы не понимая, что говорит.

— Нет, рыцарь, такое предательство действительно невозмож-

но! — воскликнул Бембо.

— Разве и он накололся на шипы, что так горько жалуется? — снова начал шут, серьезно взглянув на иоаннита, о затем внезапно с выражением почти идиотской глупости перевел свой взор на Орсини, который в первый раз внимательно посмотрел на него.

— Господи, Боже мой, разве есть что-то невозможное для Борджиа? — воскликнул иоаннит, не обращая внимания на молящий взгляд Бембо. — Почему, говорят, убит герцог Гандийский?

Один Роланд за одного Оливера. Цезарь стал герцогом Романьи! — со смехом сказал Лебофор, но без своей обычной живости.

- Но позвольте, сказал посол, ведь вам известно, синьор Орсини, что в интересы республики вовсе не входит упрочение мира между вашей партией и Цезарем; но при печальном изменении его обстоятельств у него, несомненно, были все причины по отношению к вам, как главному деятелю примирения, действовать открыто и честно.
- Кроме того, сказал Орсини, хватаясь за эту соломинку, Цезарь в доказательство своей искренности рассказал мне все о тайных переговорах, происходивших между ним и Марескотти из Болоньи, которые в своей ненависти против Бентиволи хотели выдать ему город.
- Он выдал их, потому что не верил, что они выполнят свое обещание, ответил неуступчивый иоаннит.
- В таком случае он позорное пятно рыцарства, недостойный изменник! с жаром воскликнул Лебофор.
- Хватит ли у вас, рыцарь, мужества высказать это ему в Риме? спросил Макиавелли.
 - Да, или в его логовище!

Легкий жест шута прервал ответ, готовый сорваться с языка Макиавелли.

- Нет, вы не можете винить яйца за то, что из них выходят крокодилы, — проговорил он со своим обычным ничего не выражающим взором, странно противоречившим его полным смысла словам.
- Мне больно слышать, господа, ваши неразумные речи,— сказал Бембо, так как поистине вы оскорбляете нашу святую матерь церковь, понося таким образом ее высшего земного главу. Кроме того, вы подкапываете самое основание веры, так как может ли быть божественной та религия, которая своим представителем имеет такое чудовище?
- Он избран благодаря симонии * и не по праву удерживает за собой власть, пока его не поразит небесный гром! страстно возразил иоаннит.

— Или союз римского дворянства, который, как я слышал, за-

мышляет это, — проговорил флорентиец.

— Небесное возмездие уже покарало его избирателей за их прегрешение против Святого Духа и сделало это собственными руками избранника, — продолжал иоаннит. — Кардинал Колонна в изгнании, у Юлиана Делла Ровере, Асканио Сфорцы и Савелли конфисковано имущество, и, чтобы спасти свою жизнь, они сами бежали из Рима; старый кардинал ди Капуа отравлен; кардинал Орсини и архиепископ Флорентийский будут уничтожены со своими близкими в очень недалеком будущем.

— И все же возможно, что только такая пылкая и страшная душа, как у его святейшества, могла возвратить церкви ее блеск и отнятое у нее наследие и что ради этого Небо стерпело его возвышение, —

неуверенно сказал Бембо.

- Юрист, солдат и священник! Разве по этому рецепту делают черта, дядя? спросил шут. А ведь Цезарь последовательно был ими.
- И все в такой высокой степени! возразил флорентиец. Папе Александру, бесспорно, приписали бесконечно больше дурного, чем он заслуживает. Его безмерная любовь к могуществу и к своим детям, его стремление к прославлению своего имени, его могучие, пылкие страсти все это привело его к ужасным деяниям тирании, но всем этим действиям он дает такое верное направление, что к ним почти нельзя предъявить обвинение в несправедливости. Кто из его жертв не заслужил своей участи?
- Да как вы можете обвинять папу в симонии, когда во время его избрания ни один святой на небесах не славился столькими божескими и человеческими добродетелями, как он? поддержал его Бембо.
- Возмутительное лицемерие! возразил иоаннит. Но я готов допустить, что его сын наихудший из двух демонов и под-

Во времена папы Григория Вел. Льва IX, Григория VII в Западной церкви свирепствовали купля и продажа священного сана, так называемая симония.

стрекает упрямого старика на его ужасные поступки; ведь с тех пор, как Цезарь * стал пользоваться влиянием, получилось так, будто Римом стал править ареопаг. Говорят, что теперь он по временам даже чувствует угрызения совести; но поток уже раз захватил его, и он не может удержаться. Александр — безумный тигр, но Цезарь — помесь змеи и тигра.

 Ради вас самих, благородный рыцарь, я дал бы вам совет помолчать в Риме о таких вещах.
 — очень серьезно сказал посол.

— Мой спаситель будет в Риме под моей защитой, — с горделивым румянцем на бледных щеках воскликнул Паоло Орсини, — а мы, Орсини, не подчинялись там ни папе, ни Цезарю!

 Я знаю, ваш род очень могуществен, благородный синьор, ледяным тоном ответил Макиавелли, — но как-то странно звучит

ваша речь для вассала святого престола.

— Если еще есть такая низость, которую не совершил бы этот Цезарь, хотел бы я знать, как он ее называет на исповеди! — сказал Лебофор. — О, в нашей стране его задушили бы при рождении, если бы можно было прочитать его душу на его лице.

— Почему же вы не умертвили своего короля, горбатого Ричарда**, точный портрет Цезаря? — сухо спросил Бембо. — Освещало

ли когда-нибудь солнце более мрачного злодея?

— Не смейте оскорблять короля Ричарда, или, клянусь небом... Впрочем, ведь вы не знаете, что это именно он был тем храбрым королем, который в утро перед битвой у Босфорта посвятил меня в рыцари и со своей шляпы отдал мне цветок дрока! — с жаром воскликнул Лебофор.

— Ого, смотрите-ка!.. Какой же великий подвиг совершили вы, рыцарь? Ведь, по моему расчету, тогда вам едва ли могло быть больше двенадцати лет? — спросил Макиавелли. — Скажите мне это, пожалуйста! ... Ведь я знаю, что этот король редко делал что-нибудь

без достаточной причины.

— Мой отец, мой брат и их приближенные ночью покинули короля Ричарда, чтобы соединиться с Ричмондом, теперешним королем, — ответил Лебофор, — я же, будучи в полном неведении о злодеяниях Ричарда и восхищенный лишь его рыцарской храбростью, потихоньку вернулся в его лагерь. Когда Ричард услыхал об этом, он поклялся святым Павлом, что я один стою больше всей моей

** Английский король Ричард III, которого подразумевает здесь автор, отличался

уродливостью, но и значительной храбростью.

^{*} Со времени убийства брата Джиованни, герцога Гандийского, Цезарь Борджиа всецело овладел папой Александром, и тот стал подчиняться ему во всех случаях и лишь изредка пытался направить дела по своему усмотрению, как, например, в случае, описываемом в настоящем романе, а именно в вопросе третьего замужества Лукреции, где желанным кандидатом на ее руку являлся для него лично — вопреки желанию Цезаря — Паоло Орсини. Этим и была вызвана попытка Цезаря погубить Орсини на его пути в Рим.

семьи, и, воскликнув: "О, mon Beaufort, seras le Beaufort!" *, обнажил свой меч и так сильно ударил меня, посвящая в рыцари, что я несколько недель чувствовал на спине это посвящение.

 Поистине, брат Реджинальд, короший нотариус немало заработал бы, составив только реестр преступлениям Цезаря, — снова

начал неугомонный иоаннит.

— Преступлениям, которые приписываются ему, должны бы вы сказать, это было бы справедливее, — с жаром возразил Макиавелли. — Но что же доказано из преступлений Борджиа? Разве непреложна истина — обвинения их злейших врагов, которых они заставили отказаться от своих несправедливых и наглых притязаний? Папа Александр хочет восстановить права церкви над своими вассалами; они оказывают ему противодействие; он заставляет их подчиниться, и поэтому он — тиран! Князья церкви восстают против своего верховного главы, он отправляет их в изгнание и конфискует их имущество, потому он — угнетатель! Его старший сын падает под рукой неизвестного соперника — значит, его убил родной брат!

— Зятья папы один за другим погибают от руки убийцы, и молва твердит, что здесь дело не чисто, — насмешливо подражая Макиавелли, продолжал иоаннит. — Епископ Сельтский отравлен, и в народе идет слух, что его убили, так как он посмел утверждать, что Цезарь возил во Францию буллу, благодаря которой король Людовик мог развестись со своей худощавой кузиной и жениться на пышной вдове из Бретани**. Борджиа ведут войну с римским дворянством и уничтожают его, обращают затем свое оружие против вассалов Романьи и тут простодушно пытаются уверить, что они на развалинах всеобщей свободы утверждают собственную тиранию.

Некоторые старые беспутники умирают скоропостижно, следовательно. Цезарь отравил их? — начал снова задетый Макиавелли.

— Нет, и молодые также! — возразил иоаннит. — За жизнь своего бежавшего брата Зема султан Баязет обещал триста тысяч дукатов, и Зем умирает от яда в лагере французского короля, который думал, что он принесет ему пользу в крестовом походе против поганых турок.

— И из этого, конечно, следует, что в его смерти виновны Борджиа? - сказал флорентиец. — Если Баязет за жизнь брата хотел

* Игра слов: "О, мой Бофор, ты будешь твердыней!"

^{**} Задавшись целью объединить под своей властью Италию, Цезарь Борджиа, чтобы добыть необходимые средства и людей, решил воспользоваться авторитетом своего
отца Папы. Как раз в это время случилось, что французский король Людовик XII
захотел развестись со своей хромоногой женой Жанной, принцессой Французской,
и жениться на Анне Бретонской. Цезарь выхлопотал у папы этот развод и получил
от Людовика герцогство Валентинуа ежегодные платежи по 20000 ливров; наконец,
Людовик помог ему в 1499 г. жениться на дочери наваррского короля Шарлотте д'Альбре.

заплатить такую высокую цену, неужели он не мог найти для этой

цели другие руки?

— Лучшим ответом на это может быть объяснение Цицерона на вопрос, кто неизвестный виновник преступления: "cui prodest" — тот, кому это приносит пользу, — ответил иоаннит. — Кто, как не Цезарь, получил все наследство после молодого турка, его гарем и все его сокровища, которые он после своего неудачного мятежа привез с собой в Италию?

— Государство — законный наследник всех чужестранцев, умирающих на чужбине и не оставляющих после себя наследников, — промолвил Орсини, — и святейший престол был волен передать свои

права кардиналу Валенсийскому, каким был тогда Цезарь.

— Вы хотите сказать, благородный синьор, что кардиналу Валенсии угодно было захватить это наследство, а протонотариусу Джиованни Баттисто Феррара — передать ему от имени святейшего престола, — возразил иоаннит. — Кардинал Валенсийский! Вот почтенный священник!.. Ведь он похитил из монастыря постриженную монахиню, к тому же происходившую из самого благородного в Риме рода Колонна.

- Простите, рыцарь, Орсини не уступают в благородстве ни одному роду; наши вольные грамоты самые древние, которые когда-либо представляла церковь, с надменной резкостью произнес Паоло Орсини, задетый, с одной стороны, едкими замечаниями иоаннита относительно его невесты и ее родни, а с другой ненавистью и вечным соревнованием, с незапамятных времен царствовавшими между родами Орсини и Колонна. Кроме того, прибавил он, уже давно всем известно, что несчастную девушку увлек на вечную погибель султан Зем.
- Неправда! Благородный турок допустил это лишь как предлог, чтобы замаскировать отказ папы Александра разыскать эту монахиню и покарать ее, как предписывают канонические правила, серьезно сказал иоаннит.
- Скажите, пожалуйста, мессир Бембо, в чем заключается эта кара? спросил сир Реджинальд, обращаясь к священнику.
- Ее надлежало бы замуровать в стену, с серьезным выражением лица ответил Бембо.
- Тогда честь и слава папе Александру и за то, что он не привел этого наказания в исполнение, я от души пью за его здоровье! воскликнул Орсини, залпом осушая свой стакан.
- Господа, уже поздняя ночь, а так как едва ли наш разговор приведет к добру, то, мне думается, лучше отправиться нам на свои насесты, зевая, заметил Макиавелли. Вам же, синьор Паоло, покой еще больше необходим, чем кому-либо другому.
- Но я не хотел бы долго предаваться ему, возразил Орсини. Кто знает, что слыхали и поняли из нашего разговора солдаты

Борджиа и что у них в голове? — и его взор беспокойно упал на шута, уже уснувшего на своем неудобном ложе.

— Ну, так я буду сторожить вас и бодрствовать, шагая взад-впе-

ред, — сказал Реджинальд.

— Мы будем с тобою меняться, брат, — с серьезной улыбкой

предложил иоаннит, — а то ты завтра упадешь с седла.

— Это, бесспорно, будет самое лучшее, — заметил Бембо, которому очень хотелось спать и который вместе с тем боялся уснуть. — Если бы я не так устал от тряски своего мула, я с удовольствием согласился бы караулить всю ночь один.

С этими словами он стал устраиваться насколько возможно удобнее и быстро заснул, не дожидаясь конца спора, поднявшегося между Орсини и его спасителями, так как Паоло также захотел принять участие в этой, по-видимому, не нужной и лишней охране. Но то, что рассказывалось о коварстве и жестокости Борджиа, производило на всех такое сильное впечатление, что такая предосторожность никому не казалась смешной или ненужной.

X

От испытанных треволнений и беспокойств Паоло Орсини почти всю ночь не сомкнул глаз. Он первый поднялся с восходом солнца и торопил путников к отъезду, чтобы до наступления жары добраться до долины. Его нетерпеливое желание быть в Риме переходило почти в страсть и приняло даже довольно неприличный характер, когда он потихоньку стал уговаривать Лебофора тронуться в путь, не дожидаясь Макиавелли и его свиты, так как, по его объяснению, они могли только задержать их. Если бы Реджинальд и согласился на такое нарушение приличий, все равно этот план был бы разрушен шутом, который внезапно соскочил со своего ложа и так громко затрубил в лежавший около него рог, что мог пробудить окаменевшего короля Артура со свитой в уэльской пещере. Действие его было мгновенное, и Макиавелли, далекий от мысли расстаться с нежданными попутчиками, протирая глаза, стал упрашивать их не спешить, так как он, со своей стороны, готов был скорее потерять лишний день. чем лишиться их общества.

Во всяком случае старания Паоло ускорили отъезд. Отслужили обедню, настоятель торжественно благословил всех, и путешественники, щедро одарив монастырь, после довольно скудного завтрака, словно горный поток, гремя доспехами, выехали из монастыря.

Отряд двигался в порядке, насколько это допускала извилистая дорога, то сбегавшая в долину, то поднимавшаяся на утесы, но не уклонявшаяся далеко от реки. Орсини и Лебофор совершали путь рядом, причем Паоло ехал на лошади одного из английских солдат, который тем не менее и пешком не отставал от своих конных товарищей.

Быть может, именно в различии характеров итальянского дворянина и его нового друга был залог этого влечения, которое они взачимно почувствовали друг к другу. Открытый, веселый и беззаботный характер англичанина доставлял некоторое удовлетворение мрачному, страстному и подозрительному состоянию духа итальянца. Живость и ничем не омрачаемое добродушие рыцаря солнца совсем не в обычном для того времени свете показывали итальянцу природу человека. Для пресыщенного и образованного ума было приятно выслушивать простые и безыскусные рассуждения человека, почти не вкусившего книжной премудрости. В описываемое время английское дворянство выделялось главным образом только своим физическим развитием.

Бембо и Макиавелли вели между собой серьезный разговор, при этом оба напрягали все свои усилия к тому, чтобы скрыть свое истинное мнение и выпытать что-либо друг у друга. Иоаннит, по-видимому, не слишком вслушивался в разговор, и лишь изредка по его лицу пробегала серьезная улыбка, когда Паоло Орсини расточал чересчур горячие похвалы донне Лукреции. Шут носился, словно мотылек, то впереди, то сзади отряда; он подшучивал над кем-нибудь из путников, а в следующее мгновение уже гнался за пчелой и снова возвращался из своих хищных набегов, увенчанный репейником и чертополохом. Орсини время от времени беспокойно посматривал на него, но на подвижном лице шута трудно было что-нибудь уловить.

Путешественники почти не встречали людей на этом пустыниом пути; лишь изредка попадался одинокий пилигрим, или в отдалении виднелся молящийся отшельник, вышедший из своей пещеры. Путники двигались по извилистой дороге у подножия горы, и Бембо в прекрасном расположении духа развивал перед своими не особенно внимательными слушателями научные исторические теории. Вдругони увидели перед собой разрушенные арки моста, построенного из громадных мраморных глыб и некогда соединявшего обе стороны узкого прохода. На вершине его показались две фигуры: одна была серна, спокойно пасшаяся на краю разрушенной арки, другая, сколько можно было судить по яркому блеску при ее быстром исчезновении, — латник в полном вооружении. За скалистыми утесами под мостом высилась крутая гора, покрытая кипарисами и оливковыми деревьями, среди которых виднелись бесчисленные террасы цветущего города.

В первый момент Бембо пытался убедить себя, что он ошибся, что блестящее вооружение только показалось ему, но, пока он размышлял, в некотором отдалении раздался звук трубы, на который тотчас же отозвался другой, и внезапно из рощи появился отряд всадников в блестящем вооружении с копьями наперевес и развевающимися знаменами. Наши путешественники немедленно остановили лошадей и с изумлением смотрели на приближающийся отряд.

 Может быть, это — паломники, направляющиеся в Рим, нерешительно заметил Бембо.

- Зачем же они тогда вооружены и повернулись к Риму спи-

ной? — возразил иоаннит.

— Может быть, это — друзья синьора Паоло, пожелавшие видеть своими глазами, как он добрался до цели своего путешествия? — пожав плечами, промолвил Макиавелли.

— Не думаю, чтобы мои друзья решились в таком количестве покинуть Рим, не зная, кого при своем возвращении могут встретить у его ворот! - воскликнул Орсини. — Но нет!.. Разве вы не видите? Это же знамя церкви: ключи креста на хребте и меч святого Петра!

— Эй, копья наперевес! — скомандовал сир Реджинальд, оборачиваясь к своим людям, но с удивлением увидел, что отряд, окружавший его, состоял из всадников свиты Борджиа, которые тем не

менее моментально опустили, копья.

— Берегитесь, господа, чтобы на вас не напали одновременно сзади и спереди! — тихо предупредил Макиавелли и затем насмешливо добавил: — Зато мы с вами, брат Бембо, можем быть вполне спокойны, так как теперь вы несомненно найдете необходимым принять на себя настоящую роль посланника герцога Феррарского.

— Приберегите свои остроты до более благоприятного времени, мессир Никколо, — с беспокойством ответил Бембо. — Мы во всяком случае — паломники, по обещанию направляющиеся в Рим на святой юбилей. А может быть, эти люди — просто вассалы какого-нибудь дворянина, объезжающие лошадей, или фуражиры из Ронсильоне.

— Смотрите, и шут с ними! Надеюсь, что они ничего дурного не сделают болтуну, но зато я-то лично погибну! — со спокойствием отчаяния проговорил Орсини.

— Я, со своей стороны, не покину вас, жениха донны Лукреции, и в доказательство искренности своего обещания готов смешать свою кровь с вашей, — сказал иоаннит и, обнажив кинжал, разрезал им себе слегка руку и окровавленное оружие подал затем Орсини.

Синьор Паоло воодушевленно разорвал свой камзол и, сделав кинжалом надрез на груди около самого сердца, смешал свою кровь с кровью иоаннита. Лишь только он выполнил эту часть торжественного обряда, как сир Реджинальд схватил, в свою очередь, окровавленное оружие, задумался ненадолго, как лучше ему доказать свою дружбу, а затем, обнажив свое левое плечо вырезал на нем небольшой крест. Благодаря этому обряду, считавшемуся у рыцарства самым священным и нерушимым, три рыцаря стали братьями по оружию. Как только все было кончено, приближавшиеся всадники, гремя оружием, остановились под аркой разрушенного моста.

Худощавые, но высокие и мускулистые фигуры всадников, их камзолы из буйволовой кожи, неимоверно длинные копья, круглые щиты, большие бороды, небольшие, но огненные кони и масса

оловянных образков, висевших на груди, — все это обличало в них испанцев или, вернее, каталонцев.

Один из всадников — по-видимому, предводитель — отделился от отряда и настолько медленно приближался к путникам, что они имели достаточно времени хорошо рассмотреть его. Черты его лица были резки и грубы, а его крупные ноздри, толстые губы, оливковый цвет лица и жесткие волосы выдавали его арабское происхождение. Он был среднего роста, мускулист и подвижен. Выражение глаз было холодно, серьезно и решительно.

Приблизившись к паломникам, незнакомец в знак уважения склонил свое копье и внимательно, но не угрожающе осмотрел путников. Иоаннит пришпорил лошадь и гордо поднял свое копье; незнакомец моментально остановил своего коня, и оба встали как вкопанные.

- Что вам нужно от нас, кондотьер *? спросил иоаннит, убедившись, что у его противника не было золотых рыцарских шпор. Для чего вы преградили нам путь своими людьми?
- Меня зовут дон Мигуэль де Мурвиедро, обыкновенно же Мигуэлото; я полковник и начальник стражи в Ронсильоне, достоуважаемый рыцарь, ответил каталонец. Поэтому мне кажется, что я имею некоторым образом право спросить вас: что означает здесь, в Нарни, ваш вооруженный отряд? Я не намерен входить в долгие препирательства, так как имею точный приказ своего начальника, подесты Романьи, не терпящий отлагательств и имеющий целью освобождение нареченного зятя его святейшества, высокоблагородного дона Паоло Орсини, которого захватили какие-то неизвестные бандиты и запрятали до выкупа в пещере у Мраморного водопада.
- Тогда спокойно можете повернуть назад, так как я свободен и нахожусь в полнейшей безопасности, сказал Паоло Орсини, подъезжая к иоанниту и бросая испуганный взор на закованного в железо всадника, пробудившего в его душе какое-то смутное подозрение и напомнившего своим видом, что перед ним человек, которого молва называла одним из самых ужасных орудий Цезаря во всех его кровавых преступлениях.
- В таком случае, высокоблагородный синьор, я буду иметь честь сопровождать вашу светлость до Ронсильоне, произнес кондотьер, слезая в знак своего почтения с лошади. Дон Ремиро ожидает вас там и оттуда сам будет сопровождать вашу милость в Рим.
- Благодарю вас, храбрый воин, так же, как и пославшего вас, ответил Орсини, но в этом нет надобности, потому что я нахожусь сейчас в полнейшей безопасности.
- Покорнейше прошу вашу милость не забывать, что я солдат, который должен повиноваться своему начальству, а подеста строжайше наказал мне доставить вас в Ронсильоне, ответил Ми-

^{*} Кондотьерами в XIV и XV вв. назывались предводители наемных дружин.

гуэлото таким тоном, в котором слышались и лесть, и угроза. — После такого происшествия дон Ремиро никому, кроме себя, не доверяет охраны вашей безопасности, которая так важна для государства и так дорога герцогу, его повелителю. За свое ослушание я могу поплатиться жизнью.

- Не хотите же вы сказать, что намерены захватить этого синьора против его воли? спросил Лебофор, нетерпеливо размахивая кольем.
- Я обязан исполнять то, что мне приказано заместителем герцога Романьи, рыцарь, возразил каталонец с улыбкой, которая скорее омрачила, чем осветила, его лицо. И если я не ошибаюсь, то у вас и спереди, и сзади копья, которые принадлежат его светлости герцогу. Поэтому я прошу благородных рыцарей подумать хорошенько; но на этом пути вы не можете и не должны идти иначе как под моей охраной и только в Ронсильоне.

Приведенный таким ответом в бешенство Лебофор поднял свое копье, но Бембо и Макиавелли поспешно схватились за него, а каталонец, сделав вид, что ничего не заметил, низко поклонился и возвратился к своему отряду.

- Что же делать? унылым голосом протянул Бембо. Сопротивляться немыслимо!
- До тех пор, пока один идет против десяти, мои англичане не сдадутся! воскликнул Лебофор.
- Я советовал бы вам поразмыслить, кто находится впереди и сзади вас, — промолвил Макиавелли.
- Нет, мои храбрые братья, ради меня вы не должны так бесполезно пасть в неравном бою, — печально произнес Орсини, но, немного погодя, более веселым тоном прибавил: — дон Ремиро не так враждебно настроен против меня, но вот что касается этого Мигуэлото... Вы, пожалуй, будете смеяться над моей глупостью, но мне сильно сдается, что он и голосом, и фигурой походит на атаманатой черной банды, которая захватила меня!
- Так трубите в атаку, и если эти негодяи сзади нас только двинутся с места, так они увидят, кто у них в тылу! горячо воскликнул молодой рыцарь солнца.
- Успокойся, брат, это была бы верная гибель! Но горе мне, если я покину кого-нибудь из моих кровных братьев! проговорил более рассудительный иоаннит. Мы будем сопровождать синьора Паоло в Ронсильоне, и, может быть, наше присутствие предотвратит элой умысел, если таковой имеется в виду.
- Что иного можно ждать от Борджиа? проворчал Бембо. Кроме того, я не раз слыхал, что подозрение наталкивает людей на дурное, как нагромождение мешков с песком ведет осаждающих всегда к самому опасному месту.

Но, несмотря на это и другие предупреждения предусмотрительного и трусливого Бембо, рыцари решили ехать вместе или вместе

погибнуть. Орсини должен был сообщить об этом решении Мигуэлото. Макиавелли выразил согласие следовать вместе, а Лебофор отправился к своим людям предупредить их на всякий случай.

Вскоре Орсини и Макиавелли вернулись с известием, что Мигу-

элото вполне согласился принять поставленные ему условия.

Таким образом, дело уладилось к общему удовольствию, и Мигуэлото приказал своим людям ехать вперед в Нарни, а сам со стальным шлемом в руках ждал под аркою, пока не прошли рыцари, посланник и Бембо с английскими латниками. Затем проследовал конвой Цезаря, так что маленький отряд был окружен со всех сторон.

Мигуэлото, вероятно, чувствовал, что его присутствие могло пробудить нежелательные для него воспоминания, и потому держался

в некотором расстоянии в арьегарде.

Вскоре появился истинный виновник его беспокойных поисков в лице шута. Свистя и напевая, он добежал до каталонца и с удивительной ловкостью вскочил сзади него на лошадь.

— Вперед! — повелительным тоном приказал он. — Если даже нас и заметят, так сочтут это дурацкой выдумкой с моей стороны. Клянусь Мадонной, немалого труда мне стоит привести в порядок

все нити, так идиотски глупо спутанные твоей бандой.

— Клянусь бородой святого Яго, благородный господин, я здесь совсем не виноват! — ответил Мигуэлото. — Дон Ремиро так строго смотрит за всем, что без его позволения мои люди никак не могли бы ничего сделать. Но, когда я предъявил ему неограниченные полномочия вашей светлости, у него хватило наглости показать мне приказ, собственноручно подписанный его святейшеством, по которому он под страхом смерти обязан доставить дона Орсини в целости к воротам Рима или, если бы благородный синьор предпочел свое инкогнито, следить за тем, чтобы по дороге с ним не случилось какого-либо несчастья. Когда я спросил его, как он пришел к мысли, что против синьора Паоло замышляется недоброе, он ответил мне, что его святейшество только опасался и если мое поручение не касается Орсини, то мне ничто не мешает исполнять приказания вашей светлости.

— Вот как? И больше ничего? — сказал шут.

- Нет, государь, так как, когда я увидел себя вынужденным ознакомить его с вашим решением, дон Ремиро битый час спорил со мной, что вы не могли умыслить такое предательство, как он назвал это, и наконец заявил, что он подеста церкви, а не герцога Романьи.
- Ага, он думает так? воскликнул Борджиа. Неблагодарная змея! Для того ли охранял я этого кровавого судью, эту гадину от народных проклятий, защищал его от гнева отца, чтобы услышать такую дерзость?

— В Риме, вероятно, найдутся люди, которым будет приятно видеть, какую ненависть против вашего владычества породила безжалостная справедливость подесты в сердцах народа, — сказал каталонец.

- Прекрасно!.. Пусть видят, как я умею пользоваться людьми, чтобы они оказывали мне только добрые услуги, а не служили мне во вред, воскликнул Борджиа. Ремиро привел Романью к покорности и к повиновению; что, если я отдам его народу как козла отпущения?
- Я думаю, ваши друзья не найдут достаточно причин еще любить его; я знаю, что между Ватиканом и Ронсильоне происходит очень оживленная переписка, проговорил Мигуэлото. Даже когда я ясно высказал дону Ремиро ваше намерение, он побледнел, как гусиная печенка, и согласился только на то, чтобы я захватил Орсини и спрятал его до тех пор, пока он не услышит вашего желания из собственных ваших уст, то есть другими словами, пока он найдет время известить об этом Орсини в Риме и Вителли в Кастелло, и в случае моего неповиновения грозил распилить меня.
- Распилить тебя! Этот арагонец учит меня новому роду смерти, какого я еще до сих пор не знал... Хорошая кара для изменника! Разве он к тому же не очень богат богат, если принять во внимание недостаток средств у государства и вымогательство у бедного люда!
- Поэтому-то он так усердно стремится к сиянию святейшего отца, ответил каталонец. Он больше ненавидит вас, чем любит, и потому повсюду ищет помощи. Свои награбленные богатства он ради безопасности хранит в Ронсильоне.
- Как ты думаешь, можно положиться на этих солдат? с легкой улыбкой спросил Цезарь.
- Их страх перед Ремиро может быть побежден только вашим личным вмешательством. Я, как известно вашей светлости, офицер почти без власти.
 - Ну, ну, ты на пути к ней, ответил Борджиа.
- При некоторых обстоятельствах вы дали мне милостивое обешание...
- Говорю тебе, что я не забыл его! Ты сам вредишь себе, напоминая мне про мои обещания, потому что я приберег для тебя гораздо лучшую награду! — с нетерпением перебил его Цезарь. — Разве я не осыпал тебя милостями, с тех пор как ты помог мне устранить ту тень, которая покрывала меня? Сколько времени прошло, негодяй, как ты был в Риме?
- Ваши приказания застали меня там, монсиньор, ответил Мигуэлото.
- Ага, тогда я могу узнать новости. Что поделывает мой угрюмый отец? Что он думает о наших последних деяниях?
- Как всегда, ваша милость, он радуется возвышению своего дома и пугается средств.

— Нет, это не все! Что сказал он моему посланному, который принес ему ключи Фаэнцы? — мрачно спросил Борджиа. — "Цезарь делает из меня великана, но великана в цепях!"? Да?

— Действительно его святейшество становится под старость вор-

чливым и подозрительным, — согласился Мигуэлото.

— Я слышал, что на время юбилейных празднеств комендантом замка святого Ангела он назначил старого дурака, сиенского кардинала Николомини? — резко спросил Цезарь.

— Какое же это может иметь значение, синьор, когда находящиеся в замке немцы и гасконцы до последнего человека преданы вам? Но становиться грустно, когда подумаешь, как много зависит от капризов вспыльчивого старика, на которого еще находят порой угрызения совести!

— Маловерный, ты должен с большим уважением отзываться о наместнике святого Петра! — шутливым тоном воскликнул Цезарь. — А какие вести из Милана? В то беспокойное время, когда

я объезжал свои циталели, я ничего не получал оттуда.

— Вчера через Ронсильоне проезжал герольд французского короля из Милана с неприятным, как я опасаюсь, посланием от короля его святейшеству и вам.

— Французский король в Милане? Ты шутишь, мой храбрый Ми-

гуэлото! — с удивлением воскликнул Цезарь.

— Как, монсиньор? Неужели же вы действительно не слыхали, что французы напали на Милан и уничтожили всех своих противников и что герцог Сфорца вследствие предательства швейцарцев в настоящее время их пленник?

— Мигуэлото, ты сошел с ума! Этого не может быть! По последним известиям их фуражиры были в Савое! — недоверчиво прого-

ворил Цезарь.

Но дальнейшие подробности, сообщенные ему его наперсником об удивительной победе, одержанной Людовиком Двенадцатым над миланцами * после их вторичного возмущения, не оставляли места никаким сомнениям.

- Вот тема для нравственных размышлений о падении дурных правителей!— оправляясь от своего изумления, проговорил Цезарь. Такая изобретательная голова, с такой радостью принятый снова своими поддаными как это могло случится? Может быть, Сфорца слишком дурно платил своим наемникам или, наоборот, слишком хорошо? Вот загадка, которую ты должен разгадать мне, друг Никколо! Эти проклятые швейцарцы! Кто еще будет доверять им?
- Конечно, не ваша милость; и я сомневаюсь, чтобы они забыли кровавую баню, которую вы устроили им в Риме за то, что их братья

^{*} Французский король Людовик XII предъявил притязания на Миланское герцогство и в 1499 г. взял Милан.

в войске короля Карла разрушили дом вашей матушки! — ответил Мигуэлото.

— Плохо ты знаешь людей, если думаешь, что их легковерию есть

пределы! — заметил Цезарь.

— Тем не менее его святейшество, по-видимому, не разделяет того же мнения, так как тех, кого он своим вмешательством спас от наших мечей, он назначил в личную охрану донне Лукреции, моей повелительнице, — с особым ударением проговорил Мигуэлото.

— A! — был единственный ответ Цезаря, который тем не менес

имел глубокое значение для его наперсника.

— А при известии о счастливом возвращении вашей светлости, — продолжат Мигуэлото, — его святейшество присоединил к ним еще сотню легко вооруженных албанских беглецов, которые наводняют всю страну около Непи.

- Непи! Что делает там донна Лукреция! - с напускным рав-

нодушием спросил Цезарь.

- Молится и кается... должно быть, за чужие грехи, ответил Мигуэлото с кривой усмешкой. Вероятно, в честь ваших побед и вашего счастливого возвращения его святейшество провозгласил свою дочь герцогиней Непийской. Поэтому она очень часто бывает в Непи, где имеется сильная крепость.
- Не шути со мной, Мигуэлото! сказал Цезарь таким суровым тоном, что насмешливое настроение его спутника исчезло в один миг, но затем, как будто забыв об этом, он прибавил: однако, действительно, этот неожиданный успех французов меняет все мои планы! Кто мог бы предположить такую внезапную перемену счастья!

- Ваши враги, благородный господин, теперь повсюду поднимут

голову, — озабоченно проговорил Мигуэлото.

— А все-таки из этого обстоятельства может получиться некоторая выгода, — возразил Цезарь. — Я не могу больше рассчитывать на французов, и папа разрешит мне для себя самого собрать итальянское войско, что несомненно посоветует ему и Никколо.

Мигуэлото с легкой гримасой покачал головой.

— Он скорее заключит мир с Колонна, чем даст вам в руки такую

силу.

- Не говорил ли я, что даже эта неудача с Орсини предназначена судьбой к моему же благу? воскликнул Цезарь. На всякий случай мне необходим мир с его партией, чтобы не допустить Колонна, и потому я радуюсь его спасению. Но вернемся к нашим новостям. Что поделывает кардинал Борджиа, мой двоюродный братец? Ему что-то нездоровилось, когда он уезжал от меня из Фаэнцы.
- Ах, ваша светлость, он скончался по дороге в Рим от какой-то внезапной болезни, словно это была чума. Прошло уже три дня с его смерти, с лицемерной грустью произнес Мигуэлото.
- Он не был другом мне, и я только сожалею, что он помер, именно возвращаясь из моего лагеря. Будут говорить, что я отравил

его, тогда как он слишком много ел дынь. Но у тебя найдутся во всяком случае лучшие вести о моем дорогом друге, монсиньоре Анвелли, архиепископе Козенцы, секретаре святого престола и вицелагате в Витербо?

— В день моего отъезда из Рима его нашли в постели мертвым, после хорошего ужина накануне! — расхохотался Мигуэлото.

— Бедняга, это произошло внезапно! Но ведь такие святые люди постоянно готовы к своему последнему часу, — улыбаясь, ответил Цезарь. — А какую же часть его наследства назначил мне отец?

- Как я слышал, оно все предназначено на торжество вашего приема и на празднества святой недели. Но меня удивляет, что ваша светлость ни разу не спросили о своей царственной супруге.
 - Так она еще жива в Риме? равнодушно спросил Цезарь.
- Я не слыхал, государь, что она умерла! испуганно ответил Мигуэлото.

- Ну, тогда она бесспорно жива, а донна Фиамма, должно быть,

очень раздражена моим браком, - продолжал Цезарь.

— Ваша светлость, должны были видеть ее, когда я полгода тому назад передавал ей ваше письмо из Франции с известием о вашей свадьбе, — проговорил Мигуэлото с легким ужасом, который у человека его натуры имел особое значение.

 Она, поди, металась, кричала и безумствовала, как всякая брошенная девушка?
 с презрительной усмешкой воскликнул Цезарь.

- В продолжение нескольких минут, синьор, она не проронила ни звука, а уставилась на меня неподвижным взором; ее лицо побледнело, как мрамор, и искривилось так, словно Медуза на Капитолии! ответил Мигуэлото. Затем у нее вырвался такой вздох, как будто разорвалось сердце, и тем не менее у нее скатилась только одна слеза, большая и тяжелая, как капля расплавленного свинца. Она тотчас же презрительно вытерла ее и дала мне драгоценный перстень за хорошую новость, как она сказала. Потом она расхохоталась, сказала, что день для свадьбы восхитителен, и без чувств упала на пол!
- Я теперь поквитался с ней за султана Зема, поспешно проговорил Цезарь.

— Нет, ваша светлость, я решительно того мнения, что вы приревновали ее без всякого повода, — боязливо заметил Мигуэлото.

— Может быть! Может быть, я думаю так же, как и ты, но ты не знаешь, как приятно иметь наготове ответ беснующейся женщине!.. И ты увидишь, как легко уверить эти глупые души, когда они любят, если только дать себе труд проронить несколько ласковых слов и лицемерных обещаний. Сначала женщина будет плакать и безумствовать, но затем она успокоится, как море после бури, когда проглянет солнце. Ведь любовь в сердце женщины даже в то время, когда она раздражена, — солнце, лишь омраченное тучами. Стремительность ее собственной бури проложить путь золотому лучу, и

после пережитых волнений все будет еще спокойнее и лучше. По-

смотри, какой дивный ландшафт внизу!

Действительно, путешественники поднялись на возвышение среди гор, образующих долину Нара, и видели отсюда тибрские равнины. Внизу долина была покрыта лесами, а посредине протекала знаменитая река, извиваясь словно громадная золотая змея. У подножия горы, на которой находились путники, возвышались освещенные розовым светом колонны римских руин. По другую сторону реки простиралась бесконечная равнина, на которой паслись стада буйволов. Цепь синеватых гор закрывала вид с севера.

— Там Непи! — сказал Мигуэлото, останавливая лошадь и указывая налево, где на вершине крутой горы виднелись серебристые

зубцы древнего собора.

— Какую же эпитимию исполняет Лукреция в Непи? Может быть, она подражает паломничеству Изабеллы Висконти к святому Марку в Венеции, которое было настолько удачно, что при своем возвращении прекрасная дама должна была отравить своего супруга, чтобы защитить его уши от сплетников? — после краткого раздумья спросил Цезарь.

— Нет! Ведь за донной Лукрецией следит строгий доминиканец, — ответил Мигуэлото, — а это такой человек, который может

обуздать Венеру и готов обвинить Диану.

— Ах, доминиканец! Если бы я мог предположить, что Лукреция так высоко ставит Орсини и для его спасения послала монаха, то никакая политика не удержала бы меня, чтобы пощадить его, — сказал Борджиа. — Мне необходимо пролить свет в это дело. А по-ка... Но вот они въезжают на мост, мы должны решить, что нам делать.

Предоставим на время итальянского полководца и его наперсника своим размышлениям и присоединимся к конному отряду в долине, когда он только что переправился через реку, и Бембо в поэтическом экстазе воскликнул: "Vides ut alta stet nive candidum Soracte"! — и, указывая рукой на гору, громадным валом вздымавшуюся на горизонте, перевел стих своим не понимающим латыни слушателям: — Смотрите, вот возвышается снегом покрытый Соракте!

— Святой Орест! — повторили все, и мгновенно обнажились все

головы перед воображаемым святым.

— Нет, нет, братья! — промолвил озадаченный Бембо. — Впрочем, все равно, потому что, судя по коротким теням деревьев, теперь должен быть полдень, час молитвы Пресвятой Богородицы против турок, и мы помолимся вместе.

С этими словами он остановил своего мула, сложил руки и, возведя очи к горячему синему небу, запел молитвы Пресвятой Деве, прося у нее защиты не только от турок, но от всех врагов, дальних и ближних, к которым он про себя от всей души присоединял всю династию Борджиа.

— Итак, благословясь, дети, смелей вперед!.. Я твердо верю, что в лице нашем или моих спутников, благочестивых паломников, никакой обиды не будет нанесено святой церкви!

В это время приблизился Мигуэлото; он уже избавился от своего седока и с большой дороги повернул отряд в сторону, в печальную вулканическую местность, где на больших расстояниях на высоких, как казалось, почти недоступных, вершинах гнездились города и монастыри. Волнистая горная цепь, залитая горячим солнцем, закры-

вала вид со всех сторон.

Роскошная растительность, покрывавшая болото, скрывала бездонные глубины, которые выдавали исходившие из них сернистые испарения. Непрерывное кваканье лягушек и крики водяных курочек разоблачали эту предательскую роскошь. Наконец исчезло и это обманчивое великолепие, и перед путниками простиралась черная, покрытая лавой равнина. Затем пошел темный лес, покрывавший спереди склоны горы.

Вид этой местности был не таков, чтобы мог рассеять опасения Орсини, и, казалось, самому Макиавелли было не по себе, так как он предложил снова ехать в Рим прямым путем. Но непродолжительное совещание с Мигуэлото успокоило его опасения, и рыцарский отряд вступил в лес, круто поднимавшийся среди высоких утесов. Когда путешественники перебрались через вершину на другую сторону и стали спускаться, дорога была обрамлена дубами необъятной величины, и на каждом двенадцатом дереве висел человеческий труп! Судя по платью, несчастные были крепостными какого-нибудь дворянина, которому вздумалось пометить их на руках крестом.

Шут снова присоединился к Мигуэлото, ехавшему теперь впереди отряда; окинув равнодушным взглядом трупы повешенных, отравлявших воздух своим гниением, он спросил, кем и за что они повешены.

- Доном Ремиро из любви к Колонна! злорадно ответил полковник из Ронсильоне. Там находится крепость Агапита Колонна, которую он вопреки приказу подесты и вашему положительному решению снабдил жизненными припасами и вассалами. Но вместо того, чтобы начать безопасное и легкое обложение, подеста уведомил его, что до тех пор, пока Колонна не согласится сдать крепость, он каждый день будет вешать одного из его крепостных, пока не останется ни одной живой души. И вот результаты. А так как Агапит не сдается, то Бог знает, когда этому будет конец.
- Какой же негодяй этот Ремиро! Он щадит замок только потому, что Агапит родственник его жены! с жаром воскликнул Цезарь. Я скорее простил бы ему, если бы он отправил на тот свет сотню дворян, чем убийство этих рабов! Какая польза мне от этих трупов?

- Подеста настоящий кровожадный тиран! сказал Мигуэлото.
- Это верно, подтвердил Цезарь, и, прежде чем лишиться такого драгоценного орудия, я должен убедиться в его измене! Твой замысел слишком ясен, мой Мигуэлото, но не воображай, что я поставлю тебя подестой на его место. Ты мне нужен для других целей. Я хочу управлять народом таким образом, чтобы он преисполнился особой любовью ко мне. Но ты, кажется, говорил мне, что Ремиро при помощи почтовых голубей вел изменническую переписку с моними врагами в Риме?

Мигуэлото вытянул свою сухую шею, чтобы посмотреть, нет ли кого поблизости, и затем тихонько ответил:

- Нет, благородный господин, я говорил, что он сообщался со своей прекрасной женой Беатрисой Колонна.
- Лишь только ты дашь знать дону Ремиро, что я прошу его впредь до моих дальнейших распоряжений охранять Орсини и что я тайно уехал в Рим, он, если он действительно предатель, каким я, по твоим речам, должен считать его, несомненно отправит с этими новостями своих голубей, сказал Цезарь. И вот, когда ты тайно доставишь меня в крепость, я заберусь в башню ветров и стану со своим соколом Горебеком, который никогда не упускает своей добычи, ждать отправки доном Ремиро голубя. Ты ведь хорошо ходил за ним?

Даже Мигуэлото испугался этого коварного и злобного намерения; но у него не оставалось времени отговаривать Цезаря, если бы он даже захотел. Пушечный выстрел внезапно разбудил дремавшее озеро, к зеркальной поверхности которого они спускались. Направление выстрела и дым, поднявшийся в тихом вечернем воздухе, указывали, что их приближение было замечено из крепости и их желали встретить с необыкновенным почетом. Это убеждение усилилось, когда при входе в узкую долину появилась группа мужчин, которые, повидимому, ожидали путников. Цезарь обменялся еще несколькими словами со своим полковником и затем фантастическими прыжками исчез из отряда.

Дон Мигуэлото выехал вперед и вскоре достиг ожидавшей их группы, состоявшей из таких же испанских солдат, как и отряд Мигуэлото. Впереди на белоснежном муле, в мантии и шапочке доктора прав, в длинной золотой цепи, указывавшей в нем подесту *, ехал худощавый сгорбленный человек. Его лицо от дум и забот было изборождено морщинами; длинные седые волосы, серьезное, озабоченное лицо, сумрачный и беспокойный взгляд — таковы были отличительные признаки безжалостного губернатора Романьи дона Ремиро.

^{*} В средние века так называли диктаторов с полицейскими и судебными функциями.

Мигуэлото выразил подесте желание поговорить с ним наедине, и они поскакали вместе в долину.

Подеста был, очевидно, одурачен известием, принесенным ему ночью африканским скороходом, и с удивлением и страхом слышал теперь, что переодетый герцог соединился с Мигуэлото близ Нарни и приказал ему немедленно принять меры к освобождению синьора Паоло Орсини и что его светлость, узнав дурные новости из Милана, нисколько не сердился на подесту за препятствия, которые тот устроил ему на пути к устранению изменника, но считал необходимым до тех пор задержать Орсини, пока он не убедится, как обстоят дела в Риме, куда он и отправился тайком сам. Поэтому подеста должен был задержать Паоло Орсини в Ронсильоне впредь до дальнейших приказаний, со всем почетом, но не спуская с него глаз.

XI

В продолжение этого донесения черты лица подесты приняли свое обычное выражение; его внутреннее беспокойство, правда, не улеглось, но привычка скрывать свои истинные чувства сделала свое. Потом Мигуэлото равнодушно прибавил, что герцог Цезарь устроил таким образом, что один из его слуг, переодетый монахом, указал каким-то паломникам место, где был спрятан Орсини, и те освободили его. Это известие, по-видимому, устранило всякие сомнения в душе дона Ремиро, и он ответил, что повиновение приказаниям своего повелителя составляет его радость и обязанность, но при этом его взор устремился с пытливым недоверием на своего подчиненного, ненависть и честолюбие которого, вероятно, не составляли для него тайны.

Однако в это время как раз приблизился весь отряд. Подеста обернулся и был немало изумлен, увидев такое многочисленное и знатное общество; но, лишь только он узнал Орсини, он слез со своего мула, чтобы приветствовать его; на эту вежливость римский дворянин немедленно ответил тем же. Они пешком пошли друг другу навстречу и, согласно церемониалу того времени, поцеловались в обе щеки. Подеста принял молодого Паоло с горячими приветствиями по поводу его освобождения из власти бандитов, которые, как он узнал к своему величайшему огорчению, напали на него в пределах его округа и потребовали с него выкупа.

— Не стоит говорить об этом, — прервал его Орсини, — наши черные банды покушались на самого императора. Но теперь я в безопасности под верной защитой моих спасителей; притом же не так-то легко сбиться с пути в Риме через Кампаныю. Но, как я ни рад, дорогой подеста, видеть вас здравым и невредимым, я тем не менее весьма сожалею, что вы заставили меня сделать такой далекий обход, и, чтобы наверстать потерянное время, я принужден сократить удовольствие нашего свидания, так как думаю провести эту ночь в Сутри или Непи.

3*

— По длинным теням, ложащимся от гор, вы можете видеть, благородный господин, что близок закат, — возразил подеста решительно и даже строго. — Путь, которым вы намерены идти, проходит по болоту, лесам и пустынной местности; ваши лошади измучены так же, как и лошади моих людей. Кроме того, синьор, у меня нет полномочий отпустить в Рим дворянина, о котором известно всему свету, что он восстал против церкви. Поэтому я должен униженно просить вашу милость остаться в Ронсильоне, пока я не получу от его святейшества необходимых приказаний.

Как, уважаемый подеста? Вы хотите насильно задержать меня,
 в то время как я везу в Рим мирный договор? — страстно восклик-

нул Орсини.

— Я должен исполнить свой долг, — с многозначительным взором заявил подеста, — и наступит время, когда ваша милость узнаете, что я — ваш преданнейший и искреннейший друг, был им, есть и буду.

— И супруг одной из Колонна! — воскликнул Паоло.

— Колонна не любят Орсини, но других зато еще менее! — возразил подеста, и приятное воспоминание о молодой жене заставило его улыбнуться.

- Наш святой отец сам пригласил меня в Рим, а меня насильно засаживают в эти башни! Мои друзья помогут мне, и вам придется умертвить меня перед лицом всей Италии, так как все, что вы совершаете, она будет видеть глазами вот этого синьора, флорентийского посланника.
- Слава пресветлому сенату! воскликнул подеста, склоняя свою обнаженную голову перед посланником. Вашим спутникам я должен предложить такое же гостеприимство, с замечательно просветлевшим лицом прибавил он. И если правда, что вы приглашены его святейшеством, то чего же вам бояться незначительной задержки, пока я получу подтверждение из Рима?
- В таком случае, благородный подеста, дайте нам обещание, что синьор Паоло не будет разлучен с нами, его друзьями, и, когда мы покинем Ронсильоне, он будет сопровождать нас, проговорил иоаннит

Ремиро очень охотно дал свое согласие, а так как сопротивление было действительно невозможно, то путешественники были вынуждены довольствоваться этой шаткой порукой.

Таким образом подневольные гости стали подниматься к воротам крепости. На губах Макиавелли блуждала неопределенная улыбка, так как и он не знал, что может случиться, но чувствовал, что должно было произойти несчастье.

Размеры и мощь этой крепости стали заметны только теперь, когда из-за утесов стали выступать во всех направлениях многочисленные башни и зубцы. Ее можно было считать крепостью вдвойне, так как за первым кольцом готических укреплений возвышалось

строение в сарацинском стиле из белого камня, посредине которого стояла высокая круглая башня с подковообразными бойницами, называвшаяся башней ветров.

Но внутри крепости везде можно было наткнуться на новшества, являвшиеся результатом требований времени, так как даже укрепление мрачных Борджиа проявляло повсюду следы роскоши и любви к искусству, пробудившейся в Италии. Комнаты, отведенные гостям, были поистине великолепны, а большой зал, где вскоре после их прибытия был устроен обед, был украшен мастерскими живописными фресками. Столовые приборы были из серебра, и среди них можно было уже заметить однозубые вилки.

Рыцари отказались снять оружие, отговариваясь тем, что, согласно данному обету, они должны были все время находиться в полном вооружении. Бембо с удовольствием заметил, что английских солдат угощали в том же зале, за отдельным столом. В этом он видел доказательство того, что сейчас не замышлялось никакого предательства, и его эпикурейское сердце было преисполнено радостных ожиданий превосходного обеда.

Стол, наконец, был, по-видимому, совсем накрыт; зажаренный целиком дикий кабан, роскошные окорока, громадные паштеты, обложенные со всех сторон дичью, всевозможные рыбы и на первом плане громадный жареный журавль — это были главные блюда. Отсутствовал только сам хозяин, который, по словам Мигуэлото, отправился в свои покои, чтобы написать несколько писем. Бембо с голодной жадностью глядел на стол и затем со вздохом перевел свои взоры на озеро, серебрившееся за окном. Он замечтался о старинном предании, утверждавшем, что на дне этого озера покоится большой город, как вдруг его взгляд упал на голубя, вылетевшего из одной башни с чем-то белым на шее. Сначала он летел в прямом направлении на юг, затем вдруг его полет изменился, он стал описывать круги и опустился к озеру.

Бембо с любопытством взглянул наверх и вскоре заметил сокола, в беспредельной вышине казавшегося крошечной черной точкой. Но сокол опускался все ниже и ниже, и голубь, словно предчуствуя неминуемую гибель, сделал последнюю попытку ускользнуть от страшного врага и взлетел ввысь; в ту же минуту хищные когти впились в его трепетавшее тело.

Бембо не успел посмотреть, что произошло с несчастной птицей дальше, так как в зал вошел давно ожидаемый подеста; на его лице был написан такой ужасный гнев, что это снова наполнило душу Бембо всякими опасениями.

— Кто это, Мигуэлото, позволил себе без моего разрешения выпустить сокола герцога? — с сердцем воскликнул он. — Благодаря соколу, вылетевшему сейчас из башни ветров, я потерял лучшего из моих почтовых голубей, и письмо, отправленное мною жене, теперь наверное пропало.

- Это Угуччионе. Я уже не раз предупреждал его, ответил Мигуэлото. Но соколы слишком хорошо выдрессированы, и ни один из них не растерзает голубя; поэтому ваше письмо несомненно цело.
- Пойди и немедленно приведи негодяя ко мне, приказал подеста. Клянусь небом, если он сделал это, я сейчас прикажу повесить его в предупреждение таким любопытным канальям, с которыми сладу нет!

Мигуэлото удалился, по-видимому, не без удовольствия, и полеста, овладев собою, предложил гостям садиться за стол. Прошло немного времени, и хотя подеста был все еще взволнован, но гости не обращали внимания и отдавали должное прекрасным кушаньям. Орсини ел только те кушанья, которые ставились перед хозяином.

Еще никто не успел попробовать журавля, как снова вернулся Мигуэлото. Его от природы лукавое и вместе с тем угрюмое лицо так ясно выражало сейчас злобное удовольствие, что ребенок не мог бы ошибиться в нем. В руках у него было распечатанное письмо, которое он подал дону Ремиро.

- Это сделал не помощник сокольничего, как я думал, с дьявольской усмешкой сказал он, а какой-то парень; он явился недавно в крепость и выпустил герцогского сокола; я застал его как раз за чтением вашего письма синьоре донне Беатрисе, вашей благородной супруге.
- Моей жене! В таком случае ты также прочитал его, Мигуэлото? воскликнул подеста, бледнея.
- Вашей милости должно быть известно, что в монашеском искусстве я такой же неуч, как монах в военном! возразил Мигуэлото.
- Да, ты часто признавался мне в этом, промолвил подеста, тяжело дыша, словно с души у него спала большая тяжесть. Но разве этот любопытный негодяй не прочитал его тебе?
- Клянусь небом, у него не было времени для этого! ответил Мигуэлото.
- Как, мой превосходный, мой верный Мигуэлото? Разве ты в благородном негодовании за его наглость не воткнул ему кинжал в грудь? быстро спросил дон Ремиро.
- Я немедленно арестовал его, но считал своим долгом подождать приговора вашей милости.
- Где ты оставил его, с кем? Тащите его сейчас же на ближайшее дерево! Это несомненно шпион наших врагов; иначе почему он стал бы читать мои письма?
- Он свободный, ваша милость, и, как таковой, должен быть сначала судим и осужден согласно тем самым законам римского короля, на которые вы так часто ссылались нам, возразил Мигуэлото, радуясь затруднительному положению своего начальника.

— Не давайте никому говорить с ним, приведите его связанным сюда, и я быстро вынесу ему свой приговор, — гневно промолвил дон Ремиро.

 Он здесь, за дверями; вашей милости нет надобности надолго прерывать обед, — ответил Мигуэлото, поспешно направляясь к

двери и настежь распахивая ее.

Испуганные взоры пирующих упали на блестящие доспехи и копья стражи флорентийского посла, быстро вступившей в зал. Словно по неслышной команде ряды ее вдруг разомкнулись, и из их середины твердым шагом, с пылающими гневом очами, раздувающимися ноздрями и бледным от бешенства лицом вышел... Цезарь Борджиа!

Его неожиданное появление, ужасный взгляд, его черные, как смоль, волосы, змейками выбивавшиеся из-под белой меховой шапочки, даже его платье черного бархата, сверкавшее драгоценными камнями, — все могло наводить ужас даже на тех, кто не имел никаких оснований бояться его. Дон Ремиро стоял бледный и неподвижный, как статуя, рыцари вскочили со своих мест, схватившись

за свои мечи, а Бембо творил молитвы и заклинания.

— А, подеста, меня за мою нескромность вы хотели приговорить к повешению! Какого же наказания заслуживает тогда измена? — загремел страшный полководец и, мгновенно переменив тон на самый вежливый и любезный, обратился к гостям: — Не обращайте на это внимания, благородные рыцари, и ты, мой дорогой друг и брат Орсини. Только помогите мне определить, какому наказанию подлежит этот неблагодарный изменник, не только пытающийся раздуть пламя междоусобной войны, которое мы всеми силами стараемся потушить, но еще и стремящийся замарать мое доброе имя обвинением в позорнейшем предательстве, возбудить против меня все человечество и даже посеять вражду, подозрение и ненависть между отцом и сыном!

С этими словами он вырвал перехваченное письмо из рук терпеливого подесты и громко прочел его своим не менее терпеливым слушателям.

Отправляя это письмо, дон Ремиро действительно поступал под влиянием своего злого гения. После нежных приветствий прекрасной супруге и горьких жалоб на продолжительную разлуку он выражал надежду, что время их взаимного печального одиночества приходит к концу. Затем он уведомлял ее о прибытии Паоло Орсини со своими спутниками в Ронсильоне, описывал несчастье, случившееся с ним в дороге, и наказывал ей немедленно по получении письма поспешить в апостолический дворец, заявить пароль, по которому ее узнают там, добиться у папы тайной аудиенции и известить его об этом событии, прибавив, что он, подеста, знает, что все это было устроено герцогом Романьи для того, чтобы умертвить своего будущего зятя, и что если вскоре не явится помощь, то это намерение

еще может осуществиться. Чтобы предотвратить это несчастье, папа полжен послать полесте приказ немелленно лоставить Орсини в Рим. но, чтобы войска и мятежный полковник в Ронсильоне не отказали в повиновении, дать посланному отряд немецких солдат и отряд из воинов Орсини и им же, ради безопасности, предоставить до их возвращения охрану Фламинских ворот. В приписке влюбленный Ремиро признавался своей жене, что он не может дольше жить без нее, а так как герцог начинает полозревать его в сношениях с папой и, кроме того, сам кровожаднее тигра, коварнее змеи, то он не намерен больше прододжать службу и потому просит ее прислать ему три больших, ширококолесных экипажа, чтобы он мог отправить к ней свое имущество и сокровища, прежде чем явится тиран. Среди последних находится ожерелье из жемууга величиною с голубиное яйцо, конфискованное у одной дамы из Монтефельтро, которая хвасталась, что она может предсказывать будущее и пророчила близкую гибель подесты, и он надеется вскоре увидеть это укращение на самой прелестной шейке в свете.

 Ну, господа и почтенные рыцари, как вы думаете, ошиблась эта дама с жемчугами с голубиное яйцо? — с ужасным смехом про-

говорил Цезарь, прочитав письмо до конца.

— Если в своем любовном излиянии дон Ремиро высказал правду, за что же тогда карать его, герцог? — спросил иоаннит.

Вместо того, чтобы прийти от этих слов в ярость, как опасался Бембо, Цезарь прерывающимся от воображаемого огорчения голосом, с глазами, полными слез, разразился трогательными жалобами на суровую судьбу, которая позволила обвинять его в таком незаслуженном подозрении.

— И вы, Паоло, вы также не доверяли мне; иначе почему вы решили ехать тайно по моей области? — с упреком промолвил он, почти обманув этим даже Орсини. — Но хвала Пресвятой Богородице, у меня есть превосходный ответ на клевету моих врагов и изменников! Разве вы здесь не в моей власти, не окружены моими верными солдатами, не в моем крепком замке, который Орсини и немецкие воины могут безуспешно осаждать долгие годы? Ну, хорошо!.. Тебе, Паоло, я предлагаю полнейшее, безграничное подтверждение всех условий мира, решенных нами в Имоле, а вам всем, господа, я говорю добро пожаловать, предоставляю вам верное убежище и хорошее угощение, а завтра с рассветом мы все отправимся в Рим, где вы должны будете разделить все почести, какими намеревается засыпать меня великодушное правительство.

При этих словах он с искусственным воодушевлением протянул Орсини руку, а тот несколько мгновений недоверчиво смотрел на него.

— Итак, вы согласны утвердить наш союз этим уже так часто предлагавшимся образом? — ответил он. — Скажите "да", Цезарь,

исполните свое обещание отпустить нас, и мои сомнения рассеются навек!

 По этому пункту должны вынести решение сама донна Лукреция и ваше счастье в любви, — спокойно произнес Цезарь.

- Но вы не станете по крайней мере употреблять свое влияние в пользу принца Феррарского? — все еще недоверчиво спросил Орсини.
- Xa, хa, что вы думаете!.. Но мы забыли тайного советника нашего святого отца; убери его, Мигуэлото!
- Сжальтесь, мой повелитель, мой высокий, победоносный государь! Сжальтесь над несчастным преступником! закричал подеста, бросаясь на колени.
 - Сжалиться над тобой, безжалостный изменник? сказал Цезарь, отталкивая несчастного ногой, когда тот пытался обнять его колено.

Мигуэлото подокочил и ухватил подесту за его меховую мантию; но в это мгновение вмешался Орсини.

- Как ни подло, предательски и неблагодарно поступил перед вами этот человек, Цезарь, обратился он, я все же не могу забыть, что он принимал некоторое участие во мне, хотя бесцельное и ненужное. Я прошу вас, не карайте его по крайней мере смертью.
- Я почтительнейше предложил бы, всемилостивейший сударь, предать его связанным народу, которым он управлял, женам и детям тех рабов, которых мы видели висевшими там на зеленых дубах, сказал Макиавелли.
- Пусть будет так, радостно воскликнул Цезарь. А когда они покончат с ним, пусть его труп тогда распилят пополам и выставят его на рынке, чтобы народ знал, что я не любил его жестокость и не соглашался с ней!

При этом ужасном приговоре сознание покинуло несчастного Ремиро, и он упал на руки Мигуэлото. Воспоминание о жестокостях подесты, виденных незадолго перед тем, могло, вероятно, несколько умерить пыл его защитников. Тем временем Мигуэлото ухватился за свою жертву с хищностью дикого зверя, словно опасаясь, что ее могут отнять у него, и проворно вытащил Ремиро из зала.

XII

Казалось, что только по окончании своего приговора Цезарь заметил присутствие флорентийского посланника. Он сердечно обнял его, промолвив:

— Итак, в счастливый час мы все сошлись вместе. Ваши высокие правители республики могут теперь убедиться, как неосновательно их подозрение, что мир с Орсини должен непременно заключать в себе невыгоды для вашего государства. Вы сами должны будете подтвердить им истину! Мигуэль!.. Где он? Ах, да! Принесите мне мой стальной сундучок!

Несколько солдат бросились немедленно исполнять приказание и вскоре возвратились с тяжелым ящиком, который иоаннит, как ему казалось, видел уже среди вещей Макиавелли. Вынув оттуда громадный пергамент, Цезарь стал сам громко и внятно читать его. Этот документ остается одним из самых замечательных памятников того бурного времени. Он возвращал с некоторыми исключениями разоренным вельможам-феодалам их прежнюю власть и права; Колонна также был включен в их число. При этом для церкви здесь была громадная выгода, не предусмотренная союзниками: она заключалась в их согласии на уступке папе всех предоставленных им императорами ленных поместий при условии, что папа немедленно возвратит их им как свои. Договор предоставлял церкви все права верховной власти, и среди них право принуждать ленников нести военную службу.

— Я согласен на эти условия... Но что я говорю? Разве имеет какое-либо значение мое согласие? Ведь я останусь незначительным герцогом! — с неестественным смехом проговорил Цезарь.

— Без поручительства, без залога за точное соблюдение этого мира этот договор — не что иное, как бездушная кожа! — своим глубоким, строгим голосом произнес иоаннит и, обратив свой взор на Цезаря, прибавил: — Если ваш святейший отец, по-видимому, так желает этого брака, то почему вы не даете торжественного обещания связать вашу любовь алмазными узами, соединив в браке наследника Орсини с дочерью Борджиа?

— Желает мессир Бембо, только что явившийся из Феррары, подписать этот прекрасный договор? — спросил Макиавелли, видимо, обеспокоенный таким предложением. — Или, может быть, ваша светлость желаете к чему-нибудь обязать себя, что, пожалуй, будет ни чем иным, как тираническим насилием над волей прекрасной Лукреции?

— Пока я находился во Флоренции, у синьора Паоло было время узнать ее расположение, — испытующим взором смотря на Орсини, ответил Цезарь. - Если ты действительно можешь уверить меня, брат, что она дала тебе надежду, тогда я сам сделаю то, что требует этот воинственный миротворец.

Лицо Орсини омрачилось, между тем как черты лица Цезаря в такой же степени прояснились.

— Я не принадлежу к тем неверным рыцарям, которые хвастаются ласками своих возлюбленных, так что те принуждены стыдиться, — с печальной улыбкой заявил Паоло. — Предоставим это времени, судьбе и огненному пламени страсти, которое может зажечь ответный огонь даже в мраморной статуе.

Цезарь ничего не ответил, но схватил поданное ему перо и неуклюжими буквами подписал договор. — А теперь давайте пировать! — весело воскликнул он. — Мигуэлото, а где Астор Манфреди, которого я в свой последний приезд сюда назначил своим кравчим?

— Я сейчас найду его, — ответил Мигуэлото. — Он редко вы-

ходит из своей комнаты, синьор.

- Выкатите солдатам бочку моего лучшего сицилийского вина; отправьте в Рим курьера, который возвестил бы о заключении этого прекрасного мира и о нашем предстоящем прибытии, и пошлите также к Вителли, в Болонью, а главным образом к моему дорогому другу Джиованни Франджипани в Фермо!
- Разве вы ничего не слыхали, синьор, что случилось с этим престарелым благородным дворянином? боязливо промолвил Бембо. Мы слыхали об этом во время пути из Феррары.

- Он, верно, так же мирно, как и жил, отправился наконец к

праотцам? - спросил Макиавелли.

— Нет, он позорно и изменнически убит своим племянником, которого он с детства воспитывал и держал, как родного сына! — сказал иоаннит. — Во время последнего перемирия он под предлогом навестить дядю приехал в Фермо и убил старика среди праздничного пиршества, которое тот устроил в честь его приезда.

— Оливеротто — твой друг и союзник, Орсини, и близкий род-

ственник Вителли, - серьезно заметил Цезарь.

— Пусть он постарается сделать как можно больше добра народу, в противном случае ему не придется долго править в Фермо, — задумчиво проговорил Макиавелли.

В это время появился Мигуэлото. За ним несколько человек внесли пурпурный, украшенный золотом, балдахин, под которым подеста обыкновенно отправлял правосудие, и поставили его над Цезарем. Мигуэлото ввел или, вернее, тащил за собою жалкую фигуру, несчастный вид которой сейчас же привлек к себе внимание Бембо. Это был юноша не старше восемнадцати лет; его лицо было когда-то положительно прекрасным, теперь же его опущенные глаза выражали полнейшее безумие. Его, очевидно, наскоро вымыли и одели, и роскошное платье висело на нем, как мешок; тем не менее оно когда-то было впору его прекрасной фигуре, когда он в расцвете сил целый год защищал наследие своих отцов — Фаэнцу — против Цезаря Борджиа.

— У Юпитера нет более благородного кравчего, чем у меня! — произнес Цезарь, не замечая еще появления своего кравчего. — Мне доставляет удовольствие пользоваться услугами гордого мальчика. Из него вышел бы превосходный солдат. Эй, Мигуэлото, это что за

привидение?

— Это — благородный Манфреди; по приказанию подесты, его держали в строгом заключении, так как дон Ремиро боялся, что он убежит.

- Как убежит, когда я дал слово употребить перед святым отцом все свое влияние, чтобы снова возвратить ему его владения?
- Да, подеста опасался, что он убежит, чтобы начать войну с вашей светлостью, ответил Мигуэлото.
- Шесть месяцев очень изменили его, с состраданием сказал Цезарь. Уведите его, позаботьтесь о нем, я пришлю для него из Рима врачей. Но что это значит, Мигуэлото, что я не вижу среди вас ни одной женщины? Когда я был в последний раз в Росильоне, я видел их немало.
- Тот, которого распилили, в одно прекрасное утро рассудил их, благородный господин, с отвратительным смехом ответил Мигуэлото. На него находили такие припадки правосудия, как он их называл. Но о мертвых не следует говорить дурно! Только если ваша светлость желаете, я возьму с собой с дюжину копий и приволоку вам с рынка несколько самых красивых девушек.
- Если, герцог Цезарь, замышляется какое-либо насилие над женщинами, то как мои рыцарские обязанности, так и моя религия повелевают мне биться на жизнь и смерть с теми, кто это предпринимает! воскликнул иоаннит, поднимаясь с места и хватаясь за рукоятку могучего меча, готовый броситься на Мигуэлото.
- Мир вашей храбрости, благородный рыцарь! Я ведь сам принадлежу к благородному ордену рыцарства, рукою императора возведен в рыцари и точно так же обязан защищать слабых, а что же может быть слабее женщины? проговорил с иронической усмешкой Цезарь, играя золотыми украшениями ордена, висевшего у него на шее.

Затем по данному им знаку Мигуэлото моментально исчез с молодым Манфреди.

В продолжение всего последующего пира только иоаннит оставался пасмурным и молчаливым, почти не вмешивался в разговор и не притрагивался к пище. Казалось, он не мог забыть так быстро впечатления трагических сцен, свидетелями которых они были так недавно, как веселый добродушный англичанин, или не умел так ловко скрывать его, как Паоло Орсини. Однако в характере Цезаря было что-то волшебное, как только он хотел выказать все свои богатые умственные и душевные качества, которым он находил такое ужасное применение. Для одного у него была наготове грубая шутка, для другого — глубокая философская мысль; игра фантазии и остроумия, вдохновение или его обезоруживающий враг — насмешки, — словом, все сложные настроения богато одаренной человеческой души были, казалось, к его услугам.

Время летело, и было уже далеко за полночь, когда Мигуэлото позволил себе заметить, что было бы полезно удалиться на покой, так как герцог с гостями ранним утром намеревался отправиться в Рим. При этом предложении Орсини изменился в лице, что не

ускользнуло от наблюдательного взора гостеприимного хозяина. Он не преминул иронически улыбнуться и произнес:

— В мои намерения вовсе не входит в чем бы то ни было нарушать соглашение моего бывшего подесты, и если постели из душистого сена не будут роскошным ложем для вас, зато ваши спутники будут около вас. Этот зал мы обратим сейчас в спальню.

Орсини согласился. Несколько полунагих рабов внесли охапки благоухающего сена и постлали его на полу вдоль стен, для каждого отдельно. Единственным преимуществом для предводителей было одеяло из медвежьей шкуры. Но решение Цезаря спать с ними вместе в зале, казавшееся таким благородным и полным доверия, отнимало у путников всякую возможность поделиться впечатлениями о событиях дня.

XIII

После долгой, еще более тревожной для Орсини, чем накануне, ночи забрезжил наконец долгожданный рассвет. Отслужили обедню, плотно позавтракали, а так как герцогу хотелось теперь ехать так же, как и его гостям, то, не теряя понапрасну времени, все вскочили в седло, и еще задолго до полудня небольшой отряд покинул Ронсильоне. Дорогой он, как лавина, увеличивался примыкавшими к

нему толпами и принял довольно грозный вид.

Новые пришельцы были большей частью незначительные дворяне со своими вассалами, ленники святого престола и, кроме того, отряды немецкой конницы. Цезарь был так занят приемом отдельных начальников и выслушиванием донесений, что его гости могли свободно беседовать друг с другом. Лебофор с добродушным благородством уже был готов составить о герцоге более благоприятное мнение и подсмеивался над подозрениями Паоло, полагавшего, что так таинственно и внезапно исчезнувший шут был не кто иной, как сам Цезарь Борджиа. Во всяком случае он не решался прямо высказать это и придавал своим словам оттенок недоверия. Но Бембо и иоаннит, казалось, вполне разделяли его мнение. Первый со страхом старался припомнить, что он говорил в картезианском монастыре, между тем как Орсини пытался убедить себя, что Цезарь никак не мог знать о заговоре против него, в противном случае он не оставался бы равнодушным зрителем.

Они переехали необъятную равнину Кампаньи, по которой протекал мечтательный Тибр. Нигде не было ни малейшего следа человеческого жилья! Только полуразрушенные памятники да колон-

ны указывали направление Фламиниевой дороги.

Несмотря на свои значительные силы, Цезарь не пошел по прямому пути через Кампанью, так как тогда, по его предположению, им пришлось бы проезжать мимо замка Монтерози, принадлежавшего к партии Колонна. Поэтому они оставили Неви справа и въехали в бесконечный старый, густой, тенистый лес. Невыносимый

полуденный жар, царивший в долине, в лесу сменился приятной и свежей прохладой. Внезапно среди расступившихся деревьев показалось пустынное черное болото с островками пышной растительности. Стадо буйволов, пасшихся, как обыкновенно, на некотором расстоянии друг от друга или валявшихся в грязном болоте, были единственными живыми существами. Цезарь при виде животных отдал приказ загнать несколько штук и убить. Для этой цели отрядили несколько копьеносцев, чтобы они громким криком и остриями копий погнали стадо к лесу, где Цезарь должен был ждать их с отрядом избранных конных стрелков, которые уложили бы несколько штук. При свирепости и невероятной силе этих животных первая часть предприятия была сопряжена с немалой опасностью, что заставило сира Реджинальда примкнуть к загонщикам. Иоаннит не обнаруживал, по-видимому, большого интереса к охоте, но, чтобы не оставаться с Цезарем, он спокойным шагом последовал за копейщиками.

Чтобы не спугнуть стада преждевременно, охотники пошли в обход через лес, окружавший болото, и иоаннит, следуя за ними по следам их подков, достиг одного места, где он с изумлением остановил лошадь. Лес спускался в одну из тех глубоких лощин, откуда поднимаются скалы, на которых построено большинство городов Кампаньи. В некотором отдалении на вершине противоположной горы живописно раскинулся обнесенный стеною город, увенчанный сильной крепостью. Окружающие его поля были прекрасно обработаны, гора покрыта виноградниками и оливковыми деревьями, а долина волновалась богатыми нивами и роскошными зелеными лугами. Казалось, Церера * высыпала на эту счастливую местность весь рог изобилия. Над всем царили такой мир и спокойствие, что иоаннит не мог объяснить себе присутствие этого оазиса в опустошенной области.

Очарованный видом, он решил, что эта местность принадлежит какому-нибудь монастырю, святость которого охраняла его владения от опустошения. Предложение подкреплялось еще более тем зрелищем, которое он мог наблюдать в долине. На опушке сосновой и кипарисной рощи возвышался высокий готический алтарь, построенный над источником и увенчанный крестом, который с тоской обняла коленопреклоненная дева, между тем как какой-то святой в монашеской одежде старался утешить ее, указывая на небо. Вода источника вытекала из львиных голов, венчавших полукруглые ступени. На верхней ступени стоял доминиканец и горячо проповедовал что-то собравшимся богомольцам. Алтарь был окружен многочисленными группами крестьян в грубой, но живописной одежде. На загорелых лицах светилось религиозное воодушевление. Среди них находилось немало паломников, которых можно было узнать по розмариновым веткам; под деревьями стояло несколько солдат.

Итальянская богиня землелелия.

Главная же группа окружала даму, по-видимому, очень знатного происхождения, так как она сидела против проповедника в золоченом кресле, между тем как несколько священников, принадлежавших, судя по их пышному облачению, к высшему духовенству, с епископом во главе, стояли невдалеке от нее. В небольшом расстоянии находились носилки из пурпурно-красного шелка на золоченых столбах.

Со своего наблюдательного пункта, несмотря на отдаленность, иоаннит мог видеть то царственное достоинство, с каким дама сидела в кресле. Его любопытство было задето еще более, когда он заметил, что при всем окружавшем ее блеске на даме было платье из грубейшего холста, которое тем не менее не могло скрыть красоту ее фигуры. Ее ноги были босы, а грубый черный шерстяной ковер еще более выделял их мраморную белизну. Длинные локоны распущенных золотистых волос шелковистыми прядями ниспадали на ее тело и вместе с рукою, на которую она в религиозном экстазе склонила голову, почти совсем закрывали ее лицо.

Зрелище было тем замечательнее, что алтарь был украшен попраздничному, причем на каждом выступе, на каждом украшении висели цветочные гирлянды. Рыцарь увидел перед собой извилистую дорогу, ведущую вниз. Движимый любопытством, он незаметно для себя поехал по ней, как вдруг услыхал позади себя треск и громкий крик. Он обернулся и увидел громадного черного буйвола, который, высоко задрав хвост, несся с горы, между тем как Реджинальд с хокотом и криком галопом преследовал его. Он, конечно, не подозревал, что сзади него было все стадо, которое, спасаясь от загонщиков, неслось вслед за своим быком. Иоаннит сразу понял, какой страшной опасности подвергаются погруженные в молитву богомольцы в долине. Пришпорив коня, он с криком: "Буйволы! Буйволы!" поскакал по дороге.

В толпе произошло страшное замешательство, в особенности когда вооруженный всадник, не будучи в состоянии удержать расскакавшуюся лошадь, обогнул алтарь и за ним показалось несшееся в бешенстве животное. Крестьяне в паническом ужасе бросились в разные стороны; паломники, рабы и священники, не помня себя, кинулись в бегство, и только монах, говоривший проповедь, остался на месте. Остановив наконец лошадь, иоаннит увидел, что безоружный монах стоял перед креслом, с которого поднялась дама и, бледная, словно презирая постыдное бегство, звала на помощь то Святую Деву, то своих вассалов. Сообразив, что буйвол в своем безумном беге стремился прямо на нее, что от неминуемой гибели ее защищала только тощая фигура монаха, иоаннит на своем могучем коне бросился между чудовищем и покинутой группой.

Буйвол был необъятной величины и силы; это был африканский бык самой крупной породы, покрытый черной шерстью, с маленькими глазами, налитыми кровью; он несся, как лавина с горы. На-

встречу ему устремился иоаннит, но вовсе не с безумным намерением принять на себя его разъяренный удар. С ловкостью, редкой даже для итальянских наездников, искусившихся в бою быков, он повернул громко ржавшую лошадь и, выждав момент, когда буйвол несся мимо него, с неимоверной силой направил свою секиру в шею быка как раз в то место, где позвонок соединяется с мозгом. Буйвол зашатался, и в то же мгновение в его широкую спину вонзилось копье Реджинальда, который скакал с такой стремительностью, что его оружие расщепилось и он сам перелетел через спину буйвола. Но копье пронзило чудовище, и со страшным ревом, от которого, казалось, задрожала земля, оно свалилось на землю. Стадо, следовавшее за ним, при этом реве вдруг остановило свой бег и, охваченное паническим ужасом, повернуло назад против своих преследователей.

Реджинальд, не чувствуя после падения боли, вскочил на ноги и бросился на помощь своему собрату по оружию. Но он увидел, что тот соскочил с лошади и с водой в руках бежал к даме, которую доминиканец вместе с креслом поспешно втащил по ступеням, где она упала в обморок.

Монах, стоя на коленях, держал в руках ее голову и тщетно тер ей лоб, но даже и в это мгновение, когда она, бледная и безжизненная, словно мраморная статуя, лежала перед ним, ее необыкновенная красота приводила иоаннита в восхищенное изумление. Ее грубая холщовая одежда, пришедшая в беспорядок, еще яснее выказывала эту красоту, а роскошные очертания ее форм и белоснежная нежность ее лица пробуждали в фантазии рыцаря неясные грезы. Он откинул свой капюшон и, склонясь над прелесной фигурой дамы, был так занят приведением ее в чувство, как будто он был Пигмалионом, старавшимся оживить холодный мрамор. Монах из всех сил помогал ему, и Реджинальд поспешно вскочил на лошадь, чтобы привести Бембо, обладавшего большими знаниями в медицине.

И возвращение жизни в тело прекрасной кающейся как две капли воды походило на оживление знаменитой статуи. На бледных щеках появился нежный румянец, открылись большие, влажные темно-синие глаза с длинными ресницами, и горячий блеск их, загоревшийся при встрече с обычно суровым, но теперь почти женственно-нежным взглядом очей иоаннита, показал, что сознание вернулось к ней. Грациозным жестом стыдливой нимфы, застигнутой при купании, она прикрыла своим платьем шею, прошептала несколько бессвязных слов благодарности и с усилием приподнялась на руках доминиканца. Ее взор упал на чудовище, лежавшее в луже собственной крови, а затем, с удивлением и горячей благодарностью взглянув на рыцаря, она прошептала:

- Синьор, вы не ранены?

Тон ее вопроса выдавал, что все свои заботы она перенесла с себя на него. Это, казалось, зажгло бурный пламень в груди иоаннита принца Альфонсо д'Эсте.

— Нет, благородная дама, если не считать моего страха, что человечество могло лишиться дивной красоты, — ответил иоаннит, который мог, по-видимому, быть любезным, когда хотел.

— А мои бедные вассалы и добрый епископ со своей свитой, где

они? — со слабой улыбкой обратилась дама к монаху.

— Они предоставили вас, дочь моя, вашей судьбе, предоставьте же их своей! Впрочем, они все в безопасности, — ответил монах. — Но садитесь в свои носилки, потому что вон едут люди, которые, кто бы они ни были, не должны видеть вас в этой одежде, коть вы и носите ее для совершения святой и нужной эпитимии.

Дама покраснела еще больше и уселась в кресло, между тем как доминиканец сбежал вниз и приказал народу, который вернулся вооруженный камнями и дубинами, поднять носилки, брошенные носильщиками на землю. Сам же он с поразительной быстротой поднялся по ступенькам и подал кающейся роскошный плащ.

Едва она успела накинуть его поверх своей грубой одежды, как сверху галопом прискакал отряд воинов. Среди них находились Цезарь, Паоло, флорентийский посланник и Бембо, которого потащил за собой Лебофор, не обращая внимания на мучительную тряску, испытываемую им на муле.

Казалось, воинственная лавина привела кающуюся в беспредельный ужас. Со страхом и недоверием, захватившими даже ее спасителя, она приподнялась в кресле, но силы оставили ее, и она упала бы, если бы иоаннит не удержал ее в своих объятиях. Молящим взором она взглянула на сурового воина, на что он ответил ей выражением беспредельного восхищения и сердечного участия, и все, увидев их в этом положении, должны были согласиться в душе с восклицанием поэтического Бембо:

- Марс и Венера!

Но не успел Бембо слезть со своего мула, чтобы оказать свои услуги, как Цезарь уже соскочил с коня, взлетел по ступенькам и с диким ужасом воскликнул:

— Лукреция! Сестра моя, дорогая сестра моя, ты ранена?

Лишь только Цезарь произнес это роковое имя и его жгучие взоры, в которых вихрем проносились всевозможные чувства, упали на красавицу и на иоаннита, последний высвободил свою руку и отошел в сторону. Лукреция бросила на него изумленный взгляд, побледнела и затем снова покраснела, и не только до корня волос, а покраснела всем телом, так что покраснели даже ее белые ноги. Трудно было не понять выражения, хотя и мимолетного, ужаса, отвращения и даже страха, появившихся на благородном и серьезном лице иоаннита. Однако вслед за испугом и изумлением на Лукрецию, казалось, налетел рой мыслей; ее прекрасное лицо горело и сияло всевозмож-

ными ощущениями; но затем она снова побледнела и упала в кресло,

словно опять потеряла сознание.

Все стали тесниться, чтобы оказать ей помощь, но Цезарь серьезным голосом отдал приказ, чтобы никто не смел подниматься по ступеням, кроме Бембо. Последний взял оброненную паломником ветвь розмарина и, растирая ее руками, давал Лукреции нюхать сильный запах. Благотворное действие не замедлило сказаться. Лукреция протянула монаху руку, промолвив слабым голосом:

- Уведите меня отсюда, отец мой; я совсем нездорова!

— Разве ты не узнаешь меня, Лукреция? Я — твой брат, Цезарь! - воскликнул герцог тоном униженного смирения, совсем необычного для него.

- Цезарь? Мой брат? Да, действительно! ответила Лукреция, без посторонней помощи поднимаясь с места. Добро пожаловать, брат! Я здорова, совсем здорова, благородный государь, ничуть не ранена. Что угодно здесь вам и вашим солдатам? Знаете ли вы, что своим присутствием вы нарушаете грамоту вольности, которую я получила от его святейшества? Зачем наш мирный праздник нарушен таким образом вашими вооруженными воинами?
- Не волнуйтесь, дочь моя! Опомнитесь! Герцог ведь случайно попал сюда; солдаты принадлежат вашему брату, уговаривал ее доминиканец.
- Простите меня, страх совсем лишил меня рассудка! заливаясь слезами, ответила Лукреция и с истерическим смехом прибавила: Нет, нет, нам нечего опасаться нападения нашего брата на наше новое владение! Добро пожаловать, синьор!.. Приветствую вас на родной земле и поздравляю с победами!
- Но простите меня, моя прекрасная сестра!.. Как я мог бы предполагать, что здесь, около Непи, я охочусь в вашей области, когда вы ничего не сообщали мне о своих делах? сказал Цезарь со своей искусственной беззаботностью. Но здесь есть некто, для которого, вероятно, найдется у вас более теплый привет, а именно, синьор Паоло Орсини!

Он обернулся и легким, почти презрительным жестом указал на молодого римлянина, который, побледнев от волнения и трепета всем телом, поднялся по ступенькам и преклонил пред Лукрецией колена.

— Синьор!.. Цезарь, это не по-дружески, — с гневным взором проговорила Лукреция и колодно протянула Орсини руку, которую тот страстно прижал к устам. — Я не в состоянии оказывать такой прием и с вашего разрешения отправлюсь в Непи, куда, к сожалению, не могу пригласить ваше вооруженное общество, потому что городу святейшим престолом даны некоторые привилегии при условии, что всем солдатам, не состоящим на службе повелителя, будет закрыт доступ в него.

— Но сначала, синьора, простите невежественного виновника этого несчастья, который лучше тысячу раз готов пожертвовать своей жизнью, чем коть сколько-нибудь повредить несравненной владычице здешних мест! — с горячим воодушевлением промолвил Лебофор, преклонив колено на самой нижней ступени.

— Прощение уже дано вам, прежде чем вы попросили его, и действительно, я думаю, вы ради нашей безопасности рисковали своей жизнью, благородный чужестранец, не меньше, чем тот храбрый рыцарь, — с достоинством произнесла Лукреция, бросив сияющий взор на иоаннита. — Но он, как истый великодушный благодетель, по-

видимому, уже забыл, что он совершил.

— Благодарите случай, синьора, а не его слепое орудие, — с серьезным спокойствием сказал иоаннит. — Даже этот инок, безоружный, рисковал своей жизнью, защищая вас! Но если здесь и есть какая-либо заслуга, то припишите её к счету синьора Орсини, вашего искреннего слуги и рыцаря, который с радостью готов всем пожертвовать для вас. Я же исполнил только свой долг, за который вы удостаиваете меня благодарности, да и то сделал это больше по необходимости, чем по доброй воле.

— Нет, благородный господин и светлейшая донна, мне думается, что только тот настоящий рыцарь, кто совершает такие дела! — воскликнул Бембо, с восхищенным изумлением взирая на знаменитую красавицу. - Поэтому мне кажется, что нет никого достойнее быть орлом солнца вашей красоты, чем этот храбрый и неустращимый герой, мой дорогой друг, самый благородный рыцарь Феррары.

Взгляд Лукреции снова упал на иоаннита, и в ее не то гордом, не то молящем выражении, промелькнувшем на устах и словно слезами затуманившем огонь ее очей, было что-то неописуемо прекрасное.

- Вы забываете мое одеяние, дорогой каноник, с удвоенной строгостью ответил иоаннит. Я не менее монах, чем рыцарь-воин Христа, службу которому я не должен осквернять ничем земным! Но здесь дело иное. Ведь если эта дама не жительница неба, что можно было бы предположить по ее красоте, так за кого же мы должны считать ее?
- Ну, если бы в вашем лице сам голубой орел Эсте превратился в монаха, это было бы сказано слишком по-монашески! пытливо глядя на рыцаря, произнес Макиавелли, намекая на герб герцогов Феррары.
- Макиавелли, величайший гений Италии, сердечно приветствуют вас! с внезапной живостью воскликнула Лукреция, когда флорентиец подошел к ней поцеловать руку, которую она дружески протянула ему.

В эту минуту раздался глубокий печальный голос доминиканца:

— Дочь моя, тебе не прилично в этой одежде кающейся показываться такому светскому обществу и не согласно с наложенной тобою на себя эпитимиею. Носилки ждуг тебя, и стража готова. Все взоры обратились на него, так как хотя в его словах не было ничего особенного, но тон их был требовательный и грозный. Художник нашел бы в этом старике прекрасную модель для апостола Павла.

— Но в Риме мы снова встретимся все, и там, рыцарь, сам святой отец будет благодарить вас за спасение жизни, которую он оценит больше, чем она стоит, — сказала Лукреция с подкупающей прелестной улыбкой.

Иоаннит ответил молчаливым поклоном, краска гнева и стыда снова залила лицо Лукреции. Она поспешно спустилась по ступень-

кам к носилкам, у которых стояли солдаты.

Цезарь хотел было помочь сестре сесть, но она, словно не замечая его движения, протянула руку флорентийскому посланнику, и он почтительно усадил ее. Казалось, она хотела уже удалиться без дальнейшего прощания, но вдруг обернулась еще раз и с грацией и величием недоступной богини склонила вновь свою прелестную головку.

Однако среди всех голов в шлемах и перьях, почтительно склонившихся пред ней, ее беглый взгляд искал лишь статную фигуру иоаннита. Затем она опустилась на место; солдаты, по данному монахом знаку, понесли носилки, и вскоре от прерванного праздника не осталось других свидетелей, кроме окровавленного буйвола и украшенного цветами алтаря.

— Ну и скупа же, шурин, на ласку сестрица! — проговорил Цезарь, дружески хлопнув замечтавшегося Паоло по плечу. — Клянусь ключами святого Петра, вы должны быть благодарны, что наш собрат по оружию - столько же монах, сколько рыцарь, а то он мог бы быть опасным соперником!

Паоло рассеянно улыбнулся, но его угрюмый взор с недоверием скользнул по иоанниту. Рыцари снова сели на коней, и, оставив в

покое буйволов, весь отряд вновь направился в путь.

К общему удивлению, сир Реджинальд, обыкновенно такой живой и веселый, долго оставался задумчивым и молчаливым. Иоаннит же, напротив, сделался очень разговорчивым, как будто хотел отогнать тревожившие его мысли. Он впервые завязал разговор с Цезарем и, казалось, находил особое удовольствие в шумной веселости герцога, говорившего о последнем приключении и сравнивавшего его с подвигами древних паладинов, для которых сражение с чудовищами было делом обычным и нетрудным. Но, когда Бембо в своих поэтических хвалебных гимнах необыкновенной красоты Лукреции перешел всякие границы, когда даже Макиавелли присоединил свои довольно двусмысленные похвалы, Альфонсо снова впал в свою прежнюю серьезную молчаливость. Из этого равнодушия его вывело наконец замечание Орсини.

— Хорошо ли вы рассмотрели доминиканца, достопочтенный брат? — спросил он. — Походил он хотя немного на странствующего монаха, который навел вас на мой след?

- Мы не разглядели его лица, но его глубокий голос и его фигура навели и меня на эту мысль, с глубоким вздохом ответил иоаннит.
- Тогда, Цезарь, я могу, пожалуй, льстить себе надеждой, что даже Лукреция не совсем равнодушна к моей судьбе, так как я вынужден предположить, что именно ее духовник встретился мне и предупреждал меня не идти через Апеннины, проговорил Орсини, выходя из своей печальной задумчивости.
- Ну, а так как вы это предупреждение оставили без внимания, то, вероятно, моя же сестра послала бандитов, чтобы еще чувствительнее наказать вас за недоверие, брат Паоло! с язвительной улыбкой ответил Цезарь. Нет, уж предоставьте эту честь духу святого Гвидобальда, в противном случае доброго духовника пришлось бы считать плутом или дурачком, если он пускается на такие штуки. Не пытайтесь разгадывать эту загадку, или вы еще можете прийти к заключению, что моя сестра нарочно послала своего духовника с предупреждением для того, чтобы вы были подальше от нее.

Сир Реджинальд расхохотался при этом намеке, но далеко не так громко и весело, как раньше.

Скоро лес стал редеть, и путники снова очутились на открытой равнине Кампаньи. Солнце палило невероятно, и нигде не было местечка укрыться от знойных лучей. Вдруг Мигуэлото выехал вперед и отдал приказ остановиться, не объясняя причины. Но она выяснилась сама собой, когда блеск копий и знамен в тылу колонны возвестил приближение другого воинского отряда.

XIV

Остановка произошла на вершине холма. Вдали внезапно показались стены и башни Вечного города, а кругом лежала вулкани-

ческая и болотистая пустыня.

Путешественники обернулись и с опасением следили за приближающимся отрядом; но, так как Цезарь при остановке вынужден был развернуть свои ряды, те также остановились, как будто только теперь заметив, что перед ними находятся такие значительные силы. Спустя какое-то время Цезарь отдал Мигуэлото приказ выехать навстречу незнакомцам с белым флагом и от имени герцога спросить их, кто они и что им надо. Но почти одновременно из противоположных рядов появился герольд в пестрой одежде, с серебряным жезлом и со спокойной уверенностью, свойственной своему сану, поднялся на разделявшую их возвышенность. Цезарь выехал к нему, и герольд, склонившись перед ним, обнажил голову и произнес ясно и громко:

— Могущественнейший государь, или кто бы вы ни были, мой повелитель, Вителлоццо Вителли, господин Читта да Кастелло, благочестивый паломник на святой праздник великого юбилея, желает

знать, кому он посылает свой мирный привет, дабы не встретить

неудовольствия, если вы думаете иначе.

Среди слушателей не многие были довольны этим приветствием, так как Вителлоццо был главою могущественной фамилии Вителли, мятежных ленников святого престола, самых опасных и сильных благодаря тому, что их громадные владения помещались вне римских пределов. В союзе дворян против притязаний Александра VI Вителли представляли наибольшую силу и были, кроме того, родственниками Орсини, а следовательно, и изгнанных из Флоренции Медичи. С последними их связывала еще ненависть, которую питал к флорентийцам глава фамилии за смерть брата, командовавшего на флорентийской службе наемным войском и казненного вследствие действительной или предполагаемой измены. Немецкая конница Вителлоццо была главной причиной поражения папских войск в битве при Браччиано, и с тех пор его гордость и высокомерие стали так велики, что он, по слухам, намеревался сместить Александра с папского престола.

Таков был паломник, который в сопровождении почти тысячи могучих всадников появился на пути в Рим на великий юбилейный праздник христианского мира.

Несмотря на неприятное ощущение при этом известии, Цезарь не задумался ни на минуту и, ничем не обнаруживая своих истинных

чувств, воскликнул радостным голосом:

— Слышите, синьор Паоло? Наше счастье достигло своего апогея, и наш мир действительно будет написан алмазами, если благородный Вителли подпишет его или по крайней мере приложит к нему свою печать, так как, сколько мне помнится, он всегда хвалился, что не умеет писать. Но для чего на мирный праздник церкви он захватил такое могучее войско?

 Предоставьте мне, герцог, спросить его об этом и заключить между вами братский и союзный договор! — сказал с готовностью

Орсини.

- Союз и братство! Вителли вассалы святого престола, а я его полководец! гордо воскликнул Цезарь, но, осмотрев еще раз многочисленные ряды противника, с веселой улыбкой прибавил: Ну, так идите, дорогой брат, но не затягивайте слишком долго своих переговоров, а то солнце сжарит нас всех.
- Ступайте вперед, герольд! проговорил Орсини и, торжествующе и значительно посмотрев на Реджинальда, отправился вслед за вестником.
- Я не знаю, как мне и быть, едва слышно прошептал Цезарь наперснику, у нас несомненное преимущество в численности, но я сомневаюсь, чтобы мы могли выдержать натиск этих светловолосых варваров. Кроме того, будет не бесполезно показать его святейшеству, что мы, несмотря на все, можем еще оказывать государству некоторые услуги. Да и флорентийцы пусть видят, что наша друж-

ба — по меньшей мере — лед, который может сковать этот поток, чтобы он не смыл их.

В это время к нему подошел Макиавелли и с саркастическим и вместе с тем недовольным выражением проговорил:

 Ах, герцог, из вашего могущества вы сделаете детскую игрушку, если согласитесь, чтобы это вражеское войско соединилось в Риме

с мятежными Орсини и другими дворянами!

— Успокойтесь, дорогой друг! Что я могу поделать? Мое же время может настать и настанет! Не силой убивают несущегося на вас быка! Разве вы не видите, что эти всадники — дикари с Эльбы и Дуная? Если мы будем побеждены, тогда Вителлоццо действительно может идти в Рим, и — сохрани Бог! — перед лицом всего христианского мира свергнуть нашего святого отца с престола!

— Паломники ни в коем случае не допустили бы этого! Они собрались из отдаленных стран и не знают, чем можно было бы оправдать такое поношение Неба в лице Его земного наместника! —

улыбаясь, ответил Макиавелли.

 Поверьте, дорогой маэстро, я уступаю, как волна, гонимая ветром.

— Рослые ребята, что и говорить! — взглянув на всадников, снова начал Макиавелли. — Но почему вы не вербуете своих солдат в Англии? Там люди еще сильнее и крепче.

- Я уже думал об этом, но англичане такой дикий и недисциплинированный народ, что им не могут управлять даже их короли. Но смотрите, наш миротворец, наш влюбленный миротворец, кажется, выполнил свою миссию удачно, потому что направляется сюда вместе с великаном.
- Меня удивляет, как этот допотопный конь выдерживает его, с неудовольствием сказал Макиавелли, когда необъятная фигура Вителлоццо появилась невдалеке.

Необъятный полководец был почти семи футов роста и ехал верхом на таком же громадном коне. На его шлеме, более похожем на бочку, чем на головной убор, развевался черный султан из перьев.

Вителлоццо ехал за Орсини только в сопровождении двух копьеносцев; отъехав на расстояние выстрела от своих всадников, он внезапно остановился, и его громкий голос донесся даже до Цезаря:

— Нет, клянусь святым Павлом, я не сделаю ни шага дальше, пока не увижу своими глазами, что здесь нет никакого подвоха!

Паоло, казалось, стал уговаривать его, но Цезарь, приказав Мигуэлото оставаться на месте, один выехал навстречу своему подозрительному гостю.

Это кажущееся доверие, по-видимому, больше подействовало на Вителлоццо, чем все красноречие Орсини.

 Добро пожаловать, благородный герцог! Клянусь душою, вы одни? — воскликнул он, словно не веря своим глазам.

- Я никогда не верю наполовину, Вителлоццо, возразил герцог. — А вот мне сдается, что вы не особенно доверяете обещаниям нашего святого отца, если берете с собой на юбилей более тысячи копий.
- Наш святой отец обещал защищать только тех, кто сам не может защитить себя, ответил Вителлоццо, снова принимая свое обычное грубое и упрямое выражение. Кроме того, мы слыхали только о пленении разбойниками нашего дорогого друга Паоло, а не о его освобождении. Одним словом, мы хотели предоставить возможность и нашим болванам принять участие во всеобщем отпущении грехов. А уж как они нуждаются в нем, известно одному Богу!

 Но после того, как я сообщил условия нашего договора, а храбрый Вителлоццо принял их, его боевые силы только увеличат ваше

войско, Цезарь, - сказал Орсини.

— Пусть так! — ответил герцог с вежливым поклоном, словно не замечая нерешительного выражения в чертах Вителлоццо.

Великан что-то неразборчиво промычал и затем прибавил:

 Но, как мы слышали, вместе с вами посланник флорентийской сволочи, а у меня изгнанный князь — Пиетро ди Медичи!

Это известие повергло Цезаря в некоторое смущение.

— Так что же? Прекрасно! — после короткого размышления сказал он. — Пиетро — такой же паломник, как вы, и направляется в Рим, и как такового генералиссимус отца всего христианского мира может приветствовать его, не оскорбляя ни людей, ни государство.

В это время к ним приблизился высокий, статный рыцарь в полном вооружении, но без шлема. За ним следовал единственный оруженосец с синим знаменем, вышитым золотыми шарами — гербом Медичи. Случайно в то же мгновение к герцогу присоединился и Макиавелли, так что изгнанный князь и посланник республики встали лицом к лицу. Последовала короткая пауза.

Мессир Никколо Макиавелли? — мягко произнес Медичи, —

ученый и храбрый муж? Я рад видеть его.

- Я посланник Флорентийской республики, синьор, серьезным тоном ответил Макиавелли. Но я точно так же рад видеть вас здесь.
- Xo, хo, мессир Никколо, как понравилось вашим согражданам мое последнее посещение Вальдарно? с мрачным хохотом сказал Вителлоццо.
- Настолько понравилось, что они вскоре ответят на него, сказал посланник.
- Я думаю, все казни египетские не могли бы лучше хозяйничать в стране, — продолжал великан.
- Нет, нет, вы уж слишком стараетесь из-за одного! Тень вашего убитого брата должна уже быть теперь удовлетворена! сказал Цезарь, нарочно вызывая вопоминание в его памяти.

— Бывают, герцог, люди, которые кровь родного брата ценят так же, как купцы свои товары, — мрачно ответил Вителлоццо. — Имя своего брата я уже вписал на каждой пяди флорентийской земли и налеюсь еще яснее написать его во Флоренции!

— Успокойся, успокойся, Вителло! — прервал Медичи своего не-

политичного союзника.

 Я не премину поставить об этом республику в известность, заметил Макиавелли.

— И вы можете еще в таком случае прибавить, — дрожа от гнева, снова громко начал великан, но Медичи снова перебил его:

— Нет, мой добрый Никколо, поезжайте лучше рядом со мной, и мы будем говорить о таких вещах, которые могли бы положить

конец этой ужасной распре.

— Да, благородный господин, но, как мы видим, пилюли позолочены, - кидая насмешливый взгляд на знамя, сказал Макиавелли, — однако уверяю вас, что Флорентийская республика тем не менее опять проглотит их!

— Господа, господа! — воскликнул Бембо, присоединяясь наконец к группе. — Когда же мы доберемся до Рима, если проболтаем здесь до захода солнца! Я думаю, не пойти ли вам всем вместе даль-

ше, а будущее предоставить грядущему.

Так как всем было ясно, что дальнейшее не приведет к добру, все решили последовать этому предложению, и Цезарь, как будто не желая стеснять друзей своим присутствием, заявил, что поедет вперед в Рим в качестве их герольда, и, вернувшись к своему отряду, дал приказ трогаться в путь. Прошло несколько минут, прежде чем

войско Вителлоццо последовало его примеру.

— Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь стану терпеть надменное высокомерие этого Гога и Магога, этого быка в полном вооружении? - сказал Цезарь, заметив мрачный взор Макиавелли. — А что касается Медичи, то неужели ты думаешь, что я забыл тот день, когда я ездил во Флоренцию хлопотать за жизнь одного из моих слуг, нечаянно убившего в ссоре флорентийского гражданина? Отец был тогда простым кардиналом, только еще мечтавшим о папской тиаре, а Пиетро Медичи был в полном блеске своего счастья! Честное слово, Никколо, я целый день ожидал у него в прихожей вместе с его лакеями, а к вечеру он велел передать мне, что занят и не может принять меня! Занят, черт возьми! Тогда я уехал, предоставив своего беднягу-слугу его милосердию, а он приказал колесовать его! Колесовать моего самого верного слугу!

При этом живом восклицании перенесенного оскорбления, которого, как ему было известно, гордость никогда не простит, Маки-

авелли немного утешился.

Между тем Рим со своими бесчисленными башнями и зубцами все яснее выступал в сверкающем воздухе. По равнине со всех сторон к городу то группами, то в одиночку тянулись благочестивые

лигримы всех сословий. Казалось, только узкая полоса Тибра от-

деляла Цезаря и его спутников от цели их путешествия.

— Рим! Рим, мой Никколо! — воскликнул Цезарь с воодушевлением, редко выражаемым им. — Вот она, развенчанная царица мира, которая возложит венец на главу рыцаря, котда тот вырвет его из подлых рук, сорвавших его с нее! Клянусь святым престолом, эти круглые стены со своими башнями кажутся мне громадной золотой короной, плавающей в воздухе!

— Не гробница ли это Нерона? — холодно сказал Макиавелли,

указывая на одинокую развалину.

— Да, и крепость Франджипани! Разве ты не видишь их знамени с преломленным хлебом? Но что означает эта толпа на мосту?

— Как будто это какая-то процессия, окруженная народом, — ответил Макиавелли. — Но вот идут путешественники, которые, несомненно, объяснят нам все.

К ним на мулах приближались два человека, причем на одном были шапочка и облачение епископа; в некотором расстоянии следовало несколько рыцарей, богатое вооружение которых блистало на солнце, как золото.

— Честное слово, это мой друг Датарий, епископ Мадоны и царь финансистов! — воскликнул Цезарь. — А рядом высокопарный дурак, Иоанн Страсбургский, церемониймейстер его святейшества. Если бы врата царства небесного были открыты для всего человечества только полчаса, он стал бы терпеливо ждать, пока очередь по стар-

шинству не дошла бы до него.

Тем временем оба путника были так близко, что их можно было рассмотреть. Датарию было лет под шестьдесят; он был небольшого роста, худощавый и сутуловатый и удивительно походил лицом на лису. Другой был очень тучен, причем его широкое, плоское и жирное лицо сияло самодовольством и глупостью, составляя удивительный контраст с острыми чертами епископа. Это был Иоганн Бурхард, папский придворный, дневник которого сохранился до наших дней, подтверждая своим свидетельством некоторые невероятные подробности настоящей правдивой истории.

— Бурчиардо! — воскликнул Датарий, хлестнув своего мула, —

вон герцог!

— Не может быть! Без надлежащей свиты? — сказал церемониймейстер. — И впереди всего своего войска?

— Тем не менее это так. Во всей Италии нет таких других глаз, которые сияли бы так же, как эти, — ответил Датарий, понукая мула.

— Вам неприлично торопиться, ваше преосвященство! — сказал

Бурхард.

 Каждому человеку, по крайней мере умному человеку, при таком счастливом случае прилично показать свое усердие, — ответил епископ и остановился за шаг от того места, где стоял Цезарь с флорентийцем.

Последовала длинная процедура приветствий, и Датарий сообщил герцогу, что его святейшество повелел встретить его со всеми по-

честями и что на Понте Молле его ожидает процессия.

— Его святейшество приказал также устроить большую иллюминацию и пышные торжества, которые ваша светлость, надеюсь, извинит, принимая во внимание, как мало времени было для их организации, — напыщенно проговорил страсбургский декан. — Кроме того, я должен проводить вашу светлость во дворец Колонна, который его святейшество подарил вам и назначил для вашего пребывания.

Во дворец Колонна? Разве в Ватикане не нашлось места для.
 простого солдата? — воскликнул Цезарь с мрачным взором.

— Ваша светлейшая супруга живет во дворце Колонна, и только там свита вашей светлости может быть размещена соответствующим образом, — ответил Бурхард, трясясь всем телом от грозного взгляда. — Святой дворец наполнен высокими паломниками, и завтра туда еще ожидают вашу благородную сестру, донну Лукрецию.

— Донна Лукреция в Ватикане! — воскликнул Цезарь. — Какой скандал! Скажи, пожалуйста, Бурчиардо, случилось ли тебе во всей твоей практике, в твоих изысканиях папских хроник натолкнуться на такой случай, чтобы на глазах всего мира женщина жила

во дворце святого Петра?

— Разве вы никогда не слышали о папине Иоанне? — прошептал Макиавелли; но Бурхард состроил глупое и испуганное лицо и ничего не ответил.

- Но так как святейший отец не может ошибаться, то мы должны подчиниться его воле, отложив дальнейшие изыскания, с горькой иронией проговорил герцог. Спешите, почтенный Бурчиардо, и возвестите этим зевакам о моем прибытии. А ты, дон Мигуэль, обратился он к своему полковнику, когда папский церемониймейстер удалился, поезжай назад и скажи Орсини и его спутникам, чтобы они ехали сюда и, как братья, приняли участие в моем триумфе. Да не забудь подробно распространиться по поводу новости, что в доме первосвященника будет жить женщина. Итак, святой отец желает, чтобы между ним и его нежным сыном протекал Тибр? обратился он к Датарию, когда ускакал его услужливый наперсник.
- Да, и ваша милость не можете переправиться через него без особого разрешения, с коротким смехом ответил епископ. Старый Пикколомини, которого святой совет назначил губернатором города, когда Орсини при известии о несчастье с синьором Паоло взялись за оружие, назначил в замок Святого Ангела нового полковника.
- Для чего же тогда его святейшество сделал меня пожизненным главнокомандующим? — скрежеща зубами, промолвил Цезарь.

— Сейчас, благородный господин, необходимо, чтобы вы посетили нас. — продолжал епископ. — Его святейшество окружают люди. которые стараются посеять между вами раздор и все, что бы вы ни сделали, представляют в неблагоприятном свете. Удивительно, как он теперь хлопочет о брачном союзе донны Лукреции с Паоло Орсини, с тех пор как расстроились переговоры об этом же с Феррарой.

 Моя сестра — вдова уже целый год! У его святейшества прекрасные основания! — ответил Цезарь. — Но уж я разделаюсь с этими советниками! Вы не слыхали в Риме о веселой комелии, ко-

торую я сыграл с синьором Ремиро в Ронсильоне?

Епископ с улыбкой вскинул на герцога свой острый взор и отрицательно покачал головой. Но, когда Цезарь с поистине дьявольской веселостью рассказал ему ужасную историю, у министра финансов пропала с лица краска, словно он был близок испытать такую же судьбу, какя выпала на долю Ремиро.

 Ну, вы не смеетесь, синьор? — спросил Цезарь бледного министра. — А все же нет ничего приятнее поймать негодяя в его соб-

ственной ловушке.

- Охотно верю, ваша светлость, это в высшей степени приятно; но я не знаю, что подумает его святейшество, — заметил Датарий.

- Таким вот образом из двойственного политика легко можно сделать двоих, — с ироническим хохотом сказал герцог. — Но я представлю такие доказательства его виновности, которые будут достаточны для духовного суда неверующих иудеев! Но что вы такое говорили! Орсини обнажили свои мечи?
- Весь Рим был в волнении: даже Колонна осмелились показаться на свет Божий; Конти, Ченчи, Сальвиати забаррикадировали свои улицы; от ужаса мы все потеряли голову, только его святейшество оставался спокойным. С балкона Ватикана он уговаривал смущени их паломников и уверял их, что никто из них не был захвачен.

— Эй, старые развалины почти заполняются этой массой народа, — сказал Цезарь, с удивлением осматривая толпы народа, покрывавшие дорогу от реки до городских стен.

- К сожалению, они невероятно скупы и не хотят ничего пожертвовать в возврат расточительной благотворительности святого отца, — уныло возразил хищный министр.

 Вот как? — механически произнес Цезарь, очевидно, занятый своими мыслями.

Датарий оправился теперь от испуга и начал хохотать, как будто вспомнил что-то очень смешное.

— Вот вы удивитесь, благородный господин, когда увидите лиссабонского кардинала. Он, изо всей святой коллегии больше всех любивший пышность, ходит теперь без свиты и почти в лохмотьях. Послушайте, как это случилось. Он думал, что уже близок к смерти, и, чтобы не оставить своих богатств церкви, роздал все своим родным н слугам. Но небо услышало их лицемерные молитвы и в наказание

за его обман послало ему исцеление; между тем неблагодарные негодям из всех его сокровищ не хотели подать ему даже милостыню, и теперь он — нищий. Это яркий пример для тех, кто думает об-

мануть святую сокровищницу!

Перед взором возвращающегося полководиа развертывалось великолепное зрелище. Река была покрыта раззолоченными гондолами, которые своими разукрашенными носами, пестрыми знаменами и расписными килями тешили взор на золотистых волнах. Над мостом возвышалась триумфальная арка, сооруженная из лавровых ветвей, копий и труб. Здесь собрадись знатные особы, назначенные для встречи герцога, а именно кардиналы в красных мантиях, верхом на мулах, римские дворяне, из менее знатных фамилий, в блестящем вооружении и ярких плащах, предаты в священническом облачении. многочисленные слуги, пажи и лакеи в великолепных ливреях; все это было окружено рядами испанской папской гвардии. По ту сторону моста вся дорога была усеяна движущимися во все стороны толпами народа. Тут были дворяне со своими вооруженными приближенными, послы чужестранных государств с национальными знаменами, в сопровождении герольдов и блестящей свиты, городские цехи со значками, префект города Рима с белым знаменем, а со всех сторон на стенах, выступах холмов находилось бесчисленное множество простых зрителей.

Герцог едва успел бросить беглый взор на эти приготовления, как к нему подъехали Паоло Орсини с сиром Реджинальдом и дон

Мигуэль.

— Вителлоццо просит извинить, герцог, — нерешительно сказал Паоло. - Он не решается кому бы то ни было передать командование

своими варварами.

— Он все еще не доверяет нам, Паоло? — печально возразил Цезарь. — Неужели нет средств, которыми можно было бы убедить его в нашей искренности? Мы будем тогда просить его ехать в город впереди нас и поселиться вблизи дворца Колонна, так как не желаем никакой другой охраны, кроме его храбрых варваров. Идите, дорогой Паоло, и скажите ему это!

— Так, значит, дворец Колонна конфискован? — смущенно спросил Паоло, котя это указание говорило о полном разорении фа-

милии, с которой его род так долго вел упорную войну.

— Полагаешь ли ты, брат, что было бы умно оставить гнездо, кагда истреблены осы? — возразил Цезарь. — А где благородный иоаннит? Ему следовало бы разделить с нами эту пышную встречу.

— Он остался далеко в арьергарде, чтобы на свободе отдаться своим мрачным мыслям, — угрюмо ответил Паоло и после краткого

раздумья поспешно отправился к Вителли.

— Могу ли я просить вас, благородный английский рыцарь, возвестить о нашем прибытии нашим друзьям на мосту? — с такой утонченной вежливостью промолвил Цезарь, что сир Реджинальда

не мог отказаться и, хотя и с неудовольствием исполнял обязанности герольда, поскакал к мосту. — О мой Никколо, не беспокойся, когда-нибудь я отмицу за твоих республиканцев! — прошептал Цезарь, и в его глазах засветилось так долго подавляемое бешенство.

— Может быть, ваща светлость прикажете разбить палатку, чтобы ради этих торжеств надеть какой-нибудь блестящий костюм? —

спросил Мигуэлото.

— Не знаю, какой из моих нарядов мог бы выделиться среди этого пурпура и блеска, — сказал герцог. — Чтобы здесь быть замеченным, надо одеться попроще. Я надену свое самое плохое платье — черный шелковый камзол, тот самый камзол, который был на мне на похоронах герцога Гандийского. Это — траур по брату, который заткнет болтунам их лживые рты, и все в моей свите пусть будут одеты в траурные костюмы.

Палатка была наскоро разбита в стороне от дороги; тем временем тяжелой рысью проехали всадники Вителлоццо. Пришел ли Вителлоццо, несмотря на свое недоверие к Цезарю, к убеждению, что ему неловко отклонить его просьбу, или, может быть, именно поэтому рассеялись его опасения, но он согласился и несколькими минутами

раньше Цезаря проехал через Понте Молле.

В своем черном шелковом камзоле, украшенном лишь тяжелой золотой цепью, герцог выделялся больше, чем это удалось бы ему в его самом блестящем наряде. Берега Тибра, бывшие так часто свидетелями возвращавшихся победителей, снова огласились приветственными криками. Пиетро Медичи с опущенным забралом проехал вместе с Вителлоццо в город, и по сторонам Цезаря ехали только Орсини и Макиавелли. Мигуэлото с тайным поручением был отправлен в арьергард.

Лишь только герцог стал приближаться, церемониймейстер, ожидавший подходящего момента, поклонился особам, которые должны были первыми встретить Цезаря Борджиа, и в ту же минуту три кардинала выехали на своих мулах вперед; первый был человек почтенный, и его спокойное, сосредоточенное лицо привлекало к себе своим благочестием; двое других были еще молоды, но оба прекрасно сложены; один выделялся серьезным и гордым достоинством, другой — бурной живостью, более подходящей рыцарю, чем священнику. Первый был кардинал Медичи, впоследствии папа Лев Х; другой — кардинал Адриан Көрнето.

Приветственные клики раздались снова и смолкли, когда кардинал и герцог встретились и достопочтенный прелат преподал ему благословение церкви, а затем в латинской речи стал прославлять его геройские подвиги. Цезарь Борджиа слушал с обнаженной головой, смиренно склонясь над лошадью, благодаря чему торжественная речь несколько раз прерывалась ее громким ржаньем, что вызывало сердитые взгляды церемониймейстера.

Не успел старый кардинал окончить свою речь, как к поезду, несмотря на предупреждения Бурхарда, приблизился почтенный дворянин пешком, в сопровождении одного кардинала, одного предата, нескольких кавалеров и двалцати дакеев в красных и белых ливреях с гербами Орсини. Последние слова приветствия были прерваны объятиями Паоло Орсини и его семейства. Почтенный дворянин был его отец, герцог Гравина. Понятие о могуществе этого дома можно было составить, если представить, что среди тех Орсини, которые теснились, чтобы приветствовать наследника их главы, находились семь баронов, один кардинал, один архиепископ и множество подчиненных дворян, которые тем не менее все обладали вблизи Рима или замками, или укрепленными крепостями. Сморщенные щеки старого Гравины были орошены слезами, несмотря на все его усилия скрыть их, глубокие рыдания потрясали его старческую грудь, когда он прижимал к сердцу сына. Даже Цезарь, казалось, был тронут. отвернувшись в сторону, как бы желая скрыть свои чувства, но те, кто внимательно наблюдал за ним, видели в его чертах скорее иронию, чем нежность.

Бурхард предложил посланникам принести свои приветствия, и дипломатический корпус немедленно пришел в движение, причем каждый стремился выехать вперед; церемониймейстер же громким криком пытался привести в порядок расстроенные ряды. Английский посланник, человек серьезный и представительный, в сопровождении свиты молодых кавалеров выехал вперед с такой стремительностью, что очутился в одно время с послом императора, который по положению имел преимущественное право на первое место.

Произошло всеобщее замещательство, и прочие посланники приблизились к герцогу со своими приветствиями в таком беспорядке и с такой торопливостью, что Цезарь со смехом воскликнул:

— Эй, господа, вы сломаете друг другу шпоры!

— Никто не посмеет коснуться моих, прежде чем он размозжит мне голову! — с бешенством сказал испанский посол.

 Испанцы привыкли хвастаться! — возразил французский посол, блестящий рыцарь, гордо сидевший на своем коне, и бросил пре-

зрительный взор на испанца.

— Ах, мой благородный д'Обиньи! — поспешно воскликнул Цезарь, протягивая руку послу могущественной державы, которую он так недавно оскорбил. — Никогда вид твоего победоносного шлема не доставлял мне большей радости, так как я вижу, что на нашем мирном торжестве ты являешься в полном вооружении.

 И я не сниму его до тех пор, пока не получу приказов от своего короля из Милана, — гордо ответил француз, и Цезарь отвернулся

от него, чтобы приветствовать испанца.

Пока посланники поздравляли герцога, Орсини искал в толпе своих спасителей, чтобы представить их отцу. Но Реджинальд, оскорбленный Цезарем, переехал мост, а иоаннит уже давно не показывался. Бурчиардо, предоставив сперва посланникам время для их приветствий, нашел нужным закончить их и, вмешавшись в толпу, заявил герцогу, что его царственная супруга уже давно ждет его на другом конце моста.

Супруга Цезаря ожидала его, сидя на иноходце, покрытом белым шелком; два конюха в расшитых золотом ливреях держали его под уздцы. Над ней был раскинут пурпурный балдахин с французскими лилиями и королевской короной, который поддерживали четыре рыцаря. Это была молодая живая француженка, кокетливая и вертлявая, но при виде своего страшного супруга она притихла и побледнела. Ее окружали сонм прекрасных женщин, из которых состояла ее свита, и гордые жены римских патрициев.

 Смотрите-ка, сосед, как он целует у нее руку, а глазами-то рыскает среди ее придворных дам! — сказал в толпе рыцарь уродливому карлику, который стоял рядом и с улыбкой злобной радости

царапал себе голову.

— Так как же иначе-то, сосед! — ответил карлик. — Ведь для него они все более старые знакомые, чем эта северная девушка. Разве вам не известно, как Цезарь, чтобы избежать скандала, весь свой гарем назначил в свиту своей жене?

В это мгновение шум, поднявшийся в толпе, привлек всеобщее внимание. При переезде через мост посланники затолкали друг друга и, переехав на другую сторону, почти окончательно перессорились; каждый упрямо отказывался уступить другому. Только с послом императора не вступали в спор из-за первенства, но зато послы Франции, Испании, Англии, Неаполя и Наварры с жаром оспаривали друг у друга первое место. Напрасно Бурхард приводил тысячи доказательств, по которым ясно было, кому какое место принадлежит в процессии; его голос заглушался общим шумом. Уже обнажились и сверкнули в воздухе мечи; еще немного — и началась бы жестокая схватка. Тогда дряхлый кардинал Сиенский направил своего мула между спорившими и готовившимися вступить в схватку посланниками и воскликнул:

— Разве вы не знаете, безумцы, что отлучение от церкви и вечное проклятие ждут всякого, кто в эти святые дни христианской любви и всепрощения обнажит меч или кинжал или поразит кого-нибудь в слепой вражде копьем?

Эти слова произвели мітновенное действие: поднятые копья опустились, мечи были вложены в ножны, и, хотя и неохотно, все еще бросая свиреные взоры, рыцари заняли назначенные им места.

Тогда английский посланник заметил принимавшего участие в общей свалке Реджинальда и, радостно приветствевав земляка, пригласил его к себе во дворец. Но в то же мгновение появился Паоло Орсини; он издалека услышал голос своего друга и так энергично стал упрашивать его поехать к нему, что Лебофор отклонил приглашение посланника и принял гостеприимное приглашение Орсини, в особенности когда узнал, что Паоло нашел Бембо и поручил ему

пригласить иоаннита.

Поезд наконец тронулся и, несмотря на спускавшиеся сумерки, представлял блестящее зрелище. В тот момент, когда процессия подошла к городским стенам, на всех римских церквах зазвонили колокола, и звон не прекращался, пока процессия двигалась по городу. В то же время на всех семи холмах засияли бенгальские огни, и над темными кипарисами, дворцами и руинами загорелись огненные пирамиды. По обеим сторонам Корсо дворцы были украшены драгоценными коврами и знаменами, через улицу были перекинуты триумфальные арки с символическими приветствиями.

С Корсо процессия, чтобы попасть к замку Святого Ангела, повернула на площадь Навона. В этом квартале помещалась главная резиденция Орсини — громадный четырехугольник, окруженный дворцами самых значительных вассалов этого знаменитого рода, все же улицы были заселены или их ленниками, или их клиентами. Здесь же находились их крепость Монте Джиордано и дворец Массими, их верных союзников и родственников. Квартал тянулся до поворота реки против островов, где на развалинах театра Марцелли возвышалась их сильная крепость, которую они скромно называли палаццо Орсини. Все это было укрепленным лагерем, узкие и мрачные улицы которого были заграждены цепями, а на каждом повороте грозили отверстые жерла пушек.

Процессия выехала на площадь. Кругом было тихо, темно и жутко; вдруг заревели трубы; точно по волшебству на середине площади до самых крыш взвились ракеты, и с мостовой, словно из-под земли, вскочили вооруженные люди с гербами Орсини. Цезарь невольно вздрогнул на седле и схватился за кинжал, но в следующее же мгновение убедился, что здесь нет никакой измены, и сам присоединился

к раздавшимся кликам: "Орсо! Борджиа! Орсо!"

И все же несмотря на такой торжественный прием, Цезарь почувствовал облегчение, когда они миновали квартал Орсини и приблизились к мосту Святого Ангела. Однако при виде реки он внезапно побледнел, и его глаза сверкнули недобрым огоньком. Одни в этой перемене видели действие воспоминания об ужасном преступлении, потому что как раз перед ним возвышалась гробница одного из бывших властителей мира, куда положили труп его брата, герцога Гандийского, после извлечения его из Тибра. Другие же, настроенные более дружески, считали это выражением волнения и печали, какими наполнилась его душа при сравнении своего славного тиумфа с ужаеной судьбой брата.

Но все эти предположения вскоре были вытеснены событиями более важными. Посредине обширной площади, перед мостом, полки Вителлоццо остановились словно в боевом порядке, и Цезарь был чрезвычайно удивлен и раздосадован этой внезапной задержкой. Однако к нему тотчас же подъехал Вителлоццо и с торжествующей миной, но голосом, полным сожаления, сообщил Цезарю, что его немцы отказываются склонить свои знамена перед знаменами перкви, потому что швейцарцы и гасконцы, занимавшие крепость, вывесили свои знамена на нижних валах: такая честь могла быть принята как привет этим наемникам, что не хотели допустить их немецкие соперники. Гасконцы же грозили, что будут стрелять, если немиы проедут, не отдав чести.

Лицо Вителлоцио светилось такой злобной радостью, словно он залал генералу церкви неразрешимую задачу, и от острого взора Цезаря не укрылось это выражение. Он на мгновение задумался, но

нашел удачный выход.

- Комендант замка святого Ангела должен явиться ко мне с рапортом: мне сдается, что я все еще главнокомандующий! Где дон Мигуэлото? — спросил он, озираясь.

Каталонец ехал во главе старой гвардии Цезаря и, по знаку по-

следнего, моментально очутился около него.

Одновременно с ним приблизился комендант замка Святого Ангела с громадной связкой ключей, которую он, вероятно, предпо-

лагал из вежливости поднести главнокомандующему.

 Как? Или мы ошибаемся? — покраснев, воскликнул Цезарь. когда перед ним появился толстый швейцарец. — Перлингер?.. тот самый, которому я раз навсегда запретил даже смотреть на римскую землю! Убийца, что ты тут делаешь? - внезапно нагнувшись, он вырвал у изумленного швейцарца ключи и передал их каталонцу. — Возьми своих людей. — обратился он к Мигуэлото. — и скажи швейцарцам и гасконцам, чтобы они со своими знаменами немедленно присоединились ко мне по ту сторону моста, чтобы сопровождать меня в Ватикан! До тех же пор вы, немцы, никого не пропускайте на ту сторону и, если на вас все-таки нападут, выручайте себя, как знаете. А ты, Мигуэлото, отныне комендант замка святого Ангела.

Сверкающий взор Цезаря упал на смущенное лицо Вителлоццо на нем было написано теперь такое жалкое выражение, что Цезарь разразился громким хохотом, к которому присоединились и все зрители. На устах Макиавелли блуждала насмешливая и вместе с тем

печальная улыбка.

Вителлоццо какое-то время был в нерешительности; он взглянул на Орсини, но те также смеялись. Тогда он перевел взгляд на своих солдат: усталые, они сидели на измученных лошадях, и он тоже расхохотался.

Вдруг раздался привлекший общее внимание страшный взрыв, словно извержение вулкана, и из вершины замка Святого Ангела показалось целое море огня.

XV

Первою мыслью было у всех, что швейцарцы и гасконцы пришли в бешенство из-за приказа, тотчас переданного им Мигуэлото, и взорвали крепость на воздух. Но ужас превратился в изумление, когда растекавшееся во все стороны пламя вдруг собралось в одно местно и образовало огненную пирамиду, основание которой было так же широко, как и вершина башни. Затем пирамида, казалось, поднялась на воздух, а из ее основания образовался огненный лавровый венок. Вслед за этим над зубцами внезапно взвилось черное облако, послышались как бы удары грома, и кругом засверкали молнии. Постепенно облако посредине становилось все тоньше и все светлее, пока наконец сквозь него, словно сквозь кисею, не показалась фигура женщины. Ее лица на было видно, но, судя по очертаниям ее форм, она была красавица. Ее длинные черные волосы развевались по ветру и были украшены серебряной короной. На ней было черное одеяние, вокруг которого обвилась серебряная змея. По-видимому, она занималась колдовством, так как над головой держала золотую ветку яблони с золотым же плодом.

— Спаси нас Пресвятая Дева! Что это значит? — часто крестясь,

сказал Вителлоццо испуганному Перлингеру.

— Несомненно, дело рук волшебницы замка Святого Ангела! — ответил ошеломленный комендант.

Какой волшебницы, дурак! — свирепо крикнул Цезарь.

— Монахини, заточенной здесь, которая была выкрадена из монастыря языческих султанов, синьор, — заикаясь, ответил швейцарец.

Корона и лавровый венок! Это — Фиамма! — воскликнул

Цезарь.

В толпе раздались бурные выражения восторга, и Цезарь, взволнованный роскошным видением, с величием императора, принимающего корону, поклонился народу. Но в эту же минуту его лицо смертельно побледнело, он заскрежетал зубами и дико уставился взором в одну точку.

В это время, к счастью, раскрылись широкие ворота замка, и во

главе гасконцев и швейцарцев появился Мигуэлото.

Близость опасности, казалось, снова привела в себя Цезаря. Он кивнул коменданту, только что смещенному им, и с хриплым смехом сказал:

— Пожалуй, вы были правы, полковник; легко могло случиться несчастье, если бы вся эта масса всадников направилась через мост. Поэтому можете отправиться к ним и оставайтесь там, пока не получите дальнейших приказов от своего генерала, достопочтенного кардинала Сиенского. Мы же не возьмем с собой нашей царственной супруги, чтобы весь христианский мир видел, что по крайней мере мы не введем женщину в апостолический дворец.

Швейцарец изумленно вытаращил на Цезаря глаза и поспешно направился к солдатам, остановившимся на мосту по его команде, но гасконцы теснились вперед и кликами радости приветствовали

герцога.

— Ха, по крайней мере мои храбрые наездники из Перигора не позабыли меня! — воскликнул Цезарь и вмешался в ряды солдат, большинство которых он называл по имени.

В это время Паоло Орсини уговаривал Вителлоццо отказаться от нападения на глвейцарцев, которое взволновало бы весь город и успех которого был еще, кроме того, весьма сомнителен. Вителлоццо мрачно согласился спокойно дожидаться возвращения Паоло, если тот будет так счастлив, что ему удастся вернуться. Таким образом враждебные отряды были разделены рекою Тибром.

— Ну, что вы видите теперь, едкий сатирик? — спросил иоаннит уродливого карлика, снова очутившегося рядом с ним в толпе.

- Разве вы не видите по его веселому лицу, что он говорит своей жене: "Бог с тобой до следующего свидания?" ответил урод. В один прекрасный день он скажет это ей, в противном случае лекарства нашей древней праматери Гекаты потеряли свою силу.
 - А почему она не сопровождает его в Ватикан?
- Разве вам не известно, что доступ туда строго запрещен всем женщинам, если только верить древним песнопениям, которые папы называют канонами и буллами?
- А я не говорил тебе, что донна Лукреция будет жить во дворце и, несомненно, с целым штатом своих дам? резко спросил рыцарь.
- Ergo te semper cupiet, Lucretia, Sextus!* ответил карлик, хихикая и потирая руки.

Процессия снова двинулась. Иоаннит пришпорил своего коня, чтобы догнать торжественный поезд, и с трудом протискался сквозь густую толпу, стремившуюся к площади святого Петра.

Замок святого Ангела погрузился в темноту, зато стали вырисовываться светящиеся очертания Ватикана.

Иоанниту было интересно взглянуть на встречу отца с сыном — папы Александра с Цезарем, — но он старался держаться как можно дальше за прелатами и дворянами и, как принадлежавший к процессии, был впущен со всеми в Ватикан. Пышное шествие в стройном порядке направилось в зал Реджиа и вошло туда в тот момент, когда папа спускался по широкой лестнице. За папой следовал бесконечный хвост оффициалов в раззолоченных мундирах, светских и духовных паломников, стоявших на высших ступенях иерархической лестницы, прелатов из отдаленных мест, князей, гроссмейстеров значительнейших европейских рыцарских орденов, монахов, пашей и личной стражи.

Папа обладал величием Юпитера; его высокий рост, благородные черты лица, деспотический взгляд огненных глаз — все характеризовало в нем благородное происхождение. При более внимательном взгляде можно было заметить, что годы уже сделали свое дело, следы горячих страстей наложили на него свой отпечаток, горе, заботы и

[•] Следовательно, тебя, Лукреция, постоянно будет желать Шестой.

печаль избороздили его лицо морщинами. Семьдесят лет жизни оставили свой след; но если припомнить бурную жизнь Александра, все перенесенные им испытания, горе и радости, триумфы и поражения, то можно было удивляться силе его души, с таким досто-инством несшей тяготы жизни.

Процессия Цезаря моментально остановилась, и Цезарь, под руку с Паоло Орсини, выступил вперед. Он был бледен, но его глаза горели, и его беспокойная живость представляла собой резкую противоположность серьезной, неподвижной величавости папы. В выражении лица Александра заключалось удивительное смешение разнообразных чувств. Здесь были горе и гордость, подозрительность и нежность, отцовская любовь и опасения монарха, принимающего приветствия страшного подданного, готового бороться с ним за власть.

Три золотые подушки, положенные Бурчиардо на полу на определенном расстоянии перед лестницей, указывали места, где герцог должен был преклонить колена. Он быстро проделал эту церемонию; когда же он поднялся с последней подушки, церемониймейстер поднял свой жезл, и в зале воцарилась тишина.

— Я явился сюда, святейший отец, — начал Цезарь, — чтобы с благоговейной нежностью облобызать ваши ноги и выразить вам свою горячую благодарность за все благодеяния, какими я был осчастливлен во время долгой разлуки; за эти дорогие знаки благоволения я считаю себя особенно взысканным сыном нашей святой матери-церкви и надеюсь выразить свою вечную благодарность посвящением своей жизни службе апостольскому престолу и святой коллегии.

Последовала небольшая пауза, а затем папа ответил:

— Доныне мы были вполне довольны вашими действиями и принимаем ваши слова как залог вашей верности и постоянной преданности, которые мы неизменно будем награждать еще большими почестями. Для своего величия святейший престол не нуждается ни в землях, ни в богатствах, но, чтобы сохранить за ним признание его господства и уважение к нему, мы намерены предоставить вам силу и могущество на страх тем, кто делается более дерзким, чем больше милостей оказывается им!

Последние слова задели многих из присутствующих, и Цезарь бросил многозначительный взгляд на Орсини; затем он направился поцеловать крест на туфле его святейшества. Но он получил, кроме того, еще поцелуй в щеку — честь, оказываемую почти исключительно владетельным князьям и членам святой коллегии.

После этого Цезарь знаком пригласил Орсини.

— Среди этого собрания, святой отец, нет никого, кого мог бы еще задеть ваш упрек, — промолвил он. — Синьор Паоло был на пути принести к вашему престолу покорность и преданность самых могущественных мятежников, когда с ним случилось несчастье.

Молодой дворянин подошел ближе и преклонил колена у ног

Александра.

Последний, к величайшему конфузу церемониймейстера, немедленно поднял Паоло, поцеловал его в обе щеки и воскликнул с горячностью, которая едва ли могла быть неискренней:

— Приветствую тебя, трижды приветствую тебя, вернувшегося, как пророк Иона из пасти китовой, возлюбленный сын мой! Разве тебе не известно, что мы намеревались обнажить меч святого Петра и лично прийти к тебе на помощь? Не впервые мне было бы опоясать себя оружием; неверные гренадские мавры — мои свидетели!

Орсини на эту милостивую речь ответил с подобающими смирением и благодарностью и, испросив затем позволение представить его святейшеству одного из своих спасителей, знаком пригласил Реджинальда. Юный рыцарь с безмолвным благоговением последовал этому приглашению.

— Мы слышали, что то был рыцарь святого Гроба Господня, а это не он? — милостиво сказал папа. — Подойди ближе, юноша, и прими благословение Неба за христианское деяние!

— Святейший отец, я недостоин его! — смиренно преклонив ко-

лена, ответил Реджинальд.

— Тем достойнее, если ты так думаешь. Или ты только так говоришь? Но в твоем выговоре есть что-то заморское! Он, может быть, твой земляк, Бурчиардо?

— Я не знаю, считать ли его саксонцем или французом; мне думается, святой отец, он ни рыба ни мясо, — ответил церемоний-

мейстер.

Более рыба, так как я — англичанин, — сказал Реджинальд,

причем его бойкость снова вернулась к нему.

— Ха, а что поделывает ваш король? — воскликнул папа. — Может быть, на этот святой праздник ты явился от него с какимнибудь поручением! Поистине, я боюсь, что неизмеримые сокровища, собранные им, словно свинцовая гора, лягут на его мятежную душу.

- Рыцарь приехал из Феррары, святой отец, где он долго про-

был, - заметил с ударением герцог.

- Из Феррары? Как поживает добрый герцог? спросил папа, внезапно переменив тон. Мне думается, что раз он исторг у святого престола все свои города и земли, он мог бы почтить нас особым посольством.
- Да вот здесь имеется мессир Пиетро Бембо, внезапно обернувшись, сказал Цезарь и указал на священника, который полагал, что в толпе его не заметят. Может быть, он уполномочен на такое поручение.
- Святейший отец, испуганно произнес Бембо, покорность моего повелителя вашему святейшеству так совершенна, что лишнее подтверждение ее могло бы возбудить такое же подозрение,

как если бы какой-нибудь ювелир, продавая бриллиант, стал уве-

рять, что в нем нет ни единого пузырька.

— Мессир Бембо, вы — поэт и итальянец, я же — человек простой и прирожденный арагонец, — резко произнес Александр, глубоко презиравший итальянцев. Но мы слышали, что вас сопровождал синьор Вителлоццо ди Кастелло. Где же он?

— Он явился с тысячью ландскнехтов, чтобы получить от вас отпущение в своих грехах, — заметил с особым ударением Цезарь. — И они принудили меня занять замок святого Ангела моей гвардией и

вывести оттуда швейцарцев и гасконцев.

— Что вы говорите? — воскликнул Александр, по-видимому, не-

приятно пораженный этим известием.

— Немцы — гордые люди. Вителлоццо не мог заставить их склонить свои знамена перед знаменами швейцарцев, а эти грозили нам, что будут стрелять в нас, — поспешно заявил Орсини.

— Как, и мои швейцарцы поднимают мятеж? Где Перлингер? —

спросил Александр, и его мрачный взор предвещал бурю.

- Я сместил этого раба, быстро ответил герцог, он принадлежал к числу грабителей... в войске кривоногого короля Карла, хотел я сказать.
- Так, значит, вы не слыхали, что я дал ему и его товарищам полнейшее прощение? сказал папа.
- Может быть, к лучшему, что так случилось. В эти дни замок святого Ангела должен быть в верных руках! со значительным взглядом проговорил герцог. И если припомнить странные слова, брошенные им в лагере у Фаэнцы, то, кажется, будет лучше, если он останется по ту строну реки.

— Да ведь не сам Вителлоццо произнес эти грозные слова, а его горячность, святой отец, и крепкое вино, полный шлем которого он только что осушил тогда, — быстро вмешался герцог Гравина.

- Господа Орсини действительно достоверные свидетели, так как они все были при том, когда Вителлоццо выражал надежду низвергнуть ваше святейшество с престола святого Петра! примирительным тоном произнес Цезарь.
- Ну, оставим это! сказал папа. А теперь, сын мой, поспеши вознести мольбы у престола святого Петра!
- Но прежде, я думаю, необходимо, чтобы Орсини заставили своих друзей отойти от замка святого Ангела, а я позабочусь о размещении своих войск; в противном случае может произойти несчастье, — сказал герцог.
- У вас много войска, Цезарь? с видимым беспокойством спросил папа. Мы просили вас не слишком переполнять город в эти дни, так как мы и без того принуждены открыть свои старые запасные магазины, чтобы верующим в стране обетованной не было недостатка в пище и питье.

- Это главным образом вельможи из Кампаньи со своими свитами и отряд честных каталонцев, равнодушно промолвил Цезарь.
- Послушайте, герцог, после небольшого размышления начал папа, мы не желаем, чтобы войска были размещены по сию сторону Тибра и во избежание столкновения отзовем швейцарцев в Ватикан. Об остальном же кардинал Сиенский сговорится с вами.

Герцог поклонился с насмешливой улыбкой.

- Меня радует, сказал он, принимая огорченное выражение, что ваше святейшество даете мне в сотрудники человека, честность и прямота которого могут противостоять всем благам, какими дьявол искушал нашего Господа; да, да, ведь действительно больно карать изменников. У меня до сих пор обливается сердце кровью при мысли о черной неблагодарности и измене, которые я вынужден был наказать в доне Ремиро, подесте, которого ваше святейшество, святая коллегия и я сам облекли высоким доверием!
 - Что с ним случилось? побледнев, воскликнул папа.
- Он осужден и четвертован, вернее, перепилен пополам, спокойно ответил Цезарь. Подробности же его измены я должен отложить до тайной аудиенции у вашего святейшества.

Папа был, очевидно, ошеломлен этим известием, но не выдавал волновавших его чувств.

— Такой случай не терпит отлагательства, и мы немедленно же желаем выслушать ваши основания. А вы, синьор Паоло, можете тем временем возвратиться к себе и позаботиться о предотвращении всякого возмущения, приказав швейцарцам явиться сюда и заставив Вителли вернуться со своими немцами в свой лагерь.

Затем он простер свои руки, громко произнес благословение и,

сопровождаемый герцогом и свитой, поднялся наверх.

Блестящее собрание быстро разошлось. Иоаннит подождал, пока не удалился Орсини, и поспешил, как он думал, незамеченным покинуть дворец. Но на ступенях портика он внезапно почувствовал, как кто-то осторожно дотронулся до его руки. Это был Бембо, который, тяжело дыша, пошел рядом с ним.

- О мой высокий господин, помолвил он, Орсини повсюду ищут вас и желают вашего присутствия в их дворце. Мне поручено
- привести вас.
- Но в мои намерения вовсе не входит поселиться у Орсини, мессир Пиетро, ответил принц. Ты знаешь, у меня есть дело в этом городе мой обет, привести который в исполнение во дворце жениха Лукреции Борджиа не совсем удобно. Скажи им, что я обязан выполнить священный долг своего ордена, он и в действительности священный. Моему же брату Реджинальду скажи, что даже инкогнито мне не хотелось бы пить вино человека, который может статься, будет моим врагом, моим соперником!
 - Как, вы не хотите идти во дворец Орсини, где мы были бы

в полной безопасности? — печально протянул Бембо.

- Нет, Пиетро, тебя я не хочу лишать удобств, улыбаясь, возразил рыцарь, тем более, что твое пребывание в этом дворце будет служить моим намерениям. Но ты можешь видеть меня, когда захочешь, так как свой страннический посох я думаю водрузить вон в той гостинице.
- Итак, предубеждения вашего высочества нисколько не поколеблены? нерешительно спросил Бембо. О, как прекрасна эта Лукреция!.. Парис, наверное, предпочел бы ее Елене и скорее отдал бы яблоко ей, чем Венере.

 Тем больше это убеждает меня. Нет такой добродетели, нет такой низости, на которые не могла бы заставить решиться такая

красота! - страстно воскликнул принц.

— Но я обязался перед вашим досточтимым батюшкой ни на одну минуту не выпускать вас из глаз, принц, — сказал Бембо. — Где вы, там должен быть и я.

— С кем вы имеете дело: с ребенком или со взрослым человеком? — серьезно промолвил иоаннит принц Альфонсо д'Эсте. — Если бы вы даже не пожелали воспользоваться гостеприимством Орсини, нам все равно нельзя было бы оставаться вместе, потому что в вас уже подозревают посланника моего отца. Я дал вам приказание, и ваша обязанность повиноваться без возражений. А теперь покойной ночи!

С этими словами иоаннит направился к месту, где оставил своего коня и оруженосца. Бембо тоже сел на своего мула и поехал по-

тихоньку к дворцу Орсини.

По валам замка святого Ангела, близ круглой башни, медленно прохаживались два человека, причем один шел почтительно, немного позади, хотя оба вели дружескую беседу. Это были Мигуэлото и Цезарь Борджиа.

- Но, тем не мене, высокий господин, иллюминация этого замка выходила за пределы человеческого искусства, сказал каталонец. Несомненно, что донна Фиамма для вида пользовалась услугами ваших верных гасконцев и турецких рабов, но некоторые из них видели страшных, сотканных из света и тьмы духов, которые летали кругом и повиновались приказаниям донны Фиаммы.
- Все великое народ считает сверхъестественным, меряя его на мерку своей неспособности, ответил Цезарь. Но ты увидишь, что и душа Фиаммы, несмотря на то, что она обладает великими тайниками, склонится предо мною, словно пламя пред жезлом чародея.
- Клянусь душою, ваша светлость, на что же она может еще надеяться, как не на ваше милосердие?
- Да, а она любит меня, с иронической улыбкой продолжал Цезарь и более печально прибавил: и, может быть, только одна она из всех красивых дур, которые говорили мне о своей любви. По-

истине, Мигуэлото, я — настоящий платоник: я вечно стремлюсь к идеалу красоты и во всех ее формах нахожу одно разочарование!

— По моему глупому мнению, синьор — ведь я не ученый, — донна Лукреция в совершенстве подходит к идеалу, — сказал Мигуэлото и с ужасом заметил, что его повелитель остановился, как будто наступил на змею.

— Ты повторяешь обычные речи, — ответил Цезарь, быстрыми шагами продолжая путь. — Разве она не так же знаменита в Италии, как Елена Прекрасная в Греции, даже еще более знаменита, так как, я думаю, тебе известно, Мигуэлото, что добрая слава лежит, а дурная бежит.

— Не удивительно ли, что донна Лукреция должна жить в Ватикане?

— Будет еще удивительнее, если эта мера предосторожности не навлечет на нее еще более дурную славу! — ответил герцог. — Где теперь Фиамма? — после паузы спросил он.

— С ужасными сестрами из гетто * она совершает какое-то волхвование вот в том мавзолее, — ответил Мигуэлото, указывая на громадную круглую башню. — Я думаю, она варит любовный напиток, чтобы снова приворожить вас.

- Тогда я начну верить в ее науку, шутливо промолвил Цезарь. Честное слово, мне сдается, что моя старая любовь снова возрождается из пепла. Я думаю, что некогда я любил Фиамму, прежде чем полюбил честолюбие! А не слыхал ли ты про одного человека, которого я пригласил сюда, про волшебника, перед искусством которого фокусы этих баб из гетто и Фиаммы рассеются, как дым, а именно про некоего дона Савватия?
- Нет, ваша светлость, ведь всего несколько часов, как я комендант этого замка.
- Мигуэлото, резко спросил герцог, как ты думаешь, почему я питаю такую постоянную и непримиримую ненависть к мужьям и женихам моей сестры?
- Потому что... потому что... черт меня возьми, если я знаю, почему. Может быть, потому, что вы всех их не считаете достойными вашего будущего величия, ответил Мигуэлото, задрожав под острым змеиным взглядом Цезаря.
- Отчасти, да, довольным тоном ответил Цезарь, но также и потому, что этот самый книжник дон Савватий рядом с ожидающим меня величием императора показал мне тени потомков моей сестры, причем все они были увенчаны диадемами, блеск которых, как мне показалось, затемнял сверкание короны Карла Великого. Но потерплю ли я, что венец, который я должен добыть такими невероятными усилиями, не перейдет к моим потомкам, которых я надеюсь оставить после себя?

^{*} Обособленный квартал в Риме, где жили только евреи.

— Это было бы неразумно, — согласился комендант. — Но меня удивляет, что его святейшество не устает выдавать донну Лукрецию все время замуж, когда ее мужья так быстро покидают наш бренный

мир.

 Видишь ли, эти браки — вовсе не плохое средство опровергать здую молву, а его святейшество дорожит мнением света. Теперешней помолькой с Орсини ему хочется пустить пыль в глаза всему христианскому миру. Впрочем, здесь кроется, пожалуй, еще более тонкая политика. У его святейшества мне оказали дурные услуги: он очень странно принимал известия от дона Ремиро, а Лукреция... но что можно сказать про поступки женшины? Пусть народ думает самое худое, но, полагаю, ты сам понимаешь, Мигуэлото. - император и папа не могут сидеть на троне в Риме! Ну, ну, я пошутил. — прибавил он, увидев, что его суеверный наперсник нахмурился. — Но вспомни, ведь трон святого Петра был сооружен из самого простого дерева, и я сделал бы только то, чего требовали в последнее время многие христиане. Что ты скажещь, если в советники я возьму себе аскета Ланфранки, который в состоянии смести всю пышность, окружающую панский престол? За такое великое дело небо послало бы нам прощение за многие мелкие прегрешения; кроме того, я лелею мечту освободить Гроб Господен. Кстати, мне пришло в голову... что сталось с нашим иоаннитом?

— Не знаю, синьор. Я только один раз видел его во время шествия.

— Он очень молчаливый человек, и мне необходимо больше разузнать о нем, — задумчиво промолвил Цезарь. — И какой он угрюмый! Ты не заметил, как немилостиво он принял благодарность Лукреции? Ах, да, ты видел, как струсил Датарий, когда я рассказал ему про подесту? Он оказал мне немало услуг, но почему же он испугался?

 Может быть, потому, что скрывает в сердце такую же измену, как покойный дон Ремиро. Да вам беспокоиться нечего: ведь наши две аптекарши еще не скоро исчерпают запас своих трав, несмотря

на то, что этот товар идет ходко.

— Но эти травы опасны, да к тому же предательство, которое требуется для того, чтобы влить кому-либо их соки, стоит слишком дорого, чтобы применять их в обыкновенное время. Крикуны Вителлоццо, наглые вассалы Орсини не стоят этого. Кроме того, эти случаи внезапной смерти вызывают подозрение. Мне нужны два сильных молодца, которые готовы были бы всадить свой клинок так, чтобы народ приписал вину пьяной ссоре, или без лишнего шума бросить кого-нибудь в Тибр. Не знаешь ли такого?

— Кардинал Сиенский издал приказ, изгоняющий всех бандитов

из Рима, — уклончиво ответил комендант.

— Ну, тогда, значит, консистория издала приказ, направленный против всех тиранов Романьи! — с ироническим смехом сказал Це-

зарь. — Скажи, гле ты нашел людей, которые поймали послет его

мужа Лукреции на ступенях собора святого Петра?

— Дурачье, нанесли ему больше дюжины ран, из которых ни одна не была смертельна, так что мне, жалкому слуге вашей милости, тогла только еще слуге, пришлось под конец прикончить его в постели. — мрачно промодвил каталонец.

- Сколько ран, ты сказал? Его мать, должно быть, горько плакала, получив это известие. Но о чем мы говорили? Да, о твоих старых друзьях, бандитах. Они далеко не совсем исчезли из Рима, как ты пытаешься уверить меня.
- Возможно, что Джиованни из катакомб скрывается еще гденибудь в укромном месте, неохотно ответил Мигуэлото.
- Ну, это как нельзя лучше. Я хотел только знать, на что я в худшем случае могу положиться... в случае, если папа настоит на своем и браком дочери с главою мятежных вельмож превратит в ничто все мои планы! Ты заметил, как сердечно он принял Паоло Орсини и как подозрительно — меня? Плохую службу сослужили мне люди, окружающие моего отца; несомненно, немало там нашептали на меня. Клянусь Пресвятой Девой, когда он воскликнул: "Приветствую тебя. Цезарь!" — его взглял был полон воспоминаний о моем брате Джиованни.
- Кое-кто в Риме еще может разыскать Джиованни из катакомб; возможно, что он не знает о приказе относительно изгнания бандитов; ведь он не умеет читать, а предписание составлено по-латыни. — заметил Мигуэлото.
- Этого достаточно, раз мы знаем, где в случае нужды нам найти его, — задумчиво произнес Цезарь. — Как жаль, Мигуэлото, что ты не ученый!.. Ты мог бы тогда прочитать список, которым снабдил меня Датарий и который содержит все имена и адреса начальников черной банды, явившейся теперь в Рим, чтобы получить себе и своим братьям отпущение всех своих смертных грехов.
- Что пользы мне в этом знании, синьор? с недоумением спросил Мигуэлото.
- Польза была бы только для меня, потому что теперь я вынужден прочитать тебе этот список. Ты должен, видишь ли, узнать, как относятся ко мне все эти религиозные мародеры, в особенности, те которые находятся на службе Орсини или благородных неаполитанцев. Если бы все эти господа отошли в вечность, а ведь даже и лучшие из нас должны умереть в один прекрасный день, они стали бы искать себе новых повелителей; разве худо было бы быть на рынке первым? Ты мог бы, кроме того, напеть им те прекрасные песни, которым я учил тебя, а именно про золотые рыцарские шпоры, гражданские титулы и так далее, в особенности же начальникам швейцарцев и немцам, которые настолько тщеславны, что каждый из них, кто только не рыцарь, считает себя обиженным.

- Значит, я должен стараться привлечь на нашу сторону даже приверженцев его святейшества?
- Желаете, господин комендант, получить когда-нибудь более высокий титул? с досадой спросил Цезарь. Что ты за трусливый дурак? Неужели ты думаешь, что Датарий, первый министр церкви, стал бы поддерживать мои планы, если бы они не клонились ко благу церкви?
 - Следовательно, ваша светлость не питаете недоверия к нему?
- Я сотнями глаз наблюдаю за действиями каждого, ответил Цезарь. Это, кстати, напомнило мне, что мне необходим хороший свидетель у Орсини. Бедный Анджело, как видно, погиб.

 Старик Гравина вбил себе в голову, что это он уведомил вас о поездке его сына Паоло Орсини в Рим, и повесил его на флюгере

своего дворца.

— Что делать!.. Один умер, надо на его место поставить другого. Что, если бы Джиованни из катакомб напал вблизи дворца Орсини на избранного мною человека и последний стал искать во дворце спасения, а затем под предлогом благодарности поступил туда на службу.

- Превосходный план, синьор!

— Ах, ты, умница!.. ты не лишен сообразительности!— иронически заметил Цезарь. — Не мешало бы поставить наблюдателей и у нашей прекрасной сестрицы.

- Нет, синьор, болтливый отец Биккоццо, который все узнает от духовника донны Лукреции доминиканца Ланфранки, еще никогда не обманывал нас. Меня удивляет, как серьезный и мудрый Ланфранки может доверяться такому простодушному болтуну, как этот Биккоццо.
- Эге, да ведь и я делаю то же самое! испуганно воскликнул Цезарь. Впрочем, нет! Я найду людей, которые будут ползать всюду, где я ни пожелаю. Но чародейство моей прекрасной Фиаммы начинает действовать. Итак, ступай и выставь стражу!.. Я пойду к Фиамме приветствовать ее поцелуем солдата, если она не будет разыгрывать недотрогу.

Вслед за этим он стал спокойно подниматься по узкой лестнице башни и в сопровождении Мигуэлото вошел в узкую калиточку. Они прошли по многочисленным комнатам, убранным со старомодной пышностью; отсюда вел вниз целый ряд винтовых лестниц и коридоров, которые в свою очередь соединялись с другими залами, приспособленными отчасти для жилья, отчасти для тюрем. Все посты входов и выходов были заняты гвардией Цезаря.

— Кто твои самые важные заключенные? Ты успел расспросить о них? — спросил Цезарь, когда они спускались по этим темным

лабиринтам.

— Я не смею считать заключенной донну Фиамму, хотя ее обвиняют в ужасном преступлении, а именно в том, что она, будучи

монахиней, сделалась любовницей неверного султана, — ответил Мигуэлото.

- Ну, отношение к ней будет зависеть от того, что она думает.

А кто помещается наверху?

- Джакомо Кантано, апостолический протонорий, брат Николая, убитого по справедливому приговору вашей светлости в Сермонете, ответил комендант. Говорят, он сошел с ума и целый день виснет у решетки своего окна, смотря на небо, словно ждет оттуда посещения.
 - Пусть его ждет! Но что за музыка раздается слева?
- Это музыкант Томазино; из любви к своей повелительнице Екатерине Сфорца он отравленными письмами покушался на жизнь его святейшества. Ему оставили флейту, а так как в его темнице царит почти вечный сумрак, то у него нет другого развлечения, кроме музыки.
- Он с таким безнадежным отчаянием дудит в свою флейту, что было бы милостью отправить его самого на виселицу. Ну, пусть живет, проклятый отцеубийца! Но здесь страшно темно, Мигуэлото, а судя по холодному и влажному воздуху, мы находимся у входа в пещеру или на поворот.
- Скоро у нас будет достаточно света, котя я котел бы подняться и принести лампу, чтобы вы могли видеть удивительно символические картины на стенах, с легким ужасом произнес Мигуэлото. Эта галерея ведет к гробнице императора Адриана, где донна Фиамма упражняется в своем черном искусстве и, как говорят, по желанию вызывает дьявола! Некоторые утверждают, что она заставила говорить большую каменную голову в коридоре и вызвала дух императора Адриана из его каменного гроба, крышку которого не могла поднять никакая человеческая сила.
- Дальше, дальше, и брось болтать свои бредни! презрительным тоном произнес Цезарь, но в глубине души и он ощущал жуть.

Всеобщая вера в волшебство и чернокнижие и в этом удивительном человеке нашла своего верного приверженца.

В то же мгновение его внезапно охватило подозрение, что его комендант замыслил против него измену и завел его в западню. Он выхватил кинжал, и если бы не заметил почти тот же в полу галереи отдаленного круглого, как бы исходящего из колодца, отблеска света, то дон Мигуэль, пожалуй, обратился бы в то же состояние, как и дух императора, про которого он только что рассказывал.

— Пойди принеси факел, этот свет будет мне путеводной звез-

дой, — сказал Цезарь, пряча кинжал.

Комендант низко поклонился и исчез в темноте.

XVII

Цезарь осторожными шагами приближался к светящемуся месту и видел, как красноватый отблеск постепенно все сильнее освещал

высокие стены галереи. Герцог подошел к круглому отверстию в полу, похожему на колодезь. Посредине возвышалась массивная гранитная колонна, с которой соединялись сводчатые потолки нижнего зала. Вскоре Цезарь открыл, что колонна внутри полая и в ней находилась витая лестница, спускавшаяся, очевидно, в нижний зал, и стал наблюдать удивительное зрелище.

Глубоко внизу помещался просторный зал, по-видимому, вырубленный в скалах, на которых было заложено основание крепости святого Ангела. Его стены, украшенные иероглифами и мистическими египетскими письменами, покоились на головах громадных кариатид. За этими безмолвными хранителями тайн смерти, судя по тем-

ноте, находились гроты или подземные ходы.

На алтаре, устроенном на лежащих сфинксах, светилось громадное, но, по-видимому, безвредное пламя, так как оно горело в громадном саркофаге невероятно сильным светом без дыма и даже не плавило восковой фигуры, помещавшейся посреди него. Цезарь улыбнулся, но не без тайного беспокойства, узнав в фигуре сходство с самим собой.

На груди фигуры лежал череп с каким-то предметом, похожим на свежее сердце человека или животного. Две старые ведьмы были заняты поддержанием огня какими-то странными вешествами, охап-

ки которого находились вблизи них.

Кроме того, тут были восточные фиалы с редкими маслами, нефтью и неизвестными теперь жидкостями, большей частью изобретения арабских и греческих химиков, пучки ядовитых растений, растущих на кладбищах и на развалинах, блестящий золотой песок, раздробленные бриллианты и еще множество редких предметов, а именно: летучие мыши, сердца голубей, змеи, ящерицы, черепахи, различные части тел пресмыкающихся и хищных зверей, куча предметов, похожих на глаза, и наконец множество прекраснейших цветов.

Цезарь сразу же узнал в колдуньях еврейских аптекарш из римского гетто, известных под именами Нотте и Морта, что значит "ночь" и "смерть". Обе были высокого роста и худощавы, обе стары и тем не менее удивительно сильны и подвижны, обе неописуемо безобразны, причем кожа Нотте была удивительно темного цвета, а Морта была так худа, что походила на живой скелет и вполне заслуживала свое прозвище. Их отец был еврей, необычайно искусный врач. Говорят, что своим искусством он был обязан союзу с дьяволом, который по прошествии нескольких лет бросил его, вследствие чего врач впал в нищету. Но более осведомленные люди оспаривали эту сказку и утверждали, что мудрый еврей пристрастился под старость к тайным наукам и, тщетно стараясь постичь их, потерял и рассудок, и состояние. Обе дочери были неустанными помощницами в его занятиях и таким образом получили свои познания в химии и в распознавании трав, а если верить молве, то и в тайных, запрещенных науках. По всем признакам, отец оставил их в ужасной бедности, теперь же сестер считали страшно богатыми, хотя они продолжали жить в той же нишете, причем никто не знал их настоящих имен.

Удивительно было то обстоятельство, что при таких слухах они до сих пор избегли внимания церковного суда, который особенно следил за занятиями черной магией, считая их преступлениями. Передавали, что у сестер были могущественные, хотя и тайные, покровители, мести которых они помогали своими тайными знаниями. А так как все преступное связывалось, естественно, с именем Борджиа, то рассказывали, что жадный Датарий уже не раз пытался наложить на сестер свою инквизиторскую руку, но благодаря вмешательству Цезаря ничего не мог поделать с ними.

Цезарь почти не удостоил взглядом этих отвратительных созданий. Он обратил свое внимание на фигуру, которая, несмотря на что-то страшное в своей красоте и на расстройство своего лица, приковала к себе его взоры. Это была женщина, дивно сложенная, с правильными чертами мраморной статуи и гордым, огненным выражением, свойственным потомкам древних властителей. Но на ней была длинная черная, обвитая серебряной змеей одежда, расстегнутая у ворота, как будто ее бурно вздымавшаяся грудь требовала воздуха. Она лежала на ступеньках саркофага в позе, выражавшей вынужденную покорность и горячее нетерпение, дико водила кругом взорами, вздрагивала при каждом треске и вспышке пламени и то бранила ведьм за медлительность, то хватала раскрытую книгу, раскрашенную страшными фигурами, и безумным голосом начинала читать заклинания. Серебряную диадему она откинула в сторону, и ее длинные черные локоны, падавшие на плечи, резко оттеняли их пластичную округлость и белоснежную белизну. Выражение ее лица было одновременно и божественным, и демоническим; безумная страсть, надежда и отчаяние, любовь и ненависть при всей ее необыкновенной красоте сообщали ей что-то дьявольское: затем все это сменялось одним и тем же, — по-видимому, обычным для нее выражением гордости и сверхъестественной скорбью павшего ангела.

— Он не идет, он не идет, и вы насмехаетесь надо мной своей безумной болтовней и бессильными травами! — воскликнула она. — Сейчас он прижимает к сердцу свою жену, клянется ей в любви, жалуется на долгую разлуку с ней, и у него нет ни мысли, ни вздоха, ни единого воспоминания для всеми покинутой Фиаммы! Да и почему бы он пришел? Есть ли у меня какое-либо обаяние, способное снова привлечь его? Какие чары могут быть в красоте, которая надоела ему, прежде чем он покинул меня, чтобы отправиться в проклятую Францию, в красоте, которую разрушили горе, позор, стыд и время, время! Да, да, ведь я состарилась от скорби! Как вы думаете, на сколько лет я старше, чем это царственное дитя из Наварры, Шарлотта д'Альбрэ ставшая женою Цезаря?

— Нет, дочка, когда ты будешь так же стара, как Нотта, тогда будет время считать годы! — ответила темнокожая прорицательни-

ца, обливая гадюку синеватым маслом, отчего распространился противный запах. — Фу, как эссенция из волчых костей лезет в нос!

- Ей только семнадцать лет, а я уже считаю двадцать третью несчастную зиму! беспокойным тоном промолвила Фиамма. Не надо больше, не надо больше, дайте мне умереть!.. Для чего мне еще жить?
- Есть смысл пожить на этом свете, уж хотя был только ради того, чтобы избавиться от того, свистящим голосом прошептала Морта. А что касается красоты, то лишь тогда жалуйся на свои исчезнувшие прелести, когда ты будешь так же худа и безобразна, как Морта!
- Ты лживая книга и еще более лживый пророк! воскликнула Фиамма, отбросив таинственную рукопись. Когда прошло очарование любви, может ли магия помочь восстановлению ее силы? Или изменник думает, что он может попирать меня ногами? О Цезарь, ты сделал из меня демона; берегись, чтобы он не погубил тебя!

Наступило молчание, и Фиамма, опершись горячей щекой на ру-

ку, стала смотреть на горящий саркофаг.

— Здесь горит прах гордого императора; чего еще может требовать гордый сын Запада? — уныло промолвила она.

— Я говорила тебе, дочка, что надо было бы сердце живого человека, а не мертвого оленя! — сказала Морта, махая длинным костлявым пальцем над содержимым черепа.

— Ты так же безжалостно говоришь, как смерть, имя которой ты носишь! — содрогаясь от ужаса, промолвила Фиамма. — До сих пор мы сделали все, что предписывали нам приказания дона Савватия и книга, которую он мне дал.

 Дон Савватий! О, если бы он, считающий себя большим мастером, захотел увидеть тщетные усилия и позор своих обманчивых

средств! - сказала Нотте.

- Да, сестра, не наша вина, если сегодня ночью Борджиа придет в соприкосновение с Колонна только тем, что вступит в их дворец, в котором Колонна не смеет показаться под страхом смерти, заметила злобная ведьма.
- Колонна! Колонна! О, если бы в небесах был святой, которого я смела бы молить о милосердии! воскликнула несчастная Фиамма и, плача, бросилась на ступени сфинкса.
- Не отчаивайся слишком рано, дочка, сказала Нотта, тронутая или испуганная этим немым страданием. Если не действуют чары твоего неизвестного мага, так у нас самих есть еще другие, которые значатся в книгах нашего отца. Будь только терпелива, будь терпелива!
- Нам необходимо горячее человеческое сердце, а не холодное оленя, презрительно промолвила Морта.
- Возьмите нож и вырежьте мое, потому что оно горит у меня в груди! безумно воскликнула Фиамма.

Сестры снова обменялись таинственным взглядом. Наконец Морта сделала сестре какой-то знак.

— Мы должны теперь сжечь сердце с нефтью и ароматами! Ты, дочка, надень на голову венок из ярко-красных ненюфаров, босиком ходи кругом саркофага, непрестанно разбрасывая цветы, и сладким завлекающим голосом пой любовные песни, пока мы не велим тебе остановиться. И тогда явится он или дон Савватий, называющий себя адептом арабской школы, дурак и лжец.

Фиамма равнодушно поднялась и, пока колдуньи бормотали свои заклинания и приготовляли снадобья над горящим саркофагом, безнадежно взяла целый пук цветов и надела на голову венок, как ей предписывали ведьмы. От Цезаря Борджиа не укрылось ни одно движение этого странного зрелища, и, хотя страсть, выражаемая пылкой римлянкой, скорее вызывала в нем презрение, чем трогала его, все же деспотический сластолюбец не мог остаться совершенно равнодушным к ее горячей искренности. Тем не менее он решил позлить волшебниц и доказать ничтожество их искусства, явившись не ранее, чем они исчерпали бы все свои чары и отчаялись бы в успехе.

Но вот ведьмы окончили свои приготовления; сердце со всех сторон было объято чистым пламенем нефти, и, пока они продолжали подкладывать туда благовония, Фиамма начала ходить вокруг; она рассыпала цветы и пела заклинания неспокойным голосом, в котором тем не менее чувствовалась горячая гармония, что в связи с искренностью безумия придавало ей вид делофийской прорицательницы. Всеми радостями, которые делила с Цезарем, небом, которое она оскорбила, адом, грозящим ей в вечности, она заклинала Борджиа прийти в ее объятия, призывала служивших ей духов, которые должны были наслать на него жаркие воспоминания минувших наслаждений, пела о своей первой встрече с Цезарем, о незабвенном мгновении радостных восторгов. Трогательные выражения ее песни, гармонический голос, ее красота, отчаяние и одуряющий аромат — все вместе зажгло пламенем страсть Цезаря. В ослеплении страсти он забыл свои намерения обмануть старых ведьм, бегом спустился по винтовой лестнице и вошел в зал в тот самый момент, как потухла горящая нефть, пение смолкло и Фиамма остановилась, словно превратилась в мраморную статую.

Увидев Цезаря, она с диким криком бросилась в его объятия, между тем как колдуньи с восторгом хлопали в ладоши. Тотчас же на него полились потоки слез вместе со счастливым смехом, вздохи, жаркие, страстные поцелуи, восклицания восторга и отчаяния, любви и упреков, объятия и снова поцелуи, поцелуи без конца.

— Неужели ты думала, что нужны были другие чары, чтобы вернуть меня к тебе, кроме воспоминания о твоей красоте и нашем минувшем счастье? — когда улегся первый горячий порыв, сказал Цезарь, осушая поцелуями слезы, не перестававшие литься по щекам Фиаммы.

- Нет, Цезарь, нет, я только хотела услышать от тебя, что ты не сосем покинул меня, хотела только знать, что я не одна у Бога, обманутого мной! воскликнула несчастная женщина. Скажи мне, что ты не презираешь меня, как я сама себя. Вспомни, что я потеряла все, но потеряла ради тебя. Вспомни, что я дочь Колонна была Христова невеста, невинна, счастлива и любима. Подумай, чем я была и чем стала, жалкая, проклятая небом и землей. Небесным Женихом, покинутым мною, отвергнутая семьей, которую я опозорила. Вспомни клятвы, которые ты нарушил!.. Чего только я не вынесла и не потеряла ради тебя! Могу ли я, Цезарь, когда-нибудь простить тебя? Не должна ли я ненавидеть и проклинать тебя всей силой своей измученной души?
- Проклинай меня, красавица моя, я, со своей стороны, только хочу целовать тебя! лаская ее, ответил Цезарь. Но неужели же ты упрекаешь меня моим же собственным несчастьем, так как думаю, что ты негодуешь на меня за мою вынужденную женитьбу на глупой девушке из Наварры?
- Да, неверный изменник, да! с внезапным порывом воскликнула Фиамма, вырываясь из его объятий. И ты без стыда, спокойно смеешь говорить об этой беспримерной измене? О, ты, злодей, злодей! Где твои клятвы сделать меня своей женой, императрицей Италии!
- Я прекрасно помню тот час, прелестная Фиамма, ласково, но насмешливо сказал Цезарь, Мы были в винограднике мрачных кармелиток, где замуровали тебя; я был тогда кардиналом Валентийским, ты монахиней Маддаленой. Я нес тебя по веревочной лестнице со стены, а ты отбивалась, словно покидала рай, и рыдала. Что же мне было делать, как не сыпать обещаниями? Но могла ли ты поверить, ты, разумом равная почти мужчине, что небо может освятить такую клятву?
- Но ад по крайней мере освятил ее, Цезарь! Ты освободился от своих священнических оков, ты на пути к господству, которое я должна была разделить с тобой, а теперь, кажется, делит с тобой девушка из варварской страны, дочь злейшего врага Италии! с легким колебанием в последних словах возразила Фиамма.

Это не ускользнуло от внимания Борджиа, но он не подал и вида, что заметил, и продолжал прежним тоном:

— Да, Фиамма, да, душа моя! Своим возвышением я обязан тебе с самого первого момента, — промолвил он, вперив в нее взгляд, полный жгучей страсти. — Неужели ты хочешь теперь низвергнуть меня в бездну отчаяния? Ведь это только женский каприз, пустая ревность, приличная лишь ординарным женщинам, которых твой героический дух превосходит так же, как яркая полуночная звезда — слабое мерцание маяка! Нет, нет, если даже кто-нибудь и владеет сокровищем моей души, то все же самая главная драгоценность ее

принадлежит тебе, одной тебе, и, несмотря на всю видимость, я ни одного момента не был неверен тебе!

— Разве ты не женился на этой принцессе! Неужели нам солгали, сообщив о твоем пышном венчании в Орлеане? — возразила Фиамма. — Изменник! Но ты не избежишь моей мести, хотя бы после того мне пришлось погибнуть навеки.

— Что можешь ты сделать, Фиамма? — улыбаясь, проговорил Цезарь. — Если бы я боялся твоей мести и если бы любил свою жену, то неужели, ты думаешь, я не сделал бы распоряжения, чтобы

тебя заключили в тюрьму?

— А ты уверен, что твое распоряжение было бы исполнено? Неужели ты, жестокий и бессердечный, думаешь, что я не могла бы освободиться от тебя силой волшебства?

- Клянусь святым Петром, ты действительно обладаешь неотразимыми чарами, воскликнул Цезарь, заключая красавицу против ее воли в свои объятия. А разве я не обладаю чарами над тобою? Разве ты не любишь меня, Фиамма? Разве ты не отказалась от небесного блаженства ради меня? Разве не являешься ты талисманом моего могущества и славы и разве не был бы я без твоей любви и твоей энергии, которая все время пришпоривала меня, до сих пор служителем алтаря, проклинающим свое служение? Кроме того, дорогая возлюбленная, ты вся принадлежишь мне и не можешь причинить мне страдания, не почувствовав их на себе.
- Неужели ты думаешь, Цезарь, что я боюсь твоего могущества или могущества твоего отца? возразила Фиамма тоном сверхъестественного отчаяния. Сам ангел своим огненным мечом разрезал бы узы моей неволи, чтобы я могла, собрав весь Рим, объявить пред святой гробницей Петра о твоем преступлении! Мне поверили бы.
- В чем поверили бы тебе? В этой стране Боккаччио поистине нет ничего невероятного в том, что священник мог заблуждаться, а молоденькая монахиня могла сделать открытие, что кровь у нее в жилах горячее льда, спокойно сказал Цезарь. Какая была бы для тебя польза возобновлять против меня эти старые обвинения? Ты знаешь, что у инквизиции имеется твое письменное показание, подтвержденное языческим султаном, любовницей которого ты заявила себя в присутствии многочисленных свидетелей.
- Да, чтобы защитить тебя от справедливого позора твоего преступления, чтобы отвратить от тебя мщение благородного брата моего покойного отца! О Просперо и Фабрицио, какую еще более тяжкую кару желали бы вы навлечь на мою невинную голову? О древний Колонна, мой знаменитый дед, твое проклятие исполнилось! Безнадежные дни и бессонные ночи, раскаяние, ужас и безутешное, одинокое отчаяние мои постоянные спутники! О неверный, нужна ли была еще эта последняя измена, чтобы переполнить чашу моих страданий!

— Почему же ты не осталась у своего языческого спасителя, как ты называешь недостойного почитателя Магомета, оказавшего тебе тогда защиту? — побледнев, сказал Цезарь. — По крайней мере у меня не было бы причин благодарить его за великодушие, за то, что он принял на себя весь позор. Последний нисколько не повредил бы ему, а такая красавица, как ты, была бы ценным украшением его гарема. Я же должен был бы один перенести всю бурю... И, пожалуй, никто не был бы обманут, кроме меня, глупца, отдавшего свое сокровище на хранение разбойнику.

— Ты говоришь, Цезарь, не то, что думаешь. Нет, нет, ты не смеешь говорить так! — с новой силой воскликнула Фиамма. — И тем не менее благородный турок умер так же, как все, которых ты ненавидишь! Цезарь, я хотела видеть тебя, чтобы только сказать тебе, как я ненавижу тебя, как презираю и боюсь тебя... чтобы сказать

тебе "прошай навсегда"!

— Что, дочка, убрать ли статую или заключить ее в мрамор, как велел дон Савватий, чтобы сохранить любовь твоего возлюбленного и чтобы он всегда возвращался в твои объятия, как птица в гнездо? — спросила Морта.

— Простите меня, Горгоны, что я до сих пор не обнажил пред вами своей головы. Но что скажешь ты, моя Фиамма? Что должны сделать страшные ведьмы? — спросил Цезарь, вперив свой взор в

прекрасную жертву.

В груди Фиаммы какое-то время боролись стыд и страсть, гордость и презрение, а ее лицо то горело ярким пламенем, то бледнело, как мрамор. Затем она упала в объятия изменника, и ведьмам не нужно было никакого другого доказательства. Цезарь изливался в страстных уверениях и нежных упреках сомнениям Фиаммы, а обе сестры посредством незаметного механизма покрыли крышкой саркофаг.

— Ты торжествуешь, Цезарь, ты торжествуешь! Но ты ошибаешься во мне. Отныне я буду только твоим другом, твоей советчицей, если хочешь, но никогда больше твоей возлюбленной! — воскликнула Фиамма с новым порывом гнева и стыда. — Теперь уходи, мое сердце тешилось достаточно. Я видела тебя, знаю, что ты ненавидишь меня, и этого довольно. Возвращайся к своей жене, а меня предоставь моему отчаянию, моим одиноким мукам! Я буду стоять на башне и провожать тебя взорами до твоего дворца, и, когда исчезнет в воротах последний факел, я буду знать, что ты думаешь о том, что увидел меня впервые в этих залах моих предков, когда я невинным ребенком сидела у ног своего деда и с беззаботным восторгом плела венок на его седую голову, которую я от горя и стыда свела в могилу!

Это печальное воспоминание тронуло даже сердце Цезаря.

— Нет, дорогая, моя первая и единственная любовь, даже при воспоминании о прошлом я не покину тебя, прежде чем ты не поклянешься мне любить меня так же верно, так же горячо, как тог-

да! — страстно сказал он. — Я же клянусь тебе всеми своими надеждами на власть и мщение, что в тот момент, когда не будет больше нужды в ненавистных французах, я отправлю им обратно их дурацкую куклу — свою жену — и еще теснее привяжусь к тебе. Ты будешь моей женой, моей царицей, моей императрицей и разделишь со мной корону Италии!

Фиамма со слезами слушала эти обольстительные речи, но, очевидно, была довольна ими и шепнула несколько непонятных слов суетив шимся ведьмам, которые безмолвно кивнули ей головой и удалились.

Она бросила нерешительный взор на Цезаря и стала так поспешно подниматься по лестнице в колонне, что он, не привыкший к ее заворотам, вскоре остался далеко позади. Когда же он поднялся наверх, то к своему изумлению нашел там Мигуэлото с факелом, Фиамма же исчезла.

- Где донна Фиамма? Ты не видел, она не проходила мимо тебя? спросил он.
- Нет, ваша светлость, ответил испуганный комендант, хотя я почти целый час ожидаю вас здесь.
- Это удивительно! проговорил Цезарь с суеверным ужасом. Почти кажется, что она открыла секрет делаться невидимкой. И поистине она обладает волшебным средством, так как в самые безумные дни моей любви я не чувствовал к ней такой страсти, как сейчас. Я не уйду из крепости, пока не найду Фиамму.
- Это то же самое, что искать иголку в стоге сена, ответил каталонец. А я должен напомнить вашей светлости, что большое общество, ожидающее вас в вашем новом дворце, уже потеряло терпение.
- Государственные дела, государственные дела задержали нас! Дай-ка свой факел! Эта своенравная девчонка не должна играть с огнем, который она зажгла в моем сердце! нетерпеливо воскликнул Цезарь.

Затем, схватив факел, он долго и усердно искал, но, как и предсказывал Мигуэлото, безуспешно. Нетрудно было установить, что Фиамма не убежала в свои комнаты, так как никто из часовых, мимо которых она должна была проходить, не видел ее.

— Она действительно нашла средство, которым — знай она его раньше — могла бы удержать меня гораздо дольше, чем это случилось, — сказал наконец с досадой Цезарь. — Но позаботься, Мигуэлото, о том, чтобы в следующий раз я видел ее, или я буду считать тебя ее сообщником. Попроси позвать ее или, вернее, моего дона Савватия, так как он, наверно, обладает удивительными знаниями в сокровенных науках. С этими словами Цезарь, хотя и неохотно, покинул крепость.

XVIII

Тем временем Бембо спешил по направлению дворца Орсини, с одной стороны огорченный решением своего молодого повелителя,

с другой же — довольный тем, что избежал опасностей, в которые его могли бы вовлечь его предприятия. После уничтожения Колонна род Орсини стал, несомненно, главою римского дворянства. К ним перешла большая часть владений Колонна. Поэтому неудивительно, что они соперничали с могущественными Борджиа.

Обширный дворец Орсини и весь смежный квартал были полны их вооруженными союзниками. Среди последних Бембо нашел Вителлоццо и более подходящее для своего утонченного вкуса общество в лице Пистро Медичи и Гвидобальдо, герцога Урбино, и их свиты.

Бембо, как один из спасителей Паоло Орсини, нашел в его семье самый горячий прием, но сообщенное им решение иоаннита вызвало искреннее сожаление, хотя Паоло в глубине души не чувствовал особенной печали.

Главные встви всей большой фамилии Орсини были представлены герцогом Гравиной, его братом, архиепископом Флорентийским, и еще двумя сыновьями, кроме Паоло, из которых один был кардиналом, а другой — маленьким мальчиком. Орсини и все их гости были заняты одной мыслью о браке Паоло с Лукрецией. Честолюбие и желание охранить свой дом от хищных намерений Борджиа сделали этот союз господствующим желанием в душе Гравины, а все его союзники смотрели на этот брак, как на единственную гарантию продолжительного мира и своего собственного могущества.

Поведение сира Реджинальда, когда он услышал о решении иоаннита, показалось Бембо странным. Лебофор был, видимо, изумлен непоколебимостью решения феррарского принца Эсте отказаться от своего предполагаемого брака с Лукрецией Борджиа и его способностью лишиться такого счастья; он рассыпался в таких страстных хвалебных гимнах красоте Лукреции, что Бембо задумался. Но его мимолетное подозрение снова исчезло, когда он заметил, какую искреннюю дружбу питал добродушный, открытый нормандец к Паоло Орсини.

До праздника юбилея оставалось лишь несколько дней, и иоаннит постепенно приходил к убеждению, что его поездка в Рим с намерением собрать доказательства против Лукреции, выясняющие порочность ее натуры, по-видимому, останется безуспешной. Во всяком случае, и здесь ему приходилось наталкиваться на очень неопределенные слухи, но весь этот мрак, окружавший Лукрецию, казалось, представлял лишь контраст, от которого еще более увеличивались блеск ее красоты и участие, возбуждаемое к ней богатыми сокровищами ее души. Римский народ боготворил ее исключительно за ее неотразимую красоту и, кроме того, верил, что мягким правлением Александра, заменившим собою жестокую тиранию дворянства, он был обязан исключительно ей. Казалось невозможным найти неопровержимые доказательства или хотя бы только след их; все, что было достоверно известно, говорило в пользу Лукреции.

Иоаннит в продолжение этого времени редко виделся с Реджинальдом, отчасти потому, что так хотел сам, отчасти потому, что Лебофор был усердно занят с Паоло Орсини воинственными упражнениями, так как в числе других развлечений на праздниках должен был состояться турнир, на котором молодой итальянец хотел блеснуть ловкостью и искусством перед обожаемой красавицей. Английские и французские рыцари в этих воинственных упражнениях превосходили всех других, и Лебофор, с детства занимавшийся телесными упражнениями, обладал замечательной ловкостью. Иоаннит, принц Альфонсо д'Эсте, был также его учеником и своим искусством был обязан большей частью его урокам. Бембо приходил так часто, сколько ему позволял принц, и всегда с новыми доказательствами в пользу Лукреции.

Так, он открыл, что она была поэтессой, и небольшие стихотворения, которые приписывались ей Пиетро Медичи и другими гостями Орсини, дышали такой грустью, нежностью и благочестием, что иоаннит не мог поверить, чтобы в такой мрачной душе, какую он предполагал у нее, родились такие образы.

Альфонсо должен был опасаться, что в толпе чужеземных пилигримов его легко могут узнать, и потому не снимал своего монашеского одеяния, капюшоном которого он, не вызывая подозрений, мог всегда закрыть лицо.

Последние дни перед началом юбилейных празднеств были посвящены паломниками говению и исполнению различных обетов. Ступени храма святого Петра были все время покрыты молящимися, которым нужен был целый день, чтобы подняться на коленях в собор, причем на каждой ступени они читали определенное число молитв. Об испорченности того времени можно было судить по количеству закутанных фигур, направлявшихся целыми днями к исповедальне великого исповедника, назначенного только для выслушивания исповедей великих преступлений, разрешение от которых не могли дать обыкновенные священники.

Для Альфонсо это обстоятельство получило новое и необычайное значение, когда он услышал, что на этот пост был назначен духовник Лукреции, и он основал на этом план достижения своей заветной цели.

Великому исповеднику он хотел открыть наполнявший его душу ужас по поводу тех слухов, которые циркулировали о преступных отношениях между Лукрецией, ее отцом — папой Александром VI и ее братом Цезарем Борджиа, определяемых латинскими стихами. "По имени Лукреция, по действиям Таис, Александра дочь, его же супруга и невестка", — желал спросить его, представляет ли его, хотя и невольное, подозрение против папы преступление против церкви, рассчитывая, что один взгляд и простой жест духовника Лукреции могли бы пролить больше света, чем все слова.

Закутавшись в плащ и спустив на лицо капюшон, иоаннит отправился в собор вечером за день до юбилея.

Великий исповедник находился в подземелье, где помещается гробница святого Петра. Альфонсо стоял в числе кающихся в темном коридоре перед ракой святого апостола, и все, что происходило в исповедальне, было видно ему только тогда, когда туда открывались тяжелые, массивные двери, чтобы впустить или выпустить кающихся. Драгоценный покров был снят с гробницы, и рака освещалась лишь факелами, которые держали в руках монахи различных национальностей, служившие в то же время при нужде переводчиками великому исповеднику. На самой гробнице стояла черная мраморная урна, а под ней виднелась алебастровая доска, на которой была выгравирована булла юбилейных празднеств. По громадной куче монет всех европейских стран, насыпанной невдалеке от раки, можно было судить о благочестии собравшихся паломников и их национальностях. На простом деревянном стуле совсем рядом с этим сокровищем сидел исповедающий, с молитвенно сложенными руками и бледным лицом, более мрачным, чем обыкновенно.

В то время как Альфонсо терпеливо ждал своей очереди, внезапно раскрылись двери исповедальни, и оттуда скользнула женская фигура. На ее лицо была спущена густая вуаль, и Альфонсо, занятый своими мыслями, не обратил бы на нее внимания, если бы не заметил странного, напряженного взгляда, каким доминиканец провожал ее. Ему показалось, что он как будто знает ее, и она в свою очередь, словно невольно, сделала изумленный жест, но почти сразу же ускорила шаги, направляясь к выходу. Однако иоаннит так заинтересовался этим, что оставил свое первоначальное намерение и последовал за говельщицей. Чтобы не возбуждать подозрения, он старался держаться как можно дальше, пока закутанная незнакомка не исчезла в одном из боковых приделов. Подумав, что она хотела помолиться там, он решил подождать ее возвращения у входа, но прошло довольно много времени, он потерял терпение и вошел в придел. Посредине его помещался тускло освещенный алтарь, а рядом с ним — гробница Калликста Третьего из рода Борджиа. Несколько священников служили у алтаря панихиду, а незнакомка стояла перед ним на коленах, объятая молитвенным настроением или другими, еще более сильными чувствами, потому что Альфонсо слышал ее подавленные рыдания. Но к нему неслышными шагами подошел служка и мягко сказал, что донна Лукреция приказала никого не пускать сюда во время заупокойной обедни по ее убитом брате герцоге Гандийском.

"Да, она боится, что могут заметить ее безмерное горе, она, грехи которой в ее собственных глазах таковы, что требуют очищения только великим исповедником!", — подумал Альфонсо и, довольный этой тенью подтверждения своих подозрений, медленно направился к подземелью, чтобы пройти к доминиканцу.

Вдруг он услышал отдаленное пение и увидел посредине храма приближающуюся процессию. При свете факелов несколько доминиканцев несли знамя инквизиции — красный крест на черном поле с надписью: "Сим победивши!"

Среди доминиканцев находился также и Бруно Ланфранки, великий исповедник, и его серьезные, мрачные черты представляли удивительный контраст с круглым, довольным и веселым лицом монаха, который, по обычаю религиозных орденов, был его особым спутником.

С еще большим удивлением иоаннит заметил, что к процессии присоединилось немало дворян и высших чиновников, среди которых находились три консерватора, или представителя главного магистрата Рима. У входа в собор процессию ожидали копьеносцы магистрата; они окружили ее, и, сопровождаемая огромной толпой, процессия направилась к мосту святого Ангела. Из восклицаний и разговоров зрителей иоаннит узнал, что значит все это.

— Я пойду в гетто и буду слушать, как он проповедует неверным собакам. проклятым жидам! — кричал один.

— Говорят, он будет проповедовать по-еврейски, потому что он говорит на всех языках! — сказал другой.

— Меня удивляет, — заявил старый нищий, — что святой отец берет на себя труд заботиться о жидовских душах.

— Он способен обратить черта в аду! — воскликнул в толпе какой-то доминиканец. — О братие, какая честь, что такой праведник принадлежит к нашему ордену!

— Какая польза проповедовать убийцам нашего Спасителя? — послышался грубый голос. — Я, со своей стороны, спалил бы весь

жидовский квартал и стер бы с лица земли!

— Всегда было в обычае говорить им проповеди накануне великих праздников, а что может быть выше и больше праздника юбилея! Кроме того, жиды платят значительные налоги, — проговорил чиновник министра финансов.

 Боюсь, что это — сравнение с антихристом! — возразил неизвестный, принадлежавший, судя по платью, к инквизиции.

Тот, кто предложил предать все огню и мечу, повернулся к чиновнику, но, едва заметив его платье, нырнул в толпу, словно рыба в воду.

У принца Альфонсо не было времени обратить внимание на этот неукротимый порыв христианского рвения, но он все же заметил странность этого явления.

Это был человек лет выше средних, в одежде крестьянина. Его широкая, украшенная пестрыми лентами шляпа была надвинута на лицо, но не настолько, чтобы скрыть отвратительные рубцы на нем; по его рыскающим, подозрительным глазам, по особой манере носить короткий плащ, словно он хотел спрятать под ним кинжал, в нем можно было подозревать одного из бандитов или браво, которые

вследствие распущенности тогдашних нравов наводняли собою Италию и являлись для нее ужаснейшим бичом.

Иоаннит отправился дальше, не замечая, что и он возбудил не меньшее внимание в этом достойном представителе своей профессии. Альфонсо знал, куда доминиканец направил свой путь, и, чтобы избежать давки, решил нанять лодку и по реке поехать в еврейский квартал. Узкая улица привела его к Тибру; он стал звать лодочника, но ему пришлось неоднократно повторить свой зов, прежде чем появилась старинная ладья со старым перевозчиком.

— В гетто! — лаконически сказал рыцарь.

Лодочник сейчас же погрузил весла, и лодка была уже далеко на середине реки, прежде чем рыцарь заметил в ней еще третьего, который был не кто другой, как крестьянин, находившийся в поцессии.

 Чего тебе здесь надо, приятель? — спросил с неприятным изумлением рыцарь. — Я нанял лодку для себя одного.

На грубом диалекте крестьянин ответил, что он просит извинить его дерзость и позволить христианину послушать, как будут посрамлены жиды, а для этого разрешить ему ехать вместе с ним.

Рыцарь подумал немного; но нерешительный вид его спутника, неясность его подозрений и неуверенность в лодочнике заставили его отказаться от своего первоначального намерения выбросить нового пассажира за борт.

— Но ты не должен ехать даром, — сказал он, найдя превосходное средство отвратить от себя опасность. — Возьми-ка весла и помоги старику, или — говорю тебе — один из нас должен будет променять лодку на волны.

Легкое движение руки под плащом, по-видимому, подтвердило подозрение иоаннита. Но крестьянин повиновался без заметного неудовольствия, и лодка, подгоняемая другой парой весел, быстро понеслась по течению.

Рыцарь не выпускал из виду своих спутников, хотя делал вид, что с любопытством иноземца любуется берегами. Луна серебристым светом освещала здания Ватикана.

Берега реки постепенно расширялись, и вдали показался остров святого Варфоломея. Вдруг оба лодочника, словно по уговору, бросили весла и начали читать молитвы. Подозрение иоаннита, несмотря на этот благочестивый порыв, приняло бы вполне определенную форму, если бы он не заметил, что оба вдруг остановились и изумленно взглянули друг на друга.

- Разве ты тоже дал обет святому Варфоломею, брат? спросил лодочник.
- Нет, брат; но здесь неподалеку находятся городские шлюзы, куда постоянно приплывает много христианских трупов; вот я и подумал, что будет добрым делом помолиться за душу того, кто, может

быть, сейчас кончается, — ответил крестьянин, в котором дон Альфонсо более чем когда-либо подозревал переодетого бандита.

- А для меня отсюда началось мое несчастье, потому что с тех пор, как я увидел, как бросали в реку труп герцога Гандийского, меня избегали все, словно чуму, и мне пришлось бы умереть с голоду, если бы святой Варфоломей не посылал мне изредка какогонибудь чужеземца, печально промолвил лодочник. В моей лодке никогда не увидят римлянина; и я делаю это ради того, чтобы убийцы не подумали, что я даю им сигналы, кто едет и богат ли он. А Небу известно, могу ли я догадаться об этом.
- Ты уверен в этом, старик? Его святейшество не пожалеет золота, чтобы заплатить за сведения, которые могли бы направить куда следует его мщение, на чистом римском диалекте произнес крестьянин, внезапным движением наклонясь к лодочнику, в то время как его рука снова исчезла по плащом.

Но, прежде чем эта попытка могла увенчаться успехам, иоаннит могучим усилием выбросил крестьянина за борт.

- Как? Неужели этот человек должен погибнуть? с ужасом воскликнул лодочник.
- Если он из крестьян речной области, то не погибнет: ведь все они так привыкли к воде, что чувствуют себя в ней, как рыбы. Если же нет, тогда он презренный убийца и найдет там много знакомых, им же самим отправленных туда, ответил иоаннит. Но что это он здесь оставил? Это твой кинжал, старик?
- О святой Варфоломей, нет! воскликнул лодочник, осторожно поднимая кинжал, словно это была змея. Но мне кажется, что точно такой же я видел на поясе Джиованни из катакомб, прежде чем он и его браво были изгнаны добрым кардиналом Сионским.
- А знаешь, я хотел бы иметь что-нибудь в руках; ведь негодяй вынырнул с головой, а теперь снова нырнул, как утка, словно боится, что его подстрелят! сказал рыцарь. Он плывет к камышам. Но, так как он тебе не нравится, я решил помочь тебе в гребле. Итак, вперед!
- Ах, синьор, когда-то я не был таким мрачным и не возбуждал ни в ком подозрений, ответил лодочник. Но все неудачи обрушились на меня с той самой ночи! И это все оттого, что я был так уставши, что позабыл помолиться святому Варфоломею.
- Как же это случилось? Расскажи мне всю историю, потому что на севере Италии про нее толкуют по-разному.
- Была вот такая же ночь, как сегодня, только среда, начал старик. Я выгрузил дрова на берегу еврейского квартала и лежал в лодке, потому что надо было караулить то, что я выгрузил. Судя по звездам, была, должно быть, полночь, как вдруг эх, лучше бы я спал! я увидел двух человек, выходивших из улицы слева от церкви святого Джироламо. По их виду можно было заключить, что они явились только посмотреть, нет ли кого-либо постороннего.

- Ты не знаешь, каковы были по виду эти люди? прервал его иоаннит.
- Клянусь Пресвятой Девой, один был похож на негодяя, которого ваша милость бросила в воду, ответил лодочник, другой же, судя по голосу и походке, был, вероятно, испанец; оба были в черных масках. Осмотревшись со всех сторон и не заметив ни одной живой души, они вернулись в улицу. Вскоре же вслед за ними явились еще двое; они также осторожно осмотрели все вокруг и дали затем сигнал, должно быть, для своего спутника, потому что из улицы выехал всадник на серой лошади в яблоках с трупом человека на седле. Рядом шли оба замаскированные, которые приходили раньше. Все трое приблизились к реке, между тем как двое других сторожили улицу. И вот как раз против поворота оба замаскированные взяли у всадника труп, схватили его за руки и за ноги и, раскачав изо всех сил, бросили в реку. Всадник спросил, утонул ли труп, но не повернул головы, словно боясь посмотреть. Когда же они ответили ему: "Да, синьор!", он пришпорил лошадь и повернулся лицом к реке.

— Ero лицо! Ты можешь припомнить ero? — спросил, не дыша

от волнения, рыцарь.

— Я уже говорил вашей чести, что не посмел взглянуть, из боязни, что взгляд всадника, горевший огнем, встретится с моим! Когда он увидел плывущий по реке плащ покойника, он спросил, что это за черный предмет, и один из спутников ответил ему...

— Что? — с нетерпением воскликнул иоаннит.

— "Ваше преосвященство... плащ"! Впрочем, нет, он, наверное, сказал: "Ваше превосходительство... плащ"! Да, это было превосходительство! — смущенно произнес лодочник. — После этого один из этих людей стал бросать в плащ тяжелые камни, пока тот не пошел ко дну. Кода на реке не стало видно ни единого круга, они повернули лошадей. Но в это мгновение из улицы с воплем выбежала молоденькая девушка, а за нею две старые женщины. Я не знаю, что ей было нужно, но всадник кинулся ей навстречу и схватил ее за волосы, пока не подоспели старухи. Девушка упала в обморок, старухи унесли ее прочь, а всадник повернул в другую улицу, которая ведет к храму святого Иакова. Это все, что я знаю об этой истории и видел своими глазами и что я передавал его святейшеству нашему святому отцу.

— Но девушка! Девушка! Какова она была с виду? Ее фигура, цвет волос? — воскликнул рыцарь, выпуская от волнения весла

из рук.

— Почем я знаю? Девушка такая же, как все другие, — с неудовольствием ответил старик.

— Неужели ты не заметил, какого цвета были ее волосы? Я спрашиваю тебя не из пустого любопытства, а по необходимости, так что ты, пожалуйста, отвечай мне, —с искусственным спокойствием

сказал рыцарь. — Не были ли ее волосы золотистого цвета? Обладательницы таких волос больше всего склонны к преступлению!

— Я только мельком видел ее, синьор, но так как вы толкуете о волосах, то мне показалось, как будто я заметил у нее на волосах красную ленту с золотыми нитями, как носят в виде украшения глупые еврейские девушки в гетто. А может быть, это была и кровь... быть может, ранили также и ее.

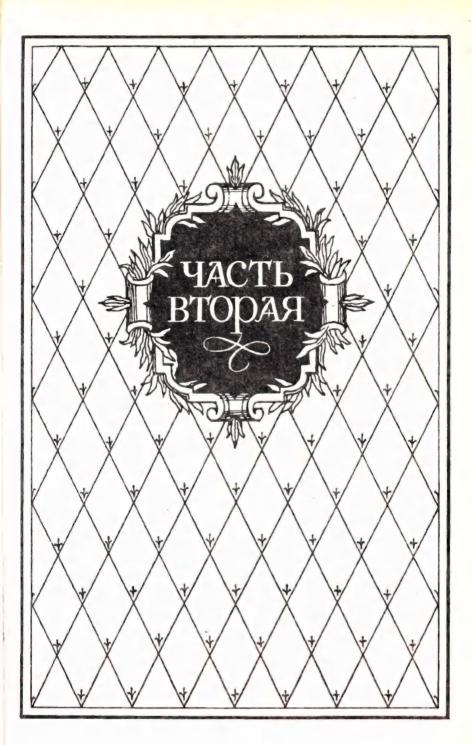
— И ты все-таки не заметил цвета ее волос, несмотря на то, что

всадник схватил ее за них?

— Ночью все кошки серы; но мне сдается, что они, должно быть, были черные, потому что рука, схватившая их, казалась, наоборот, очень белой, — подумав, ответил лодочник.

— Но почему же ты не поспешил к правителю города сообщить ему, что ты видел, чтобы он мог преследовать убийц по пятам? Ведь я слышал, что труп нашли только в пятницу, — сказал иоаннит.

- С тех пор. как я зарабатываю свой хлеб здесь, на Тибре, с мрачной улыбкой ответил лодочник, — я по крайней мере раз сто видел подобные случаи и никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь говорил об этом. Поэтому я подумал, что и эта история пройдет так же спокойно, и продолжал спокойно делать свое дело, пока не узнал о высоком положении убитого, о том, что это был герцог Гандийский. Тогда мне пришла в голову глупая мысль заработать на этом, и вот таким-то образом я испортил себе все дело из-за пяти крон, которые мне дал герцог Борджиа, тогда еще кардинал. "Этого, — сказал он, — довольно за бред пьяного дурака". Если бы я напал на след убийц, я, может быть, нашел бы свое счастье, потому что святой отец папа и донна Лукреция почти обезумели от горя, причиненного гибелью герцога Гандийского; но у меня не хватило совести обвинять невиновных. Скверно, когда совесть не позволяет человеку нажиться! И все же хорошо, что так случилось, слава святому Варфоломею! Ведь убийцы могли подумать, что я выдаю их, и, прежде чем я успел бы произнести одно слово, они порвали бы мне глотку. Кто знает, кто скрывался под маской! Но вот и гетто, и я хочу напомнить вашей милости, что у меня бывают только те пассажиры, которых мне посылает мой святой.
- Кроме хорошей платы, дед, я тебе дам добрый совет, с тяжелым вздохом произнес иоаннит. Не рассказывай этой истории всем своим пассажирам, хотя бы то были и чужеземцы. Ты не всегда найдешь таких слушателей, как я! Да, ты можешь встретиться с таким, который, как наш милый товарищ, брошенный нами в воду, будет иметь достаточно оснований заставить навеки умолкнуть тебя.

имские евреи имели в то время право жить лишь в одной известной части города, в так называемом гетто, находившемся у самого подножия Капитолия, на низком болотистом берегу Тибра. Гетто со всех сторон ок-

ружали высокие стены; сообщаться с городом можно было лишь через тяжелые ворота, которые охранялись городской стражей. С восходом солнца ворота открывались, а с наступлением вечера закрывались вновь, впустив на ночлег уставших сынов Израиля, работавших вне черты гетто. При том отношении к евреям, которое господствовало тогда в Риме, да и во всей Италии, гетто было почти благодеянием для них. Скрытые высокими стенами, совершенно обособленные, евреи были по крайней мере защищены от вспышек злобы христиан, видевших в обитателях гетто тех самых евреев, которые когда-то распяли Христа, и потому ненавидевших их всеми силами души. Здесь, в гетто, сыны Израиля имели некоторую возможность охранять от христианского разгрома свое имущество, накопленное вместе с ростовщичеством и тяжелым упорным трудом.

Обитатели гетто представляли, таким образом, как бы совершенно отдельный народ. Еврейские женщины не переступали ворот гетто и не имели ни малейшего представления о том, что совершается вне его.

Многие католики-фанатики поддерживали среди населения Рима вражду к евреям, распространяя нелепые слухи о том, что евреи для исполнения своих религиозных обрядов употребляют христианскую кровь, для чего воруют маленьких детей. Эти слухи, понятно, возбуждали ненависть к обитателям гетто, но к ненависти примешивалась и зависть, так как много говорилось о несметных богатствах евреев. Легенды о богатстве потомков Авраама упорно держались в народе, хотя при посещениях гетто христиане встречали на каждом шагу вопиющую бедность. Обыкновенно гетто открывалось для христиан три-четыре раза в год, когда папа посылал одного из своих проповедников для распространения христианства среди иноверцев. В остальное время обитатели гетто были предоставлены самим себе при непременном условии уплачивать более или менее крупную сумму денег за эту милость.

Каждый год евреи были обязаны представлять папе свои священные книги и прошение о разрешении остаться еще на один год в

Риме. Вся эта процедура сопровождалась большими оскорблениями для евреев. Папа или его представитель швыряли еврейскую святыню на пол, к величайшему ужасу и молчаливому негодованию сынов Израиля, а затем папа долго ломался, пока наконец давал благосклонное разрешение евреям остаться еще на год в Риме, требуя за это, конечно, известную денежную дань.

Пользуясь случаем, что евреев нужно известить о предстоящих юбилейных торжествах, папа снова послал опытного проповедника, и ворота гетто широко раскрылись для приема большой толпы христиан. Евреи знали, что последует за эти вторжением, и заблаговременно приготовились к приему враждебных гостей.

Альфонсо был поражен унылым видом гетто. Ряд жалких лачуг тянулся по обеим сторонам необыкновенно узких улиц, настолько узких, что два человека с трудом могли разойтись; на окнах висели грязные мокрые тряпки; отвратительный запах возбуждал тошноту. На большом протяжении от самых ворот гетто до базарной площади не видно было ни одного еврея.

С громким криком и смехом римляне разбрелись по узким улицам гетто, путаясь в них, как в лабиринте; только иоанниту как-то посчастливилось сразу выйти на площадь. Это было большое, свободное пространство, окруженное такими же ветхими лачугами, какие попадались и на улицах гетто. Большинство зданий поддерживалось подпорками, но зато почти на всех крышах были по восточному обычаю разведены сады. Посредине площади находился простой колодезь, вокруг которого стояли каменные столы и скамьи; здесь обыкновенно собирался совет старейшин. Теперь почтенные старцы явились сюда по приказанию папы и с болью в душе и униженно-покорным видом были принуждены выслушивать, как издевались над их религией.

Четверо новокрещенных евреев несли подвижную кафедру, с которой папский проповедник Бруно Ланфранки должен был держать свою речь. Далеко не все мужское население гетто собралось на площади. Многие состоятельные люди откупились более или менее крупными суммами денег от необходимости присутствовать при оскорбительной для них церемонии, а бедные за известное вознаграждение со стороны своих единоплеменников принесли себя в жертву и явились представителями гетто.

Вокруг евреев шумела и смеялась христианская чернь, отпуская насмешки и ругательства по адресу обитателей гетто. С редким терпением и покорностью переносили евреи все издевательства. Они боялись дать малейший повод к погрому, который как дамоклов меч висел над их головами.

Площадь освещалась факелами, горевшими в окнах домов, и благодаря этому можно было видеть, что делается внутри их, заметить несколько женских фигур с закрытыми по восточному обычаю лицами.

Вскоре Альфонсо нашел исключение из этого общего правила. Стараясь быть незаметным, рыцарь спрятался в глубине ворот одного из полуразрушенных необитаемых зданий и отгуда следил за развертывавшейся перед его глазами картиной. Налево от него находился ветхий домик с закрытыми ставнями. По вывеске, на которой были нарисованы бутыль и ступка. Альфонсо заключил, что в этом доме проживал аптекарь или вообще какое-то лицо, имевшее дело с медикаментами или врачебным искусством. На маленьком деревянном балконе дома стояла молодая женщина, приковавшая к себе внимание рыцаря. Она поразила Альфонсо не только своей выдающейся красотой восточного типа, но и необыкновенной бледностью лица и своеобразностью всей фигуры. На молодой еврейке был грязный шелковый плаш, украшенный пестрыми разноцветными бантами и блестящими камнями. Пламя свечи, которое еврейка прикрывала рукой, освещало ее глубоко запавшие глаза, с каким-то странным выражением смотревшие на толпу. Эти глаза и блуждающая улыбка на губах заставили Альфонсо предположить, что молодая женщина находится не в здравом уме. Как-то невольно внимание рыцаря остановилось на цепи из золотых монет, украшавшей черные растрепанные волосы еврейки; он сам не мог дать себе отчета, почему он так заинтересовался этой целью.

Кафедру наконец водрузили в центре площади. Монах прочел молитву, и затем два раввина поднесли ему свои священные книги, которые должны были подвергнуться жесточайшему осуждению в

присутствии всей этой толпы.

Красивая еврейка была замечена не одним Альфонсо. К своему большому огорчению, рыцарь увидел, что у тех же самых ворот, в глубине которых он прятался, остановился какой-то человек в мантии и с посохом паломника, отправляющегося на богомолье. Низко надвинутая на лоб шапка и высокий воротник мантии скрывали почти все его лицо, за исключением необыкновенно блестящих глаз, устремленных на еврейку.

Да, это она... Но как она изменилась! — вполголоса проговорил паломник. — Однако куда же пропал тот негодяй? Он застав-

ляет нас ждать слишком долго.

Теперь только Альфонсо заметил того человека, к которому обратился паломник. По его простому мундиру и военной фуражке без всякого герба нетрудно было убедиться, что он — солдат одного из гарнизонных полков.

— Да, синьор, это — безумная Мириам! — тихо ответил солдат.

— Да, да, это та самая девка. Однако меня уже начинает беспокоить долгое отсутствие браво. Куда мог деваться твой хваленый достославный герой? Уж не набрался ли он такой смелости, что думает ускользнуть от нас?

 Если бы он пошел даже против сатаны, я поручился бы за то, что он не отступит от своего намерения; но когда дело касается этого святого человека, посещающего чумного больного с такой радостью, точно он идет на свидание с любимой женщиной, — тут ничего нельзя предугадать. Слишком уж много внушает почтения к себе этот монах! По моему мнению, если он непременно должен умереть, то легче покончить с ним там, где он живет, чем здесь, среди нескольких тысяч народа!

— Нет, это неверно, — возразил паломник, — здесь нетрудно вызвать возмущение и затем прекратить его. Монах будет убит во время мятежа, и его смерть, конечно, каждый объяснит еврейской местью. Евреи поплатятся за него. Никому не придет в голову, что монаха убил браво!

— Вот он идет! — воскликнул солдат, — но в каком же он ви-

де!.. С него течет вода, как с водяной крысы.

В душе принца Альфонсо явилось смутное подозрение, что он видит перед собой герцога Романьи и его наперсника дона Мигуэля. Однако у рыцаря не было времени дать себе отчет в смысле только что услышанных слов, так как в это время к двум беседовавшим лицам присоединился третий человек, в котором Альфонсо сразу узнал подозрительного крестьянина, выброшенного им в Тибр.

— Ах, Джиованни, как долго нам пришлось ожидать тебя! — воскликнул паломник, нетерпеливо схватив браво за руку. — Отчего

ты такой мокрый? Что случилось с тобой?

В эту минуту раздался громкий голос проповедника. Он читал еврейские тексты и переводил их на латинский язык. Этот голос заглушил все другие, и потому Альфонсо не мог расслышать, что ответил крестьянин на последний вопрос паломника, который зашел глубже в ворота и очутился так близко от рыцаря, что тот мог слышать каждое его слово.

— Ах, ты, негодяй, собака! — раздраженно заговорил паломник. — Ты осмеливаешься не слушаться меня! Разве ты забыл, кто я такой?

— Ах, синьор, я думал, что это был сам ангел в наряде иоаннита, которого Господь послал на землю для того, чтобы помешать моему

намерению! - ответил бандит, дрожа от страха и холода.

— Дурак, неужели ты думаешь, что ангел прикоснулся бы к тебе, не уничтожив сразу? — нетерпеливо заметил паломник. — Так ты говоришь, что незнакомец был в костюме иоаннита? Хорош ангел! Как бы там ни было, я сделаю из тебя черт знает кого, если ты осмелишься противоречить мне. Скажи, сколько тебе нужно еще заплатить?

— Даже целая груда золота не соблазнит меня! — возразил бандит. — Но я честный человек и не хочу даром получать вознаграждения. Пусть дон Мигуэль проводит меня в катакомбы, и я верну ему те деньги, которые получил в задаток. Святого монаха оберегает сам Господь Бог... — Святого, святого! — насмешливо передразнил бандита паломник. — Знаем мы его святость! У него на груди крест, а в сердце дьявол. Разве святой стал бы возбуждать жену против мужа? Это он зажег в ее душе ненависть к ее первому мужу Сфорце, а теперь мешает свадьбе Орсини. Мы все прекрасно понимаем, что он стережет ее, точно дракон, охраняющий скрытые сокровища.

Альфонсо с напряженным вниманием слушал слова паломника, в котором ясно звучала ревность. Он не сомневался больше, что ви-

дит перед собой Цезаря Борджиа.

— Я ничего не знаю о драконе и скрытых сокровищах, — угрюмо пробормотал бандит, — но клянусь, что никогда не подниму меча на этого святого человека.

- Дурак! заскрежетав зубами от злости, воскликнул паломник. Как ты не понимаешь, что убийство этого проклятого монаха вызовет такое возмущение, что у тебя и твоих людей, которые рыскают вокруг, явится возможность набрать столько денег, что вы обогатитесь навеки?
- Навеки! нерешительно повторил бандит. Но, право, я ничего не могу сделать, синьор. Вы видите, что этот инок окружен почетной стражей с обнаженными мечами. Я ведь думал, что встречусь с ним в темной узкой улице. Да и я только что поклялся, что не подниму на него меча.
- Да, ты, Джиованни, поклялся не поднимать на него меча, но ведь ты подстреливаешь своим ружьем летящего мимо орла, быстро проговорил паломник. Где оно? Ты всегда носил его на своем плече.
- Я продал его англичанам, ответил бандит, так как предпочитаю расправляться мечом и палкой.
- Мне кажется, я могу доставить тебе оружие, заметил паломник. — Вон там стоит какой-то путешественник и не отрывает взора от еврейки. Я пойду к нему, а вы оба спрячьтесь в ворота.

Мигуэлото и бандит очутились почти рядом с принцем Альфонсо, но вследствие темноты не заметили его. Рыцарь был очень доволен этим обстоятельством, так как, несмотря на свою храбрость, не хотел

бы иметь дело с такими противниками.

Человек, на которого указал Цезарь, действительно старался обратить на себя внимание красивой еврейки. Он улыбался ей, кивал головой, делал гримасы. Его четырехугольный лоб и круглый подбородок выражали дикое упрямство и жестокость. По костюму его можно было принять за немецкого рыцаря.

- Я замечаю, синьор, что у вас хороший вкус, обратился Цезарь к немецкому рыцарю, вежливо поклонившись. — Действитель-
- но, трудно найти более лакомый кусочек.
- Несмотря на то, что эта еврейка больше похожа на восковую фигуру, чем на живую женщину! ответил рыцарь чистейшим итальянским языком.

- Она отравлена запахом лекарственных трав и минералов. Было бы благодеянием вырвать ее из этой среды.
- Я очень желал бы, чтобы в гетто произошел погром, весело заметил немецкий рыцарь. Пусть бы тот брал жидовское золото, кому оно нужно, а что касается меня, то я ограничился бы этой евреечкой. К сожалению, я ничего не могу сам предпринять, так как на меня наложено покаяние вот тем строгим монахом.

— Вероятно, вы совершили какое-нибудь преступление, если вам

понадобилось заступничество духовного лица?

— Я избавил старика от нескольких неприятных месяцев жизни! — равнодушно ответил немецкий рыцарь. — Однако раз тымне предлагаешь вопросы, то позволь спросить, что заставило тебя прийти в Рим в качестве паломника? Наверно, ты тоже отмаливаешь какой-нибудь грех?

 Говорят, что я убил своего брата! — таким же равнодушным тоном ответил Цезарь.

- А я только дядю! весело заявил рыцарь, по-видимому, очень обрадованный, что его преступление оказывается даже менее значительным, чем его собеседника. Правда, дядя воспитал меня и ласкал, как собственного сына, но нельзя же вечно ждать наследства.
- Понятно, согласился паломник. Старики никогда не хотят умирать вовремя. Я вижу, что ты солдат и храбрый малый, а я большую часть своей жизни был священником; тем не менее я выполню то, о чем ты еле дерзаешь думать.

А о чем я думаю? — удивленно спросил немец.

- Ты думаешь, как легко можно было бы взобраться на балкон и поцеловать жидовочку, к величайшему ужасу ее проклятых единоверцев.
- Да, говорят, что евреи предпочитают, чтобы им наплевали в лицо, чем взглянули на их жен и дочерей. Однако ты угадал мои мысли!
- А хочешь держать пари, что ты не решишься исполнить свое желание, а я сделаю это! — подзадоривал паломник.
- Эх, как бы я еще решился, если бы не эпитимия, наложенная на меня духовником. Он приказал мне не поднимать ни на кого оружия, я имею право бороться только с язычниками.
- При чем тут оружие? Ведь ты собираешься не убить, а только поцеловать евреечку. Кроме того, разве евреи не язычники? Подержи мой посох, и я на твоих глазах взберусь на балкон и познакомлюсь с красавицей.
- Нет, нет, не смей делать это, по крайней мере раньше меня! сердито воскликнул рыцарь. Подержи ты мое ружье и шлем, пока я взберусь на балкон. Смотри, не вздумай обмануть меня, не то тебе придется дорого поплатиться за это.

Паломник поспешил ответить, что будет ждать его внизу, и немец отдал ему шлем, ружье и более или менее тяжелые предметы своего вооружения.

Цезарь немедленно присоединился к своим сообщникам.

- Вот тебе ружье, Джиованни, проговорил он, пусти его в ход, если не желаешь, чтобы свинец пробил твой собственный череп. Как только поднимется шум из-за того человека, который забрался на балкон, стреляй немедленно. Ты знаешь, кто этот путешественник? Это Оливеротто да Фермо, убивший своего дядю, я сейчас же узнал его. Смогри, какую прекрасную цель для тебя представляет собой монах. Он стоит на кафедре, вытянув вперед руки, точно нарочно подставляет грудь под выстрел.
- Он похож на черное распятие, пробормотал бандит. Все заметят, когда вспыхнет фитиль в ружье, и если я не успею скрыться, то ясно будет, что евреи тут ни при чем.
- Ты спрячешься среди развалин, а я и Мигуэлото постараемся вызвать в эту минуту возмущение среди народа в разных пунктах гетто и отвлечем от тебя внимание.

В конце концов бандит согласился исполнить страшное желание Цезаря Борджиа. Было решено воспользоваться смятением, которое должно было вызвать поведение Оливеротто. Затем сообщники расстались.

Альфонсо слышал все, что говорили сообщники, и придумывал меры, чтобы предупредить несчастье. Если бы дело происходило в другое время и в другом месте, он выступил бы вперед посреди площади и прокричал бы о готовящемся злодеянии. Но при данных обстоятельствах смятение, которое вызвали бы его слова, только могло бы способствовать успеху задуманного Цезарем плана. Если бы злоумышленники знали о присутствии Альфонсо, они убили бы его, прежде чем он успел бы произнести хоть одного слово. Альфонсо быстро сообразил все это, терпеливо выждал, пока заговорщики разойдутся, и рассматривал доминиканца с совершенно другим чувством, чем до сих пор.

Монах говорил свою проповедь на древнееврейском языке, и все обитатели гетто слушали его с таким внимание, какого ни разу не проявляли по отношению к христианским проповедникам. Альфонсо показалось, что доминиканец гораздо моложе, чем он думал.

"Какое влияние он должен иметь на свою духовную дочь!" — пронеслась в его голове ревнивая мысль.

Однако у Альфонсо не было времени долго размышлять по этому поводу. Джиованни повернулся спиной к толпе и, став на колени, начал осторожно добывать из кремня огонь, чтобы зажечь фитиль ружья. С такой же осторожностью и рыцарь вытащил свой меч.

"Крыса!" — подумал он, но продолжал свое дело.

Сверкнуло пламя и отразилось на латах рыцаря, осветив его фигуру с обнаженным мечам в руках.

Бандит вскрикнул и вскочил на ноги, но в ту же минуту упал навзничь от сильного удара Альфонсо. Он лежал без сознания, обливаясь кровью, а иоаннит, придавив его грудь ногой, стоял в нерешительности, не зная, убить ли этого человека или оставить в живых, чтобы заставить его открыть ему весь план заговора. В это время раздались громкий женский крик и шум в толпе, служивший доказательством того, что Оливеротто успел исполнить свое намерение. Не колеблясь более, Альфонсо наступил всей тяжестью своего тела на грудь бандита, а затем поспешил на площадь.

— Христиане и евреи! — громким голосом закричал он. — Оставайтесь спокойно на своих местах. Я — рыцарь гроба Господня

и сумею наказать дерзкого негодяя.

Заволновавшаяся было толпа остановилась, глядя с доверием на высокую фигуру рыцаря, который ловко взбирался на балкон, где кричащая еврейка тщетно старалась вырваться из рук Оливеротто.

— Чего ты так кричишь, моя голубка, ведь я только поцелую тебя! — говорил Оливеротто, в порыве страсти не замечая, что творится вокруг него.

Вдруг сильный удар кулаком в плечо отрезвил его. Оливеротто в бешенстве оглянулся и не успел опомниться, как его схватили за

шиворот и сбросили вниз с балкона.

Толпа, находившаяся непосредственно у балкона, состояла преимущественно из христианской черни. Оскорбление еврейки она не считала преступлением и потому громко и весело смеялась над быстрой и ловкой расправой с кавалеристом. Оливеротто, вскочив с земли, лишь слегка прихрамывал и, повернувшись лицом к своему оскорбителю, потребовал, чтобы он сошел вниз и дрался с ним не на жизнь, а на смерть. Народ продолжал добродушно смеяться и не трогал кавалериста. Но вот раздался голос доминиканца, требовавшего, чтобы мятежник был отведен в храм Божий для суда над ним. Оливеротто, как излюбленный воспитанник Вителлоццо, имел полное основание держаться вдали от церкви, а потому он поспешил убежать, пробиваясь через толпу, которая не оказывала ему большого сопротивления. Однако Бруно не так легко было обмануть. Соскочив с кафедры и размахивая серебряным крестом, он пошел вслед за беглецом в сопровождении рыцарей, паломников и черни.

II

Еврейка убежала в дом, как только Альфонсо освободил ее из рук Оливеротто, и оставила на полу зажженный факел. Рыцарь поднял его и вошел в большую пустую, полуразвалившуюся комнату, к которой примыкало несколько маленьких, таких же пустых комнат. Там он остановился и начал прислушиваться; везде царило гробовое молчание. Несомненно, испуганная девушка убежала в жилую часть дома, находившуюся, вероятно, в нижнем этаже. Вскоре рыцарь заметил небольшую отвесную лестницу, которая вела вниз. Подойдя

к самой лестнице, он громко позвал беглянку, но и внизу была та же тишина. Не думая о том, что его, может быть, ждет опасность, рыцарь спустился по лестнице и, судя по запаху лекарственных трав и специй, охватившему его, очутился в аптеке или в лавке аптекарских товаров. Лавка носила такую же печать запустения, как и верхние комнаты. По-видимому, уже давно никто не занимался ею. Убедившись, что и здесь нет ни одной живой души и что единственная дверь заперта глухим замком, Альфонсо решил, что красавица все-таки спряталась наверху.

Он только собрался снова подняться, как вдруг услышал где-то невдалеке глубокий вздох. В то же время он заметил, что холодный пустой камин слегка освещен каким-то тусклым пламенем. Подойдя поближе, он увидел за камином неплотно прикрытую потайную дверь; сквозь ее щель пробивался свет, который и освещал камин. Альфонсо открыл дверь, предварительно поставив свой факел в камине, и очутился на лестнице, которая спускалась в темную сводчатую комнату в виде погреба. Потухающий огонь топившейся печки слабо освещал это неприглядное помещение. Около печи сидела на корточках молодая еврейка, подняв голову и тревожно прислушиваясь.

Не зная, какое действие произведет на беглянку его появление, Альфонсо остановился на последней ступеньке. Вдруг пламя в печке вспыхнуло и отразилось в латах рыцаря; молодая девушка увидела его и громко вскрикнула. Альфонсо, стараясь успокоить беглянку, вошел в комнату. Первые же звуки голоса рыцаря, по-видимому, оказали благотворное действие на Мириам. На ее губах появилась блуждающая улыбка, а затем, в конце концов, она радостно захлопала в ладоши и бросилась навстречу Альфонсо. Подойдя совсем близко к нему, она вдруг остановилась, по-видимому, пораженная его полувоенным, полумонашеским одеянием, и воскликнула:

— Ах, это — ты! Как давно мы не виделись! Ты так вырос, так вырос, точно высокий кедр. Ведь это — ты?.. Нет, впрочем, нет! Скажи, кто ты такой?

— Я — тот, который вырвал тебя из рук грубого солдата. Ты, кажется, ждала кого-то, похожего на меня, Мириам? Отчего ты так смотришь на меня? — спросил Альфонсо.

— Нет, нет, это не он, он никогда не придет больше! — тихо проговорила молодая девушка. — Не шути со мной, Джиованни! Зачем ты нарядился в этот костюм, мой милый? Я никогда ни в чем не упрекну тебя, не скажу тебе, как я мучилась в течение твоего долгого отсутствия. Мой мозг совершенно высох от постоянных дум о тебе; я выплакала все свои слезы и теперь совсем не могу плакать. Говори, мой Джиованни! Скажи, ведь ты не рассердился на бедную еврейку? Ведь не потому ты так долго не приходил к ней? Почему ты молчишь, мой дорогой? Тебе нечего бояться, что колдуньи узнают о твоем приходе. Они сказали мне, что ты умер, и больше не придешь сюда.

Что же ты не отвечаешь мне? Я сейчас принесу огонь и посмотрю на твои щеки. Они раньше были розовые, а потом стали бледные, ах, какие бледные!.. Нет, нет, он умер, он умер!..

"Джиованни! — подумал Альфонсо, невольно вспомнив убитого герцога Гандийского. — Впрочем, в Италии имя Джиованни встре-

чается на каждом шагу!" - успокоил он себя.

Мириам отошла к печке, зажгла факел и, держа его в руках, вернулась к рыцарю. Затем она внимательно осмотрела его с ног до головы, печально покачала головой и с глубоким вздохом опустила факел вниз.

— Как видишь, я не тот, которого ты ждала, — проговорил Альфонсо. — Однако скажи мне, за кого ты приняла меня, прекрасная Мириам?

Молодая девушка недоверчиво взглянула на рыцаря, а затем во-

скликнула:

— Какое тебе дело до него? Его выдали колдуньи красному человеку с бледным лицом. Только вы все ничего не знаете, — с торжествующей улыбкой прибавила она. — Я так хорошо спрятала его, что никто из вас не найдет его. Не смейте трогать его, не то я начну так кричать, что мой крик услышит и ваш, и мой Бог. Ваш Бог милосердный, добрый. Ты слышал, что говорил ваш раввин?

Мириам села, подперев рукой подбородок, и задумалась.

Казалось, она вспоминает слова доминиканца.

— Наш закон — гора Гореб, — медленно проговорила девушка, — а ваш закон — светлая, чистая вода, струящаяся с этой горы. В этой воде люди находят радость и спокойствие. Что такое спокойствие? Смерть? Как спокойно он лежал, когда умер, несмотря на все свои страшные раны, нанесенные кинжалом!..

Мириам замолчала и смотрела какими-то пустыми, ничего не вы-

ражающими глазами на рыцаря.

- Ты была так же хорошо одета, как сейчас, когда сюда приходил "красный человек с бледным лицом?" нерешительно спросил Альфонсо.
- Он не был здесь, как тебе известно, он оставался наверху, ответила Мириам, но потом они принесли его сюда. Впрочем, это все мне только приснилось. Ах, какой страшный сон я видела!.. Я была тогда гораздо красивее, чем теперь; меня все любили, осыпали бриллиантами. Для меня не существовало большей радости, как наряжаться для Джиованни. Я вплетала драгоценности в свои косы, когда знала, что он приедет.
- Как тебе снился грустный сон, Мириам? Расскажи мне его!..

Я очень люблю печальные истории.

— О, нет, я не могу рассказать его ни тебе, ни кому-нибудь другому, не то мои тетки убьют меня. Как это было ужасно! Джиованни схватили и вонзили в его дорогое тело длинные острые кинжалы. Я закричала изо всех сил: "Убийцы, убийцы, убийцы!" — но моего

голоса совсем не было слышно. В моих ушах стоял такой гул, точно от тысячи лошадиных копыт, как тогда на турнире, когда я в первый раз увидела Джиованни. Твой костюм, рыцарь, — нищенские лохмотья в сравнении с его нарядом! Пока старые колдуны варили в бутылках свои снадобья, я убежала с Ревеккой на христианский праздник, а старухи думали, что я сижу за прялкой.

— Кто же такой был твой Джиованни, почему он носил такой богатый наряд? Тебе снилось, что его убили твои соплеменники? — спросил Альфонсо притворно равнодушным тоном, чтобы не возбу-

дить подозрения в молодой девушке.

— Да, это все было только сон, ужасный сон! Мне придется кипеть в горячей смоле на том свете за то, что я все думаю о Джиованни! — прибавила она скорбным тоном, и слезы потекли по ее щекам.

Альфонсо терпеливо ожидал конца этого припадка отчаяния, надеясь, что разум вернется к Мириам и он узнает что-нибудь более определенное. Вдруг молодая девушка открыла глаза, быстро вытерла слезы, взглянула на рыцаря с выражением недоверия и страха и внезапно спросила:

— Ты ведь не та змея, которая приходила сюда ко мне и старалась льстивыми словами выпытать у меня все о Джиованни? Она, эта змея, шепнула мне, что Джиованни любит другую и чтобы я на эту ночь удержала его у себя, потому что иначе он пойдет на свидание к той красивой даме, которая была королевой турнира. Эта змея была подослана моими тетками, и вы знаете, рыцарь, в ту ночь старые колдуньи убили его.

 Джиованни любит другую? Кто же она такая? — воскликнул Альфонсо.

— Она была так прекрасна, что в моем сердце вспыхнула адская ревность, когда я услышала ее имя. Разве ты не знаешь, кто был королевой на турнире, разве ты не слышал ничего о донне Лукреции?

— И твой Джиованни предпочел ее тебе? — спросил Альфонсо,

невольно вздрагивая.

— Нет, нет, это была ложь! Он пришел, он пришел ко мне! — с сияющим лицом ответила Мириам, — а ты — дьявол и хочешь оклеветать его. Когда я ему сказала, что нашептывала мне змея, он...

Молодая девушка вдруг остановилась и начала прислушиваться.

- Что же он ответил тебе? с напряженным вниманием допрашивал рыцарь.
 - Тише, слышишь шаги? испуганно прошептала Мириам.
- Нет, это уголья в печке трещат, успокоил ее Альфонсо. Скажи же, Мириам, умоляю тебя, что тебе ответил Джиованни?
- Вот точно такой же был шум, когда они пришли сюда. Я думала, что это ветер, встревоженно прошептала молодая девушка. Хорошо, что ты не спишь, а он спал тогда. Ах, как он был

хорош во сне! Мне жаль было будить его рано утром, хотя я знала. что если вельмы застанут его здесь, то убьют.

— Но ты все-таки не сказала мне, что ответил тебе Джиован-

ни! — повторил рыцарь. — Наверно, он засмеялся. — О, нет, я никак не ожидала, что он может так рассердиться. Он умолял меня, чтобы я на следующий день уехала из гетто в... я не могу вспомнить, куда! — с тоской сказала Мириам, проводя рукой по лбу. — Он хотел доказать мне, что не может любить донну Лукрецию, хотя она и была необыкновенно хороша. Он обещал, что убьет негодяя, наговорившего мне этот вздор, когда узнает, кто он такой, а затем... Слышишь, кто-то поднимается по лестнице...

— Что ты говоришь. Мириам! Ведь ты забыла, что мы находимся под лестницей: как же можно на нее подняться, минуя нас? Кто же был твой Джиованни? Вероятно, какой-нибудь знатный господин? Не был ли это кто-нибуль из семьи Орсини? Их замок примыкает

к гетто.

— О, Орсини! — пренебрежительно воскликнула молодая девушка. — Далеко им до него!.. Они даже недостойны завязать шнурок его сапог Боже, как он был хорош, когда сидел на лошади! Красавец, добрый, храбрый! Улыбка его алых губ была для меня дороже всех драгоценностей в мире, а когда он смотрел в мои глаза, то моя душа таяла от блаженства. Я мечтала о нем давно-давно, гораздо раньше, чем увидела. Ах, нет, это все был сон! Почему он ни разу ничего не сказал мне о себе, кроме того, что его зовут Джиованни? Впрочем, мне ничего и не нужно было знать!

— Если ты так сильно любила его, Мириам, почему ты не отомстишь за его смерть? — спросил Альфонсо. — Разве тебе не тяжело видеть, как твои единоверцы, убившие Джиованни, с улыбкой

вспоминают о кровавой ночи, встречаясь где-нибудь?

- Нет, Джиованни убили нечистые духи, вызванные ведьмами! — задумчиво ответила молодая девушка. — С одного, того красного человека, мой Джиованни сорвал маску, чтобы показать мне его лицо, такое бледно-серое, точно пепел при дневном свете.

— Ты, наверно, запомнила это лицо?

— Я тебе говорю, что это были черти, — продолжала Мириам. — Они держали меня и смеялись, пока убивали моего Джиованни.

Альфонсо вспомнил рассказ лодочника о кричащей молодой девушке, за которой следовали две старухи, и у него явилась уверенность, что речь шла именно о Мириам. Кто мог быть таинственным убийцей? Имя Лукреции снова навело его на грустные мысли. Он был почти убежден, что возлюбленный Мириам был жертвой не евре ев. Вполне можно было допустить, что ревность разгневанной женщи ны могла вызвать это убийство; может быть, он погиб от руки постороннего соперника, а может быть, зависть к младшему брату довела Джиованни до смерти. Альфонсо вспомнил обо всех слухах, которые распространялись о Лукреции, о таинственном исчезновении

многих даже очень знатных лиц, имевших прежде счастье пользоваться расположением жестокой красавицы. Огромное число убитых бросалось прямо в реку, как в общую могилу.

Мириам между тем рассматривала рыцаря каким-то странным, точно отсутствующим взглядом и наматывала на палец свои длинные

черные волосы.

 Куда же они девали труп Джиованни после того, как убили его? — спросил наконец Альфонсо.

О, я сейчас покажу тебе! — живо воскликнула еврейка.

Затем она подбежала к высокому платяному шкафу, закрытому на замок, с некоторым усилием открыла его и распахнула обе дверцы шкафа. К величайшему своему удивлению, Альфонсо при свете лампы, которую держала Мириам, увидел, что между домом и глухой стеной находилось нечто вроде колодца, наполненного водой. Со стороны шкафа спускалось несколько ступенек к воде, и больше не было никакого выхода.

— Куда же течет эта вода, Мириам? — спросил рыцарь.

Об этом знают только евреи да водяные крысы! — с хитрой улыбкой ответила молодая девушка.

— Послушай, Мириам, что я тебе ска у, — взволнованно проговорил рыцарь. — Ты могла убедиться на деле, что у меня сильная рука. Твои родственницы обманули тебя, что Джиованни убили черти; это — неправда. Твой возлюбленный погиб от руки своего соперника-христианина; может быть, последний сделал это в угоду той красивой даме, о которой тебе говорили. Если бы ты могла найти убийцу в праздничной толпе и показать мне его, то клянусь тебе всем тем, что свято как для евреев, так и для христиан, что я отомщу

ему за смерть Джиованни.
— Я не могу сделать это, я не хожу на праздники, колдуньи не

позволяют мне выходить! — ответила молодая девушка.

— Вероятно, через эту воду существует какой-нибудь тайный выход? — заметил Альфонсо. — Ты знаешь его? Скажи мне, где я могу найти тебя завтра рано утром? Я проведу тебя сквозь веселую толпу и, может быть, ты найдешь и узнаешь убийцу Джиованни.

— Колдуньи убьют меня, если я уйду из дома, — со вздохом ответила Мириам. — Они говорят, что я безумная и не должна показываться даже на базарную площадь. Некому полюбоваться ни мо-ими драгоценностями, ни моими блестящими глазами, которые блестели раньше еще больше, а теперь потускнели от слез.

 Но если они говорят, что ты безумная, тогда не будет ничего удивительного в том, что ты ушла из дома, и твоим родственникам

нечего сердиться на тебя!

— Ха-ха-ха!.. вот-то будет смешно, когда люди увидят еврейскую девушку рядом с рыцарем! Евреи побегут за нами, начнут кричать и бросать в нас каменьями! Так по крайней мере говорил Джиованни, — закончила Мириам, переходя от смеха к слезам.

- Кто заметит нас в толпе, Мириам? проговорил Альфонсо. А если бы даже и случилось так, как ты говоришь, то разве я, как рыцарь, не обязан защищать каждую женщину, какой бы религии она ни придерживалась?
- Так ты действительно хочешь отомстить за смерть Джиованни? — недоверчиво спросила молодая девушка. — Да, теперь я припоминаю, что ты вырвал меня из рук солдата, когда я стояла на балконе и искала в толпе Лжиованни.
 - Ты искала Джиованни?
- Да, синьор. Я подумала, что он увидит меня и пожалеет. Я надеялась, что он по крайней мере скажет мне: "Мириам, я не прохожу к тебе, потому что не люблю тебя больше!" печально проговорила молодая девушка.
- Как же ты рассчитывала найти его? Ведь ты же уверяешь, что он там, откуда никто не возвращается.

Мириам несколько секунд молча смотрела на рыцаря, но вдруг ее лицо исказилось гневом.

— Ах, дьявол, теперь я узнаю тебя! — крикнула она дрожащим голосом. — Хоть ты и пришел в другой личине, а я все-таки узнала тебя. Колдуньи послали тебя ко мне, чтобы выпытать, где мой Джиованни.

Альфонсо был так поражен переменой, внезапно произошедшей с молодой девушкой, что почти не слышал легкого шепота, который

теперь явно доносился откуда-то вблизи.

— Они идут, они идут! — быстро заговорила Мириам, понижая голос. По-видимому, разум вернулся к ней. — Уходи, уходи скорее отсюда, иначе они убьют нас обоих. Сюда идут евреи за своими сокровищами; они спрятали их здесь, чтобы христиане не разграбили их. Когда они увидят тебя, то непременно убьют, чтобы ты не мог рассказать своим о еврейском богатстве.

Приближающиеся голоса становились все громче; слышно было,

как наверху закрывают и открывают двери.

Куда ведет этот странный ход? — спросил Альфонсо, указывая на воду.

- Ты подплывешь под дворец Орсини, торопливо ответила Мириам, и выйдешь там на берег. Уходи, уходи скорее, они сейчас будут здесь.
- Хорошо, я уйду, но с одним условием: завтра рано утром ты должна быть у форума!
- Да, да, я приду, если затем даже убьют меня! Клянусь, клянусь тебе! прошептала Мириам и, собрав всю силу, потянула Альфонсо к выходу.
- Я боюсь, что ты забудешь свое обещание, сказал рыцарь. Дай мне слово, что ты вспомнишь о нем, когда подойдешь к этому шкафу.
 - Хорошо, хорошо!

Альфонсо взял факел и осветил поверхность воды.

Рыцарь колебался одно мгновение; ему вдруг пришла мысль, что не готовится ли для него западня, но, взглянув на встревоженное лицо молодой девушки, на котором ясно выражалось участие к нему, он успокоился. Прижав руку Мириам к своей груди, в виде прощального приветствия, он спустился на одну ступеньку.

— Я возьму твой факел с собой, — улыбаясь, проговорил он, — когда твои родственники начнут бранить тебя за то, что ты потеряла

его, ты вспомнишь о своем обещании.

Мириам слегка засмеялась и так поспешно захлопнула дверь шкафа, что Альфонсо не успел договорить последнюю фразу. Он стоял еще на сухой ступени, но следующая уже была покрыта водой, необыкновенно чистой и прозрачной. Когда дверь закрыдась за рыцарем, он увидел, что для него не существует никакого выхода из этого водяного пространства. Вернуться обратно было невозможно: он слышал за дверью много сердитых голосов. Прикрыв факел рукой, чтобы свет не проник в скважину двери, Альфонсо сошел с лесенки и увидел, что вода доходит ему до колен. Ему пришла в голову страшная мысль, что Мириам умышленно привела его сюда, чтобы он погиб жестокой смертью, так как выхода для него не было ни впереди, ни сзади. Он вспомнил о трагической судьбе таинственного Джиованни, и ему казалось, что труп, брошенный в воду, плывет перед его глазами, роняя в воду капли крови. Иногда ему слышался громкий крик безумной еврейки. "Беги, беги скорее!" — раздавалось в его ушах. Голос Мириам звучал так ясно, что Альфонсо не знал наверно — игра это его фантазии, или молодая девушка действительно торопит его уйти.

Как бы то ни было, рыцарь поспешно пошел вперед, но вдруг наткнулся на неожиданное препятствие. По всему протяжению стены из-под воды выступал огромный камень; обойти его не было никакой возможности. С сильно бьющимся сердцем Альфонсо взобрался на него и был страшно поражен, увидев, что стена за камнем не была глухой, как казалось издали. Она представляла нечто вроде полуоткрытого свода с тесным проходом. Вдали виднелся второй свод, более открытый. Светлый отблеск воды в этом месте заставил Альфонсо предположить, что невдалеке от второго свода существует выход.

Не колеблясь более, рыцарь с большим трудом пролез через низкий свод и очутился, как и предполагал, вне пределов гетто. Сразу же за вторым сводом потянулся широкий болотный берег в виде ос-

трова, покрытого развалинами и плакучими ивами.

Альфонсо пошел вдоль стены, надеясь достигнуть каких-нибудь ворот. Он решил выйти и снова отправиться в гетто с целью узнать, какая участь постигла Оливеротто, оскорбившего Мириам. Пройдя пустынное пространство, он попал в предместье города. Альфонсо побродил несколько минут по узким лицам и вдруг очутился на обширной площади, куда стекалась с разных сторон большая толпа.

Часть площади занимало огромное здание. Это был дворец всемогущего Орсини. Альфонсо начал вслушиваться в говор толпы и узнал, что все эти люди вернулись из гетто.

— Скажите, любезный, что произошло там? — спросил рыцарь стоявшего близ него маленького человечка, который оказался пор-

тным Паскино.

— Произошло несчастье, — насмешливо ответил урод: — один молодец-христианин хотел поцеловать жидовку, и вот за это его преследуют, как какую-нибудь крысу. Впрочем, вся эта штука не больше, как хитрость со стороны евреев: они хотели искусственно вызвать народное возмущение, загнать нас в свои узенькие улички и перерезать, как стадо баранов. Знатные господа, составлявшие свиту проповедника, хотели узнать, кто именно освободил еврейку, а потому они направились в ее дом, но никого там не нашли. Они обыскали все щели, совали носы во все аптекарские горшки, но еврейка и ее освободитель как в воду канули. Наконец показались две страшные ведьмы и заявили, что их племянница безумная и потому, вероятно, убежала из дому. Отец Бруно Ланфранки, заметив, что народ обозлился, взял в руки крест и пригласил всех уйти из гетто.

— А молодец, вызвавший всю эту тревогу, конечно, убежал? —

спросил Альфонсо.

 Ну, понятно, кому же и бежать, как не виновнику беспорядка! — ответил портной.

Где же отец Бруно? Он, вероятно, нашел убежище во дворце

Орсини?

— Зачем же ему искать убежище? — возразил Паскино. — Говорят, что зависть жестокого брата заставила отца Бруно уйти из дома и поселиться в развалинах бывших бань на Авентинской горе подобно отшельнику. Выйдя из гетто, он отправился в свой дом, если только эти развалины можно назвать домом.

— Надеюсь, он не один пошел туда? — тревожно спросил Аль-

фонсо, вспомнив о подслушанном заговоре.

— Лучше было бы, если бы он пошел один. На его несчастье его сопровождает толстый дурак Биккоццо.

— Тогда отец Бруно находится в опасности, — заметил рыцарь. — Не можешь ли ты указать мне дорогу к нему?

- Я расскажу вам, как идти, но не могу сопровождать вас. На подобное путешествие может отважиться лишь тот, у кого имеется для этого крайняя необходимость.
- Ты сделал бы доброе дело; я боюсь, что жизнь бедного проповедника находится в опасности.
- Нет, нет, я ни за что не пойду к нему. Говорят, что отец Бруно очень искусный анатом и врач; он, пожалуй, захочет узнать, почему я уродился таким маленьким, а если ваши испанцы возьмутся за какое-нибудь дело, то проявляют столько милосердия, сколько вороны, выклевывающие глаза у умирающих лошадей.

Разве отец Бруно испанец? — с удивлением воскликнул Альфонсо.

- Неужели вы не знасте этого? Если бы он не был испанцем,

то не сделался бы правой рукой донны Лукреции.

Последние слова напомнили рыцарю замечание паломника из Кампостеллы об опасности, какую представлял собой этот монах. Он так горячо начал убеждать Паскино проводить его к отцу Бруно, что в конце концов возбудил к себе подозрение в маленьком портном. Вспомнив, что на проповедника косо смотрели в Ватикане, как утверждала молва, и боясь Борджиа больше огня, Паскино поспешил слиться с толпой и затерялся в ней.

III

Альфонсо пошел той дорогой, которую ему указал маленький портной. Он собственно не знал, что заставляло его идти к отцу Бруно: чувство ли человеколюбия или любопытство, смешанное с желанием рассеять свои сомнения. Он прошел к долине между Авентинским и Палатинским холмами, по узкой тропинке; но последняя скоро окончилась, и Альфонсо не знал бы, куда ему идти, если бы не маленький руческ, который, журча, стремился прямо к развалинам. протекая через темный лес. Паскино рекомендовал рыцарю держаться этого ручейка, и наконец Альфонсо пришел к грандиозным развалинам, занимавшим самый центр Авентинской горы. Альфонсо сомневался, найдет ли он жилище проповедника среди этой каменной глыбы, и уже подумывал вернуться назад, как вдруг заметил человеческую фигуру, направлявшуюся к нему навстречу. Рыцарь обрадовался, надеясь увидеть слугу доминиканца или кого-нибудь из местных крестьян, которые могли бы указать ему, где живет отец Бруно. Однако человек был так погружен в свои мысли или молитвы, что не видел приближавшегося к нему рыцаря. Почти столкнувшись с ним, он вдруг вздрогнул, страшно испугался и закричал во все горло. К своему величайшему удивлению. Альфонсо узнал в этом человеке бандита из гетто. Не давая рыцарю произнести ни слова, браво бросился бежать со всех ног. В эту минуту одна из руин осветилась и раздался чей-то испуганный голос:

— Что с тобой, брат мой?

Альфонсо с ужасом подумал, что несчастье, которое он собирался предупредить, уже свершилось. Он подошел к развалинам и при свете факела увидел лицо Биккоццо.

— Говори, кто ты такой? — прохрипел монах, глядя на рыцаря

с открытым от удивления ртом.

— Это не относится к делу, батюшка. Проведите меня к отцу Бруно, мне необходимо видеть его. С ним ничего не случилось? Он здоров?

О, почтенный рыцарь, ведь ты не дьявол в человеческом образе, пришедший погасить светильник божественной премудрости,

воплотившийся в лице моего госполина? Святой Фома, сохрани нас!

Неужели ты пришел затем, чтобы убить отца Бруно.

— Наоборот, я явился сюда для того, чтобы спасти твоего господина от руки убийцы. — ответил рыцарь. — Мне хотслось бы знать, откуда шел тот негодяй, которого я только что встретил?

— Он был на исповеди у отца Бруно.

 Ну, если тот убийца был у отца Бруно, значит, он убит! воскликнул Альфонсо. — Я уверен в этом. Я — рыцарь гроба Гос-

подня, вырвавший еврейку в гетто из рук насильника.

— Пресвятая Лева Мария, Матерь Божия, чем я, великий грешник, заслужил такую милость? — восторженно проговорил Биккоццо, неожиданно склонясь к ногам удивленного рыцаря. — Убийца уверял нас, что ты — святой Михаил, сошедший с неба для того. чтобы спасти светоч христианской веры, моего господина и брата во Христе.

— Ты с ума сошел, отец Биккоццо, — с невольной улыбкой возра зил рыцарь. — Страх заставил бандита потерять разум, а может быть, он умышленно обманул тебя, чтобы получить доступ к твоему господину и убить его. Наверно, отец Бруно теперь купается в собственной крови. Умоляю тебя, проводи меня скорее к нему!

Биккоццо с трудом дал убедить себя, что видит перед собой не святого Михаила, а обыкновенного смертного; успокоившись на этот счет, он вспомнил слова рыцаря и начал дрожать от страха при мысли, что, может быть, его господин убит. Он смотрел с недоверием на незнакомца и все никак не мог решить, остаться ли ему на месте или броситься бежать. Наконец, не смея противоречить рыцарю, он повел его к келье доминиканца.

Повсюду среди руин царила мертвая тишина, только совы, испуганные светом факела Биккоццо, с громким криком перелетали на другие места. Наконец они подошли к полуразрушенным триумфальным воротам, по обеим сторонам которых стояли безголовые бюсты римских императоров. Отсюда начинался целый лабиринт узких проходов. Полуразрушенная, поросшая травой лесенка вела в верхний этаж с рядом пустых комнаток. Биккопцо открыл одну из боковых дверей, и Альфонсо увидел полукелью, полуученый кабинет философа. Высокие, без стекол окна пропускали много света и воздуха. Огонь факела позволял видеть разные анатомические инструменты, кимические аппараты, книги, телескопы и рядом с ними распятия, четки, изображения святых и разную домашнюю утварь. Меблировку составляли два стула, опрокинутый ящик вместо стола и две циновки, служившие, очевидно, постелью. Биккоццо подошел к противоположной двери этой своеобразной комнаты и открыл ее. Глазам рыцаря представился открытый четырехугольник, окруженный со всех сторон стенами развалин.

- Отец Бруно, отец Бруно, отзовитесь ради Бога, если вы живы! — завопил монах. — Матерь Божья, он не отвечает, Господь

взял его на небо! — Биккоццо так тяжело вздохнул, точно его сердце разрывалось на части. — Думал ли я, когда он поднимался по этой лесенке в свою келью, что он отправляется на тот свет? Пощадите меня, дорогой рыцарь! Теперь, когда отца Бруно нет больше на земле, я песчинка в море. Он был моим наставником, моей опорой!

 О какой лесенке вы говорите? — спросил Альфонсо, прерывая излияния монаха, и взял факел из рук Биккоццо.

Несколько ступенек, скрытых кустарником, вели на одну из вы-

- Его светильник горит, воскликнул монах, взглядывая наверх, но он сам погиб от козней дьявола. Помилосердствуйте, синьор!.. Имейте сострадание к бедному христианину, который хотя не знает вас, но видит в вашем лице своего единственного покровителя!
- Здесь на ступенях видны следы крови, заметил рыцарь, указывая на темные пятна.
- Я теперь припоминаю, что Браво был тяжело ранен, когда шел на исповедь к святому отцу; это, должно быть, его кровь, произнес монах.
- Если ты боишься, то оставайся внизу, предложил рыцарь и стал быстро подниматься по лестнице вверх.

Дойдя до последней ступеньки. Альфонсо поднялся на кончики пальцев и взглянул в отверстие бывшего когда-то окна. Его сердце сильно билось. Он представлял себе доминиканца плавающим в луже крови, но, к его величайшему удивлению, его глазам представилась совершенно другая картина. Он увидел большую комнату, наполненную разными научными приборами и книгами. Посреди нее находился стол, заваленный книгами, бумагами и разного рода письменным материалом. В углу возвышался алтарь, убранный с большим вкусом, бархатом и цветами в дорогих старинных вазах. Перед золотым распятием стоял на коленах доминиканец Бруно Ланфранки и молился с таким усердием, что, казалось, не услышал бы даже пушечного выстрела. Он громко благодарил Бога за то, что Господь дал ему силы побороть человеческие страсти. Альфонсо был страшно поражен, что монах несколько раз упомянул в своей молитве имя Лукреции. Подождав несколько секунд, он увидел сбоку открытую дверь и храбро вошел в комнату.

— Простите, батюшка, что я нарушаю ваш покой, — проговорил он, — но необходимость заставляет меня сделать это. Доминиканец вздрогнул и вскочил с колен. Его бледные щеки побледнели еще больше, а правая рука инстинктивно потянулась к поясу, как бы за оружием. Это движение напомнило Бруно его сан; он спокойно сложил руки на груди и поднял взор вверх, мысленно обращаясь к Богу.

— Убей меня, — наконец тихо проговорил он, взглянув на рыцаря, — верно, Господу нашему Иисусу Христу угодно освободить от тела мою грешную душу.

— Да разве вы не узнаете меня, батюшка? — спросил Альфонсо. — Я тот путешественник, которому вы оказали такую важную услугу у водопада. Я очень рад, что случай дает мне возможность отблагодарить вас за эту услугу.

- Ах, это ты, иоаннит? Являешься ли ты посланником Неба или

сатаны? Что привело тебя сюда?

— Я думаю, что скорее меня послало Небо, так как я верный слуга церкви и хочу оказать вам услугу.

- Говори, в чем дело!

Альфонсо в коротких словах рассказал о заговоре, который он случайно подслушал в гетто. Во время этого рассказа на грустном лице Бруно появилась горькая улыбка.

— Так, значит, это ты был тот вооруженный ангел, о котором мне рассказывал Джиованни? — живо воскликнул он. — Бандит явился ко мне сегодня не в качестве убийцы, а в роли кающегося грешника. Он сознался в своем намерении и просил прощения. Хотя он и не назвал мне имени того человека, который требовал от него моей смерти, тем не менее мне нетрудно догадаться, кто это такой.

Браво сознался в замышляемом преступлении? — с удивлением спросил рыцарь. — Чем же вы так обидели того человека, ко-

торый жаждет вашей крови?

— Он знает, что я считаю его дьяволом, а между тем ему хочется, чтобы все принимали его за человека!

- Судя по его словам, он чувствует себя оскорбленным, как муж. По крайней мере он обвинял вас, святой отец, в том, что вы разлучили мужа с женой из-за дурных целей! сказал рыцарь, пытливо глядя на монаха.
- Разлучил мужа с женой? Да, это верно. Но когда видишь, что в прекрасной розе завелся ядовитый червь, то весьма понятно, что его нужно извлечь оттуда! ответил доминиканец, и его бледные щеки слегка покраснели. Однако если я не ошибаюсь, то человек, говоривший это, не был тем несчастным существом, которое вы называете оскорбленным мужем. Я с гордостью сознаюсь в своем участии в этом деле, но больше не прибавлю ни слова, так как тайна моих духовных детей для меня священна!

"Следовательно, ни Александр, ни Цезарь не виноваты в первом

разводе", - подумал Альфонсо.

- Может быть, все-таки следует, батюшка, обратился он снова к монаху, принять меры для того, чтобы на ваш счет не распространялись гнусные сплетни. Все говорят, что преступная страсть к женщине заставляет вас вмешаться в это дело.
- Кто же поверит этому? воскликнул монах со сверкающими глазами и вспыхнувшим лицом. Что общего между плешивым,

погруженным в заплесневелые манускрипты монахом, вся жизнь которого была сплошным отчаянием, и прекрасной молодой женщиной, полной жизни и радости?

- Но ведь всем известно, отец Бруно, что в деле любви женщины благороднее нас. Их прельщает больше красота духовная, чем плотская. Этим объясняется, что они поддаются сильнее влиянию духовных особ, чем мы, грешные. В своей любви к служителям Бога они не видят ничего дурного; это для них преддверие к любви небесной!
- Да, небо и земля так перемешаны в человеке, как золото и шлаки между собой. Что бы ни говорили последователи Платона, но в человеке гораздо больше животного, чем духовного, и животные радости ему доступнее духовных, с горькой улыбкой промолвил доминиканец. Духовная любовь может длиться вечно; она чиста, как кристалл, женщины будут восторгаться ею, но предпочтут любовь телесную!
- Как счастлив тот, кто пришел к этому заключению путем наблюдения, а не по собственному опыту! — заметил Альфонсо, вполне убежденный, что устами монаха говорит ревность.
- Да, самые счастливые те люди, которые заглядывают в душу человека с беспристрастием врача, спокойно согласился Бруно. Впрочем, мы уклонились от темы нашего разговора. Итак, я обязан вам своей жизнью. Если бы я не боялся, что вы сочтете меня неблагодарным, я сказал бы вам, что нисколько не дорожу ею.
- Не говорите о благодарности, святой отец! Я думаю, вы сейчас в состоянии будете вознаградить меня больше того, что я заслуживаю. Действительно, насильственная смерть не может казаться страшной для человека, который ведет такое спокойное, лишенное страстей существование, как вы.
- Вы думаете, что в жизни отшельника одно спокойствие? с горькой улыбкой спросил доминиканец. Вы не знаете, сколько волнений выпадает и на нашу долю! Вы полагаете, что легко видеть у своих ног коленопреклоненную прекрасную женщину и ледяными устами касаться ее лба во время благословения, когда сердце пожирает пламя страсти? Впрочем, оставим это. Вы говорите, сын мой, что в моей власти вознаградить вас?
- Да, отец Бруно. Награда, на которую я рассчитываю, так необычна, что я не знаю, как изложить вам свою просьбу. Во всяком случае, могу ли я надеяться, что этот разговор останется для всех тайной? спросил Альфонсо.
- Говори, сын мой, твои слова буду знать лишь я один и больше никто на свете.
- Я хотел узнать от вас, не преступно ли предлагать такие вопросы, которые, если вы ответите на них, могут поколебать доверие к церкви?

Монах помолчал несколько мгновений, причем его лицо приняло странное выражение, и наконец произнес:

- Правда это та твердая скала, на которую опирается церковь: поэтому никакая правда не может поколебать доверие к ней. Я слушаю вас, сын мой.
- Лолжен сказать вам, отец Бруно, начал рыцарь, что я тайно послан сюда принцем Альфонсо Феррарским. Король французский, сердечно любящий Альфонсо, желает, чтобы принц женился на дочери Борджиа, а между тем этот брак настолько противен Альфонсо, что он специально послал меня в Рим навести справки о Лукреции и представить ему доказательства ее позорного поведения, о котором так много говорят. Имея эти доказательства в руках, Альфонсо получит возможность убедить отца, что брак с дочерью Борджиа для него невозможен. Вы состоите духовником этой дамы: поэтому, если никакая правда не может поколебать доверие к церкви, вы можете дать нужные мне сведения.

Монах слушал рыцаря с напряженным вниманием. Когда Альфонсо закончил свою речь, он с удивлением взглянул на него и, встретившись с ним взглядом, быстро потупился, Затем он помолчал несколько минут и наконец проговорил:

— Да, действительно странная просьба!.. Но ведь вы видели донну Лукрецию и все-таки не отказываетесь от ужасного поручения, данного вам?

- О, она прекраснее всего в мире, горячо воскликнул рыцарь, — и, если бы она могла опровергнуть возводимые на нее обвинения, Альфонсо Феррарский не мог бы устоять перед ней, точно так же, как и ни один из смертных.
- Hv. этого я не знаю! резко заметил Бруно. Вероятно. вам мало известны обязанности духовника, - продолжал он. -Как вы можете рассчитывать, что я выдам вам чужую тайну? Как же вы сами доверились мне в таком случае?
- Ваше уклонение от ответа служит ответом, с грустью проговорил Альфонсо. — Если бы вы могли сказать только хорошее, то не считали бы, что нарушаете обязанности духовника.
- Я ничего не утверждаю и ничего не отрицаю, возразил монах. — В чем же вы обвиняете донну Лукрецию?
- Не я, святой отец, а вся Италия, ответил Альфонсо, не решаясь высказать свое подозрение. - Говорят, что она имеет счастливых поклонников, пользующихся ее любовью.
- Она никого не любит и никогда не любила! резко проговорил Бруно. — Что касается счастливых поклонников, то это тоже ложь! Всякий знает, что эта женщина обладает какой-то демонической силой, от которой погибает каждый, кто только вздумает приблизиться к ней.
- Эта сила исчезла бы, если бы донна Лукреция вышла замуж за наследника Орсини?
 - Этот брак приковал бы ее к Риму! мрачно ответил монах.

Альфонсо пришла в голову мысль, что Бруно умышленно поддерживает в нем подозрение, из боязни, чтобы мнение принца Феррарского о Лукреции не изменилось в ее пользу и чтобы он не перестал сопротивляться желанию своего отца.

— Между тем папа в предложении, сделанном герцогу Феррарскому, совершенно откровенно высказал, что был бы очень доволен, если бы его дочь навсегда покинула Рим! — заметил Альфонсо.

- О, если бы Небо могло спуститься на землю, оно покрыло бы много грехов! воскликнул монах. Орсини избежал большой опасности, хотя донна Лукреция не выказала ему ни малейшего расположения и согласилась бы на предполагаемый брак лишь по принуждению.
- Он спасся благодаря вам, отец Бруно, заметил Альфонсо. Ведь вы, несомненно, тот самый доминиканец, который показал нам пещеру, где находился арестованный Паоло Орсини.

Монах на минуту смутился, но, увидев по глазам рыцаря, что

ему известна истина, не стал отрицать свое участие.

— Я был бы удовлетворен, если бы вы сказали мне, отец Бруно, злоумышлял ли Цезарь против своего будущего зятя, когда увидел, что обстоятельства так складываются, что им необходимо породниться, — проговорил Альфонсо с сильно бьющимся сердцем.

- Я ничего не могу ответить вам на это!

- Если я даже скажу вам, что именно Цезарь посылал к вам убийцу, чтобы сегодня вечером лишить вас жизни! воскликнул Альфонсо, забывая обычную осторожность.
- Если вы все это знаете, то можно поздравить вашего принца: он выбрал для своей цели весьма подходящее лицо! заметил монах с видимым испугом. Но, как бы там ни было, я не могу дать вам никакого ответа. Весь свет судит людей по их поступкам, а Бог и церковь считаются с их побуждениями.
 - Разрешите мне по крайней мере мое теологическое сомнение...

— Не искушайте меня больше! Уходите!

- Ведь я склоняю вас не к греху, а, наоборот, к доброму делу, заметил рыцарь, может быть, вы в состоянии будете вырвать заблудшую душу из пасти дьявола.
- Если дьявол является в образе ангела, кто может устоять против него? проговорил отец Бруно с отчаянием в голосе. Вот вы считаете меня оракулом, а послушайте, что я вам скажу: я не знаю, что я делаю, кто меня воодушевляет: Бог или нечистая сила; может быть, пользуясь именем церкви, я веду людей к гибели и вместо блаженства сею семена раздора? Я не знаю, реформатор ли я или просто разрушитель? Я не знаю, что меня ждет: награда или смерть за мою проповедь, которую я скажу завтра.
- Вы, значит, не хотите помочь мне очистить от дурной славы имя вашей прекрасной духовной дочери?

- В чем обвиняете вы ее? повторил свой вопрос монах, смотря на рыцаря пронизывающим насквозь взглядом. Вы хотите, чтобы я уверил вас, что эта женщина более прекрасная, чем все красавицы, взятые вместе, живя в такое развратное время и при таком распущенном дворе, отличается более строгим нравом, чем все другие?
 - Я буду доволен, если вы скажете мне, что донна Лукреция не

хуже других женщин! — горячо ответил рыцарь.

- Если вы укажете мне границы женского легкомыслия, тогда я, пожалуй, в состоянии буду сказать вам, перешагнула ли Лукреция эти границы или нет.
- Что может быть ужаснее этих строк, написанных относительно ее: "Лукреция по имени, в действительности Таис, Александра дочь, супруга, невестка"?
- Вы видели ее и все-таки верите этим словам? с негодованием спросил монах.
 - Я видел ее и потому еще больше верю им!
- Ну, верьте и будьте довольны! воскликнул Бруно, и его обыкновенно спокойное лицо выразило такую муку, такое сильное волнение, что Альфонсо стало страшно за него.

Последняя фраза монаха поразила рыцаря, как удар молнии. Самые страшные подозрения по поводу Лукреции ее духовник подтверждал своей последней фразой. Монах заметил бледность рыцаря и холодно отвернулся от него.

— Вы спасли мою жизнь, а я дам вам право получить крупное вознаграждение за полученные сведения от вашего великодушного принца, мы с вами квиты! — пренебрежительным тоном проговорил он после некоторого молчания.

Альфонсо употребил всю силу воли для того, чтобы спокойным тоном поблагодарить доминиканца, но никак не мог овладеть своим волнением. К своему счастью, он вдруг услышал за своей спиной чей-то судорожный смех. Оба вздрогнули и быстро оглянулись. Смеялся Биккоццо от радости, видя своего господина целым и невредимым.

Успокоив Биккоццо, доминиканец обратился к рыцарю с просьбой остаться у него на ночь.

- Странствовать ночью по этим пустынным местам далеко не безопасно, проговорил он. Тот негодяй, принявший вас за святого, может встретиться с вами и пожелать убедиться в вашей святости. Я знаю, вы солдат и не боитесь опасности, а потому прошу вас остаться здесь в качестве моего защитника. Я, правда, плохой хозяин, да к тому же должен окончить прерванную работу, но брат Биккоццо примет вас, как желанного гостя.
- Да, мы можем хорошо угостить синьора: донна Лукреция прислала нам много вкусных вещей для завтрашнего праздника, начал было Биккоццо, но отец Бруно резко оборвал его, приказав ему принести наверх другую лампу, прежде чем он ляжет спать.

Биккоццо понял намек своего господина и поторопился увести рыцаря вниз. Убедившись, что гость — живой человек, а не архангел,

монах начал усердно угощать его.

Трудно было найти более резкую противоположность, чем эти два монаха, жившие вместе. Насколько отец Бруно был молчалив, настолько же Биккоццо любил болтать. Доставая разнообразные снеди, присланные Лукрецией, он не переставал вести разговор. Он рассказал, с какой симпатией Лукреция Борджиа относится к отцу Бруно, не замечая, что эти сведения не особенно радуют гостя. Тем не менее Альфонсо поддерживал этот разговор, так как ему очень котелось узнать, не говорил ли Бруно о Лукреции под влиянием чувства ревности. Наконец стол был накрыт, и Биккоццо попросил рыцаря утолить свой голод. Затем он достал для себя кусок хлеба, несколько луковиц, кружку воды и принялся уничтожать свой скудный ужин.

— Нет, это не годится! — воскликнул гость. — Если вы не хотите разделить мою трапезу, то я буду есть то же, что и вы.

— Нет, синьор, этого нельзя. Сегодня пост, мы должны подавать народу благой пример, но что касается вас, то вам не зачем мучить себя. Наполните свой кубок этим чудесным хиосским вином, вам не часто придется пить такое. Его прислала нам дорогая донна Лукреция.

Принцу Альфонсо нетрудно было убедить монаха выпить с ним вместе. Отказавшись раза два, Биккоццо согласился на уступку, а затем отдал должную дань закускам и винам, стоявшим на столе. Во время еды он не переставал говорить о Бруно Ланфранки, и Аль-

фонсо узнал много подробностей из его жизни.

Доминиканца все считали родом из Испании, а между тем он происходил из старинной итальянской фамилии Ланфранки. Он только долго жил в Испании, изучая медицину, а затем посещал на юге еврейские школы.

— Во время учения, — рассказывал Биккоццо, — отец Бруно почувствовал вдруг отвращение к мирской суете. Он странствовал по языческим землям, и, с благословения Савонаролы *, горячим приверженцем которого он был, начал проповедовать его учение. Ужасная участь учителя не испугала отца Бруно. От многих опасностей его спасало расположение донны Лукреции. Будучи несчастна в своем замужестве с Джиованни Сфорцой, она искала утешения и совета у отца Бруно. Вскоре после этого произошел ее развод с мужем, и отец Бруно был назначен ее духовником, несмотря на то что многие духовные лица, старшие по сану, добивались этой чести.

^{*} Савонарола, знаменитый итальянский реформатор (1452—1498 гг.), произносил горячие обличительные проповеди против католического монашества и папы Александра VI в частности, чем нажил себе много врагов. В 1498 г. они захватили его и предали казни через повешение и сожжение. Савонарола оставил много философских трудов.

Альфонсо подумал, что, сделавшись духовником Лукреции, Бруно преследовал не только религиозные, но и политические цели. Его в этом еще более убедило сознание Биккоцио, что отец Бруно слишком много времени проводил во дворце Борджиа, манкируя своими церковными обязанностями. В конце концов духовник Лукреции, вероятно, почувствовал угрызения совести, потому что хотел отказаться от должности духовника. Но его отказа не принимали, и тогда отец Бруно тайком ушел из Рима и уехал в Иерусалим. Биккоццо сопровождал его во всех его странствованиях. Они долго блуждали по Сирии и Палестине, вербовали прозелитов и поллерживали маленькие группы христиан в иноверческих землях. В конце концов они снова вернулись в Рим, как раз в то время, когда Лукреция праздновала свою свадьбу со вторым мужем, принцем Салернским. Убийство последнего, совершившееся вскоре после этой свадьбы, снова заставило молодую женщину искать утешения в религии. Она лично явилась к доминиканцу и умоляла его снова стать ее духовником. Бруно ни за что не соглащался. Он находил, что Лукреция совершила преступление, вступив во второй брак, за что Бог и покарал ее. Неотступные мольбы молодой женшины победили упрямство монаха, и он сделался ее духовником, не оставляя при этом своих публичных проповедей. Число его учеников увеличивалось с каждым днем. По протекции Лукреции, Бруно должен был на следующий день читать свою реформаторскую проповедь в соборе святого Петра в присутствии многочисленной толпы.

Биккоццо испугался, услышав, что на монастырских часах пробила полночь. Он извинился перед гостем за свою болтливость в то время, как рыцарь, несомненно, нуждается в отдыхе, и начал торопливо приготовлять для него постель. Альфонсо напомнил монаху о лампе, и тот, рассыпаясь в благодарностях, шатаясь, отправился наверх.

Через несколько минут он вернулся и сообщил гостю, что отец Бруно так погружен в молитву, что не слышал его прихода и не заметил другой лампы. После этого веселый монах и Альфонсо улеглись спать.

IV

На утро юбилейного праздника принца Альфонсо разбудили грокот оружия и звон колоколов. Биккоццо стоял у очага и приготовлял завтрак; отец Бруно уже ушел, так как котел видеть процессию монахов своего ордена, и перед уходом отдал приказ не беспокоить рыцаря. Альфонсо пошел купаться в прозрачной воде ручейка, пока Биккоццо приготовлял завтрак, а когда вернулся, был поражен, в какой степени изменилось настроение монаха. Он уже больше не болтал так, как накануне, и еле отвечал на вопросы гостя. В конце концов Биккоццо признался, что он очень озабочен: он боялся, что отец Бруно вызовет возмущение своей проповедью, вследствие чего, несмотря на сильную протекцию Лукреции, и сам он, и его друзья могут дорого поплатиться. Бруно ушел из дома, ничего не евши, и посоветовал Биккопцо не сопровождать его в тот день; тем не менее монах твердо решил сразу же после завтрака пойти искать своего госполина. Альфонсо охотно пошел бы вместе с ним, но, вспомнив об условленном свидании с Мириам, расстался с Биккоппо в том месте, где нужно было свернуть к форуму. Собственно, Альфонсо мало рассчитывал на то, что Мириам сдержит свое обещание, да притом уверенность в виновности Лукреции настолько поглотила его, что все остальное казалось ему лишь праздным любопытством.

На форум собралась уже значительная толпа людей разных сословий и положений, и Альфонсо пожелал в луше, чтобы Мириам не пришла. Прождав напрасно молодую девушку довольно значительное время, он начал разыскивать ее среди праздничной толпы, а когда убедился, что Мириам нет на площади, то решил пойти к ней в гетто. Он вспомнил, что она жила в доме, где помещается аптека, а потому мог войти туда, не возбуждая ничьего подозрения, как будто желая купить лекарство; он рассчитывал на то, что, может быть, ему удастся каким-нибудь образом напомнить молодой девушке о данном ею обещании.

Подойдя к воротам гетто, Альфонсо узнал от часового, что в течение всей праздничной недели ни один христианин не может войти в пределы гетто. Однако Альфонсо не так легко отказывался от раз задуманного намерения. Увидев, что он не может проникнуть через ворота, он пошел в обход, чтобы добраться до дома Мириам таким же путем, каким он вышел оттуда накануне. Но и здесь его ожидало разочарование. Вода в канале стояла так высоко, что совершенно преграждала доступ. Это заставило рыцаря предположить, что евреи узнали о его посещении и умышленно подняли воду в канале. Само собой разумеется, что тревога Альфонсо относительно судьбы Мириам после этого еще более усилилась.

С целью узнать что-нибудь о безумной еврейке, рыцарь вернулся на площадь, где собралась толпа со всех концов города. Обедню должны были служить в старом Константиновском соборе, но так как он не мог вместить всех жаждущих попасть туда, то лишь часть паломников проникла в храм, остальные же стояли на площади и через широко открытые двери собора старались увидеть и услышать то, что происходит в храме. Благодаря своему полумонашескому одеянию и физической силе Альфонсо удалось сравнительно легко пробраться сквозь толпу и войти в базилику.

Служба не начиналась, так как папа и его двор были еще в Ватикане, где Александр VI принимал поздравления от высокопостав-

ленных гостей. Альфонсо с любопытством осматривался вокруг и был крайне поражен, заметив, что на него обращено внимание присутствующих. Как только один из пажей, равнодушно озиравших толпу, увидел его, он быстро подошел к нему и почтительно спросил, не

он ли Альфонсо Равенна. Принц, принявший это имя для того, чтобы отвлечь от себя любопытство, ответил утвердительно, и паж радостно убежал кула-то. Через несколько минут явился перемониймейстер Бурхард.

— Его святейшество желает видеть вас, — обратился он к Аль-

фонсо. — Следуйте за мной!

Опираясь на свой серебряный жезл, Бурхард пошел вперед, но рыцарь не спешил последовать за ним. Только когда церемониймейстер, дойдя до дверей Ватикана, оглянулся и повелительным жестом вторично пригласил Альфонсо войти, он не счел возможным отказаться от приглашения.

Широкая мраморная лестница спускалась вниз и вела в огромный зал, где на троне восседал Александр. Глазам Альфонсо представилась грандиознейшая картина. К папскому престолу тянулась непрерывная цепь роскошно одетых знатных особ в духовном и светском платьях. Все подходили по очереди к трону, целовали ногу папы и, поздравив его, отходили назад, позади трона, где образовалась уже целая толпа нарядных гостей. Когда Альфонсо вошел в зал, к ногам папы склонялась донна Лукреция, которую сопровождала свита из красивейших знатных дам Рима. Его святейшество поднял молодую женщину, нежно поцеловал ее и посадил рядом с собой с правой стороны. Когда Лукреция откинулась на спинку кресла, ее взоры встретились вдруг со взглядом Альфонсо. Она вздрогнула, и яркая краска залила ее щеки, но в следующее же мгновение она побледнела, как мраморное изваяние. Рыцарь сильно волновался, подходя к трону папы, чувствуя, что на него обращены взоры всех присутствующих. Лукреция между тем овладела собой. На ее прекрасном лице выражалось удовольствие, в чудных глазах сверкали слезы. Когда Альфонсо склонился к ногам папы, она радостно воскликнула:

- Это он! О святой отец, если моя жизнь имеет для тебя какую-нибудь ценность, то взгляни на этого благородного рыцаря,

спасшего меня!

- Встань и дай обнять тебя, храбрый герой! Даже в героической хронике Диаца эль Кампеадора немного таких подвигов, как твоя борьба с буйволом, — проговорил Александр VI и положил свою руку, украшенную бриллиантами, на плечо рыцаря. — Я должен поблагодарить тебя также за освобождение Паоло Орсини. Скажи, чем вознаградить тебя?

 Все люди, ваше святейшество, — лишь жалкое, безвольное орудие в руках Высшей Силы. Поступают ли они хорошо или дурно. их не за что ни вознаграждать, ни карать, и я прошу вас не приписывать мне никакой заслуги. Слепой случай привел мою лошадь и кинжал в соприкосновение с взбесившимся животным.

— А я все-таки чувствую себя обязанной вам, синьор рыцарь, так как ваша храбрость, а не случай, спасла мою жизнь, - заметила Лукреция с обворожительной улыбкой, слегка краснея, отчего стала

еще прелестнее. — В доказательство своей признательности я избираю вас своим рыцарем на предстоящий турнир!

С последними словами молодая женщина сняла со своей шеи се-

ребристую ленту и накинула ее на плечо Альфонсо.

Сердце рыцаря сильно забилось, щеки вспыхнули, и он сознавал, что не в состоянии побороть свое страстное чувство к этому очаровательному созданию. Но вдруг его взоры встретились с таким сверкающим, бешеным от ревности взглядом монаха, что Альфонсо невольно вздрогнул. Он узнал отца Бруно и вспомнил весь ночной разговор с ним. Усилием воли он подавил свое волнение и со спокойным видом обратился к Лукреции:

— Вы видите, донна, что мне не подобает бороться в честь земной красоты, — проговорил он. — О, я готов отдать последнюю каплю крови в честь духовной красоты феррарских женщин и думаю, что этим доказываю им, как высоко я почитаю скромность и душевную чистоту, образцом которой является Пресвятая Дева Мария. Земную же красоту я считаю искушением дьявола, ядом, поднесенным в золотом сосуде.

С этими словами рыцарь так сильно рванул ленту, что в его руках оказалось несколько кусков.

Во время речи иоаннита лицо Лукреции несколько раз меняло свое выражение. Она сначала смотрела на рыцаря с немым удивлением, затем краска стыда и обиды вспыхнула на ее щеках, но в следующее же мгновение ее взор принял гордое выражение, и на губах заиграла насмешливая улыбка. Она взяла из рук Альфонсо, стоявшего перед ней на коленах, свою изорванную ленту и обвела взором находившихся вокруг нее молодых рыцарей.

- Во времена Карла Великого и короля Артура к женщинам относились иначе, с очаровательной улыбкой заметила она, обращаясь к Бембо, насколько можно судить по сонетам, составленным в честь любви и феррарских женщин. Если не все в Италии забыли эти поэтические сказания, то я надеюсь найти и сегодня человека, который согласится быть моим рыцарем, несмотря на то что, по мнению рыцаря святого Иоанна, я полная противоположность его идеалу женщины.
- Хотя этот рыцарь и из Феррары, донна, но он забыл феррарскую поговорку: "Кто не может есть персики, тот не должен их и нюхать", несколько смущенно ответил Бембо. Иоанниты монахи, и им незачем рядиться в рыцарские доспехи.
- Удостойте меня, донна, этим драгоценным подарком, проговорил Паоло Орсини, становясь на колена перед Лукрецией и страстно целуя конец ленты.
- Вы были бы, синьор Паоло, моим рыцарем по принуждению, возразила Лукреция, закусывая губы. Нет, я надеюсь, что сэр Реджинальд не откажется достать для меня первый приз.

Лебофор с сияющим от счастья лицом склонился к ногам красавицы и поклялся святым Георгием, что будет сражаться в ее честь, пока только будет в состоянии сидеть в седле и держать в руках шпагу. Лукреция взглянула на английского рыцаря с такой нежной улыбкой, что Альфонсо почувствовал в сердце острые уколы ревности.

Многочисленные голоса среди молодежи выразили желание тоже

сражаться в честь Лукреции.

— Нет, нет, я не хочу отнимать у других дам возможность сделаться королевами праздника, — возразила Лукреция. — Что касается меня, то я жертвую драгоценный венок, если его достанет мне сэр Реджинальд, Пресвятой Деве Марии, в честь которой воздвигну храм в том месте, где случай спас меня от бешеного буйвола.

— Не так-то легко оказаться победителем на турнире, гораздо легче заколоть быка, — насмешливо заметил Цезарь Борджиа, с удовольствием видя мрачную тень на лице своего отца. — Осмелюсь заметить вашему святейшеству, — обратился он к нему, — что уже

довольно поздно.

— Рыцарь, ты не полумонах, а монах вполне, — сказал папа принцу Альфонсо, не скрывая своего неудовольствия. — В твои годы я предпочел бы сражаться на десяти турнирах, чем отклонил бы предложение такой очаровательной дамы.

Папа взглянул на свою дочь с необыкновенной нежностью и гордостью, а затем сделал нетерпеливый знак церемониймейстеру; тот слегка оттолкнул Альфонсо от трона, чтобы дать место другим, еще не принесшим его святейшеству своих поздравлений.

К трону склонилась могучая фигура Вителлоццо, причем в зале

раздался звон от его оружия.

— Это вы, синьор ди Кастелло? — с изумлением воскликнул папа и отодвинул свою ногу, точно собираясь оттолкнуть от себя вооруженного великана.

— Я явился сюда, чтобы почтительно поцеловать эту святую сто-

пу! — проговорил Вителлоццо.

— Это неслыханное нахальство! — возмутился папа. — Это, вероятно, вы, синьоры Орсини, посоветовали ему искать милости у меня, после того как он грозил свергнуть меня с трона? — гневно обратился он к представителям семьи Орсини.

— Нет, святой отец, синьор ди Кастелло пришел сюда по моему совету, — с горькой улыбкой заявил Цезарь. — Ведь теперь мы все

будем братья.

— Скажите, святой отец, что должен я сделать для того, чтобы получить прощение? — спросил Вителлоццо.

— Отпусти своих разбойников и докажи своим вассалам, что христианину не подобает поднимать руку на своих ближних, если даже их господин требует этого! — гневно ответил Александр, вставая со своего места.

Герцог обменялся с Паоло озабоченным взглядом, а Вителлоццо поднялся с колен и стал рядом с Орсини.

Видя дурное настроение папы, церемониймейстер поспешил закончить процедуру поздравлений, а затем весь двор в торжественном шествии отправился в церковь святого Петра.

V

Желая отвлечь от себя внимание. Альфонсо незаметно ушел из дворца и спрятался в одном из темных углов храма. Вскоре он услышал перезвон колоколов и залпы пушек, возвещавшие приближение папского шествия. За несколько минут до его появления раздалось отлаленное грустное и нежное пение. Под роскошным балдахином. представлявшим собой небо, усыпанное звездами из драгоценных камней, несли на трон папу, который, вытянув руки вперед, благословлял коленопреклоненную толпу. Папу окружала масса епископов, затем следовала придворная свита, за нею паломники высокого ранга в разнообразных дорогих нарядах, за ними монахини с зажженными восковыми свечами. После монахов и монахинь показалась Лукреция в сопровождении придворных дам, затем Цезарь с женой и многочисленной свитой. Альфонсо заметил, что с одной стороны Лукреции шел Паоло Орсини, а с другой — Реджинальд Лебофор. Прекрасный английский рыцарь, одевавшийся всегда очень роскошно, теперь превзошел самого себя.

Но больше всех поражал своей внешностью герцог Романьи. Он был в атласе и парче, расшитой жемчугом и бриллиантами. Герцогская шапка была украшена рубинами величиной с орех. С его плеч спускалась роскошная пурпурная королевская мантия, отделанная горностаем.

Оставаясь в своем углу, Альфонсо был уверен, что его не заметят главные действующие лица церемонии, но судьбе угодно было распорядиться так, что он оказался прямо напротив Лукреции.

В эту минуту понеслись звуки, точно волнующееся море, сотен гармоничных голосов. Папа сошел со своего трона, чтобы лично отслужить обедню. С какими разнообразными мыслями и чувствами ни собрался сюда народ, никто не мог не подпасть под влияние этой высокоторжественной обстановки.

Когда по окончании обедни его святейшество начал благословлять народ, Альфонсо невольно опустился на колена и в ту минуту был так же горячо убежден, как любой паломник-фанатик, что сам Господь благословляет его. Однако это восторженное настроение исчезло, как только рыцарь поднял голову и увидел отца Бруно, который, сопровождаемый большим количеством доминиканцев, готовился взойти на украшенную цветами кафедру, чтобы после проповеди прочесть юбилейное папское послание, оглашения которого с нетерпением ожидали паломники. Его бледное лицо имело страдающее и решительное выражение, как у человека, ожидающего казни, но

преодолевшего страх. Взойдя на кафедру, он некоторое время молчал, обводя взорами толпу. Альфонсо видел, что мужество не изменило монаху, и подумал с некоторым удовольствием о том, какой неприятный сюрприз ожидает папу и его двор. Булла оставалась непрочитанной — по-видимому, отец Бруно оставил ее для заключения своей речи.

Монах начал с предисловия на латинском языке, описывая в мрачных, отталкивающих красках современное состояние христианского общества и религии. Казалось, что вернулся сам Данте и читает отрывки своей "Божественной комедии". Бруно говорил о первых чистых временах христианства, когда идолы исчезали, как дым. Теперь же снова начали поклоняться идолам и, именуя себя христианами, совершают преступления подобно язычникам.

После этого предисловия монах-аскет нарисовал картину современного ему общества, далеко-далеко стоящего от идеалов христианства. Горячая проповедь монаха уничтожала все на своем пути, как лава вулкана. Он громил тщеславие, жажду славы, плотскую любовь и в ужасном виде изображал нравы современного духовенства.

Изумление присутствующих возрастало с каждой минутой. Так как монах говорил вообще, не касаясь личностей, то папа Александр слушал его с видным благоволением. Эта необыкновенная речь повышала настроение толпы с каждой минутой все больше и больше. Но вдруг Бруно остановился, как бы собираясь с силами для того, чтобы совершить героический поступок; его взоры, обводившие толпу, точно призывая ко вниманию, остановились на Лукреции Борджиа, которая задумчиво смотрела на Альфонсо и даже не заметила, что монах перестал говорить.

Слова, которые собирался произнести Бруно, застряли у него в горле; он судорожно, глубоко вздохнул и продолжал молчать. Лукреция вздрогнула, как бы проснувшись ото сна, и подняла удивленный взор на проповедника. Бруно снова заговорил, но совершенно неожиданно на другую тему. Он упомянул о милости Божьей к верным слугам церкви и кстати рассказал о том, что на его жизнь покушался замаскированный человек. Монах расточал необыкновенные похвалы по адресу рыцаря, спасшего его, и Альфонсо боялся, как бы проповедник не назвал имени того лица, которое наняло убийцу.

Лукреция не могла удержаться от слез, а среди толпы слушателей пронесся шепот одобрения. Монах продолжал свой рассказ с возрастающим одушевлением. Он говорил так, что можно было предположить, что он считает Орсини подстрекателем преступления.

— Моей смерти желал один человек, которому было неприятно, что я отрицательно отношусь к предполагаемому браку между двумя высокопоставленным лицами, — сказал Бруно, — но я все же скажу: не следует допускать третий брак после того, как Господь ясно показал, что Он не желает этого. Два первых брака произошли без

Божьего благословения, не нужно вызывать вновь гнев Творца Небесного, иначе Он немедленно покарает непокорных Ему.

Эти слова произвели на слушателей неодинаковое впечатление. Цезарь улыбался, а папа сердито смотрел на него, как будто считал. что эта проповедь — дело рук Цезаря. Герцог Гравина вскочил с места и схватился за рукоятку шпаги, но Паоло остановил его. прошептав, что не следует принимать намек на свой счет. Лукреция не пыталась скрывать свое волнение и, закрыв руками лицо, тихо

В заключение монах объявил, что прошает своих врагов, и перешел на чисто религиозную тему, выказывая необыкновенную начитанность и остроумное толкование текстов Священного Писания.

Окончив проповедь. Бруно взял буллу, сорвал печать и прочел

ее громким, внятным голосом.

Наступило глубокое молчание. Слушатели молились про себя в ожидании, когда глава доминиканцев опустится на колена и произнесет благодарственную молитву, что требовалось по уставу службы. Но Бруно стоял неподвижно, погруженный в свои думы.

— Посмотрите, что делается там с этим учеником Савонаролы, недовольным тоном обратился Александр к одному из своих приближенных. — а благодарственную молитву мы прочтем сами.

Папа поднялся, в сопровождении кардиналов и прелатов подошел к алтарю и сильным, звучным голосом произнес слова молитвы. Вслед за ним последовал и герцог Романьи, который по окончании молитвы попросил позволения кое-что пожертвовать в пользу церкви и высыпал из маленькой коробочки много драгоценных камней.

 Вот вполне королевский подарок! — восторженно воскликнул церковный казначей. — Какой прекрасный пример для других!

— Кард Великий давал больше. Вот если я получу корону на Западе, то буду поступать так же, как он. — смеясь, ответил Цезарь.

Пример действительно не остался без подражания. Жертвования

посыпались со всех сторон.

Альфонсо не переставал смотреть на Бруно, который с бледным, утомленным лицом, опираясь на плечо Биккоццо, спускался теперь с кафедры. Вдруг раздался удар, потрясший всю церковь до основания. В честь юбилейного праздника приказано было звонить в огромный старый колокол базилики. Внезапно язык этого колокола сорвался, и большой кусок железа полетел с высоты башни вниз, проломил потолок церкви и упал непосредственно к ногам папы, раздробив мрамор пола. Куски штукатурки с потолка и осколки мрамора осыпали папу и его приближенных.

Необыкновенная паника воцарилась среди присутствующих. Боялись, что рухнет все здание церкви; все заволновались, бросились к выходам, а тут еще распространился слух, что папа убит. Началось

настоящее столпотворение.

В первую же минуту происшествия Лукреция с криком оставила свое безопасное место, с громким, пронизывающим криком ужаса бросилась к своему отцу и упала в его объятия в бессознательном состоянии. Александр со свойственным лишь ему необыкновенным самообладанием положил на пол, у своих ног, бесчувственную дочь и, несмотря на то, что ожидал, что вот-вот разрушится весь храм, громким, спокойным голосом прочитал молитву. Услышав голос папы, толпа мгновенно затихла в торжественном молчании, и могучий "аминь", раздавшийся в конце молитвы, показал, что сердца молящихся бьются в унисон.

С невыразимой нежностью Александр поднял свою дочь, наконец очнувшуюся от обморока, и она покрыла слезами и поцелуями его руки. Альфонсо показалось, что из глаз папы тоже покатились слезы в ответ на излияния Лукреции. Пока приближенные Александра приносили ему поздравления по поводу чудесного избавления от опасности, Альфонсо вышел на середину храма и, скрытый толпой, громко произнес:

— Вершина церкви святого Петра стоит еще, но если ее сейчас же не укрепить и не перестроить всего здания, то скоро от нее останутся одни развалины. То же самое, верующие христиане, произойдет и с нами. Укрепим христианство, исправим его по заветам Великого Учителя, иначе оно превратится в руины.

— Это хорошо сказано! — воскликнул Цезарь. — Я считаю, что каждый из нас, кто сколько может, должен пожертвовать на восстановление храма святого Петра. Это было бы поистине христианским поступком. А пока, святой отец, успокойте сердца верных сынов церкви, покажитесь народу, собравшемуся на площади; нужно, чтобы все видели, что ваше святейшество милостью Божьей остались невредимы.

— Мы отправимся торжественной процессией в церковь Пресвятой Богородицы и принесем Царице Небесной благодарственную жертву, — сказал Александр немного утомленным голосом. — Успокойся, моя дорогая Лукреция! Орсини, помогите ей идти!

На площади раздалось радостное ликование толпы, когда она увидела папу во главе процессии, отправлявшейся к храму Пресвятой Девы. Альфонсо не последовал за процессией. Церковь быстро опустела, и рыцарь остался один, погруженный в свои мысли. Он думал о страстной любви Лукреции к отцу, о необыкновенном самообладании папы в такой страшный момент, о храбрости доминиканца, не побоявшегося пойти против папы и обвинить Орсини. Альфонсо только не мог понять, почему доминиканец так расхваливал его, между тем как должен был чувствовать ревность к нему. Монах видел, что Лукреция оказала предпочтение Альфонсо перед всеми другими. Вдруг его осенила мысль: он ясно понял, почему Бруно так превозносил его. Он хотел вызвать таким образом ненависть герцога Романьи к нему, принцу Альфонсо, и заставить его отомстить ему. Подняв голову, принц неожиданно увидел доминиканца, стоявшего рядом с Биккоццо у алтаря и рассматривавшего разбитую мраморную плиту. На лице Бруно выражалась бессильная бешеная злоба. Однако, заметив приближавшегося к нему рыцаря, он быстро овладел собой.

- Вы действительно, кажется, считаете свою жизнь скорее несчастьем, чем благом, иронически обратился Альфонсо к доминиканцу. По крайней мере своими неуместными похвалами по адресу лица, спасшего вам жизнь, вы привлекли ему врага, что, конечно, сделали умышленно.
- Да, я причинил тебе временное зло, согласился монах, а ты навеки сделал меня несчастным.
 - Я? удивленно воскликнул Альфонсо.
- Да, ты! В моей душе боролись два начала добро и зло. Добро победило. Но вот явился ты и зло воскресло с новой силой. Ты заставил меня отказаться от моей великой задачи. Ты второй, но еще более коварный Иуда. Я котел, продолжал с горькой улыбкой доминиканец, заставить всех собравшихся христиан сбросить с трона Родериго Борджиа, который при помощи дьявола и больших денег повелевает нами под именем Александра Шестого. Его поступки позорят Христа, представителем которого он является перед народом, бросают тень на всех христиан.
- Уведи своего господина отсюда, он сошел с ума! обратился Альфонсо к Биккоццо.
- Если бы он съел кусочек чего-нибудь, ему стало бы лучше; ведь в течение тридцати четырех часов у него во рту не было маковой росинки! озабоченно заметил Биккоццо.
- Я не голоден и не чувствую никаких физических мучений! возразил Бруно. Жгите меня на огне я не испытаю никакой боли; ведь мои душевные страдания так велики, что заглушают все на свете. Ты не должен сердиться на меня, рыцарь! Я спас тебя теперь же для тебя этот город будет самым страшным местом. Ты в большом подозрении у Цезаря, и если останешься здесь, то неминуемо погибнешь. Если же ты все-таки считаешь, что я виноват перед тобой, то приходи ко мне за возмездием.
- Объясните, чем я помешал вам исполнить свой план? спросил Альфонсо.
- Биккоццо скажет тебе, в чем дело! Я слаб, я устал, я погиб... я сам не знаю, что говорю, ответил доминиканец, шатаясь, и вдруг схватился за плечо Биккоццо, чтобы не упасть. Поведи меня к свету, Биккоццо! залепетал он. К свету, к свету! Здесь темнота навеки!

VI

На другой день после открытия юбилейных празднеств, — рано утром, чуть солнце успело взойти, — в замке святого Ангела сидели

в одной из комнат нижнего этажа двое мужчин. Свет с трудом проникал сквозь железные решетки окон этой комнаты. По стенам были развешены разные орудия пытки: для этой же цели к потолку были прикреплены крюки и кольца. Один из мужчин был бандит Джиованни, а другой — Мигуэлото.

 — Ла. мы упустили удобный случай. — проговорил последний. — но все-таки этот проклятый феррарец недолго просуществует!.. Пусть только герцог услышит то, что ты только что рассказал

мне. Ла вот он и сам идет!

В эту минуту в комнату вошел Цезарь Борджиа в длинном испанском плаще и мягкой шляпе, надвинутой на глаза. В этом костюме Цезаря нельзя было отличить от любого горожанина. Герцог так был погружен в свои мысли, что сначала не заметил присутствия бандита. Увидев Лжиованни, он отскочил назад и достал из-под плаща свое любимое оружие.

- Ваша светлость, здесь Джиованни; он просит позволения видеть вас! — сказал Мигуэлото, в то время как бандит кланялся до
- самой земли.
- Ах. это ты, честнейший Джиованни? Вот уж никак не ожидал. что увижу так рано в обществе Мигуэля нашего праведника! Ты ведь записался в праведники! — насмешливо проговорил Цезарь. — Хорошо, что ты вовремя заговорил. Мигуэль: ведь мой указательный палец уже нажимал пружину этой машинки; еще минута — и отравленная иголка попала бы в глаза Джиованни. Будь здесь двенадцать бандитов — все получили бы свою долю. — С этими словами герцог показал изящно сделанный шарик с воткнутыми в него отравленным иголками, которые при нажимании внутренней пружинки разлетались во все стороны. - Как видишь, праведный Джиованни, со мной шутки плохи. Однако что с тобой случилось? Почему твое лицо имеет такой вид, точно попало под пресс, которым выжимают виноград? Рассказывай всю правду, иначе тебе придется познакомиться вот с этими штуками, — прибавил Цезарь, указывая рукой на приспособления для пыток.

У бандита не было основания скрывать истину, и он подробно из-

ложил все происшедшее с ним.

— Ла. тебе не повезло, но это могло случиться со всяким! — за-

думчиво ответил Цезарь.

— Но вашего шпиона, синьор, Джиованни благополучно доставил в замок Орсини! - проговорил дон Мигуэль, желавший задобрить Цезаря.

- Да, но, вместо того чтобы слегка ранить, он перерезал ему горло, как барану. Впрочем, тем лучше: Орсини будут ему еще больше доверять. Ну, спасенная душа, - насмешливо обратился герцог к бандиту, — какое же у тебя чувство по отношению к рыцарю, так разукрасившему тебя? Собираешься ли ты мстить ему или чувствуешь к нему благодарность? А что поделывает монах?

— Отец Бруно — святой человек; я никогда не подниму на него

руку, — торжественно заявил браво.

— Неужели? В таком случае он очень опасен! Впрочем, после того, что он говорил вчера по поводу брака Лукреции, его можно еще подержать на земле. Мяуканье кошки действует на нервы, но если она охраняет сало от нападения мышей, то с этим еще можно примириться. Нет, теперь я имею в виду не монаха, а того иоаннита.

— Если вашей светлости угодно, чтобы я наказал его за то, что он вмешивается не в свое дело, я к вашим услугам. Но я не возьму с вас ничего за это, так как и сам жажду разделаться с ним! — мрач-

но ответил бандит.

— Поэтому-то я и позвал тебя. Послушай, Джиованни, никто не смеет коснуться ни одного волоса на его голове; кто тронет его, тот погибнет в страшных мучениях пытки. Запомни это хорошенько и держи язык за зубами. Мигуэль, дай ему вдвое больше того, что ему обещано, и пусть он убирается отсюда!

Мигуэль низко поклонился; браво последовал его примеру, после чего оба вышли со смушенными, недоумевающими лицами.

Цезарь улыбнулся над их смущением и поднялся по темной лестнице на одну из башен замка.

Сидя в амбразуре окна, Фиамма задумчиво смотрела на небо, подперев голову руками. У ее ног дремали легавые собаки Цезаря.

Герцог неслышными шагами вошел в комнату; собаки подняли головы и, узнав хозяина, продолжали мирно дремать.

Фиамма так задумалась, что заметила присутствие Цезаря лишь тогда, когда он, склонившись на одно колено, потянул ее руку к своим губам. Лицо молодой женщины прояснилось, когда она увидела своего возлюбленного.

- Вот, дорогая, как рано я пришел к тебе, бросив свою супругу, которой ты так завидуешь, проговорил Цезарь, нежно обнимая Фиамму. Ну что, обдумала ты мое предложение, согласна взять на себя предложенную мною роль?
- Ты знаешь, Цезарь, что у меня нет своей воли; я твоя раба и делаю все, что ты прикажешь мне. Я так глубоко-глубоко опустилась, что сама презираю себя, не чувствую к себе даже жалости. Но говори, говори, мой милый, дай мне возможность забыться. Твои слова звучат для меня, как отдаленная райская музыка.
- Скажи, что ты любишь меня. Раньше это слово не сходило с твоих уст, нежно заметил Цезарь. А теперь, теперь ты не любишь меня!
- О, если бы я не любила тебя, Цезарь, мы никогда больше не увиделись бы с тобой!
- Отчего же ты колеблешься, не решаешься помочь мне? Ведь ты видишь, как шатко мое положение! с укоризной проговорил Цезарь. Может быть, и ты была союзницей Орсини и желала моей гибели?

— Я — союзница Орсини? Боже меня упаси! — воскликнула Фиамма. — Я только не могу понять, почему ты требуешь, чтобы я, изображая твою сестру, играла роль развратной женщины!

— Но ведь это карнавальная шутка! Притом ты изобразишь Лукрецию именно такой, какая она есть на самом деле. Ты ничем не погрешишь против нее. Ведь вся Италия знает, что она за женщина, лаже ее самые горячие поклонники.

— Ну, мало ли что говорят, Цезарь!.. Если верить всему, то ведь можно с ума сойти от ужаса! — ответила Фиамма и так взглянула

на герцога, что даже он вздрогнул.

- Если тебе не нравится выступать в роли моей сестры, то не нужно; я придумал для тебя нечто другое. Так как ты хороша, несравненно хороша, то ты будешь принимать главарей черной банды, которых я приглашу на интимный ужин. Я представлю тебя этим веселым молодцам в качестве жены Мигуэля, а он сам, конечно, ничего не должен знать об этом. Отчего ты смотришь на меня с таким ужасом?
- Прости меня, но я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что я такое! воскликнула Фиамма, гневно сжимая губы. Я все вспоминаю старое.
- Господи, на что же я могу рассчитывать, если даже люди, любящие меня, не хотят ни в чем помочь мне! с грустью проговорил Цезарь. Ведь я прошу у тебя такой пустяк! Сказать несколько любезных слов на карнавале вот и все. Но, конечно, если ты считаешь это унизительным для себя, то ничего не нужно! А я-то дурак! Я так надеялся, что ты согласишься сделать мне удовольствие, что заказал для тебя костюм феи Морганы, блестящий от бриллиантов, сотканный из золотой паутины. Я сам хотел сопровождать тебя в маске черного невольника, в виде эмблемы, как выражения поклонения твоей красоте!
- О, если ты любишь меня, то, конечно, я сделаю все, что тебе угодно! воскликнула вдруг Фиамма. Если от этого зависит твое спокойствие, то я возьму на себя роль твоей сестры, в каком бы виде я ни должна была изобразить ее!
- Ты должна будешь направить все свои чары только на одного. Тебе, может быть, рассказывал Мигуэль о странном иоанните, человеке твердом и холодном, как мрамор. Он все время преследует нас, точно послан свыше для того, чтобы уничтожить всю семью Борджиа.
- Я слышала, что он отказался быть рыцарем Лукреции! ответила Фиамма.
- Такой красавицы, признанной всем светом! прибавил герцог. А она так горячо просила его об этом, позабыв всякую осторожность!.. Недаром говорится, что холодная монахиня, отвергающая любовь мужчины, может заставить позабыть тысячу любящих женщин.

- Мне, вероятно, придется испытать на себе эту поговорку!
- Никогда, никогда, моя дорогая, пока ты сама не разлюбишь меня! горячо воскликнул Цезарь. Но вернемся к Лукреции. Она создана для радости; как цветок без солнца, она не может существовать без любви; колод убивает ее, и потому нужно направить все силы на то, чтобы заставить иоаннита заинтересоваться ею. Когда у Лукреции является любовный каприз, она никого и ничего не слушает, и даже увещевания отца не имеют для нее тогда значения. Для меня очень важно, чтобы Орсини верили в мое расположение к ним и в желание содействовать им в браке Паоло. Я действительно буду убежден, что Лукреция ни за что не согласится быть женой Паоло, а это случится при ее увлечении иоаннитом.
- Но если Лукреция все еще так хороша, как была раньше, то ее любовь недолго будет безнадежна.
- О, ты так думаешь потому, что не видела этого ледяного иоаннита! весело воскликнул Цезарь. Во всяком случае, я должен хорошенько узнать, что он за человек, прежде чем использовать его для своей цели. Ты так прекрасно воспринимаешь и передаешь чужие голоса и манеры, что тебя нетрудно будет принять за Лукрецию. Желание моей сестры быть незаметной среди других масок очень облегчает нам исполнение моего плана. Кроме того, нужно будет посмотреть, нельзя ли извлечь пользу от соперничества этого рыцаря с его братом по оружию, английским рыцарем, сиром Реджинальдом, который так глазеет на Лукрецию, точно никогда в жизни не встречал ни одной женщины. Однако мне надо послать за твоим костюмом, а также позаботиться о своем. Мы так заболтались, что не заметили, как прошло время, закончил Цезарь и обнял просиявщую от счастья молодую женщину.

VII

Орсини и их знатные гости были заняты приготовлениями к карнавалу; они собирались устроить торжественное шествие в масках, которое должно было сопровождать Лукрецию. Паоло рассчитывал заслужить расположение Лукреции и старался все устроить согласно вкусу красавицы; но незадолго до начала карнавала явился посланный от Лукреции и заявил, что она отказывается от эскорта. Разочарование Орсини было очень велико, но Паоло несколько успокоился, когда посланный прибавил, что Лукреция надеется, что он узнает ее, в какой бы маске они ни была, так как любовь всегда найдет объект своей страсти.

Решено было, что Лебофор будет изображать веселого Ланселота, а Паоло — меланхолического влюбленного Тристана. Герцог Гравина взял на себя роль короля Артура, а Урбино — колдуна Мерлина. Вителлоццо непременно хотел быть великаном-язычником; эта роль давала ему возможность быть вооруженным, а без оружия он чувствовал себя не совсем спокойно в Риме.

Маскарад начался в полдень. Альфонсо блуждал по улицам, украшенным флагами и коврами, и сам не знал, куда он собственно идет. Из окон домов раздавались смех и музыка. Толпа принимала Альфонсо за ряженого, она думала, что рыцарь нарядился в монашеский костюм из-за карнавала, и все время приставала к нему. То его окружали дьяволы с факелами в руках и просили у него благословения для того, чтобы отправиться в преисподнюю, подальше от христианского ликования. То он попадал в объятия бородатой великанши-дамы, которая оказывалась немецким солдатом, и т. д. Феи, сатиры, фавны, всевозможные языческие божества на каждом шагу попадались навстречу иоанниту. Тут же на улице давались представления; большей частью изображались сцены из быта отдельных местностей и их нравы. Разные провинции соперничали друг с другом в изобретательности и щегольстве костюмов. Но пальму первенства одержали римляне.

Во время своего странствования Альфонсо встретил маскарадное шествие Орсини, привлекшее к себе его внимание. На блестящих на солние флагах были разрисованы Рафаэлем Санцио романтические сцены. Роскошные костюмы рыцарей, необыкновенно дорогое убранство лошадей вызывали всеобщее удивление. В серебряной, убранной розами, колеснице, в которую была впряжена белая, как снег, шестерка лошадей, сидел Амур, вооруженный луком и стрелами. Как только колесница останавливалась, вокруг нее начинали плясать богини Времени, дочери Зевса и Фемиды, связанные между собой цепью из роз. Непосредственно за колесницей выступал бог отверженной любви, окруженный "Ревностью", "Гневом", "Страданием" и "Ненавистью,.. Все эти чувства воплощались в образе женщин в костюмах мрачных красок. Вслед за этой процессией шла "Правда", измученная, в платье, пропитанном водой, как бы от слез. "Правда" не отвечала на вопросы и только печально покачивала головой. Альфонсо почувствовал укол в сердце, когда увидел процессию, ясно намекавшую на поведение дочери папы. На носилках сидела восковая фигура, очень напоминавшая собой Лукрецию; ее окружало большое количество кардиналов в масках; они проповедовали народу о любви, предлагая ему брать примеры с главы церкви и его семьи. Непосредственно за этой процессией, извиваясь во все стороны, двигалась маленькая фигурка, изображавшая наполовину змею, наполовину жабу. Весь ее костюм состоял из длинных языков с надписью "Клевета. Клевета". Фигурка все время изрекала фразы, позорящие папу, его семью и весь двор. Альфонсо сейчас же узнал в образе змеи маленького портного Паскино.

Погруженный в свои мысли Альфонсо не заметил, как очутился на главной улице. Он не обращал внимания на встречающиеся маски и процессии, как вдруг его остановил какой-то необыкновенный шум. Перед ним проходил кортеж, состоявший из многочисленных лиц, одетых в роскошные восточные костюмы; все они играли на

тамбуринах, цимбалах и барабанах. За ними ехала дама, одетая в блестящее платье и изображавшая фею Моргану. Она сидела на спине слона, убранного золотом и пурпурной тканью; все ее платье было усыпано бриллиантами, точно каплями росы. Огромнейший тюрбан скрывал ее волосы; маска не давала возможности видеть лицо интересной незнакомки.

— Да здравствует Моргана! — кричали со всех сторон.

По-видимому, фея была очень остроумна, так как вслед за каждым ее словом раздавались смех и аплодисменты. Возле нее стояли корзины цветов и конфет, и она бросала их горстями в толпу. Иногда она произносила фразы на каком-то восточном языке, но, вслушавшись в ее слова, можно было понять, что она говорит по-итальянски и только переделывает окончания слов. Слона вел на палке, украшенной жемчугом, какой-то потомок Магомета; об этом можно было судить по его восточному костюму, представлявшему собой образец царственной роскоши. На его лице была маска негра. Он разгонял обнаженным мечом всех, кто осмеливался ближе подойти к фее Моргане.

Альфонсо хотел пройти мимо этой процессии, так же мало интересуясь ею, как и всеми другими, но вдруг вспомнил, что в Италии был лишь один слон, подарок султана, принадлежавший папе. Желание узнать, кто скрывается под маской феи, было так велико, что Альфонсо пробрался через толпу и очутился возле негра. Увидев рыцаря, он радостно вскрикнул и тихо сказал несколько слов Моргане. Фея сделала знак остановиться; вся процессия замерла на месте, а Моргана подозвала к себе Альфонсо.

- Что вам угодно, милостивая фея? - спросил рыцарь.

— Это я должна спросить вас, победитель буйвола, что вам угодно от меня? — мелодичным голосом сирены спросила Моргана. — Я — фея Моргана и могу доставить каждому человеку то, чего он желает, например солдату — военную славу, священнику — духовную власть, поэту — бессмертие. Чего же ты желаешь, рыцарь?

- Нет, не скажу! Ты, фея, так же коварна, как волны твоего дворца. Они заманчивы, изумрудно-блестящи снаружи, а стоит лишь погрузиться в них, как увидишь черную пропасть под собой и пойдешь ко дну. Беда тому человеку, который доверится им! Но раз ты хочешь помочь мне, то скажу тебе, что я ищу одно лицо и вместе с тем не хотел бы найти его.
- Тогда поезжай со мной! Я приехала сюда из страны, где все устроено не так, как здесь. Там мужчины застенчивы и робки, а женщины держат себя свободно. Я хочу набрать в Риме гарем для себя и ищу красивых, нравственных мужчин. Мне кажется, что ты мог бы занимать в моем гареме первое место. Садись на слона и поезжай со мной! Смотри, он уже сам склонился пред тобой.

Огромное животное, подчиняясь палке негра, действительно опустилось на колена.

- Нет, королева, в твоем королевстве все слишком необычно, и потому я не решаюсь сопровождать тебя. Даже Цирцея сначала превращала человека в свинью, а уж потом загоняла его в хлев, возразил рыцарь. Кроме того, из твоего гарема таинственно исчезало столько людей, что носятся слухи, будто ты держишь у себя змею, убивающую твоих возлюбленных.
 - Я до сих пор никого не любила! проговорила фея.
- Тем хуже! Следовательно, у тебя нет никакого оправдания для твоего поведения. Можно еще извинить некрасивые поступки, если их совершают вследствие безумной любви, а тобой руководит лишь животное, скотское чувство, резко сказал рыцарь. Иди своей дорогой, а я пойду своей!

Толпа зааплодировала, думая, что рыцарь играет роль и выдер-

живает ее до конца.

- В таком случае я поищу кого-нибудь, кто менее мудр и более счастлив, чем ты, весело засмеялась фея. Другой не откажется выпить чашу радости, несмотря на то, что губы других прикасались к ней. Пожалуйста, пошли ко мне своего друга, красивого английского рыцаря! Я уверена, что он не откажется занять предложенное тебе место.
- Хорошо, постараюсь найти его поскорее, чтобы ты не думала, что я завидую ему, ответил Альфонсо и, рассерженный, направился к смеющейся толпе.

Тотчас же процессия двинулась вперед. Альфонсо был доволен, что ушел от опасной женщины, но не успел сделать и десять шагов, как почувствовал, что кто-то потянул его сзади за плащ. Он оглянулся и увидел негра.

- Для того чтобы вы, синьор, охотнее исполнили поручение королевы относительно английского рыцаря, она посылает вам этот браслет с медальоном, проговорил негр, подавая Альфонсо дорогой браслет, на медальоне которого была изображена Лукреция, жена Тарквиния, закалывающаяся мечом.
 - Что это означает? воскликнул Альфонсо.

 Каждая медаль имеет свою оборотную сторону, — ответил негр, а затем нажал пружинку.

Крышка медальона отскочила, и Альфонсо увидел чудный портрет

Лукреции Борджиа.

— Я передам этот портрет, а также поручение вашей госпожи английскому рыцарю, — проговорил Альфонсо с искусственным спокойствием. — Пойдите и сообщите ей мои слова.

После этого он пошел назад прямо по тому направлению, где встретил недавно торжественное шествие любви. К величайшему своему удивлению, он сейчас же увидел Реджинальда, который ехал один, без маски, и зорко всматривался в каждую группу.

Альфонсо собрал всю силу воли и спокойно спросил английского

рыцаря, что означает его одиночество.

- Мы нигде не можем найти донну Лукрецию, ответил англичанин, и потому решили разойтись и искать ее по всем улицам.
- Ну, сэр Ланселот, тебе повезло и на этот раз так же, как и всегда! заметил Альфонсо и рассказал Лебофору о своей встрече с Лукрецией, а также о ее поручении. Заметив краску, разлившуюся по лицу англичанина, он прибавил: Торопись, торопись, пока тебя не заместил другой; ведь ты один из многих.
- Если бы мне пришлось перескочить через пропасть, чтобы найти донну Лукрецию, я и тогда не задумался бы ни на минуту! живо воскликнул Реджинальд.
- А ты не уведомишь своего друга Орсини о счастливой находке, чтобы он мог сопровождать тебя к твоей даме?
- Нет, дон Альфонсо, настоящий рыцарь не должен терять ни минуты для исполнения желания своей дамы, возразил Лебофор. Может быть, она не желает, чтобы ее узнали, а может быть, хочет дать мне какое-нибудь поручение, о котором никто не должен знать. Ну, прощай, товарищ по оружию, и никогда не бойся утонуть в стакане воды! иронически прибавил он, а затем, пришпорив лошадь, помчался во весь дух по направлению, указанному ему Альфонсо.

Трудно передать ту смесь чувств, которую испытывал Альфонсо, глядя вслед умчавшемуся товарищу. Сострадание, гнев, презрение и ревность настолько поглотили его, что он не видел и не слышал, что делалось вокруг. Страшный цербер почти касался своей головой лица рыцаря, но тот не замечал его. Огромная лягушка загородила ему дорогу, спрашивая о чем-то, но Альфонсо не отвечал на вопросы. Фурии скакали перед ним, сирены манили к себе своими чарующими голосами, но все было напрасно. Альфонсо равнодушно взглянул на многоголовую гидру, протягивавшую к нему свои головы, и с трудом сообразил, что гидра представляет собой самого папу Александра Шестого. Покидая Корсо, Альфонсо встретил прелестную, стройную сицилианку, которая грациозно танцевала, держа над своей головой тамбурин. Она поманила к себе рыцаря, но Альфонсо прошел мимо и скоро очутился на Капитолийской площади.

VIII

На Капитолийской площади было сравнительно тихо и малолюдно. Сюда главным образом направлялись те, кого утомил шум Корсо и кто хотел подышать воздухом, сняв маску. День склонялся к вечеру. У палаток, где продавались сласти, фрукты и прохладительные напитки, собирались группы народа, весело разговаривавшего и смеявшегося. Тут же импровизировались стихи, составлялись эпиграммы, вызывавшие споры, иногда даже и драку. Римская знать прогуливалась отдельно взад и вперед по площади, держа в руках маски и тихо беседуя между собой.

Страшно возбужденный и взволнованный Альфонсо сел у самого ролника, и мирный плеск волы постепенно успокоил его напряженные нервы. Он с горечью подумал о событиях прожитого дня. В его прямом характере не было и следа фатовства, тем не менее он не мог не сознаться, что во взорах Лукреции, устремленных на него. было более горячее чувство, чем простая благодарность за спасение от большой опасности. Смедое поведение феи Морганы подтверждало все слухи, которые распространялись о Лукреции. Альфонсо невольно вспомнил намек Цезаря об отношении сестры к духовнику и теперь не сомневался, что в этом намеке была правда; подобная Мессалина, наверно, не брезгала никем. Мучительное покаяние отца Бруно тоже могло служить доказательством, что он питал к своей духовной дочери весьма грешные чувства. Альфонсо жалел теперь. что не принял приглашения феи Морганы, которая была не кем иным, как Лукрецией. Он должен был воспользоваться случаем и доказать развратной женщине всю неприглядность ее поступков. Следовало унизить ее, наполнить ее душу стыдом, а затем с презрением отвернуться от нее.

Звуки тамбурина вывели Альфонсо из задумчивости. Он поднял голову и только теперь заметил, что возле родника собралась многолюдная толпа. В центре группы находились какая-то старуха и двое вооруженных полудиких калабрийцев, по-видимому распоряжавшихся уличным представлением. Возле них стояла молодая сицилианка, в которой Альфонсо узнал танцовщицу, встретившуюся с ним на Корсо. По-видимому, она принадлежала к распутным женщинам, которым под страхом самого строгого наказания было запрещено появляться во время христианских праздников с открытыми лицами, вероятно, с целью оградить богомольцев от соблазнов красоты. Безобразная маска скрывала лицо танцовщицы, но ее стройная фигурка с прекрасными линиями тела приводила в восхищение всех, кто видел эту сицилийскую девушку. Может быть, потому, что Альфонсо думал о Лукреции, ему теперь показалось, что формы тела танцовшицы очень напоминают фигуру Лукреции, причем они более мягки, женственны, чем у феи Морганы.

Смотря на сицилианку, принц не мог не заметить, что молодая девушка не спускает с него взора, который блестел сквозь разрезы безобразной зеленой маски, напоминавшей своим цветом и фасоном незрелую дыню.

По-видимому, внимание рыцаря доставило удовольствие танцовщице. Она отделилась от своей компании и быстро подошла к Альфонсо.

— Сегодня праздник, святой рыцарь, — проговорила она нежным голосом, который как музыка прозвучал в ушах Альфонсо, — не удостоите ли вы по этому случаю протанцевать тарантеллу с грешной сицилианкой?

— Я не ряженый, как ты, вероятно, думаешь, маска, — от пил принц. — мне не полобает в этой одежде танцевать с тобой.

— Ну, может быть, моя музыка развеселит вас! — заметила молодая девушка и окинула взглядом собравшуюся толпу, среди которой находилась и жаба, изображавшая собой клевету. Сзади жабы стояли монах и сатана. — Моя музыка поднимает на ноги мертвых, — продолжала сицилианка, — она должна расшевелить и тебя, несмотря на то, что в твоей душе погасли чувства радости и любви. Мать, дай мне мандолину!

Танцовщица повесила тамбурин на тонкой серебряной цепочке себе на плечо, взяла из рук старухи мандолину и запела необыкновенно красивым, мелодичным голосом любовный романс, в котором слышались и грусть неразделенной любви, и могучая страсть,

и призыв к блаженству.

Чистый серебристый голос певицы сразу овладел вниманием Альфонсо. Он подумал, что, наверно, так поет Лукреция, у которой был совершенно такой же серебристый голос.

— Неужели ты думаешь, милая певунья, что твоя песенка может внушить мне нежные чувства, навеять любовь? — насмешливо

спросил он.

— Да, я вижу, что тебя трудно пронять, — смеясь, ответила танцовщица, — но все же я до тех пор не остановлюсь, пока не достигну своей цели.

Молодая девушка снова запела, произнося страстные слова любви. Во всей ее фигуре и вкрадчивой нежности голоса было столько чарующей прелести, что Альфонсо почувствовал, как усиленно забилось его сердце и голова пошла кругом; он вскочил с места и протянул руки к певице, чтобы обнять ее.

- Нет, нет, остановила его молодая девушка, ты забыл, рыцарь, что принадлежишь к ордену иоаннитов, хотя сам только что сказал мне это. Во всяком случае, я вижу, что мое пение имеет успех. Я могу научить тебя многому, мой гордый рыцарь! смеясь, прибавила певица.
- Но прежде всего сними свою маску. Я не понимаю, зачем ты вообще носишь ее? проговорил Альфонсо.
- Чтобы доставить удовольствие монсиньору кардиналу Сиенскому! серьезно-почтительным тоном ответила танцовщица, чем вызвала громкий смех среди собравшейся публики.

Молодая девушка отложила мандолину в сторону и, ударяя в свой тамбурин, весело запела:

В дни веселья карнавала, Чтоб монахов не смущать, Нам приказ от кардинала Маской лица закрывать.

Последние слова она произнесла так горячо, что Альфонсо еще больше заинтересовался очаровательной незнакомкой.

— Я верю этому, верю! — воскликнул он, с восхищением глядя на певицу.

— Дело идет хорошо! — проговорил стоявший вблизи черт. — Что там поют эти проклятые? Какие-то псалмы?

— Да это доминиканец затянул было "Laudamus" *, но слова за-

стряли у него в глотке! — ответила жаба.

Скажи, что тебе нужно от меня? — обратился Альфонсо к певице.

- Ах, сказать ему хочу, что его я так люблю! запела молодая девущка вместо ответа.
- Эту песню ты, верно, поешь всем, кто только подойдет к тебе? — проговорил Альфонсо, видимо, взволнованный. — Однако куда же ты направляешься? Почему уходишь от меня?
- Если ты не хочешь танцевать со мной, то я должна поискать кого-нибудь другого! ответила танцовщица. Моя мать и так уже недовольна.
- Ты знаешь, тарантула танцует, когда ее ужалит ядовитая пчела. Поцелуй меня, красивая змейка! Может быть, я тоже сойду с ума и пойду танцевать с тобой.
- У нас, в Сицилии, не принято, чтобы мужчины ждали, когда красавица подарит им поцелуй. Обыкновенно они сами берут его! лукаво возразила певица.
- В таком случае я должен подражать их примеру! воскликнул Альфонсо и бросился к молодой девушке.

Однако она грациозно отскочила на несколько шагов, а затем начала кружиться вокруг него, то маня его к себе, то ловко ускользая от протянутых рук.

Рыцарь не оставлял своего намерения поймать молодую девушку. и, следуя за нею, невольно исполнял фигуру танца. Громкий смех толпы, следившей за каждым движением танцовщицы и рыцаря в монашеском одеянии, несколько отрезвил Альфонсо. Он подумал о том, какой комичный вид должен представлять собой, но решил до конца исполнить свою роль. Делая вид, что он танцует этот "танец любви" по всем правилам искусства, он вдруг остановился, как бы утомленный борьбой. Танцовщица приблизилась к нему, выражая жестами отчаяние, надежду и страстную любовь. Тогда он. как бы в порыве раскаяния, опустился на колени, а она кружилась вокруг него, точно бабочка вокруг цветка. Смотревшая на этот танец толпа не могла сдержать крик восторга. Альфонсо с большим трудом подавлял свое желание схватить молодую девушку в объятия; его сердце так усиленно билось, что казалось, этот стук слышен на расстоянии. Круг зрителей все сужался, и танцовщица все ближе и ближе подходила к рыцарю. Наконец наступил давно ожидаемый им момент. Молодая девушка сделала полукруг руками над самой головой своего кавалера, после чего он должен был, по правилам фигуры, подняться с колен и продолжать танец, но вместо этого Альфонсо

^{*&}quot;Хвалимте Господа".

охватил дрожащей рукой стройный стан танцовщицы и крепко сжал ее в своих объятиях.

- У нас не одинаковые условия во время танцев, а это не голится. — проговорил он: — ты видишь мое лицо, а я твоего не вижу. Сними маску! Во-первых, я хочу убедиться, существуют ли на свете две женщины с такой фигурой, а во-вторых, ты должна быть наказана за то, что соблазняещь иоаннита, и это отучит тебя на булушее искушать людей, посвятивших себя службе Господней.

С последними словами Альфонсо так сильно прижал одной рукой к своей груди танцовшицу, что та слегка вскрикнула, а другой хотел

снять маску с ее лица.

Мать Фаустина, на помощь! — закричала испуганная танцов-

шица. — Карнавал, карнавал!

Старуха с двумя калабрийцами бросилась к ней. Толпа тоже закричала "Карнавал, карнавал!" и устремилась освобождать молодую левушку.

 Ради Бога, остановитесь, успокойтесь! — обратилась девушка к толпе, по-видимому, боясь, чтобы рыцарь не пострадал. — Мне не нужна защита... Отпустите меня, благородный рыцарь! — прошептала она Альфонсо. — Я право не та, кем вам кажусь; если меня узнают — я погибну. Я принадлежу к числу фрейлин донны Лукреции и затеяла всю эту маскарадную шутку только для того, чтобы vзнать, всех ли женщин вы так ненавидите, как мою госпожу.

— Значит, ты похитила всю соблазнительную прелесть своей госпожи. — таким же шепотом ответил принц Альфонсо. — Но этого не может быть! Я непременно должен удостовериться, что ты —

не она!

- Пощадите меня, дорогой рыцарь. Вы знаете, что я совершу большой проступок против церкви, если явлюсь среди публики без этой ужасной маски. — продолжала просить танцовщица, стараясь освободиться из рук Альфонсо.

— Если ты действительно не донна Лукреция, то я буду любить тебя больше всех женщин в мире и докажу этим, что ненавижу не весь прекрасный пол. Да, впрочем, это верно, ты — не Лукреция.

Вот тащится сюда она, эта дьявольская фея Моргана.

Слегка опустив руки, но все еще держа в них молодую девушку, Альфонсо с большим смущением смотрел по направлению Корсо, откуда показалась процессия феи Морганы.

— Вот видите, я вовсе не та, за которую вы меня принимали! —

воскликнула танцовщица, дрожа всем телом.

- Пусти сейчас девушку! Как ты, служитель церкви, осмеливаешься нарушать распоряжение кардинала? — раздался чей-то хриплый голос, и кулак опустился на плечо Альфонсо.

Рыцарь оглянулся и узнал отца Бруно, который смотрел на него с выражением бешеной злобы.

— Теперь наступила моя очередь освобождать девушек от дерзкого нападения! — проговорил человек высокого роста в позолоченном чешуйчатом костюме, в котором Альфонсо узнал Оливеротто да Фермо.

— Монах, остановите этого господина, он, кажется, ваш товарищ, а не то я сделаю то, что хотел сделать третьего дня, то есть сделаю этого мерзавца невредимым! — воскликнул Альфонсо, вынимая од-

ной рукой меч, а другой продолжая держать танцовщицу.

— Тише, Оливеротто! Ведь это не замаскированный, а настоящий рыцарь Гроба Господня, — проговорил монах, силясь оттащить своего спутника в сторону. — Отпустите эту женщину, мой сын, ведь вы нарушаете приказ кардинала! — мягко сказал монах, обращаясь к Альфонсо.

- Я хочу только наказать ее за то, что она пыталась осквернить мой священный сан, — ответил несколько смущенно рыцарь. — Я думаю, что следует снять с нее маску.
- Батюшка, я должен отомстить ему за те синяки, которые у меня до сих пор болят, и освободить танцовщицу! воскликнул Оливеротто.

Толпа принимала участие в этих переговорах, становясь то на сто-

рону рыцаря, то на сторону Оливеротто.

- Рыцарь, прошу тебя, отпусти меня! Клянусь, что ты увидишь мое лицо без маски, прошептала молодая девушка умоляющим голосом. Я ни за что на свете не хочу, чтобы тот монах узнал меня.
- Чем же ты поклянешься мне? спросил Альфонсо. Твоя клятва должна быть настолько крепкой, чтобы даже Лукреция не могла заставить тебя нарушить ее.
- Клянусь тебе своим страстным желанием снова встретиться с тобой! — ответила танцовщица, смотря на Альфонсо блестящими глазами.
 - Скажи же, когда и где я могу видеть тебя?
- Будь через три часа у ворот Сан-Себастиано; мать Фаустина проводит тебя в мою квартиру через грот Эгерии.

— Через грот Эгерии? — с удивлением воскликнул рыцарь. —

Но ведь он находится в садах Лукреции Борджиа.

— Да; все любимицы донны Лукреции имеют ключ для свободного прохода; так как и я принадлежу к числу любимиц, то и у меня есть ключ. Не бойтесь встретиться сегодня вечером с моей госпожой, она будет совсем в другом месте, можете быть в этом вполне уверены.

В эту минуту раздался крик толпы, тщетно старавшейся удержать Оливеротто от нападения на рыцаря. Альфонсо оглянулся и выпустил из рук молодую девушку. Однако вместо того, чтобы воспользоваться своей свободой, как можно было ожидать, сицилианка подошла к монаху Бруно и заговорила с ним каким-то странным,

измененным голосом. Молодая девушка просила его во имя Бога и закона юбилейного торжества не допускать драки между Оливеротто и рыцарем.

— Ну, негодяй да Фермо, достань себе оружие, и мы посмотрим,

чья возьмет! — воскликнул Альфонсо, размахивая мечом.

— Берегитесь, берегитесь, сюда идет Лукреция со всей своей свитой!— просила танцовщица каким-то странным, грубым голосом. — Ради Бога, ради папы и святой церкви не деритесь, не ссорьтесь!

— Да, это — донна Лукреция. Тем лучше!.. Будет одним свидетелем больше. Пусть все видят, как достойно ты будешь наказан,

убийца! — воскликнул Альфонсо, не опуская своего меча.

— Как? Разве Лукреция там, в той процессии? — удивленно спросил монах и ревниво взглянул на Лебофора, сидевшего с феей Морганой на спине слона.

Вся семья Орсини, окруженная многочисленной свитой, сопровождала фею. Оглушительная музыка покрыла собой весь шум праздничной толпы. Монах пошел вперед, навстречу процессии, а быстроногая танцовщица незаметно скрылась.

Оливеротто несколько испуганно посмотрел на приближавшееся

шествие, а затем крикнул иоанниту:

— Раз ты знаешь, кто я такой, то тебе нетрудно будет найти меня, и при следующем свидании мы посчитаемся друг с другом, а теперь у меня нет ни малейшего желания встретиться с этой толпой Борджиа. Впрочем, моя цель достигнута — девушка убежала! Прощай!

Оливеротто удалился, и Альфонсо отнесся к этому спокойно: его гораздо более интересовал вопрос, куда скрылась танцовщица со сво-ими спутниками, чем удастся ли ему еще раз встретиться с да Фермо или нет. Бруно тоже расспрашивал толпу, в какую сторону ушла молодая девушка, и, не получив ответа на свой вопрос, отправился поспешно вслед за процессией феи Морганы.

IX

- О, какое сокровище, синьор, вы потеряли из-за ссоры!.. Вас можно утешить только тем, что уже не в первый раз Марс пугает Венеру, проговорил черт, заметив, что Альфонсо ищет в толпе скрывшуюся танцовщицу.
- Говорят, что от черта можно узнать правду, но я до последней минуты сомневался в этом, улыбаясь, ответил Альфонсо. Если не ошибаюсь, я имею честь видеть перед собой синьора Никколо из Флоренции?
 - Именно его! ответил черт, снимая свою маску.
- Встречали ли вы когда-нибудь эту танцовщицу? Слыхали ли что-нибудь о ней! с беспокойством спросил рыцарь.
- Вам следовало расспросить меня раньше, чем я снял маску! возразил Макиавелли, весело смеясь. Хотя мне кажется, что я уже видел ее когда-то, но совершенно не помню, когда и где.

— Представьте себе, что и мне кажется то же самое! — воскликнул Альфонсо. — А заметили вы великолепное шествие донны Лукреции, которая замаскировалась феей Морганой? Право, я считаю ее настоящей колдуньей и готов присягнуть, что она одновременно была в двух разных местах.

— Которая же это — фея Моргана? Та, что сидела рядом с нашим попутчиком сиром Реджинальдом? Вот настоящий Адонис для современной Венеры! — воскликнул Макиавелли. — Я видел их; они сидели на спине слона и ворковали, как голуби. У него прямо

поразительное счастье.

— Мне кажется... нет, я даже почти уверен, что фея Моргана во-

все не Лукреция! — быстро проговорил Альфонсо.

— Я могу судить об этом только по вашим словам! — улыбаясь, заметил Макиавелли. — Но если это действительно была она, то я больше завидую сиру Реджинальду, чем ангелам на небесах.

А я предпочел бы находиться среди вашей свиты, синьор сатана,
 проговорила жаба, вмешиваясь в разговор.
 Даже в пре-

исподней прохладнее, чем рядом с донной Лукрецией.

 Ну, "Клевета", говори все самое худшее, что ты можешь сказать о Лукреции Борджиа. Мы так настроены, что готовы всякую

ложь принять за правду, - воскликнул Альфонсо.

— Самое худшее для нее было бы самое лучшее для другой, — глубокомысленно заметила жаба. — Ее добродетель безгранична, в этом и состоит ее несчастье. Она только слишком послушная дочь и слишком нежная сестра; кроме того, как чистая христианка, она старается любить всех своих ближних.

— Берегись, жаба, как бы тебе не вырвали язык! — сказал Ма-

киавелли.

Тогда я удовольствуюсь одними глазами, — возразила "Клевета". — Однако пойду лучше туда, где более оценят мои речи.

Здесь мне уделяют мало внимания, рыцарь спит стоя.

Альфонсо действительно так был погружен в свои мысли, что не слышал слов жабы. Он никак не мог решить, кого изображала Лукреция — фею ли Моргану или танцовщицу. Последнее казалось маловероятным; трудно было предположить, что знатная дама решится странствовать среди толпы в маске распутницы. Макиавелли простился с Альфонсо, чтобы погулять еще по улицам, и рыцарь был предоставлен самому себе. Он не мог не сознаться, что очаровательная танцовщица произвела на него неотразимое впечатление, и твердо решил пойти в условленный час на свидание, хотя бы для того, чтобы убедиться, что прекрасная сицилианка — не Лукреция.

Можно себе представить, с каким нетерпением ждал Альфонсо конца вечера. Через три часа он должен был ждать у ворот Сан-

Себастиано прихода Фаустины.

"А что, если это Лукреция? — думал Альфонсо. — Ведь у нее легко может явиться желание отомстить мне за нанесенное

оскорбление. Да если еще доминиканец рассказал ей о том, что я говорил ему, если он сообщил ей, что я приехал из Феррары специально для того, чтобы навести справки о ее поведении, то она должна быть страшно зла на меня. Может быть, она нарядилась танцовщицей нарочно для того, чтобы заманить меня в свои сады, а затем отделаться от меня таким же образом, как она отделывается от всех, стоящих на ее пути! Бог знает, какая опасность ждет меня у ворот Сан-Себастиано!"

Однако, несмотря на эти мрачные предположения, Альфонсо с нетерпением ждал условленного часа и еще задолго до этого проходил уже мимо Авентинской пустыни. Вид руин, где жил отец Бруно, навел на него грустные мысли, и он невольно замедлил шаги; но вдруг легкий ветерок донес до Альфонсо душистый запах розы, тот самый запах, которым как будто было пропитано все существо танцовщицы; вспомнив об этом очаровательном создании, рыцарь быстро по-

шел к воротам Сан-Себастиано.

Дойдя до условленного места, Альфонсо увидел перед собой чудный вид. У его ног расстилалось необъятное зеленое пространство, покрытое душистыми цветами. Вдали виднелись горы, верхушки которых были освещены мягким лунным светом. Нежное журчание ручейка ласкало слух. На западе еще алелась полоска заката, просвечиваясь сквозь листву высоких деревьев. Величавое спокойствие природы успокоительно подействовало на взволнованную душу Альфонсо. Рассудок заговорил сильнее сердца и подсказал, что ему следует уйти. Альфонсо уже собирался последовать этому совету рассудка, как вдруг увидел ту старуху, которую танцовщица называла Фаустиной.

— Это вы, синьор? — проговорила она, увидев Альфонсо. — Ну, слава Богу! Как рано вы пришли!.. Но это очень хорошо. К сожалению, мне придется разочаровать вас.

Все благие намерения рыцаря рассеялись как дым.

— Разочаровать? — воскликнул он. — Что вы хотите сказать этим, тетушка? Это невозможно. Ведь танцовщица обещала мне показаться без маски, и больше я ничего и не желаю. Мне нужно видеть ее лишь одну минуту, вы можете присутствовать при свидании. Вот деньги, проводите меня к ней.

— Деньги? За кого же вы принимаете меня, благородный рыцарь? Ну, хорошо, я возьму их ради праздника и куплю свечи для Пресвятой Девы. К сожалению, я должна разочаровать вас, синьор: вам не придется видеть сегодня нашу танцовщицу. Дело в том, что герцог Романьи прислал ей мешок дукатов и сообщил, что желает нынче же вечером послушать ее пение.

Альфонсо сразу же заметил несоответствие между словами старухи и тем, что сообщила ему танцовщица относительно себя. Если она действительно была фрейлиной Лукреции, то герцог никаким образом не мог приказать ей петь!

Фаустина объяснила себе молчание рыцаря тем, что он испугался страшного соперника.

— Где же она будет ждать его? — спросил наконец Альфонсо. — Здесь? Ведь она назначила мне свидание в садах Лукреции Борджиа.

- Что вы такое говорите? Как она могла сделать это? с притворным удивлением воскликнула старуха. Да ведь наша всемилостивейшая повелительница донна Лукреция устраивает сегодня здесь бал, и по желанию герцога Романьи наша танцовщица будет петь в его присутствии свои песни. Бал начнется довольно поздно, а пока меня послали во дворец герцога, чтобы сообщить ему, что все будет устроено согласно его приказанию.
- О, в таком случае не станем терять драгоценное время! нетерпеливо проговорил Альфонсо. Ты ступай по своему делу, а я постараюсь повидаться с танцовщицей до начала бала.

С последними словами принц сунул в руку старухе снова крупную сумму денег.

- Право, благородный рыцарь, вы не заслуживаете отказа в своих желаниях, — льстиво ответила Фаустина, — я полюбила вас, как собственного сына или как ту высокопоставленную красавицу, которую вскормила своим молоком. Я знаю, что наша бедная танцовщица так же обрадовалась бы вашему приходу, как мать радуется, когда с войны возвращается ее сын. Но что делать? Ведь вы знаете: с герцогом Романьи шутки плохи!
- Да, я не сомневаюсь, что он человек опасный, и вот для того, чтобы не встретиться с ним, я не хочу терять время; я повидаюсь с танцовщицей и уйду раньше, чем ты вернешься обратно.

— Воображаю, как ей хочется видеть вас!.. Ведь она, бедняжка, любит вас без памяти! Ради Бога не говорите ей, что я рассказала вам о герцоге, ей не хотелось бы, чтобы вы были о ней дурного мнения.

- Обещаю вам не выдавать вас. Да, вообще, вам нечего беспокоиться, наш разговор будет недолог. Я только хочу убедить танцовщицу, что с ее стороны позорно завлекать в свои сети рыцаря ордена святого Иоанна.
- Господи, что вы говорите! с громким смехом воскликнула старуха, и ее маленькие глазки как-то странно засверкали. Право, мне смешно смотреть на вас, благородный рыцарь: вы пришли на любовное свидание и вооружены с ног до головы. Впрочем, тем лучше. Если вас кто-нибудь встретит, то примет за одного из офицеров герцога. Ну, идите с Богом, сын мой! Вот вам ключ от калитки сада. Идите все по дорожке, и она приведет вас к гроту Эгерии.
- Идите и вы к герцогу, а я не стану терять ни минуты, проговорил Альфонсо. Когда мы встретимся на обратном пути, я дам вам еще вдвое больше того, что дал.

Альфонсо был теперь вполне убежден, что танцовщица — не кто иной, как Лукреция Борджиа, и торопливой походкой направился κ гроту.

Он знал дорогу и вскоре дошел до калитки сада. Его сразу охватил аромат цветущих растений. Темно-красные розы с капельками росы на лепестках невольно напомнили ему дивные, нежные губы Лукреции. Где-то в глубине долины раздавалось журчание ручейка. Соловьи неустанно выводили свои любовные трели. Во всем парке была какая-то очаровательная запущенность. Казалось, что здесь действовала одна природа, как будто человеческие руки не решались коснуться ее девственной красоты.

Вскоре Альфонсо очутился на покрытом цветами зеленом берегу ручья. Луна мягко освещала цветы, смягчая их яркие краски. Поднимаясь вверх, ручей образовал нечто вроде водопада, а над ним, соединяясь между собой аркой из цветов и фруктов, стояли статуи богинь Флоры и Помоны. По другую сторону водопада находился холм, покрытый травой. Отсюда был вход в грот Эгерии.

Альфонсо остановился у грота, не входя в него, и твердо решил исполнить свое намерение, не боясь никакой опасности, но вид этого тихого, необыкновенно красивого уголка настолько поразил его, что он страшился сделать хоть один шаг, чтобы не нарушить очарования.

Грот представлял собой небольшое пространство, все утонувшее в цветах и зелени. Посреди журчал фонтан в виде богини Эгерии, вокруг которой расположились боги любви. Сквозь ветви и густую листву кустарника с трудом пробивался свет, но этот недостаток внешнего освещения вознаграждался большой алебастровой лампой, горевшей внутри грота и спрятанной в зелени. Взор Альфонсо остановился на статуе, и он тотчас же узнал в белоснежном мраморе дивные формы тела Лукреции. Несомненно, дочь папы позировала для богини Эгерии. Со смешанными чувствами восторга и отчаяния смотрел рыцарь на этот образец скульптуры.

При мягком свете лампы, серебрившей воду фонтана, Альфонсо убедился, что он в гроте один, хотя видны были приготовления для приема гостей. Бутылки вина стояли во льду, на позолоченном столике сверкал дорогой хрусталь. Возле фонтана находилось несколько широких, покрытых цветами дерновых скамеек, которые служили местом отдохновения для земной Эгерии и ее гостей.

Хозяйки грота еще не было здесь, так как, по словам старой Фаустины, она ждала прихода герцога Романьи значительно позже. Альфонсо живо сообразил, что для него представляется прекрасный случай лично убедиться, как в тождестве танцовщицы с Лукрецией, так и в справедливости распространенных о ней слухов. Стоило ему лишь спрятаться, невидимо присутствовать при свидании брата с сестрой — и все его сомнения будут рассеяны. Это был необыкновенно смелый план, но Альфонсо ни перед чем не останавливался для выполнения намеченной цели. Он заметил, что скалы грота имеют в некоторых местах углубления, полузакрытые цветами, и, недолго думая, выбрал одно из них, которое одним своим отверстием выходило в грот, а другим — к берегу ручья. Между обоими выходами находилось узкое пространство, представлявшее собой клумбу цветущего ириса. Альфонсо лег прямо на цветы и со своего ложа прекрасно мог видеть всю внутренность грота. Чтобы не быть замеченным, он снял свой белый картуз и надвинул на лицо волосы.

Прошло довольно много времени, но напряженный слух Альфонсо не мог уловить ни одного звука. Наконец издали донеслись какой-то шепот и тихий женский смех, а затем все снова замолкло. Подождав еще несколько минут, Альфонсо слегка приподнялся, чтобы полной грудью вдохнуть воздух и ясно услышать быстрые, легкие шаги. У входа в грот шаги остановились, как бы в ожидании чего-то, и вслед затем в гроте показалась стройная женская фигура.

По пластичности движений и по изящным формам тела Альфонсо сейчас же узнал сицилианку, хотя на ней не было теперь костюма танцовщицы. Длинный греческий хитон из нежной голубой шелковой материи мягкими складками драпировался вокруг классически стройной фигуры. На плечах хитон застегивался коралловыми пряжками, а тонкий стан был опоясан ниткой крупного жемчуга. Руки, плечи и ноги были открыты; лишь серебряные сандалии скрывали маленькие ступни ног. На распущенных золотистых волосах алел венок из красных лилий, перемешанных с белыми цветами мирты и блестящими зелеными листьями. Только лицо танцовщицы снова покрывала ужасная маска.

Убедившись, что в гроте никого нет, она подошла к фонтану, села на мраморный край его и, взяв в руки лютню, сыграла несколько аккордов. Затем она отложила инструмент в сторону и взглянула на свое отражение в воде. Тревожно оглянувшись во все стороны, она быстро сняла маску, и Альфонсо увидел дивные черты Лукреции Борджиа.

Рыцарь чуть громко не вскрикнул от радости, что фея Моргана, бесцеремонно раскрывавшая ему свои объятия, не была Лукрецией, но, вспомнив, что дочь папы пришла на свидание с герцогом Романьи, он снова почувствовал, как больно сжалось его сердце.

Лукреция долго любовалась отражением своего лица в воде, а затем вдруг отстегнула коралловые пряжки на плечах и обнажила молочной белизны грудь, которой могла позавидовать сама Венера. С легким шаловливым смехом молодая женщина склонила голову на плечо и, приподняв рукой левую грудь, коснулась ее губами. Продолжая смеяться, Лукреция застегнула свое платье и, размахивая маской, прошлась вдоль грота. Вернувшись к фонтану, она намочила палец в воде и написала на маске какое-то слово — Альфонсо показалось, что это было имя Цезаря, — и накинула свою ужасную маску на лицо нимфы Эгерии. Глаза Лукреции выражали нетерпение; сквозь воздушную ткань ее хитона можно было видеть, как сильно билось ее сердце. Какая-то ночная птичка встрепенулась, и лицо Лукреции зарделось; она насторожилась в радостном ожидании гостя. Но вот снова все затихло; разочарованная Лукреция села на

одну из дерновых скамеек, прикрыла глаза рукой, и слезы, как крупный жемчуг, покатились вдоль ее пальцев. Вдруг ее отчаяние сменилось выражением гнева и презрения; она встала с решительным видом, откинула назад прекрасные золотистые волосы и подошла к выходу. Шорох листьев под чьими-то осторожными шагами заставил молодую женщину быстро отскочить внутрь грота; она снова села на край фонтана, надела маску на свое лицо и застыла в бесстрастной, спокойной позе.

Ревность и бешенство охватили Альфонсо при виде того, с каким нетерпением ждала Лукреция его противоестественного соперника. Она напряженным взором смотрела по тому направлению, откуда слышался звук шагов, и тихо запела нежную песню. Можно было бы подумать, что она не замечает приближающегося гостя, если бы высоко поднимавшаяся от прерывистого дыхания грудь не выдавала ее волнения.

У входа в грот показался рыцарь в блестящем мундире, с замаскированным лицом. Он остановился, как бы желая убедиться, что в гроте никого нет, кроме танцовщицы, и по его фигуре, в особенности по демоническому блеску глаз, устремленных на Лукрецию, Альфонсо узнал Цезаря Борджиа.

На одну минуту у принца Феррарского явилось желание сейчас же покончить с ненавистным герцогом Романьи, избавить Италию от этого ужасного человека; он уже схватил свой меч, но крик Лукреции заставил его остановиться. Альфонсо увидел, как Цезарь склонился у ног молодой женщины и схватил ее руку.

- Что вам нужно? воскликнула молодая женщина дрожащим голосом. Я жду здесь свою госпожу донну Лукрецию, она сейчас придет сюда. Уходите, уходите! Здесь не так уединенно, как вы думаете, сад наполнен моими друзьями. Я ни за что не хочу, чтобы кто-нибудь увидел вас здесь.
- Тише, тише, прекрасная незнакомка! Я видел, как твоя старуха шепталась с иоаннитом, твоим любовником, возразил Цезарь. Я слышал, как на твое нежное приглашение он ответил презрительным отказом. Тогда у меня явилась мысль прийти сюда вместо него.
- Презрительным отказом! с горечью повторила сицилианка. Это невозможно!.. Впрочем, вероятно, так оно и есть. Что ж, очень рада! Это доказывает, что он презирает всех женщин, не меня одну, то есть не одну донну Лукрецию. Вы все видели, как дерзко он отказался быть рыцарем моей повелительницы на турнире; чтобы отомстить ему, донна Лукреция приказала мне завлечь его под видом танцовщицы, а я, как фрейлина, не смела противиться ее желанию.
- Какой вздор ты говоришь! резко воскликнул Цезарь. Как смеешь ты уверять, что вела свою недостойную игру по приказанию донны Лукреции? Если ты еще раз дерзнешь говорить подобную ложь, то я расскажу о твоем позоре всему городу, папе, всем

добрым христианам. Порядочная женщина, принадлежащая к лучшему обществу, осмеливается показываться на улицах в костюме куртизанки с целью поймать в свои объятия какого-то чужеземного полурыцаря-полумонаха! Для этого нужно потерять всякий стыд! Твое поведение кладет пятно на репутацию донны Лукреции; хотя она и так не особенно блестяща, но может пострадать еще больше. Ну, не дрожи так, красивейшая из дочерей Евы!.. Я не сделаю тебе ничего дурного, не попытаюсь даже сорвать твою маску, только не теряй времени. Тебе незачем отказываться от наслаждений любви из-за того, что тот холодный, как лед, иоаннит отверг тебя.

— Тебе и незачем срывать мою маску, смотри на меня! — с презрительным смехом воскликнула молодая женщина, открывая лицо, вспыхнувшее от гнева. — Ты теперь знаешь, кто я, — прибавила она, грозно глядя на герцога Романьи, который с притворным изумлением отступил на несколько шагов, — и можешь уходить, если не желаешь, чтобы я позвала сейчас же свою стражу. Можешь, где и кому тебе угодно, рассказывать о моем "позоре", как ты выражаешься. Предупреждаю тебя, что сад наполнен моими гостями, так как я ждала здесь Паоло Орсини, который хотел устроить в этот час для меня концерт в саду. Как видишь, твои шпионы могут и сами ошибиться и ввести тебя в заблуждение.

— Вот как? Следовательно, это наша прекрасная сестра возбуждает сплетни по городу и назначает ночью свидание иоанниту? — с

невыразимой горечью проговорил Цезарь.

— А если бы и так? Какое ты имеешь право вмешиваться в мои дела? — запальчиво воскликнула Лукреция. — Ведь ты мне не муж, не отец и даже не брат! Помнишь, чудовище, ты уверял меня, что нас не связывает кровное родство, что ты — подкинутый ребенок!

- Я был безумцем, потерявшим голову от страданий, а ты упрекаешь меня за мои муки! со страстным негодованием возразил Цезарь.
- Хорошо, оставим это! кротко заметила Лукреция, и слезы потекли по ее щекам. Уходи, пожалуйста, сейчас придет рыцарь, которого я жду, и я ни за что на свете не хотела бы, чтобы он узнал во мне Лукрецию Борджиа.

Альфонсо слушал этот разговор с беспокойством, сомнением и наконец радостью, что обвинения против Лукреции не вполне верны; но скоро эта радость сменилась отчаянием.

— Ты, кажется, больше всего боишься, что наш отец узнает о твоих похождениях, прекрасная Лукреция? — со злой улыбкой проговорил Цезарь. Старые предания и новые примеры доказывают нам, что в порыве ревности он не щадит даже собственных детей. Вспомни о судьбе Джиованни, которого ты так страстно любила! Видишь, не мне приходится дрожать за свою участь, а тебе и твоему фавориту!

 О, ты — чудовище!.. Я даже не знаю, как тебя назвать, когда захочу пожаловаться на тебя отцу! — воскликнула Лукреция. —

Твоему преступлению нет имени!

— Жалуйся, моя прелестная сестрица, своему Сатурну. Я знаю, что от тебя зависят гром и молния. Твоя ослепительная красота сделала тебя владычицей нашего земного Юпитера, — возразил Цезарь. — Пусть и его второго сына постигнет такая же внезапная смерть, как и первого. Тебе известно, когда он умер и где? А может быть, меня ждет участь твоего второго мужа, которого закололи из ревности на ступенях храма святого Петра?

- Не знаю, с кем или с чем сравнить тебя, Цезарь, с удивительным самообладанием ответил Лукреция: назвать тебя зверем нельзя, так как нет зверя, равного тебе по жестокости; одно могу сказать: я убеждена, что ты принимал во всех этих ужасных преступлениях более деятельное участие, чем те кинжалы, которые отправили моего мужа и брата на тот свет. Берегись, если хоть один волосок упадет с головы благородного рыцаря, спасшего мою жизнь!.. Я сумею отомстить тебе, в каких бы потемках ты ни совершил свое гнусное дело.
- Мне знаком твой мстительный характер, прекрасная Лукреция, но я не сойду так покорно со сцены, как мои предшественники, не стану молчать, как рыба. Пусть свет узнает о моих преступлениях, но вместе с тем он увидит, какому чудовищу подчинена Италия. Ты еще не знаешь меня вполне, моя сестрица, не подозреваешь, на что я способен, когда мне грозят местью!..
- Люди не поверят тебе; они признают тебя безумным, да ты таков и есть! неуверенным, дрожащим голосом проговорила Лукреция.
- Это мы посмотрим. А скажи, милая сестрица, какой вид был у твоего ледяного рыцаря, когда наш отец удостоил тебя чести всенародно заключить тебя в свои объятия? иронически спросил Цезарь.
- Такой, как будто он поверил лжи и клевете, которые ты распространяешь повсюду. Да, во всем виновата твоя ложь. Пока ты не сделался моим врагом, никто не говорил обо мне дурного слова, взволнованно ответила молодая женщина и, встретив грозный взгляд герцога, продолжала почти умоляющим голосом: ну, может быть, я слишком строга к тебе, может быть, во всем виновата моя несчастная судьба, но оставь меня, ради Бога, в покое!.. Чего ты хочешь от меня? Что, по-твоему, я должна сделать? Возненавидеть своего отца? Лишить его единственной привязанности, оставшейся у него на старости лет? Он сам говорит, что я единственный светлый луч в его жизни, Клевещите на меня дальше, и да будет проклят тот, кто верит гнусной сплетне, распространяемой завистливыми людьми, кто осуждает женщину, не имея никаких доказа-

тельств в своих руках, кто сумел из чистой дочерней любви создать грязную клевету об интимной близости между дочерью и отцом.

— Аминь! — смеясь, подхватил Цезарь. — Ты прокляла своего рыцаря, произведшего на тебя такое неотразимое впечатление. Ты, наверно, считаешь его образцом храбрости, а вот увидишь, он не посмел прийти сюда.

При этом обвинении в трусости Альфонсо сделал неосторожное движение, отчего зашумели листья на деревьях; но разговаривавшие были так поглошены своей беселой, что не заметили этого шума.

- Нет, у него хватило бы смелости прийти сюда, но он не хотел этого, возразила Лукреция. Он презирает всех женщин, не только меня.
- А я говорю, что он не придет, отчасти по трусости, отчасти потому, что весело проводит время и без тебя! со злобным торжеством заявил Цезарь. Я знаю, что он приглашен феей Морганой сегодня на ужин.
- Если это даже и так, то какое мне дело до этого? Я так устала от всех этих мирских неприятностей, что с наслаждением посвятила бы свою жизнь Пречистой Деве Марии! с такой скорбью воскликнула Лукреция, что Альфонсо почувствовал себя растроганным.
- Как? Наша юная вдовушка Лукреция Борджиа собирается сделаться монахиней? насмешливо захохотал Цезарь. Однако если ты действительно считаешь себя оклеветанной, то почему соглашаешься на брак с Орсини, прикрепляющий тебя к Риму и дающий повод к дальнейшим сплетням? Между тем, если бы ты вышла за принца Феррарского, то клевета была бы вырвана с корнем.
- Принц Феррарский считает позорным для себя соединить свою жизнь с развратной женщиной, той женщиной, которую ты, Цезарь, называешь своей сестрой! ответила Лукреция, очень довольная, что может нанести удар самолюбию герцога Романьи, несмотря на то, что ее ответ прежде всего оскорблял ее самое.
- Я когда-нибудь сверну ему голову за это, гневно проговорил Цезарь. Но ты напрасно теряешь время, Лукреция. Если тот ледяной рыцарь отказывается любить тебя, то ты все-таки можешь повлиять на него, чтобы он возобновил переговоры относительно твоего брака с принцем Феррарским. Подействуй на его честолюбие. У каждого человека есть своя слабая струнка. Если он не чувствителен к женской красоте, то, может быть, его ахиллесова пята тщеславие.

Лукреция замолчала, и у Альфонсо явилась мысль, что, может быть, молодая женщина уже придумывает план, как подействовать на его честолюбие. Он сделал по траве такое движение руками, точно кто-то идет.

— Вот он, вот он! — взволнованно воскликнула Лукреция. — Я слышу его шаги. Клянусь тебе, Цезарь, что я хочу только посмеяться над ним, отплатить ему за его небрежное отношение ко мне. Ты

мог бы присутствовать при нашем разговоре, но я боюсь, что если он застанет тебя здесь, то между вами произойдет что-нибудь отчаянное.

- Он не придет, насмешливо повторил Цезарь. Мудрец не кочет, а трус не может из страха. Но, если даже предположить, что это он, как же я могу пройти мимо него при этом освещении, не будучи замеченным?
- Да это и не нужно, ответила Лукреция, спрячься за тот высокий густой кедр, тебя никто не увидит, и ты можешь спокойно слушать нашу беседу. Я обещала ему показаться без маски и должна исполнить свое слово, хотя в темноте он и не увидит моего лица. Эта лампа снабжена тайным механизмом, и все погрузится во мрак, как только он войдет.
- Ах, ты обещала ему показаться без маски? Но он не придет, можешь быть уверена. Это шаги твоей старой наперсницы; она сообщит тебе, как тщетны были ее старания завлечь сюда трусливого рыцаря. Я с удовольствием послушаю, что она скажет! со смехом проговорил Цезарь и спрятался за дерево.

Альфонсо сильнее зашуршал листьями кустарника, и Лукреция не сомневалась, что он сейчас войдет в грот. Она незаметно надавила пружину, и боги любви распустили свои крылья, прикрыв ими свет лампы, отчего вся внутренность грота очутилась во мраке. Сев на край фонтана, молодая женщина запела.

X

Альфонсо после всего слышанного им не мог больше сомневаться, что Фаустина выдала герцогу свою госпожу и что все сделанные молодой женщиной приготовления, все ее страстное нетерпение относились вовсе не к Цезарю, а к нему самому. Альфонсо чувствовал себя растроганным, что не особенно благоприятствовало той роли, которую он собирался взять на себя. Он осторожно вышел из своего заточения и уверенным шагом направился к фонтану.

- Это вы, благородный рыцарь? спросила Лукреция, прерывая пение. Вы достигли храма богини Дианы, и нимфы-весталки приветствуют храброго рыцаря.
- Я думаю, что весталки давно улетели отсюда, раз тут царствует Лукреция Борджиа, сухо возразил Альфонсо.
- Зачем же тогда рыцарь ордена святого Иоанна пожаловал в этот грот? насмешливо спросила молодая женщина. Как бы то ни было, я сдержала свое слово и говорю с вами без маски.
- Может быть, вы и без маски, но нас окружает такая темнота, что я все равно не могу видеть ваше лицо, ответил Альфонсо прерывающимся, взволнованным голосом.
- Я исполнила буквально свое обещание, и вы не должны больше ничего требовать от женщины, состоящей на службе у Лукреции Борджиа. Но я слышала, что вы боялись прийти сюда, чтобы не

попасть в руки сатаны в образе сицилийской танцовщицы, как это было со святым Киприаном. Ввиду того, что страх в темноте усиливается, — да будет свет!

Лукреция снова незаметно надавила пружину, и боги любви моментально сложили свои крылья. Мягкий лунный свет распространился вокруг и осветил танцовщицу, сидевшую на краю фонтана с маской на лице.

— Я обманул посланную вами старуху из предосторожности, ответил Альфонсо. — Я не боюсь вас, хотя подозреваю, что вы еще более испорченное существо, чем та женщина в образе дьявола, которая соблазнила святого Киприана. Вы — самое худшее, что можно сказать об особе вашего пола; вы — настоящая Лукреция Борджиа. Но я все-таки пришел сюда, и знаете, с какой целью? Я котел сказать вам, что, несмотря на вашу несравненную красоту, несмотря на то, что вы — самое дивное создание в мире, есть люди, которые отвернутся от вас, так как ваше внутреннее безобразие превышает внешнюю прелесть. Вам будет полезно узнать, что есть чистые, неиспорченные сердца, которые с презрением оттолкнут любовь Лукреции Борджиа. Я приехал сюда, чтобы воочию убедиться в ее позорном поведении. Я нахожусь в Риме для того, чтобы привезти принцу Альфонсо Феррарскому доказательства безграничной испорченности Лукреции; это необходимо ради того, чтобы он мог оправдать свое нежелание отдать свое честное имя такой грязной женщине.

Альфонсо показалось, что он услышал за деревом звук торжества. Лукреция молчала и сидела неподвижно, точно статуя. Наступила довольно длинная пауза.

— Вы не помните, что говорите, рыцарь, — сказала наконец молодая женщина. — Вы никогда не посмели бы употреблять подобные выражения, обращаясь лично к донне Лукреции. К вашему счастью, я — не она, клянусь вам в этом всеми святыми. Что касается вашего грубияна-принца, то передайте ему, что ему нечего беспокоиться. Поезжайте обратно и скажите ему... Или, впрочем, нет, лучше оставайтесь! Тогда вы можете по крайней мере лично убедиться, что донна Лукреция вышла замуж за наследника Орсини и вашему надутому принцу не грозит с этой стороны никакая опасность.

Эту фразу молодая женщина произнесла с таким достоинством,

что Альфонсо почувствовал себя сконфуженным.

— Если вы — не Лукреция, то покажите мне свое лицо, — пробормотал он. — О, если бы на свете существовала действительно еще одна такая женщина, как Лукреция, с ее внешностью, но не с ее карактером! — горячо воскликнул рыцарь. — Нет, нет, этого не может быть! Вы — Лукреция. Только у Лукреции голос звучит, как сладчайшая музыка, только от Лукреции веет благоуханием роз.

- Значит, вы не всех женщин презираете, а только Лукрецию

Борджиа? — спросила танцовщица.

— Если вы — не Лукреция, то я готов любить вас так, как еще

никогда никого не любил! — воскликнул Альфонсо.

— Если бы я была Лукрецией, страшной, злой Лукрецией, неужели, вы думаете, я стала бы спокойно выслушивать ваши оскорбления? Меня очень радует, что она могла бы быть моей соперницей в вашей чистой любви, если бы она была другой. Какая честь для меня заслужить любовь такого добродетельного рыцаря! Еще не видя моего лица, вы почувствовали ко мне такую любовь, что даже попираете ногами Лукрецию Борджиа, перед которой преклоняется весь мир. Будьте добры, благородный рыцарь, объясните мне, чем прогневала вас в такой степени моя госпожа?

- Вы не предложили бы мне этого вопроса, если бы слышали,

что говорила мне Лукреция в образе феи Морганы.

— Право, рыцарь, вы клевещете на нее, — быстро воскликнула молодая женщина. — Кто-то подшутил над вами. Фея Моргана — вовсе не Лукреция.

— Я тоже так подумал, когда увидел вас. Но раз вы уверяете, что вы — не Лукреция, следовательно, фея Моргана — она.

- Нет, рыцарь, я должна быть справедливой даже по отношению своей соперницы, возразила танцовщица. Я уже сказала вам, что состою в числе фрейлин донны Лукреции, и могу уверить вас, что она такая же фея Моргана, как я. Ведь в то время, когда я говорила с вами на Капитолийской площади, процессия прошла мимо нас, и я очень хорошо видела эту фею Моргану.
- Ну если вы так близки к донне Лукреции и чувствуете ко мне некоторое расположение, то, может быть, ответите мне на некоторые вопросы, касающиеся вашей госпожи?
- С моей стороны, было бы не по-христиански осуждать свою госпожу!
 ответила танцовщица дрожащим голосом.
- В таком случае вы сознаетесь, что если говорить о Лукреции правду, то придется сказать только дурное?

— Ну, спрашивайте, я честно отвечу на ваши вопросы. Вы —

полудуховное лицо, я — женщина...

- Хорошо, что вы напомнили мне о том, что вы женщина, прервал Альфонсо танцовщицу. Дайте мне клятву, что никому не скажете того, что услышите от меня.
- Не говорите, не говорите ничего такого, что не мог бы слышать самый худший из семьи Борджиа! воскликнула молодая женщина с большим беспокойством.

Однако Альфонсо словно не хотел заметить это и продолжал:

- Можете вы дать мне доказательства вины Лукреции, чтобы я мог таким образом выполнить данное мне поручение?
- Зачем вам доказательства? Ведь свет судит эту женщину без всяких доказательств! с горечью ответила танцовщица.
- Так как вы стоите близко к Лукреции, то можете сказать мне правду: виновата она или нет?

- В чем виновата или нет? Ведь я не сфинкс, не умею разгадывать загадки! — воскликнула молодая женщина.
- Вы, вероятно, слыхали о том, что говорят о вашей прекрасной, но ужасной госпоже. Я помню, что вы женщина, и не могу яснее поставить свой вопрос. Ну, вот скажите, основательны ли эти слухи? Это во-первых. А во-вторых, не знаете ли вы, от чьей руки погиб герцог Гандийский?
- Я отдала бы сама последнюю каплю крови, чтобы узнать, кто совершил это злодеяние! горячо воскликнула молодая женщина. Конечно, я передаю вам слова донны Лукреции! спохватилась она.
- Неужели никто из окружающих вашу красавицу не внушает подозрения?
- Вы знаете, благородный рыцарь, по собственному опыту, что это подозрение ничто!
- Совершенно верно. Скажите, вы помните ту ужасную ночь, когда герцог умер?
- Вы говорите здесь об опасных вещах, рыцарь! прошептала молодая женщина, тревожно поглядывая на дерево, за которым спрятался Цезарь.
- О, мне нечего опасаться, что в этом уединенном месте меня подслушает кто-нибудь из убийц Джиованни! спокойно ответил Альфонсо. Вы помните его? Говорят, он был очень красивый юноша.
- О, пресвятая Богородица! Бедный Джиованни! воскликнула молодая женщина со слезами в голосе.
- Говорят, он очень нравился женщинам, продолжал рыцарь. — Я понимаю, почему вы с такой горечью произнесли его имя. Ваша красота наводит меня на мысль, что этот красивый, влюбчивый юноша не был и к вам равнодушен.
- Я любила его, как дорогого брата, как лучшего друга, как умного, благородного человека! Нежному отцу и любящей сестре только и осталось, что возносить горячие молитвы к Богу об упокоении его души и призывать проклятие на голову неведомого убийцы.
- Любящей сестре! многозначительно повторил рыцарь. Говорят слишком любящей сестре!

Молодая женщина вздрогнула, как будто ей нанесли неожиданный удар.

— Я расскажу вам, что слышала о любви герцога Гандийского к своей сестре, — проговорила она после непродолжительного молчания. — Они были так похожи между собой как по наружности, так и по складу характера, что, если бы не разница пола и возраста, их можно было бы принять одного за другого. Само собой разумеется, что при таком душевном сходстве между ними существовала полнейшая гармония во взглядах и вкусах. Сестра понимала каждое движение души брата, и наоборот; понятно, что при таких условиях

их не могла не связывать между собой самая чистейшая родственная любовь.

— Скажите, пожалуйста, в ту ужасную ночь вы были вместе с Лукрецией? — снова спросил Альфонсо.

— Да, мы были в монастыре святой Марии Трансверской! — сму-

щенно ответила танцовщица.

- Почему же донна Лукреция не была на балу у своего братакардинала, теперешнего герцога Романьи? Ведь он давал в ту ночь вечер в честь своей поездки в Неаполь, где должен был короновать дона Федериго.
- Донна Лукреция и герцог поссорились между собой, я не помню, из-за чего. Ах, да, вспомнила... это был пустой спор из-за какого-то слова! проговорила молодая женщина и вздрогнула, услышав какой-то шорох за деревом.
- Предположим, что Джиованни погиб от руки тайного соперника, продолжал Альфонсо, с удовольствием представляя себе волнение Цезаря, стоявшего за деревом, тогда вполне возможно, что он стал жертвой того же самого убийцы, который убил принца Салернского, второго супруга донны Лукреции, под крышей Ватикана, в собственной постели.
- Это неправда, это неправда, горячо запротестовала молодая женщина. Принц Салернский умер от ран, полученных от врагов на площади святого Петра.
- А у нас в Ферраре эту историю рассказывают иначе, возразил Альфонсо, говорят, что он вполне оправился от своих ран и они никоим образом не могли быть причиной его смерти. Уверяют, что донна Лукреция запретила своему мужу входить к ней, и, когда он насильно ворвался в их общую спальню, она бросилась к отцу и у него искала защиты от мужа. Папа напомнил дочери об обязанностях послушной жены, и та решила через месяц вернуться к мужу, но накануне этого срока принца Салернского нашли убитым в Ватикане.
- О, нет, вы не все знаете, далеко не все, с отчаянием воскликнула молодая женщина. Донна Лукреция вышла за него замуж против своей воли, на этом настаивал ее отец. Я не знаю, почему ему так котелось этого брака; может быть, потому, что Лукреция не могла любить своего первого мужа, расслабленного Джиованни Сфорцу. Но зачем выбор папы выпал на принца Салернского, грубого, необузданного малого, внушавшего отвращение, это для меня непонятно. Во всяком случае, нельзя было ожидать другого конца при этом ужасном союзе. То, что произошло, оправдано таким святым человеком, как...
- Отец Бруно! закончил рыцарь дрожащим голосом. Он, кажется, содействовал также расторжению брака донны Лукреции с Джиованни Сфорцой.

- Сфорца был разведен по приказанию церкви! тихо ответила Лукреция. Хотите, я доверю вам одну тайну Лукреции Борджиа? Вы слышали, что говорил отец Бруно о ее браке с принцем Салернским, но вы не знаете, что он внушил донне Лукреции сомнение о законности какого бы то ни было брака с ее стороны. Он говорит, что она не имела никакого права разойтись со своим первым женихом, хотя она никогда не видела его, и что после этого всякий брак является незаконным.
- Вы, конечно, шутите, прекрасная дама! воскликнул рыцарь. — Дочь главы церкви сомневается в том, что разрешено самим папой? Но, если бы это даже было и так, если бы она решила разойтись с Джиованни Сфорцой, считая себя связанной словом с первым женихом, как же объяснить ее второй брак с принцем Салернским, этим диким, необузданным малым, как вы изволили выразиться?
- Он умер, да простит меня Бог за дурное слово о покойнике, со слезами проговорила молодая женщина, но вы многого не знаете, благородный рыцарь, а потому не судите так строго Лукрецию Борджиа. Может быть, несчастную женщину заставили выйти замуж в отсутствие духовника, у которого она черпала нравственную силу; может быть, тут заговорила женская гордость; мало ли какие обстоятельства вынудили ее поступить против своей совести и желания! Впрочем, я знаю, что мои слова не в состоянии тронуть вас. Ну, что ж, пусть будет так. Пусть Лукреция Борджиа нарочно женила на себе влюбленного принца Салернского для того, чтобы убить его, так как для нее не существует большего развлечения, как проливать человеческую кровь! с горькой иронией закончила танцовщица.
- Ну, если Лукреция Борджиа не повинна в этих убийствах, то мое подозрение всецело падает на неизвестного соперника, который тайным образом достает то ключи от церкви святого Петра, то острый меч. Делает он это, конечно, с целью вернуть Лукреции свободу, а еще больше из желания вырвать ее из объятий мужа, в которые невольно сам толкнул ее, чтобы заставить свет не видеть того, что есть в действительности!
- Кто же этот неизвестный? Вы говорите о нем так, точно знаете, кто он такой! Ведь вы мужчина и рыцарь; говорите же прямо и откровенно, что вы думаете. Ваши намеки сводят меня с ума! Умоляю вас, скажите, кто, по-вашему, убийца? тихо спросила молодая женщина дрожащим от волнения голосом.
- Нет, я не могу назвать его. Вероятно, тот призрак, который блуждает по комнатам принца Салернского, мог бы открыть вам эту тайну. Может быть, он мог бы сказать, кстати, кто желает так страстно брака Лукреции с наследником Орсини, для того чтобы она оставалась в Риме, несмотря на то, что это противоречит всем требованиям политики! с горечью проговорил Альфонсо.
- Право, я не знаю, что возразить вам на это! с отчаянием воскликнула молодая женщина. Пречистая Дева, Ты Одна —

Заступница у Лукреции Борджиа. Господи, даже эта новая жертва. которую она приносит для того, чтобы спасти свое доброе имя, служит ей в осуждение. Подумайте, жестокий феррарец, что вы говорите? Ведь вы приехали сюда для того, чтобы расстроить брак своего принца с Лукрецией: следовательно, велись переговоры о том, чтобы она уехала в далекую Феррару. Если бы хотели оставить ее в Риме. то вам незачем было бы приезжать сюда и искать повода для того. чтобы оклеветать Лукрецию. Я не осуждаю вас за ненависть к Лукре ции — так гораздо безопаснее: кто не любит ее, тому нечего бояться. Возвращайтесь в свое негостеприимное отечество и сообщите пославшему вас, что вы навели справки и узнали от человека, знакомого с Лукрецией с самого раннего детства, что она — самая ужасная женщина и все слухи, распространяемые о ней, — сущая правда. За эти сведения вы, конечно, получите хорошую награду.

Альфонсо был растроган отчаянием молодой женщины, а когда увидел, как по уродливой маске потекли крупные слезы, то почув-

ствовал себя совершенно побежденным.

- Этого сознания мне достаточно, совершенно достаточно, проговорил он, нерешительно подходя к танцовшице, и поднес ее руку к своим губам. — Что касается вас, то ваша горячая, благородная защита донны Лукреции доказывает, что вы достойны истинной дружбы.

Молодая женщина быстро выдернула свою руку и написала на воде слово "дружба", после чего со смехом добавила:

— Видите, как быстро исчезает "пружба"!

Альфонсо хотел сказать что-то по этому поводу, но не находил подходящих слов. Он сел рядом с молодой женщиной на край фонтана и со смещанным чувством скорби и страсти любовался ее стройной, изящной фигурой.

— Надеюсь, что мы расстаемся не врагами. — пробормотал он. - Дайте мне взглянуть на ваше лицо или докажите мне чемнибудь, что вы — не Лукреция, и я буду обожать вас.

— Да, я докажу вам это, но не трогайте мою маску! — с ужасом

воскликнула она, когда Альфонсо хотел открыть ее лицо.

В ту же минуту внутренность грота погрузилась во мрак. Рыцарь почувствовал, как две нежные, тонкие руки обвились вокруг его шеи и душистые, мягкие, как бархат, губы затрепетали на его губах.

— Вот вам доказательство, что я не Лукреция, — раздался в его ушах мелодичный, как музыка, голос, — разве Лукреция простила бы вам те оскорбления, которые вы высказали по ее адресу?

Альфонсо протянул руки вперед, чтобы заключить в объятия очаровательное существо, но они беспомощно повисли в воздухе, - незнакомка исчезла. Не успел рыцарь прийти в себя от этой неожиданности, как вдруг поднялся вокруг невыразимый шум. Лампа вспыхнула ярким светом, и весь грот наполнился многочисленным

обществом в виде нимф, наяд, фавнов, сатиров. У всех зеленых входов появилась стража с внушительными копьями в руках.

— Пан, Пан! — закричала сотня голосов. — Пан, приди сюда и накажи смертного, дерзнувшего посягнуть на твою святыню. Эх, где Пан?

Вдали, во всех направлениях, раздалось:

- Где Пан?

Альфонсо стоял несколько мгновений как окаменелый, не давая себе отчета в том, что происходит вокруг него. Внезапно ему пришла в голову мысль, что Лукреция устроила всю эту сцену для того, чтобы сначала повергнуть его в недоумение, а затем, пользуясь его смущением, отомстить ему, и он начал придумывать способ, как бы ему незаметно скрыться, но в эту минуту раздался пронзительный свист, и под звуки этого свиста в грот вошел Пан на козьих ножках, в сопровождении многочисленной свиты фавнов.

- Тише! - закричал Пан свистящим фавнам. - Какая нимфа

привлекла сюда смертного?

— Эгерия, Эгерия! — воскликнули бесчисленные голоса.

— Ты опять принялась за свои штуки? — строго заметил Пан. —

Где же этот смертный?

— Вот он!.. Он — иоаннит, иоаннит! — закричали нимфы в один голос. — Как не стыдно, Эгерия!.. Если бы это был сатир, тогда другое дело, а то святой иоаннит!

— Святой иоаннит, святой иоаннит! — со смехом подхватили со

всех сторон.

— Действительно, вы можете теперь только смеяться надо мной, — шутливо проговорил Альфонсо, стараясь выйти из неловкого положения, — но если бы вы позвали ко мне завлекшую меня нимфу, то я сумел бы доказать вам, что она заслуживает большего наказания, чем я.

— Вы хотите, чтобы вам доставили удовольствие вместо наказания? — возразили нимфы. — Ну нет, этого не будет. Ведите его к

нашей королеве, пусть она судит его!

Альфонсо моментально окружила стража; он не сомневался, что Лукреция жестоко отомстит ему за то, что он высказал ей. Он вспомнил обо всем том, что рассказывали по поводу жестокости Лукреции, но почему-то нисколько не боялся мстительной красавицы. На его губах горел еще поцелуй Лукреции, и он никак не мог представить себе, что она замышляет что-нибудь злое по отношению к нему.

— Здравствуйте, рыцарь! — вдруг услышал Альфонсо за своей

спиной чей-то насмешливый голос.

Он оглянулся и увидел герцога Романьи, державшего в одной руке свою маску.

— Не беспокойтесь за свою участь, — продолжал Цезарь, — не думаю, чтобы суд был очень строг. Пусть вас проводят к королеве донне Лукреции; она с моего согласия придумала эту веселую

карнавальную шутку. Если вы узнаете ту дамочку, которая завлекла вас под видом Эгерии, то наказание будет не очень строго. Ваша соблазнительница находится теперь у своей госпожи, и, конечно, без маски.

Услышав тираду герцога, представлявшую сплошную ложь, Альфонсо задрожал от негодования, но, быстро овладев собой, весело ответил:

— Ну, раз вы, ваша светлость, ручаетесь, что со мной не произойдет ничего дурного, я смело пускаюсь в путь. Если я найду среди фрейлин донны Лукреции ту дамочку, которая завлекла меня сюда, то при всех скажу, что принял ее приглашение только для того, чтобы отчитать ее как следует за ее недостойное поведение.

XI

Альфонсо, как военнопленный, в сопровождении стражи вышел из грота в лес. На каждом шагу его взор встречал произведения искусства, изображавшие сцены из Древней Греции. Фигуры оживали при его приближении. Из воды выскакивали наяды и, смеясь, брызгали на Альфонсо струи душистой влаги. На скале под звуки веселых охотничьих рогов показалась Диана, окруженная своими нимфами, которые стреляли в рыцаря тупыми позолоченными стрелами. Вскоре Альфонсо вошел в широкую аллею из очень высоких вязов, сквозь верхушки которых проникал таинственный лунный свет. Спокойная, величественная тишина этого места напомнила рыцарю Божий храм. Направо и налево от аллеи тянулись боскеты из цветущих апельсиновых деревьев, наполнявших воздух невыразимо приятным ароматом. Аллея заканчивалась общинным павильоном из голубого мрамора, украшенного золотом. Посреди павильона стоял зеленый трон, на котором сидела дама среди блестящей свиты.

Когда рыцарь в сопровождении стражи поднялся на ступеньки павильона, все общество залилось громким неудержимым смехом. Альфонсо сейчас же узнал в сидевшей даме Лукрецию. К величайшему сожалению Альфонсо, дочь папы успела переодеться с ног до головы. На ней был теперь роскошный испанский костюм из серебристой парчи; вся грудь была покрыта драгоценными каменьями, а на голове сверкала диадема из крупных бриллиантов. Она теперь действительно походила на королеву и не имела ничего общего ни с веселой танцовщицей, плясавшей на Капитолийской площади, ни с нимфой Эгерией, соблазнявшей рыцаря в гроте, ни со страдающей женщиной, только что проливавшей слезы. Только необычная бледность ее лица выдавала внутреннее волнение. Это быстрое превращение неприятно поразило Альфонсо, так как он усмотрел в нем привычку обманывать и притворяться.

Увидев среди публики Паоло Орсини, Лебофора, Бембо и других знакомых, он несколько смутился; все они присутствовали при его отказе быть рыцарем Лукреции на турнире, причем он мотивировал

его тем, что ему, как иоанниту, не подобает принимать участие в развлечениях. Теперь же они, по его мнению, вероятно, думали, что он изменил своему принципу, и, конечно, осыплют его насмешками.

У Орсини был такой мрачный вид, будто он присутствовал на панихиде, а не на веселом празднике, зато лицо англичанина расплывалось в блаженной улыбке. Бембо, по-видимому, не мог решить, какого тона ему следует держаться, однако, заметив спокойное, серьсзное выражение Альфонсо, тоже принял торжественный вид. Да и все как-то сразу перестали смеяться. Можно было ожидать, что Лукреция со свойственным ей остроумием начнет подшучивать над Альфонсо, которого Пан обвинял в том, что он соблазнил целомудренную нимфу; но вместо этого красавица вспыхнула до корней волос и сконфуженно потупила взор.

— Старайтесь оправдаться, рыцарь, иначе вы погибнете! — воскликнул Цезарь и, чтобы ободрить Альфонсо, дружески похлопал

его по плечу.

— Эти обвинения ни на чем не основаны, синьор, — возразил принц. — Если бы у Пана были свидетели, то они сказали бы ему, что я пришел на свидание с нимфой только для того, чтобы доказать ей, до какой степени я презираю ее. Мне не нужны были ни ее нежные слова, ни ласки, так как я явился с целью высказать ей порицание более строгое, чем проповедь самого требовательного духовника. Вероятно, эхо передало Пану лишь тихий звук, настолько тихий, что его не расслышали даже певшие в кустах соловьи, и на основании этого звука Пан построил свое обвинение. Это был звук поцелуя, который нимфа запечатлела на моих губах, хотя я не желал его и не вернул ей поцелуя. Я очень благодарен за это эхо, так как ему я обязан тем, что ко мне явились на помощь свет и сам Пан. Без этого Бог знает, до чего могла дойти предприимчивость нескромной нимфы.

Это необыкновенное обвинение вызвало взрыв смеха всех присутствующих, только лицо Лукреции еще ярче зарделось, а Цезарь заметно побледнел.

- Это действительно ужасное преступление со стороны нимфы, — после некоторого молчания проговорил он искусственно веселым голосом. — Позовите ее сюда, дорогая Лукреция!.. Пусть она выслушает без маски обвинение рыцаря.
- Нет, нет, живо возразила Лукреция, раз рыцарь так неблагодарен, что позволяет нам смеяться над влюбленной нимфой, то я считаю, что она достаточно наказана, и не хочу конфузить ее еще больше. Это не значит, что я вполне верю словам рыцаря, однако я не хочу очной ставки потому, что это даст возможность строгому иоанниту еще больше оскорбить бедную нимфу, а, очевидно, он только этого и добивается. Это нехорошо, рыцарь, с вашей стороны!.. Я думаю, после вашего поступка каждая женщина побоится довериться вам. Ввиду того, что вы никак не можете узнать среди

придворных нимфу Эгерию, вы никогда и не увидите ее. В этом будет заключаться ваше наказание.

Альфонсо равнодушно поклонился и отошел в сторону, но все же успел заметить, что его равнодушие задело Лукрецию.

— А теперь, дорогой синьор Орсини, порадуйте меня своей серенадой, — обратилась красавица к Паоло.

Тот весь просиял от ласковых слов Лукреции, быстро вышел и вскоре затем вернулся с роскошной мандолиной. Эта очаровательная музыка производила чрезвычайно приятное впечатление на лоне природы, под мягким светом луны. Лицо Лукреции приняло скорбно-мечтательное выражение, на ресницах заблестели слезы, и Альфонсо почувствовал себя глубоко растроганным, даже виноватым перед нею. Но вот раздался звучный голос Паоло, жаловавшийся в своей серенаде на жестокость красавицы, и все очарование исчезло. По окончании пения дамы сняли букеты цветов со своих корсажей и бросили их к ногам певца. Все присутствующие мужчины, кроме Альфонсо, бросились поднимать их.

После баталии цветов все вернулись к трону Лукреции, которая встала со своего места и растерянно смотрела вокруг, точно только что очнулась ото сна.

— Ах, я, кажется, забыла бросить свой букет! — с удивлением воскликнула она. — Теперь у всех вас есть кавалеры, — обратилась она к дамам, — каждый кавалер поведет к ужину ту даму, чьи цветы находятся у него в руках. Только рыцарь святого Иоанна остался без букета. Видно, судьбе угодно, чтобы он был моим кавалером. Дамы и мужчины, идите вперед, в грот Эгерии, где будет сервирован ужин, а я с рыцарем пойду позади всех. Его сан и принципиальное презрение к женщине служат ручательством того, что он для меня не опасен.

Дамы поспешили исполнить приказание своей повелительницы. Реджинальд и Паоло Орсини поняли хитрость Лукреции, и их лица омрачились, но во избежание большой неловкости им все же пришлось предложить руки своим случайным дамам. Вскоре процессия двинулась к гроту.

Последняя пара сильно отстала от всей процессии. Лукреция взяла руку Альфонсо, не поднимая на него взора, и они долгое время шли молча. Принц невольно думал о том, что произошло с ним и прекрасной женщиной, опиравшейся на его руку, и не мог подавить чувство нежной жалости к ней.

— Мы теперь одни, синьор, — наконец прекратила молчание Лукреция, — я умышленно не бросила своего букета. Хотя вы слышали ужасные вещи о Лукреции Борджиа, но не бойтесь меня: я никогда не забуду, что вы спасли мне жизнь. Мне очень хотелось бы сделать для вас что-нибудь приятное, чтобы отблагодарить вас за оказанную услугу, и, кажется, случай дает мне эту возможность. Ваш друг синьор Бембо уверяет, что вы богаты и знатного проис-

хождения; следовательно, с вашей стороны нет препятствий, мешающих вам женится на девушке, привлекшей вас сюда. Она тоже очень богатая наследница и принадлежит к самой высшей аристократии Рима. Ваш рассказ о ее преступлении доказывает, что она очень любит вас. Неужели же вы откажетесь от ее любви, рыцарь? Святой отец снимет с вас ваш обет, а я буду рада содействовать счастью двух любящих сердец. Говорят, я сделала очень много людей несчастными, а потому для меня имело бы особенное значение осчастливить хоть два существа.

Альфонсо рассердили эти слова; очевидно, Лукреция высказала все из трусливого желания отклонить от себя подозрение и тем закончить происшедшую сцену.

— Благодарю вас, синьора, и ту даму, которая оказывает мне честь своим расположением, — сухо ответил он, — но, к сожалению, обет, данный мною, настолько крепок, что его не может разорвать даже глава христианской церкви, тем более что он соответствует моему сердечному желанию.

— Я понимаю вас, рыцарь. Ваше сердце уже было занято, когда вы приехали в Рим, — с грустной улыбкой проговорила Лукреция, — и воспоминание о вашей несравненной красавице сделало вас нечувствительным к прелестям римлянок.

— Вы ошибаетесь, синьора! До приезда в Рим я не встречал красоты, которая бы так сильно поразила меня!

— Вы, кажется, говорили, что не видели лица той дамы, на которой я хотела бы женить вас. Погодите принимать какое-либо решение, пока не увидите ее. Кто знает, может быть, тогда и ваш час пробьет! — лукаво проговорила Лукреция.

— Вы, синьора, известны как прекрасный оракул любви, тем не менее могу уверить вас, что ни одна из самых красивейших ваших фрейлин не опасна для моего сердца!

- Я оракул любви! Не знаю, какой Бог одарил меня этим талантом! Вы плохо понимаете меня, благородный рыцарь. Я знаю, что говорит ваш взор, и не отрицаю, что ищу любви во всех ее видах и формах. Большей частью я не нахожу в себе чувства к тому, кому внушаю любовь, и тогда самые горячие, страстные речи непонятны мне, как будто их произносят на чуждом для меня языке. Но это не потому, что я не могу любить... Я ищу настоящего, глубокого чувства, но нигде не нахожу его; я бегу за призраком любви, надеясь наконец найти то, к чему рвется моя душа, и возвращаюсь разочарованной. Неужели меня можно осудить за это? Осудить за то, что я ищу хоть каких-нибудь радостей, которые скрасили бы мою неприглядную жизнь?
- Вам не нужно никаких оправданий. Поступите так, как поступали в старину! Покажитесь судьям во всей своей неприкрытой красоте и вы будете оправданы! сухо ответил Альфонсо.

— Подобно Фрине, афинской грешнице? Благодарю вас, синьор, за лестное сравнение, — кротко и грустно прошептала Лукреция. — Бог с вами, я не обижаюсь на вас. К чему бороться с судьбой? А мне, видно, уже суждено выносить оскорбления.

— Если Лукреция Борджиа недовольна своей судьбой, так что же

говорить всем другим?

— Вас может радовать вид сочного, прекрасного винограда, когда вы наверно знаете, что он погибнет от бури, прежде чем вы успеете собрать его? — живо спросила Лукреция.

— Ваше сравнение, синьора, заставляет меня предположить, что у вас очень строгий духовник, рисующий вам будущее в мрачных

красках! — возразил Альфонсо.

— Зачем он станет пугать меня моим будущим, когда я строго исполняю все его приказания? — проговорила Лукреция. — Впрочем, нет, я действительно сделала один грех, — прибавила она, внезапно побледнев. — Однако мы с вами сильно отстали, рыцарь.

С последними словами Лукреция ускорила шаги, и они скоро очутились у грота, потонувшего в глубоком мраке. Лукреция сделала незаметный знак одному из своих слуг, и вдруг весь грот и сад осветились бесчисленными лампочками. Засверкали драгоценные камни на костюмах нарядных гостей, заблестели золотые столы, уставленные изысканными блюдами, заискрилось вино в хрустальных графинах и бокалах. В ближайших кустах раздались звуки нежной райской музыки. Всеобщий шепот восхищения пронесся по всему гроту. Лукреция, приветливо улыбаясь, села рядом с герцогом Романьи, и веселый ужин начался.

Орсини бросил на Альфонсо мрачный взгляд, а англичанин с большим участием смотрел на друга, так как знал, в какое опасное по-

ложение он поставил себя своим поведением.

За ужином присутствовали первые красавицы Рима, и тем не менее даже враги Лукреции не могли не признать, что она затмевает их всех своей чарующей прелестью. Всегда уверенная в себе, Лукреция в этот вечер не чувствовала себя лучше других и с некоторым беспокойством смотрела на окружавших ее дам, а затем украдкой следила за каждым взглядом Альфонсо.

С целью отвлечь от себя ревность Цезаря и Паоло Орсини принц завел оживленную беседу со своей соседкой, напоминавшей фигурой и цветом волос Лукрецию. Он делал вид, что принимает ее за танцовщицу и нимфу Эгерию; его дама отнекивалась, уверяла, что она — жена одного из придворных, сидящих за столом, но Альфонсо притворялся, что не верит ей.

Лукреция заметила эту его оживленную беседу с соседкой, не догадываясь, что Альфонсо лишь играет известную роль. Ее сердце сжималось от ревности, но, боясь брата Цезаря, она не выдавала своего волнения и казалась такой веселой и остроумной как никогда. Продолжая беседу со своей дамой, Альфонсо не упустил из виду ни одного слова, сказанного Лукрецией, ни одного ее движения. От его внимания не ускользнуло, что царица праздника одаряет улыбками Лебофора, который никого не видел и не слышал, кроме Лукреции, и тянулся к ней всеми фибрами души. Альфонсо слегка смущала мысль, что англичанин не переставал думать, что похитившая его фея Моргана была Лукрецией.

Цезарь тоже был в чрезвычайно веселом настроении; даже серьезный Макиавелли от души смеялся остротам Лукреции, а Бембо прямо расплывался в блаженстве и слабо защищался, когда Макиавелли заявил, что Бембо обещал воспеть донну Лукрецию в стихах,

как Петрарка — Лауру.

После ужина Цезарь предложил устроить танцы на лугу перед гротом. Лукреция изъявила свое согласие, и блестящее общество разбилось на пары. Конечно, Альфонсо в своем одеянии не мог принимать участие в танцах, зато Паоло был очень доволен: он считался лучшим танцором и надеялся все время не расставаться с Лукрецией. К его величайшему разочарованию, молодая женщина решительно отвергла его приглашение.

- Я сегодня так много танцевала, - ответила она, - что со-

вершенно не в силах больше сделать ни одного тура.

Орсини заметил, что иоаннит бросил при этих словах многозначительный взгляд на Лукрецию. Это так подействовало на Паоло, что он, лишь с большим трудом сдерживая свое негодование, ушел подальше от грота.

Цезарь заметил недовольство и уход Орсини и, не теряя времени, последовал за ним. Услышав за своей спиной чьи-то шаги, огорченный жених оглянулся, увидел Цезаря и остановился, поджидая его.

- Судьба благоприятствует мне, синьор Паоло, проговорил герцог необыкновенно любезным тоном, я давно искал случая поговорить с вами наедине и совершенно не знал, как это устроить. Благодаря Богу я теперь имею возможность сказать вам, что от души желаю, чтобы нас соединили родственные узы.
- Мне кажется, что этого никогда не будет, синьор, с горькой улыбкой ответил Паоло. Его святейшество вдруг стал очень холоден со мной, а донна Лукреция явно выражает свое пренебрежение.
- Я думаю, что во всем виноват тот напыщенный иоаннит; это он подействовал на святого отца. Я почти уверен, что хитрый феррарец нарочно показывает свою грубость по отношению Лукреции, чтобы отвести нам глаза, а втихомолку пользуется ее доверием. Сегодня вечером она дала ему аудиенцию, чтобы возобновить переговоры о своем браке с принцем Феррарским.
- Если вы, синьор, так думаете и действительно стоите на моей стороне, то, конечно, немедленно прогоните этого нахального рыцаря к его бессовестному принцу.

- К сожалению, не я правитель Рима. Кроме того, ведь все переговоры ведутся тайно; в них посвящены только папа и донна Лукреция, а мы должны делать вид, точно ничего не знаем. Скажу вам откровенно, мои интересы тесно связаны с вашими. У меня составлен грандиозный план, но я не могу привести его в исполнение без вашей помощи.
- Скажите, герцог, что вы задумали? Я в высшей степени заинтересован! — живо спросил Паоло.
- Видите ли, в чем дело, синьор Орсини: я убедился, что моя мечта составить самостоятельное владение в пределах гор Ромула пустейшая фант...зия, и невольно мои мысли направились в другую сторону. Недавно его святейшество выказал большое неудовольствие Феррарой, так как между ними зашел разговор по поводу земель по течению По, которые хотя отобраны от церкви, но так же мало относятся к духовной графини Матильды, как и поместья у Тибра. которыми владеете вы. Кроме того, эти земли, захваченные Феррарой, соприкасаются с моими владениями Романьей и Болоньей. Ввиду этого я и подумал, что могу смело рассчитывать овладеть короной Феррары лично для себя, конечно, при вашей благосклонной и могушественной помощи. Я высказал свое намерение его святейшеству и согласился с ним, что ваш брак с донной Лукрецией является желательным во всех отношениях. Раньше, когда я мечтал о другом, я, признаюсь чистосердечно, был против этого брака, так как он нарушал мои интересы.

Орсини был очень изумлен откровенностью Цезаря.

- Теперь настроение папы совершенно изменилось, и это произошло с тех пор, как проклятый феррарец приехал сюда. Со мной папа почти не разговаривает и почему-то все старается оттянуть вашу свадьбу, несмотря на то, что вызвал вас в Рим, вероятно, только для женитьбы.
- Его святейшество дает мне время добиться расположения его дочери, сам же он давно согласился на мое предложение, встревоженно ответил Орсини.
- Да? Ну а как идут ваши дела? Нашли ли вы доступ к сердцу моей сестрицы? Мне кажется, что она встречает вашу любовь так холодно, что та может замерзнуть.

Паоло печально кивнул головой в знак согласия.

- Сдержанность Лукреции нельзя объяснить девичьей скромностью, продолжал Цезарь. Она, как женщина тщеславная, в жилах которой течет кровь Борджиа, легко может предпочесть суверена Феррары вассалу, хотя бы и очень богатому и могущественному. Ведь мы все заметили, с какой благосклонностью относится она к посланнику правителя Феррары, несмотря на то, что он возмущает всех своей грубостью.
- Он оказал большую услугу донне Лукреции; вы помните, ваша светлость, нашу злополучную охоту на буйвола? Правда, эта услуга

была скорее случайна, чем умышленна, но все-таки донна Лукреция считает себя обязанной иоанниту. Если бы я раньше знал о его предательстве, то расправился бы с ним, — грозно воскликнул Паоло, обнажая свой меч. — Впрочем, и теперь еще не поздно!

- Синьор, он спас вам жизнь, - напомнил Цезарь, ласково

удерживая руку Паоло.

- Да, это верно, сконфуженно согласился Орсини, вкладывая обратно кинжал в ножны. Но если он отнимет у меня надежду на любовь донны Лукреции, без которой для меня невозможно существование, то его услуга перестанет быть услугой и избавит меня от благодарности.
- Совершенно верно, но, прежде чем решиться на такой крупный шаг, нужно иметь доказательства его вины в руках, а не действовать лишь по одному подозрению. Я понимаю, что вам будет очень тяжело, если феррарский посланник достигнет своей цели, а это очень легко может быть, так как его святейшество очень возмущен дерзостью ваших союзников, в особенности Вителлоццо. Да, я думаю, вам не доставит большого удовольствия держать стремя высокомерного жениха, пока тот будет садиться на лошадь, чтобы ехать венчаться с Лукрецией.

 Вы смеетесь надо мной, герцог! — воскликнул Орсини, и его глаза гневно засверкали.

— Боже меня упаси!.. Я боюсь, что над нами обоими будут смеяться другие! — грустно ответил Цезарь.

- Вы поэт, ваша светлость. Может быть, все эти ужасы лишь плод вашей богатой фантазии? пытался успокоить себя Паоло.
- Я уже сказал вам, что лишь подозреваю намерения иоаннита, но ручаться ни за что не могу, так как не посвящен в это дело. Все давно говорят, что папа очень изменился ко мне, и это нельзя отрицать. Старик мечтает лишь о блестящем положении для своей любимой дочери, роскошнейшего цветка Италии, как он называет ее, с горечью прибавил Цезарь. Мне только кажется странным обращение донны Лукреции с феррарцем. Сегодня она назначила ему тайное свидание в саду, а завтра, вероятно, встретит с ледяной холодностью. Вы сами последите за фактами; я не хочу, чтобы вы составляли мнение, основываясь только на моих словах.
- Донна Лукреция назначила рыцарю тайное свидание в этом саду? с отчаянием воскликнул Паоло.
- У вас есть полнейшая возможность или быть мужем Лукреции, или уступить ее принцу Феррарскому! проговорил Цезарь, спокойно наблюдая за тем, какое впечатление производят его слова. В ваших руках власть и сила, воспользуйтесь ими! Потребуйте с оружием в руках, чтобы папа немедленно исполнил свое слово, и женитесь, не откладывая дела в долгий ящик. Ваши союзники поддержат

вас. Докажите ее святейшеству, что у вас есть сила и храбрость, иначе вам скоро придется раскаяться.

Орсини смотрел с полным доверием на Цезаря и теперь уже не сомневался в его искренности; в особенности его привлекала мысль, что Лукреция может быть в самом ближайшем будущем его женой.

- Вы говорили о свержении старейшего представителя Италии так легко, точно дело идет о том, чтобы сорвать с дерева зрелый плод, с некоторой нерешительностью возразил Паоло, вы забываете, что он находится в тесном союзе с победоносным королем Франции.
- Тем более я считаю его своим врагом. Для того чтобы вернуть себе расположение французского короля, я принужден был поддерживать план женитьбы принца Феррарского на моей сестре, этого брака желал Людовик Двенадцатый. Но теперь мне, в угоду этим друзьям, придется отказаться от большой части моего личного имущества, так как его святейшество, конечно, пожелает наградить им мужа своей любимой дочери. Само собой разумеется, что эта перспектива не особенно радует меня. Флорентийскую республику тоже поддерживают французы, однако это не мешает друзьям Пьетро Медичи надеяться на его возвращение. Понятно, дорогой Паоло, никто из наших юбилейных гостей не должен ничего знать об этом разговоре. Если вы верите мне и хотите вступить со мной в союз, то Феррара и все феррарцы в наших руках. Прежде всего мы посадим во Флоренции Медичи, и его святейшество подпишет ваше брачное свидетельство.

Ослепленный любовью, Паоло верил каждому слову Цезаря, который продолжал развивать свой план с такими подробностями, что трудно было усомниться в его искренности. В конце концов ему удалось убедить Паоло стать его союзником.

Когда беседа Цезаря и Паоло подходила к концу, они заметили, что музыка, игравшая танцы, внезапно прекратилась.

— Вероятно, Лукрецию обидело наше долгое отсутствие, — проговорил герцог Романьи, — и она решила окончить бал. Пойдемте скорее! Но, прежде чем мы расстанемся, позвольте, Паоло, обнять вас и скрепить нашу дружбу родственным поцелуем.

Орсини вынужденно улыбнулся, и новые приятели разошлись в разные стороны, как только приблизились к освещенному пространству.

"А теперь, — радостно подумал Цезарь, глядя с презрением на удалявшегося Орсини, — все карты снова в моих руках. Лукреция ни за что не согласится на брак с Паоло, когда увидит, что ее хотят взять силой. Папа еще не настолько кроток, чтобы при первом грубом требовании поступиться своей властью в пользу мятежников. Вителли заняты в Ареццо; Орсини разгневали французов тем, что хотят снова предоставить власть своему родственнику; Неаполю гро-

зит война; одним словом, все обстоятельства складываются в мою пользу! Нужно только действовать, не теряя времени!"

XII

Паоло, войдя в грот, вспомнил слова Цезаря, что Лукреция, вероятно, обиделась их долгим отсутствием, и стал тотчас разыскивать ее, но узнал, что она внезапно уехала с частью своей свиты и просила гостей оставаться до тех пор, пока им будет угодно. Ревнивый влюбленный начал искать глазами Альфонсо и, к своему изумлению, тотчас же увидел его на том же месте, на котором он сидел, когда Паоло вышел из грота. Лебофора не было среди гостей, так как Лукреция попросила его проводить ее до носилок.

Для Паоло весь праздник потерял всякий интерес, и он отдал своим людям приказ собираться домой. Поднявшаяся при этом суета вывела Альфонсо из задумчивости; он быстро поднялся и ушел из грота. Однако не успел он пройти несколько шагов, как встретился с Лебофором, который возвращался обратно, исполнив почетную обязанность.

- Что же, благоволение красавицы к вам не дошло до такой степени, чтобы пригласить вас в Ватикан? насмешливо спросил Альфонсо.
- Прошу вас, любезный товарищ, оставить подобные шутки! недовольным голосом ответил Лебофор.
- Неужели вы не оказали прекрасной даме этой маленькой услуги? Неужели вы не проводили бы ее до самого дворца, если бы она пожелала этого? Я отдал бы ей последнюю каплю своей крови, если бы она потребовала этого! горячо воскликнул англичанин. Однако не забывайте, что вы говорите о невесте моего друга? Я, несомненно, имел бы честь проводить донну Лукрецию до ее дворца, если бы ей не вздумалось посетить своего духовника, куда я не мог отправиться вслед за ней.

— О, какой поздний визит! Ведь теперь уже полночь! Сознайтесь, Реджинальд, вы дорого дали бы, если бы могли быть духовником этой красавицы? — с горькой иронией спросил Альфонсо.

- Скорее роль духовника подходит вам, как рыцарю святого Иоанна, возразил англичанин, не понимая намека Альфонсо. Что касается меня, то, клянусь Пресвятой Девой, я был бы счастлив сделаться какой-нибудь вещью, каким-нибудь предметом, находящимся постоянно возле донны Лукреции. С какой радостью я был бы цветком на ее груди, хотя бы даже узнал, что к вечеру завяну, или птицей в клетке, висящей в ее комнате, или собакой, лежащей у ее ног и чувствующей прикосновение ее нежной мягкой руки к своей голове, или подушкой, на которой покоится во сне ее щека!
- Пусть Паоло будет осторожен: я боюсь, что ты задушишь своей страстью его невесту, произнес Альфонсо. Скажи откровенно, мой друг, это фея Моргана хотела превратить тебя в цветок, касаю-

щийся ее груди, или в подушку, на которой покоится ее го ва? Она обещала тебе это?

Лицо Лебофора вспыхнуло.

— Ну, мало ли что она в качестве феи Морганы предлагала разным лицам! — смущенно ответил он. — Она многих приглашала к себе, в том числе и меня.

— А у тебя не хватило мужества напомнить ей о ее обещании? Вероятно, с этой целью она просила тебя проводить ее! — с замет-

ным волнением проговорил Альфонсо.

- Разве можно напоминать такой высокопоставленной даме о том, что говорилось шутя, во время маскарада? возразил англичанин. Впрочем, правда, она даже заставляла меня сделать это. К моему величайшему изумлению, она потребовала, чтобы я рассказал ей все, что говорила фея Моргана, в чем она была, хотела, чтобы я повторил каждое ее слово, причем мне пришлось порядочно краснеть по временам.
- Неужели же ты такой новичок в любовных приключениях, что не напомнил ей о ее приглашении?
- Я сам не знаю, как это вышло! Она, между прочим, спросила, что предсказала вам фея Моргана, и добавила, что собирается исполнить все обещания этой щедрой феи.
- И после этого ты все-таки ушел не солоно хлебавши? почти с негодованием воскликнул Альфонсо. Она ведь прямо сказала тебе, чего ей хочется! Ну, имея такого соперника, Орсини может спать спокойно!
- Во всяком случае, если бы меня поцеловала женщина, как вас в гроте Эгерии, можете быть уверены, что я не стал бы рассказывать об этом всему свету!
- Можешь молчать, сколько тебе угодно; я и так знаю, что твоя обожаемая Лукреция далеко не ледяная сосулька! с трудом скрывая бешенство, ответил Альфонсо. Ну, иди к своим друзьям, а я отправлюсь в гостиницу.

Товарищи по оружию разошлись в разные стороны далеко не в таких дружеских чувствах, как бывало раньше. Альфонсо придумал новый план для того, чтобы удостовериться в недостойном поведении Лукреции. Англичанин сказал, что она отправилась к своему духовнику; никто не мешал Альфонсо последовать за ней и, пользуясь уединенностью места и разными скрытыми закоулками, подсмотреть и подслушать, чем вызван этот подозрительный визит.

Когда рыцарь приблизился к развалинам, в которых обитал отец Бруно, он сразу же увидел носилки Лукреции, освещенные факелами. Приказав остановиться, она надела длинную испанскую мантилью, закрывавшую ее лицо и фигуру, и соскочила с носилок. Ей навстречу выбежал Биккоццо, и в его сопровождении она быстрыми шагами вошла в одну из башен. Пользуясь знанием кратчайшего пути к келье отца Бруно, изученного в первое посещение, Альфонсо

теперь намного опередил Лукрецию и Биккоццо. Пока те шли по лабиринту узких проходов, принц храбро подошел к открытому отверстию, заменявшему окно в келье монаха, и, спрятавшись в высоком кустарнике, видел все, что делается внутри кельи.

Бруно сидел за большим каменным столом, заваленным латинскими и еврейскими рукописями, и писал что-то на огромном листе пергамента. По-видимому, устав от работы, он откинулся на спинку кресла, держа перо в руках. Среди мертвой тишины, царившей вокруг, до него внезапно донеслись звуки музыки, игравшей танцы перед гротом Эгерии.

— Ее окружает веселье, — тихо проговорил доминиканец, мрачно глядя в одну точку. — Может быть, в этой зачумленной атмосфере загорается ее кровь греховной страстью? Но что мне за дело до этого? — вдруг вскрикнул он, вскакивая с места. — Я опять забываю, что не должен думать о ней, опять совершаю грех! Мне снова мерещится сатана в образе этой прекрасной женщины! Но, если я даже и грешу, что из того? За прикосновение к ней можно согласиться на вечные ужасные пытки! Господи, спаси раба Твоего от искушения, избави его от этих ужасных мыслей! Я — монах, отшельник, для меня должны существовать лишь молитвы да книги, написанные во славу Божию. На чем я остановился?

Отец Бруно опустился на стул, обмакнул перо в чернила и только что приготовился писать, как в келью вошел Биккоццо и доложил, что его желает видеть донна Лукреция.

— Добрый вечер, отец мой, — раздался чарующий голос молодой женщины, появившейся вслед за Биккоццо. — Не пугайтесь! Возвращаясь из своих садов Эгерии, я зашла к вам, чтобы положить на ваш алтарь несколько лучших цветов; кроме того, мне нужно сказать вам несколько слов наедине. Отец Биккоццо, оставьте нас!

Молодая женщина сбросила мантилью; Биккоццо несколько секунд стоял неподвижно, пораженный ее красотой, а затем повернулся к двери, чтобы исполнить желание красавицы.

- Биккоццо, приказываю тебе оставаться здесь, сказал отец Бруно, но затем, вдруг устыдясь своей слабости, смущенно пробормотал: или лучше ступай вниз и смотри, чтобы никто не мешал мне. Ах, это ты, дочь моя? Я тебя не узнал сразу. Что с тобой? Почему эти слезы? Ты совершила какой-нибудь тяжкий грех? Ведь я только вчера исповедовал тебя и отпустил тебе все твои грехи.
- О батюшка, я тяжело согрешила, ответила молодая женщина, заливаясь слезами. Она была рада, что Биккоццо ушел, не подозревая, что ее исповедь слушает Альфонсо. Я согрешила и глубоко раскаиваюсь; я даже сама нашла для себя достойное наказание.
- Ты раскаиваешься в своем поступке или жалеешь, что он не дал тех результатов, которых ты ждала? Женщины часто смешивают

эти два чувства. Однако в чем дело, дочь моя? Стань на колена, как полагается!

Лукреция послушалась и опустилась у стула, на котором сидел монах, устремив свой взор на Распятие.

- Вы предостерегали меня, батюшка, и, если бы я последовала вашему указанию, мне не пришлось бы испытать такое унижение; во всем виновато мое женское тщеславие, заговорила Лукреция, заливаясь слезами. Вы приказывали мне, да я и сама знаю, что грешно искушать иоаннита, полудуховное лицо, и вот Бог покарал меня. Рыцарь открыто, перед всеми, презрительно отвернулся от меня.
- Кто он? О ком ты говоришь, дочь моя? спросил отец Бруно, со злобным удивлением посмотрев на Лукрецию.
 - О рыцаре святого Иоанна, спасшем мне жизнь!
- Что же случилось с ним? Говори скорее! Твоим нежным щечкам давно пора покоиться на мягких подушках, иначе они завтра не будут так свежи, как их соперницы-розы! — нежно сказал монах.
- Мне трудно говорить о том, о чем даже подумать стыдно, прошептала Лукреция. Сегодня во время карнавала...
- Ты играла позорную роль, как я слышал, прервал ее монах. Ты держала себя неприлично с этим мальчишкой-англичаниюм.
- Значит, та фея, которая почему-то хотела казаться мною, ввела и вас в заблуждение, батюшка? спросила Лукреция, положив свою нежную руку на корявые пальцы монаха. Нет, я играла другую роль, еще худшую, и очень боялась, чтобы вы не узнали меня. Вы не видели сицилийскую танцовщицу?
- Да, мне кажется, я встретил это жалкое отродье, сосуд всевозможных пороков на Капитолийской площади, после некоторого раздумья, холодным тоном ответил монах. Она привлекла к себе внимание грязной, разнузданной черни своими сладострастными движениями; она все время кривлялась перед толпой.
- Нет, вы не правы. Я вовсе не кривлялась. Чем я заслужила такое мнение? воскликнула Лукреция.
- Ты бредишь, моя дочь? При чем ты тут? спросил монах, освобождая свою руку из-под ее нежных пальцев.
- О дорогой батюшка, выслушайте меня! умоляющим тоном проговорила Лукреция, насильно овладевая рукой монаха. Я хотела завлечь иоаннита, чтобы посмеяться над ним в присутствии всего двора, и для этого назначила ему свидание в гроте Эгерии!
- Но он не пришел на него, и потому ты теперь раскаиваешься в своем поступке?
 - О нет, он пришел!
- Пришел? Не шути такими вещами! Ты знаешь, что этим погубишь его. Снова прольется кровь, снова раскроется страшная пасть

и проглотит его. Не губи иоаннита. Ты знаешь, что у меня есть тоже основание любить этого человека!

— Это чувство заставило и меня позабыть об опасности, — воскликнула Лукреция. — Я сознаюсь вам во всем. Он пришел... да, да, но выказал мне такое презрение, что я готова была провалиться сквозь землю. Правда, он не знал, кто я, но, говоря с моей воображаемой фрейлиной, он называл позорными именами как ее, так не егоспожу — Лукрецию. А затем на меня нашло какое-то затмение, и я поцеловала его в лоб, как целую ваши руки.

С последними словами молодая женщина почтительно прикосну-

лась губами к рукам монаха.

— Ах, ты, развратница!.. — не помня себя от гнева, закричал отец Бруно, дико сверкая глазами. — Ты ведешь себя, как последняя продажная женщина. Убирайся отсюда, я не хочу больше ничего слышать! Я могу с ума сойти от того, что услышу от тебя в следующую минуту. Уходи прочь, пока я не убил тебя. Я считаю святым делом удержать тебя от пропасти, куда ты стремишься, а этого можно достигнуть, лишь убив тебя собственным руками.

— Что вы говорите, батюшка? — воскликнула Лукреция, густо краснея. — Ваш гнев лучше всего доказывает мой позор. Поверьте, что я еще не совсем потеряла стыд. Я отважилась на этот поцелуй только в глубокой темноте. О, если бы вы знали, как я наказана за свой поступок! Этот рыцарь святого Иоанна перед всем двором насмеялся надо мной, рассказав, что произошло в гроте Эгерии.

— Нельзя верить твоим словам, лживая женщина. Как могла ты поцеловать его в лоб, когда он выше тебя? Он, значит, наклонил

голову?

— Разве я сказала "в лоб"? Я хотела сказать "в губы". Я, собственно, намеревалась поцеловать его в лоб, но как-то случилось, что мне подвернулись губы. Ведь дело происходило в темноте! — пробормотала Лукреция, потупясь.

— Ну, вот это скорее похоже на правду! — с горькой улыбкой заметил монах. — Для того, чтобы ты могла поцеловать иоаннита даже в губы, он все-таки должен был наклониться к тебе, то есть

сознательно принять участие в твоем позоре.

— Неужели? Значит, он искал моего поцелуя? — с невольной радостью воскликнула Лукреция.

— Он приблизительно одного роста со мной! — проговорил мо-

нах, и его лицо приняло какое-то странное выражение.

— Да, только вы опускаете голову, как подобает духовному лицу, а он держит ее высоко, подобно юному Марсу. Вы прощаете меня, батюшка, не правда ли? Ответьте на мой униженный поцелуй поцелуем всепрощения.

С последними словами Лукреция прижала руку отца Бруно к сво-

им губам.

— Тебя простить? Нет, нет! Ты слишком искушаешь мое терпение. Уходи отсюда, ступай к своему родному отцу!.. Пусть он про-

шает тебе твои многочисленные грехи. Уходи.

— Что ты о себе воображаешь, отец Бруно, чего ты бесишься? — внезапно изменила тон Лукреция, вскакивая с колен. — Как ты смеешь издеваться надо мной после того, как я открываю тебе каждый потайной уголок своей души? Не нужны мне ни твое прощение, ни твоя помощь. Я сама скажу иоанниту, какая опасность ждет его. Во время нашего свидания в гроте за деревом стоял герцог Цезарь и слышал весь наш разговор.

- Герцог Романьи? - с видимым удовольствием воскликнул мо-

нах. — Каким образом он попал туда?

— Он действительно поверил или, может быть, сделал вид, что верит, будто я — странствующая танцовщица. Подслушав мой разговор со старухой, которую я посылала за иоаннитом, он сам явился на свидание, — дрожа всем телом, ответила Лукреция. — Необходимо предупредить феррарца об угрожающей ему опасности.

— Цезарю не за что мстить ему, если ты говоришь правду, что рыцарь с презрением отвернулся от тебя.

- Да, но он потом сказал при всех, что я поцеловала его, а Цезарь никак не может перенести это.
- Ты искренне раскаиваешься в своем поступке? спросил монах.
- Наложите на меня какое угодно покаяние, но ради Бога предупредите феррарца об опасности! воскликнула Лукреция, опускаясь на колена. Я даже согласна, если это необходимо, чтобы он уехал из Рима.
- Иоаннит не сделает этого; у меня уже был разговор с ним по поводу опасности, грозящей ему здесь, но он ответил, что ни за что не уедет отсюда, пока не исполнит данного слу поручения! задумчиво возразил отец Бруно.
- Вы знаете, какое у него поручение? испуганно спросила молодая женщина.
- Может быть, Господь готовит тебе горькую чашу с целью заставить тебя отречься от мирской суеты, покончить со всеми ужасами, виной которых является твоя красота, и прийти под Его святую защиту. Знаю ли я, зачем приехал феррарец? Я-то знаю, а вот тебе, должно быть, не известно, зачем он явился в Рим.
- Нет, от сам рассказал мне. Его послал принц Феррарский для того, чтобы, чтобы... нет, я это не могу сказать, прошептала Лукреция, закрывая свое лицо рукой монаха.

- Успокойся, дочь моя, он не в состоянии будет исполнить свое

поручение, - нежно и тихо проговорил отец Бруно.

— А вы прощаете меня, батюшка? — спросила Лукреция и, встретив взгляд духовника, отшатнулась в ужасе — так необычно было выражение его лица.

Монах молчал.

- Да говорите же, вы пугаете меня! Пресвятая Дева, он умер!.. Биккоццо, Биккоццо!
- Тише, тише, дочь моя, слабым голосом остановил ее отец Бруно. Я немного ослабел от поста и бессонных ночей, но теперь уже все прошло. Уходи отсюда, прекрасный дьявол! Как ты смеешь так искушать меня своим сладострастием! вдруг хрипло закричал монах.
- Простите меня, батюшка, иначе я навсегда лишусь спокойствия!— просила Лукреция ласковым, умоляющим голосом, по-видимому, не подозревая истинной причины волнения Бруно и приписывая все своему проступку.

— Тебя простить, дорогая, дивная Лукреция? О Боже, спаси меня, дай мне какой-нибудь знак, что Ты здесь, что Ты существуешь!

Пусть разразится гром, или я с ума сойду...

Альфонсо невольно сделал резкое движение, отчего камень с разрушенной стены скатился в отверстие окна кельи монаха и с шумом упал на пол посреди комнаты.

Доминиканец быстро оттолкнул Лукрецию в сторону и бросился

на колена пред алтарем.

— Да благословенно будет имя Господне во веки веков! — в экстазе воскликнул он и начал горячо молиться.

Лукреция с удивлением смотрела на монаха. Когда он поднялся с колен, то был поражен, каким чистым, невинным созданием казалась эта женщина!

- Забудь все, что я говорил, дочь моя! смущенно пробормотал доминиканец. Твоя душа так дорога мне, что я в отчаянии забыл свою обязанность духовника. Иди с Богом, а я пока придумаю для тебя достойное покаяние.
 - А вы исполните просьбу, батюшка?
- Да, я повторю свое предостережение. Жизнь этого иоаннита имеет и для меня значение! изменившимся голосом прибавил монах. Однако не забывай, дочь моя, что этот феррарец выказал тебе презрение при всем народе, а теперь всеми силами старается найти какие-нибудь доказательства, чтобы покрыть твое имя позором навеки.
- Да, я возненавижу его так же, как он ненавидит меня! со вздохом ответила Лукреция, закутываясь своей мантильей. Я никогда не забуду своей собственной глупости и той бессердечной жестокости, с которой он выставил меня на позор перед всеми окружающими. Я его так же презираю, как он презирает меня.

Отец Бруно с горькой улыбкой взял лампу и пошел провожать свою духовную дочь. Все это было сделано так быстро, что Альфонсо

еле успел спрятаться.

На следующий день Орсини устраивали бой быков в своем дворце на площади Равона. Вокруг всей площади были устроены сиденья, покрытые дорогой материей и украшенные флагами. На возвышении стояла палатка, предназначенная для папского двора. Она была сделана из пурпурного шелка, а внутри обита такого же цвета бархатом и белым атласом; а чтобы скрыть папу от взоров любопытной толпы, открытая сторона была завешена золотой сеткой.

Альфонсо, не желая принимать участие в празднике в качестве гостя, последовал за толпой, стремившейся посмотреть торжество. Он был в мрачном настроении, не хотел, чтобы его видели, и все время прятался среди народа. Когда он подошел к площади, почти все места для сидения были уже заняты. Свита папы в блестящих мундирах заняла приготовленные для нее ложи. Через золотую клетку павильона Альфонсо увидел папу рядом с Лукрецией, окруженной своими фрейлинами. Из мужчин был лишь один — англичанин Лебофор. Альфонсо спросил стоявших около него людей, почему рыцарь солнца не принимает участия в бое быков, и ему ответили, что англичанин не обладает нужной для этого ловкостью, а потому отказался от турнира. Этот ответ поразил Альфонсо, он знал, что Реджинальд отличался необыкновенным искусством в этом деле и ничего так не любил, как опасную борьбу и триумф после победы.

Арена была усыпана белым песком; из большого фонтана все время лилась струя розовой воды и смачивала песок для того, чтобы не было пыли.

Среди всадников, сидевших на горячих лошадях, находились герцог Романьи и Паоло Орсини. На Цезаре был черный бархатный костюм с огненно-красными бантами, а на Орсини — белый (цвет Лукреции), отделанный ярко-красным (цвет дома Орсини) и зеленым. Эти цвета должны были служить символом любви и надежды.

Маршал турнира представил Лукреции шестнадцать всадников и попросил у нее разрешения начать бой быков. Лебофор откинул в сторону золотую сетку, и Лукреция вместе со своими фрейлинами приветствовала героев. Альфонсо заметил, что молодая женщина холодно отнеслась к Орсини, отчего лицо англичанина засияло радостью.

- Разрешаю вам вступить в борьбу, рыцари, и от души желаю полного успеха, с обворожительной улыбкой проговорила Лукреция, подавая Орсини большой железный ключ. Однако почему среди вас нет рыцаря святого Иоанна? Может быть, он боится в борьбе с быками потерять ту славу, которую приобрел во время охоты на буйволов?
- Вам, донна, вероятно, это лучше известно, мрачно ответил Паоло, что касается меня, то я мало интересуюсь тайными побуждениями иоаннита.

Лукреция высокомерно поклонилась, а Паоло передал маршалу ключ от конюшни, в которой находились быки. Для большего удовольствия публики на арену сразу выпустили четырех быков, самых бешеных. Раздался громкий шум труб и литавр, и со страшным ревом по арене завертелись четыре черных, как уголь, быка. Зрелище казалось настолько интересным, что даже папа высунул голову вперед из палатки и напряженно следил за борьбой.

Альфонсо не принимал никакого участия в этом зрелище. Он стоял равнодушно, когда публика громко выражала свои восторги по адресу Орсини, который, несмотря на страшную опасность, схватил быка за рога и обмотал их белыми лентами в честь Лукреции; он смотрел безучастно, когда толпа зааплодировала Цезарю, снесшему одним взмахом кинжала голову самого бешеного животного.

В конце боя трудно было решить, кому принадлежит пальма первенства — Паоло Орсини или герцогу Романьи. Цезарь поспешил великодушно отказаться от награды в пользу своего друга Паоло. Приз состоял из великолепного меча, и, держа этот приз в руках,

Паоло опустился на колена перед дамой своего сердца.

Александр VI удостоил похвалой храброго рыцаря, а Лукреция приняла подарок с более благосклонной улыбкой, чем обыкновенно. Протянув свою руку, чтобы взять подарок Паоло, она взглянула с чарующей улыбкой на Лебофора и перевела затем свой взгляд на толпу. На одно мгновение ее взоры встретились с взглядом Альфонсо, но последний поспешил скрыться среди публики.

— Завтра я буду сражаться этим мечом с теми рыцарями, которые не отдают дани богине любви, в особенности с самым упрямым из них, рыцарем святого Иоанна, — весело сказала Лукреция, обращаясь к Паоло. — Но, так как этот меч слишком тяжел для того, чтобы я могла прикрепить его к своему поясу, а вы очень устали, я отдам его на сохранение сэру Реджинальду Лебофору.

С этими словами Лукреция передала меч англичанину и держала его при этом таким образом, что Лебофор должен был вместе с мечом взять и ее руку; так по крайней мере думал Альфонсо, видевший

эту сцену.

По окончании боя быков на арену вышли четверо герольдов в ярких костюмах и объявили всему народу, что завтра в честь юбилейного праздника и дня рождения донны Лукреции будет турнир в Колизее. Приз его святейшества состоит из бриллиантового венка, стоящего пятнадцать тысяч золотых дукатов. Этот приз получит тот рыцарь, которого признают победителем все дамы, герцог Романьи в качестве председателя турнира, герольды и маршалы.

После этого торжественного сообщения пришли два других герольда с гербами герцога Романьи и пригласили всех жителей Рима, а также приезжих гостей на праздник во дворец к герцогу, где дано будет блестящее представление. После этого толпа разошлась, а двор отправился в палаццо Массими, где Орсини устроили парадный обед.

Альфонсо в удрученном настроении вернулся в свою гостиницу. Всю прошлую ночь он думал о событиях дня. Его мучила мысль, что он жестоко оскорбил Лукрецию, но он старался успокоить себя тем, что, хотя многие его подозрения оказались неосновательными, все же красавица не могла оправдаться в том обвинении, которое главным образом позорило ее. Он припоминал выражение ревности у Цезаря, упреки монаха по адресу молодой женщины, рассказ еврейки об убийстве Джиованни Борджиа, который, вероятно, погиб от руки ревнивого Цезаря, и его озлобление против Лукреции заглушало чувство раскаяния. Кокетство молодой женщины с англичанином заставляло сердце Альфонсо сжиматься от какого-то горького, неприятного чувства.

Стук в дверь заставил его очнуться от мрачных мыслей.

— Войдите! — недовольным тоном проговорил он.

Дверь открылась, и на пороге показался отец Бруно. На бледном лице монаха отражались следы душевной борьбы, что вызвало со стороны Альфонсо не жалость, а презрение. Рыцарь знал, зачем отец Бруно пришел к нему. Сначала мысль о том, что Лукреция беспокоится о его судьбе, наполнила душу Альфонсо раскаянием и умилением, но он тотчас же прогнал это чувство, объяснив себе желание Лукреции, чтобы он уехал из Рима, ее страхом за себя перед наблюдательным свидетелем и потребностью избавиться от него.

После обычных приветствий монах заявил, что, чувствуя себя обязанным рыцарю, он считает своим долгом предупредить его о том, что его ждет большая опасность, а потому он должен уехать как можно скорее из Рима, если не хочет попасться в руки врагам.

- Вы монах, отец Бруно, и вам не знакомы людские страсти, ответил Альфонсо с тайным намерением уколоть доминиканца, поэтому вы думаете, что я могу исполнить ваш совет. Нет, солдат и мужчина должен быть именно там, где его ждет опасность. Я обязан быть завтра на турнире, хотя поклонник римской Венеры обещал жестоко отомстить мне и, вероятно, сдержит свое слово.
- Я боюсь, что ваше открытое презрение к донне Лукреции переполнит чашу терпения этой гордой, жестокой женщины. Вы и так уже разгневали ее до последней степени!
- Гордая, жестокая, разгневанная до последней степени! повторил Альфонсо. Я думаю, отец Бруно, что эти опасения напрасны. Ваша Венера так увлечена любовью к юному английскому рыцарю, что, наверно, ей теперь нет времени заняться кровавыми ужасами.

Отец Бруно улыбнулся, хотя не мог скрыть внутреннее беспокойство, вызванное словами Альфонсо.

— Вы можете потерпеть поражение на завтрашнем турнире, чем воспользуются ваши враги; или — вернее — ваши враги могут убить вас и все свалить на несчастный случай, который якобы произошел с вами на этом турнире! — проговорил монах после неко-

торого раздумья. — Я предупредил вас, а затем, если с вами случится что-нибудь, — не моя вина. Будьте осторожны!.. Вы знаете, что ненавидящая женщина способна на все, а вы сами своим поведением вызвали эту ненависть.

Доминиканец ушел, а Альфонсо остался в еще более мрачном настроении при мысли о том, что мимолетное влечение к нему Лук-

реции превратилось в жажду кровавой мести.

Несмотря на угрозы, страшную усталость и отвращение ко всем Борджиа, Альфонсо был одним из первых, устремившихся на другой день ко дворцу Колонна.

По тем разговорам, которые слышались в толпе, Альфонсо убедился, что Цезарь Борджиа превосходно знал характер римлян.

— Как хорошо, что изгнали этих Колонна! — говорила веселая публика, предвкушая ряд удовольствий. — Теперь по крайней мере сады открыты для всех. Представление будет из жизни старых римских императоров; это доказывает, что Рим возвращается к своему великому прошлому!

Вид приготовленного угощения привел в восторг толпу. Высокие фонтаны били непрерывными струями вина, которые падали в широкие мраморные бассейны. Бесчисленные столы гнулись под тяжестью разнообразных блюд. На ветвях каштанов висели апельсины,

виноград и другие фрукты.

На возвышении был устроен храм Богу солнца, куда Цезарь собрал весь Олимп. Навес из бледно-голубого шелка должен был изображать небо. Места для сидения разных цветов напоминали небесные облака. Все приглашенные изображали собою богов и собрались вокруг роскошно сервированного стола.

Только папа Александр был в своем обычном одеянии, но его величественная фигура не вносила диссонанса, находясь рядом с ми-

фическими богами.

Цезарь изображал Меркурия. Говорили, что он выбрал эту роль ради того, чтобы угодить папе, так как Меркурий был послушным

орудием в руках своего отца.

Альфонсо интересовала только Лукреция, которая избрала для себя роль Богини любви. На ней было легкое пурпурное платье, стянутое золотым кушаком, на котором висело зеркало в серебряной оправе. Золотые сандалии еле держались на ее стройных, удивительной красоты ногах; венок из роз украшал золотистую головку. Глаза сияли торжеством. Вся она со своим чарующим мелодичным голосом действительно производила впечатление настоящей Богини любви.

Возле нее сидел Паоло в роли ее возлюбленного — Марса, а Урбино с неподражаемым комизмом представлял уродливого мужа Венеры. Лебофор, конечно, был Адонисом, и Лукреция, согласно своей роли, проявляла большую нежность к нему. Вителлоццо изображал Геркулеса и стоял рядом с Макиавелли, изображавшим Бога сплетен Момуса; Бембо нарядился Орфеем и с лютней в руках сочинял сонет

в честь Богини любви; напротив него стояла мрачная фигура Алекто с огромной зменной головой и черной маской на лице.

Альфонсо смотрел на представление, рассчитывая на то, что его не видят олимпийцы. Он не спускал взора с Лукреции, веселость которой казалась ему неприличной, и иногда чувствовал на себе мрачный, пронизывающий насквозь взгляд Паоло Орсини. После обеда олимпийцы поднялись со своих мест и решили отправиться в ту часть сада, откуда были видны Корсо и бег евреев взапуски.

Принцу Альфонсо невольно пришла в голову мысль о Мириам. Ворота гетто открывались во время бегов, а потому он мог проникнуть туда и, отыскав молодую девушку, привести ее, чтобы та перед всем народом рассказала об убийстве своего Джиованни (герцога Гандийского). У Альфонсо было неопределенное желание убедиться в том, что Лукреция не виновата в этом преступлении; он надеялся, что Джиованни окажется не герцогом Гандийским, и вместе с тем ему хотелось испугать ненавистную семью Борджиа и по поведению папы удостовериться, боится ли он, что нашли убийцу его младшего сына, или нет.

Проводив взором блестящую свиту папы, направившуюся к мраморной террасе, откуда был вид на Корсо, Альфонсо торопливо пошел к выходу и неожиданно столкнулся с Алекто. Она держала в руках маску, которую сняла, чтобы подышать воздухом. Иоаннит увидел молодую женщину, мрачная красота лица которой вполне соответствовала ее костюму царицы преисподней.

— Богиня ада, позволите ли вы мне пройти мимо вас? Не сочтите это за обиду и не мстите мне; ведь вы так хорошо умеете мстить! — проговорил Альфонсо, так как ему казалось невежливым пройти мимо дамы, не обратив внимания на ту роль, которую она исполняет.

— Не стану удерживать вас, рыцарь; вы, вероятно, тоже один из поклонников той красавицы и спешите к ней? — с горькой улыбкой ответила Алекто. — Она действительно поразительно хороша; я не ожидала, что она так прекрасна.

— Мне очень знаком ваш голос, — заметил Альфонсо, что-то припоминая. — Я убежден, что очаровательная Богиня ада была

вчера феей Морганой.

— Ну, вот еще! — возразила фурия, отворачиваясь от рыцаря. — Вы приняли тоже уличную танцовщицу за донну Лукрецию. Одно могу сказать вам: что и вчера, и сегодня я — то, чего пожелал один из Борджиа, и это приведет меня к гибели.

Надев маску, незнакомка исчезла; а Альфонсо задумался над ее

загадочной фразой.

На Корсо стояли евреи, которые обязаны были для блага своих соплеменников участвовать в бегах ради увеселения христианской публики. Альфонсо быстрыми шагами прошел мимо них. Подойдя к Гиндейской площади, примыкавшей к гетто, от остановился перед

огромной толпой, со смехом сопровождавшей фигуру, находившуюся в центре.

На осле, которого вели двое полицейских, сидела верхом женщина со связанными ногами, в роскошном еврейском костюме. Альфонсо сейчас же узнал несчастную Мириам. Она, вероятно, своим больным умом объясняла это шествие как нечто необыкновенно приятное для себя. Ее лицо сияло счастьем, несмотря на насмешки и угрозы сопровождавшей ее толпы.

Иоаннит пробрался к полицейским и спросил их, что они хотят сделать с арестованной и в чем ее вина.

- Это жидовская проститутка, синьор, ответил один из полицейских. Несмотря на запрещение, она вышла из гетто, за что должна быть примерно наказана.
- Разорвите на куски эту жидовку, она занесет нам заразу! кричала какая-то женщина, котя по ее виду можно было смело судить о ее профессии уличной гетеры.

Двое рослых парней, размахивая саблями, кричали:

- Смерть, смерть язычнице!

По-видимому, это были наемные убийцы, посланные каким-ни-будь влиятельным лицом.

— Тише, тише! — властным голосом остановил их рыцарь. — Разве вы не видите, храбрые воины, что эта несчастная девушка сошла с ума? — обратился он к полицейским. — Предоставьте ее мне, и я найду какого-нибудь доброго христианина, который проводит ее в гетто, не причинив никакого вреда.

Услышав голос Альфонсо, Мириам оглянулась и, узнав рыцаря, радостно воскликнула, хлопая в ладоши:

- Вот он, вот он!.. Вот видишь, я сдержала свое слово. Поведи меня к нему. Где Джиованни? Я хочу к нему. Если бы я даже была королевой, я предпочла бы стать его служанкой, любящей рабой.
- Ай, ай, ай, укоризненно произнесла женщина, красивый мужчина, и возится с жидовкой! Впрочем, его, верно, опоили жиды; ведь они умеют делать любовное зелье.
 - Смерть ведьме! кричали со всех сторон.
- Имейте терпение, господа! с трудом сдерживал Альфонсо разъяренную толпу, Повторяю вам, что она сумасшедшая, но, чтобы удовлетворить вас, я попрошу законного судью разобрать это дело.

Слова "законный судья" магически подействовали на толпу, связывавшую это понятие с чем-то страшным для себя. Она продолжала выказывать свое неудовольствие, но никто не решился подойти к Альфонсо, который разрезал веревки на ногах Мириам и посадилее боком на спину осла, как сидят обыкновенно женщины.

Альфонсо решил повести Мириам прямо к папе, как бы для того, чтобы попросить у него защиты для несчастной девушки, а в сущности для того, чтобы посмотреть, узнает ли Мириам Цезаря или

нет. Мириам радостно следовала за ним. Она была убеждена, что се везут к возлюбленному, в его роскошный дворец. Вероятно, умерший обещал ей когда-нибудь что-либо подобное. Перед каждым красивым зданием она хотела остановиться, воображая, что это — дворец ее Джиованни.

— Ведь ты же говорила мне, Мириам, что твоего Джиованни убили в гетто; как же ты надеешься видеть его здесь? — спросил на-

конец Альфонсо.

— О, это был сон, страшный сон, — ответила молодая еврейка, — мне это приснилось потому, что мой народ хотел убить его за то, что он ходил ко мне. Мы сейчас же узнаем его, он похож на эти цветы!

Альфонсо приходил в отчаяние, что Мириам никак нельзя было привести в нормальное состояние. Думая об этом, он не обратил никакого внимания на гвардейца, который точно вырос из-под земли и потребовал, чтобы шествие остановилось. Альфонсо беспрекословно исполнил приказание. Толпа тоже остановилась. Часть ее начала объяснять гвардейцу, в чем дело; часть требовала, чтобы колдунью сожгли; часть издавала какие-то дикие звуки. В общем, получился такой невообразимый шум, что ничего нельзя было разобрать.

— Что за крик? Как вы смеете беспокоить его святейшество? —

спросил гвардеец, подходя ближе.

Альфонсо заметил, что гвардеец страшно побледнел, увидев Мириам, но, прежде чем сам он успел ответить на вопрос гвардейца,

молодая девушка радостно воскликнула:

— Ах, это вы? Проведите же меня к нему, проведите скорее. Теперь, черный рыцарь, вы можете оставить меня, — обратилась она к Альфонсо. — Этот офицер приходил ко мне от Джиованни. Ну, сын счастливого отца, веди меня к нему, и ты получишь много-много денег!

Что это? — пробормотал гвардеец, испуганно оглядываясь.
 Сотня голосов закричала что-то, но сильный голос Альфонсо по-

крыл этот крик:

- Эта девушка ненормальна, синьор Мигуэль, но все-таки не настолько, чтобы не сознавать, что в ее присутствии совершено преступление. Я не знаю, сделано ли оно каким-нибудь фанатиком ее племени, или на него решилось какое-либо чудовище, дерзающее называть себя христианином: как бы там ни было, но она имеет право хлопотать о правосудии перед его святейшеством.
- Я вовсе не сошла с ума! Я прекрасно помню этого офицера. Он, наверно, пришел теперь за мною, чтобы вести меня к моему Джиованни!— недовольным тоном воскликнула Мириам, глядя в глаза наперсника и пособника Цезаря.
- Каким образом эта еврейка попала сюда? спросил офицер с искаженным от гнева и страха лицом.

— Она выбежала из гетто вслед за теми евреями, которые участвуют в бегах, в надежде встретить своего возлюбленного, к величайшему стыду этого святого иоаннита! — раздался в толпе насмешливый голос отца Бруно.

Расскажите, где вы нашли ее? — обратился дон Мигуэль к од-

ному из полицейских.

— Мы встретили ее за пределами гетто, — ответил полицейский, — и арестовали. Но тут подошел к нам этот рыцарь, по-видимому, ее хороший знакомый, и потребовал, чтобы еврейку освободили.

— Существует закон, по которому еврейка, осмелившаяся покинуть гетто во время юбилейных празднеств, подвергается смертной казни, в особенности если она занимается профессией проститутки. Идите, рыцарь, своей дорогой и предоставьте эту девку той участи, которую она заслужила! — воскликнул Мигуэлото. — Гоните ее назад в гетто, добрые люди!

Это распоряжение было встречено полнейшим одобрением толпы. Мириам спокойно, но разочарованно смотрела на дона Мигуэля.

- Господин полковник, это нельзя сделать, по крайней мере до тех пор, пока его святейшество не выслушает жалобы несчастной девушки, еле сдерживая свой гнев, возразил Альфонсо. Ее обманули и на ее глазах убили ее возлюбленного, христианина. Это дело нельзя так оставить.
- Это неправда! возразил Мигуэлото. Я случайно знаю, как было дело. Эта девка старается оклеветать невинных людей! Во всяком случае такому святоше, каким вас считают все, не подобает вмешиваться в такие грязные истории. По-видимому, эта жидовка ваша возлюбленная. Гоните ее как можно скорее обратно в гетто. Всякий, встретившийся на вашем пути, будет издеваться над вами.

— Я сам обращусь к папе! — так громко заявил Альфонсо, что его голос услышали на мраморной террасе. — Не преграждайте мне путь! Я скорее соглашусь бороться до последней капли крови, чем позволю восторжествовать вашей злобе против этой девушки.

— Какая же у меня может быть злоба против нее лично? — спросил дон Мигуэль, меняясь в лице перед строгим взглядом принца Альфонсо. — Скажи, девушка, разве ты знаешь меня, разве я когда-нибудь видел тебя раньше?

По-видимому, он не заметил, как внимательно Мириам следила за ним, когда он разговаривал с Альфонсо. Вдруг ее лицо исказилось, глаза злобно засверкали, и она закричала диким голосом, раздавшимся по всей улице:

— Убийца, убийца, убийца!

— Стащите ее с осла и разорвите на куски! Закон требует этого и должен быть исполнен! Пощадите безумного рыцаря, но жидовку убейте!— приказал дон Мигуэль и, пришпорив лошадь, хотел уехать.

Однако с быстротой молнии Альфонсо схватил одной рукой лошадь под уздцы, а другой выхватил кинжал. Каталонец тоже взял свой меч, и между противниками завязалась борьба. Испуганная толпа остановилась в оцепенении. Неизвестно, чем окончился бы этот поединок, если бы к дерущимся не подошел Иоанн Страсбургский и не потребовал от имени папы мира. По приказанию его святейшества все виновники этой истории должны были явиться к нему на суд. Альфонсо снял с осла Мириам и беспрепятственно провел ее сквозь толпу народа.

XIV

— Вспомни хорошенько, как произошло убийство твоего Джиованни, расскажи все его святейшеству и попроси правосудия! — сказал Альфонсо Мириам, поднимаясь с ней на ступеньки террасы.

Молодая еврейка сейчас же закричала:

- Правосудия, правосудия, я хочу правосудия!

Публика смотрела в эту минуту на победителя бегов, который, добежав до цели, в изнеможении упал на землю, потеряв сознание. Однако крик еврейки заставил всех присутствующих сосредоточить свое внимание на ней.

Александр VI сидел в кресле; с одной стороны возле него стоял Цезарь, а с другой — Лукреция. Позади них находилась блестящая свита. Теперь все присутствующие снова надели маски, чем Альфонсо был очень доволен. Он боялся, что Мириам сразу узнает Цезаря, и тот не даст ей возможности рассказать историю убийства герцога Гандийского.

Все были поражены, увидев рыцаря святого Иоанна рядом с еврейкой. Лаже папа не мог скрыть свое изумление.

- Что это за женщина? спросил он, когда Мириам, по восточному обычаю, опустилась перед ним на колена.
- Это та еврейка, ваше святейшество, которую я, как вам, вероятно, известно, вырвал в гетто из рук насильника, ответил Альфонсо. Она явилась к вам, чтобы просить у вас правосудия по поводу одного страшного дела!
- О каком деле? О чем вы говорите? Теперь не время и не место для этого! воскликнул Цезарь, глядя на Мириам таким взглядом, от которого Альфонсо вздрогнул. Судьи его святейшества сидят в суде, а не здесь.

При звуках этого голоса Мириам прижала руки ко лбу и смотрела на Цезаря с видимым ужасом.

- Формальное судопроизводство тянется слишком долго, возразил Альфонсо, эта девушка клопочет о раскрытии преступления, которое совершилось три года назад.
- Мы все очень хорошо знаем, рыцарь святого Иоанна, что вы специально для того пожаловали в Рим, чтобы собрать все те сплет-

ни, которые могут набросить тень на его святейшество, хотя бы они были ни на чем не основаны! — резко проговорил Цезарь.

- Три года! удивленно воскликнул папа. Это действительно слишком долго. Мы выслушаем вас и, я думаю, в течение часа найдем возможность выяснить это дело. Говори, дитя мое, только покороче!
- Если она жалуется на христианина, то от нее, как еврейки, нельзя принимать жалобу! снова вмешался Цезарь.

— Если в Риме существует такой закон, то он с нынешнего дня отменяется, — возразил папа со свойственным ему упрямством. — Почему вы боитесь моего суда, герцог? Говори, в чем дело, дочь моя?

- Она пришла рассказать вашему святейшеству об убийстве, тайном, позорном убийстве, совершенном три года назад, когда герцог Романьи был еще мирным кардиналом Валенсийским! ответил за Мириам Альфонсо.
- Три года назад? повторил Александр, и тень от тяжелого воспоминания легла на его лице. Клянусь памятью святого Петра, что не пощажу убийцу, кто бы он ни был, даже лицо, близко стоящее к нам!
- Насколько мне известно, ваше святейшество, продолжал Альфонсо, возлюбленный этой еврейки был христианин. Она знает о нем только то, что его имя было Джиованни, но, судя по описанию его, можно смело заключить, что он был очень знатного рода.
- О, это старая история! воскликнул Цезарь. Говорят, что евреи убили его и сделали из его тела солонину.
- Ваша светлость, вы, значит, изволили слышать эту историю? спросил Альфонсо, с трудом сдерживая свое негодование.
- Да, и очень много других в таком же роде. Таинственная смерть моего несчастного брата заставила меня везде искать его убийцу, и тогда я слышал эту историю! спокойно ответил Цезарь. Наведенные справки убедили меня, что это плод фантазии душевнобольной девушки, которая, по уверению ее родственников, никогда не выходила из гетто.
- Эта душевнобольная девушка лежит у ног вашего святейшества. Умоляю вас, выслушайте ее! Она расскажет вам об ужасном убийстве своего Джиованни. Хотя она действительно не вполне нормальна, так как страшное событие сильно повлияло на нее, тем не менее ваша опытность поможет вам легко отличить бред больной фантазии от действительности! горячо проговорил Альфонсо.
- Да, мы выслушаем ее, мрачно сказал Александр. Встань, дочь моя, говори, не стесняясь, как с родным отцом. Когда и где убили твоего Джиованни? От чьей руки он погиб? Если это сделали твои единоверцы, не бойся выдать их. Я могу защитить тебя от их гнева.

Мириам так внимательно рассматривала Цезаря, что почти не слышала вопроса папы. Она вздрогнула, когда Альфонсо прикоснулся к ней, чтобы заставить ее отвечать.

- Говори, Мириам, воскликнул он. Кто был тот господин, который велел тебе пригласить Джиованни, чтобы помешать ему пойти на свидание с красивой дамой?
- Где же он? Ах, он уже ушел! разочарованно произнесла Мириам, тревожно смотря на толпу, в которой скрылся Мигуэлото. Мне никогда не нравились его черные глаза; я не доверяла ему и сказала об этом Джиованни; я предлагала ему лучше уйти, но мой Джиованни был храбр, очень любил меня и не захотел расставаться со мной. А когда взошла луна и Джиованни крепко уснул, я услышала чьи-то шаги у дверей. Сначала я думала, что это те две ведьмы, но это пришел он... он! Его прислала та красавица, которая не могла вырвать из рук бедной еврейки прекрасного Джиованни. Я видела на турнире эту даму; она улыбалась какому-то рыцарю, в то время как Джиованни посылал мне воздушный поцелуй. Ах, он был так красив, так красив! Вот такого цвета было его лицо, прибавила Мириам и, дунув на розу. показала блел-

Мы долго будем слушать эту любовную чепуху? — ирониче-

ски спросил Цезарь, пожимая плечами.

но-розовые лепестки.

- Твой Джиованни был блондин? спросил папа Александр с видимым волнением и так близко наклонился к Мириам, что коснулся подбородком ее головы. Какого цвета были его волосы?
- Блестящие, как золото, светлые, как солнечный луч! ответила молодая еврейка.

Папа с глубоким вздохом откинулся на спинку стула.

— А теперь, Мириам, расскажи его святейшеству все, что ты говорила мне об убийстве Джиованни, — проговорил Альфонсо, — расскажи, как его вырвали из твоих рук, как его длинные волосы купались в крови, когда убийцы вытаскивали его из комнаты.

Мириам охватила руками колена папы и со страстным рыданием повторила рассказ об убийстве герцога Гандийского. Альфонсо пристально смотрел на папу и по его волнению ясно видел, что Алек-

сандр признает в возлюбленном Мириам своего сына.

— Ты говоришь, что убийцы были в масках и в христианском платье? — переспросил папа, когда молодая девушка замолчала. — Скажи откровенно, знаешь ты еще что-нибудь об этом несчастном юноше, кроме того, что его звали Джиованни?

Мириам печально покачала головой.

— Все убийцы были в масках? Помнишь, ты рассказывала мне, что у одного из них маска упала с лица во время борьбы? — спросил Альфонсо и взглянул на Цезаря, который вздрогнул при этих словах.

— Да, у одного маска слетела, у того, что был в пурпурно-красном одеянии! — с ненавистью воскликнула Мириам.

 Прикажите, ваше святейшество, всем снять маски; может быть, несчастная девушка признает в ком-нибудь из присутствую-

щих убийцу! — предложил Альфонсо.

— Это было бы очень опасно, — быстро возразил Цезарь. — Безумная девушка может указать на невинного человека, и это навсегда наложит пятно позора на его репутацию. Она не спускает с меня взора; я уверен, что она потому приписала убийце пурпурное одеяние, что видит такое на мне.

Это действительно было бы опасно, — тихо прошептала Лук-

реция, в первый раз принимая участие в разговоре.

— В доказательство того, как ненадежны ее показания, я готов поклясться, что еврейка признает мою сестру своей соперницей, так как все находят ее красивой. Я убежден, безумная станет утверждать, что она пригласила к себе своего возлюбленного для того, чтобы помешать его свиданию с Лукрецией! — презрительно заявил герцог.

Мириам задрожала, откинула назад волосы и гневно закричала,

обращаясь к Лукреции:

- Да, да, это ты назначила ему свидание, ты убийца! Ты заставила убить его за то, что он любил меня больше, чем тебя. Арестуйте ее, благородный судья, это она убила его. Я теперь припоминаю, что человек в красном сказал мне, что убивает моего Джиованни по приказанию важной дамы, которую Джиованни бросил из-за меня. Арестуйте ее!
- Она действительно сошла с ума, а мы слишком долго слушали ее безумный бред, устало проговорил папа Александр, но Альфонсо заметил, каким подозрительным взглядом папа окинул смущенное лицо Лукреции.

В эту минуту раздался пронзительный крик и, прорываясь через толпу народа, выскочили две безобразные старухи.

Мириам, Мириам, — кричали они, — пощадите наше дитя,

она сумасшедшая, сумасшедшая!

— Это родственницы жидовки, они пришли за своей идиоткой, — с громким смехом заметил Цезарь. — Эй, вы, отродье сатаны, берите свою заблудшую овцу!

Увидев своих теток, Мириам вся сжалась, точно заяц, затравлен-

ный собаками.

- Что это за фигуры, откуда они явились? Выросли из-под земли, или дьявол послал их из своего царства? спросил Александр, отодвигаясь от старух, которые бросились перед ним на колена.
- Ни то, ни другое! Это просто старые еврейки из гетто, ответил Цезарь и поспешил успокоить своих союзниц: говорите смело, добрые женщины, объясните, что с этой девушкой? Почему она болтает тут о каком-то убийстве, о пролитой крови?

 Мы, две несчастные, бедные старухи, честно зарабатываем свой хлеб, — жалобно затянула одна из евреек. — Мы живем тем, что приготовляем некоторые лекарства, рецепты которых оставил нам в наследство наш отец, известный доктор. Эта девушка — внучка нашего отца; она сошла с ума от любви. Ее любовником был христианин, бросивший ее, когда оказалось, что она ждет ребенка. Девушка с горя помешалась. Услышав об убийстве благородного герцога Джиованни Гандийского, она однажды ночью проснулась от страшного сна и начала приставать к нам, двум слабым женщинам, с обвинениями в том, что мы убили ее любовника, который как будто тоже носил имя Джиованни.

- Назовите мне настоящее имя ее соблазнителя, и, если бы все короли мира просили, чтобы я пощадил его, я и тогда не согласился бы на это! сурово произнес папа.
- Господин и повелитель, он скрыл, кто он такой, из страха вашего справедливого гнева. Даже его возлюбленная знала только имя Джиованни, хотя, по всей вероятности, и оно было вымышленное! ответила Нотта.
- По закону христианин, находящийся в любовной связи с еврейкой, наказуется смертью! Вы думаете, ваше святейшество, что таинственный Джиованни был бы достоин этого наказания? живо спросил Цезарь.

— Уведите ее, — вместо ответа проговорил папа и, схватившись

за сердце, прибавил, - мне дурно!

— Удалите свое несчастное дитя, добрые женщины! — обратился Цезарь к старым еврейкам. — Несмотря на болезнь, она еще слишком хороша для того, чтобы оставаться среди народа. Хотя ваши труды оказались бесполезны, рыцарь святого Иоанна, тем не менее и его святейшество, и мы все очень благодарны вам за ваше старание найти убийцу несчастного герцога Гандийского. Это — самое горячее желание всей нашей семьи.

Нотта и Морта бросились к Мириам, на лице которой в первый раз во весь день отразился страх. Альфонсо, не обращая внимания на умоляющий взгляд Лукреции, помог Мириам подняться с места и объявил, что сам проводит молодую девушку. Цезарь сделал знак старухам, чтобы они не препятствовали рыцарю, и те, рассыпаясь в благодарностях, пошли вслед за Альфонсо, который заботливо поддерживал Мириам.

Рыцарю нелегко было пробраться с еврейками через густую толпу разъяренной черни; к счастью, ему помог отец Бруно. Дойдя до ворот гетто, старухи снова начали благодарить рыцаря, но по тону, каким произносились слова благодарности, можно было скорее предположить, что они проклинают его. Альфонсо очень хотелось проводить Мириам до самого дома, но он боялся восстановить старых ведьм против их племянницы, а потому ограничился лишь тем, что напомнил старухам о болезни Мириам, и затем пошел с отцом Бруно обратно.

Не успели они отойти несколько шагов, как монах снова начал уговаривать Альфонсо уехать из Рима.

- Я не знаю, почему вы думаете, что я изменю свое решение, нетерпеливо возразил Альфонсо. Наоборот, с тех пор, как я увидел, что папа пламенно желает отыскать убийцу своего сына, у меня явился лишний повод остаться здесь.
- Да, вы сегодня стояли на волосок от того, чтобы приподнять завесу ужасной тайны. Но будьте осторожны; помните, что доведенная до крайности женщина более жестока, чем самый злой мужчина!

Этот намек на Лукрецию в соединении с тем, что говорила Мириам, произвел сильное впечатление на Альфонсо. Он вспомнил о встрече еврейки с Мигуэлото и о рассказе относительно убийства герцога Гандийского и вдруг почувствовал большое недоверие также и к отцу Бруно.

- Дайте мне только проучить дерзкого англичанина, уверяющего, что ни один итальянец не в состоянии сражаться с ним, и я очищу вам всем путь, если бы он даже был покрыт лилиями и розами; мне самому вы все надоели! проговорил Альфонсо и посмотрел на монаха так, что тот вздрогнул.
 - Нам всем? смущенно повторил отец Бруно.
- Да, вам всем, монах! Вы все одного поля ягоды! Я щажу ваш духовный сан и потому не выражаюсь яснее. Одно могу сказать, что люди очень удивились бы, если бы узнали, какое у вас было продолжительное совещание с вашей духовной дочерью. Какое счастье, что удар грома или, вернее, удар камня, брошенный чьей-то рукой, вовремя спас вас от великого греха.

На лице монаха выразилась такая смесь горя, стыда, сомнения и гнева, что даже Альфонсо стало страшно.

— Будьте покойны, я не выдам вас; но вы также знайте, что я могу побить вас вашим же оружием! — сказал Альфонсо в заключение и поспешно ушел.

XV

Наконец наступил давно ожидаемый день турнира. Праздник начался с того, что Цезарь отправился в Капитолий, чтобы вступить в должность хоругвеносца церкви. Среди зрителей находился и Альфонсо д'Эсте, которому интересно было видеть, как герцог примет то звание, которое принадлежало его убитому брату. Цезарь был очень спокоен. Из уважения к римскому сенату и народу он шел во время церемонии с непокрытой головой. Вдруг к нему подошла какая-то женщина, изображавшая Судьбу, — никто не знал, кто она такая, — и, предсказав ему блестящую будущность, возложила на его голову лавровый венок. Она объявила, что Цезарь Борджиа вернет Риму прежнее величие, когда сделается императором всего народа, который именно нуждается в нём, чтобы снова стать на ту

высоту, на какой стоял раньше. Цезарь скромно поклонился и в сопровождении сенаторов и высших сановников отправился в Ватикан.

Альфонсо узнал в предсказательнице судьбы бывшую Алекто и фею Моргану. Несомненно, что она выступила и в этой роли по приказанию герцога Романьи, лелеявшего в душе то, что высказала его наперсница. Альфонсо пожалел, что не может теперь заключить союз с папой, женившись на его дочери. Это было бы лучшим способом помешать Цезарю выполнить его опасный план.

Раздумывая об этом, принц вернулся в гостиницу, чтобы подкрепиться. К его величайшему удивлению, хозяин подал ему блюда и вина гораздо разнообразнее и более высокого сорта, чем обыкновенно. Окончив завтрак, Альфонсо отправился в свою комнату, чтобы одеться для турнира, но хозяин остановил его и под большим секретом сообщил, что все то, что рыцарь ел во время завтрака, прислано какой-то дамой.

— Я не знаю, кто она такая, — закончил хозяин гостиницы свой рассказ, — но человек, принесший корзину, сказал, что вы сами догадаетесь, какая дама вспомнила о вас.

Сначала Альфонсо был глубоко тронут этим новым доказательством великодушия Лукреции, и в его сердце начала загораться надежда на что-то хорошее. Он чувствовал легкую слабость во всем теле; однако постепенно эта слабость начала усиливаться, и вскоре он не в состоянии был держаться на ногах. Тогда ему в голову пришла страшная мысль: его отравили!

"Неужели меня отравила Лукреция?" — не переставал думать Альфонсо, и от этой мысли больно сжималось его сердце.

Он чувствовал, что раньше Лукреция любила его; значит, до какой степени он оскорбил эту молодую женщину, если она так возненавидела его, что решилась отравить! Своей холодностью и небрежным отношением к Лукреции он сам создал себе соперника, который, по-видимому, недолго будет бесплодно вздыхать по красавице. Альфонсо мысленно рисовал себе картину турнира, видел торжествующего Лебофора, склонившегося у ног Лукреции, которая приветствовала его нежной улыбкой.

"Мое отсутствие, конечно, будет объяснено трусливостью" — с горькой улыбкой подумал Альфонсо, и ему стало жаль себя, жаль своей молодой жизни: он, принц, наследник престола, жаждущий провести в жизнь самые благородные планы, должен погибнуть из-за ненависти развратницы!

Однако, очевидно, тот, кто приготовлял яд, был плохо знаком со свойством наркотических средств или не рассчитал, какое количество их проглотит Альфонсо. Страшная слабость и сонливость первых минут перешли в необыкновенно возбужденное, лихорадочное состояние, но тем не менее он чувствовал, что не в состоянии будет принять участие в турнире, хотя этого ему хотелось во что бы то ни стало.

Альфонсо начал обдумывать, что предпринять для того, чтобы парализовать действие яда, и решил обратиться за противодействием к теткам Мириам. Думая, что главным образом было отравлено вино, он взял его с собой и, оседлав лошадь, быстро помчался в гетто.

Он нашел Морту и Нотту в их лаборатории; они разбирали травы и цветы для своих специй. У их ног сидела Мириам; она занималась тем же, тихо напевая про себя. Старухи, видимо, испугались, когда вошел рыцарь, а Мириам посмотрела на него равнодушно, вероятно, не узнав его.

Альфонсо протянул старухам вино с просьбой посмотреть, нет ли в нем примеси яда; обе торопливо схватили бутылку; Нотта попробовала напиток, плюнула и проговорила:

— Выпей, Морта, можешь выпить хоть все, вреда от этого не бу-

дет никакого. Какой дурак приготовлял это питье?

— Ты сама дура! Какой вздор ты болтаешь? — возразила Морта. — Это средство предназначалось вовсе не для того, чтобы убить кого-нибудь, а лишь заставить его ослабеть. Тот, кто выпьет его, становится настолько слабым, что враг может поразить его своим мечом, чуть прикоснувшись к нему.

"Следовательно, это сделано с целью посрамить меня на поедин-

ке!" — подумал Альфонсо с болью в сердце.

- Один из моих друзей как раз выпил большое количество этого напитка, обратился он к Морте. Не знаете ли вы какого-нибудь противоядия, которое вернуло бы сму силу хотя бы только на несколько часов?
- Вот это поможет, сказала Морта, давая ему склянку. Только смотри, рыцарь, чтобы твоего друга не похоронили живым. После большого возбуждения наступит такой упадок сил, что можно будет подумать, будто он умер.

Альфонсо щедро заплатил старухе, хотя очень сомневался, не бу-

дет ли это противоядие опаснее яда Лукреции.

Наступил час, который был назначен для турнира. Хотя Альфонсо с трудом держал в руках меч, тем не менее он поспешно направился

к месту борьбы.

Огромное разрушенное здание Колизея было наполнено зрителями снизу до самого верха. На развалинах бывшей императорской галереи были устроены подмостки с позолоченными перилами, обитыми пурпурным бархатом. Над колоннами возвышалась крыша, обтянутая небесного цвета материей, с золотыми звездами. Посредине, на возвышении, сидел папа, а несколько ниже — герцог Романьи в костюме римского консула. Он был председателем судей поединка. Вокруг него разместились самые красивые из римских дам — судьи турнира. За папой сидели кардиналы, послы, владетельные князья и знатные гости.

Все остальные ряды до самой верхушки Колизея были заняты народом. Fro любовь к Лукреции выразилась несмолкаемыми криками "ура", когда молодая женщина появилась на турнире во главе длинного ряда рыцарей. Перед ней герольды несли на красной бархатной подушке роскошный венок из бриллиантов с надписью: "Храбрейшему — прекраснейшая". Лукреция сидела на белой красивой лошади, голова которой была украшена белыми перьями. Седло из белого бархата было роскошно расшито жемчугом; с него падали вниз живописные складки белого атласного платья Лукреции. Длиннейший шлейф из красного бархата со звездами из рубинов несли шесть пажей. На золотистой головке Лукреции скромно лежал венок из белых роз. Над ней возвышался балдахин из серебристо-белой парчи, который несли два рыцаря: Орсини и Лебофор.

Вся блестящая процессия остановилась, когда Лукреция взошла на арену и села на приготовленный для нее трон рядом с председателем судей. Орсини, весь в белом и прозванный поэтому "белым

рыцарем", и Лебофор стали по обеим сторонам ее трона.

Тотчас же после этого маршалы стали по очереди впускать участников турнира, и Лукреция внимательным взором следила за каждым из них. Наконец она увидела Альфонсо, и он заметил, как молодая женщина вздрогнула и побледнела, точно встретила выходца с того света. Это доказательство ее вины — желание отравить или обессилить его подосланным питьем — так взволновало Альфонсо, что его слабость прошла и он ощутил новый прилив сил. Все рыцари заняли свои места, и в наступившей тишине раздался могучий голос герольда, возвещавший условия поединка. Ввиду того, что желающих участвовать в турнире было очень много, решили, чтобы каждый рыцарь бился до тех пор, пока не сломает трех мечей, приготовленных заранее.

После этого герольд объявил о штрафах, которые были назначены за нарушение условий, и пригласил в заключение всех рыцарей, вдохновленных любовью, получить особенный орден, раздаваемый царицей праздника донной Лукрецией. Рыцари ответили на это оглушительным "ура".

Паоло Орсини попросил разрешения первым получить "орден любви".

— Хорошо, — улыбаясь, ответила Лукреция, — а сир Реджинальд будет последним, — прибавила она, принимая из рук англичанина меч, который она дала ему на сохранение.

За Орсини последовали другие рыцари; кроме особого ордена Лукреции, они получали, каждый от своей дамы сердца шарф, бант или что-нибудь другое в этом роде.

Толпа рыцарей, стоявших вокруг Альфонсо, все редела, так как все устремились получить орден любви. Когда же Альфонсо очнулся от задумчивости, он увидел, что, кроме него, остались еще два рыцаря, не подходивших к Лукреции. Одного он узнал по его могучей фигуре — это был Вителлоццо, а другой сам напомнил о себе.

— Клянусь честью, это вы, иерусалимский рыцарь!.. Так как мы с вами уже поквитались, то теперь я с удовольствием буду на вашей стороне, против Борджиа, — со странной улыбкой воскликнул Оли-

веротто да Фермо.

— Мы не поддадимся этой высокомерной развратнице, — воскликнул Вителлоццо с обычной грубостью, — и тому нежному юноше, запутавшемуся в ее сетях. Смотрите, он стоит перед ней на коленах, а она кладет ему голову на плечо; вот она пишет что-то на его мече. Клянусь честью, красавица, сегодня мы посчитаем ему косточки.

- Она делает вид, что падает в обморок. Боже, что за притворство! со вздохом пробормотал Альфонсо. Я очень прошу вас, благородный Вителлоццо, позвольте мне первому вступить с ним в бой.
- Мне очень хочется отнять у него красивый меч, который дает сму Лукреция! — заметил Оливеротто.
- Вот вам меч, дорогой рыцарь; сделайте им несколько ударов сегодня, а затем носите всегда на память обо мне, сказала в это время Лукреция, действительно передавая Реджинальду дорогой меч.

Лебофор, не помня себя от восторга, поцеловал прекрасную руку с такой страстью, что дамы, видевшие эту сцену, переглянулись между собой; затем он вскочил на лошадь и, размахивая мечом закричал:

— За Лукрецию против всего света!

- Я принимаю вызов! громко ответил Альфонсо и так бешено бросился на Лебофора, что тот, не ожидая такого нападения, едва не свалился с седла.
- Что с вами, товарищ по оружию? с удивлением спросил он, узнав иоаннита.
- Я хочу доказать вам, рыцарь любви, что рыцари чести храбры не менее вас, хрипло смеясь, ответил Альфонсо.

Всех сражающихся поставили в два тесных ряда вдоль арены, с промежутком в сто шагов, чтобы при нападении был достаточный разбег. В обоих рядах было одинаковое число людей, только один оказался лишним — Альфонсо. Он умышленно отошел в сторону, чтобы видеть, где станет Лебофор, и потом занять место как раз против него. Однако в ту минуту, когда он хотел протиснуться в ряды сражавшихся, его остановил маршал своим жезлом.

 Дайте нам лишнего рыцаря, маршал, так как с Вителлоццо Кастелло нужно сражаться двоим против одного, — пошутил Лебофор.

- Тогда, господин англичанин, берите его себе на помощь, сердито проворчал Вителлоццо, так как я хочу сделать пробу своего меча именно на вас.
- Нет, этого нельзя, серьезно ответил на шутку Реджинальда маршал, — председатель судей его светлость герцог Романьи просит

рыцаря святого Иоанна подождать вступать в бой, пока кто-нибудь из сражающихся не уйдет с арены, а до тех пор присоединиться к судьям.

Альфонсо молча повиновался, так как видел, что другого выхода нет. Чувствуя новый приступ необыкновенной слабости, он безучастно стал возле Цезаря. Вдруг он почувствовал на себе взгляд Лукреции, тревожно следившей за его мертвенно-бледным лицом. Объяснив себе это тем, что Лукреция смотрит на него с целью узнать, какое действие производит на него подсыпанный ею яд, принц снова воспылал к ней гневом и ощутил новый приток силы.

- Добро пожаловать, рыцарь печального образа! обратился Цезарь к Альфонсо. Если бы приличие позволило мне сражаться со своими гостями, то я непременно стал бы на вашу сторону из простой ненависти к женщинам, из-за которых я провел немало бессонных ночей. Теперь я понимаю, почему они вчера так смеялись, когда сир Реджинальд рассказывал о петушиных боях. Посмотрите, ведь этот турнир в сущности тот же петушиный бой из-за кур. Кстати, вы еще не приветствовали наших наседок, сидящих наверху на своем насесте.
- Это было бы совершенно излишней вежливостью, сухо возразил Альфонсо, так как они смотрят на поле битвы.
- Вперед, вперед! раздался вдруг громкий возглас герольда,
 и рыцари ринулись друг на друга.

Альфонсо видел, что среди нескольких десятков рыцарей, слетевших со своих седел, был и великан Вителлоццо, упавший на землю от удара англичанина. Реджинальд поскакал дальше, свалил еще трех соперников, и между ними Оливеротто.

Вителлоццо в бессознательном состоянии унесли с арены. Оливеротто остался невредим; поднявшись с земли, он снова вскочил на лошадь и бросился к Реджинальду, который, размахивая мечом направо и налево, заставлял падать рыцарей, точно мух.

Толпа восторженно приветствовала англичанина, ставшего в одну минуту ее любимцем. На него нападали со всех сторон. Отмахиваясь от налетевшего на него сзади, Реджинальд оглянулся и увидел Орсини, который тоже уже многих успел свалить на землю. Неизвестно, был ли Паоло ослеплен страстью или непременно хотел заслужить славу единственного человека, победившего англичанина, но он с бешеной отвагой бросился на Лебофора и так сильно ударилего прямо в грудь, что переломил свой меч на две половины. Англичанин зашатался, но удержался в седле и не возвратил удара. Затем он с рыцарской любезностью поклонился Паоло и, поскакав дальше, снова свалил на пути Оливеротто с поразительной легкостью. Это великодушие по отношению Орсини и необыкновенная отвага вызвали бурю восторга. Лукреция растроганно смотрела на Реджинальда и громко произнесла:

— О мой Лебофор.

Председатель судей, с удивлением отмечая необыкновенные подвиги Реджинальда, предложил ему на время выйти из рядов сражающихся, чтобы отдохнуть и собраться с новыми силами; даже Лукреция и ее дамы просили англичанина пощадить себя, но он ответил, что не покинет поля битвы до тех пор, пока не раздробит всех трех мечей. Весь покрытый потом и пылью, он подъехал к дамам, чтобы поблагодарить их за участие.

— С этой минуты я называю вас своим рыцарем; вы действительно — рыцарь в полном смысле этого слова, — сказала Лукреция, приветливо обращаясь к Реджинальду. — Не только в Италии, но во всем свете нет равного вам. Возьмите мой платок, вытрите им пыль со своего лица, — и она протянула англичанину дорогой вышитый платочек.

Однако вместо того, чтобы исполнить приказание Лукреции, англичанин прижал сначала платок к губам, а потом обвязал его вокруг своего рукава.

- Ну, теперь я непобедим! - воскликнул он.

Борьба между тем продолжалась своим чередом. Теперь всеобщее внимание привлекал Орсини, выказывавший чудеса храбрости и ловкости. Он чувствовал, что его удар, направленный на Лебофора, вызвал неудовольствие зрителей, и потому, чтобы привлечь к себе симпатии общества, сражался с отчаянной отвагой.

Но вот герольды возвестили окончание первой части турнира. Оруженосцы бросились к своим рыцарям, чтобы помочь им переодеться, а служители начали приводить в порядок арену для следующей части поединка.

Орсини встретился с Лебофором у ложи дам. Все представительницы прекрасного пола холодно приняли Паоло и были с ним сдержанны.

Тогда он признал нужным исправить свой поступок по отношению англичанина.

Подойдя к Реджинальду, он протянул ему меч и проговорил:

- Этот меч отнят вашим учеником специально для вас; пусть он послужит доказательством моего раскаяния за удар вам, который был нанесен по какому-то печальному недоразумению.
- Ваш удар, несмотря на всю его силу, не причинил мне боли, ответил англичанин, я страдал лишь от того, что вы нарушили слово. Ведь мы обещали щадить друг друга. Очень рад, что это оказалось недоразумением; в такой суете можно нечаянно напасть даже на своего отца. Буду стараться победить как можно больше людей этим мечом, и само собой разумеется, что он ни разу не поднимется на того, кто дал мне его.

Рыцари пожали друг другу руки, и печальный инцидент был улажен. Лакеи разносили вино и фрукты всем гостям папы. Лукреция заметила, что Альфонсо с ужасом отшатнулся от подноса, котя по его лицу было видно, что он сильно нуждается в подкреплении.

Пока шли приготовления ко второму поединку, Цезарь держал совет с герольдами, маршалами и всеми судьями о том, кого признать первым победителем. Единогласно пальма первенства была отдана Лебофору, а за ним следовал Орсини. Однако это не лишало их права сражаться и во втором турнире.

Услыхав слова Цезаря, Альфонсо заявил о своем желании высту-

пить тоже во втором турнире.

— Если вы находите, что я не имею права на это, потому что отдыхал в то время, как другие тратили силы, то я могу предварительно скрестить свой меч с сиром Реджинальдом Лебофором.

- К сожалению, и в этот раз, уважаемый рыцарь, число сражающихся равное. Вам придется подождать, пока кто-нибудь выйдет из рядов участвующих, не нарушая своим выходом условий состязания.
- Я уступаю свое место товарищу по оружию, воскликнул Реджинальд, — и буду вознагражден за это лишение, оставшись здесь.
- Прекрасно! Следовательно, Орсини суждено испытать на себе вашу ломбардскую храбрость, рыцарь святого Иоанна, — проговорил Цезарь.

Альфонсо волей-неволей пришлось согласиться на такую комбинацию, хотя она не соответствовала его цели.

Взгляд, брошенный Лукрецией на его великодушного соперника, снова заставил Альфонсо почувствовать прилив силы, хотя до этой минуты он думал, что ему придется отказаться от состязания из-за все увеличивавшейся слабости.

Второй турнир был собственно продолжением первого, только участвующие в нем боролись дольше и ожесточеннее. Альфонсо и Орсини, побуждаемые непрерывно устремленным на них взглядом Лукреции, выказывали почти сверхъестественную силу и ловкость. Только мотивы были у обоих разные. Альфонсо объяснил себе исключительное внимание, которое проявила Лукреция к их борьбе, тем, что она ждет его поражения, и эта мысль выводила его из себя и придавала ему какое-то упрямое, отчаянное мужество. Орсини же хотел непременно доказать своей невесте, что он ничуть не хуже Лебофора. Оба, размахивая мечами, заставляли падать с лошадей всех рыцарей, вступавших с ними в борьбу. Наконец случай свел их вместе.

- Держись, иоаннит! воскликнул Орсини, наскакивая на Альфонсо. — За Лукрецию и любовь!
- За Пречистую Деву Марию и целомудрие! возразил Альфонсо, парируя удар Орсини.

В следующий момент Паоло лежал распростертым на песке, а его взбесившаяся лошадь выскочила за пределы арены. Лебофор и оруженосцы упавшего бросились к нему на помощь, но Орсини успел уже подняться и, шатаясь, как пьяный, искал свою лошадь. Альфонсо громко, насмешливо засмеялся и с торжествующим видом взглянул на Лукрецию. Публика не одобрила поведения иоаннита, но он не интересовался ничьим мнением; подобно сказочному герою, он побеждал всех, встречавшихся на его пути, и единогласно был признан первым победителем второго турнира.

Орсини сидел в полном изнеможении в кругу дам и утешался сочувствием Лукреции и своего нового друга — Цезаря. В конце турнира Паоло хотел еще раз сразиться с Альфонсо, который стоял, опи-

раясь на меч, посреди арены.

— Нет, нет, синьор, этого нельзя! — быстро остановила Паоло Лукреция. — Вы успели отдохнуть, а иоаннит еле держится на ногах от усталости. Победа только тогда имеет значение, когда у противников одинаковые силы.

 Наша сестра исполняет христианский долг, и я вполне согласен с нею, — заметил Цезарь, бросая на Орсини многозначительный взгляд.

По правилам турнира, все трое победителей не должны были участвовать в третьем состязании. Это распоряжение было вполне целесообразно, так как рыцари имели очень утомленный вид. Когда оруженосец взял под уздцы лошадь Альфонсо, чтобы вывести ее из пределов арены, все заметили, что иоаннит склонился к голове лошади и с большим трудом выпрямился через несколько секунд. Неизвестно, из чувства ли сострадания или для того, чтобы закончить свое злодейское дело, Лукреция послала феррарцу кубок вина.

 Пресвятая Дева Мария подкрепит мои силы, и ни в чьей помощи я не нуждаюсь, — неожиданно ответил Альфонсо и вылил вино на песок.

Между тем началось третье состязание, и шло оно блестяще.

Все три состязания заняли весь день, и Реджинальд с нетерпением смотрел на заходящее солнце. Наконец рыцари третьего турнира сломали все свои мечи. Из пятиста человек, участвовавших в состязании, осталось только сорок, имевших право претендовать на приз; в число этих сорока вошли: Лебофор, Орсини и Альфонсо.

Паоло поспешил к Цезарю с просьбой разрешить кончить турнир

не мечами, а шпагами.

— Нет, вы слишком озлоблены все друг против друга, и дело может окончиться убийством. Поэтому, пока у каждого из вас имеются другие противники, вы трое не имеете права сражаться между собой, — ответил герцог.

Орсини не мог скрыть свое неудовольствие и пробормотал:

- Вы покровительствуете феррарскому посланнику. Он победил меня не мечом, а потому, что моя лошадь испугалась его черного одеяния.
- Тише, друг мой! чуть слышно прошептал Цезарь. Посмотрите на этого проклятого иоаннита, он и так еле дышит и ежеминутно меняется в лице; вам нетрудно будет одолеть его, когда настанет время. Кроме того, кто мешает вам приделать к своему мечу острие и проткнуть ему сзади спину, как вы это делаете, охотясь на буйволов?

Дав возможность сражающимся несколько отдохнуть, герольд возвестил начало последнего состязания. Все окружающие с напряженным вниманием следили за тем, чем окончится решительный момент — кто возьмет приз. На высоком пьедестале стоял футляр с венком. Все рыцари собрались на арене, кроме Альфонсо. Уже два раза оруженосец напоминал своему рыцарю, что его вызывают; тогда принц поднял голову, точно очнувшись ото сна, и медленно выехал на арену. Борьба началась. На Альфонсо налетел французский рыцарь и сорвал своим мечом шлем с его головы. Ничего не понимающим взглядом иоаннит осмотрелся вокруг; его лицо, и без того бледное, казалось еще бледнее от обрамлявших его черных, как вороново крыло, волос. Раздался слабый женский крик. Не надевая шлема, который оруженосец быстро поднял, Альфонсо двинулся вперед и свалил на землю француза и двух других рыцарей.

Лебофор и Паоло превосходили самих себя в геройской отваге, но и сопротивление было велико. Куски изорванной одежды, обломки раздробленных мечей и пятна крови покрывали песок. Многие рыцари попадали в полном изнеможении и не в состоянии были дольше бороться. Даже Цезарь несколько раз тревожно приподнимался со своего места, чтобы прекратить состязание. У него был прекрасный повод для этого, так как один рыцарь не был в полном вооружении, что нарушало правила борьбы. Этот рыцарь был Альфонсо. Несмотря на неоднократно повторенные просьбы своего оруженосца надеть шлем, феррарец ничего не слышал и, размахивая мечом, лез в самый центр свалки. Лукреция попросила брата прекратить состязание, и что-то в ее тоне показалось Цезарю настолько забавным, что он разразился громким смехом и из-за этого не успел ничего сказать.

Кроме трех рыцарей, не имевших права сражаться друг с другом, на арене остались только шесть человек. Не помня себя от бешенства, они все бросились друг на друга в ожесточенной схватке. После минутного молчания, вызванного всеобщим удивлением, поднялся оглушительный шум, но он затих, когда зрители увидели, что про-изошло дальше.

Бледное лицо Альфонсо вспыхнуло, глаза засверкали, и звонким голосом он закричал:

- Ну, английский мальчишка, посчитаемся теперь с тобой.

— Нет, ломбардец, я не стану сражаться с тобой; может быть, мой брат Орсини пожелает проучить тебя! — резким тоном возразил Лебофор.

— Нет, я хочу состязаться только с тобой. У меня есть сила только для тебя. Я уже положил раз Орсини на землю, повторять то же не стоит труда. Но ты, английский рыцарь, ты — трус; говорю это громко, в присутствии твоей возлюбленной. Ты — трус, раб, на ко-

торого плюют, который...

Однако Альфонсо не успел окончить свою фразу, потому что Лебофор, пришпорив свою лошадь, ринулся на него. Англичанин не заметил в пылу раздражения, что Орсини, задетый замечанием феррарца, тоже бросился на рыцаря святого Иоанна. Напрасно кричала толпа, что двое не могут нападать на одного; тщетно маршалы и герольды старались прекратить борьбу, — последний час Альфонсо пробил. Он бессильно свалился с лошади и растянулся на песке. Его черные волосы окрасились кровью, лившейся струйкой из маленькой раны, нанесенной сзади. Он лежал неподвижно, без дыхания, как мертвец.

XVI

После этого турнира Альфонсо в течение многих дней находился в бессознательном состоянии. Потом ему представлялось точно в тумане, что его подняли вскоре после того, как он упал, и быстро понесли куда-то. Холодный, влажный воздух, бывающий поблизости реки, несколько освежил его. Затем все снова потонуло во мраке. Несколько раз, когда он открывал глаза, ему казалось, что его окружают какие-то незнакомые лица и среди них закутанная до самых глаз монахиня, смазывающая его раны. Вот все, что осталось в воспоминаниях Альфонсо, когда он окончательно пришел в себя.

С большим удивлением разглядывал он роскошную постель, обитую бархатом, и белые атласные подушки, на которых лежал. На стенках висели гобелены, на которых были изображены любовные сцены. Потолок украшала художественная живопись с изображением Гименея, окруженного богами любви, которые бросали цветы на его ложе. Невдалеке от кровати сидел Бембо и сочинял оду, посвященную Лукреции. Заметив сознательный взгляд своего властелина, он быстро вскочил со своего места, подошел к нему и, умоляя Альфонсо поменьше разговаривать, рассказал ему, что, по приказанию папы, его перенесли в Ватикан.

— Его святейшество постоянно осведомляется о состоянии вашего здоровья, — продолжал Бембо, — он присылает каждый день четырех хирургов, а перевязки вам делают старшая кормилица донны Лукреции и сердобольная сестра-монахиня, которая посвятила себя уходу за больными и утешению страждущих. Я обязан каждый день докладывать донне Лукреции о том, как вы себя чувствуете. Даже

отец Бруно приходил несколько раз сюда, предлагая свою духовную помощь.

Альфонсо выразил подозрение, что Бембо умышленно выдал, кто он такой, но тот так горячо уверял его в противном, что больной не мог не поверить ему.

 А кто из тех двух презренных рыцарей, предательски накинувшихся на меня, получил приз? — спросил Альфонсо с горячностью.

- Нет, мой благородный господин! Сир Реджинальд плакал, когда увидел, что произошло; все утверждают, что это нападение двоих на одного было лишь печальной случайностью, а не сделано предумышленно. Как только Лебофор встречает меня во дворце, он говорит о вас с нежностью, как о родном брате. Мне кажется, что и Орсини очень жалеет о вашем несчастье. Что касается приза, то пока никто не получил его; герцог спрятал приз до вашего выздоровления.
- Ты говоришь, что встречаешь англичанина во дворце? Следовательно, он часто навещает донну Лукрецию? Мне кажется, что она смеялась громче всех, когда я упал?
- Она не могла смеяться ни громко, ни тихо, так как с ней моментально сделался обморок.
- Она боялась за своего любимца? с горькой улыбкой заметил Альфонсо.
- Кто ее любимец, я не знаю, но, несомненно, в ту минуту она беспокоилась только о вас. Она даже распорядилась, чтобы прекратили турнир, пока врачи не сказали, что вы находитесь вне опасности. Маленький грек заявил, что ваше состояние вызвано не сотрясением мозга при падении, а мудрой заботливостью самой природы, так как неподвижное положение было необходимо для быстрейшего заживления самой опасной раны.
- Удивительно, как проницателен этот врач! насмешливо заметил Альфонсо, вспомнив о яде, поднесенном ему Лукрецией. Надеюсь, я теперь скоро поправлюсь и, как только отомщу англичанину, так в тот же день мы уедем из Рима, благословляя Бога за то, что отделались еще сравнительно счастливо.
- Тогда лучше уедем сейчас, синьор; вам совершенно не за что мстить сиру Реджинальду! возразил Бембо.
- Ты в этом уверен? А я, наоборот, думаю, что они смеются между собой, когда вспоминают об этой истории!
- Врачи будут бранить меня за то, что я позволяю вам так волноваться! проговорил Бембо. Я слышу шаги; держу пари, что это они идут сюда.

Он ошибся — в комнату входил отец Бруно.

На бледном лице монаха не было следа воспоминаний о последнем свидании с Альфонсо — он только боялся встретиться с ним взглядом; во всем же остальном его обращение было проникнуто нежным состраданием. Он сел у постели больного и пощупал его пульс, причем заявил, что обладает некоторым врачебным опытом.

— Пульс еще не совсем спокоен, но видно, что силы возвращаются? — задумчиво проговорил он. — Если я не ошибаюсь, то ваша душевная рана сильнее телесной. Может быть, я могу облегчить ее?

Монах взглядом пригласил Бембо оставить его с больным наедине.

- Нет, батюшка, я не могу уйти от своего друга ни на минуту,
 обещал нашей доброй монахине.
- Монахине? Разве за вами ухаживает какая-нибудь монахиня, синьоп?
- Да, я же обязан наблюдать за тем, чтобы больному давались только те лекарства, которые сердобольная монахиня приготовляет собственноручно, под наблюдением врачей! ответил Бембо, подозрительно глядя на доминиканца.
- В самом деле? В таком случае я должен сказать вам в присутствии третьего лица, чтобы вы были осторожны, рыцарь святого Иоанна. О, не доверяйте своих ран неловким или, вернее сказать, слишком ловким рукам этой женщины. Я знаю случаи, когда совершенно невинные раны становились при ее помощи гангренозными.
- С тех пор, как мы виделись в последний раз, отец Бруно, я убедился, что ваши предупреждения так же верны, как крик ворона, взволнованно проговорил Альфонсо, приподнимаясь с подушек. Меня не удивит, если меня убьют среди всего этого великолепия; ведь поднесли же мне яд в виде прекрасных плодов и дорогого вина. Этот яд и был причиной моего позора.
- Этого не может быть! быстро воскликнул монах. По всей вероятности, вам дали сонное питье, чтобы помешать вам присутствовать на турнире, оберегая вас же. Я что-то слышал об этой истории. Теперь же я умоляю вас как можно скорее уехать из Рима.
- Вам не причиняет боли та мазь, которая лежит на вашей груди, синьор? спросил принца Бембо, встревоженный словами монаха.
- Ничуть! Она, наоборот, так успокоительно действует на меня, точно ее приготовляла сама любовь!
- Вот видите, и от нее удивительно быстро заживают раны! воскликнул обрадованный Бембо. Не знаю, что вы говорите о яде, но я готов поклясться, что монахиня, омывающая ваши раны своими слезами, не кто иная, как сама донна Лукреция. Я узнал это по ее руке несравненной красоты, а также по дорогому смарагду в ее кольце, которое она в тревоге забыла снять с пальца.
- Неужели? воскликнул Альфонсо и вопросительно взглянул на монаха.
- То же самое было с принцем Салернским, я его тоже предостерегал заранее! ответил отец Бруно, поднимаясь с места. Помни одно, сын мой, что если эта капризная женщина желает во что бы то ни стало восстановить твои силы, то есть некто, который по этой самой причине, не задумываясь, уничтожит тебя.

У входа послышались шаги, а в следующую минуту дверь открылась, и у входа показались четыре врача, в том числе и карлик-грек.

За ними следовали монахиня, покрытая густой вуалью, и почтенная матрона в черном одеянии, в которой Альфонсо сейчас же узнал Фа-

устину.

Бруно остановился и устремил на монахиню пронизывающий взгляд; она слегка поклонилась и подошла к постели больного. Маленький грек приказал снять с груди раненого повязку, но, когда монахиня прикоснулась к одеялу, чтобы приподнять его, Альфонсо оттолкнул ее руки и произнес:

— Нет, добрая сестра, не беспокойтесь!.. С тех пор, как одна женщина хотела отравить меня, я питаю ужас к прикосновению нежных

женских рук.

Вас хотели отравить, синьор? — испуганным голосом спросила монахиня.

- Если бы не это обстоятельство, я не был бы здесь, ответил Альфонсо. Тогда меч союзника Орсини не свалил бы меня, и я не стал бы посмешищем для всех Борджиа. Не прикасайся ко мне, если не хочешь снять свою вуаль! Открой лицо, дабы я мог убедиться, что ты не имеешь ничего общего с моими врагами.
- Рыцарь бредит, возразила монахиня смущенным голосом. — Наше присутствие вызывает, кажется, лихорадочное состояние. Уйдем, Фаустина!

Бруно показалось, что монахиня зашаталась; он бросился к ней, чтобы поддержать ее, но она гордо выпрямилась и быстро вышла из комнаты, сопутствуемая Бруно.

Врачи сами сделали перевязку и ушли, еще раз напомнив о том, что больной нуждается в полнейшем покое. Однако Бембо был слишком взволнован, для того чтобы исполнить это приказание. По его просьбе Альфонсо рассказал о том, что он почувствовал, съев фрукты и выпив вино, присланное Лукрецией.

- Неужели под видом такого ангела может существовать дьявол? с негодованием произнес Бембо. Теперь мне понятно то, что сказал Бурхард. "Кто бы подумал, проговорил он, что через месяц после такой веселой свадьбы новобрачный будет лежать мертвым на этой самой постели? Его, как оленя, загрызли собаки, после того как стрела охотника не нанесла ему ни одной смертельной раны".
- Ах, он сказал это? По чьему же приказанию меня положили в эти злополучные комнаты, где был убит несчастный принц Салернский, супруг Лукреции? произнес Альфонсо.
- По приказанию Лукреции, и я считал это большой честью для нас? ответил Бембо, пугливо оглядываясь. Я думаю, что это помещение очень удобно для некоторых таинственных целей: вероятно, после того, как вы отыскали еврейку, знающую, как погиб герцог Гандийский, вы вряд ли приятны Цезарю и Лукреции. Дай Бог, чтобы, находясь под крышей Ватикана, мы узнали наконец правду.

- Нельзя ли сделать этого Бурхарда более словоохотливым? спросил Альфонсо. Ты говоришь, он часто приходит сюда по поручению папы? Что, если мы предложим ему выпить и закусить вместе с нами?
- Это, во всяком случае, будет не лишней предосторожностью, хотя, может быть, для вас опасно знать слишком много, ответил Бембо.
- Я хотел бы знать столько, сколько нужно для того, чтобы уничтожить мои сомнения.

Вечером у дверей комнаты Альфонсо тихо постучали.

Войдите! — сказал Бембо.

Дверь открылась, и показался церемониймейстер Бурхард в сопровождении двух пажей, принесших лампы.

- Как вы себя чувствуете, синьор? добродушно спросил церемониймейстер. Я пришел не от его святейшества, а от донны Лукреции, которая не хочет, чтобы началась сарабанда, пока она не получит утешительных вестей о вашей болезни.
- Кроме небольшой слабости, я чувствую себя очень хорошо, веселым тоном ответил Альфонсо. Прошу вас передать донне Лукреции мою нижайшую благодарность. Если вы не очень спешите, синьор Бурхард, то, может быть, согласитесь доставить мне большое удовольствие, побеседовав немного со мной?
- О, с удовольствием! Со стороны донны Лукреции это простая вежливость. Если бы я немедленно вернулся по уходе, то, несомненно, застал бы нашу красавицу танцующей сарабанду с сиром Реджинальдом. Он теперь кумир дам.

Говоря это, Бурхард взял стул и сел невдалеке от Альфонсо.

- Что, Бембо, есть у нас вино, которое пришлось бы по вкусу господину церемониймейстеру?
- Нет, нет, не беспокойтесь, вам нельзя пить ни капельки вина? — возразил Бурхард, сам не отказываясь от предложения.
- О, теперь уже можно! шутливо заметил Альфонсо. Бембо знает какое-то магическое слово, по которому мы можем получить все, что нам угодно.

Бембо оправдал доверие своего повелителя, и на столе появился рейнвейн, любимый напиток церемониймейстера.

- Пью от всего сердца за ваше быстрое выздоровление, почтеннейший рыцарь! проговорил Бурхард, залпом опоражнивая стакан. Прекрасное вино, точно только что полученное с Рейна! При моей хлопотливой должности иногда необходимо подкрепиться. Ах, вы не знаете, как трудно поддерживать порядок в этом доме. Я буду очень счастлив, господа, если могу быть вам чем-нибудь полезен. Пейте, брат каноник; только, кажется, вы предпочитаете кипрское вино? Может быть, вам что-нибудь угодно, господин рыцарь?
- Нет, благодарю вас, ответил Альфонсо. Мне даже слишком хорошо под вашей гостеприимной кровлей. Я боюсь, что изгнал

кого-нибудь из этого помещения. Такие покои скорее были предназначены для влюбленного новобрачного, чем для раненого рыцаря.

- Вы правы и не правы, синьор, с глубокомысленным видом возразил Бурхард. Во всяком случае, вы никого не изгнали, так как со дня смерти принца Салернского здесь никто не жил.
- Он был мужем дочери его святейшества? небрежно спросил Альфонсо.
 - Его племянницы! поправил церемониймейстер.
- Да, но он любит ее как дочь и даже гораздо больше! невинным тоном возразил принц.
- Да, это верно. Его святейшество советуется с ней даже в делах церкви. Нередко в его отсутствие всем управляет донна Лукреция. Нужно сознаться, у нее больше ума, чем у многих кардиналов. Я сам видел, как она плела золотые кружева и управляла всем городом. Все это прекрасно, но, как хотите, все же скандал!..

Бурхард вообще был счастлив, а вино еще больше развязало ему язык. Поэтому он стал сыпать анекдот за анекдотом из жизни папы и всего двора. Для Альфонсо было особенно интересно то, что он рассказывал об отношении папы к своей дочери и о предполагаемом браке Лукреции с Орсини; по словам церемониймейстера, желание Александра выдать замуж дочь за главу мятежного дома служило доказательством неладов между ним и Цезарем.

- Вы думаете, что принца Салернского для того и убили, чтобы освободить место для синьора Паоло? с деланным спокойствием спросил Альфонсо.
- Какие-то неизвестные лица тяжко ранили принца на ступснях церкви святого Петра! ответил церемониймейстер, испуганный смелым вопросом. Но стоит ли говорить об этом? Я думаю, нелишним будет напомнить вам, что в левом крыле этой башни живет донна Лукреция со своими фрейлинами; у женщин, как вам известно, слух очень тонкий.
- В самом деле? Раз известно, что принц убит, снова начал Альфонсо после некоторого раздумья, то вы, как человек ученый, конечно, можете ответить, кому нужно было это убийство.
- Я далеко не так учен, как говорят, скромно возразил Буркард, — но все же одно могу сказать вам, синьор: Орсини тут ни при чем. Ему тогда и во сне не снилось стать зятем папы.
- А у нас, в Ломбардии, рассказывают, что принц Салернский умер не от ран, а был задушен в своей собственной комнате в Ватикане.
- Да, это правда, он умер внезапно. Я сам видел его за несколько минут до его смерти вот на этой кровати и не успел оглянуться, как его уже не стало.
- Как же это случилось? Ведь он уже почти оправился от своих ран? спросил Альфонсо.

— Хе, хе, вы, кажется, побаиваетесь того же? — шутливо проговорил церемониймейстер, видя, с какой тревогой ждет Бембо его ответа? — Много рассказывают разных историй по этому поводу, да нельзя всему верить.

 Должен вам сознаться, что воспоминание об убийстве принца в этой же самой комнате и на этой постели не внушает и мне боль-

шого спокойствия! — заметил Альфонсо.

- Могу себе представить это! Я могу сказать вам только то, что знаю? доверчивым тоном сказал церемониймейстер, облокотившись на постель Альфонсо. Я видел сам пять ран на теле молодого принца Салернского, нанесенных стрелами, мечом и острым ножом.
 - После этого он жил еще месяц? спросил Альфонсо.
- Да, целый месяц! Его ранили за час до захода солнца пятнадцатого июня, а восемнадцатого июля задушили.

— Вы говорите "задушили"? — прервал его Альфонсо.

 Ах. что за вздор я болтаю! — испуганно воскликнул Бурхард. густо покраснев. — Да, так вот, синьор, восемнадцатого июля я пришел к принцу, чтобы по поручению папы узнать, как он себя чувствует. Принц был в очень веселом настроении, так как отец Бруно принес ему привет от донны Лукреции, котя она сделала это по приказанию папы; сама-то она не очень любила своего супруга; да, правда, он был очень грубый юноша! Пока отец Бруно и я разговаривали с принцем, пришел один человек с тайным поручением от его святейшества. Мы с отном Бруно вышли, а с принцем остались лишь дон Мигуэль и врач-грек. Мы вышли в дверь, ведущую в гостиную, и, чтобы никто не подумал, что мы подслушиваем, забрались в противоположный угол комнаты. Вдруг отец Бруно схватил меня за рукав и спросил, не слышу ли я крика о помощи. Я ответил отрицательно. Тогда он выразил удивление, почему его святейшество избрал для тайного поручения не кого-нибудь из своих придворных. а доверенного герцога. Затем он подошел на цыпочках к двери, чтобы узнать, что с принцем, но несчастный был уже при последнем излыхании. Лон Мигуэль и врач наклонились к нему для того, чтобы расстегнуть ему воротник; при этом оба были так испуганы припадком принца, что даже не могли позвать нас на помощь. Отец Бруно исчез куда-то, а я был так поражен, что очнулся лишь тогда, когда меня позвали; в это время бедный принц уже был мертв.

- Значит, его убил Мигуэль, пешка в руках Цезаря!

— Нет, — испутанно возразил Бурхард, — дон Мигуэль сказал, что передал поручение его святейшества и сейчас же ушел, а доктор-грек Гоббо подтвердил все его слова. Ну вот, очень рад, что рассеял ваши подозрения по поводу смерти принца, — прибавил церемониймейстер, поднимаясь с места. — А теперь позвольте откланяться. Донна Лукреция может спросить, вернулся ли я.

Бембо с большим нетерпением ждал, что скажет его повелитель по поводу разоблачений, сделанных церемониймейстером. К его ве-

личайшему изумлению, Альфонсо гораздо больше обвинял в убийстве принца Салернского Цезаря, чем папу, и совершенно исключал участие Лукреции. В доказательство того, в какой мере Лукреция ненавидит своего брата, Альфонсо рассказал Бембо свое приключение в гроте нимфы Эгерии.

Бембо был так поражен всем тем, что видел и слышал, что, перед тем, как лечь спать, осмотрел все углы и щели. Однако ночь прошла

спокойно; но зато утром они услышали недобрые вести.

Разнеслись слухи, что в городе поднялось восстание, вызванное приездом одного из семьи Колонна, которому протежировал неаполитанский король; под видом посланника этого короля Колонна и явился в Рим. Пользуясь случаем, он поднял на ноги всех своих римских приверженцев.

Тотчас же, чтобы поставить папу Александра в еще более затруднительное положение, Орсини потребовали, чтобы он немедленно

назначил день свадьбы Паоло с Лукрецией.

Убедившись, что Лукреция не принимала участия в убийстве принца Салернского, Альфонсо почувствовал некоторое облегчение, но утром пришел Бурхард от имени Лукреции и снова возбудил целую бурю в душе больного. Церемониймейстер объявил, что донна Лукреция желает полнейшего выздоровления рыцаря святого Иоанна и надеется, что он скоро братски обнимет в ее присутствии Лебофора.

Еле сдерживая свое волнение, Альфонсо спросил, будет ли в тот день прием у папы и собирается ли донна Лукреция присутствовать на нем, а когда получил утвердительный ответ, то по уходе врачей заявил Бембо, что желает быть на приеме. По тону своего повелителя Бембо убедился, что его решение непоколебимо, и не пытался даже отговорить Альфонсо от его затеи. Когда же тот потребовал, чтобы Бембо пошел к Лебофору и сообщил ему о желании Альфонсо повидаться с ним в присутствии папы и всего двора, Бембо начал горячо убеждать своего повелителя не делать этого.

— Не беспокойся, ничего дурного не произойдет! — ответил Альфонсо на все его просъбы. — Фаворит Лукреции думает, что я нежно обниму его и прижму к тем ранам, которые он нанес. Увы, ему при-

дется горько разочароваться.

XVII

В то время как Бембо с тяжелым сердцем направлялся к Реджинальду Лебофору, Цезарь провожал двух закутанных друзей по черной лестнице во дворце Колонна, где он жил. Заперев все двери и спрятав ключ в карман мундира, Цезарь услышал звонок, возвещавший о приходе третьего гостя. Это был дон Мигуэль: его лицо было мрачно, сердито.

— Ну, что говорит моя красавица? — спросил Цезарь. — У тебя такое кислое лицо, которое совершенно не подобает для любовных

переговоров. Я знаю, она, наверно, желает, чтобы я посетил ее, — засмеялся Цезарь. — Но это совершенно невозможно. Я делаю ей большое одолжение, не соглашаясь на ее просьбу. Она зашла слишком далеко, желая узнать, настолько ли я люблю ее, чтобы ревновать. Как видишь, я настолько ревнив, что даже не желаю видеть ее.

— Может быть, синьор, было бы лучше для вас, если бы вы вернулись к ней, так как ваша любовь — великое зло для всех наших

планов? — решительно ответил Мигуэлото.

— Не знаю, можно ли назвать злом полный успех, — весело возразил Цезарь. — Однако, хотя ты сегодня более дерзок, чем обыкновенно, я не сержусь на тебя и даю тебе новое поручение. Она сегодня же должна уехать из Рима. Я приготовил ей прекрасных лошадей и соответствующий экипаж; все это пойдет в подарок султану вместе с Фиаммой, как тебе известно.

— Это вы делаете для того, чтобы вызвать гнев Колонна? — с

удивлением спросил Мигуэлото.

— Да, это вызовет гнев, и, кроме того, Фиамма почувствует себя настолько оскорбленной, что пожелает мстить мне, а это тоже входит в мои планы. Ну, однако, довольно об этом! Скажи, ты не был удивлен, увидев такое избранное общество в замке святого Ангела?

— Все главари черной банды! Мне непонятно, какая магическая

сила помогла вам склонить их на свою сторону?

— Я обладаю такой силой; она действует на многих, между прочим, и на тебя. В чем тут секрет, я расскажу тебе когда-нибудь в другой раз. Во всяком случае, результаты уже имеются налицо. Оливеротто возбудил видимое неудовольствие; Вителлоццо ничего так не желает, как покинуть поскорее Рим, и с трудом ждет, пока окончится сегодняшняя суета. Меня только удивляет, что Савватий не подает признаков жизни.

— Это — несомненно обманщик. Он, вероятно, боится, что вы накажете его за донну Фиамму, — неуверенно ответил Мигуэлото.

— А между тем мне очень хотелось бы видеть его. Я готов отдать тысячу золотых тому, кто найдет его.

- Можно попытаться, синьор, поискать его!

— Люди думают, что мое солнце уже заходит, а между тем оно только что показалось на горизонте! — задумчиво проговорил Цезарь. — Я только не понимаю, почему ты сомневаешься в успехе? Ты, очевидно, считаешь, что для нас все потеряно с того момента, когда на сцене появилась Мириам? Успокойся, еще никогда у нас не было лучшего положения.

— Несмотря на то, что французы, испанцы, феррарцы, Орсини, Колонна, папа и донна Лукреция поворачиваются к нам спиной? —

возразил Мигуэлото, пожимая плечами.

— Все это очень хорошо; уверяю тебя, что они — марионетки в моих руках; стоит мне потянуть ниточку — и они пойдут в ту сторону, в какую я захочу. Испанцы и французы под моим влиянием

открыто восстали, я посоветую папе разделить между ними Неаполь; это вызовет кровавые распри, что тоже входит в мои планы. С этой же целью я заставил неаполитанцев прислать сюда Колонна. Орсини совершенно одурачены мной. Сегодняшним требованием они навсегда потеряют связь с папой, и, конечно, браку Паоло с моей сестрицей не бывать никогда. Что касается Лукреции, то она так возбуждена дерзким пренебрежением иоаннита, что во что бы то ни стало хочет влюбить его в сёбя.

- Следовательно, ему нужно умереть, синьор?
- Конечно!.. Не может же он жить вечно! Но во всяком случае нужно подождать, пока Лукреция настолько влюбится в него, что откажется как от брака с принцем Феррарским, так и от всякого другого. Вследствие этого я и поддерживаю ее фантазию, все время строго следя за тем, чтобы из-за этого каприза не произошло ничего дурного, чтобы он не зашел слишком далеко. В мое отсутствие за ней будет присматривать Фаустина; при малейшем намеке на опасность нужно будет тотчас же сообщить папе об истинных намерениях дикого ломбардца: тогда его немедленно вышлют из Рима или другим образом совершенно обезопасят его. Я имею в виду и еще нечто. Нотта и Морта рассказывали мне, что Лукреция, напоив феррарца снотворным питьем, хотела помещать ему принять участие в турнире. Очень хорошо, что она решила прибегнуть к таким средствам. Постоянно раздражая ее самолюбие рассказами о пренебрежительном отношении к ней иоаннита, можно довести ее до того, что она сама отравит своего рыцаря. Ну, значит, все отлично. Нам нужно удалить только еще одно препятствие с нашего пути, а именно духовника Лукреции. Как я слышал от Фаустины, этот монах настаивает, чтобы моя сестра в виде покаяния сама призналась папе в своей любви к феррарцу. Лукреция пока упорно отказывается от этого, но, я знаю, она не устоит перед продолжительным гневом монаха. Следовательно, нам нужно или отделаться от него, или посвятить его в свои планы. Я предпочитаю первое. Да, мне кажется, и для него будет безопаснее уехать из Рима, так как Орсини страшно возмущены проповедью Бруно и будут сегодня жаловаться на него папе. Скажи, пожалуйста, как ты думаешь: не любит ли отец Биккоццо поболтать о своем господине?
- Вы знаете, синьор, что мы неоднократно получали он него очень ценные сведения.
- В таком случае нужно пригласить его в замок святого Ангела и постараться, чтобы он в присутствии скрытых свидетелей рассказал, что говорит доминиканец о браке Орсини с Лукрецией. Однако пора окончить этот разговор; у тебя есть свое дело, а у меня тоже его немало.

Отпустив своего наперсника, Цезарь отправился к папе. Он умышленно явился в тот момент, когда весь двор уже был в сборе. Александра окружали высшие должностные лица; у огромных по-

золоченных дверей стояла Лукреция со своими дамами и несколькими благородными рыцарями, среди которых находился Реджинальд Лебофор. Зоркий взгляд Цезаря быстро нашел Альфонсо, затерявшегося среди толпы. Иоаннит сменил свое обычное черное одеяние на ярко-красное; к своему величайшему удовольствию, Цезарь заметил, с какой ненавистью Альфонсо посмотрел на группу, стоявшую у позолоченных дверей.

Посредине комнаты заняли место Орсини со своими приверженцами. Прихода Цезаря, очевидно, ждали, и все переглянулись, уви-

дев, как нежно он обнял Паоло.

Когда Цезарь сел на свое место рядом с папой, последний сделал церемониймейстеру знак ввести неаполитанского посланника Фабрицио Колонна.

Фабрицио вошел один, наморщив брови и крепко сжав губы; это были единственные признаки, выдававшие его волнение при виде

своего злейшего врага.

Синьор Фабрицио Колонна, — резко проговорил папа, заметив, что посланник долго колебался, прежде чем решился стать на колена, — я надеюсь, что поручение, данное вам, окажется более

лояльным, чем лицо, которому его вверили.

— Я теперь только посланник короля неаполитанского, а не Фабрицио Колонна. — ответил храбрый солдат, быстро вскакивая с колен. — Я пришел к вашему святейшеству от имени вашего верного вассала, короля дона Федериго, с жалобой. Вы поддерживаете французов в их намерении овладеть поместьями, принадлежащими неаполитанскому королю. В особенности поощряет французов в этом деле герцог Романьи. Действительно, герцог, вы оставили нас в самом затруднительном положении, тогда как мы рассчитывали на вас, согласно вашему обещанию.

— Я ответственен только перед его святейшеством за свои поступки? — высокомерно ответил Цезарь. — Считая себя вассалом и другом французского короля, я уеду к нему, как только будет возможно, и лично извинюсь за доставленные ему неприятности.

Последние слова герцога вызвали шепот удивления всех присут-

ствующих.

— Кроме устного поручения короля неаполитанского, я имею к вашему святейшеству еще письмо от могущественного испанского короля, близкого родственника моего повелителя. Может быть, по прочтении этого письма герцог Романьи откажется от своей поездки. Синьор Датарий, вы хорошо разбираете всякие почерки; пожалуйста, прочтите это письмо вслух.

По знаку герцога Датарий вскрыл шелковый конверт и прочел содержание послания. Испанский властитель упрекал папу за измену в пользу французов, объявлял, что всеми силами будет защищать интересы неаполитанского короля, и в заключение просил папу Александра сделать Цезаря снова духовным лицом, так как, обладая

светской властью, он является виновником всех недоразумений, смут

и раздоров.

— Что же тогда будет с мосй молодой супругой, если я, по желанию испанского короля, стану монахом? — серьезным тоном спросил герцог Романьи, чем вызвал общий смех.

— Я стараюсь не забыть, что вы — лишь посланник, синьор Фабрицио; пожалуйста, говорите скорее все, что вам поручено сказать

мне! - с трудом скрывая гнев, заметил папа.

— Остальное менее важно, — возразил Фабрицио, — я только обращаюсь к вашему правосудию относительно двух пунктов. Первый касается женщины, к сожалению, носящей имя Колонна; это — Фиамма Колонна, бывшая монахиня; а второй касается наших имений, насильно отобранных у нас.

— Господи, неужели ты, чудовище, еще не насытился кровью, которую твоя партия пьет из каждой поры этой несчастной страны? — воскликнул папа. — Ты жаждешь еще крови, льющейся в жилах несчастного создания? Прочь с глаз наших!.. Уезжай как можно скорей из Рима!.. Ты больше не посланник, а низкий предатель.

— Нет, ваше святейшество, даже мы, Орсини, униженно просим вас вернуть наследникам Колонна отобранное у них имущество! — проговорил герцог Гравина и положил по обыкновению свою руку на эфес меча. — Мы желаем, чтобы вы наложили повязку на раны нашей страны, а Рим истекает кровью от раны, нанесенной Колонна.

Александр был поражен этим доказательством союза между двумя

давно враждующими домами и воскликнул:

— Это нечто новое: Колонна и Орсини дружески протягивают друг другу руки, союз тигра и волка! Впрочем, я и забыл, что у вас общие интересы. Вам хочется заполучить добычу, хотя бы для этого понадобилось разорвать ее.

— Ваше святейшество, мы просим вернуть Колонна их имущество, имея в виду только их интерес, — вмешался в разговор герцог Урбино. — Что касается нас, то мы желаем только мира с вами, который мы уже заключили с герцогом Романьи. В залог наших добрых отношений мы почтительнейше просим вас немедленно назначить свадьбу донны Лукреции с нашим горячо любящим ее Паоло.

 — Лукреция сама ответит вам на вашу просьбу, — возразил Александр и жестом руки подозвал к себе дочь.
 — Вы думаете, что

можно насильно тащить к венцу женщину?

— Конечно, нельзя требовать, чтобы вы высказались беспристрастно на этот счет! — как бы подчеркивая затаенный смысл грязных слухов о папе и Лукреции, заметил Фабрицио.

Лукреция подошла к отцу с видом разгневанной богини. Она поняла намек Колонна и бросила на него взгляд, полный глубокого презрения.

— Я здесь, святой отец, и всегда готова беспрекословно исполнить каждое твое желание, за исключением того, против которого вос-

стает мое сердце, — проговорила она нежным, но решительным тоном. — Позволь мне, святой отец, удалиться в какой-нибудь монастырь; тогда я по крайней мере не буду причинять тебе ни столько забот, ни столько огорчений.

— Если вы пожелаете исполнить эту просьбу, что, конечно, только шутка со стороны донны Лукреции, то дадите нам повод заключить, что вы умышленно подавали нам ложные надежды с целью склонить нас на свою сторону. Без этого брака, на который я имею полное право, согласно данному вами слову, никто из нас — ни Орсини, ни Вителлоццо, ни Урбино — не признаем вашей власти! — воскликнул Паоло Орсини, злобно сверкая глазами.

— Совершенно верно, — подтвердил Вителлоццо. — Вы слишком часто обманывали нас, а потому мы уже давно перестали верить

вам.

— Мы не доверяем вам на основании фактов, которые видим перед своими глазами, — снова заговорил Паоло. — В вашем присутствии и по вашему приказанию монах читал проповедь против нас. Сама донна Лукреция не станет отрицать, что уже несколько раз назначала тайные свидания посланному из Феррары.

— Что вы скажете в свое оправдание, прекрасная сестрица? — шутливо спросил Цезарь, как бы не придавая никакого значения сло-

вам Паоло.

— Молчи, дерзкий мальчишка! Послушаем, что скажет наша племянница? — остановил его папа и устремил пронизывающий, недоверчивый взгляд на Лукрецию.

Красавица изменилась в лице и вся задрожала. Боязнь за жизнь иоаннита, который, несомненно, погиб бы, если бы папа узнал об истинной цели его приезда, а еще более о чувствах своей дочери к нему, заставляла молодую женщину признать обвинение правильным, так как никакого другого выхода у нее не было.

— Действительно, из Феррары приезжал в Рим какой-то посланный с поручением ко мне, но я так мало придала значения его словам, что даже не нашла нужным беспокоить его святейшество по этому поводу. Синьору Орсини тоже не было никакого основания

тревожиться! — смущенно ответила Лукреция.

— Что же это за посланный? где он? — спросил папа.

Цезарь посмотрел на Орсини так, точно хотел ему сказать: "Ви-

дишь, как он умеет притворяться!"

- Я обещала не выдавать этого феррарца, ответила Лукреция, но так как о нем спросили меня вы, святой отец, то я расскажу вашему святейшеству, как было дело. Что касается синьора Орсини, то могу сказать для его успокоения, что поручение, данное феррарцу, не достигло и никогда не достигнет цели, как не может ложь оказаться правдой.
- Вам приходится удовольствоваться этим, синьор Паоло, ехидно заметил Цезарь.

- Нет, я не могу удовольствоваться! горячо воскликнул Паоло. — Моя душа успокоится лишь тогда, когда я буду обладать тем существом, в которое вложены все мои надежды, мое счастье, вся моя жизнь!
- Зачем вы хотите вывести меня из себя? грустно проговорила Лукреция. Ах, до чего упал рыцарский дух!.. Вы, славный победитель рыцарского турнира, представитель знатного рода, желаете угрозами заставить женщину любить вас!

— Так научите меня, обожаемая донна Лукреция, как мне поступить, чтобы заслужить ваше расположение! — сказал Орсини,

склоняясь к ногам красавицы.

— Простите, донна, но этот синьор — не победитель рыцарского турнира, — вдруг вмешался Альфонсо, который слышал разговор Лукреции о феррарском посланнике и объяснил себе ответ Лукреции страхом перед отцом, а не боязнью за его безопасность.

— Как же, синьор? Ведь после того, как вы упали, пальма первенства принадлежала одному из двух оставшихся, и сир Лебофор признал, что победителем следует считать не его, а Паоло Орсини! — возразила Лукреция, с таким ужасом глядя на Альфонсо, точно видела перед собой призрак.

— В таком случае, если они оба признают, что честно поступили со мной и честно выиграли приз, я называю их лжецами и бросаю им перчатку? — воскликнул принц д'Эсте и с такой силой бросил перчатку, что она пролетела мимо Паоло прямо к ногам папы.

- Успокойтесь, рыцарь! Я председатель судей турнира и как таковой обещаю вам, что приз будет отдан тому, кого признают победителем беспристрастные французские рыцари, с которыми я посоветуюсь, когда поеду к французскому королю. По возвращении оттуда я решу это дело? проговорил Цезарь.
- Неужели вы думаете, товарищ по оружию, что я воспользовался вашим несчастным падением для получения приза? спросил Реджинальд, выступая вперед.
- Я прошу, ваша светлость, передать эту перчатку тому из двух рыцарей, который примет приз, обратился Альфонсо к Цезарю, не удостоив Лебофора ответом.
- Ради этой перчатки, брошенной вам в лицо, я не отказываюсь от приза!
 воскликнул глубоко оскорбленный англичанин.
- Нет, сир Реджинальд, вы должны дать мне слово, что до моего возвращения из Франции вы сохраните между собой мир! сказал Цезарь и улыбнулся довольной улыбкой, заметив, каким гневным взглядом обменялись между собой оба соперника.
- Мы, женщины, постараемся, чтобы до вашего возвращения, герцог, рыцарь святого Иоанна был пленником в Ватикане, с искусственной веселостью проговорила Лукреция и густо покраснела, отчего ее красивое лицо стало еще лучше. Мы посмотрим, как подействуют на врага женская красота и любезность моих дам.

— Я не боюсь побитого врага! — ответил Альфонсо с таким пре-

зрением, что Лукреция побледнела от оскорбления.

— Слышите, прекрасные дамы, он бросает и вам вызов, — шутливо заметил Цезарь. — Победите этого бунтовщика! Отдаю вам его на хранение и надеюсь, что вы вернете мне его даже в лучшем виде, чем он находится теперь, так как он будет пользоваться вашими милостями.

Альфонсо поклонился и ждал, что папа восстанет против такого решения, но, к его величайшему удивлению, Александр милостиво удыбнулся и благосклонно сказал:

— Мы очень довольны таким положением вещей. Рыцарь недавно выказал такую отвагу, что, конечно, нажил себе много врагов; мы можем быть покойны относительно его.

Это предпочтение, оказываемое иоанниту, возмутило Орсини.

— Раз сир Реджинальд признает меня победителем, — сердито воскликнул он, — то я считаю оскорблением, что мне не отдают выигранного мною приза; этим как будто хотят показать, что действительно считают меня предателем. Пусть у меня отнимают что хотят, но я никому не позволю задеть мою честь!

— Если вы не хотите настолько рассердить меня, чтобы я навеки отказала вам во всякой надежде получить мою руку, то ждите спокойно приговора французских рыцарей! — обратилась к нему

Лукреция.

— Будьте довольны, синьор Паоло, если донна Лукреция откажет вам. Вспомните о той крови, которая пролилась в Ватикане, в покоях принца Салернского; кто знает, не дело ли это прекрасных, белых, как лилия, ручек, которых вы так добиваетесь! — проговорил Фабрицио Колонна.

Терпение Александра истощилось.

— Ступай прочь, изменник и бунтовщик, — закричал он, — иначе моя стража выгонит тебя!

— Это — ответ на мою просьбу! — насмешливо сказал Фабри-

цио. — А что мне передать своему королю?

- Для твоего короля и моего дерзкого вассала, для всех королей вообще у меня существует лишь один ответ: я назначен всемогущим Богом быть главой христианской церкви и отцом и властителем всех королей. Мне, как отцу, не подобает подчиняться детям; наоборот, они должны исполнять мои приказания. Кто идет против меня, тех я не считаю законными детьми.
- А незаконных детей очень много под покровом святой церкви!
 иронически засмеялся Фабрицио.
- Эй, стража! закричал Александр, побледнев от гнева. Впрочем, пусть лучше уведет его тот, кто хочет спасти его.
- Мне нужно еще кое-что сказать вашему святейшеству, спокойно заявил Фабрицио. — Ввиду того, что вы стараетесь лишь возвеличить своих родственников в ущерб святой церкви, король Фе-

дериго и король испанский просят передать вам, что, если вы будете поддерживать требования французов, они откажутся признавать вас главой церкви.

- Вот вам благодарность за то, что я уступил испанскому королю половину вновь открытого света! злобно воскликнул Александр? Должен вам сказать, что в молодости я изучал римское право и теперь вспоминаю, что в нем говорится, что подаренное имущество может быть отнято обратно, если получивший дар оказывается непочтительным по отношению человека, сделавшего ему подарок.
- Если бы вы, ваше святейшество, с таким же усердием изучали каноническое право, то вы вспомнили бы, что существуют большие преступления, чем неблагодарность. Тогда ваша дочь не имела бы столько мужей, возразил Фабрицио. Однако я вижу, что донна Лукреция дрожит, и лучше промолчу, пока Господь не потребует вас к ответу.

Александр задыхался от злобы, но затем вскочил со своего места и громко закричал:

- Стража, сюда!

На его зов со всех сторон сбежался караул, но, прежде чем папа успел сделать распоряжение, чтобы Колонна вывели, Лукреция опустилась к ногам отца и умоляла его успокоиться. К ней присоединились кардинал, Цезарь и посланники.

Благоразумие Александра всегда одерживало верх над его чув-

ствами. Он пришел в себя и нежно сказал дочери:

— Ты права, мое дорогое дитя! Нашему величию не подобает вести споры с мятежниками и бунтовщиками.

С этими словами он взял руку Лукреции и, как разгневанный

Юпитер, вышел из позолоченных дверей.

Альфонсо заметил, что Лукреция сделала какой-то знак Лебофору и, подойдя к двери, умышленно уронила платок. Англичанин поднял его и быстро пошел вслед за молодой женщиной, как будто для того, чтобы передать ей этот платок. Все присутствовавшие на приеме папы с недоумением переглядывались между собой.

XVIII

Альфонсо д'Эсте был так потрясен всем пережитым в последнее время, что никак не мог разобраться в своих впечатлениях. Он не понимал, каким образом ревнивый папа допускал такую близость англичанина к своей дочери; непонятны ему были также поступки Лукреции. С одной стороны, она очень беспокоилась о его безопасности и заботливо ухаживала за ним, а с другой — настолько ненавидела, что даже хотела лишить его жизни. Он сам не знал, радоваться ли ему или печалиться по поводу последних событий, поколебавших власть Борджиа.

Вскоре в Ватикане распространился слух, что герцог Романьи старается помириться с разгневанными феодалами. Судя по тем событиям, которые последовали непосредственно после приема у папы, можно было видеть, до какой степени Борджиа боялись, чтобы власть не ускользнула из их рук. Паоло Орсини внезапно получил титул римского сенатора, и это была честь, которой давно не удостаивался никто из их семьи; затем, согласно жалобе Паоло, отец Бруно был переведен в замок святого Ангела, в виде наказания за проповедь, в которой он осуждал предполагаемый брак Лукреции с Орсини. Требования Колонна тоже были почти удовлетворены. Фабрицио известили, что Колонна получат обратно все свои ленные владения, как только будут соблюдены все формальности; донна Фиамма, во избежание разных неблаговидных слухов, должна была покинуть Рим и, забрав все свое имущество, переселиться в Неаполь. Получив этот ответ, Фабрицио уехал, чтобы посоветоваться со своими изгнанными родственниками, согласиться ли на такие условия.

Альфонсо не знал, что Цезарь, пользуясь его присутствием, распространил среди Орсини слух, что папа ведет с ним тайные переговоры о браке Лукреции с принцем Феррарским; это и вызвало со стороны Паоло требование, чтобы данное ему слово было исполнено немедленно. Услышав о высоком назначении жениха Лукреции, Альфонсо не сомневался, что требование Паоло было удовлетворено, тем более, что Вителлоццо покинул Рим вместе со своими приверженцами; а это тоже могло служить доказательством, что де-

ло приняло благоприятный для них исход.

В довершение беспокойства Альфонсо вечером в его комнату вошел церемониймейстер Иоанн Бурхард и таинственно сообщил ему, что его святейшество приглашает его к себе, на половину донны Лукреции, где папа обыкновенно ужинает. Альфонсо не сомневался, что Лукреция в самом непривлекательном виде представила его своему отцу, и был уверен, что оба пламенно желают освободиться от дерзкого обличителя их преступлений. Если бы Альфонсо открыл им свое настоящее звание, это могло бы только ухудшить его положение; взвесив все это, он беспрекословно последовал за Бурхардом. Они прошли целый ряд роскошно убранных комнат, на которые Альфонсо даже не взглянул. Остановившись у одних из дверей, церемониймейстер приподнял красную бархатную портьеру, и оба очутились в большой комнате, служившей столовой.

По-видимому, приход церемониймейстера с рыцарем не был замечен присутствовавшими в комнате. Взоры папы Александра были устремлены на лицо дочери, сидевшей у его ног и напевавшей народную испанскую песенку. Сквозь открытые окна в столовую вливался ароматный воздух; у одного из окон стоял стол, на котором были расставлены фрукты, цветы, конфеты и вино. В почтительном отдалении сидела Фаустина и вязала что-то. Вероятно, тонкий слух Лукреции уловил шум шагов пришедших; она перестала петь, но сделала вид, что не замечает присутствия посторонних.

— Вы, кажется, ваше святейшество, не расположены слушать веселое пение? — обратилась она к папе. — Тогда я лучше спою вам балладу о двух влюбленных, которые должны были расстаться, хотя причиной их разрыва было лишь упрямство.

— Что бы ты ни пела или ни говорила, моя Лукреция, все из твоих уст будет сплошным очарованием! — нежно ответил Александр. — Однако, правда, веселая мелодия не соответствует моему

настроению.

— В таком случае вздохи моих влюбленных придутся вам по сердцу, мой повелитель! — шутливо заметила Лукреция.

- Нет, Лукреция, не называй меня повелителем, зови меня от-

цом, любящим тебя отцом! — возразил Александр.

- Да, отец мой, дорогой мой отец, горячо воскликнула молодая женщина, отец, заменяющий мне всех на свете. Кроме вас, у меня нет никого, кто любил бы меня, и вы умеете любить лучше, чем кто бы то ни был. Ах, я и забыла о своей балладе! и Лукреция затянула своим чарующим, мелодичным голосом грустную песнь о разбитых сердцах. Однако она внезапно прервала ее и воскликнула: Впрочем, я лучше замолчу; эта баллада наведет на вас, дорогой отец, грустные мысли.
- Я слышал только одно слово "разлука", и, должен сознаться, оно расстроило меня, печально ответил Александр. Где бы ты ни была, мое дитя, твоя любовь останется со мной, ты будешь моим ангелом-хранителем и закроешь мне глаза на моем смертном одре.

— Когда вы так говорите, дорогой отец, я могу только плакать! —

сказала Лукреция, вытирая глаза.

- Что же делать, дитя мое? В семьдесят два года нельзя не думать о смерти; меня она не пугает; единственно, что тревожит меня, это твоя участь. Ах, если бы я мог быть уверен, что ты будешь счастлива!
- Поговорим лучше о чем-нибудь другом! воскликнула Лукреция. Хотите, я спою вам ту песню, которую пела кормилица, когда я была маленькой?

Легкий кашель, от которого не мог удержаться Альфонсо, дал возможность Лукреции объявить папе о его приходе.

— Рыцарь святого Иоанна здесь, — прошептала она, как будто только что заметив его присутствие. — Подойдите ближе, синьор, — обратилась она к Альфонсо. — Я рассказала его святейшеству то, что сама слышала от вашей приятельницы, бывшей в гроте Эгерии. Она сказала мне, что вы приехали в Рим, чтобы навести справки обо мне и о намерениях его святейшества. Для того чтобы облегчить вам задачу, я просила поместить вас во время вашей болезни во дворце, ближе к интересующему вас источнику. Его святейшеству угод-

но, чтобы вы оставались в Ватикане, так как здесь вы находитесь в безопасности.

Лукреция взглянула на Альфонсо таким умоляющим взором, что он смутился, но постарался скрыть свое волнение. Фаустина взяла свое вязанье и ушла из комнаты. Альфонсо проследил за ней мрачным взглядом и, когда она открывала дверь в соседнюю комнату, увидел альков с золотистыми занавесами, на которых были изображены серебряные фигуры апостолов и Богородицы.

— Твоя осторожность, мой сын, вполне справедлива, — начал Александр по уходе Фаустины, — если герцог Эрколе д'Эсте не отказался от своего давнишнего плана, то оставайся у нас до тех пор, пока мы не выясним вполне этого дела. Что касается меня, то я всегда относился с большой симпатией к намерению герцога д'Эсте.

Альфонсо чувствовал непреодолимую потребность узнать, когда будет свадьба Лукреции с Орсини, а потому тотчас же произнес:

- Герцог Эрколе, ваше святейшество, конечно, очень желает, чтобы его давнишняя мечта осуществилась; но это желание бесплодно, а потому и мое дальнейшее пребывание здесь излишне. Ведь брак ее светлости донны Лукреции с синьором Орсини вполне решен и последует очень скоро?
- Ну, после того, как я убедился в строптивом, мятежном характере Паоло, после того, как он вошел в сношение с Колонна, только крайняя необходимость может заставить меня отдать ему руку моей племянницы. Я только жду возвращения герцога Романьи, чтобы окончательно разделаться с домом Орсини. Попросите своего повелителя яснее выразить делаемое им предложение и передайте ему, что вы находитесь у меня в гостях и что я в присутствии своей дочери да, именно дочери, а не племянницы! сказал вам, что из всех итальянских принцев я считаю достойным для нее мужем только Альфонсо Феррарского. Вы увидите несравненную красоту этой женщины, но никто не подозревает, какой клад ее сердце, как счастлив будет муж, которого она окружит своей любовью.

Альфонсо сразу подумал, что в Ватикане узнали о его происхождении и папа льстит ему в надежде на помощь феррарцев, которая была бы для него очень кстати.

- Синьор, обращаясь к нему, проговорила Лукреция, и ее лицо слегка зарумянилось, прежде чем говорить о нашей любви к принцу Феррарскому, нужно сначала узнать, любит ли он нас. Я по крайней мере слышала, что он всеми силами противится желанию герцога Эрколе.
- В вашем тоне звучит гнев, ваша светлость, холодно заметил Альфонсо, а это доказывает, что дом Эсте не пользуется теперь благосклонностью в Риме.
- Вы не можете сомневаться в нашей благосклонности, раз я прошу вас передать своему повелителю, что настолько предан вашему дому, что решаюсь отказаться от единственного своего утешения на

старости лет и отдаю ему редчайшее сокровище на свете! — ответил папа.

— До свиданья, синьор, — проговорила Лукреция, слегка поклонившись Альфонсо. — Господин церемониймейстер, вот все, что хотел сказать его святейшество!

Бурхард вышел из зала в сопровождении принца.

Разговор с папой еще более взволновал Альфонсо. Он не сомневался теперь, что Александр действительно искренне желал союза с ним, а тот факт, что Лукреция поместила его во дворце, зная, с какой целью он приехал в Рим, во всяком случае говорил в ее пользу. Непонятным казалось Альфонсо поведение Цезаря. Вдруг его осенила мысль, что герцог Романьи умышленно не противился его пребыванию в Ватикане, чтобы дать Альфонсо убедиться, в каких отношениях состоит Лукреция со своим родным отцом. Бембо все время боялся покушений со стороны Цезаря на жизнь Альфонсо, и эта боязнь еще усилилась, когда Бурхард передал ему приказание папы, чтобы он не выпускал рыцаря из стен дворца без солидной охраны.

Альфонсо прожил уже много времсни почти в полном одиночестве в Ватикане; его раны постепенно заживали. Лукреция, по-видимому, забыла о его существовании, а со стороны он слышал, что она не пропускает ни одного увеселения, везде появляясь в сопровождении Реджинальда Лебофора. Отъезд Цезаря и конец юбилейных торжеств совпадали в один и тот же день. Накануне своего отъезда герцог Романьи устраивал большой бал в честь папы и представителей дома Орсини.

Однажды вечером, когда Альфонсо утешал себя мыслью, что Лукреция вовсе не забыла о нем, а только притворяется, чтобы усыпить ревность своего брата, дверь в его комнату открылась и без всякого доклада вошел Цезарь. Бембо с таким ужасом посмотрел на него, точно видел перед собой призрак смерти.

- Не бойтесь меня, проговорил Цезарь, заметив, какое впечатление он произвел на Бембо, я пришел только для того, чтобы пригласить вашего храброго друга к себе на бал. Кроме того, у меня есть к нему маленькая просьба, но я могу говорить о ней лишь наедине.
- Желание вашей светлости закон! ответил испуганный Бембо, не двигаясь, однако, с места.
- Ну, я скоро завершу ваш шахматный турнир с тем рыцарем, улыбаясь, обратился Цезарь к Альфонсо, еще один-два хода и игра будет окончена. Скажите, вы не боитесь оставаться один в этих ужасных комнатах?
- Как можно назвать ужасным помещение, пригодное для самого короля? ответил Альфонсо.
- Ну, тем лучше для вас, что оно вам нравится. Следовательно, вы не слышали ничего о том, что связано с этими комнатами? серьезным тоном спросил Цезарь. Ваше преподобие, обратил-

ся он к Бембо, — не будете ли вы любезны оставить меня на несколько минут наедине с вашим другом?

Бембо со страхом посмотрел на своего господина.

— Да, мой брат, можешь идти спокойно, — сказал ему Альфонсо, кладя руку на свой меч, — я не чувствую слабости; стань вот у того окна; ты легко можешь прийти ко мне на помощь, если я почувствую себя дурно.

— Я хочу говорить с вами об одной женщине, — начал Цезарь,

когда Бембо удалился, — а такой разговор требует тайны.

— Меня удивляет, герцог, что вы собираетесь говорить со мной о женщине! Вы знасте, что в этом вопросе я совершеннейший про-

фан, — удивленно возразил Альфонсо.

— Вот именно, зная ваш строгий взгляд на женскую добродетель, я и решил обратиться к вам с просьбой охранять в мое отсутствие одну женщину, которая очень дорога мне, даже, может быть, слишком дорога. Вы, конечно, догадываетесь, о ком я говорю. Я вполне уверен, что у вас нет никакого основания любить фатоватого англичанина, но, может быть, в память прежней дружбы вы согласитесь предостеречь легкомысленного юношу от той опасности, которая ему угрожает. Этот молодой человек очень красив, нравится женщинам и в мое отсутствие может позволить себе лишнее. С болью в сердце я не могу не согласиться, что многие слухи, распространяемые о близкой мне даме, совершенно верны. Предостерегите несчастного юношу; напомните ему, что у него есть сильный соперник, который ни перед чем не остановится, даже перед убийством.

— Я не понимаю, о какой даме вы говорите и кто такой этот соперник? Мне кажется, ваша светлость, что вы-то во всяком случае

не допустите никакого соперника! — заметил Альфонсо.

— К сожалению, такой соперник имеется, — со вздохом проговорил Цезарь. — В свою очередь считаю долгом предупредить вас, что вам желают отомстить и под видом радостного свидания приведут вас к гибели, как это уже сделали с моим несчастным братом. Ах, Боже, я проговорился! Ну, да теперь уже ничего не поделаешь. Вы не представляете себе, рыцарь, на краю какой бездны вы стояли, когда велели безумной еврейке рассказать о смерти герцога Гандийского. Несомненно, вы делали это в угоду папе, но от всей души советую вам не вмешиваться больше в дела подобного рода.

- Неужели я похож на шпиона и предателя, что вы навязываете

мне такую роль? — возмущенно спросил Цезарь.

— О, нет, благородный рыцарь, вы не поняли меня! — горячо воскликнул Цезарь. — Я прощу от вас только небольшой чисто христианской услуги. Должен сказать вам, что кормилица Лукреции Фаустина по некоторым причинам очень предана мне и сообщает все, что делается при дворе папы. Как видите, я ни в каком шпионе не нуждаюсь. Я только хочу, чтобы вы вовремя остановили безрас-

судного юношу, вашего бывшего друга, когда наш домашний соглядатай Фаустина доложит вам, что опасный момент наступил.

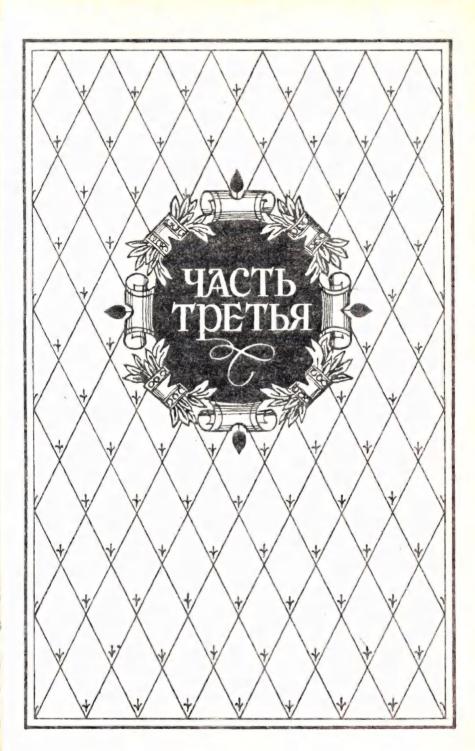
Это был очень ловкий прием: Цезарь возбудил ревность в Альфонсо и вполне рассчитывал на то, что результатом этого явится ссора между исаннитом и англичанином; отношения Лукрепии к последнему очень не нравились ему, равно как и ее предположенный брак с принцем Феррарским. Чтобы расстроить все это, он и придумал эту новую интригу. Альфонсо попался на удочку. Цезарь внутренне смеялся, увидев смущенное молчание Альфонсо, доказывавшее без слов, что он согласен на его предложение. Чтобы не дать ему времени одуматься, он перевел разговор на другую тему и снова повторил свое приглашение.

Однако, ссылаясь на свои еще не вполне зажившие раны, Альфонсо отказался от этого приглашения.

— Простите, пожалуйста, я совершенно забыл о вашей болезни и так долго утруждал вас! — испуганно проговорил Цезарь, поднимаясь со своего места и дружески прощаясь с больным.

Наконец он ушел, успокоив расстроенного до последней степени Бембо.

А в душе Альфонсо снова поднялись все муки ревности и гнева в отношении папы. Лукреции и Реджинальда Лебофора.

емптон, старый слуга Лебофора, состоявший в звании оруженосца и командовавший небольшим отрядом вооруженных людей, как будто только и ожидал несчастного исхода турнира, чтобы усилить затруднения моло-

дого рыцаря. Он был приставлен к пылкому юноше скорее в качестве руководителя и дядьки, чем для исполнения обыкновенных обязанностей слуги, однако теперь обнаружил мало такта в выборе момента и способа излить давно накипевшее в нем неудовольствие.

Лебофором успела уже овладеть тайная и, пожалуй, бессознательная страсть, ставшая благодаря роскошному климату Италии неодолимой. Воспламененный, с одной стороны, одобрением Лукреции и тем лестным восхищением, которого он удостоился в ее присутствии, а с другой стороны, озлобленный злословием и явной враждебностью Альфонсо, он с затаенной досадой выслушивал наутро после турнира пространную речь своего оруженосца, резко порицавшего иностранных женщин и в особенности итальянок. Однако юноша не смел опровергать эти поучения, тем более. что Бемптон свел разговор на похвалы кузин и невест рыцаря мисс Алис Бофор, а в заключение сказал, что надо безотлагательно хлопотать о церковном разрешении на этот брак, которого легко добиться при благосклонности папской племянницы.

Эти слова были так справедливы, так внушительно подкреплялись взором старика и собственным сердцем Лебофора, что он обещал немедленно приступить к необходимым хлопотам. Между тем протекло много дней, а Лебофор, хотя постоянно вращался в обществе Лукреции, не обмолвился еще ни одним словом об этом деле. Правда, каждый раз, идя в Ватикан, Реджинальд собирался изложить свою просьбу, но стоило ему попасть туда — и его намерения разлетались прахом. К несчастью, Бемптон сам подавал ему повод действовать таким образом, представляя влюбленному юноше опасность его дальнейшего пребывания в Италии после того, как он навлек на себя гнев могущественного повелителя Феррары. Реджинальда возмущала мысль удалиться оттуда из-за личных опасений, и он отговаривался различными предлогами, лишь бы оттянуть отъезд из Рима.

Однако в оправдание юноши надо заметить, что после тревожной ночи, последовавшей за прощальным пиром Цегаря, на котором

Лукреция явно отличила его. Реджинальд пришел к решению поспешить к ней на следующий день и добиться разговора наедине, чтобы изложить ей свою просьбу. Он был уверен, что при безграничном влиянии Лукреции можно скорее достичь успеха этим путем. чем подачей прошения в папскую канцелярию. Однако перед этим ему вздумалось предварительно посоветоваться о своем деле с Орсини. Последний стал убедительно просить его отложить этот план, так как всякое подозрение насчет Реджинальда рассеялось теперь в его луше и он почувствовал к нему прежнее расположение после великодушного поступка молодого рыцаря на турнире. Однако Лебофор упорствовал в своем намерении, так что Паоло наконец стал просить его присутствовать на своем бракосочетании с Лукрецией. Свои расчеты на этот брак он основывал на следующем. Дворянство вступало в союз с Цезарем Борджиа, и, в то время как последний действовал в Милане, стараясь усыпить подозрительность французов, дворяне хотели собрать свои военные силы под предлогом нападения на Пиомбино с целью вернуть его церкви, долгое время спорившей с родом Аппиани об обладании этой страной. Но в действительности вместо этого союзники намеревались после соединения с Цезарем внезапно напасть на Тоскану, чтобы восстановить в ней господство Медичи. Получив такое подкрепление, папа, как рассчитывал Паоло, должен был уступить желаниям семейства Орсини отдать ему руку своей дочери.

 Когда же моя цель будет достигнута, — со смехом прибавил Паоло, — то замыслы Цезаря против Феррары осуществятся еще не

скоро.

Размышления Реджинальда насчет удивительных хитросплетений итальянской политики были вскоре вытеснены другими, более приятного свойства. Молодым людям принесли богато разрисованные арабесками и любовными эмблемами грамоты на звание членов двора любви, основанного Лукрецией. Из числа своих приближенных она выбрала двадцать самых красивых и наиболее талантливых дам, которые с таким же числом кавалеров, отличавшихся теми же качествами, составили академию, где ей предстояло занять председательское кресло. В академики были избраны Паоло Орсини, Лебофор, Бембо, Макиавелли, кардинал Медичи и другие лица, одаренные остроумием и поэтическим талантом. Предполагаемой целью этого учреждения было обратить неподатливого иоаннита к сладостному учению любви. С этим намерением члены академии сговорились собираться в каком-нибудь месте, указанном очаровательной председательницей: или в одном из ее садов Ватикана, или во дворцах друзей, удостоенных столь высокой чести. Такие собрания должны были происходить по вечерам три раза в неделю. Первые заседания были назначены в винограднике Ватикана, как назывались прекрасные сады, покрывающие теперь холм, но должны были состояться лишь через неделю после отъезда Цезаря, когда иоаннит мог оправиться от своей раны.

Альфонсо нетерпеливо ожидал своего выздоровления. Он хотел лично убедиться, как далеко простиралась близость между Лукрецией и Лебофором, и вместе с тем для него было блаженством смотреть на нее хотя бы глазами навеки изгнанного духа, который заглядывает через решетку рая. Порой ему казалось, что желанный день никогда не наступит, однако он наступил.

Сборным пунктом для членов академии было назначено дивное место Ватикана. Аркады виноградных лоз, переплетавшихся с ярко-зеленой весенней листвой и роскошными цветами, поднимались уступами на возвышенность и, сходясь вместе, образовывали там подобие звезды и навеса над густым ковром зеленеющей лужайки, в середине которой бил фонтан. Между аллеями виноградных лоз, а также среди множества розовых кустов и высоких кипарисов открывались великолепные виды на окрестности и на город, благодаря чему эта возвышенность называлась Бельведером.

Альфонсо решил присоединиться к гостям, явившимся последними, и, поднимаясь на первую террасу, увидел, что здесь принята предосторожность; все должны были проходить мимо караула из красивых детей, одетых амурами, которые защищали вход своими маленькими серебряными луками; каждый посетитель был обязан отдавать им свое оружие и обещать вести себя со всеми вежливо и миролюбиво. Это показалось подозрительным иоанниту, но он все же дал точно такое же обещание, нетерпеливо поспешил затем вперед и вскоре очутился среди вновь учрежденной академии.

Перед фонтаном был разостлан круглый, богато затканный цветами и фруктами ковер; вокруг него на зеленых бархатных подушках низких плетеных кресел восседали двадцать избранных членов по обеим сторонам председательского кресла, возвышавшегося на лужайке. На нем сидела Лукреция, увенчанная диадемой из мирт и роз, а прочие дамы надели на себя только гирлянды из тех же цветов. Лебофор и Орсини помещались справа и слева председательницы, а против нее, на самом отдаленном краю круга, было приготовлено место для Альфонсо.

Когда он подошел, Лукреция вела оживленный разговор с Лебофором; в ее игривом кокетстве и даже страстных взорах рыцаря было что-то такое, что успокоило ревнивые опасения влюбленного, но ему не понравилась внезапная краска, ударившая ей в лицо, когда она отвернулась от Реджинальда, чтобы приветствовать его с холодной вежливостью, а также обнаруженная ею тревога, когда она, видимо, преодолевая это чувство, приказала всем присутствующим вменить себе в обязанность нерушимое согласие и приветливость во время заседаний. Устремив на Альфонсо довольно грозный взгляд, Лебофор заявил, что не желает отступать от своих прав; с таким же строгим взором и Альфонсо выразил свое согласие. Потом он занял назна-

ченное ему кресло, которое одно не было украшено цветочными гирляндами.

После этого у прекрасной председательницы все стали единодушно просить объяснения, в чем должна заключаться цель основанной ею академии и какого рода услуг ожидает она от тех, кто был удостоен звания ее членов. Не бросив ни одного взгляда на иоаннита, она улыбнулась Лебофору и сказала следующее: академия поставила себе задачей обратить на путь истины такого мрачного и закоренелого противника любви, как феррарский рыцарь, а так как любовь — столь высокое и несравненное благо, что пренебрегать ею могут только люди, не знающие ей цены, то члены академии должны рассказывать на ее собраниях истории о действии и могуществе любви, счастливые или несчастные приключения, воспевать или описывать в песнях нежную страсть, стараясь рассеять или опровергнуть всякие сомнения, какие могут возникнуть у непокорного, и заключать каждое из своих заседаний танцами, музыкой и невинными развлечениями или чем-нибудь иным, способным внушить то дивное чувство, против которого восстает только один иоаннит. В заключение председательница предложила, чтобы каждый академик во избежание скучных формальностей избрал себе имя приятного для него значения, которым он и будет называться в академии.

Бембо тотчас предложил, чтобы Лукреция, служившая средоточием и солнцем счастья для всех членов очаровательного кружка, называлась просто Светом. Тут она, поспешно обернувшись к Лебофору, спросила, согласен ли он быть ее Подсолнечником; когда же тот охотно принял это имя, Альфонсо заявил, что желает называться Мраком, ввиду того что его мнения считаются противоположностью мнениям председательницы. Он не подозревал, насколько повредил себе, резкостью своего поведения невольно обнаружив обуревавшие его чувства; но Лукреция чутким женским инстинктом угадала, что ревность Альфонсо может быть возбуждена.

После того как эти приготовления были окончены, Лукреция предложила Бембо открыть прения. Последний, улыбаясь, заявил, что прежде всего было бы нужно согласиться между собой насчет сущности любви, изложить ее законы и поставить ее себе задачей.

Это предложение было единодушно принято всеми, и затем последовала беседа, которую не мешало бы увековечить на этих страницах за ее блестящее красноречие, если бы она не отличалась сладострастной окраской, допускавшейся нравами того века и той страны. Сам Платон был бы, пожалуй, поставлен в тупик хитроумием иных из этих объяснений, а Сафо невольно бросило бы в краску от чувственного пыла других. Между тем все общество разразилось громким хохотом, когда Лебофор, воображая, что он следует общему примеру, откровенно, но страстно признался в том чувстве, которое заполонило его сердце. Орсини определил любовь как желание быть воздухом, окружающим Лукрецию, а Макиавелли, осмеяв эту сен-

тиментальность, утверждал, что любовь есть желание попасть в сети Вулкана. Альфонсо, само собой разумеется, сочли неспособным выразить свое мнение по этому предмету, но объяснение самой Лукреции и он нашел резко противоречившим ее характеру. Любовь, сказала она, есть желание души слиться с другою душою, чтобы избежать одиночества, при котором мир превратился бы в пустыню.

Обсуждение темы продолжалось с неослабевавшей живостью до тех пор, пока на темно-синем небе взошла луна. Тихая прелесть и угасающие краски вечера гармонировали с беседой молодежи, и время пролетело незаметно до прихода посланного с докладом, что пап хочет садиться за ужин. Так как Лукреция всегда ужинала вместе с отцом, то академия решила проводить ее во дворец. Вдруг в начале аллеи, которая вела к башне Борджиа, из кустов неожиданно выскочил монах, пал на колена перед Лукрецией и подал ей письмо.

Вся живость молодой женщины тотчас пропала. Бледная и дрожащая, она отвернулась и вскрыла конверт, приказав монаху встать. Однако тот не поднимался с колен, с мольбой сложив руки.

— Я не могу... не должна... не хочу... — заговорила наконец Лукреция в очевидном смущении. — Передайте отцу Бруно, что никто сильнее меня не сожалеет о его аресте, но исполнить его просьбу я не в силах. Скажите ему, пусть он подождет; в несколько дней могут произойти важные перемены. Скажите ему... Ах, право, не по недостатку сострадания отказываюсь я ходатайствовать за него! Но скажите ему, отец Биккоццо, что его слова оскорбляют меня и он должен поискать себе другого посредника.

При этих неожиданных речах Биккоццо громко зарыдал, стал умолять Лукрецию и горько сетовать на то, что он своей необдуманной болтовней дал врагам отца Бруно предлог к его аресту. Однако Лукреция с несвойственной ей суровостью отвергла все его мольбы и приказала караульным солдатам выпроводить монаха, если он не удалится добровольно. Затем она пошла дальше, явно превозмогая стыд и упреки совести и стараясь своим видом поддержать гордый и гневный тон своего ответа.

Прошло несколько дней.

Основываясь на своих наблюдениях, Альфонсо не сомневался более, что Лебофор вытеснил его из сердца Лукреции и что его личное несчастье и благополучие его соперника вскоре сделаются полными. Он даже пришел к тому заключению, что при всей невинности первых заседаний новой академии под руководством Лукреции они скоро перейдут в разнузданность и будут доставлять ей удобные случаи, которыми она, по слухам, умела отлично пользоваться.

Между тем ее чары действовали неотразимо на избранную жертву. Альфонсо был окружен всем, что способно разжигать чувственные страсти; его воображение подстрекалось пылкой поэзией и яркими описаниями, в которых изощрялись рассказчики любовных историй; он находился постоянно под влиянием дивной красоты Лукре-

ции с ее разнообразными приманками, и таким образом страсть, пожиравшая его, возрастала ежечасно, несмотря на все его старания

преодолеть ее.

Чем более Альфонсо, находясь в близком общении с Лукрецией. понимал редкое сочетание прелести с ее поразительно блестящим. хотя и не лишенным женственности умом и неистошимое сокровише нежности и кротости, таившееся в ее сердце, тем сильнее становились его ревность и муки отвергнутой любви. Он не мог более сомневаться в том, что им пренебрегали. Холодность красавицы к нему, равно как и поощрение, которое встречал от нее Лебофор, служили ему доказательствами этого. С целью утвердиться в своих намерениях он старался воспользоваться своим положением, чтобы собрать против Лукреции улики, которые внушили бы ему отвращение к ней и вооружили бы его против ее чар. Но как ни подозрительно думал Альфонсо о необычайной нежности, которую обнаруживал папа своим крайним снисхождением к Лукреции, — тотчас же находилось объяснение всему этому: ведь и тайные свидания между ними. и неограниченное влияние Лукреции на Александра вызывались опасностями, по-видимому, грозившими могуществу дома Борджиа. а очарованию Лукреции способствовали ее красота, таланты и отврашение к Цезарю.

Да, танцовщица-сицилианка выразилась очень метко, сказав, что там, где отсутствует светлый дух любви, неминуемо явится мрачный. И этот дух нашептывал Альфонсо, как безрассудна была принесенная им жертва, какое великое счастье оттолкнул он от себя из-за призрака, потому что не чем иным, как призраком, было овладевшее им сомнение, ради которого он пренебрег представлявшимся ему блаженством.

"Из-за чего именно ты отказался от прекрасной возлюбленной? Из-за того, что не мог облечь ее священной целомудренной прелестью супруги? Но разве уже слишком поздно? — продолжал нашептывать ему дух. — Ведь Лукреция некогда любила тебя, да еще и

теперь в ее взорах загорается порою отблеск прошлого!"

Вдобавок на горизонте появилась новая опасность. Шансы Паоло Орсини на брак с Лукрецией поддерживались обстоятельствами, которые, по-видимому, обеспечивали за ним успех, но эти обстоятельства были политического свойства, так как холодность Лукреции попрежнему стояла на точке замерзания. Дело в том, что Цезарь по прибытии в Милан стал во главе церковного войска, как назывались военные силы союзного дворянства, немедленно произвел нападение на Тоскану, а это давало ему как будто все шансы на восстановление владычества Медичи.

Постепенно под влиянием все разгоравшейся страсти Альфонсо пришел к мысли, что для соперников, так жестоко оскорбивших его, самой горькой чашей был бы его успех у Лукреции. Мало-помалу эти рассуждения перешли в действия, Альфонсо стал с меньшей

горячностью опровергать доказательства, приводимые членами академии любви, и Лукреция вскоре заметила общую перемену в его обращении с ней; но она сама относилась к нему так, словно пламенные взоры, выдававшие пыл и нечестивый пламень его сердца, лишь еще более отталкивали и оскорбляли ее. Однако эта целомудренная холодность Лукреции и то гордое презрение, с которым она смотрела на него, только усиливали безумие желаний рыцаря, несмотря на всю их безнадежность. Члены академии, заметив смягчение прежних строгих правил Альфонсо, безжалостно подтрунивали над ним, но он нисколько не обижался на это, не скрывал того, что поддался убеждениям своих новых товарищей, и, хватаясь в своем отчаянии за каждую соломинку, напал на мысль, что, заявив о своем обращении, он может воспользоваться случаем для любовного признания, пыл которого, пожалуй, вновь зажжет в сердце Лукреции былое чувство к нему.

Он не составлял себе определенного плана, не ставил определенной цели, но наконец, измученный равнодушием Лукреции, попросил Фаустину доложить своей повелительнице, что он считает себя совсем обращенным, но желает лишь краткого разговора наедине для разъяснения еще некоторых сомнений, прежде чем заявить перед собранием о своем отречении от прежнего заблуждения.

Трудно представить себе тот восторг, который испытал Альфонсо, когда Фаустина принесла ему ответ, что Лукреция пойдет на другой день под вечер в сады Эгерии и даст ему там аудиенцию перед открытием заседания академии, которая должна собраться в этом месте по ее распоряжению.

Почти впервые со дня своего прибытия рыцарь снял с себя свою обычную неуклюжую одежду и надел костюм из черного бархата с роскошной отделкой из драгоценных кружев и золотого шитья, а к плечу прикрепил шелковый шарф белого цвета, избранного Лукрецией. Затем он тайком оставил Ватиканский дворец и вступил в долину Эгерии, обуреваемый страстями и воспоминаниями, которые отнимали у него не только всякую силу, но и всякое желание сопротивляться.

Поджидавшая его Фаустина сообщила ему, что Лукреция отпустила своих приближенных дам, предоставив им забавляться по-своему в саду и собирать цветы для гирлянд. Последние предназначались для круглого храма, сплетенного из ветвей и цветов и стоявшего в центре лабиринта, прозванного Минотавром по античной статуе, служившей ему украшением. Обрадованный Альфонсо надел на палец старой кормилицы дорогое кольцо, сказав, что дарит его в знак благодарности за ее внимание к нему во время болезни, и, не слыша под собою ног, поспешил вперед. Однако, едва перед ним показалась сквозь просветы листвы увитая розами арка храма, его сердце забилось так сильно, что ему пришлось остановиться, чтобы перевести дух. В этот момент Альфонсо услыхал голос, но не Лукреции, и с

щемящей болью в груди притаился в кустах, чтобы убедиться, насколько основательно шевельнувшееся в нем полозрение.

Минотавр, вылитый из бронзы, представлял собой чудовищного быка, лежавшего на мраморном полу храма в той позе, как он только что был сражен смертельным ударом Тезея, с опущенной к земле головой; его могучая шея и плечи образовали удобное сиденье, и Альфонсо увидел, что, полулежа на нем, Лукреция плела гирлянду из цветов, грудой лежавших перед ней. Возле нее, прислонившись к пьедесталу колонны, стоял Лебофор с несколькими венками на руке; он говорил о чем-то тихо и страстно, а Лукреция отвечала ему равнодушным тоном, бойко смеясь и устремив взор на свою работу, вследствие чего глубокое волнение молодого англичанина, по-видимому, ею не замечалось.

Лебофор до настоящего дня не сделал еще никакого дальнейшего шага для разрешения своего брака с двоюродной сестрой; он только сказал Лукреции, что хочет попросить ее о поддержке своего ходатайства перед папою, когда у нее будет время выслушать его. В то утро молодой человек был немало удивлен известием, что она готова принять его в своем саду перед заседанием академии и изложить папе его просьбу по возвращении во дворец. Это сообщение было получено Реджинальдом вместе с советом хранить его в тайне. Последнее обстоятельство возбудило в нем пылкие надежды и опасения, но он не хотел вдаваться в них и повиновался приказанию Лукреции, решительно отбросив все размышления, чтобы не вызвать нового препятствия в своей совести.

Альфонсо не догадывался, что Лукреция была уведомлена о его приходе таинственным знаком; но, едва он очутился вблизи нее, она нетерпеливо перебила Лебофора:

— Довольно, довольно! Полагаясь на ваше рыцарское слово, я готова поверить, что я прекрасна, как морская пена, если этого будет с вас достаточно; скажите, однако, в чем заключается ваша просьба. Мы получили благоприятные известия из Милана, и его святейшество особенно расположен сегодня оказывать милости.

Смущенный Лебофор помолчал, после чего с усилием, которое не осталось незамеченным, в отрывистых словах изложил свою просьбу о разрешении ему жениться на двоюродной сестре, которая была помолвлена раньше за его брата.

- Значит, вы любите англичанку и хотите навсегда покинуть меня? спросила Лукреция с заблестевшим взором, который пронизал Реджинальда насквозь.
- Да, я люблю, люблю! ответил он дрожащим голосом, с побледневшим лицом. — Я люблю... нет, я обожаю, боготворю тебя... одну тебя... чудная Лукреция! Прочь все посторонние соображения! Пусть предадут меня самой лютой смерти, если я лгу, только бы мне умереть у твоих ног! — и в порыве страсти Реджинальд бросился перед ней на колена.

— Вот вы как раз приняли позу, удобную для примерки венка, который предстоит вам надеть сегодня вечером, — сказала Лукреция, беззаботно смеясь, точно признание Лебофора было самой обыкновенной речью, и шутя наклонилась к нему, чтобы надеть венок.

Вероятно, ее намерением было явно выказать рыцарю свое благоволение, но она не рассчитала силы чувства, превозмогшего в его груди все остальные порывы, и внезапно очутилась в объятиях юноши.

Лукреция отскочила назад и воскликнула:

— Так вот какова твоя верность твоей приятельнице, твоя почтительность к дочери Александра! Но нет, я знаю твой честный нрав, — прибавила она, повернувшись к оторопевшему рыцарю, когда послышался шорох в кустах, — и потому согласна принять это за карнавальную шутку и наказать тебя.

Говоря таким образом, молодая женщина бросила бывшими у нее в руке цветами в смущенного и пристыженного Лебофора.

В этот момент показался Альфонсо.

Очевидно, довольный энергичным отпором, который встретил от нее Реджинальд, иоаннит пылко приветствовал Лукрецию, а затем, после церемонного поклона сопернику, напомнил ей, что выпросил себе аудиенцию наедине, чтобы откровенно изложить перед ней обуревавшие его сомнения.

— Я боялась, рыцарь, что ваши вопросы окажутся слишком трудными для того, чтобы их могла разрешить неученая женщина, — с поразительной холодностью ответил она, — а потому позвала на подмогу вот этого ученого доктора академии и должна удержать его при себе. Он просветил меня уже насчет некоторых вещей, о которых я не имела понятия.

Альфонсо стал настолько же мрачен, насколько повеселел Лебофор, однако превозмог себя и произнес:

- Во-первых, я хотел бы знать, может ли истинная любовь до такой степени угаснуть в женском сердце, чтобы от нее не осталось и следа?
- Об истинной любви я не могу сказать это; ведь вам известно лучше, чем всякому другому, что я не способна к ней; но если поверх грубого и запутанного наброска должна быть нарисована новая и более блестящая картина, то было бы жаль, если бы от прежнего остался след.

Лукреция высказала это с такой явной холодностью и презрением, что Альфонсо был жестоко уязвлен ее словами.

— Тогда я снова впаду во все свои прежние ереси, — с горечью произнес он. — Мне всегда было противно смешиваться с толпой и быть любимым лишь в качестве одного из многих. Если женская любовь такова, тогда ничто не привлекает в ней моей души, и она возвратится к своему прежнему покою.

— От этой мысли на нас веет холодом, несмотря на знойные лучи солнца над нашей головой. Подите сюда, Лебофор, иначе мы превратимся оба в ледяные сосульки.

— Я удалю с ваших глаз зиму из опасения, чтобы горячность рыцаря не воспламенила также и меня, — горьким тоном заметил Альфонсо и удалился так внезапно, что Лукреция не успела остановить его.

В этом недовольном настроении, в этом отчаянии иоаннит посетил Бембо, сообщил ему свои наблюдения и резко прибавил, что, так как влюбленные пришли к взаимному соглашению, то он не желает быть дольше свидетелем измены Лебофора, чтобы не дать воли своей досаде. Он поручил Бембо извиниться за него в том, что он не может присутствовать на дальнейших заседаниях академии и принимать участие в прочих увеселениях во время продолжавшегося поста, так как из-за них он соблюдал последний недостаточно строго, как это требовало его положение члена духовного ордена.

Бембо ответил, что женщина, подобная Лукреции, опасна для каждого, и охотно взялся исполнить возложенное на него поручение.

К вечеру Альфонсо получил известие, что его отсутствие нисколько не помешало общему веселью и что Лукреция еще никогда не была оживленнее и довольнее, как в этот день. Он оставался, запершись у себя в комнате, как будто погруженный в молитвы, а в это время двор задавал все более и более многочисленные и блестящие празднества. Бембо постоянно ворчал о явных доказательствах благоволения Лукреции к Лебофору, и это доставляло новую пищу самым жестоким опасениям Альфонсо. В то же время он заметил, что его зорко стерегли, так что у него даже явилось опасение, что он скорее играет роль арестанта, чем гостя в Ватикане.

Между тем возвращение Цезаря, которое должно было освободить участников турнира, замедлялось, а успешные действия Орсини в Тоскане делали вероятным, что они вскоре займут в Риме господствующее положение. Терпение Паоло, казалось, вытекало преимущественно из этой надежды, как вдруг все внезапно переменилось. Союзные дворяне, навлекшие на себя ожесточенную ненависть флорентийцев своими опустошениями, неудержимо готовились к осаде столицы, но были неожиданно остановлены могущественными приказами французского короля. Французское войско, со своей стороны, готовилось выступить против Неаполя, и Цезарь заявил, что должен повиноваться королю, вернувшему ему вновь свою благосклонность, и что церковное войско примкнет к французам согласно воле его святейшества. Его слова произвели действие громового удара при ясном небе. Союзные дворяне увидели теперь, что их ловко перехитрили и что им остается только заодно с партией Борджиа заискивать у французов.

Однако Цезарь и Александр сумели подготовить неаполитанского короля Федериго заключить союз с испанцами, и, когда прибыли

французские полководцы со своим войском, численность которого, правда, была далеко не достаточна для затеянного предприятия, после торжественного богослужения в присутствии папы было объявлено о заключении этого союза, в виде результата которого Неаполь должен был быть разделен между французами и испанцами. Конечно, все это дело приукрасили разными мнимыми предлогами, на несчастного неаполитанского короля взвели разные обвинения, чтобы затушевать интригу папы и Цезаря, однако столь явное предательство участников такой политической комбинации возмутило даже наиболее бессовестных государственных людей. Французы не могли особенно протестовать, не располагая достаточными военными силами, и примирились с положением, а Борджиа торжествовали.

Все Орсини, и особенно Паоло, чувствовали, что они впутались в игру, в которой потерпели поражение, а нескрываемое торжество партии Борджиа еще усиливало в них чувство унижения. Но им приходилось подавлять свои тревоги и гнев, и они собрались в большом числе, чтобы участвовать на пиру, который хотел дать папа в честь французских полководцев. Цезарь сам пригласил Лебофора с иоаннитом и велел передать им, что после совещания с французскими рыцарями он намерен объявить свой приговор относительно турнира.

П

Молва о роскоши и великолепии папского двора подготовила французских полководцев к тому, что они встретят здесь большую изысканность, и они были поражены, увидев в громадном зале башни Борджиа изумительное зрелище. Блестевший позолотой потолок. обои и бархатные драпировки, украшенные чудесами возрожденного искусства, простирались, насколько мог окинуть их взор, и заканчивались галереей, откуда ряд террас вел наверх, к восхитительным дворцовым садам, листва которых отливала зеленым серебром в прозрачном воздухе. Длинная галерея кишела прислугой в дорогой одежде, пажами и вооруженными людьми, которым предстояло услуживать во время пира многочисленным гостям, так как папа пригласил к себе все французское войско, за исключение простых солдат. Посредине галерея образовывала круглый зал, над которым возвышался купол, густо покрытый серебряной пылью и опиравшийся на беломраморные колонны с коринфскими капителями. Это было самое парадное место пира; тут на возвышении под балдахином восседал глава церкви.

Тут же сидели Лукреция со своим женским штатом, французские полководцы и прочие знатные гости. Тройчатые жезлы архиепископов и епископские посохи перемешивались с копьями, блестящими боевыми секирами и жезлами герольдов, потому что за каждым стулом стоял представитель духовенства в расшитой золотом столе *

^{*} Подобие эпитрахили у католического духовенства

или ее еще более нарядный герольд, или паж в берете с пером для услуг дамам, рыцарям или духовным особам. Античные статуи украшали все простенки. В полированном мраморном полу отражались серебряные вазы художественной работы, стоявшие в промежутках вокруг зала; в них дивно благоухали цветы. Столы были покрыты камчатными скатертями, затканными золотом, и уставлены сосудами, украшенными драгоценными камнями.

В последнее время Цезаря сильно сбивали с толку донесения его шпионов, и он не без мучительного подозрения посматривал на рыцаря Лебофора, статная фигура, цветущее лицо и великолепная одежда которого возбуждали всеобщее внимание, зависть и любопытство, когда было замечено, как Лукреция отличала его своей сияющей улыбкой. Чело Цезаря омрачилось, когда он увидел, как равнодушно отвертывалась она от иоаннита и в какую глубокую грусть был погружен феррарский рыцарь. Цезарь старался подавить свое беспокойство и рассыпался в преувеличенных похвалах Лебофору, представляя его французским полководцам.

Пир происходил с обычной пышной торжественностью. Красота Лукреции вызывала величайшее воодушевление среди французских рыцарей и сияла особенным блеском. Зная слишком хорошо дурную славу, ходившую о ней, молодая женщина старалась опровергнуть

его, как личное оскорбление.

славу, ходившую о ней, молодая женщина старалась опровергнуть ее контрастом увлекательной живости и остроумия, которые слишком редко бывают уделом тех, кого осаждают мрачные мысли, вызываемые сознанием своей виновности в тяжких преступлениях. Правда, Альфонсо не раз по колебанию ее прекрасной груди замечал, что Лукреция вздыхала тайком, даже принимая со смехом поклонение своих новых обожателей. Но ему казалось, что то был вздох сладострастной нежности, предметом которой являлся Лебофор. Сладостное благоухание ароматов, тихая музыка, не мешавшая разговору, и ослепительная прелесть молодой женщины — все возбуждало эту ревнивую мысль и еще более усиливало пламень страсти. Веселый смех гостей казался ему каким-то издевательством над его тоской, и каждая чрезмерная похвала красоте Лукреции задевала

Такое зрелище сделалось наконец слишком тягостным даже для притворства Цезаря. Обуреваемый страстью к сестре, он решил, что необходимо хотя бы на время удалить от Лукреции и Лебофора, к которому она, видимо, благоволила, и Альфонсо, казавшегося ему тоже подозрительным, а потому, внезапно переменив разговор, произнес:

— Однако мы лишаем себя превосходной забавы! Мне весьма интересно узнать, моя прекрасная сестрица и вы, прелестные дамы, насколько вам удалось растопить лед в груди своего пленника. Знайте, господа французы, что этот духовный рыцарь презирает всех женщин и хвалится тем, что способен устоять против всех соблазнов.

 Рыцарь, — сказал тогда старик де Латремуйль, — если ты не сдался безусловно несравненной красоте той дамы, то я не называю тебя больше рыцарем, потому что и небожителям не стыдно поклоняться ей. — О, — чуть побледнев, ответила Лукреция, — мы нашли лед таким крепким, что он только сильнее затвердел, котя мы все беспрерывно озаряли его лучами своего благоволения.

— Тогда узнайте мое решение, — внезапно сказал Цезарь. — Оно было торжественно обсуждено в присутствии господина де Латремуйля и его благородных товарищей. Так как все очевидцы турнира признают благородных синьоров Орсини и Лебофора неповинными в напасти, постигшей их соперника, видят в ней лишь несчастную случайность и приписывают им одинаковые заслуги, одинаковую славу, то мы заявляем, что приз может быть присужден только после бранных подвигов, а потому тот из этих синьоров, который по решению дам превзойдет всех храбростью на ратном поле во время предстоящего завоевания Неаполя, удостоится победного венка. Таким способом мы узнаем, действительно ли дамы чтут истинную доблесть или же только обманчивое подобие силы и храбрости, которые они находят у тех, кто, обладая этими качествами в избытке, умеет владеть собой.

Все присутствующие, за исключением иоаннита, ответили на эту речь единодушным возгласом одобрения. Воинственный дух проснулся даже в папе, и он громко изъявил свое согласие.

Лебофор бросил тревожный и страстный взгляд на Лукрецию, которая, видимо, побледнела. Однако она заметила, что взоры Цезаря устремлены на нее, и тихо промолвила:

— Рыцарь-иоаннит не находит более нужным оспаривать награду, а потому я надеюсь, что нам, дамам, нет надобности подвергать своего борца столь суровому соревнованию.

Альфонсо был совершенно ошеломлен. Хотя он в качестве стойкого приверженца Франции чувствовал, что было политической лестью служить таким образом тайно под знаменами французов, однако мысль о безопасности Лебофора заставила его решиться.

— Я принимаю ваш вызов, благородный синьор, — сказал он Цезарю, — тем более, что при этом можно избавить от карающей роли мой меч, острие которого притупляют старые воспоминания.

Глаза Лебофора засверкали, и он был готов дать резкий ответ; однако Лукреция, к удивлению всех присутствующих, прикоснулась к его руке и удержала юношу повелительным взором.

— Успокойтесь, успокойтесь, прошу вас всех, — сказала она, внезапно бросив на Цезаря крайне зоркий взгляд. — Я охотно доверила бы защиту благородного дела мечу английского рыцаря против благороднейших рыцарей в мире, и потому вы не должны удивляться, что я почитаю его, как только когда-либо чтил храбрость наш слабый пол. Но я признаюсь в такой же любви ко всем вам, и если кого-либо из вас постигнет беда, то знайте: я пожалею пострадавшего, а быть может, и отомщу за него.

Эта странная речь так и осталась неразъясненной, потому что предводитель гасконцев Иво д'Аллегр воскликнул обидчивым тоном:

— Вы говорите так, точно рыцарь непобедим, как сам Георгий Победоносец или древний Ахиллес! Я не смею равняться со столь испытанными мужами, но, право, лучший рыцарь Англии нашел бы, пожалуй, между нами такого, который запретил бы ему хвастаться.

— Если вы удовольствуетесь худшим, благородный синьор, то я к вашим услугам, — с горячностью подхватил Реджинальд. — Надеюсь, я не совсем забыл наставления своего деда, который рассказывал мне, каким образом ему удалось присутствовать на коронации нашего юного короля Генриха Шестого в Париже.

— Славный ответ! — с добродушным смехом заметил Латремуйль. — Запомните это хвастовство, господа французы, и если улыбка ваших возлюбленных не способна заставить вас отнять славу у этого англичанина с острым языком, то пусть вас побудит к тому воспоминание о его бахвальстве.

Таким образом затянулся и начал привлекать к себе внимание всех рыцарских дворов в Европе странный спор между тремя славными участниками юбилейного турнира; но он оказался теперь близким к разрешению.

Французское войско провело на своей стоянке лишь несколько дней, и римлянам пришлось полюбоваться еще одним величественным зрелищем, когда оно выступило в поход. Весь папский двор смотрел на него с высоких валов крепости святого Ангела. Французские военные силы следовало признать несоразмерными затеянному предприятию, как ни кичились французы недавним завоевание Милана и легкими победами Карла VIII. Их двенадцатитысячная армия состояла преимущественно из отборнейших французских рыцарей и швейцарской пехоты, почти непобедимой в поле благодаря военной выдержке и опыту, а римское дворянство выставило от себя еще около 5000 человек. Когда вся эта армия двигалась по мосту крепости святого Ангела, весь папский двор и дамы посылали воинам прощальный привет с крепостных валов, а папа благословлял их; народ ликовал, пушечная пальба сливалась с военной музыкой и барабанным боем.

Не замечая того, что взор Паоло почти впервые устремлен на него с подозрением, Лебофор появился с разорванным шарфом Лукреции на шее, который был отвергнут раньше Альфонсо. Внимательным наблюдателям показалось, что Лукреция послала воздушный поцелуй английскому рыцарю в отдельности, а Бембо заметил, что, когда скрылся из виду последний штандарт, ее глаза наполнились слезами.

- Кого удостоили вы своего сожаления, прекраснейшая синьора?
 полюбопытствовал Бембо нежным тоном.
- Как известно всякому, не в моем характере улыбаться только одному, как и оплакивать одного, с притворной живостью возразила Лукреция. Мне стало грустно лишь при мысли о том, что

не многие из этих воинов вернуться домой, чтобы радовать взоры своих матерей и тоскующих невест. Стены Рима вскоре остались позади удалявшегося войска, а вокруг него простиралось теперь мертвое уединение Кампаньи.

Дальновидные наблюдатели прозевали уже многое в политике партии Борджиа. Цезарь внезапно обнародовал распоряжение, по которому все владения рода Колонна были объявлены отчужденными, и подстрекал род Орсини занять их в пользу папы или свою собственную. Еще яснее обнаружились планы этих людей в мероприятиях, к которым прибег папа немедленно по выступлении союзных войск, причем подверглись притеснению многие мелкие дворяне, укрепленные замки которых были заняты им под разными предлогами.

Не обращая внимания на великолепные виды, развертывавшиеся кругом, войско вступило в степи Понтийских болот. Эти места представляли в то время бесконечное болотистое пространство, перерезанное там и сям мрачными лесами и обширными пустынями или горами, на скалистых вершинах которых выднелись укрепленные замки и города. Жаркий напитанный серными испарениями воздух висел над землей, как полог, и даже самым отважным становилось жутко. Солдаты, знакомые с народными сказаниями и пораженные прелестью уединенных оазисов, попадавшихся здесь в виде зеленых цветущих островов в необозримой пустыне, думали, что попали в заколдованную область, которая была так богато украшена, чтобы заманивать неосторожных путников.

Между тем слава, за которую собирались сражаться соперники — Альфонсо, Паоло и Лебофор, — словно по какому-то высшему велению убегала от них. Несчастный неаполитанский король, пораженный множеством ополчившихся против него врагов, решил защищаться только в укрепленных городах. Ближайшим из них была Капуя. Цезарь объявил теперь во всеуслышание, что по тайному уговору между гарнизонными войсками он возьмет город, как только появится перед его воротами. Было известно, что в гарнизоне Капуи преобладали немецкие наемники, что там недоставало выдающегося вождя, что город переполнен напуганными беглецами, и французские полководцы твердо верили обещанию своего хитрого союзника, хотя он не сообщил им, на чем основывались его рачеты.

А между тем весь его план зиждился на том, что в Капуе находилась его возлюбленная Фиамма. Он послал ее туда для того, чтобы она уговорами и подкупом склонила начальников наемных немецких войск сдать город войскам папы.

План был составлен хитро, но осуществление его произошло не совсем так, как рассчитывал Цезарь, о чем рассказано ниже.

Войско подвигалось вперед, не встречая ни малейшего признака сопротивления, и, когда достигло спуска с гор, господствующих над равниною Вольтурно, перед ним открылась Капуя со своими башнями и зубчатыми стенами у подножия высокого холма. Вокруг нее

цвел рай Италии, счастливая Кампанья. На каждом склоне зеленели виноградники; рощи померанцев, лимонов и гранат наполняли воздух благоуханием, блестящая зелень лугов была так густо усеяна цветами, что они казались одинокими садами, тогда как на далеком горизонте виднелись вершина Везувия и полоса Средиземного моря.

После своих заявлений Цезарь двинулся с итальянцами к городу, чтобы добиться сдачи. Его сопровождала многочисленная свита полководцев, между которыми находились и Альфонсо, Паоло и Реджинальд, смотревшие с неудовольствием на возможность мирной сдачи города. Герольд в белом предшествовал им. Дорога окаймлялась с обеих сторон померанцевыми рощами и цветущими липами и вела к роскошным лугам и садам под самыми городскими стенами. Фиалки и жасмины цвели даже в крепосных рвах у подножия земляных валов, и от всего окружающего веяло такой мирной идиллией, что было странно видеть на валах множество вооруженных людей, петарды, пушки и солдат с горящими фитилями в руках. Удивление нападающих возросло еще более, когда на требование герольда над воротами появился вооруженный предводитель и воскликнул:

— Перемирие! Послушаем герцога Болонского!

То был хорошо знакомый голос Фабрицио Колонна.

Повсюду носились слухи, что партия рода Колонна удалилась с войском короля Федериго, и присутствие страшного Фабрицио сулило неудачу плану Цезаря. Однако он бесстрашно опередил на несколько шагов свою свиту, придержал коня и предложил городу сдаться его законному главе папе.

— Я не удивлюсь вашему требованию, мой любезнейший и учтивый убийца из-из угла, умертвивший родного брата, тиран и притеснитель! Ведь вы воображаете, что ведете переговоры с предаталем Филиппом Маасом, а не с Фабрицио Колонна, который находится в Капуе, чтоб защищать город, принадлежащий его государю, королю неаполитанскому, против целого света, против святого отца и самого черта в придачу! — воскликнул Колонна. — По этой причине, сиятельный Борджиа, я принужден отказать вам в приюте, но не в угощении. Вот вам дыни, чтобы утолить вашу жажду после утомительной езды до Капуи.

Тут он кивнул нескольким солдатам; те появились с большой корзиной, подняли ее над насыпью и поставили перед конем Цезаря, где она раскрылась, причем из нее выкатились шесть окровавленных голов. Даже Цезарь побледнел при этом ужасном зрелище и, с трудом успокоив лошадь, устремил взор на окровавленные лица казненных с неподвижными стеклянными глазами и слипшимися волосами.

— Разве тут не все те подлые негодяи, которые под влиянием твоих происков хотели сдать тебе этот город? Или ты ищешь между ними безусые уста твоей любовницы, чтобы расцеловать их? — с горьким смехом спросил Фабрицио. — Обожди несколько часов, и я

пришлю ее голову с помощью одной из этих бомб к тебе в палатку и сердечно поблагодарю тебя за то, что своим последним вероломством ты дал мне предлог смыть ее кровью выродка позорное пятно с племени Колонна.

- Как тебе угодно, ответил Цезарь, По крайней мере ты спровадишь ее в рай правоверных турок, и султан Зем будет стоять у входа, чтобы приветствовать свою возлюбленную. Как тебе угодно! А мое равнодушие при этом засвидетельствует миру, насколько были несправедливы твои обвирения.
- Собака! воскликнул Колонна. Ведь она грозит мне твои мщением, только твоим, как влюбленного в нее любовника, если я вырву ее из святилища, куда она скрылась, чтобы оградить себя от моей мести. Но я вправду сделаю это, если бритые головы не выдадут мне ее до заката солнца!
- Вот я и опровергну твои слова, возразил Цезарь. Святилище находится в соборном храме, в центре Капуи, которую я предаю самой грубой ярости солдат и клянусь, что не пойду ни на какие уступки. Как представитель церкви, я лишаю всяких прав убежища каждый храм, каждую часовню в этих стенах, предаю проклятию весь город и отлучению всех, кто окажет сопротивление нашему повелителю папе. Итак, ступай и делай, что хочешь, с изменицей, с языческой любодейкой, со свой племянницей, из-за которой ты нападаешь на меня, чтобы Италия поверила твоей лжи о смерти султана Зема.
- Даю тебе сроку, пока догорит этот фитиль, после чего наши пушки очистят воздух от твоего тлетворного присутствия, ответил Фабрицио, взяв у одного из солдат горящий фитиль.

Цезарь презрительно засмеялся и упрямо погрозил кулаком, однако счел нужным удалиться и не спеша отъехал назад, к своей свите.

Фитиль догорел.

— Пли! — загремел Колонна, поддавшись своему бешенству, и швырнул фитиль за насыпь.

Все бросившие ему вызов удалились, исключая Лебофора.

— Еще один удар в честь веселой старой Англии! — воскликнул он и, подняв коня в галоп, метнул своим копьем, как молнией, в высокие зубцы городских стен и сам помчался к городу.

В продолжение нескольких секунд только сверкание его меча и его ободряющий клич давали знать, что он еще жив в вихре дыма и пламени, окружившем храбреца. Это зрелище пробудило дух соревнования в рыцарях, и, не дожидаясь ни совета, ни приказа, они решили моментально идти на приступ. Войско хлынуло к городу, и только одни швейцарцы соблюдали свою строгую дисциплину, тогда как осажденные сыпали градом пушечных ядер и стрел со своих укреплений, высота которых почти удваивалась глубиною рвов.

Однако эти преграды не замечались в первом пылу штурма. Некоторые из нападающих очертя голову кидались верхом в ров, чтобы

переправиться через него вплавь, другие запасались приставными лестницами и осадными орудиями, отчаянно стараясь взобраться на валы, и только, когда много смельчаков утонуло, было произено стрелами или раздавлено громадными камнями, с изумительной силой брошенными с валов, люди рассудительные отчаялись в успехе предприятия.

Между тем пушки французов стали отвечать на неприятельский огонь, и под защитой порохового дыма войско подвигалось ближе для возобновления приступа. Проворно были сколочены плоты для переправы через ров, и отряд храбрейших рыцарей ожидал сборки одного из них, чтобы попытаться проникнуть за неприятельские стены, как вдруг появление колоссальной тяжеловесной машины, которую везли люди Цезаря под его собственным руководством привлекло все взоры. Она состояла из четырех длинных бревен, поставленных стоймя на громадных колесах и снабженных перекладинами так, что они образовывали четыре крутые лестницы до вершины, где была устроена башенка с подъемным мостом на цепях, который мог быть моментально спущен.

Даже защитники города с беспокойством и удивлением смотрели на это невиданное громадное орудие, поставленное по приказанию Цезаря вне обстрела неприятельских пушек. Рыцари теснились к нему, чтобы узнать цель этого нового изобретения.

— Оно придумано Никколо из Флоренции, — ответил Цезарь. — Эта осадная башня предназначается для таких городов, как этот, с высокими валами и широкими рвами, но, пожалуй, для ее применения понадобятся более смелые люди, чем те, которые находятся между нами. Кто желает последовать за тремя рыцарями — участниками турнира, которые, конечно, готовы подняться в башню, чтобы опустить подъемный мост на крепостной вал и проложить нам дорогу в осажденный город?

Самые отважные промолчали при этом предложении. Только Лебофор, спрыгнув с коня и ступив на первую перекладину лестницы, воскликнул:

- Мы, англичане, победим!

Он поднялся с большим проворством, несмотря на тяжелое вооружение. Орсини моментально был возле него. Альфонсо, за которым теснились молодые французские рыцари, поспешил присоединиться к своим соперникам.

В несколько минут башня наполнилась, на лестницах висело множество воинов, рвавшихся в бой, а натиск желавших разделить их славу был так велик, что машина с величайшим усердием подвигалась вперед; на беду, на откосе она получила сильный толчок, от которого неудержимо покатилась в ров. С оглушительным треском ударилось орудие в городскую стену, причем его верхняя часть отклонилась от башни. Цезарь воскликнул. Но осажденные оторопели до такой степени, что могли только смотреть на страшную машину, не двигаясь с места. Пользуясь благоприятным моментом, рыцари выскочили из своей деревянной тюрьмы и с победным криком напали на бастион у ворот в надежде проложить дорогу своим друзьям.

Сражение возобновилось со всех сторон под грохот пушечной пальбы, крики, стоны и звуки труб. Цезарь по крайней мере обладал военными способностями и, ободряя своих воинов среди разрушения и адского шума, собственноручно помогал сооружать из лестниц и бревен мост к катапульте во рву, чтобы они могли спешить на выручку победоносным участникам штурма.

Однако те, по-выдимому, не нуждались в подкреплении. Защитники вала со страшной стремительностью были загнаны в башню

над воротами, защищавшую вход.

Между тем Фабрицио Колонна поспешил к угрожаемому пункту и стал упорно защищать башню против всех нападений полуобезумевших победителей, которые при своих бурных попытках ворваться в крепость сталкивались друг с другом. Иоаннит и Орсини так сильно столкнулись между собой, что были отброшены оба в сторону и дали возможность Лебофору пробраться к штурмующим. Храбрец, не заметивший в пылу битвы, что его меч сломан, кинулся вперед, и, хотя его плащ и верхнее платье были разорваны неприятельскими копьями, ему удалось-таки проникнуть в башню. Но одновременно с тем отряд копьеносцев выскочил из противоположной башни, с ожесточением напал на штурмующих с тыла и разрубил цепи заслона над воротами, который с оглушительным треском рухнул вниз, едва не размозжив череп иоанниту.

Лебофор очутился среди разъяренных врагов в башне, вход в которую был заперт, тогда как его друзьям, дравшимся снаружи приходилось теперь защищаться самим против нового нападения. Но пока они в большом смятении готовились к отпору копьеносцам, осажденные собрались на зубцах башни. Там вспыхнуло яркое пламя, и вдруг на головы осаждающих хлынул поток горящей смолы. Объятые пламенем, некоторые из них в беспорядке ринулись вперед, и многие были сброшены с вала в ров, где задохлись под тяжестью своих доспехов. Однако большинство рыцарей выстроилось снова в боевом порядке и отражало нападение копьеносцев с непоколебимым мужеством. Произошла жестокая рукопашная схватка на валах, сопроваждаемая оглушительным шумом, который производили многочисленные отряды, теснившиеся внизу.

Среди этой сумятицы ужасы кровавой резни достигли своего кульминационного пункта, и у осаждающих, казалось, была отнята всякая надежда на подкрепление. Ров вокруг их осадной машины внезапно запылал огнем, и пламя принялось бушевать в нем, как будто он был наполнен скипидаром, серой и прочими горючими веществами. Поднялся крик, предупреждавший, что подобные приготовления были сделаны вокруг всех валов, охваченные паникой солдаты бежали из крепостных рвов, побросав там свои осадные машины,

лестницы и оружие. Услыхав на валах крик и увидав беглецов, штурмующие, теснимые неприятелем, оставили всякую надежду; они думали только о бегстве, и, хотя машина Цезаря во рву была объята пламенем, рыцари все-таки спрыгнули на нее и уцепились за бревна.

Однако огненная бездна, пылавшая внизу, не соблазнила находившихся ниже всех спуститься еще глубже. Дон Мигуэль, скакав-

ший рядом с Цезарем, радостно крикнул ему:

— Всем троим пришел капут, и донна Лукреция должна винить только самое себя!

- Смотри-ка, Мигуэль, кто это протягивает иоанниту руку, чтобы отвести его в безопасное место, и ловко увертывается от всех ударов? — так внезапно и сердито воскликнул Цезарь, что каталонец сильно встревожился, и его беспокойство еще усилилось при виде того, как герцог впился в происходившую перед ним сцену своими взорами.
- Я вижу только одного: это Фабрицио, благородный синьор, оветил Мигуэль.
- Глупец! раздраженно продолжал Цезарь. Уж не воображаешь ли ты, что зрение обманывает меня? Я различаю его совершенно ясно.

Многочисленный отряд воинов, собравшихся вокруг Фабрицио, с громким победным кликом схватил несколько бревен, подсунул их под неуклюжую машину и приподнял ее с нечеловеческой силой, чтоб моментально уничтожить всех стоявших на ней. Толстые бревна дрожали секунду в равновесии, а потом с такой силой рухнули назад, что почти все стоявшие наверху были сброшены, а многие раздавлены при падении.

После этого ограничились тем, что вытаскивали солдат из горящего рва, восстанавливали порядок и поддерживали артиллерийский огонь с целью препятствовать вылазке неприятеля. Осадную машину Цезаря не было возможности спасти, она была объята пламенем. Множество солдат сгорело и было изуродованно, однако наибольший урон понесли рыцари. Между ними недосчитывалось Лебофора. Хотя его судьба не была известна в точности, едва ли оставалось сомнение в гибели молодого англичанина.

Несмотря на уважительные причины неприязни к нему, сердце Альфонсо опять загорелось былою дружбой, когда он припомнил блестяшие достоинства и печальную участь юноши. Однако это благородное чувство поколебалось опять, когда старик Бемптон в несвязной болтовне принялся роптать на одну женщину, предательские обольщения которой довели до гибели его молодого господина. Ярость и горе Орсини были не менее жестоки, и только мщение, которым он угрожал убийцам, могло удержать старика от отчаяния.

Никаких верных сведений нельзя было добыть, так как Фабрицио не допускал никого ни по каким предлогом приближаться к городским стенам. Тогда французы решили повести правильную осаду.

Однако для полного обложения Капуи понадобилось несколько нелель. Наконец оно завершилось, после чего город стал подвергаться беспрерывному обстрелу французской артиллерии, которая и тогда vже считалась первой в Европе. Вскоре было замечено, что город лишь слабо отвечал на неприятельский огонь. Было пробито много брешей, причем осажденные не прибегали к обычным средствам починки этих повреждений, однако осаждающие изведали мужество защитников Капуи и потому прододжали расширять бреши, избегая возобновлять приступ, не собравшись предварительно с силами. Но вот однажды все с удивлением заметили, что крепостные валы совершенно покинуты. Французские вожди опасались военной хитрости со стороны неприятеля, а так как у них не было никакой возможности переправиться через ров, то они отложили всякую попытку напасть на город. Под вечер на бастионе появился Фабрицио с белым шарфом, повязанным на его фельдмаршалском жезле. Увидев иоаннита, который в мрачной задумчивости наблюдал за работами осаждающих, он обратился к нему и ослабевшим голосом попросил его прислать уполномоченных для переговоров о сдаче Капуи, причем добавил, что французские полководцы доставили бы ему большее удовольствие, если бы поручили ведение переговоров о сдаче именно ему, Альфонсо. Поошренный этим, иоаннит в сильном волнении рискнул осведомиться об участи английского рыцаря.

— Скажите Цезарю, — оветил Колонна, — пусть он пришлет за его трупом, если желает из братской любви отослать его к Лукреции. Злобная улыбка, сопровождавшая эти слова, до того взволновала Альфонсо, что он предпочел молчать.

Весть о сдаче вызвала всеобщее удовольствие. Так как во время осады иоаннит дал массу доказательств своего ума и храбрости, Цезарь поддержал просьбу Фабрицио уполномочить феррарского рыцаря на ведение переговоров. Кроме того, он с приветливостью попросил его добиться выдачи тела английского рыцаря, чтобы можно было похоронить храбреца со всеми воинскими почестями, и с этой целью сам хотел сопровождать иоаннита до городских ворот с носилками, а потом следовать в погребальной процессии с рыцарями и военачальниками, которые пожелают отдать дань уважения доблестному воину. Эти слова почему-то невольно вызвали тревогу в сердце Альфонсо, однако всякие возражения были здесь, конечно, не к месту, и в город был отправлен герольд с известием, что посол готов предстать перед вождями. Фабрицио ответил, что будет ждать его завтра поутру.

На другой день весь лагерь поднялся рано; однако отправка Альфонсо для переговоров была благосклонно принята лишь предводителями войска, свирепые же и грубые солдаты пришли в бешенство, узнав, что лишаются кровавого торжества и поживы, которую сулил им грабеж богатого города.

Когда Альфонсо тронулся в путь, за ним в некотором отдалении последовал мрачный кортеж, состоявший преимущественно из свиты Борджиа и Орсини. Их значки были из черного бархата, и они волочили за собой свои копья по земле. Босые монахи из соседнего монастыря сопровождали их с погребальным пением и горящими факелами; за ними шли два герольда с черным флером поверх пестрой одежды. Бемптон вел под узцы, под черным бархатным чепраком, с султаном из перьев боевого коня своего господина. Далее следовали носилки, сделанные из двух молодых березок, повитые зеленью кипарисов и несомые английскими стрелками. Цезарь добился того, что все войско должно было встретить в боевом строю прах павшего героя.

Внимание гарнизона было привлечено всеобщим движением в лагерь, и лишь по выяснении этого обстоятельства Альфонсо был допущен в город.

Для него был спущен подъемный мост, который полагалось снова поднять по военным правилам, когда посол минует ворота. Монахи также вошли в город, а Цезарь с людьми, несшими носилки, вдруг быстро кинулся вперед и остановился на мосту, против чего караульный солдат — здоровенный немец — не сделал никаких возрожений. Альфонсо между тем медленно ехал по улице, которая вела к замку, при чем приветственные крики народа и потупленные взоры попадавшихся ему солдат ясно говорили, что произошло какое-то обстоятельство, облегчившее сдачу города Цезарю.

Альфонсо нашел Фабрицио в одной из комнат замка, в нише окна, по-видимому, занятого наблюдением за какой-то работой, производимой на площади или на валах. Ему пришлось дважды докладывать о прибытии посла, прежде чем он обратил на него внимание, так что Альфонсо успел рассмотреть то, что сильно приковывало его взоры. Против окна возвышались башни собора, громадные двери которого были заперты, а все пространство между храмом и замком было битком набито молчаливо стоявшим народом, который, судя по всему, ожидал чего-то необычайного.

— Рыцарь, — заговорил Колонна, внезапно подняв голову, — вы увидели слишком многое, но я рассчитываю на ваше благородство! Перейдем к нашему делу. Не будь этого мятежного сброда и лукавых козней дъявола в образе женщины... Впрочем, это сюда не относится... Итак, к делу!

Альфонсо был крайне удивлен этими речами и всем виденным, однако промолчал о том и пожалел о положении Колонна. Он искренне желал, чтобы тот не колеблясь принял благоприятные условия, которых ему, конечно, не предложили бы вторично, если бы знали лучше его положение. Предложенные условия сдачи встретили мало возражений со стороны вождя и его офицеров, но Фабрицио прибавил одну оговорку, на которой настаивал с жаром, внушившим подозрение иоанниту, а именно потребовал, чтобы наказание,

которому он вздумал бы подвергнуть заведомых изменников, сносившихся с неприятелем, не было сочтено нарушением условий обоюдного освобождения пленных.

Альфонсо заявил, что французы ни в каком случае не пойдут на столь безрассудную и унизительную уступку.

- Тогда им придется снова прислать мне своих уполномоченных. когда казнь уже совершится и не будет больше подлежать спору. ответил Фабрицио. — Вы слишком благородны, чтобы довести меня до крайности. Знайте, я скорее готов погибнуть под развадинами. чем допустить дочь своего брата вновь сделаться любовницей подлого соблазнителя, да. да. дочь родного брата, отвратительную ведьму. которая возбудила моих людей к мятежу, а наемных солдат подкупила деньгами и которая даже теперь, умирая с голоду в соборе, повсюду брызжет своим ядом! Своими пророчествами и безумствами она склонила народ к сдаче города и предвещает, что никакая власть на земле не может противиться военному счастью второго Цезаря. Но я запер ее. Замок и гарнизон еще верны мне, а своими пушками я могу превратить город в груды мусора. И я поклялся, что слелаю это, если мне не выдадут виновную для справедливого наказания, но не допушу, чтобы она попала после сдачи города вновь в развратные объятия Борджиа.
- Этого не может быть, благородный синьор, возразил Альфонсо. Я всегда слышал, что она была любовницей языческого султана.
- Тогда тем менее будет страдать Борджиа при виде постигшей ее справедливой кары. Монахи ищут только благовидного предлога для ее выдачи, потому что бдительность моих людей тяготит их. Если вы не можете договориться относительно этого пункта, то обождите еще немного, и в этом не окажется больше надобности.

Тут Фабрицио гневно распахнул окно, и Альфонсо увидел площадь, наполненную вооруженными людьми, которые медленно и с ропотом сопровождали рыцаря в доспехах, но безоружного и со связанными руками, как будто он был пленником.

- Кто это? воскликнул Альфонсо, вскакивая с места. Это не может быть... а между тем это он, рыцарь Лебофор!
- Ха-ха! разразился диким смехом Фабрицио. Если прелестница Борджиа не околдовала и вас, то посмейтесь вместе со мной. Не правда ли, как ловко я надул ревность ее партии? Я пощадил английского рыцаря за его несравненную храбрость. Неужели вы все еще сомневаетесь? Пойдемте, поздравьте его с освобождением!

Ш

Альфонсо машинально последовал за Фабрицио; они пришли на площадь и стали пробираться в густой толпе народа. Их сопровождал беспрерывный тихий ропот, однако внимание большинства было устремлено на собор, под громадным порталом которого Лебофор разговаривал с несколькими лицами. Он говорил громко, и Альфонсо мог ясно расслышать, как молодой англичанин объявил что святилище может спокойно выдать изменников, нашедших в нем убежище, так как весь город предан отлучению уполномоченным перкви герцогом Цезарем Борджиа, а потому все священные места

лишены своих привилегий.

Когда Фабрицио и Альфонсо стали подниматься на ступени соборного крыльца, слова Реджинальда, очевидно, успели произвести свое действие; изголодавшиеся стражи святилища, которое было окружено тесным кольцом караульных по приказу Колонна, несмотря на сопротивление толпы народа, открыли массивные двери храма. Тотчас же глазам присутствующих предстали два бледных и дрожащих инока весьма преклонных лет, изнемогавшие от долгого поста и страха; в глубине храма виднелся главный алтарь, а под расписным окном, в углублении, похожем на склеп, сидела женщина. Закутавшись в дорогой плащ, скрестив руки, она опиралась подбородком на колена и, как безумная, смотрела во все глаза на непрошеных пришельцев.

Лебофор обнаружил величайшее смущение. Тихий, печальный ропот поднялся в толпе народа, и даже воины, готовые схватить несчастную, боязливо колебались.

- Ах, вы, трусливый сброд! загремел Колонна. Разве вы не слыхали об отлучении, объявленном вашим святейшим отцом в Риме? Следуйте за мной и тащите нечестивую из ее норы, или я начну поругание храма, размозжив череп первому, кто окажет сопротивление на пороге!
- Благородный и рыцарский подвиг совершил ты, предав женщину! крикнул Альфонсо Лебофору и, оттолкнув его, проник за Фабрицио в церковь, однако его сердце забилось от растерянного и негодующего взора, который бросил на него английский рыцарь.

Фабрицио торопливо вошел в храм, монахи дрожа следовали за ним, и даже солдаты шли неохотно и боязливо. Когда Лебофор был удален, Колонна хотел броситься на ступени алтаря, чтобы схватить свою жертву, которая с диким воплем уткнулась в колена своим призрачно-бледным лицом.

— Хватайте ее! — воскликнул он. — О, ты можешь закрывать свое лицо, отвратительная развратница, позорное пятно моего рода, чумная болячка, которую нужно срезать, чтобы зараза не распространилась на всех! Сто золотых тому, кто первый схватит изменницу!

Однако Альфонсо стал увещевать его:

- Благородный синьор, вспомните, что вы собираетесь пролить кровь своего родного брата.
- Неправда! с дикой яростью возразил Колонна. Я хочу сжечь ее живьем, как ведьму, как языческую блудницу. как монахиню-отступницу.

— Ну, тогда, Колонна, клянусь святостью этого места, если вы не сжалитесь над несчастной, я удалюсь, сообщу, насколько слаба ваша власть над населением города, и заключу с вами мир лишь на условиях, влекущих за собою гибель.

Однако эти слова не зажгли ни искры надежды в духе несчастной женщины. Она подняла голову, устремила дикий взор на своего заступника, и, несмотря на ужас, искажавший ее черты, Альфонсо узнал в ней когда-то блестящую фею Моргану.

- Нет, рыцарь, не заступайтесь за меня, в особенности по тому поводу, что в моих жилах течет кровь моего отца; иначе она закипит и даст себя знать! воскликнула Фиамма со спокойствием отчаяния. Я не прошу ни какого милосердия у тебя, брат Агацит Колонна. Но тягчайшее проклятие, чем отлучение Александра, угрожает вам, лукавые монахи, так постыдно предавшие святилище Госполне!
- Дочь моя, возразил один из монахов, мы чуть не умерли с голода из-за тебя и были принуждены питаться Святыми Дарами.
- Я пощадила вашу совесть и не участвовала в том, сказала Фиамма.
- Святилище не поругано, Представитель церкви нарочно наложил отлучение на весь город и отнял у священных убежищ их защитительную силу, чтобы доказать свету, что он не соблазнял тебя и что ты была любовницей не его, а султана Зема.

Фиамма вздрогнула; когда она устремила на говорившего недоверчивый и испуганный взор, его благородные и серьезные черты, казалось, сильно удивили ее.

— Может ли такой человек, каким кажешься ты, лгать, не краснея, как самый презренный негодяй? — воскликнула она. — Неужели угрожающая мне смерть недостаточна для вашей мстительности! Но то, что ты сказал, — ложь, ложь!..

Тогда Фабрицио вновь со страшным проклятием повторил свое обвинение.

В чертах Фиаммы отразилось жестокое волнение, которое было ужаснее прежнего, вызванного грозившей ей смертельной опасностью.

- Вы лжете, лжете! закричала она. Дайте мне только час, только мгновение, чтобы я могла известить его о вашей жестокости, и если он не сровняет с землей ваших стен для моего спасения, то ад настолько же правдив, насколько он лжив.
- Хватайте ее, говорю я вам, подлые трусы! завопил Фабрицио. Топор должен напиться ее крови, прежде чем пламя пожрет ее тело, которого никогда больше не увидеть ее изменнику!
- Остановитесь, Колонна, воскликнул иоаннит, если не котите сделать угодное Цезарю, своему заклятому врагу! Разве вам не ясно, что он ищет ее гибели, может быть, потому, что она поверенная его преступлений или наскучила ему, или потому, что

он хочет устранить ее как предмет соблазна? Не давайтесь в обман,

благородный синьор!

Сам Фабрицио, казалось, был поражен этими доводами; однако они вызвали сильнейшую ярость в Фиамме, в пользу которой клонились.

— Еще раз говорю, что ты лжешь, — воскликнула она. — Да может ли человек быть способен на подобное предательство? Нет, ты — дьявол и послан сюда, чтобы увлечь с собой в ад.

Как только Фиамма вымолвила эти гневные слова, на площади внезапно поднялся шум; это был уже не говор взволнованной черни, а крик, вой и топот множества бегущих вперемежку с трубными звуками. Фабрицио испугался открытого бунта простонародья, подумав, что оно, пожалуй, спешит на защиту храма от поругания его убийством Фиаммы, и сделал нерешительное движение, точно собираясь схватить племянницу. Однако Альфонсо уцепился за его руку, а молодая женщина взбежала на ступени алтаря и, схватив один из массивных золотых сосудов, крикнула:

- Спасение! Спасение! Он идет, он идет!

Фабрицио слегка побледнел. Теперь можно было ясно разобрать в оглушительном гаме слова, повторяемые хором:

Измена... измена! Борджиа! Орсо... Орсо! Мщение... мщение!
 Лукавый рыцарь, ты предал меня! — яростно обратился Фаб-

рицио к иоанниту, хватаясь за кинжал.

— Нет, нет! Но не будьте же так суровы к этой виновной, но тем более несчастной женщине! — и Альфонсо решительно стал между дядей и племянницей.

— Это лишь новая выдумка черни! Я прекращу беспорядок, размозжив несколько черепов. Идите со мною, рыцарь! Мне нужен залог вашей верности! — крикнул Фабрицио, все более и более озадачиваемый звуками, ясно выделявшимися из общего шума.

Альфонсо охотно уступил ему, и они поспешили вдвоем к выходу из собора, перед которым толпились, выпучив со страха глаза, солдаты и чернь, тогда как зубцы крепости были унизаны беспорядочными массами сражающихся, которые часто срывались с них и стремглав летели вниз. Орудия палили у ворот, выходивших на до-

рогу, по которой Альфонсо прибыл в Капую.

Фабрицио обернулся вне себя от ярости на его мнимое предательство и, без сомнения, жестоко отомстил бы ему, если бы Альфонсо не успел сообразить с первого взгляда, что именно произошло. Он с большим проворством и присутствием духа отступил обратно в собор и запер на засов крепкие двери храма. Между тем пораженный успехом нападающих Фабрицио громко скомандовал своим солдатам двинуться вперед и бешено помчался верхом сквозь толпу черни к крыльцу замка. Но в момент его прибытия ворота крепости распахнулись, и отряд всадников и пехотинцев хлынул оттуда с криком: "Смерть ему! Смерть ему!". Колонна был тотчас окружен

многочисленным неприятелем. Его оттеснили в сторону и непременно покончили бы с ним, если бы один из нападающих не прикрыл обреченного на гибель вождя своим щитом. Это был его недавний пленник рыцарь Лебофор.

Масса победителей катилась вперед, убивая каждого, кто становился на дороге. Толпы народа безжалостно растаптывались конскими копытами и падали под ударами неприятельских мечей. С неослабевающей яростью Цезарь сам руководил резней, тогда как Орсини и английские стрелки, хотя и нашедшие своего предводителя здоровым и невредимым, были охвачены какой-то бешеной жаждой разрушения.

Альфонсо не сомневался, что город взят посредством предательского нападения, но мог только догадываться о конечном результате за массивными дверями святилища, которые испуганные монахи снова крепко заперли. Он не знал, с какой стороны угрожает ему большая опасность. Шум и рев на улице, крик и вой вблизи и вдали, страшное ожесточение, с каким гнали массы народа к соборным дверям, адский топот, слышный при их поспешном бегстве, клики торжества, особенно со стороны французов, — все возвещало победу союзных войск. Эта догадка вскоре подтвердилась, когда послышались страшные удары боевых секир и копий в дверь, а до слуха Альфонсо донесся голос Цезаря:

- Никаких священных приютов! Никакой пощады!

Фиамма, по-прежнему стоявшая на ступенях алтаря, охватив руками массивные сосуды, с выпученными, дико смотревшими глазами, с разметавшимися черными локонами, похожими на гриву испуганной лошади, еще издали узнала этот голос и принялась оглашать церковные своды своим безумным криком радости:

- Спаси! Я здесь! Цезарь, спаси!

— Эй,вы! Здесь нет никого, кроме Фиаммы и меня, иоаннитского рыцаря! — воскликнул в свою очередь Альфонсо и застучал во всю мочь рукоятью своего меча в двери, чтобы его выслушали.

— Взломайте двери! Убивайте каждого, кого найдете там! — кричал Цезарь. — Убивайте всех... всех! Смерть колдунам! Умершвлять их — благочестивый подвиг.

Фиамма не слышала этих слов, призывая на помощь тех, кому оказывала столь важные услуги, и сам Альфонсо на одну минуту счел вздором молву о ее связи с Цезарем. Но, когда он услыхал решительные приказания Цезаря не щадить никого в священном убежище, досада и бешенство в его душе разрослись почти до безумия. Он, правда, не сомневался, что будет узнан и принят под защиту некоторыми из числа нападающих, но решил во что бы то ни стало спасти и Фиамму. В надежде, что крепкие двери выдержат удвоенный натиск атакующих, Альфонсо поспешил назад к алтарю, но едва приблизился, как Фиамма подняла один из массивных серебрянных

сосудов и громко закричала, что швырнет им в своего защитника, если тот следает еще шаг в ее сторону.

— Я хотел бы защитить вас, — сказал иоаннит, — иначе вы погибните. Я слышал, как Цезарь приказал нападающим убить вас,

как колдунью и языческую любодейку.

— Ты лжешь, предатель! — возразила она. — Цезарь не остановится ни пред чем, чтобы спасти меня. На помощь, Цезарь! Спаси свою Фиамму!

Тут с оглушительным треском распахнулись двери собора, и в него ворвался всадник, размахивая саблей; бесчисленные искры брызнули из-под копыт его лошади, ударявшей подковами в каменные плиты пола. Вслед за ним кинулись копьеносцы. Церковь в миг наполнилась потоком беглецов и воинов. Всадник осадил своего коня и гнал прочих вперед. Однако Фиамма узнала его и хотела спрыгнуть со ступеней алтаря, восклицая с ликованьем:

- Цезарь!.. Мой Цезарь, я здесь!

Однако Альфонсо кинулся вперед и схватил ее с такой силой, что она не могла вырваться.

— Кто эта женщина? — спросил Цезарь. — Она зовет нас так фамильярно, как свою собачку. Не знаешь ли ты ее, Мигуэлото?

— Правда, ужас и тревога изменили мои черты. Но неужели, Цезарь, ты не узнаешь меня? — произнесла Фиамма с тревожным воплем, заглушавшим весь шум и гам, наполнявшие церковь.

Но в ответ на это раздалось:

— Действительно, ты — моя жена, прелюбодейка. Не правда ли, жена коменданта крепости святого Ангела? Я — твой супруг, на-

гражденный тобою рогами на потеху карнавала.

Это произнес Мигуэлото, которому Цезарь приказал во что бы то ни стало уничтожить Фиамму. Замахнувшись окровавленной боевой секирой, он подскакал к ступеням алтаря, но не упел достаточно приблизиться к своей жертве, чтобы исполнить свое злодейское намерение, так как иоаннит загородил ему дорогу и, швырнув свой щит на голову его лошади, поверг на землю коня и всадника.

— Слушайте все! Эта женщина теперь моя! — крикнул Альфонсо, а затем, охватив одной рукой Фиамму, указал своим обнаженным мечом на поверженного каталонца: — Берите себе из добычи что вам полюбиться, но эту оставте мне. Синьорита, пойдемте со мной, иначе вы погибните. Солдаты, вы знаете меня!

Однако, несмотря на это обращение к солдатам, на его испытанную силу и храбрость, Альфонсо, пожалуй, пришлось бы плохо, если бы в эту минуту, на его счастье, в собор не прискакали Лебофор, Орсини и французские рыцари, крича:

— Священный приют... священный приют! Спасайте синьориту! Этот крик прервал на минуту ужасное избиение, происходившее вокруг и успевшее уже обагрить кровью раки святых мощей и усыпать изуродованными трупами каменный пол.

- Иоаннитский рыцарь здрав и невредим! тотчас воскликнул Цезарь. А мы-то все яростно спешили отомстить за его гибель! Теперь действительно наша слава и победа не омрачнены ничем, и я прощаю рыцарю Реджинальду, что он спас Фабрицио от заслуженной им участи изменника и убийцы.
- Берите же себе, Цезарь, всю эту славу, которую будет оспаривать у вас только ад, ответил Альфонсо. Единственным трофеем этой предательской победы, которым я хочу воспользоваться, должна быть... вот эта прекрасная возлюбленная султана Зема.
- Как, благочестивый рыцарь, ненавистник женщин? воскликнул Цезарь с язвительным и злобным хохотом, раздавшимся на весь собор. Вы берете себе женщину?
- Да, да, вполне справедливо, что она послужит наградой рыцарю-иоанниту, — воскликнул Орсини. — Вы должны гордиться свом триумфом, синьорита; ведь его не удалось сдержать ни единой из наших римских красавиц.
- Вырви меня из когтей этого человека, Цезарь! вопила Фиамма. — Что значит все это?
- Я хочу только оградить вашу честь и безопасность, воскликнул Альфонсо, иначе пусть обрушатся на меня эти священные своды. Клянусь, что я намерен с глубоким почтением отвести вас под защиту Фабрицио Колонна, если он взят под стражу французами.

Однако эти слова как будто еще усилили страх молодой женщины, и она, словно обезумев, бросилась на колена почти под копыта коня Цезаря, который высоко взвился на дыбы.

— Правда, прекрасная синьора, — сказал Цезарь, продолжая заливаться своим страшным хохотом, — эта причуда кажется нам весьма странной, но мы не хотим отнимать тебя у священного рыцаря. Впрочем, если ты боишься, то вот тебе мой кинжал.

Тут он насмешливо протянул ей рукоядку острого окровавленного кинжала. Однако Фиамма, подняв кинжал высоко над своею головой и, глядя Цезарю в глаза, крикнула:

- Слушай, изменник, предатель! Я напомню тебе предсказание твоего колдуна Савватия, что тебе суждено со временем быть обязанным мне своей жизнью или потерять ее. Говори же, должна ли я ударить в свое сердце, потому что твое собственное тверже стали!
- Она сумасшедшая, с видимым беспокойством сказал Цезарь. — Голод и страх лишили ее рассудка. Но нам не следует забывать, что при настоящей великой победе она оказала нам коекакие услуги. Мигуэлото, отведи ее в замок с прочими пленными женщинами.
- Я один провожу ее, воскликнул иоаннит, когда Мигуэлото, шатаясь, двинулся вперед.

Рыцари, в особенности Орсини и Лебофор, поддержали его притязания при общем хохоте и ругательствах, и Цезарь уступил как будто без затруднений. Фиамма полубессознательно позволила иоанниту увести себя прочь, но шла за ним, повернув голову назад и не спуская взора с Борджиа, пока не скрылась за дверями собора.

Капуанский замок был во власти победителей. На самых высоких башнях развевались яркие флаги с французскими лилиями на голубом поле. Чтобы достигнуть ворот, приходилось пересечь площадь. Здесь мостовая была завалена грудами убитых, вперемежку с конскими трупами, среди ужасающего опустошения. Нигде не замечалось и следа сопротивления, а за варварской резней последовали грабеж и всякие бесчинства и насилия. Площадь казалась покрытой развалинами после жестокого замлетрясения, такой на ней образовался хаос. Богатейшая утварь, драгоценные камни, ящики с серебряной посудой, тюки шелковых материй были навалены грудами вперемежку с самыми простыми предметами домашнего обихода. Двери всех домов были взломаны, и некоторые из них пылали в огне: дорогие вещи беспрестанно швыряли из окон под отвратительный хохот и грубое ликование. В каждом жилище разыгрывалась своя трагедия, из каждого неслись крики испуга, вопли отчаяния, заглущаемые диким гамом и ревом победителей. Женшины высокого звания. в роскошной одежде, бились в объятиях самых презренных обозных служителей, тогда как другие избегли этой ужасной участи, бросившись вниз головой с балконов своих домов. Дворцы и храмы были поруганы таким же образом: ничто не встречало пошалы, и напрасно монахини взывали к Небу, которому посвятили себя. Папское отлучение, постигшее весь город, опрокинуло единственную преграду, сдерживавшую страсти разнузданных воинов, и каждый из них предался самому отвратительному распутству. Безграничная мерзость этого зрелища ужаснула даже донельзя напуганную, ожесточенную Фиамму, и она машинально отдалась руководительству своего зашитника. Но ее страх еще усилился, когда, вступив в замок, они услыхали крик: "Убивайте всех! Не надо пленных! Смерть всем!". Эти крики неслись из галерей и комнат замка, наполненных, как заметил теперь Альфонсо, солдатами Борджиа и Вителли. Сначала он хотел отвести свою пленницу к французским полководцам и просить их защиты для угнетенной. Но, когда раздался кровожадный крик, а Фиамма завопила: "Не к нему, не к Фабрицио!" - он вспомнил об одинокой башне, куда его ввели при начале его неудачных переговоров с Колонна, проник туда через тесный вход и втащил Фиамму по лестнице-в комнату верхнего этажа. Несчастная женщина потеряла тут сознание.

Так как солдаты продолжали кричать, Альфонсо, опасаясь покушения на жизнь Фиаммы, заперся в своем убежище как можно крепче, а затем решил попытаться привести в чувство Фиамму. Однако, обернувшись назад, он с ужасом увидел, что она забилась в угол и с дикой недоверчивостью следила за его движениями, сжимая в руке кинжал. "Хотя бы Цезарь был дьяволом, я хочу принадлежать ему и не буду ничьею до последнего вздоха!" — крикнула несчастная,

почти задыхаясь. Почтительно приближившись к ней, иоаннит выразил опасение, что им обоим грозит беда от восстания, несомненно поднятого Цезарем ради их обоюдной гибели. Но тут Фиамма внезапно бросилась к нему и с такою силой ударила его кинжалом в грудь, что клинок согнулся, встретив крепкую броню, и разлетелся в куски. Однако это напряжение изнурило ее последние силы, и Фиамма без чувств упала к ногам рыцаря.

Альфонсо не мог рассчитывать ни на чью помощь, чтобы привести ее в сознание, а к несмолкаемому шуму в крепости примешивались теперь крики испуга, вероятно, издаваемые жертвами возобновившейся резни. К счастью, рыцарь нашел полуопорожненный кубок с вином, поданный ему Фабрицио при его прибытии, и принялся заботливо ухаживать за юной пленницей.

Наконец она пришла в себя, приподнялась с судорожным усилием и осмотрелась вокруг. Иоаннит старался клятвами и просьбами успокоить ее расстроенное воображение, однако ему долго не удавалось внушить ей доверие к себе. Наконец сознание вернулось к ней, и она заговорила. Дикий поток ее речей открыл рыцарю, как сильно привязана она к своему неумолимому соблазнителю Цезарю и сколько выстрадала рада него. Затем Альфонсо услыхал, каким опасностям подвергалась жизнь Фиаммы, когда она подкупала в Капуе наемных солдат, чтобы предать город Цезарю, как она, почти умирая с голода в соборе, наконец склонила немецкого воина впустить войско Цезаря в укрепленный город. Рыцарь едва мог поверить такому вероломству, но в конце концов с отвращением убедился, что Цезарь дал согласие на переговоры с осажденными лишь для того, чтобы вернее и неожиданнее осуществить свой коварный умысел.

Между тем наплыв горьких воспоминаний произвел такое потрясяющее действие на молодую женщину, что она разразилась безумным хохотом.

— Теперь я понимаю все! — воскликнула она: — Цезарь отдал меня тебе, изменнику Лукреции. Часть его замысла заключалась в том, чтобы разбить ей сердце и отделаться заодно от поклонника сестры, к которому она благоволила. Но тем не менее он убьет тебя, убьет нас обоих! О, поспеши обмануть его постыдную жестокость! Предоставь меня моей участи... ради Бога предоставь меня ему!

Поскольку Фиамма, по-видимому, была основательно посвящана в тайны дома Борджиа, Альфонсо надеялся добиться от нее некоторых объяснений и стал оспаривать справедливость ее последнего довода, указывая на слухи о том, что Лукреция состояла в преступной связи с Цезарем. Фиамма горячо возражала на это, сообщила ему о планах своего возлюбленного относительно брака между Лукрецией и сыном герцога Феррарского, о своей карнавальной интриге, в которой она принимала участие в виде феи Морганы, и наконец яростно упрекнула его в том, что он послан из Феррары с целью

распространять клевету против всей партии Борджиа. В ответ на это иоаннит рассказал ей все происшествие в гроте Эгерии.

Подозрение относительно неверности ей Цезаря, вероятно, давно уже таившееся в сердце несчастной жертвы, подтвердилось этими данными, за достоверность которых ручалось благородство феррарского рыцаря. Однако Фиамма все еще не соглашалась с его выводами из всего виденного им и продолжала спор, не обращая внимания на окружавшие их ужасы и опасности.

Альфонсо между тем заметил, что шум прекратился, по крайней мере в крепости, и умышленно затягивал разговор, чтобы не дать Фиамме впасть в изнеможение. Таким образом среди их пылких пререканий наступила темнота, и молодая женщина стала убедительно просить иоаннита удалиться, а ее отпустить, чтобы она могла добровольно предать себя мщению Цезаря, избавив тем своего защитника от той же участи. Рыцарь был глубоко тронут таким самоотвержением, видя, что у несчастной оставалось лишь одно желание, одна надежда — умереть от руки изменника. Поэтому он ответил, что хочет сначала убедиться, утих ли шум, а потом пойдет к французским полководцам, чтобы выпросить у них стражу для ее охраны. Сказав это, он отворил оконный ставень с целью посмотреть, что произошло.

Лучезарное солнце Кампаньи зашло над картиной ужаснейшего разрушения и кровопролития, и теперь ночное небо смотрело не еще белее ужасный пир палачей шести тысяч жертв, устроенный посреди еще не остывших трупов убитых. На обширной площади, озаренной светом факелов и горящих смоляных бочек, дьяволы в человеческом образе совершали омерзительнейшие деяния, причем собственные воины Борджиа, отбросы многих наций, приводили в изумление своими страшными разбойничьми поступками даже своих кровожадных боевых товарищей.

Сам Цезарь был средоточием и первым зачинщиком этого ужасающего праздника убийств. Он сидел между грудами богатой добычи, окруженный несколькими из своих свирепейших военачальников, опоражнивал полные кубки вина и хохотал при воплях ужаса множества пленниц, которых гнали к нему сквозь копья его вооруженных людей, а также множества воинов, вытащенных из потайных мест, где они скрывались от врагов. Цезарь и его страшные товарищи, казалось, выбирали себе жертвы в группах этих несчастных, а остальных предоставляли произволу безжалостных солдат, обрекая беззащитных на невыразимые ужасы.

— Он ищет меня между этими группами, — сказала Фиамма со спокойствием отчаяния. — Цезарь думает, что ты погиб при моей защите. Фабрицио также нашел себе смерть из-за моего преступления. Оставьте же меня, добрый рыцарь, ради собственной безопасности, ведь Борджиа скоро убедиться, что меня нет среди пленных, начнет искать меня здесь, в замке, и убьет нас обоих.

— Никто не смеет причинить вам вред, пока мой меч годен на что-нибудь, — ответил Альфонсо. — Но теперь в замке, кажется, все затихло. Эта уединенная комната не возбуждает подозрений, и, конечно, французы прогнали грабителей. Я попрошу рыцаря де Латремуйля дать вам охрану, и, наверно, он уважит мою просьбу. Заложите только за мною дверные засовы; их одних достаточно, чтобы защитить вас, если бы я замешкался дольше, чем рассчитываю.

Фиамма поспешно одобрила этот план, однако к ее глазам подступили жгучие слезы от страха; когда же иоаннит с большой нежностью и участием стал успокаивать ее обещаниями вскоре вернуться, а в то же время вынул меч для своей защиты на опасном пути, это явное противоречие переполнило скорбью ее душу.

— Неужели и ты, великодушный, благородный рыцарь, должен жертвовать собой ради спасения меня, недостойной того, чтобы остаться в живых? — воскликнула она. — Зачем хочешь ты помочь существу, которое не стремится ни к чему, кроме вечного уничтожения? Прощай! Я не могу принести тебе красноречивую благодарность, потому что слова напрасны. Спаси меня, если хочешь и можешь, спаси для жалких годов непреходящего страха, которые могут еще мне предстоять, и еще раз прощай.

Альфонсо был искренне тронут; он обнял Фиамму с братской нежностью и поспешно удалился, но, очутившись за порогом, постоялеше, прислушиваясь, как она задвигала засовы.

В коридоре, который вел из башни, ему попалось лишь несколько окровавленных трупов, и он не удивился, увидев на них значки Цезаря. Каменная лестница, которая вела в парадные комнаты замка, также была усеяна мертвыми телами, свидетельствовавшими о схватке между грабителями и защитниками, между пленниками и убийцами. Среди них попался один английский стрелок из свиты Лебофора. Двери, которые вели с этой лестницы в крепость, были крепко заперты, и Альфонсо не без большого затруднения добился впуска от швейцарцев, державших внутренний караул. Сопровождаемый одним из этих стражей, он вскоре предстал перед французскими полководцами, которые сидели за столом с несколькими рыцарями, не принимавшими участия в ужасном кровопролитии, и со своими пленными. В числе последних находился и Фабрицио Колонна. Лебофор и Орсини сидели с ним рядом, и, как узнал потом Альфонсо, Фабрицио был обязан их храброму заступничеству своим освобождением из рук грабителей Цезаря.

Иоаннит горячо желал доказать Фабрицио, что он нисколько не причастен к предательскому нападению, а потому стал горько жаловаться французским полководцам, что на него пало несправедливое подозрение в вероломстве, и потребовал, чтобы резня была немедленно окончена.

 Цезарю принадлежит вся слава или весь позор этого деяния, сказал Латремуйль, — но на войне не придают важности договорам, пока они не подтверждены крестным целованием. Этот кровавый пример сделает ненужными много других. Поэтому предоставим солдату свирепствовать досыта. Сверх того, о порядке и повиновении теперь нет и помина; значит, если бы мы вздумали сдерживать своих подчиненных, то подстрекнули бы их только к еще худшим беспорядкам, чем тот, который был нами прекращен, потому что герцог сам поощряет их разнузданность. Однако, мне кажется, рыцарь, что вы менее всех имеете повод жаловаться, так как вам досталась прекраснейшая добыча а Капуе.

— Я спас от позора девушку высокого происхождения, благородный синьор, — с неудовольствием ответил Альфонсо, — и пришел сюда просить вашей защиты для нее. Мне хотелось бы привести эту несчастную к вам или к благородному Колонна.

— Приведите ее ко мне! — с яростью воскликнул Фабрицио. — На костер ее, французы, как колдунью и изменницу, иначе она пре-

даст нас всех!

— Она получит охрану, которую я могу ей дать, — ответил Латремуйль. — Приведите ее сюда! Но если она особа легких нравов, то, у вас скоро явится здесь соперник.

— Я по крайней мере не собираюсь выходить здесь на поединок с иоаннитским рыцарем, — сказал Орсини. — Однако нам стыдно отзываться таким образом о той, которая носит, хотя и недостойным

образом, благородное имя Колонна.

— Я помогу вам, феррарский рыцарь, защищать вашу добычу против целого мира, — с благородным жаром подхватил Лебофор. — Или она находиться в толпе тех несчастных и ее нужно еще освободить? Если так, то вот мой меч в придачу к вашему, как ни отчаянно это предприятие.

— В этом нет надобности, — ответил Альфонсо. — Дайте мне, однако, немного пищи для проголодавшейся пленницы и факел; я

тотчас вернусь.

Лебофор и многие французские рыцари вызвались сопровождать его, лукаво перешептываясь между собой, и Альфонсо согласился на это, чтобы тем успешнее опровергнуть их нескромные предположения. Однако его сердце стеснилось от тревожного предчувствия, когда, поднимаясь по винтовой лестнице, он заметил, что двери уединенной комнаты, гда он оставил Фиамму, распахнуты настежь. Вступив в нее, он осветил факелом все углы, но Фиаммы нигде не было. По недоверчивым улыбкам своих провожатых иоаннит догадался, что они подозревают, будто он привел их сюда лишь для отвода глаз, и эта мысль еще более укрепилась в нем, когда Паоло Орсини подошел к окну и, выглянув оттуда на площадь, точно ожидая увидать внизу изуродованный труп несчастной, тихо сказал Лебофору:

— Не сам ли он сбросил ее туда?

В самом деле отворенная дверь наводила иоаннита на мысль, что Фиамма, желая ввести его в заблуждение относительно ужасного

способа своего самоубийства, нарочно распахнула ее настежь или избрала не менее страшный риск спуститься вниз к осатаневшим пирующим. В обоих случаях разведки были не напрасными и, вероятно, привели бы его к гибели, если бы он попался Цезарю при таких обстоятельствах. Тем не менее иоаннит, обманутый в своих ожиданиях и огорченный за Фиамму, не хотел совершенно отказываться от розысков. Он провел всю ночь один, тревожно и чутко прислушиваясь ко всему происходившему под окнами на площади, однако не заметил ничего, что могло бы успокоить или усилить его опасения. Наконец постепенно наступившее безмолвие в опустошенном городе, холодный утренний воздух и собственное изнурение заставили его незаметно впасть в прерывистый, нарушаемый страшными видениями сон.

IV

Второе завоевание Неаполя совершилось так же быстро, как и первое при Карле Восьмом. Войско французов и папского дворянства переходило от города к городу, и все они сдавались, едва завидев французские знамена. Альфонсо почти казалось, что он видит сон, когда Неаполь подчинился на очень невыгодных условиях, и он смотрел через великолепный залив на скалы острова Иксии, куда злополучный король Федериго поспешил как в свое убежище.

Французское войско двинулось дальше, чтобы занять границы, указанные ему в договоре о разделе, а Цезарь готовился с вспомогательным войском выступить обратно в Рим под предлогом довершить завоевание городов, на которые заявлял права папа. В виде последней попытки рыцарского состязания де Латремуйль передал командование наступлением на Искию Альфонсо, Паоло Орсини и

Лебофору.

Неутомимые старания Альфонсо разузнать что-либо об участи Фиаммы были безуспешны, и ему хотелось продолжать поиски ее, однако это было невозможно: он не видел возможности отклонить почетное поручение Латремуйля, тем более, что оно было принято с жаром его соперниками, а сила морского вооружения и упорное сопротивление гарнизона Искии делали это завоевание одним из

опаснейщих предприятий в ту войну.

Едва Цезарь ушел со своими войсками от Неаполя, разнеслась весть, что Борджиа дали перехитрить себя дворянам. Дело в том, что вскоре после прибытия герцога в Рим Ареццо восстало против Флоренции, а в то же время почти все войско дворян вторглось в Тоскану для поддержки восстания и восстановления дома Медичи. Хотя Цезарь со своим войском осадил Камерино, один из городов, на которые заявил притязания папа, однако взятие его и полная удача всего завоевательного плана Борджиа составили бы ничтожный противовес громадному превосходству, которого достигли бы дворяне восстановлением власти Медичи. Между тем война в Неаполе велась

вяло. Начались переговоры, и хотя приготовления к нападению на Искию продолжались, однако три рыцаря — участника турнира были обречены оставаться при этом безучастными зрителями.

Ни шумная походная жизнь, полная всевозможных случайностей, ни разлука не изгладили, однако, впечатления, которое произвели на сердце Альфонсо прелести Лукреции; несмотря на то, что он старался не поддаваться опасному обаянию, роскошный климат Неаполя, заставлявший забывать все на свете, кроме любви, лукаво поддерживал чары воспоминаний, преследовавших его, и его постоянно мучили опасения по поводу планов Орсини о браке Паоло с Лукрецией. В довершение всего он узнал о внезапном отъезде Паоло в Рим; когда же вскоре после того стало известным отречение от престола несчастного неаполитанского короля, то и все военные силы Орсини, переданные им под начальство Лебофора, чрезвычайно поспешно выступили из лагеря в Рим.

Альфонсо не захотел подражать подобной поспешности и, хотя горел нетерпением увидеть Лукрецию, все же отправился в Неаполь, чтобы проститься с французскими полководцами и передать им командование вверенной ему частью. Только там дошли до него удивительные известия, несомненно послужившие поводом к поспешному возвращению Орсини.

Цезарь победоносно осуществил великий замысел, посредством которого хотел обеспечить громадное увеличение своих владений. Для этого он решил использовать опять войска дворянства, действовавшие в Тоскане. Как будто одобряя их желание захватить Флоренцию, чтобы вернуть ее Медичи, он встал во главе их, лаже наперекор Французам, и это обмануло дворян. Затем он заявил, что для обеспечения победы необходимо, чтобы им оказал помощь герцог Урбинский со всеми своими военными силами, а главное со своей артиллерией, доведенной до высокой степени совершенства. Герцог Гвидобальдо попался в эту ловушку и выслал свое войско из своей страны, приказав ему примкнуть к Цезарю под Камерино. Однако. когда это случилось. Цезарь стянул вместе свои гарнизоны в Романье. двинул их против Урбино, а одновременно сам внезапно свернул со своего пути в Камерино с избранным отрядом войска и вторгся с огнем и мечом в беззащитную область своего нового союзника герцога Урбинского. Вскоре же все богатое герцогство Урбино очутилось во власти Цезаря, а герцогу Гвидобальдо и его брату не без труда удалось бежать в Венецию. Добившись такого крупного прирашения своих владений. Цезарь отрекся от всякого участия в походе против Флоренции; в то же время французы отправили на помощь республике сильный отряд войска, и это принудило Вителли отказаться от завоевания Флоренции и удалиться из Тосканы. Таким образом союзники были одурачены. Так как папа Александр, не забывая о завоевании Камерино, послал туда подкрепление, то союзные дворяне совершенно перепугались и их предводитель даже старался

291

вступить в переговоры с Цезарем. Последний начал их, но, усыпляя союзников мирными предложениями, распорядился произвести внезапное нападение на Камерино, овладел городом и казнил его правителей, как изменников.

Подобная военная удача, гибель верного друга Феррары и внезапное соседство такого бессовестного властителя, каким являлся Цезарь, объединивший массу земель в своих руках, были настолько зловещи, что заставили Альфонсо поспешить в Рим, где его давно ожидали с нетерпением. Это было видно из того, что, едва упев прибыть, он получил через Бембо приказание папы явиться к нему, отдохнув с дороги, а до тех пор снова занять свои прежние комнаты в Ватикане. Казалось бы, это было благоприятным признаком, однако тайные опасения Альфонсо немало усилились, когда Бембо, ревностный защитник Лукреции в былое время, совершенно отступился от нее теперь и заявил, что не сомневается более в ее необузданной страсти к Лебофору, так как она не могла скрыть свой восторг при свидании с ним даже в присутствии грозных соперников, ревниво следивших за нею.

К тому же и политическое положение было неблагоприятно для Феррары. Партия Борджиа торжествовала вполне, потому что французский король как будто предоставил им беспрепятственно предаваться грабежам и мщению, а вместе с тем его герольды приказали повелителям Болоньи передать этот громадный город роду Борджиа. Союзники так растерялись, что даже не протестовали и беспрекословно предоставили военные силы на поддержку этого предприятия Цезаря. Ввиду всего этого Бембо настоятельно советовал принцу Альфонсо во избежание неминуемого и крайне опасного открытия его инкогнито немедленно уехать из Рима в Феррару, не повидавшись ни с папой, ни с Лукрецией.

Однако Альфонсо не принял этого совета, а запальчиво заявил, что он не хочет осудить Лукрецию, не имея достаточных улик против нее, и что у него выработан план, ограждающий его от непосредственной опасности, соединенной с его мнимой ролью посланника, на тот случай, если бы действительно оказалось, что склонность Лукреции к Лебофору переступила границы простого кокетства. "В момент победы, — прибавил он, — должно обнаружиться, были ли искренни уверения папы". Бембо упорно стоял на своем, но не мог поколебать решимость Альфонсо, и тот поспешил в Ватикан.

Едва он вошел в свое прежнее помещение и приказал доложить его святейшеству о своем прибитии, папа лично вошел к нему в сопровождении начальника своей канцелярии. Александр так спешил, что только простер руки над коленопреклоненным Альфонсо, вместо того чтобы произнести обычное благословение, и тотчас заговорил о деле, занимавшем его мысли.

— Теперь, — воскликнул он, — повелители Феррары поневоле поверят нам, даже если бы они были недоверчивы, как апостол Фома.

Ты видишь сын мой, как Господь помог нам преодолеть козни врагов и мятежников; мы намерены попрать их, как стекло, своими сандалиями с помощью союза, который задумали заключить с Феррарой. Теперь мы хотим говорить так ясно, чтобы у ваших дворян не оставалось более предлога к сомнению. Подойди ближе, Джиан Баттиста, затвори все двери и будь начеку!

Усевшись в одно из высоких резных кресел, Александр с омрачившимся лицом и тяжелым вздохом окинул взором великолепные украшения комнаты. Эта комната была ненавистна также и Альфонсо, так как еще недавно являлась брачным покоем Лукреции; под влиянием своего подозрения относительно преступных отношений между Александром VI и его дочерью Лукрецией он подумал, что и угрюмость папы вызвана подобной же ненавистью. Однако он не вставал с колен, пока ему не подали знак подняться.

— Вы — посланник нашего вассала, которого мы намерены, однако, сделать независимым государем, — заговорил папа. — Церковь, конечно, простит нам, когда мы обменяем ее призрачное обладание Феррарой на существенное господство, доставленное нами ей вновь в стольких странах и богатых городах, тем более, что, по нашему мнению, святейший престол обязан Ферраре возвращением Болоньи, находившейся столько лет под незаконно захваченной властью. Но если бы мы, напротив, уступили убедительным просьбам нашего племянника и предоставили независимое войско в распоряжение его, столь молодого и честолюбивого вождя, то, наверное, вместо блага сотворили бы зло. Так пусть же все итальянские властители поймут, что наш отказ доставит Цезарю могущественное орудие, которого он домагался, содействует более их выгоде, чем нашему величию. Да, повторяю еще раз: если этот союз нельзя заключить, не припугнув хорошенько дворян, то я должен согласиться на это. Пусть не воображают, что я отдамся во власть людей, кощунственно выражавших намерение объявить нас недостойными занимаемого нами престола и посадить на наше место враждебного нам и непокорного мятежника Юлиана делла Ровере. Наша племянница также не примет предложения Орсини, и мы не желаем теперь вступать в столь тесную дружбу с наглыми разбойниками, уничтожение которых с каждым днем становиться все справедливее и необходимее.

Альфонсо был смущен этими откровенными речами, приподнимавшими завесу, под которой скрывалась далеко не успокоительная политика Цезаря.

- Но, ваше святейшество, достоинство моего повелителя требует предварительного удостоверения в том, что он не рискует получить отказ от донны Лукреции, сказал наконец Альфонсо в надежде выпутаться таким образом из затруднения или хотя бы получить отсрочку.
- Сын мой, ответил Александр, она совершенно подчинилась моей воле и обещала мне дать вам удостоверение, что, как

только вы официально попросите ее руки от имени своего повелителя, она официально даст свое согласие.

Альфонсо был так поражен этим известием, что не нашелся, что ответить, а папа, не заметивший в своем волнении этого странного молчания, с жаром заговорил о своих планах. Его щедрые обещания относительно приданого Лукреции и освобождения Феррары от подчинения и уплаты податей церкви ручались за настойчивость его желаний, однако не могли соблазнить Альфонсо. Ему не давала покоя мысль, что Лукреция нарочно поставила его в это затруднение, чтобы погубить разоблачением тщетности его мнимой миссии или принудить его к поспешному бегству из Рима, которое избавило бы ее от его шпионства и дало бы ей возможность предаваться на свободе своей страсти к Лебофору.

К счастью, папа был настолько поглощен своими собственными планами, что не заметил чувств, обуревавших Альфонсо, и заключил свою речь приглашением отправиться прямо к Лукреции, чтобы услышать из ее собственных уст подтверждение своих обещаний. Альфонсо боялся, что роль, которую он играл, опасна и что он рискует получить резкий ответ от Лукреции. Однако ему было невозможно отклонить предложенную честь, а потому он, волнуемый странной смесью чувств, отправился с папой в покои Лукреции. При входе в зал, где сидела Лукреция, он почувствовал сначала большое облегчение, увидев там многочисленное общество. Но жало ревности снова уязвило его сердце, когда он заметил, что молодая женщина играла в шахматы с Лебофором в отдаленной тесной нише окна. Нежный взор Реджинальда был так пристально устремлен на нее, что он почти машинально передвигал фигуры на шахматной доске. Лукреция бойко и самоуверенно разговаривала с ним, когда вошел папа с Альфонсо, и проворно сделала ход, которым надеялась взять верх над своим партнером. В этот же момент Лебофор запечатлел украдкой пламенный поцелуй на ее руке. Лукреция, побледнев, поспешно отдернула руку, но тотчас поднесла ее к своим губам и нежно промолвила:

— Лукавый рыцарь, поцелуй жжет даже мои губы, и следовало бы утолить их боль!

Досада придала твердости Альфонсо, и он стоял холодно и гордо пред Лукрецией, когда она поднялась навстречусвоему отцу, как будто почти не замечая присутствия Альфонсо. Александр с улыбкой отошел в сторону; когда же она увидела иоаннита, на глазах у нее навернулись слезы. Хотя она старалась скрыть свое волнение, но попытки смахнуть их с ресниц не делала и сказала несколько холодных слов приветствия с многозначительным взглядом на группу, стоявшую на балконе. Там, прислонившись спиной к балконным перилам, находился Цезарь, который смотрел в зал, продолжая для вида веселый разговор с несколькими дамами и молодыми придворными.

- Мы не забыли несколько серьезного и неприступного рыцаряиоаннита, — небрежно сказала Лукреция, когда Александр многозначительно назвал его имя, и, лукаво улыбнувшись, обратилась к Лебофору: — теперь и вашему другу Орсини следовало бы явиться к нам, чтобы выслушать решение относительно нашего турнира. Мы просим вас прийти к нам завтра сюда в обычный час нашего вечернего приема, и тогда вы все дадите нам отчет о своих подвигах, а мы произнесем свое решение в один из следующих дней.
- Не сделаете ли вы мне милости, назначив для этого послезавтрашний день, так как мое пребывание в Риме будет весьма непродолжительно? — сказал Альфонсо.
 - Хорошо, я согласна, ответила Лукреция и отвернулась.
- А, тебе хочется отвезти в безопасное место свою добычу! тоном добродушной шутки воскликнул Цезарь, подходя к кружку разговаривающих. Уж не боишься ли ты, добрый рыцарь, что я вздумаю отнять у тебя возлюбленную султана Зема?
- Боюсь, ваше высочество, что вы уже сыграли со мной эту шутку, с непринужденной веселостью подхватил Альфонсо, радуясь случаю уколоть гордую Лукрецию.
- В чьи бы руки ни попала несчастная Колонна, заметила она, будем, однако, надеяться, что они лучше тех, из которых она вырвалась. Пусть будет достаточно того, что мы изъявили нашу волю, а теперь я буду продолжать прерванную партию в шахматы с рыцарем Лебофором.

Иоаннит вскоре удалился, не желая долее оставаться свидетелем торжества своего соперника. Придя к себе, он приказал Бембо распорядиться всем необходимым для отъезда тотчас после приговора дам, и Бембо беспрекословно подчинился этому.

Пока он занимался своими приготовлениями, Альфонсо проводил время в неприятном беспокойстве. На закате солнца к нему вошел с хитрой улыбкой паж и доложил, что какая-то женщина под густой вуалью, которой он спас в Капуе честь и жизнь, хочет повидаться с ним, чтобы изъявить ему свою благодарность. Альфонсо тотчас вспомнил Фиамму и приказал допустить к нему незнакомку.

На пороге показалась женщина, закутанная в черный плащ; когда же она откинула вуаль, Альфонсо увидел бледное, скорбное и решительное лицо Фиаммы Колонна.

- Как, с удивлением спросил он, вы рискнули явиться в Рим, в лагерь своих врагов?
- Более того в их крепость, ответила Фиамма, опираясь лбом на судорожно стиснутые руки. В ту безумную ночь в Капуе я бросилась к Цезарю Борджиа, чтобы скорее испить самую горькую чашу, чем продолжать терзаться страхом, и погибнуть от его руки, чем доставить ему отговорку, будто я была обесчещена другим. Не удивляйтесь!.. Ведь даже ваша честность не спасла бы меня от его подозрений. Поэтому я соглашалась лучше умереть. Однако он

пощадил меня и спрятал. Я вообразила, что злодей опомнился, но в действительности ему хотелось только повредить вам в глазах Лукреции и жестоко уязвить ее гнусной клеветой, которую он возвел на вас.

Ну, ей все равно: она занята теперь совсем иным.

- Но есть еще мщение, мщение за все, сказала Фиамма, скрежеща зубами. Нет, не за все! Он был так несправедлив ко мне, что никакая месть не послужит достаточной карой ему за это. Что же касается вас... Ведь для вас все еще важно получить те достоверные сведения, ради которых, как уверяют, вы были посланы сюда своим повелителем?
 - Да, какой бы то ни было ценою, ответил Альфонсо.
- Ну, тогда вы можете сообщить ему, что Лукреция питает преступную любовь, и в этом я убедилась путем беседы с ее духовником.
 - Отцом Бруно, заключенным теперь в замке святого Ангела?
- Вот именно. С ним обращаются с неслыханной строгостью, к нему не допускают никого, и он сидит в такой темной камере, что надо удивляться, как этот несчастный может, без сверхъестественного озарения, читать книгу, над которой он вечно размышляет. Однако я все же добьюсь свидания с ним, чтобы переговорить о Лукреции. Я упросила Мигуэлото устроить мне это свидание, ссылаясь на мучения свой совести. Жестокий каталонец по-своему набожен и, оттачивая нож, чтобы перерезать тайком мне горло, способен позаботиться о спасении моей грешной души. Не стану докучать вам передачей своего разговора с отцом Бруно — он был ужасен, однако монаху не удалось запугать меня никакими ужасами, и он не мог побудить меня ни к какому раскаянию, потому что моя душа так изнурена, что я могу питать только одну надежду на месть. Однако с помощью хитрости и намеков на перенесенные оскорбления я добилась смутных, но дьявольских подтверждений своей догадки, причем вынесла убеждение, что и Цезарь, и Лукреция пока еще только втайне питают чувство преступной любви друг к другу, так что есть еще возможность предотвратить роковой шаг. В конце беседы Бруно удалось как-то склонить меня к тому, чтобы я, поставив на карту свою жизнь, помогла ему выйти тайком из замка, положившись только на его обещание вернуться назад, раньше чем успеют заметить его отсутствие.
- Я угадываю остальное! Он бежал! Но ради чего же вы доставили ему возможность к побегу? в сильном волнении восуликнул иоаннит.
- Чтобы он посетил свою духовную дочь, вывел ее из преступной беспечности и с помощью своих ужасных обличений и чудесного бегства из Рима вырвал ее из той мрачной бездны, в которую она была готова броситься.
 - Ну а что же сделал Бруно? скрылся?

- О, нет, он честно сдержал свое слово и добровольно вернулся в свою ужасную темницу. Из его слов я узнала, что ему удалось переговорить с Лукрецией наедине в гроте Эгерии. В суеверном испуге при его чудесном появлении она покаялась в том, что любит безумно и не может противиться своему безумию, что ее страсть греховна и отчаянна, однако никакие устрашения и угрозы не помогли вырвать у нее имя обожаемого ею человека, так как инстинкт любви посказывал ей, что это сопряжено с опасностью. Бруно пылает страшным гневом на ее упорство и обещал открыть мне ужасные намерения и сташные преступления Цезаря Борджиа.
- Да, но с помощью какой волшебной силы? воскликнул иоаннит. Впрочем, имя возлюбленного Лукреции известно и без того. Это Реджинальд Лебофор!
- Волшебная сила? промолвила Фиамма и в смущении взглянула на рыцаря. Действительно, никто, кроме мертвецов, не может открыть все ужасы злодейств, совершенных Борджиа, и если у вас хватит храбрости выдержать их страшное присутствие, то вы можете удостовериться в том, ради чего вы присланы сюда повелителем.
- Присутствие смерти? Достоверность? содрогаясь, повторил Альфонсо, потому что в те времена верили в возможность подобных вещей.
- Монах не решался на это, я же связана страшною клятвой, сказала Фиамма, отирая со лба холодный пот. Слыхали ли вы когда-либо про мага дона Савватия?
- Я слышал на юбилее, что ему по приказу Цезаря были обещаны большие награды, ответил Альфонсо.
- Говорили, что нужна его помощь при подготовлявшихся торжественных процессиях, на самом же деле к ней прибегали, чтобы сбыть непрошеного гостя, — объяснила Фиамма. — Если вы рискнете отправиться со мною в катакомбы сегодня ночью, то мы увидим убийцу в присутствии его жертвы и услышим, как он будет открывать тайны своей черной души.
- Возможно ли? спросил иоаннит. Неужели есть средство заставить могилу выпустить на волю ее страшных обитателей?
- Если колдовство не удастся, то преступная совесть подействует сильнее чародейства, и мы услышим истину от того, кто менее всего желал бы разглашать ее.
- Но неужели мрачная тайна должна обнаружиться в столь священном месте, как катакомбы, где покоилось столько святых мучеников? воскликнул Альфонсо.
- Разбойники и убийцы в Риме, превратившие катакомбы в свое убежище, давно изгнали из них все священное. Дьяволы ходят вьявь по галереям, где в минувшие времена шествовали ангелы между останками мученников и начертывали на скалах их страдания. Впрочем, как тебе угодно: подумай сперва, если не решаешься сразу, и

отпусти меня теперь; ведь мне пора вернуться в место моих мучений, как грешной душе при первом проблеске рассвета над могилами кладбища. Если же ты согласен на попытку, которая навсегда избавит тебя и твоего господина от мучительной неизвестности, то говори; тогда я встречу тебя у ворот святого Севастьяна, переодетая нищенствующим монахом, и проведу к месту свидания; оно произойдет в полночь.

Подстрекаемый желанием, поглотившим всего его, Альфонсо дал торжественную клятву пренебречь всякой опасностью, какая могла угрожать ему при этом приключении, и встретиться с Фиаммой в назначенный час. Условившись между собой, они расстались.

Его решимость поддерживалась надеждой, что открытие преступления Лукреции вернет ему душевное спокойствие, но вместе с тем его беспокоили и сомнения. Разве не могла Фиамма, при всех поводах к мщению, все-таки послужить орудием Цезаря с целью погубить его? Но в конце концов он решил, что невозможна такая отвратительная неблагодарность, и, вспоминая искренний тон Фиаммы, решил довериться ей.

V

Поглощенный своим душевным волнением, Альфонсо не заметил, как наступила ночь, и поспешил заняться необходимыми сборами. Он по возможности скрыл свое вооружение и лицо под плащом и капюшоном и, отпустив оруженосца и Бембо, собирался уже выйти из комнаты, как вдруг в дверь тихонько постучали. Он отворил, и перед ним при свете маленькой серебрянной лампы появилась Фаустина.

- Благородный синьор, простите меня!.. с большим волнением сказала старуха, поспешно входя. Я несчастнейшая старая дура, которой уже, верно, так на роду написано пропадать от своей глупости. Мое счастье послужило мне на гибель. У меня ничего не было, кроме румяных щек, но из-за них я попала в кормилицы к прелестнейшему ребенку в Риме, дорогой Лукреции. И вот теперь я пришла умолять вас, благородный синьор: если можете, поспешите спасти ее, иначе мы все погибнем, а с нами несдобровать и красивому молодому рыцарю из страны на далеком море. О, ведь он был вашим другом, и, чтобы ни произошло после того между вами, я со слезами умоляю вас: спасите нас всех!
 - Да в чем же дело? Говорите яснее!
- Я не смею идти к герцогу Цезарю и рассказать о том, что задумал этот рыцарь, ответила старуха. Ведь герцог убьет нас всех до единого, а мое сердце обливается кровью за этого бедного безумца. О, горе, горе мне!.. Неужели я должна отдать на растерзание своих детенышей? А это непременно случится! Ведь если вы не удержите его, то я должа буду провести его дальше. Ведь еще никогда в своей жизни Лукреция не стремилась так упорно поставить на своем! Поэтому, умоляю вас, спешите!.. Вы найдете его на террасе, где

он ожидает меня. Сделайте все, что возможно, чтобы удержать его, иначе все погибнет, и ему несдобровать, как шершню в пчелином улье, хотя бы там было меда через край.

— Кого же я найду на террасе? — с замиранием сердца спросил

Альфонсо.

— Вы найдете там молодого рыцаря Реджинальда, которого донна Лукреция велела позвать под предлогом того, что ей надо поговорить с ним наедине о деле Орсини. Да сами посудите! Возможно ли это в столь поздний час и к тому же в ее собственных комнатах!

- Неужели это правда? спросил Альфонсо, пошатнувшись, точно от смертельного удара. А если так, то что мне за дело? Какое мне дело до этого, спрашиваю еще раз! Да лучше пусть пронзят мне сердце! Убирайся вон, беги, старая сводня, и предупреди герцога. Он знает старинный обычай.
- Нет, сын мой, неужели нам всем зараз рехнуться умом? зарыдала старуха. Так вы не хотите? Ну, тогда я должна исполнить свой долг повиновения! Ведь донна Лукреция питалась моей грудью, стала родной мне, как дочь, и, что бы ни грозило потом, я сделаю то, что она повелела.
- Мона Фаустина, остановитесь! Я пойду, я выслежу этого негодяя до его преступного эдема! воскликнул Альфонсо, когда старуха, хотя медленно и нерешительно, приблизилась к порогу. Веди меня, но молчи: мне нечего больше отвечать тебе.

Фаустина привела его в большой зал, отделявший занимаемую Лукрецией часть дворца от комнат иоаннита. Отворенная дверь вела отсюда на террасу, примыкавшую с одной стороны к высокой голой стене дворца, а с другой — к возвышенности, поросшей померанцевыми деревьями и миртами. Фаустина сказала шепотом, что молодой английский рыцарь должен ожидать ее здесь, и просила иоаннита, если можно, удалить его от опасного места, после чего ускользнула со своею лампой, оставив Альфонсо одного в темноте.

Он поспешил к высокой сводчатой двери и, пытливо осмотревшись, тотчас заметил закутанную фигуру, сидевшую на перилах с поднятым вверх взором, так что он скоро при свете восходящей луны без труда узнал прекрасное, разгоревшееся лицо Реджинальда Лебофора.

Альфонсо медленно двинулся вдоль террасы, как будто не узнавая в своей задумчивости Лебофора, затем остановился неподалеку от него и, внезапно посмотрев на него так пытливо, что рыцарь счел себя узнанным, с притворным хладнокровием воскликнул:

- Реджинальд Лебофор! Возможно ли это? Да разве ты тоже помещаешься в этом двоце? Или, может быть, тебя привела сюда какая-нибудь случайность?
- Благородный синьор, вы узнали меня, и я не намерен прятаться от вас и умалчивать о том, что привело меня сюда. Дамы при

здешнем дворе красивы, и одна старая ведьма шепнула мне, чтобы я полождал здесь восхода дуны, если хочу получить приятную весть.

Кровь с такой силой прихлынула к сердцу Альфонсо, что он едва переводил дух. Холодный пот выступил у него на лбу, он несколько секунд молча смотрел на раскрасневшееся лицо Реджинальда, а затем пробормотал сквозь зубы:

— Развратница! Но нет! Возможно ли, чтобы воздух Италии мог побуждать к черному предательству даже такие натуры, как черя? Реджинальд, этому нельзя поверить! Лукреция... Лукреция! Ведь ты

идешь к ней?

- Лукреция! повторил Лебофор, внезапная бледность которого служила уже достаточной уликой, а затем продолжал со смесью гнева и смущения: Ну а что, если Лукреция удостаивает выслушивать и других тайных послов, кроме уполномоченного феррарского двора? Ты отлично знаешь, что все твое старание по-прежнему направлено на то, чтобы оправдать перед светом свою ненависть к этой высокой особе. Между тем ты в то же время изменнически выдаешь себя за тайного посла, отправленного сюда для устройства свадьбы, и этим тебе удалось довести Орсини до отчаяния. Положим, я не рассчитывал на высокую честь разоблачить тебя; но как осмеливаешся ты касаться меня или моих действий? Каковы бы ни были они, я готов отвечать за их последствия.
- Ты подчинился роковому обаянию, с жаром возразил Альфонсо, опасным чарам алых и пурпуровых цветов, под которыми распевает сирена возле гниющих трупов своих жертв. Но тебе не следует слушать ее голос, Реджинальд, иначе ты погибнешь. Уйдем отсюда прочь. Покинем вместе этот дворец и Рим. Нет иного спасения от соблазнов чародейки.
- За все царства под солнцем не откажусь я повиноваться милостивым приказаниям своей царицы! ответил Реджинальд. Я свободный английский рыцарь, а не твой наемник; поэтому не командуй мною, я не обязан тебе подчиняться.
- Конечно, нет, сказал Альфонсо, скрестив руки и горько смеясь, но по воле судьбы я обязан твоей дружбе тем, что достиг цели своего путешествия и могу дать удовлетворительный ответ своему повелителю. Блаженствуй в свом раю, пока не надоешь Лукреции, а тогда она предаст тебя смерти, если ее отец или брат раньше не избавят ее от этих хлопот.
- О чем бредите вы, синьор? яростно возразил Реджинальд. Ведь если вы обвиняете меня из-за Орсини, то действительно донна Лукреция соизволила мне приказать, чтобы я присутствовал при обсуждении свех дел, касающихся этих людей. Я повиновался ей и буду повиноваться, если бы даже все духи преисподней и мечи десятерых Альфонсо старались преградить мне дорогу.
- Реджинальд, прошу тебя, выслушай меня, воскликнул Альфонсо. Говорю тебе, чародейка соблазняет тебя предать своего

друга, побуждает тебя к измене верности и чести. Ты не можещь сомневаться в степени ее любви к тебе! Ведь при ее испорченности эта любовь будет мимолетнее, чем у самых развратных и непостоянных мужчин. И ты не должен ходить к ней, не должен увеличивать груды ее жалких, обманутых жертв

- Рыцарь, пусть вам доставляет удовольствие копаться в тине грязного Рима, отыскивать там то, что даст возможность забрызгать грязью прекраснейшую и добродетельнейшую женщину, но, пока я в силах владеть мечом, ты не будешь делать этого! - воскликнул Реджинальд, прожа от стыда и ярости.

— Ты видишь, я смиренно молчу; ведь меч был дан тебе для того, чтобы сделаться ее забиякой! — со смехом подхватил Альфонсо и презрительно щелкнул по рукоядке меча молодого англичанина.

За это и за другие вещи ты еще поплатищься! — запальчиво

воскликнул Релжинальд.

— Да хоть сейчас, хвастливый мальчик! Не хорохорься, однако, теперь ты не снаряжен для такого поединка. Ступай и попроси Лукрешию вооружить тебя на ее зашиту! Впрочем, погоди! Ты предназначен для более верного мшения. Ступай и скажи ей, что посланник из Феррары, баламутящий в Тибре ил, чтобы забрызгать ее. — есть не кто иной, как сам принц Альфонсо д'Эсте.

- В самом деле? Hv, теперь я открыл твою хитрость! Ты влюблен в совершенство, которое омрачил почти вечным позором. Мне следует выдать тебя Борджиа, чтобы они заставили тебя жениться на дивной представительнице их рода. — сказал Лебофор, и его ревность прорвалась наружу, несмотря на все усилия скрыть ее. — Ступай, ступай! Я не такой глупец, каким ты меня, пожалуй, считаешь, и, клянусь, согласен скорее убить тебя, чем обречь на блестяшую участь обладания Лукрецией.
- Разве жизнь и смерть до такой степени во власти норманнских выродков из-за моря? — возразил Альфонсо и прибавил, вздрогнув свем телом: — Но это — неправда! Твоя возлюбленная хуже последней продажной женщины из прокаженных французских лагерей, она возбуждает во мне отвращение и презрение, и, чтобы доказать это, я оставляю тебя невредимым сегодня вечером. Предоставляю тебя твоему блаженству, сам же я покину Ватикан и буду безмолвен, как его мрак, если... ты попросишь Лукрецию дать тебе сегодня венок за победу на турнире, что послужит мне благовидным предлогом вырвать у тебя из груди сердце на рыночной площади у всех на глазах. Она не откажет тебе в такой ничтожной награде. как моя опала и унижение, а если понадобится еще долее обманывать Орсини, то ты можешь вздыхать и клясться, что тебе было бы приятней, если бы награда досталась ему вместо тебя, хотя бы в действительности ты заслужил ее.

— Нет, что бы ты ни говорил, я останусь здесь и буду ожидать своего счастья, — запальчиво ответил Лебофор, хватая в своей ярости Альфонсо за плащ.

Однако иоаннит вырвался от него, вошел в тень крытой аллеи

и тотчас исчез.

Вне себя от волнения, Альфонсо машинально покинул дворец, не зная хорошенько, куда направляет свои шаги. Смертельная бытва была бы для него более желанной переменой, и, когда он внезапно вспомнил о своем уговоре с Фиаммой, он с удовольствием подумал об опасностях, сопряженных с этим приключением; вместе с этим его на минуту утешила мысль, что оно должно привести его к полному раскрытию преступлений Лукреции.

Было уже довольно поздно, и Альфонсо поспешил к месту свидания. У ворот святого Севастьяна ему встретилась фигура, также закутанная в рясу и капюшон, но это не помешало ему узнать в ней по условному знаку Фиамму. Они молча прошли в ворота и быстро направились по равнине. Вскоре перед ними показалась древняя церковь святого Севастьяна, откуда ветер доносил звуки духовных гимнов. Однако Фиамма повернула на пустырь, покрытый глубокими ямами и поросший тернием и можжевельником, спустилась в одно из углублений, вырытых в песчаной почве, и они приблизились к месту, где было высечено в скалах несколько пещер, наполовину заваленных обломками камней и заросших сорной травой.

Фиамма юркнула с проворством змеи в одно из этих отверстий, Альфонсо же невольно замешкался, припомнив все слышанное о запутанных извилинах катакомб. Но, пока он стоял в нерешимости, он услыхал удары стали о кремень и увидел при свете вспыхнувшего пламени, что Фиамма, стоя на коленах, раздувала огонь в куче сухих листьев, чтобы зажечь факел. Устыдившись своей трусости, Альфонсо углубился в пещеру и стал помогать своей спутнице. Когда факел был зажжен, он по ее требованию воткнул в ращелину скалы заготовленный ею кол, просверленный насквозь; в это отверстие Фиамма продела конец щелкового шнура и тщательно прикрепила его, после чего, вложив клубок в руку иоаннита и взяв факел, сказала с грустной улыбкой:

- Ну, как-то бъется твое сердце? Решаешься ли ты следовать за мною?
- Решаюсь, хотя бы путь пролегал по черным ехиднам, ответил Альфонсо, но снова поколебался, угадав намерение своей путеводительницы.

Он видел, что они стояли в низкой пещере из песчаника, откуда разветвлялось много сводчатых ходов по разным направлениям. Фиамма вступила в один из них, настойчиво внушая Альфонсо крепко держать клубок и разматывать его, продвигаясь вперед. Факел тускло светил в окружающих потемках, но рыцарь чувствовал, что тропинка вьется кверху. Подземная галерея была едва достаточной

ширины, чтобы можно было ощупью находить в ней дорогу, и с обеих сторон завалена мусором. Молча и поспешно шли они дальше, причем клубок так быстро разматывался, что шелковый шнур постепенно опускался все ниже к земле. Иоаннит убедился посредством осязания, что они вступили в другую пещеру, откуда шло три узких хода, спускавшихся так круто и глубоко, что в иных местах их высота едва достигала человеческого роста, а в других они суживались до размера трещины, произведенной землетрясением. Фиамма изредка произносила какое-нибудь слово, но иногда поднимала на ходу свой факел, и тогда он освещал мрачные отверстия, откуда разветвлялись новые ходы, но чаще заставлял выступать на стене древнюю надпись или грубый барельеф, высеченные в память страданий христианских мученников, погребенных в нишах по стенам.

Путаница лабиринта, куда углубился Альфонсо, и недоверие к путеводительнице колебали его твердость и мужество. Конечно, он тщательно соблюдал наставление Фиаммы при разматывании клубка, который, очевидно, был важнее для их безопасности, чем какое бы то ни было знакомство с местностью, и при этом заметил, что к шнурку были привязаны на известных промежутках маленькие свинцовые шарики, чтобы он снова слегка натягивался при спусках. Необходимость этой помощи стала еще очевиднее, когда подземный ход опустившись на большую глубину, затерялся в таком множестве извилин, точно тянулся по самым внутренностям земных недр. Остальные неудобства еще увеличивались. Струи холодного воздуха, сырость и миазмы доносились порою из пещер, обломки песчаника отваливались от каменных сводов, точно злой дух пытался преградить дорогу смельчакам, тогда как в отдалении внезапно раздавался странный вопль, переходивший наконец в слабый, таинственный шепот.

Длинный путь, пройденный в этих галереях смерти, удивлял и беспокоил Альфонсо. Но вот Фиамма вдруг остановилась и, направив на иоаннита свет своего факела, устремила на него внимательный взор, после чего сказала почти с оттенком презрения в голосе:

- Ваш лоб влажен, рыцарь. Вернитесь назад, если мужество покидает вас, потому что мы подходим теперь к месту, где начинается искус, и вы должны остаться один и без света в этом уединении до прихода действующих лиц, которые собираются дать страшное представление.
- Какому бы риску я ни подвергался, ничто не заставит меня отступить, ответил Альфонсо.
- Тогда будем продолжать свой путь, сказала Фиамма, спускаясь дальше.

Подземный ход все расширялся и наконец уперся в арку, высеченную в скале, которая вела в пещеру, устроенную в прежние времена для выкапывания песка. По ее стенам уцелели много следов человеческого искусства и глубоко высеченные надписи, которые не

могло стереть время. Естественные столбы, оставленные при раскопках, были покрыты там и сям грубыми архитектурными украшениями в виде неуклюжей резьбы по камню, а пыль на полу была так бела и густа, точно ее посыпали нарочно, чтобы духи могли беззвучно скользить по ней.

- Это страшная сцена, где предстоит разыграться, пожалуй, еще более ужасной драме, сказала Фиамма и показала своему спутнику внутренность пещеры, насколько мог осветить ее факел. Если верить сказаниям, то в этих подземных могилах погребено больше мертвецов, чем найдется теперь живых людей во всей Италии. При этом большая часть их умерщвленные, изувеченные жертвы человеческой жестокости! Эта белоснежная пыль состоит из их остовов, которые обнажаются каждым отпавшим осколком скалы перед нечестивыми взорами, потому что сюда приходят ведьмы и колдуны справлять свой шабаш и тешить своего владыку и повелителя осквернением этого священного приюта. Сюда явится Цезарь, такой же мрачный дух! Но для того, чтобы увидеть все, оставаясь невидимкой, хватит ли у вас мужества спрятаться вон в ту нишу, там, над аркой у входа?
- В ней страшно тесно! Это могила? спросил, содрагаясь, Альфонсо и осветил факелом узкую, но глубокую впадину в скале над входом.
- А если бы и так? возразила Фиамма. Разве вы не видите полуистершейся надписи: "Nil miserius vita! *"? Чем угрожает нам смерть, чего мы не выстрадали бы уже на земле? Впрочем, время не затянется для вас до моего возвращения. Вот та галерея ведет к нескольким извилинам в часовню, куда явится Цезарь с колдуном. Благочестивые монахи считают их богомольцами, желающими покло ниться праху мученников, и ждут от меня только условного знака.

— Время? Что значит оно в этих жилищах мертвецов? — спросил Альфонсо, все еще не решаясь, так как его мужество ослабело при мысли остаться одному в этом страшном уединении.

Однако пылкость чувства к Лукреции победила страх. Выступы выдолбленной скалы давали возможность подняться в могилу, и, крепко держа клубок, рыцарь полез кверху. Но вдруг боязнь предательства так сильно овладела им, что он остановился.

Кинутый им на Фиамму взор открыл ей без слов его помыслы, и она с нетерпением воскликнула:

— Предать тебя! Но с какой целью? Пусть эта гора обрушится мне на голову и раздавит меня, если я злоумышляю против своего благодетеля.

Эта страшная клятва успокоила сомнения рыцаря, и он поднялся в пещеру, откуда ему предстояло наблюдать за своим врагом. Судя по ее глубине, она была вырублена в скале, чтобы служить для

^{*} Нет ничего более жалкого, чем жизнь.

погребения; действительно в ней, по старинному обычаю, был помещен стоймя длинный ряд трупов, но, вероятно, богатство наружных украшений подстрекнуло жадность грабителей, и они сорвали мраморную облицовку грабниц. Трудно сказать, принесло ли это преступление хорошую добычу, но теперь в могиле не было ничего, кроме пыли и потемок.

Альфонсо был принужден пятиться в своем убежище задом, не имея возможности повернуться в тесноте, и отступал все дальше от входа, пока Фиамма не убедилась, что его нельзя разглядеть из внутренности большой пещеры. Тогда она кивнула ему головой на прощание и поспешно углубилась в один из подземных ходов на противоположной стороне пещеры. Альфонсо невольно подался вперед, чтобы проводить взором последний отблеск факела, после чего воцарилась непроглядная тьма и такое ненарушимое безмолвие, как будто все звуки замерли навек.

Предоставленный своим думам, рыцарь снова принялся размышлять о событиях в мире живых, причем забыл на некоторое время свое положение и сопряженные с ним опасности. Наконец, внезапно опомнившись, он испугался и был готов счесть окружающее нелепым сном. Но гнет могильных стен убедил его, что это — страшная действительность, сулившая ему мало хорошего.

Отсутствие Фиаммы продолжалось уже довольно долго, и, так как она все еще мешкала прийти, мучительные предчувствия и опасения стали томить иоаннита. Вошедшее в пословицу коварство Борджиа, жестокое мщение, которому они подвергали своих врагов, навели его на мысль, что его обрекли ужасной участи быть заживо погребенным в этом неизмеримом лабиринте. Несколько секунд несчастный не решался потянуть за шнурок, боясь, что тот, пожалуй, отвязан от кола у входа в подземелье; а в таком случае едва ли было возможно найти выход оттуда, и оставалось только погибнуть от голода и отчаяния. Однако томительная тоска неведения была ужаснее всякой уверенности, и Альфонсо поспешил разрешить свои сомнения. Потянув за шнурок, он убедился, что его страх напрасен, а в этот же момент показался свет в галерее, где он не ожидал его увидеть, и эхо шепчущих голосов донеслось до него по гулким стенам раньше, чем разговаривавшие появились перед ним.

Впереди выступал человек в плаще и в маске, в надвинутой на глаза широкополой шляпе с пером. За ним следовал другой, в форме испанского солдата, на лицо которого свешивались длинные спутанные волосы, вылезавшие из-под шлема. Третий нес в руках факел, чтобы светить им. Судя по сгорбленной фигуре и медленной походке, то был старик преклонных лет, но под черной одеждой кающегося монаха его решительно нельзя было рассмотреть. Монах опирался на длинный черный посох, искусно украшенный фигурами и звездами, и нес на своей сгорбленной спине красный мешок, вероятно, скрывавший в себе какие-нибудь орудия его искусства.

— Священный воздух кажется мне удивительно мозглым, дон Савватий, между тем ему следовало быть сухим и теплым, так как мы спустились чуть не в самое пекло, — произнес мужчина, шедший впереди, и по его веселому голосу в нем было нетрудно узнать Цезаря Борджиа! — Как глубоко надо еще нам спуститься, чтобы злые духи услыхали наш зов?

— Настоящее место удобно для этого. Мы можем начертить достаточно широкий круг, — ответил колдун, голос которого хотя был старчески слаб и хрипл, но казался иоанниту знакомым. — Однако мне нужна помощь, и я хочу пригласить двух своих товарок по ремеслу. Мы всегда оказываем друг другу взаимные одолжения.

Савватий отошел в сторону, вытащил острый нож из своего узла, царапнул им себе руку, спустился в отдаленную подземную галерею, брызгая по дороге кровью, и стал громко произносить странные слова скороговоркой, точно призывая кого-то издалека. Ему нестройно откликалось многократное эхо. Вдруг послышался шум вихря, и, когда он усилился, две сухопарые старухи спустились в галерею и вошли в пещеру, крича:

— Мы илем!.. идем!

— Прекрати свое бормотание святым угодникам, Мигуэлото, иначе ты помешаешь колдовству! — с нетерпением сказал Цезарь. — Разве ты не видишь? Ведь это твои старинные приятельницы, ведьмы из гетто.

Колдуньи приветствовали герцога фантастическим поклоном, указали своими костлявыми пальцами на дрожащего каталонца и дружно расхохотались.

- Ну, да, черти не пугают вас, ведьмы, потому что вы день и ночь находитесь в их компании, сердито огрызгулся Мигуэлото, но, вам не следовало бы смеяться вскоре после того, как ваша внучка навлекла опасность на всех нас своей безумной выходкой.
- Молчи, дурачок! Матери были в не меньшей опасности, но монашеский рыцарь, вмешавшийся в дело, пожалуй, имел причину раскаяться в том про себя, мрачно заметил Цезарь. Ну, дон Савватий, так как твои сестры по колдовству налицо, что же ты мешкаешь и смотришь на меня?
- Я хотел бы в точности знать вашу волю. Ведь до сих пор вы лишь смутно намекали мне на свои желания, спокойно и самоуверенно ответил чародей.
- Я убедился, что тебе дана власть вызывать мертвецов. Разве не показал ты мне в волшебном зеркале Карла Великого? сказал Цезарь после краткого, несвойственного ему колебания. Но теперь ты должен вызвать мне духа, который, пожалуй, не требует столь сильного колдовства, потому что, вероятно, еще блуждает между этим миром и тем, куда возвращается все существующее, или

Вечностью, как возвещает нам духовенство. Как бы то ни было, я хочу узнать от него, что ему нужно, чтобы он успокоился и не заслонял мне больше солнца, не становился на каждом шагу поперек моей дороги.

— Какого же духа должен я вызвать? — спросил колдун.

— Очерчивай свои волшебные круги и произноси заклинания, тогда я тебе скажу, кого мне надо видеть, — ответил Цезарь.

Чародей схватил свой посох и начертал им в воздухе какие-то таинственные знаки на три стороны пещеры, в то же время бормоча слова на неведомом языке. Потом он отбросил от себя посох, который извивался и шипел перед глазами испуганных зрителей наподобие огненного змея. После этого, выступив вперед, колдун начертал три магических круга, центром которых служил упавший жезл, и велел своим помощницам нагрести песка к магическим кругам бывшими у них медными лопатками. Те принялись за дело, произнося вслед за ним какие-то еврейские слова, и кричали во все горло, хлопая в ладоши: "Учитель Каббалы, учитель!" Затем чародей выкопал много обломков костей и черепов и обложил ими третий круг.

— Теперь скажи, сын мой: был ли вызываемый нами дух насильственно изгнан из его тела, а если так, то где и когда это свершилось? — спросил колдун герцога и стал продолжать свою работу.

Цезарь, словно томимый усталостью, опустился наземь и, роя песок и пропуская его между пальцев, промолвил:

- Зачем это нужно знать?

- Магический круг должен быть огражден от ярости духа. Если же круг не окажет ему сопротивления, то спрашивающий рискует быть растерзанным в куски или взорванным на воздух адским огнем...
- Насильственная смерть? Ну, да, действительно, так было, но эти добрые женщины могут сказать, почему пал герцог Джиованни Гандийский.
- Он обесчестил чистую кровь нашего отца, чистую со времен Эноха, ответила Нотта, отбрасывая назад свои спутанные черные волосы и поднимая взор от своей работы.

Ее сестра, седая Морта, также приостановилась в своем занятии и прибавила с горьким смехом:

- Но она была так прекрасна, Нотта!

— Но за что был он убит? — спросил Савватий. — Ведь не ты же, благородный синьор, нанес удар в отмщение за кровь Эноха?

- Я не предназначен к тому, чтобы быть младшим братом, ответил Цезарь. Свет Джиованни был моею тенью. Но ведь ты давно слыхал эти истории.
- А не было тут другой причины, другого греховного пятна на душе твоего брата, которым мы могли бы воспользоваться, как чарами против злобы духа?

- Да, ответил Мигуэлото, с возраставшим волнением следивший за приготовлениями к колдовству, я дал склонить себя к убийству герцога Гандийского, так как мой господин уверял, что смерть его брата послужит тому наказанием за преступную страсть к донне Лукреции.
- Молчи, глупец! остановил его Цезарь. Теперь не время для этого лживого бормотанья! Эти россказни были отголоском моего шепота, и если бы душа Джиованни не имела на себе иного пятна, кроме этого приписанного ему блаженства, то она действительно была бы недоступна власти вашего колдовства. Как вы полагаете? Ведь это Лукреция убила его, а не я, когда она рискнула пожаловаться на брата за мимолетное безумие одной минуты, после чего надменный мальчик пригрозил мне своим мщением.

Глаза чародея страшно засверкали в прорезах его черного капюшона, и он снова принядся за свою работу, бормоча:

— Мы должны трижды производить колдовство, потому что обиженные одарены властью, о какой и не снилось обидчикам.

Ни единое слово этой неожиданной исповеди Цезаря не усколь-

знуло от напряженного слуха иоаннита.

Пока ведьмы нагребали новый вал по краям магических кругов, колдун поставил в первый круг низкий треножник, поместил на нем медную сковороду и развел под ним огонь. После этого он взял часть трав, принесенных ему еврейками, и прибавил к ним других из своего мешка, чтобы составить курение. Цезарь как будто занимался некоторое время разглядыванием скульптурных украшений и надписей в этой подземной часовне, а затем произнес:

- Твои духи подобны женщинам, которые являются непрошеными и не приходят, когда их зовут.
- Дух может иметь власть противиться моим чарам, ответил колдун. До сих пор я еще не произносил своих заклинаний, но время близится к тому. Сестры, садитесь в первый круг и повторяйте за мною имена. Но с какой стати дрожит этот воин? Дух явится только своему убийце вот и все. Перестань творить молитву, иначе все мы попадем во власть злых духов, предостерег Савватий бледного Мигуэлото, щелкавшего от страха зубами. Ступай в круг, если хочешь быть невредим, и не бойся, пока не наступит твой час. Герцог Цезарь, войди во второй круг!

Мигуэлото машинально повиновался приказанию чародея, а Цезарь, смело выступив вперед, прыгнул в круг и, скрестив руки, остановился там с решительным или, скорее, скептическим видом.

Чародей вошел тогда в крайний круг, опустился на колена, вынул из-за пазухи восточную книгу, разрисованную волшебными знаками, схватил единственный принесенный им факел, сунул его в песок и потушил.

Пещеру теперь освещал лишь слабый свет, распространявшийся от огня под жаровней колдуна, от которой поднимался густой

благовонный дым. Альфонсо наблюдал за всем происходившим и под влиянием веры в силу колдовства, распространенной в те времена, чувствовал робость, которую может возбуждать ожидание пришельца из неведомого мира. Что касается Цезаря, то, несмотря на страх, естественно возбуждаемый своим преступлением, он с мужеством ожидал результата страшного опыта и лишь несколько раз бессознательно пробормотал:

— Пусть бы он принял любую форму, только бы не эта темнота!

Тогда я не стану ничего бояться!

— Тише, тише! Не мешайте сестрам слушать мою речь, — с досадой произнес колдун и продолжал чтение своей книги, понятное только ему и колдуньям.

Вскоре послышалось рокотанье, похожее на отдаленные раскаты грома и постепенно приближавшееся, а по песчаному полу и могилам в стенах пещеры забегали огненные иероглифы. Между тем чародей спокойно читал, не поднимая головы, а ведьмы продолжали петь, причем их голоса уподобились вскоре вою морских волн во время бури.

Вдруг жаровня с курениями вспыхнула и зашипела, точно в ней клокотали пестрые змеи, извивавшиеся в пламени. Пещера наполнилась одуряющим дымом, который вызвал странную истому даже у Альфонсо. Это ощущение продолжалось недолго, но вызвало мечтательное забытье. Вскоре Альфонсо показалось, что он видит легионы отвратительных призрачных фигур, мелькавших вдоль стен пещеры, рьявших в ней. Большинство этих призраков делали презрительные жесты или насмешливо ухмылялись, кивая на молчаливые человеческие фигуры, находившиеся в магических кругах.

- Все напрасно, тихо пробормотал Савватий. Духи пренебрегают вашими посулами, не хотят принимать ничего, кроме свежепролитой крови детей и юных дев, и не согласны отвечать. Ведьмы, заклинайте своего отца, жестокого старого чародея, чтобы он подал нам помощь, потому что он, наверно, находится между этими духами.
- Это неправда! закричала Морта. Эти духи не похожи на детей нашего племени, а твои соплеменники были всегда хуже чумы ненавистны нашему отцу.
- Прибавить мандрагоры! поспешно сказал Савватий. О, наша ворожба еще сильна. Пот с правой руки убийцы в пламя! Говори, Цезарь. Напомни им об ужасных деяниях, которыми ты заслужил их благоволение и помощь. Говори, иначе у меня недостанет власти удержать их или принудить к повиновению.
- Страданиями, пожирающими мою душу, невестою Христовой, взятой мною от Его алтаря, диким проклятием султана Зема, кровью своего брата заклинаю вас! воскликнул Цезарь и при виде постепенного исчезновения призрачных сонмов продолжал с возрастающей яростью: Ну, демоны и духи, слушайте меня! Ради

отвратительных клевет, возведенных мною на верховного главу, ненавистной мне церкви, велите явиться предо мною духу, которого

я требую.

Наступило жуткое безмолвие, а потом раздался общий крик, вырвавшийся у всех зрителей, не исключая колдуна, но, кроме Цезаря, стоявшего неподвижно, как статуя, когда из галереи над противоположной стеною пещеры показался тусклый, призрачный, синеватый свет и в нем слабый очерк доспехов, плаща и роскошного одеяния, обагренного кровью. Среди них были чуть заметны расплывчатые черты лица.

— Ангел или дьявол... кто бы ты ни был! — прохрипел Цезарь. — Да, да, это он, каким мы оставили его в склепе церкви Пресвятой Девы!.. Джиованни!.. брат!.. нет, я не хочу называть тебя братом, — продолжал он тоном безумца, бредящего в своей каморке. — Останься!.. говори, или моя душа разорвется среди этого молчания. Говори: оттого ли мучишь ты меня так жестоко, что был убит в смертном грехе, в объятиях женщины из проклятого племени? Разве твоя душа не может найти покоя и не в том ли состоит твое адское мучение, чтобы ты создавал мне ад на земле? О, говори, скажи мне: какое покаяние, какие молитвы, сколько бесчисленных обеден могут доставить мне прощение, а тебе загробный покой?

Наступило глубокое молчание.

— Цезарь! — послышался наконец тихий неземной голос, словно выходивший из глубины могилы, но звучавший кроткой скорбью.

— Я здесь! — безумно крикнул братоубийца.

- Сбрось это платье, в котором ты уподобился Каину, первому убийце, облекись снова в свое священническое одеяние, предоставь свою сестру каждому, кого изберет ее любовный каприз, хотя бы последнему из твоих слуг!.. Проводи свои дни в покаянии, молитве и богоугодных делах, в беспрерывном старании загладить и опровергнуть отвратительные клеветы, распространенные твоей испорченностью, тогда Небо еще может умилосердиться над тобою.
- Никогда! никогда! никогда, дьявол! Ты нарочно принимаешь этот дружеский облик, чтобы терзать меня! безумствовал Цезарь. Скажи мне, что, сделавшись повелителем Италии, я должен освободить Гроб Господен из рук неверных или погибнуть в этой борьбе, и одарят Божие храмы, чтобы в них совершались моления за твою душу, отошедшую не в мире. Да, сделай самое худшее, что ты можешь, уничтожь меня, я все-таки стану противиться тебе. Мальчик, ты был так любим и так прекрасен! Да, хоть ты и дух, я также хочу помучить тебя. Удались в свой могильный мрак, когда венец первого Цезаря будет возложен на меня, когда Лукреция, как императрица, в величии своей красоты воссядет со мною на трон, когда весь свет из любви или страха, мне все равно, воскликнет: "Хорошо сделано! Хорошо сделано!"

Но, едва он произнес эти слова, видение исчезло во мраке, испустив протяжный и скорбный вопль, звучавший как прощание со всякой надеждой.

Тусклый багровый свет в жаровне, померкший при неземном сиянии, показался теперь снова, и Альфонсо, остававшийся в полубеспамятстве, почувствовал, что наступило продолжительное молчание.

- Дон Савватий, заговорил наконец Цезарь удивительно твердым голосом, дай-ка нам свет! Это странное мороченье. Слышал ли ты, что говорил красиво наряженный дьявол?
- Цезарь, послушай меня, прохрипел чародей, ты видел настоящего духа. Мое колдовство не могло вызвать его. То был дух с небес, хотевший напомнить тебе о раскаянии, и я умоляю тебя: покайся и спаси свою душу от палящего огня, который пожрет ее.
- Ты подаешь мне добрый совет! с диким хохотом воскликнул герцог. Раскаяние! Постричься в монахи? не так ли? Бормотать обедни и толкнуть Лукрецию в объятия первого встречного нищего, который приглянется ей, пожалуй, сумасбродного молодого англичанина или бесчувственного шпиона из Феррары? Вздор! Разве ты забыл, что сам же показывал мне потомство Лукреции в виде венценосцев и с крестами, перед которыми меркли короны цезарей?
 - Помню, простонал чародей.
- Ну, значит, ты получил мой ответ, задыхаясь, произнес Цезарь. Но дай мне испытать еще раз силу твоего столь могущественного искусства. Прикажи своим духам показать мне образ мужчины, которого Лукреция любит или должна любить, чтобы мы, повинуясь воле духов, не ошиблись в ее женихе.
- Это напрасно! Злые духи утомлены и не захотят больше повиноваться моей ворожбе, ответил Савватий, медленно выпрямляясь и осмотревшись вокруг с нервным содроганием.

Иоаннит впервые заметил удивительную перемену в голосе колдуна; этот голос стал теперь сильным, печальным, благозвучным и поразительно напоминал голос отца Бруно.

- Я говорю тебе, что они согласятся! Произнеси слова заклинания! с безумной торопливостью настаивал Цезарь. Спроси только, не иоаннитский ли это рыцарь. Но нет, этого не может быть! Разве не пыталась Лукреция отравить его в день турнира?
- Нет, я могу доказать тебе противное! воскликнул Савватий. Я сам приготовил напиток для одного соперника, хотевшего навлечь на него позор в тот злополучный день. Но не принуждай меня! Раздраженные духи послушаются только тех слов, которые поколеблют гору над нашими головами.
- Поколебай весь мир, если желаешь, только удовлетвори меня!
 воскликнул Цезарь.
- Хорошо, я сделаю, что могу, но, думаю, духи не послушаются, и Савватий начал произносить свои заклинания, но слабым голосом и с видимой неохотой.

Альфонсо находился в не менее мучительном беспокойстве, чем герцог. В своем нетерпении, забыв всякую осторожность, он вышел из своего убежища, чтобы посмотреть, что будет. Хотя в пещере было совершенно темно и пламя под жаровней отбрасывало лишь небольшой круг света, в котором виднелась согбенная фигура колдуна да горели в багровом отблеске край одежды Цезаря и кончик его султана из перьев, однако на беду огонь внезапно вспыхнул и отбросил яркий отблеск на иоаннита. Еврейки, в страхе отвернувшиеся от призрака, пронзительно вскрикнули, а Цезарь и чародей в испуге оглянулись назад и на одно мгновение ясно увидели Альфонсо, прежде чем он успел спрятаться. Рыцарь вспоминал потом, что Цезарь кивнул ему с удовольствием и насмешкой, как будто узнал его, а Савватий, застонав от страха, рухнул наземь без чувств.

Иоаннит напряженно прислушивался с минуту, убедился, что испуганные зрители приняли его за привидение, а затем увидел, что Цезарь вступил в круг колдуна и приподнял его, но с возгласом,

скорее отзывавшимся презрением, чем жалостью.

— Мигуэлото, — сказал он вдруг под влиянием какой-то новой мысли, мелькнувшей у него в голове, — ведь мы почти не видали сегодня ночью лица дона Савватия. Я хочу хорошенько рассмотреть его. — С этими словами он разрезал кинжалом пояс монашеской рясы, откинул капюшон и внезапно воскликнул: — Бруно!

От изумления все точно окаменели.

Наконец Цезарь разразился диким хохотом и, хватая каталонца за грудь, крикнул:

- Мигуэлото, тешится ли над нами нечистый, или ты изменник?
- Это несомненно монах Бруно Ланфранки, но я не знаю, каким чудом ускользнул он из крепости Ангела, — ответил Мигуэлото.
- Мы узнаем это, когда увидим, каким образом он туда вернется, задумчиво промолвил Цезарь, но ведь монах давно уже слыл чародеем! У меня порой мелькало подозрение относительно его, и теперь мне припомнилось все это. Смотрите, не смейте проговориться, что я видел его. Загаси огонь, Мигуэлото. Обманщик должен вывести нас из этого лабиринта, иначе нам пришлось бы долго ждать другого проводника.

Сильные подергивания членов колдуна доказывали, что он очнулся от беспамятства. Цезарь опрокинул жаровню, так что последнее мерцание света угасло, а потом поднял дона Савватия с земли. После кратких переговоров тот принялся шарить впотьмах, отыскивая свои книги и принадлежности чародейства, а затем, собрав их, принял на себя роль путеводителя, и вся достойная компания последовала за ним по пятам.

Когда гул их шагов совершенно замер вдалеке, Альфонсо опомнился, собрался с мыслями и стал думать о собственном положении.

Итак, Лукреция невиновна ни в одном из возведенных на нее преступлений! С минуту все душевные силы Альфонсо были поглащены этим блаженным сознанием. Но тотчас у него мелькнула мысль, что ведь Лукреция — возлюбленная Реджинальда, и это мгновенно отогнало весь поток блаженных чувств. Однако затем ему вспомнились прежняя любовь Лукреции к нему и блестящие обещания, связанные с его браком с ней. Он кинулся вон из своего убежища, точно в надежде, что еще не поздно вырвать Лукрецию из объятий его соперника, избавить от неслыханного позора, и, лишь спустившись на пол подземной часовни, спохватился, что забыл о шелковом клубке. Он потерял его, поспешно прячась от взоров чародея.

Вне себя от испуга Альфонсо поспешно поднялся опять в опустошенный склеп над входом и стал тщательно шарить в потемках по всем углам, но все поиски были напрасны. Наконец ему пришло в голову, что клубок упал в пещеру, и он долго отыскивал его там, бродя ощупью во мраке. Вспомнив о жаровне, он с трудом добрался до места, где происходила ворожба, но Цезарь так основательно за-

тушил огонь, что в золе не нашлось даже искры.

После этой новой неудачи Альфонсо пытался уверить себя, что сумеет без труда найти дорогу, по которой пришел сюда, и пошел, как ему казалось, по прямому направлению вперед, но подземная галерея внезапно сузилась до размеров трещины, в которой можно было подвигаться дальше, лишь с усилием протискиваясь между стен, а этого, насколько помнил Альфонсо, не встречалось ему по пути в пещеру. Все тревоги стушевались теперь перед убийственной мыслью, что он, пожалуй, безвозвратно погиб в этом темном лабиринте. Вернувшись назад, он принялся громко взывать о помощи, но только страшное эхо отзывалось на его зов в этом городе мертвых.

Альфонсо по-прежнему находился в широком пространстве, и хотя не мог различить в густом мраке ни одного предмета, однако у него блеснула мысль, что если бы найти ощупью вход, приведший его в пещеру, то было бы нетрудно отыскать и клубок, который, конечно, откатился недалеко от того места. Он совсем не отдавал себе отчета в том, сколько времени провел он в этих поисках, но убедился, что попал в одну из длинных подземных галерей. Тут сму припомнилось, что Бембо читал в одной старинной книге, будто бы эти ходы прстираются до самой Остии и до такой степени перепутываются под землей, что едва ли возможно напасть в них на настоящую дорогу.

В приливе отчаяния Альфонсо схватился за свой кинжал, желая убедиться, что у него осталось еще средство избегнуть страшной участи, на которую он был обречен в этом лабиринте. Однако минуту спустя он ободрился и стал пробираться наудачу вперед, рассчитывая, что если идти все прямо, то перед ним должен открыться выход из подземелья. Эта надежда подкреплялась еще тем, что подземная галерея заметно шла кверху, как будто обещая вывести

заблудившегося на поверхность земли. Но вдруг он наткнулся на скалу, совершенно преградившую ему путь.

Несколько мгновений Альфонсо старался уверить себя, что все виленное и слышанное им было только сном: он даже громко рассмеялся при мысли, что мог пойти на полобный риск, положившись на сомнительные уверения Фиаммы, возлюбленной Цезаря Борджиа, и убедил себя, что сам вложил в уста призрака Цезаря подозрение. давно таившееся у него в душе. Страшный пришелец из неведомого мира, принявший облик несчастного герцога Гандийского, конечно. также мог быть лишь порождением фантазии. Превращение колдуна в монаха, отца Бруно, являлось, несомненно, плодом сонной грезы, так же как и необъяснимое исчезновение Фиаммы с арены действия, где она играла важную роль, и все подробности ворожбы, появление ведьм в бурном вихре, демоны и ухмыляющиеся призраки. Однако вскоре мысль о сне отпала, и Альфонсо пришел в сознание действительности окружавших его ужасов. Телесные и духовные силы покинули иоаннита при этом открытии; мысли вихрем кружились у него в голове, сердце стучало, как молот, пот крупными каплями выступил на лбу, и он, шатаясь, удалился на несколько шагов от каменной стены. Сделав отчаянное усилие воли, он оправился от слабости и попытался продолжать свой путь назад, как вдруг его заставили остановиться оглушительный треск и грохот посыпавшихся кругом каменных обломков и песка. Земля словно опустилась под ним, и, потеряв сознание, он в глубоком обмороке упал на каменистый грунт.

Альфонсо не отдавал себе отчета, сколько времени пролежал он таким образом, но наконец внезапно очнулся с онемевшими членами, томимый жгучей жаждой. Его язык и горло были покрыты густым налетом пыли, и он не сразу опомнился, после чего с трудом поднялся и растерянно уставился взором в темноту. Сначала ему померещилось, будто он смертельно ранен на поединке с Лебофором и делает последнее усилие, чтобы вырвать Лукрецию из объятий соперника, но, когда действительность предстала перед ним в смутных образах, он снова лег на землю, стараясь успокоить себя мыслью, что его по-прежнему преследует страшный сон. Обломки камней, на которых он лежал, и отвратительное зловоние, доносившееся издали, помешало ему забыться; когда же сознание окончательно вернулось к рыцарю, он чуть не сошел с ума.

Однако врожденное мужество и чувство самосохранения оживили его угасавшие силы. Вдобавок у него мелькнула спасительная мыслы: ему ясно представился обидный контраст между его положением и положением Реджинальда. Тогда как ему угрожала жестокая участь безвестно погибнуть под землей, его соперник упивался радостью и торжеством. Безумная жажда мести вернула силы Альфонсо, и он стал усердно подвигаться ощупью вперед, чтобы найти обратный путь. Вдруг он наткнулся на неожиданное препятствие в виде груды

камней, которые осыпались под его руками. Он припомнил оглушительный грохот подземного обвала, предшествовавший его обмороку, и еще не изведанный ужас овладел им при мысли, что обрушившиеся позади него скалы навсегда преградили ему выход. Каждое усилие, которое он делал, подтверждало эту догадку. Тогда Альфонсо крикнул так громко, что его голос, казалось, должен был проникнуть сквозь расщелины скал и дойти до чьего-либо слуха. Однако никто не откликнулся. Тогда Альфонсо, немного помолчав, снова повторил свой зов, а затем стал горячо молиться, чтобы Провидение умилосердилось над ним или поразило его мгновенно смертью. Увы, лишь глухое эхо отзывалось ему в вышине.

Тут Альфонсо вспомнил, что ведь некоторые пещеры были очень высоки, а в подземных галереях зияли трещины, и у него мелькнула надежда выбраться из темной западни. Он поднял руки и, котя не нащупал ими свода над своей головой, все же выпрямился, прижимаясь к тесным стенам. Вдруг, вне себя от восторга, он почувствовал, что трещина, в которой он пробирался, постепенно расширялась, и наконец его могучая грудь могла свободно вздохнуть. Он стал подниматься дальше, упираясь спиною и ногами в стены, и через несколько мгновений его нога нащупала острые края пещеры. С невыразимым восхищением он спрыгнул в открытое пространство.

Отдохнув, Альфонсо стал ощупью пробираться в потемках, все еще сознавая, что у него нет иной надежды, как высмотреть какойнибудь выход. Рискуя всевозможными опасностями, он шел вперед, понимая, что каждый шаг может привести его к гибели, и с трудом переводил дух в спертом воздухе подземелья. Но он преодолевал изнеможение и страх, спеша дальше, пока наконец, измученный усталостью и отчаянием, остановился на минуту.

Тут внезапно до его слуха донесся собачий лай.

В приливе сил Альфонсо кинулся вперед, по возможности в том направлении, откуда слышались эти звуки; к счастью, собака продолжала лаять, точно почуяв приближение чужого человека. Спустя немного времени Альфонсо заметил слабый свет, выходивший из низкого, но широкого отверстия. В некотором отдалении показались глыбы скал, облитые багровым отблеском, и, очевидно, собачий лай доносился с той стороны. Идя дальше, иоаннит убедился, что находится в пещере; последняя становилась все ниже и ниже и наконец превратилась в извилистую расщелину в скале, откуда виднелся свет. Альфонсо пришлось ползти в этой трещине на руках и коленах до края обрыва, и здесь перед ним открылась пещера внизу, где расположились группами спящие мужчины, тогда как собака, потеряв надежду разбудить их своим лаем, с ворчаньем смотрела кверху. Альфонсо только что хотел позвать на помощь, как, на его счастье, один из прятавшихся здесь людей поднял голову и крикнул: "Куш, бестия!" То был злобный голос бандита Джиованни из катакомб.

Альфонсо понял, что ему нечего ждать добра от этих разбойников. Все эти люди, теперь мирно спавшие в подземелье, были вооружены самострелами, кинжалами и стальными или кожаными щитами.

Конечно, было опасно отдаться в руки этих бандитов, и Альфонсо решил выждать их удаления, рассчитывая, что они поднимутся рано, чтобы отправиться на свой промысел. Он убедился, что ему не составит труда спуститься в пещеру, так как камни в стенах из песчаника образовали естественные уступы, а разбойники, несомненно, имели легкий доступ в свое укромное убежище.

Успокоенный этой надеждой, Альфонсо прилег, стараясь собраться с силами. Однако назойливые воспоминания не давали ему забыться сном, а все передуманное и выстраданное им в эту ужасную ночь носилось перед его глазами в живых образах. Но все телесные страдания, вынесенные им, казались ничтожными сравнительно с душевной мукой, терзавшей его при мысли о преграде, возникшей между его любовью к Лукреции и ею самой. В его ушах все еще звучало сознание Цезаря в преступной страсти к сестре, а при этом воображение, подстрекаемое ревностью, рисовало ему сцены сладострастного торжества его юного соперника — Лебофора, и, видя перед собой, точно наяву, все прелести Лукреции, он чувствовал прилив ненависти и жажду мщения англичанину.

Однако силы Альфонсо были до такой степени истощены, что он постепенно погрузился в сон, смущаемый странными грезами, не имевшими, однако, близкой связи с его недавними страданиями. В заключение ему померещилось, будто его душа заключена в мраморную статую, лишенную способности двигаться, и навсегда обречена оставаться в этом состоянии; когда же он наконец избавился от этого оцепенения и с трудом перевел дух, то заглянул во сне в какую-то пропасть, где Лукреция с Реджинальдом покоились на дерновой скамье, окруженной розовыми кустами, причем красавица прижималась румяной шекой к плечу рыцаря.

Наконец он проснулся и услыхал голос разбойника Джиованни, по-видимому, рассказывавшего о странном лае своей собаки в ноч-

ную пору.

— Цербер не должен ходить сегодня со мною, — сказал он. — Кажется, мой пес почуял целую стаю крыс. Меня нисколько не удивило бы, если бы они спустились со скал целыми сотнями; ведь Бог весть что скрывается в этой зияющей пасти. Я спущу собаку с цепи и принесу ей на ужин бычье сердце.

Разбойник говорил это единственному товарищу, оставшемуся в пещере; последний точил кинжал о свои кожаные сандалии и утвердительно кивал головой, не поднимая взора от своей работы. Альфонсо решил выждать ухода бандитов; те действительно вскоре покинули пещеру. Но собака, по-видимому, осталась недовольна этим и попыталась последовать за своим суровым хозянном; однако последний гнал ее прочь и наконец проводил назад пинками. Животное

покорилось нехотя и долго с тоской смотрело ему вслед, пока бандит удалялся по песчаной тропинке, вероятно, ведшей из подземелья на широкий простор, а затем принялось уныло лизать себе лапы, чутко прислушиваясь по временам, точно до него все еще доносился отдаленный шум шагов.

Альфонсо полагался на тонкий слух собаки и, лишь когда она безнадежно свернулась калачиком, рискнул спуститься в пещеру. При его первом движении Цербер насторожился, а ёдва рыцарь стал выползать из трещены скалы, разразился злобным лаем и подпрыгнул так высоко, что Альфонсо понял опасность, грозившую ему от этого нового противника. После неудачного прыжка собака стала карабкаться на выступы скалы, и Альфонсо, считая опасным ее нападение в узком пространстве, выполз из расщелины с обнаженным кинжалом. Цербер, достигший подножия обрыва, подпрыгнул до него, но тотчас покатился наземь мертвым с кинжалом в горле.

Теперь предприятие Альфонсо уже не было сопряжено с большими затруднениями. Подземная галерея, служившая выходом из пещеры, была пряма и заканчивалась углублением в почве, так густо заросшим терновником и другими кустами, что только знавшие эту лазейку могли найти дорогу в подземелье в их запутанной чаще. За ней простиралась открытая равнина. Альфонсо наконец выбрался на простор.

VII

Когда миновала та страшная ночь, первый слабый отблеск рассвета, проникнув в комнату пыток в крепости святого Ангела, осветил бледное со свинцовым оттенком лицо Цезаря Борджиа, искаженное гневом. Он вел жаркий спор с Фиаммой Колонна. Та, сидя на крестообразном приборе для пыток, спокойно опровергала его подозрение, по-видимому, приведшее герцога сюда в такую пору, и положительно отрицала, что суеверный Мигуэлото разрешил монаху Бруно выходить из его тюрьмы когда ему вздумается.

— Да я видел его своими глазами! — воскликнул Цезарь, с досадой перебивая ее. — Я проследил за тем, когда он возвращался в крепость, и хочу знать, кто дал ему возможность выйти отсюда, так как, по твоим же словам, Мигуэлото отрицает всякое свое участие в этом деле. Я хочу знать это, иначе орудие пытки, на котором ты сидишь, не в первый раз будет пущено в дело.

Взглянув с презрительной усмешкой на ужасный прибор, Фиамма равнодушно ответила:

- Неужели только телесные мучения покоряют людей?
- А ты представляещься, будто твои женские нервы не содрогаются перед этим испытанием?
- Я ношу в самой себе пытку, которая несравнима ни с какими вещами, вызывающими страх и мучение, ответила Фиамма как

раз в ту минуту, когда в комнату входил Мигуэлото со своим узником Бруно.

- Простите, батюшка, что я потревожил вас до петухов, серьезно промолвил герцог. Я не могу сомневаться, что нарушил ваш сон, не так ли, Мигуэлото?
- Я застал святого отца на молитве, почтительно ответил каталонец.
- Я ненадолго отвлеку вас от нее, если на мои прямые вопросы последуют столь же прямые ответы, продолжал Цезарь. Скажите мне, ведь вы тот монах, которого я видел во время своего учения у Савонаролы, когда дожидался аудиенции в приемной Пистро Медичи?
- Да, и именно мне вы сказали: "Когда я сделаюсь римским императором, то помогу вам довести церковь до истинно апостольской бедности и подчинения, о каких только вы можете мечтать", ответил доминиканец.
 - Значит, вам еще памятна та мальчишеская болтовня?
 - Да ведь и вы сами, думается мне, не забыли о ней.
- Нет, не забыл, согласился Цезарь, и время исполнения моего обещания, пожалуй, ближе, чем полагают многие из нас. А кого могло бы избрать Небо, более достойного для подобного дела, как не вас, своего святого и мученика? Вдобавок мне известно, что вам я обязан неоцененной милостью. Вы сняли с вашего духовного сына, дона Савватия, проклятие, наложенное на него, и позволили ему помочь мне в одном деле, весьма близком моему сердцу.
- Нет, я позволил ему помочь вам в одном деле, весьма близком моему сердцу, в котором вы играете роль избранного, хотя и слепого орудия, спокойно ответил монах. Я не надеялся так скоро улучить удобный момент, но когда был призван к тому, то молился, чтобы мне поскорее избавиться от всяких плотских уз и приступить наконец к заранее предназначенной работе. Я позволил дону Савватию ослепить вас обманчивым явлением духов в катакомбах, а теперь вы должны узнать, что жалобному замогильному голосу вашей жертвы подражала ваша сестра Лукреция.
- Монах, ты, кажется, бредишь! воскликнула Фиамма тоном предостережения и угрозы.
- Нет, это правда! воскликнул Бруно. Да, герцог, Лукреция Борджиа была свидетельницей вашей исповеди, вызванной у вас вашим собственным сознанием вины и хитростью заклинателя. Отныне вы во власти Лукреции, и так как вы не смеете погубить любимого ею человека, а злой дух, преследующий вас, не дозволяет вам вредить ей самой, то в вашем распоряжении остается единственное средство: вы должны разрушить ту силу, вследствие которой Лукреция грозна для вас... да, да, вы должны свергнуть с папского престола своего отца, Родериго Борджиа.

- Монах!.. дьявол!.. должно быть, я вижу сон! задыхаясь, произнес Цезарь и откинул со лба влажные волосы. Судьба изменяет мне. Возможно ли, что маг Савватий на самом деле только низкий шпион, подкупленный на предательство?
- Нет, возразил доминиканец, он лишь существо, действия которого заранее предопределены роком и кто сам, мороча тебя ворожбою, получил ясное указание свыше, когда, вызвав призрак иоаннитского рыцаря, убедился, что его догадка была основательна и что Лукреция любит этого посланника из Феррары.
- Однако ты великолепно осведомлен обо всем! воскликнул Цезарь, чувствуя холодный пот на лбу и нервную дрожь. Если это правда, то у тебя были сообщники среди нас. Уж не колдун ли и ты? Не сам ли Савватий? Да, да, я знаю это! Ведь я видел твое проклятое лицо, когда ты от трусости упал в обморок в катакомбах.
- В таком случае ты напрасно утруждал себя расспросами, спокойно ответил монах.
- Откуда эта отвага? с яростью воскликнул герцог. С небес или из преисподней? Признайся, кем ты приставлен так упорно играть эту странную роль, после того как тебе удалось разжечь огонь в моей душе своими привидениями и пророчествами? Сознайся, или я сумею принудить тебя к тому.
- Тащи сюда орудия мученья, пробуй пытки, раскаленное железо, кипящее масло, расплавленный свинец или все вместе, ты не можешь причинить мне боль, ответил Бруно. Теперь я спокоен. Я слышал голос, и теперь наградою мне служит уверенность, что Лукреция не может совершить грех и что ваше адское отродье должно отныне стремиться к собственному уничтожению. Моя смерть уже не в вашей власти.
- Ты годишься на то, чтобы содействовать моим планам, и если бы наступила пора... воскликнул Цезарь. Впрочем, я не подвергну тебя пытке, если ты сознаешься, какими средствами располагаешь для того, чтобы уходить их этого укрепленного замка, и каким образом совершил ты невозможное, о котором ведешь свои безумные речи?
- Я тверд, как мрамор, и перенесу все мучения, но не отвечу тебе, Борджиа.
- Цезарь, сказала Фиамма, удивленная опасными признаниями доминиканца, ты мог убедиться сам, что монах располагает чудесными силами, и не все ли равно, исходят ли они от ангелов или от злых духов.
- Но именно ангел на моих глазах отворил ему потайной вход в могилу Адриана и даже имел твой облик, промолвил Цезарь, внезапно хватая молодую женщину за руку и устремив на нее пристальный взор. И ты, ты предала меня! продолжал он, с гневом отбросив ее руку. Теперь я прозреваю все. Твой друг и союзник, посланник из Феррары, не был призраком. Он также

находился в катакомбах, и по твоему наущению. Ты была замаскированным венецианцем, приходившим к нему. Однако я еще не совсем погиб, как вы все воображаете, и мною приняты меры даже против этой ловкой затеи предательства и неблагодарности.

— Предательства и неблагодарности? — подхватила Фиамма, вскочив с места и став перед Цезарем с видом ожесточенного упорства. — Чудовище! Ты не хочешь, чтобы рассеялся мрак, которым ты окутал имя своей сестры, и чтобы благородный посланник из Феррары увез ее, как невесту своего государя, от твоей пагубной близости. Да, я была венецианцем, которого выследили твои шпионы! Но что ты сам? Каин, братоубийца, обольститель, душегуб. Насыть на мне всю свою жестокость; я не боюсь ее; меня радует мысль, что по крайней мере твоя сестра предупреждена против нее и твои козни бессильны погубить ее.

Наступило долгое, жуткое молчание, причем Цезарь зорко всмат-

ривался в своих узников.

— Уведи их прочь, — приказал он наконец Мигуэлото, словно очнувшись ото сна. — Моя голова в огне, а так как они смеются над этими жалкими орудиями пыток, то надо придумать для них нечто другое. Долой их с моих глаз! Да, им придется прибегнуть к колдовству, если хоть один из них захочет вновь выйти живым из этих стен.

— Тогда прощай, — сказала Фиамма, ярость которой внезапно утихла. — Впрочем, нет, казнить меня следовало бы здесь; ведь гибель от твоей руки была бы справедливостью, способной принести отраду, искупление для меня. Убей меня здесь, Цезарь! Я могу умереть от твоей руки так же безропотно, как ягненок, который дает мяснику тащить себя на убой.

— Вот потому-то этого и не будет! — в бешенстве воскликнул

герцог. — Прочь их отсюда! В темницу под валами!

Мигуэлото поспешно повиновался и вернулся в смущении, дрожа всеми членами. Погруженный в глубокую задумчивость, Цезарь не скоро заметил его присутствие.

- Ваша светлость, неужели все пропало? заговорил наконец каталонец.
- Пропало? Что такое пропало? рассеянно воскликнул герцог. Лукреция знает лишь то, что она всегда подозревала, но не осмелится выдать меня папе. Вздор! Ничего не пропало, пока я остаюсь самим собой. Сестра будет держать этот секрет про запас, как колдовство, на защиту своего возлюбленного, как она полагает... устрашающее колдовство! Уж не воображаешь ли ты, что мы с тобой сидим в темницах Александра? О, нет!.. Говорю тебе, что все идет хорошо; я уже всех одолел, осуществил все свои планы, с внезапным одушевлением продолжал Борджиа. Не бойся союза с Феррарой он не состоится. А теперь мне нужно только одно доказательство для разбойников Орсини, чтобы принудить их доста-

вить мне тот рычаг, которым я хочу приподнять мир. И знаешь, кто должен послужить мне свидетелем? Поверенный Лукреции и правая рука Паоло — беспорочный английский рыцарь. Ты думаешь, что я брежу? Успокойся!..

— Вот если бы мы могли узнать от наших узников про все, что нам угрожает! — промолвил Мигуэлото, обводя взором сожаления

орудия пытки.

— Ты ошибаешься, — поспешно возразил Цезарь. — В их теперешнем безумии эти мучения бессильны над ними. Знаешь, даже сама злоба Фиаммы против меня вызывает во мне что-то непонятное, так что я не желал бы калечить и терзать ее прекрасные члены пыткой.

 Голод и жажда могли бы также сделать свое дело, не нанеся ей непоправимого вреда,
 снова начал Мигуэлото.
 Я убедился,

что жажда причиняет невыносимые мучения.

— Не отказывай Фиамме ни в чем, — серьезно промолвил Цезарь. — Мы должны действовать на дух, а не на тело. Ну, теперь принеси мне мой еврейский костюм и бороду и достань рыбачий челнок, который должен доставить меня в гетто, а сам оставайся тут и стереги хорошенько крепость Ангела. В худшем случае я могу вступить в союз с Орсини и разрушить все планы мщения.

Прошло несколько часов, и уже обнаружились первые плоды козней Цезаря, этого страшного гения коварства, который был принужден прибегнуть к крайним средствам, напрягая все свои силы. Лукреция лежала на кушетке в своей комнате, делая для вида распоряжения относительно праздника, назначенного ею на тот вечер, но часто забывая, с кем и о чем она говорит. Наконец ей доложили о приходе двух старух, смиренно умолявших об аудиенции. По словам дежурного, это были две еврейки из гетто, вероятно, желавшие принести жалобу на несправедливые притеснения, которым часто подвергались угнетенные евреи. Когда назвали их имена, Лукреция вздрогнула; подумав немного, она велела своей свите удалиться и приказала ввести просительниц.

Нотта и Морта предстали перед нею с низкими поклонами, но затаенное презрение в складках синих губ Нотты и ехидный блеск во взоре Морты встревожили Лукрецию. Взглянув со смешанным чувством отвращения и испуга на старух, преклонивших перед нею колена, она приказала им изложить свою просьбу. Они заговорили обе разом, но вскоре рассказом овладела Морта и, хотя пуганно и многоречиво, объяснила Лукреции, что римский сенатор Орсини потребовал их к себе на суд по обвинению в том, будто они, несмотря на преклонный возраст, посредством любовных напитков и ворожбы привлекали духов грешить с ними, невзирая на то, что за подобные преступления им грозит смертная казнь на костре.

Лукреция с невольным недоверием взглянула на евреек, однако Нотта таким тоном, который тотчас возбудил ее любопытство, вос-

кликнула:

— Правда, наш отец научил нас искусству приготовлять волшебные напитки, которые действуют так сильно, что преодолевают всякое равнодушие, всякую холодность и придают такое постоянство любви ветреных и легкомысленных людей, что она становится несокрушимой, как столбы в храме Соломона. Но взгляните на нас, прекраснейшая синьора: каждой из нас недостает немногого до сталет; мы видели три поколения людей от колыбели до могилы.

- Да, сестрица, но скажем правду, потому что существуют доказательства! — сказала Морта. — Высокая госпожа, ты видела наше дитя Мириам. Кто посмеет утверждать, что мы умертвили ее соблазнителя или посягнули на его жизнь, когда, чтобы образумить изменника и сделать его счастливым, мы дали ему выпить вина, которое возвратило вероломного к его первой любви и к позднему раскаянию?
- Ведьмы!.. дьяволы!.. это неправда! воскликнула Лукреция, и ее глаза сверкнули яростью. Или вы хотите утверждать, что извлекли его из могилы, куда он... Впрочем, я могу отчасти верить вашему искусству, так как слышала кое-что об этом. Не вы ли приготовили чары для дочери Колонна?

Колдуньи с удивлением переглянулись, но ответили утвердительно на этот пылкий вопрос.

- Если бы вы, синьора, не были слишком прекрасны для того, чтобы нуждаться в подобных средствах, то мужчина, над которым вы вздумали бы испытать силу моего волшебного напитка, был бы счастливейшим из сынов Адама, сказала Морта.
- Я слышала, вы владеете темным и страшным искусством, продолжала Лукреция, и было бы презабавно зажечь в некоторых колодных и переменчивых сердцах божественный пыл, вызвав восторги, над которыми можно похохотать, как в былые времена люди кохотали над прыжками хмельных рабов. Такое смешное зрелище могло бы разогнать грусть, напавшую на меня с некоторых пор. Я позабочусь о том, чтобы Орсини прекратил против вас обвинение; если же вы в состоянии приготовить мне эликсир такой замечательной силы, то я награжу вас так щедро, как неизлечимо больной король награждает врача, возвратившего ему жизнь и здоровье.
- Вы недостаточно цените наши знания! Любовный эликсир представляет собой лишь самую ничтожную из тайн, которыми мы владеем, сказала Нотта.
- У нас есть тайны, способные превратить в красавца самого черта, прибавила младшая колдунья, желая поддержать хвастовство сестры.
- В таком случае... начала было Лукреция, но тотчас запнулась.

Однако это не помешало Морте угадать окончание недоговоренной фразы, и она воскликнула:

— Но ведь мы не можем влить свежую силу в старые кости! Наш отец умер как раз в то время, когда был близок к тому, чтобы открыть эссенции, протекавшие в соках древа жизни.

Лукреция сидела некоторое время, погруженная в глубокую задумчивость, тогда как колдуньи внимательно наблюдали за нею; когда же она, внезапно вскинув взор, увидала злобный блеск во взоре Морты, то отшатнулась назад, и мрачное подозрение, казалось, овладело ее душой.

— Не расточай своего красноречия, — сказала она. — Я готова поверить в ваше искусство, но вы, сестры, должны хорошенько проверить, что составные части вашего волшебного напитка безвредны; я предварительно испробую его сама. И если меня постигнет беда, то придется плохо вам и всему вашему племени, да не только в Риме, но и во всем христианском мире, в чем вы, конечно, не можете сомневаться.

Морта на один миг впала в недоумение и нерешительность, а затем наконец воскликнула:

— Но ведь тогда вы сами испытаете страсть, которую хотите внушить, и, пожалуй, она не угаснет до гроба.

Этого я и желаю, — ответила Лукреция.

Ведьмы еще раз с удивлением переглянулись между собой, услыхав слова, совершенно несогласные с установившимся мнением о непостоянстве Лукреции. Однако Морта низко склонилась к мраморному полу и произнесла с восточным бесстрастием:

 Дети твоего народа рождены для господства, а дети моего племени — для повиновения.

VIII

Дамский суд происходил в большом зале дворца со всей подобающей пышностью и торжественностью. В приготовлениях к нему Лукреция, казалось, исчерпала все богатство своей блестящей фантазии. Был дивный вечер; музыка, звучавшая кругом из укромных уголков, будила сладкую грусть, а цветочные ароматы были подобраны так искусно, что от них веяло как будто нежностью прощания.

Красота Лукреции в глазах ее наиболее горячих поклонников еще никогда не блистала так ярко, как в тот вечер, и даже томность и легкая бледность, оттенявшие ее, только усиливали очарование. В отличие от прочих дам, избранных ею в число судей, она явилась в платье сицилийского покроя и в простом венке из мирт и яркокрасных водяных цветов.

Альфонсо первым из троих соперников получил доступ в зал вместе с влиятельными придворными и наблюдал поодаль, но без особенного интереса, за появлением прочих гостей. Однако, когда вошел Паоло Орсини со своими друзьями, иоаннит подался вперед и

заметил необычайную горячность и интимность в приветствии Лебофора, а также яркий румянец Лукреции, милостиво ответившей на его поклон. Зато, когда пред нею предстал сам Альфонсо, она побледнела, и ее взор печально и как бы с мольбою остановился на нем. Упрямая твердость, с какой он избегал встречаться с ее глазами, видимо, удивила молодую женщину, но вместе с тем помешала ему заметить злобный взгляд, брошенный на него Орсини из-за стула папы.

Лукреция оправилась с видимым усилием и тотчас объявила заседание суда открытым. Трое соперников получили приказ предстать перед своими прекрасными судьями на указанном им месте, и два герольда взяли с них клятву во имя рыцарской чести и подобающего почтения к дамам правдиво рассказать о своих подвигах на войне, где между ними происходило состязание из-за победного венца.

Паоло, как знатнейшему, предоставили говорить первому, причем ему подложили подушку из золотой парчи. Преклонив на ней колена, он начал говорить, но, вопреки установившемуся мнению о его красноречии, его доклад отличался сбивчивостью, вялостью; он сказал только, что проник в Капую вместе с Цезарем в передовом отряде участников штурма, но совершенно умолчал о храбрости, проявленной им при первом отчаянном приступе. Лебофор напомнил ему об этом, но Паоло заметил только вскользь, что лишь засвидетельствовал в данном случае доблесть и славу молодого англичанина.

— И вы называете это славой? — сказала Лукреция. — Такой прекрасный город превращен теперь в развалины! Но, так и быть, послушаем теперь рассказ рыцаря Реджинальда.

Альфонсо казалось, что красивый англичанин еще никогда не был очаровательнее, как в тот момент, когда он радостной и легкой походкой поспешил вперед и преклонил колена перед Лукрецией, как бы в порыве обожания. Однако, вероятно, для отвода глаз присутствующим, Лукреция обнаружила холодность и даже неудовольствие. Это как-то охладило кипучую радость рыцаря, и так как подробности похода были достаточно известны, то он возбудил всеобщее восхищение весьма скромным описанием своих подвигов и явным старанием выставить на вид отвагу Орсини. По его словам, хотя он и вступил в Капую первым, но в качестве пленника, тогда как Орсини вошел в осажденный город с мечом в руке.

— Вы забыли сообщить нам, что великодушно старались избавить от произвола грабителей прекрасную возлюбленную султана Зема, доставшуюся в подарок иоаннитскому рыцарю, — сказал Цезарь, незаметно появившийся на собрании.

Лукреция была поражена и устремила непроницаемый взор на Альфонсо. Единственным возражением на это обвинение со стороны иоаннита был откровенный рассказ о своих приключениях в Капуе. Как будто желая при этом снять с Цезаря всякое подозрение в нежных побуждениях к Фиамме, он подробно сообщил об усилиях и распоряжениях герцога погубить ее. Сам папа содрогнулся и с

удивлением посмотрел на сына, который, улыбаясь, поигрывал драгоценной рукоятью своего кинжала.

Что касается Лукреции, то она слушала Альфонсо с истинным сочувствием и, видимо, так увлеклась его рассказом, что даже не замечала, что он говорил стоя, скорее как король, возвещающий свою волю, чем как проситель, отстаивающий свое дело. Со своей стороны, Альфонсо, вопреки своему предубеждению к Лукреции, был невольно тронут ее слезами, подавленными вздохами, взорами, полными пылкого восхищения, волнением прекрасной груди, румянцем и бледностью, чередовавшимися на ее лице при волнующем рассказе, и у него внезапно возникла мысль, что ее прежняя склонность к нему воскресла вновь и горячая страсть вспыхнула с прежней силой.

Когда Альфонсо спокойно рассказал об освобождении Фиаммы и о своем почтительном обхождении с нею до момента ее бегства изпод его защиты, Цезарь разразился громким хохотом и спросил дам, неужели они верят подобной басне.

— Я верю этому, как собственному существованию, — с жаром ответила Лукреция и бросила на Цезаря взор, смутивший его. — Достойнейшие синьоры, — продолжала она, — я нисколько не желаю нарушать права вашей мудрости, которой предстоит судить эти благородные подвиги, но мы можем выразить рыцарю-иоанниту наше одобрение тем, что разопьем с ним кубок превосходного вина.

Паоло, стоявший в небрежной позе, с притворной беззаботностью, вздрогнул всем телом, но по знаку Цезаря, поданному тайком, сохранил наружное спокойствие. Реджинальд также побледнел.

— Моя сестра слишком коротко узнала непреклонность рыцаря, чтобы не поверить его монашеской легенде, — со смехом сказал герцог.

Лукреция кивнула негритенку, стоявшему за ее стулом с золотым подносом в руках, на котором стояли кубок и бутылка драгоценного вина, и, покраснев, взглянула на Альфонсо.

Этот взор пробудил в нем магические воспоминания и, поддавшись им или иному необъяснимому побуждению, он впервые преклонил колена и воскликнул, обращаясь к Цезарю:

- Нет, было бы против человеческой природы придерживаться дольше моей ереси перед лицом такой дивной красоты, какой обладает донна Лукреция! Я преклоняюсь перед ее господством и признаю себя ее рабом.
- Значит, игра кончена, промолвил Цезарь, бросая таинственный взгляд на Паоло Орсини.

Последний усмехнулся.

Сияя радостью, осветившей ее красоту, как невидимым солнечным лучом, Лукреция посмотрела на своего побежденного противника, и хотя его лицо хранило выражение не поддавшееся ее пытливому взору, однако новый поток слов обнаружил ее довольство.

Папа засмеялся торжествующим смехом, когда она дрожащей рукой наполнила кубок до краев дивным красным вином. В то же время пажи и слуги стали обносить гостей фруктами и винами. Орсини машинально взял с подноса персик, не спуская взора с Лукреции. Она поднесла полный кубок к губам, дрожа сказала Альфонсо: "За твое здоровье!" и взглянула на него. Этот взгляд глубоко проник ему в сердце.

После этого Лукреция отпила из кубка, а затем, нагнувшись к рыцарю, поднесла кубок к его губам. Тихий вечерний ветерок, шевеливший ее золотистые локоны, почти смешал их с густыми темными кудрями рыцаря, и в восхищении, с которым встретились их взоры, оба не заметили терзаний, исказивших черты Паоло, удив-

ления Реджинальда и дьявольской усмешки Цезаря.

Папа подозвал к себе Паоло и Лебофора, причем со смехом сказал им несколько шутливых слов насчет пристрастия женщин к делам милосердия даже наряду с громкими подвигами воинской доблести. Паоло понял, что его отозвали нарочно, однако притворялся веселым и довольным. Хотя его страдания усиливались с каждой минутой, но это не мешало ему сохранять наружное спокойствие. Самый крепкий любовный напиток не мог бы оказать более сильное влияние на Альфонсо, чем то вино, которое он распил с Лукрецией; ему показалось, что вся его душа, все чувства совершенно подчинились чарам ее красоты.

Папа наконец как будто нашел странным продолжительность и таинственность их разговора и приказал Бурчиардо доложить Лукреции, что им пора удалиться. После этого Альфонсо еще раз преклонил колено, чтобы поблагодарить за оказанную ему честь, и выразил свою благодарность почти шепотом, от которого заалело все лицо молодой женщины. Она потупилась под его пламенным взором, а когда он поднялся, отвернулась, вспыхнула еще ярче, пробормотала в смущении несколько слов и протянула руку, которую Альфонсо несколько раз прижал к своим губам и сердцу.

Уход Лукреции с папой и обычной свитой послужил сигналом к закрытию заседания суда. Цезарь сам проводил Паоло и пригласил

Лебофора к себе во дворец.

Альфонсо удалился в свою комнату. Бембо, вскоре последоваваший за ним, нашел его прохаживающимся взад и вперед в большом волнении.

Несколько запинаясь, он поздравил своего повелителя с возвращением к нему благосклонности Лукреции, но принц, перебив его, обрушился на молодую женщину с жестокими обвинениями и оскорбительной бранью. Бембо был ошеломлен и встревожен, но его негодование запылало почти так же сильно, когда Альфонсо сообщил ему об открытой им близости Лукреции с Реджинальдом, а в доказательство ее нравственной распущенности прибавил, что, когда он с умыслом возобновил свои ухаживания, она опять возобновила свои прежние предложения по его адресу. С безграничным удивлением слушал Бембо рассказ о приключении в катакомбах и с величайшей радостью принял приказание принца готовиться в путь, чтобы им можно было на другой день внезапно и тайно покинуть Рим.

Волнение Альфонсо нисколько не улеглось после этих вспышек, и когда при наступлении сумерек он остался один, то напоминал своим расстроенным видом человека, приговоренного к казни и в сильнейшем смущении ожидающего своей участи. Вдруг вошедший слуга доложил о прибытии посланца из Ломбардии с важными вестями, и, прежде чем Альфонсо успел изъявить согласие на его прием или уклониться от него, этот человек вошел в комнату. Альфонсо почти не взглянул на вошедшего, но, когда тот приблизился и, откинув свой капюшон, снял накладную бороду, он увидел перед собой Паоло Орсини.

- Орсини!.. вы здесь! воскликнул Альфонсо, не веря своим глазам.
- Да, и по делу, от которого зависит ваша жизнь, ответил тот. Я отчасти обязан вам своей жизнью и хочу отплатить вам за это, хотя признаю, что жизнь лишь бедствие. Покиньте как можно скорее этот убийственный дворец и этот город: герцог Романьи обрек вас на гибель, но отсрочил ее лишь потому, что поручил назначенное мщение мне, как наиболее обиженному вами.
- Завтра, в этот час, я рассчитываю быть за стенами Рима, ответил Альфонсо. Раньше я не могу... нет, скорее не хочу уехать и желал бы иметь для этого более уважительную причину, чем неопределенную угрозу или предостережение.
- Чтобы привезти своему государю прекрасную невесту, с которой вы распили сегодня чудный эликсир для подтверждения вашего договора? сказал Паоло, язвительно смеясь.
- Какую прекрасную невесту? Какой любовный эликсир? Вы бредите!..
- О, не притворяйтесь!.. Мне известно ваше предательство, а вскоре оно должно быть открыто и вашему повелителю, и папе. Отвечайте же мне, непорочная невинность! Ведь вы прибыли в Рим в качестве тайного шпиона герцога Феррарского, чтобы добыть невесту его сына? И, пожалуй, не дальше, как сегодня ночью? Постойте, постойте, выслушайте меня! Тот любовный напиток, который Лукреция распила с вами, чтобы укрепить вашу преступную любовь, обнаружил ваш умысел даже перед Цезарем, который хотел только удостовериться в вашем вероломстве, чтобы уничтожить вас... Ведь ведьмы эти старые еврейки Нотта и Морта, продавшие вашей возлюбленной волшебное снадобье, служат лишь его орудием.
- Эликсир в питье, выпитом мною? Мне в самом деле казалось, будто неуловимый огонь... Неужели то был яд? Но это не может быть, Лукреция сама отпила из кубка, и так много, что я даже удивился. Любовный напиток!

- Так полагала она, воображая, что ваша взаимная любовь будет вечной, если вы разопьете с ней это вино, ответил Паоло. Но в нем не было иного эликсира, иного яда, кроме того, который оставили в питье уста такой прекрасной змеи, как эта женщина. Будьте уверены, тут не было предательства; ведь колдуньи, варившие зелье, отлично знали, что заказчица попробует его сама.
- И выпьет из кубка так много! О, значит, она намеревалась разделить мою участь, если бы в питье было что-нибудь смертоносное, или просто предвидела вашу хитрость и хотела провести вас. Но, может быть, вы и правы! Неужели она действительно рассчитывала с помощью адского колдовства овладеть мною?.. Но она ошиблась это только должно закалить мое сердце для заслуженного наказания ее низости! Клянусь, если бы она осталась верна даже своей лживости, это не наполнило бы мою душу таким отвращением и презрением, какие я испытываю сейчас. Но довольно об этом!.. Вернемся к вашему тяжкому обвинению. Я отвечу на него признанием, и его может подтвердить вам Реджинальд. Знайте: я вовсе не посланник, которому поручено добиться руки Лукреции Борджиа для принца Феррарского.
- Да, Лебофор не раз говорил, что вы ищете улик против нес, чтобы оправдать отказ вашего принца от брачного союза с нею, ответил Орсини, но он также заблуждался. Сам Цезарь сообщил мне тайну вашей миссии, открытую им случайно. Не правда ли, ведь Лукреция при сегодняшнем разговоре приказала вам от имени своего отца изложить папе на завтрашней аудиенции цель вашего прибытия в Рим?
- Я не опровергаю этого, ответил Альфонсо, и вдобавок признаюсь, что, если бы не случилось того, что последовало дальше, меня удивила бы уверенность, с какой Лукреция рассчитывала на мое предпочтение; ведь ей, как и Цезарю, известна настоящая цель моей миссии. Выслушайте меня терпеливо, и я открою вам тайну, а все мое поведение пускай подтвердит мои слова.

Для Альфонсо стало крайне важно помешать опасному сближению между родом Борджиа и Орсини, и он без колебаний приступил к рассказу о приключении в долине Эгерии, причем его слова в такой точности согласовывались с воспоминаниями Паоло, что он почти не сомневался в их справедливости.

- Значит, Цезарь вконец одурачил меня! свирепо воскликнул Орсини. Ведь он как раз в ту ночь сообщил мне о цели вашего приезда сюда, и теперь я вижу, что для вас было сверх человеческих сил противиться искушениям, которыми вас окружали.
- Уверяю вас, Цезарь присутствовал при том, но вы еще не знаете всей его гадости. Припомните все последующее, и вы не стансте больше сомневаться в моей правдивости. Но я торжественно заявляю вам: все, что я узнал, снимает с Лукреции постыдные обвинения, для подтверждения которых я намеревался собрать улики. Только

один факт, к несчастью, подтвердился, а потому лучше пусть земля похоронит под собой последний отпрыск великого дома Эсте, чем его незапятнанная честь погибнет в союзе с безнравственной женшиной.

— Поищите доказательств тому, что она заслуживает этого названия, но будете ли вы в силах доказать? Горе вам, если вы не сделаете этого!.. Тогда вам придется иметь дело со мной !.. — запальчиво сказал Паоло. — Говорите же откровенно, в чем заключается ваше обвинение против Лукреции Борджиа?

— Спросите у Реджинальда. Он может сообщить вам, куда он последовал за посланной Лукреции Фаустиной и где и как провел

ночь, — ответил Альфонсо, бледнея от собственных слов.

— Он в самом деле не был дома и уклончиво отвечал на мои расспросы. — задыхаясь, подтвердил Паоло. — Но ведь не хотите же вы сказать, не можете же...

— Думаю, вам станет понятно, если я скажу, что накрыл Реджинальда врасплох на тайном свидании в Ватикане и он сознался мне, что приглашен для интимного разговора с Лукрецией о ваших делах.

— Это ложь, чистая ложь, — воскликнул Паоло, — все тогда уже миновало, и ему это было известно лучше всякого другого! В тот же день изменник сказал мне, будто решил покинуть Рим, чтобы вернуться в свое отечество; он часто усыплял в последнее время мою подозрительность подобными уверениями, я же полагал, что он замедлил свой отъезд ради меня, так как я сообщил ему все свои планы и сказал, что он может оказать мне большие услуги, помешав намерениям Цезаря.

— Ну, тогда будьте настороже; ведь Лебофор мог открыть все ваши замыслы Лукреции, своей любовнице! — сказал Альфонсо, вне себя от досады на такую измену. — Я могу сообщить вам более того, — прибавил он и рассказал, как ему случилось застать Реджинальда в лабиринте Минотавра в момент признания в страстной люб-

ви к Лукреции.

- О, как мало подозревал я его и все сваливал на вас! воскликнул сбитый с толку Орсини. А между тем Реджинальд как будто вечно боялся вас. О, неужели он, мой друг, любимый мною всем сердцем, мог по отношению ко мне стать таким мрачным злодеем? Нет, я не могу верить этому!.. Нет, нет, все сказанное вами лишь обман.
- С какой стати обманывать мне вас на словах? возразил Альфонсо. Ведь мне достаточно возвысить голос, чтобы вас схватили и чтобы вы очутились во власти своих заклятых врагов! Но, когда я публично заклеймлю Лукрецию, неужели вы все-таки не измените своего решения соединить старинную славу своего имени с ее по-зором?
- Неужели мне могут приписывать такое недостойное безумие?
 воскликнул Орсини.
 Я хотел выждать завтра вашего

предложения и согласия папы, чтобы разоблачить вероломное поведение Лукреции, а затем покинуть Рим и решительным шагом снова восстановить наш союз... А, Реджинальд оставался у изменницы

Борджиа!

— Ну, если так, то мы дадим взаимную клятву мести! — сказал Альфонсо, сверкая от ярости глазами. — Действительно, ввиду опасного положения дел Борджиа Лукреция, должно быть, помышляет о том, чтобы запугиванием и ласками склонить меня к измене моим повелителям или, если я в состоянии доказать ес непорочность, воспользоваться данным мне полномочием просить ее руки. Скажите, зачем пожелала она поговорить со мной об этом деле наедине, зачем согласилась со мной, когда я, смутно намекнув на боязнь шпионства, осмелился высказать просьбу, чтобы наш разговор, если можно, происходил ночью и без свидетелей? Зачем Лукреция обещала, что Фаустина проведет меня к ней в комнату в такой час, когда нам нечего бояться нескромных ушей?

— А, это было в тот момент, когда она покраснела и кинула на вас пламенный взор, — пробормотал Орсини, оправляясь от потрясения, вызванного словами Альфонсо.

— Но, будь что будет, я пойду, — продолжал иоаннит, — я хочу воочию убедиться в ее низости, потому что все прочее могло бы оказаться обманчивым. Не смотрите на меня так свирепо! Клянусь, я иду лишь с намерением усилить свое презрение, чтобы оттолкнуть от себя ее, красавицу Борджиа, даже в тот момент, когда она унизится до того, что станет задабривать меня, когда она будет заранее уверена в своей победе. Именно с этой целью я прикинулся сегодня, будто поддался ее чарам.

Его речь прервал едкий смех Орсини, и затем, внезапно перейдя к серьезности. Паоло заговорил опять:

- И неужели вы действительно воображаете, что один среди всех прочих людей можете похвастаться такой сверхъестественной стой-костью? Или вы надеетесь уйти живым из Рима после того, как нанесете женщине, да еще Борджиа, столь тяжкое оскорбление?
- На что осмелится она посягнуть, когда у меня в руках такая тайна? краснея, возразил иоаннит. А искус я уже выдержал. Вдобавок Лукреция обманула и своего отца, так что не решится принести ему жалобу на меня. В худшем случае она пощадит меня до завтрашней аудиенции. А теперь потолкуем о мщении. Если вы обещаете мне свою могущественную защиту для того, чтобы я мог покинуть этот дворец и Рим, то завтра я публично объясню настоящую цель своей миссии и скажу, что я достиг ее, открыв страсть Лукреции к Лебофору. Этим я нерасторжимо заключу ваш союз с могущественным государем Феррары.
- Доставьте мне это мщение и берите за него все, что я имею, даже мою жизнь! в порыве ярости воскликнул Орсини. А для того, чтобы ваши повелители не обвинили вас в необдуманной

поспешности, узнайте, какого рода планы построены родом Борджиа относительно Феррары.

И в пылу разыгравшихся страстей Орсини открыл заговор против Феррары, в который вовлек его Цезарь своими вероломными клятвами. Эти неизвестные ему факты утвердили Альфонсо во мнении, что для него было бы выгодно довести до явного разрыва между его врагами, так как всякая надежда на супружество с Лукрецией исчезла. Он возобновил свои обязательства и привел столько новых доказательств, что в душе Паоло не осталось больше никакого сомнения. Кроме того, он знал, что Альфонсо не мог избегнуть мести Цезаря после открытия, вызванного любовным напитком. Они расстались с взаимными клятвами неизменно выполнить свой договор.

IX

Приближалась полночь: Альфонсо сидел один в комнате дворца Лукреции; Фаустина привела его туда и удалилась, чтобы доложить своей госпоже о приходе посетителя. Альфонсо находился в комнате, называемой "каприччио мадама". Любовь и роскошь применили здесь все свои силы, чтобы украсить это святилище, казавшееся созданием волшебниц. Стены были украшены красочными арабесками. с террасы под окнами доносился аромат цветов. Кроме яркого лунного сияния, смягченного шелковыми занавесами, свет получался от прекрасной мраморной группы, представлявшей Психею, нашедшую спящего Амура. Повсюду виднелись принадлежности женских рукоделий или утонченных занятий Лукреции: тут были позолоченное веретено, драгоценные вышивки, ноты, музыкальные инструменты, рукописи с прелестнейшими миниатюрами. Тишина ночи, мелодичный плеск фонтана вдали, сочетавшийся с голосами бесчисленных соловьев, мечтательный лунный свет, таинственный шепот листьев в мягком воздухе — все это затрагивало нежнейшие струны любви и желания в груди Альфонсо. Но даже в такой соблазнительной обстановке тревога и ярость, казалось, с каждой минутой только сильнее овладевали им, и все его помыслы сосредоточились наконец на мрачной решимости отомстить ненавистной женщине, чтобы навсегда избавиться от жестокой ревности, терзавшей его душу, вырвать красавицу Лукрецию из объятий счастливого соперника, даже обречь се на смерть. Эти черные думы обуревали принца, когда отворилась дверь и в комнату вошла Лукреция в сопровождении Фаустины.

Альфонсо, ожидавший встретить ее в ослепительном наряде, был невольно обезоружен при виде соблазнительно-скромного белого платья и бледности ее прекрасного лица, которое лишь слегка за-алело, когда она почувствовала устремленный на нее взор рыцаря. Ее глаза оставались потупленными, а на их длинных ресницах трепетали слезы: но ее голос дрожал от волнения, когда она перебила смущенное приветствие посетителя и приказала своей кормилице

удалиться, чтобы ее гость мог без стеснения высказать волю повелителя.

С улыбкой, не выражавшей особенной благосклонности к рыцарю, Фаустина повиновалась, однако не затворила за собой двери, из которой открывался вид на анфиладу комнат; смежная из них была та самая, где Альфонсо видел раньше альков, задрапированный золотистым атласом, и расписной потолок с изображением Авторы, встречающей Ночь. Его взоры обратились тогда снова к Лукреции, и он едва сдерживал свою страсть. Между тем молодая женщина следила глазами за фигурой удалявшейся кормилицы; когда же та исчезла в отдаленной прихожей со своей лампой, она сказала:

— Фаустина будет наблюдать, чтобы не поднялась тревога из-за необычного часа этой аудиенции. Садитесь, прошу вас.

Лукреция указала рыцарю на место, довольно далекое от дивана, на который села сама, причем приняла позу скорее королевы, собирающейся выслушать просителя, чем женщины, оказавшей опасное снисхождение влюбленному. Альфонсо, успев оправиться от своего первоначального замешательства, поблагодарил ее низким поклоном, но остался на своем прежнем месте, гораздо ближе указанного ему.

Протекло несколько секунд смущенного молчания. Принц, мучимый ревнивыми помыслами, не решался начать разговор, так что

Лукреция заговорила наконец сама.

— Вы пожелали, чтобы ваша аудиенция была тайной, — сказала она, — и я согласилась на это, зная, что ваши настоящие побуждения и ваша миссия совершенно противоречат тому, о чем думает папа и что ожидает он завтра услышать от вас. Я не забываю, что обязана вам жизнью, и хотела бы воздать вам тем же, а потому прошу вас принять средства к безотлагательному бегству, которые я приготовила и отдаю в ваши руки.

Альфонсо был глубоко тронут этой, по-видимому, великодушной заботливостью, однако, поддавшись ревнивым нашептываниям своей фантазии, не отступил от задуманного плана мщения.

- Синьора, ответил он вкрадчивым тоном, даже падшие ангелы не были так внезапно изгнаны из рая, как вы удаляете меня из Рима, ставшего раем для всех благодаря вашему присутствию. К тому же ангелов не осудили, не выслушав сначала, а кто же обвинил меня настолько, что я должен понести столь же суровую кару?
- Помните танцовщицу-сицилианку? Так вот она созналась мне во всем, что произошло между вами. Не служит ли это для вас достаточным ответом?
- На свою беду я оскорбил эту женщину, оттолкнув ее нежность. Не могла ли она после того выставить мой проступок в ложном свете или преувеличить происшедшее? сказал рыцарь, устремив взор на Лукрецию при воспоминании о гроте Эгерии.

- Значит, вы сознаетесь, что с вашей стороны было проступком подумать обо мне что-нибудь столь дурное? спросила Лукреция, устремив на Альфонсо испытующий взор, но тотчас отвела его в смущении в сторону, когда встретилась с ним глазами.
- Я еще раз требую, чтобы мне сказали, в чем меня обвиняют!
 воскликнул он.
- Хорошо, я буду с вами откровенна, ответил Лукреция с явной досадой. Для меня невозможно усомниться в словах танцовшицы.
- Танцовщицы? Ах, зачем она относится так враждебно к тому, кто, имея все основания питать к ней противоположные чувства, даже при слабом воспоминании о ее дивных прелестях пылает и всегда будет пылать страстью к ней? с пылом и искренностью воскликнул принц.

Лукреция как будто почувствовала ревность к собственной сопернице, потому что поспешно ответила:

- Нет, она не питает к вам враждебных чувств, не оклеветала вас, и вы не осмелитесь утверждать это, когда я вам скажу, что та танцовщица была я, Лукреция Борджиа.
- О, эта несравненная прелесть! И я знал о том! воскликнул Альфонсо.
- И вы осмеливаетесь спрашивать про то у меня, у меня самой? запальчиво продолжала Лукреция. Как могли вы решиться на это даже здесь? Ведь, будь я тигрицей, как вам хотелось выставить меня, то каким образом могли бы вы осмелиться стоять перед Лукрецией Борджиа, подтверждая свою клевету?
- На моих устах все еще горит огонь, оставленный на них танцовщицей. Как я, считая себя смертным, мог бы бояться, если пережил блаженство той минуты? горячо промолвил Альфонсо.

Этот тон отдался в любящей душе Лукреции, однако ее черты выражали только стыд и досаду, когда она ответила:

- О, даже теперь вы льстите мне! Однако вы не сомневались в своей смертности, когда говорили сестре милосердия, будто я, Лукреция, прибегла к яду, покушаясь на вашу жизнь. О, Пресвятая Дева, покушаться на вашу жизнь! Впрочем, дело не в том! Возвращайтесь на свой суровый север и берегитесь страшного гнева моего отца! ответила Лукреция.
- Да с какой же стати мне бояться этого гнева, если с помощью доказательств, добытых мною путем жестокого риска, я убедился, что вы не заслуживали всех тех обвинений, которые со слезами были выслушаны танцовщицей? возразил принц. С какой стати мне бежать? Почему не исполнить поручения моего повелителя и не просить для него перед целым светом вашей руки?
- Я сейчас объясню вам, с живостью ответила Лукреция. Герцог Феррары, кажется, весьма гордый человек, и, как я слышала, вы не хотели подвергнуть его унижению отказа, который последует

с моей стороны на ваше сватовство, если вы рискнете заявить о нем вопреки моему предостережению. Клянусь этим священным изображением Богоматери, — и она, почти забывшись, показала на серебряное изображение Богородицы, висевшее над альковом в смежной комнате.

Иоаннит был поражен, однако в нем тотчас шевельнулось ревнивое подозрение.

- Очевидно, вы обещали кому-нибудь, кто имеет над вами больше власти, чем интересы подитики или честолюбия, отказаться от этого брака с принцем Феррарским, обещали, пожалуй, на этом же месте, запальчиво воскликнул Альфонсо. Ведь не могли же до такой степени вооружить вас против моего повелителя его разведки и сомнения...
- Нет, я скорее уважаю его за благородное нежелание связывать себя с позором, тоном воодушевления ответила Лукреция. Но позвольте спросить вас, удовольствовался ли бы он ларчиком драгоценностей любви, откуда вынут драгоценный камень?
- Что вы хотите этим сказать? Что вы полюбили другого? в волнении воскликнул Альфонсо и прибавил с горечью и скорбью: Ах, я глупец! Ведь я мечтал, что вы любили, но не так, как мне пришлось увидеть, когда я был в гроте Эгерии, следя за вами, пока вы поджидали кого-то, вместо которого явился герцог Романьи.
- Вы... вы видели меня? воскликнула Лукреция и закрыла руками лицо, вне себя от стыда, но в то же время ее губы нежно прошептали: Да, я любила однажды... но любовь обменивает свой товар, а не продает его... Все это миновало.
- Ну, если любовь обменивает, пылко подхватил принц, опускаясь к ее ногам, то люби меня всей силой любви своего пола, как я люблю тебя всею силой своего. Лукреция, ты обманула меня, я же не переставал обожать тебя с первой минуты, как увидел твою красоту, и даже в тот момент, когда мне казалось, что ты хотела отнять у меня жизнь и мою честь, когда я считал тебя чудовищем злобы, котя на самом деле ты была только чудом доброты и прелести.
- Да, да, я некогда любила вас, но теперь вы оскорбляете меня хуже моих самых ожесточенных клеветников, если думаете, что я любила мужчину, а не героя!.. Как же я могу любить вас теперь, когда вы изменяете таким образом своему государю и повелителю? сказала Лукреция, резко отнимая руку, которую Альфонсо покрывал поцелуями. На один миг ее лицо выражало только презрение и досаду, однако они внезапно были смыты потоком слез, и она, тщетно стараясь сдержать их, воскликнула: Нет, я не могу не признаться вам во всем. У меня было намерение довести вас до этого взрыва страсти своими ласками, чтобы потом насладиться удовольствием, которое мы, Борджиа, как уверяют, находим во мщении... Да, да, я хотела добиться этого, чтобы презрительно оттолкнуть вашу любовь и подвергнуть вас упрекам совести за то, что

вы обманули оказанное вам доверие и позорили свою до сих пор незапятнанную честь. Впрочем, нет, это не то: проклятый любовный напиток в вине, выпитом мною за ваше здоровье, действует в ваших жилах! Оставьте меня... бегите! Вы видите, я такая дурная, что вы не можете себе представить.

- Нет, пылко возразил Альфонсо, хотя в моих жилах течет огонь, но мою душу заполнили божественные и нежнейшие чары твоей красоты. Цезарь сам подослал к тебе двух колдуний, Нотту и Морту, чтобы возбудить во мне смертельную ненависть к тебе и открыть настоящий предмет твоей любви. Но, кажется, то был обман, и ты выпила за мое здоровье с единственной целью позабавиться и посмеяться над моим безумием.
- Нет, нет! Оставьте меня, но я готова дать самую страшную клятву в том, что любила только раз в жизни, любила именно тебя! плача, сказала Лукреция, поникнув прекрасной головкой.
- Ну, если ты любила меня, то неужели мы должны расстаться так навсегда? Я хочу вернуть тебе тот твой поцелуй, яд которого остался в моей крови! пылко воскликнул Альфонсо, заключая ес в безумные объятия.
- Да, я люблю тебя, действительно люблю, но не пугай меня! воскликнула она. Прости меня только на этот раз. Ведь я не оскорбила тебя, признавшись в своем злобном колдовстве. Но поклянись, что ты немедленно оставишь меня!..

Но в этот момент Альфонсо в порыве ревности воскликнул, почти швыряя ее из своих объятий, которым она отдалась в порыве страха и нежности:

- Чародейка! Перестань! Будь по крайней мере верна своей измене. Эти губы еще не остыли от лобзаний, перед которыми мои покажутся слишком холодными!.. Ты велишь мне покинуть тебя! Но для чего? Конечно, для того, чтобы нашелся лучший преемник Реджинальду Лебофору, когда он успест наскучить тебе.
- Преемник? Реджинальду Лебофору? почти машинально пролепетала Лукреция, подавленная стыдом и удивлением.
- Нет, нет, тебе не удастся завлечь меня в погибель, красивая змея, с отчаянием продолжал Альфонсо. Моим намерением было склонить тебя к сегодняшнему свиданию, вырвать у тебя признание в любви ко мне, но лишь для того, чтобы я мог высказать тебе, до какой степени противна мне твоя нечистая любовь, как я презираю ее и насколько бессильны надо мною ее искушения.
- Искушения... преемник... в раздумье промолвила молодая женщина, как будто сознание медленно возвращалось к ней, и вдруг сказала самым спокойным тоном, но со скорбной улыбкой: Значит, ты не заметил, что Фаустина если и не может нас слышать, то все-таки видит? и она указала на свою старую кормилицу.

Фаустина, находясь в конце анфилады комнат, прикидывалась спящей, но на самом деле зорко следила за ними.

- Это лишь мастерская уловка твоей хитрости, вероломная женщина! воскликнул иоаннит. Своими лживыми отпирательствами, своим притворным целомудрием ты думала склонить меня к тому, чтобы я связал сияющую и незапятнанную честь дома Эсте с твоим позором.
- А ты все еще притворяещься, что не веришь моей невиновности! воскликнула Лукреция с досадой и запальчивостью.
- Невиновность! Ну, значит, мои чувства обманули меня, когда я слышал в лабиринте Минотавра, как лицемерный английский рыцарь признавался тебе в любви и не навлек на себя этим ни порицания, ни отпора с твоей стороны. А Бембо описал мне вашу тро-

гательную встречу после войны.

- Реджинальд! промольила Лукреция со странным злорадством, мелькнувшим на ее лице, мрачном, как грозовая туча. — Нет. я не оставлю тебе ни малейшей лазейки для самооправдания. Припомни всю свою суровость ко мне, несмотря на то, что я любила тебя. Ты сам довел меня до кокетства с Лебофором. Вель я полюбила тебя с первого момента, когда на меня упал твой гордый и презрительный взор, а страх, внушенный мне твоим резким и непримиримым нравом, еще сильнее подчинил тебе мою рабскую натуру женщины. Я была готова плакать при воспоминании об этом, но так как малодушие порадовало бы тебя, то я не пролью ни единой слезы! Однако если действительно было хитростью с моей стороны с помощью ревности разжечь в пламя ту искру любви, которая, по твоему признанию, запала в твое холодное сердце, то обвиняй природу. создавшую меня женщиной. Ты слышал, как бедный Реджинальд открыл мне свою любовь, но знай - к этому я привела его против его собственного желания. Я хотела только помучить тебя его присутствием, но не поколебалась резко охладить его, и он не замедлил принести повинную. Великодушная натура этого юноши благородно боролась до тех пор с моими жестокими ухищрениями, но как же зато горька моя расплата за них!
- Ну, что отлично придуманная басня! сказал Альфонсо, твой импровизаторский талант признан всеми. Но какой убедительной ложью оправдаешь ты то, что Реджинальд был тут прошлой ночью и имел тайное свидание с тобой в этих самых комнатах, причем свидетелями этого были лишь звезды на небе да заспанные глаза Фаустины?
- Здесь, в этих комнатах? Прошлой ночью? Кто из нас сошел с ума: я или ты? бледнея, спросила Лукреция.
- Хочешь знать подробности? Ну, так слушай! сказал Альфонсо, пылко схватывая руку молодой женщины, которая отвернулась, точно готовая обратиться в бегство, а затем рассказал ей свое приключение с Реджинальдом, происшедшее прошлой ночью.
- Как, даже моя старая кормилица предает меня? воскликнула Лукреция, внезапно залившись слезами. Но это невероятно!

Лебофор не способен оклеветать меня таким образом... Нет, нет! Не имея в запасе иной клеветы, чтобы окончательно очернить меня, ты выдумал эту в угоду своему повелителю!

- Ну, если у тебя нет другой басни, поинтересней, то этой ты нам не отведешь глаз, с горькой иронией возразил иоаннит, выпустив ее руку и скрестив на груди свои, точно в знак бесповоротного решения.
- В таком случае я действительно поплатилась за свою жестокую игру, но Реджинальд все же сделался жертвой низкого обмана! воскликнула Лукреция, ловя несомненные признаки жестокой душевной борьбы в чертах Альфонсо.

Однако он с горьким смехом и язвительной иронией стал откланиваться и сделал шаг назад.

— Остановись! — воскликнула Лукреция, кинувшись вперед и удерживая его за рукоятку меча. — Да как же могло это случиться, если те часы, когда, по-твоему, у меня происходило свидание, я провела не в этих комнатах и не с Реджинальдом, а с тобою в катакомбах, где я сыграла ужасную роль в ужасном зрелище и где ты сам получил бы полное подтверждение моей невиновности, если бы на твою суровость могла подействовать хотя бы сверхъестественная клятва?

Альфонсо смотрел на нее с величайшим изумлением.

- Я не хочу, чтобы у тебя оставалась хотя бы малейшая отговорка и сомнение, — с жаром продолжала она. — Когда я плакала втихомолку из-за твоего мнимого увлечения возлюбленной султана Зема и из-за окружавших меня угроз и ужасов, кто-то пожелал видеть меня. Мне доложили, что это несчастная просительница, пострадавшая в Капуе. Оказалось, что это Фиамма Колонна. Она рассказала о всех перенесенных ею оскорблениях, о твоем великодушии, о клевете Цезаря на меня, о его преступлениях, которые, впрочем, и без того давно мерещились мне, как страшные призраки. Далее я узнала от Фиаммы о той роли, которую она сыграла по приказу Цезаря во время карнавальных празднеств, чтобы очевидными фактами подкрепить его поношения моего доброго имени. Она упомянула также о том, что моя невиновность будет доказана и Цезарь понесет заслуженное возмездие, а твои подозрения будут рассеяны, вследствие чего мне достанется герцогская корона твоего повелителя. Но поверь, у меня была только одна побудительная причина, давшая мне мужество повиноваться Фиамме и рискнуть тем, на что я рискнула. Это не было жадным стремлением женщины к господству. потому что, если не совершится невозможное и ты не окажешься самим герцогом Феррарским, никакая сила, никакие просьбы не заставят меня разделить его корону, будь она даже императорской!
- Ну, это так же удивительно, как и прочее, задыхаясь, ответил иоаннит. Расскажи мне, однако, все без утайки, чтобы мой

сладостный сон не рассеялся раньше, чем я успею почерпнуть в нем достоверное утешение.

- Фиамма чем-то подкупила колдуна, пользующегося доверием Цезаря, чтобы он действовал в твоих интересах, а вместе с тем в это дело был замешан и ты. И вот в своем безумном отчаянии и досаде, под влиянием надежды пресечь козни против меня моего врага Цезаря, а также горячей речи Фиаммы я решилась помочь колдуну. Может быть, тут и прежде действовало колдовство, но, вернее всего, чародеи достигали своей цели при помощи диковинных зеркал, а также чудесного портрета моего покойного брата Джиованни, висевшего до тех пор в этой комнате. Для того чтобы устранить Цезаря, было решено устроить все в катакомбах, и я, подчиняясь дону Савватию, согласилась при вызове тени моего погибшего брата Джиованни подражать его голосу и произнести слова, которые Цезарь поднял на смех, хотя и поверил, будто могила отвергла уста, чтобы обличить его. Неужели ты и теперь не веришь мне?
- О, не давай мне проснуться от этого сна, иначе я могу умереть, воскликнул иоаннит, решаясь верить даже при этом избытке радости, охватившей его душу. Лукреция! моя Лукреция!.. моя жизнь, мое все! Но скажи, когда ты требовала, чтобы Цезарь предоставил тебе свободу выбирать мужа, думала ли ты обо мне?
- Я знала, что это невозможно, ответила Лукреция, и хотела только навсегда избавиться от всякого сватовства, чтобы из-за тебя влачить свои дни без любви, в одиночестве...

В ответ на это Альфонсо воскликнул:

- Ты любишь меня, я обожаю тебя. Будь же моей, и клянусь всем, что есть святого и дорогого для человека, ты сделаешься также супругою Альфонсо д'Эсте.
- Что ты говоришь, изменник? воскликнула Лукреция, с гневом отталкивая его. Эти слова разрушили чары, против которых были бессильны и голос чести, и гордость, и всякое оскорбленное чувство моего сердца. Оставь меня навсегда сию же минуту, иначетвой повелитель узнает, каким послом выказал ты себя!
- Как бы ни бранил меня Альфонсо, он все-таки будет любить меня больше самого себя, а тебя еще в десять раз сильнее, возразил иоаннит, отказавшись теперь от всех своих сомнений и всей своей ревности. Узнай же, дорогая: ведь я сам Альфонсо л'Эсте!

Лукреция смотрела на него, словно боясь, что он внезапно помешался, но тотчас же убедилась в справедливости его слов, когда в ее памяти промелькнули все противоречия в его поведении. Однако вместо того, чтобы обрадоваться, она мгновенно побледнела, как мертвец, и, если бы Альфонсо не заключил ее в объятия, когда она опускалась на диван, она упала бы на пол.

 О, теперь небеса карают в моем лице греховную кровь нашего рода! — тихо и боязливо промолвила она. — Я приучила себя к терпению, считая невозможным когда-нибудь принадлежать тебе в честном супружестве, а теперь... О, ты не знаешь того, что проклятие тяготеет на тех, кого я полюблю, а также на мне самой! Отец Бруно был чудесным образом освобожден из своей темницы, чтобы возвестить мне это.

— Отец Бруно? Успокой свою тревогу, отгони страх! Бруно — не что иное, как обманщик, или, в лучшем случае, сумасшедший, — возразил Альфонсо. — Разве ты не заметила, что колдун Савватий и Бруно — одно и то же лицо? Цезарь обнаружил это в то время, когда Бруно лежал без памяти, лишившись чувств, когда случай открыл им меня как раз в момент вызова ими злого духа или того, чтобы он показал им образ человека, любимого тобой.

Услышав это, Лукреция сообразила, что ей это было не известно, так как она сама в тот момент упала в обморок и была унесена Фиаммой, а потому дальнейший ход ворожбы был для нее новым чудом. Тогда Альфонсо высказал свое подозрение насчет страстной любви к ней Бруно и изложил все свои доводы против несчастного монаха. Досада Лукреции достигла крайних пределов, когда она услыхала от него, что монах, ее духовник, свидетельствовал против нее и пытался отстранить Альфонсо от участия в турнире с помощью отравленного напитка, в то же время свалив вину на нее. Однако принц не дал ей задумываться над этим, а приступил к рассказу о своей душевной борьбе и о тех опасных хитростях, на которые он пускался, чтобы найти исход из своих затруднений. Лукреция слушала его с улыбкой и слезами на глазах и не раз под влиянием искреннего сострадания ласково поглаживала его своей рукой, на что он отвечал жаркими поцелуями.

Наконец Альфонсо перешел к обсуждению дальнейших действий и высказал смелый план открыть папе преступление Цезаря.

Однако Лукреция не одобрила этого; по ее словам, такое открытие могло привести папу в яростный гнев. Вдобавок для обвинения не хватало осязаемых улик, и можно было опасаться, что доведенный до отчаяния Цезарь, пустив в ход свое тайное влияние, свою силу н всю редкую изворотливость своего коварного ума, вызовет какуюнибудь гибельную катастрофу. Единственным триумфом для жениха Лукреция допускала его радость от того смущения рода Орсини, которое он мог вызвать, неожиданно выступив на следующий день открыто с предложениями повелителя Феррары. Правда, она тут же высказала свою тревогу о его безопасности, однако Альфонсо удалось успокоить ее клятвенным обещанием, что он уедет тайком в Ломбардию, а потом официально попросит ее руки и займется необходимыми приготовлениями, чтобы оказать поддержку папе, если в ней встретится надобность. Альфонсо настойчиво желал тотчас открыть свое имя и сан и немедленно обвенчаться с ней; однако это возбудило в Лукреции страх, как бы Цезарь не погубил его так же, как он сделал со многими, павшими жертвой его противоестественной

ревности; она успокоилась лишь после того, как Альфонсо дал слово отказаться от своего рискованного намерения. Она даже не разрешила ему сообщить папе об истинном положении дел, прежде чем Альфонсо будет в полной безопасности, и указала ему на многочисленных шпионов Александра, донесения которых сильно действовали на него.

Наконец Лукреция стала уговаривать Альфонсо для доказательства того, что он оставил всякую ревность, предоставить ей самой выразить порицание Реджинальду; она высказала свое убеждение в том, что Лебофор был обманут предательством Фаустины точно так же, как сам Альфонсо в долине Эгерии, привела много трогательных примеров тому, как честно боролся Реджинальд со своею страстью, как сама она жестоко пользовалась ею, чтобы наводить его подозрения на ложный след.

Однако все эти речи Лукреции вместо того, чтобы успокоить Альфонсо, только вновь возбудили его ревность, и он наконец восклик-

нул:

— Нет, моя Лукреция, пока я не получу уверенности, на которую может положиться моя душа, я не потерплю, чтобы кто-нибудь завидовал мне в обладании таким сокровищем, как ты!.. Будь вполне моею, и я призову в свидетели землю и небо, что ты — моя невеста, моя супруга, моя душа, мое все. Только будь моею, и тогда я поверю тебе даже против свидетельства ангелов.

— Нет, нет, мой любимый, теперь ты доказываешь мне, что не любишь меня, а ненавидишь и глубоко презираешь, — с плачем ответила Лукреция, стараясь в непуте вырваться из объятий Альфонсо

и обращая на него молящий взор.

— Не бойся! Ты — моя супруга, Лукреция, моя жизнь! Оставь всякий страх! Я хочу только возвратить тебе поцелуй, полученный мною в долине Эгерии, мимолетный, как молния.

— Тогда поклянись тотчас оставить меня! Я твоя вполне, но не бесчесть меня, чтобы я не сделалась такой, какой выставляют меня враги! — воскликнула Лукреция и, вырвавшись из объятий жениха, опустилась перед ним на колена.

— Ты! — воскликнул он, — ты на коленах предо мною, тогда как мне самому следовало бы, не вставая, лежать у твоих ног! О, тебя оклеветали, потому что, я знаю, ты любишь меня. Но дай мне еще мгновения, чтоб я мог изгладить отвратительное воспоминание о долине Эгерии. Одари меня еще одним прощальным небесным взором, и я уйду теперь от тебя, — воскликнул Альфонсо, после чего с нежностью поднял молодую женщину и, прильнув губами к ее устам, впился в них страстным поцелуем.

Лукреция в первом упоении своей нежности также крепко обняла его и стала горячо отвечать на его ласки, но затем, словно вспомнив о пылкости его натуры, вырвалась из его объятий и, позвонив в се-

ребряный колокольчик, крикнула:

— Фаустина!

Через несколько мгновений кормилица была уже в комнате. Делая вид, будто она протирает глаза и старается скрыть зевоту, старуха молча кивнула головою в окно, где первые лучи рассвета уже стали пересиливать лунное сияние.

Лукреция и Альфонсо тотчас приняли, хотя не совсем успешно, чопорный вид, подходивший к их мнимым отношениям, а затем в полной уверенности, что старая кормилица расслышала очень немногое из их разговора, Альфонсо ушел, унося в душе последний взор своей возлюбленной — веселый и страстный, сиявший любовью, гордостью и благодарностью.

X

Зал Реджиа был убран для праздника, на котором должно было состояться присуждение приза за турнир; однако все смутно догадывались, что со всей роскошью и блеском этого зрелища связывались мрачные предчувствия. Было замечено, что папская стража во дворце необычайно многочисленна, а смотры, производимые Орсини, как будто в честь их молодого вождя, отличались также большой внушительностью. Вообще праздник носил несколько воинственный характер. Папа был удивлен, когда, вступив в зал с Лукрецией и своим придворным штатом, заметил, что большинство гостей явилось в доспехах; Паоло Орсини и Реджинальд Лебофор пришли в полном вооружении, только с непокрытой головой. Бледное лицо Орсини выражало буйную веселость, которая бросалась в глаза, составляя резкий контраст с мрачной миной Реджинальда.

Паоло твердо устремил взор на Лукрецию, несомненно в надежде заметить в ее чертах следы страданий и унижения, которым, по его мнению, должен был подвергнуть ее Альфонсо своим презрением. Но в его сердце вспыхнул дикий огонь, когда она вошла с довольным и радостным лицом, причем все ее движения были проникнуты каким-то внутренним блаженством. При входе же иоаннита, явившегося в первый раз в дорогом придворном костюме, придававшем большую красоту его царственной фигуре, смущение Паоло еще усилилось, когда он заметил, что рыцарь и Лукреция не мечут друг на друга гневных взглядов, но стараются встретиться взорами, причем глаза Лукреции сияют ярким блеском, на ее устах играет загадочная улыбка, а щеки рдеют густым румянцем.

Бембо последовал за своим повелителем, но с печальным выражением в чертах, так как Альфонсо осудил его платонические поползновения и поставил ему на вид опасное положение, в которое он рисковал попасть.

Соблюдалась приличная случаю торжественная церемониальность, пока наконец трое претендентов на награду не предстали перед возвышенным сиденьем, которое занимала Лукреция в качестве председательницы суда, окруженная прекрасными ассистентками.

Они были обязаны помогать своей повелительнице или по крайней мере подтвердить ее решение. На этих светских празднествах было в обычае не особенно замечать присутствие папы, и потому Лукреция начала свое обращение к присутствующим только приветливой улыбкой отцу и легким поклоном собравшимся, на который они ответили с глубокой почтительностью. Хотя в ее речи и сказывались отчасти ораторские приемы того времени, но ее гармонический голос был способен придать ей силу убеждения помимо формы.

- Любезнейшие дамы и уважаемые синьоры, начала она после краткой паузы. — герольд нашего высокого суда уже возвестил вам, с какою целью собраны вы здесь, а именно — чтобы решить под озаряющим покровом Пресвятой Девы и по законам рыцарства. кто из этих замечательных своею храбростью рыцарей отличился более всех. Хотя мы — женщины и потому, пожалуй, не все считают нас способными произносить суждение по столь важным вопросам, однако природа, отказавшая нам в телесной силе и храбрости, вселила в нас такое глубокое восхищение этими качествами и сделала их столь нужным нам, что мы уподобляемся любителям искусств, которые, не ведая ни предрассудков, ни соперничества, часто оказываются более беспристрастными судьями в этой области, чем сами художники. Но мы вдобавок — художницы по этой части, потому что именно женщины обратили грубый металл силы и храбрости в великолепие рыцарства, расплавив его в огне любви, облагородив великодушием, смирением и всеобъемлющим милосердием, выковав его в ледяной холодности целомудрия и воздержания, отшлифовав нежностью, грацией, чувством чести и вежливостью и только этим превратив его в истинную религию в стальных доспехах. Но, как бы то ни было, мы — женщины и будем судить по-женски. Поэтому вы должны знать, благородные синьоры и храбрые рыцари, что наше суждение будет относиться не к одной храбрости, но также к достоинству подвигов тех лиц, которыми они совершены. На этом основании благородный синьор Орсини простит нам, что с нашей точки зрения его участие в нападении на Капую не может затмить заслуги его соревнователей; это нападение пролило потоки крови, которую можно было бы пощадить, а именно крови женщин с их детьми. Но между вашими судьями нет матерей, благородный синьор Орсини!
- Да, донна Лукреция, но самая обыкновенная счастливая случайность может привести их к материнству, перебил ее Паоло тоном такой угрюмой насмешки и с таким ударением на имени, что в собрании водворилось всеобщее безмолвие, вызванное изумлением.
- Рыцарь Реджинальд из Англии, продолжала Лукреция, повернувшись с огневым взором, но с умоляющим выражением к Альфонсо, который схватился за меч, рыцарь Реджинальд, выслушайте меня, моя речь обращена только к вам. Все мы согласны с тем, что награду следовало бы назначить вам, так как вы в открытом бою, с мечом в руке, первый и притом единственный проникли в

Капую. Но на вашем щите есть нечистое пятно, которое нужно сначала изгладить. Вы сделали себя недостойным какой бы то ни было рыцарской награды, низко опозорив доброе имя благородной женщины и, подобно Тарквинию, обвинив ее в преступлении, к которому вы нечестно и безуспешно старались склонить ее.

— Это справедливо, как Евангелие, исключая безуспешность, — с громким смехом подхватил Орсини. — Расскажи-ка нам, друг неподкупной правдивости, расскажи, где и как ты провел ночь после судейского разбирательства. Скажи нам это хотя бы в такой мере, в какой ты можешь признаться в этом, не вызвав краски на лице этой целомудренной Лукреции.

— Отвечайте ему, рыцарь, не только перед лицом всех присутствующих, но и Того, Кто над нами, — с жаром сказала Лукреция. — Отвечайте Ему, потому что я также обвиняю вас в несправедливой и вероломной клевете.

— И вспомните, — вмешался Альфонсо, — что вы хвалились предо мною, будто эта высокопоставленная особа назначила вам в ту ночь тайное свидание в Ватикане.

— Не робей, юноша, — внезапно подхватил Цезарь, — тебе на-

до сознаться лишь и мальчишеском хвастовстве.

Недоставало только этого, чтобы ярость Реджинальда переступила всякие границы.

- Нет, герцог Романьи, нет, мнимый рыцарь и вероломный государь! воскликнул он. Я скорее согласен открыть перед всеми присутствующими то, в чем ты уверял меня вчера с целью припугнуть и выведать от меня тайны рода Орсини. Ты сам подкупил лживую ведьму, и она заманила меня в одно место, куда я пошел с трепетной надеждой, не смея сознаться самому себе в руководивших мною чувствах. Но все это было одно безумие, предательство, низость, и я поплатился за свое легковерие горькой насмешкой обманутого ожидания в ту ночь или готов поплатиться теперь так тяжко, как вы прикажете, благородная синьора.
- Молчать! Все ли ты рассказал о глупой шутке, затеянной мною, чтобы показать тебе твою собственную нелепую глупость? со смехом сказал Цезарь, наполовину удивленно, наполовину весело.

Но он смеялся один.

- Как, Цезарь, ты осмелился позволить себе такую, как ты говоришь, шутку со мной, с добрым именем своей сестры? воскликнул папа, ярость которого, казалось, была готова переступить все границы, но, к счастью для Цезаря, она нашла себе другой исход.
- Пусть так, подхватил Паоло, выпучив глаза, как одержимый злым духом. Но ты, иоаннит? Разве тебе нечего сказать относительно того, что даже отвергнутый Орсини с удовольствием отказывается теперь от всякого притязания на руку этой сиятельной синьоры?

- Да, нечего, и я падаю здесь на колена от имени Альфонсо Феррарского и смиренно предлагаю ей жениха, которому никакой Орсини не осмелится стать поперек дороги, ответил Альфонсо, почтительно склонясь к ногам Лукреции.
- Во имя всех святых, замолчим и постараемся очнуться от этого странного сна! воскликнул Цезарь, вне себя от изумления. Говорите, синьор Бембо, не дурачат ли нас этими красивыми речами? Какого рода полномочие имеет этот человек от государей Феррары?

Всякого рода, какое ему понадобится, — ответил Бембо.

— Ну а ты, Лукреция, что скажешь на это? — воскликнул Цезарь с невыразимой тревогой и удивлением.

— Говори откровенно, Лукреция! Ведь, не правда ли, мы согласны с тобою в этом деле, и я охотно разрешаю тебе вступить в брак с принцем Феррарским? — спросил папа, поглядывая на Орсини, как лев, готовый сделать прыжок.

— Это так же верно, как то, что я принимаю это кольцо; в нем я желала бы найти бриллиант, который может сокрушить одна смерть, — ответила Лукреция. — Я и все эти прекрасные синьоры, заседающие на судейских местах, единодушно находим, что истинную рыцарскую славу стяжал только этот благородный и безупречный рыцарь, и ему присудили мы венок на турнир в Колизес.

С этими словами она приняла от коленопреклоненного иоаннита драгоценный бриллиантовый перстень, а герольд увенчал его чело давно оспариваемым венком победы. Папа тотчас поднялся и с радостным торжеством, которое он и не думал скрывать, преподал обрученным свое благословение.

- Все это очень хорошо, но бесповоротного решения пока еще не последовало! с диким хохотом воскликнул Паоло. Посланник образцовой верности, я позабочусь о том, чтобы похвала вашему посредничеству раньше вас достигла Феррары. Если же тем временем милостивейшему повелителю Романьи интересно узнать, почему мы не завидуем принцу, удостоенному награды, то я скажу ему под видом загадки сфинкса, почему соучастие в вине доказывает невиновность.
- Так вот, вы с союзными вам дворянами и сделаетесь соучастниками вины и приметесь доказывать свою невиновность, немедленно приступив к осаде Болоньи! запальчиво сказал папа. При этом, в случае надобности, вас поддержит оружие нашего могущественного и послушного сына, герцога Феррарского, и мы повелеваем вам тотчас выступить из Рима под предводительством нашего хоругвеносца со всеми своими военными силами, герцогу же Романьи поручаем исполнить наш приказ в течение двух дней. Что же касается тебя, дерзновенный молодой англичанин, то, если завтра, на закате солнца, ты или кто-либо из твоей свиты за-

мешкаетесь еще в Риме, вы не выйдете отсюда до тех пор, пока стены замка святого Ангела будут достаточно крепки, чтобы удержать вас.

Без дальнейшего формального прощания и не замечая Цезаря, папа оперся одной рукой на плечо Альфонсо, подал другую своей дочери и удалился, между тем как все общество переглядывалось в величайшем смущении.

— Нет, не отступай с ужасом предо мною, — сказал наконец Паоло, когда пристыженный Реджинальд медленно отвернулся. — Вместо того чтобы мстить тебе, я желаю только услышать от тебя что-нибудь, подлежащее огласке. Ваша светлость, — обратился он к Цезарю, — с вами, как хоругвеносцем церкви, я могу по крайней мере обсудить вопрос, много ли своего войска намерены вы вести на осаду Болоньи. Одолжите мне свое оружие, верные друзья и союзники!

При этих словах он со странным волнением подхватил под руку Цезаря и Реджинальда, чтобы увести их почти против воли на другой конец зала. Как ни был поражен английский рыцарь всем происшедшим, все-таки было удивительно, что он не сказал ничего, но удалился со вздохом, как бы в безмолвном отчаянии. Зато Цезарь дал волю бушевавшим в нем чувствам; он был так расстроен, что дрожал всем телом и, видимо, не мог овладеть собой. Подобное душевное волнение даже выходило за пределы всего, что должен был чувствовать брат при открытии, которое в освещении, приданном ему Орсини, являлось непоправимо позорящим честь Лукреции.

Между тем принц Феррарский, равнодушный ко всем последствиям, какие могло повлечь за собою сближение его врагов, проводил папу в его гостиную и там, к своему величайшему удовольствию,

получил приказ провести остаток дня с ним и с невестой.

Это был первый счастливый день любви Альфонсо, счастливейший день его жизни, и он миновал с поразительной быстротой. Папа одобрил его план отправиться на другой день обратно в Феррару с донесением о благоприятном результате своей миссии и с величайшим удовольствием обсуждал все мелочи предварительных распоряжений. Когда Альфонсо остался один с Лукрецией и ее дамами, все они предались своим радостным чувствам. Желая твердо запечатлеть в сердце любимого человека воспоминание о себе, Лукреция так щедро расточала все чары своей красоты и ума, что привела Альфонсо в совершенное упоение. Наконец Лукрецию позвали к папе, желавшему переговорить с ней наедине, и ее прощание с Альфонсо продолжалось так долго, что пришел второй нетерпеливый приказ, прежде чем она последовала на зов отца. Вскоре придворных дам потребовали к их повелительнице, Альфонсо же дали понять, что Лукреция не покажется больше в тот день.

Принц стал бродить по садам Ватикана, с наслаждением предаваясь сладким надеждам и мечтам любви. Вдруг, повернув в одну из уединенных аллей, он услыхал позади себя чьи-то ковыляющие

шаги и, обернувшись, увидел старуху в еврейском одеянии; это была Морта. Она тотчас догнала его, склонилась к его ногам, а затем, поднявшись, промолвила:

— Послушайте, сын мой, я пришла к вам по одному тайному делу... Но прежде всего, чтобы вы поверили мне, — вот амулет назареев; узнаете ли вы его? Он дан мне тою, которая научилась доверять вам в Капуе.

— Да, я видел его раньше, — ответил Альфонсо, подозрительно посматривая на старуху, показывавшую ему простой серебряный крест, один из тех, какие носят монахини, и вспомнив, что Фиамма Колонна с суеверной бережностью носила его на шее, как единственное воспоминание о прошлом, причем отдавала ему предпочтение перед всеми своими драгоценностями.

— Госпожа из вашего народа, которой принадлежал этот крест, очень ловка, но, несмотря на это, часто обращалась за помощью к нашему могуществу, — продолжала Морта. — Теперь она нашла пристанище у нашего очага в гетто и полагается на нашу верность и благодарность, так как ей угрожают различные враги, опаснее шипящих змей. Она посылает вам этот талисман и заклинает вас немедленно посетить ее тайком, потому что ей надо посоветоваться с вами насчет того, как избежать вражеских сетей. Если же ее гибель неизбежна, то она хочет по крайней мере сообщить вам по секрету нечто такое, от чего зависит сама жизнь дочери первосвященника, носящей имя Лукреции Борджиа.

Альфонсо не имел повода доверять еврейке, но переданное ею поручение было так правдоподобно и настолько подтверждалось обстоятельствами, которые могли быть известны Морте только через самое Фиамму, что едва ли можно было сомневаться в искренности старухи. Последние ее слова усилили до крайности опасения Альфонсо, отлично знавшего как бессовестность Цезаря, так и обуявшее теперь его отчаяние. Однако чувство благодарности и жалости громко заговорило в нем, когда он услыхал об опасности, которой подвергалась из-за него молодая женщина, а его основательные сомнения в надежности людей, приютивших ее под своим кровом, еще преувеличивали эту опасность. Он наскоро сообразил, что Фиамму было бы нетрудно увезти на другой день тайком из Рима в числе прочих лиц, составлявших его свиту; когда же убедился в правдивости речей старой ведьмы, явно опасавшейся, чтобы их свидание не было обнаружено, то решил сопровождать ее в убежище Фиаммы.

Нося обыкновенно темную одежду, Альфонсо не опасался быть узнанным в придворном костюме, тем более, что на нем были еще надеты общеупотребительная ночная маска и широкий плащ, без которых никто не мог обходиться в ту эпоху бесчисленных раздоров. Принц подвигался вперед, не упуская из виду свою путеводительницу; он не сообщил о своем намерении покинуть Ватикан ни одному из дворцовых слуг, которые могли выдать его, вышел с Мортой через

заднюю калитку на берег Тибра и кликнул лодочника. Перевозчиком послужил им уже известный читателям Джиорджио Чиавоне. Старик как будто постарел еще более или сделался молчаливее; он почти не взглянул на своего пассажира и, вероятно, не узнал его.

Когда они причалили к гетто, Морта подбежала к Альфонсо и стала просить его не выдавать ее, если она поведет его по кратчайшей дороге вместо той, которая огибала стены, потому что они рисковали не попасть в этот обособленный квартал, так как положенные для впуска часы уже прошли. Альфонсо со смутным предчувствием опасности выслушал предложение еврейки следовать по открытому им раньше водяному протоку, настолько мелкому, по уверению старухи, что в нем едва можно было замочить подошву. Однако он согласился избрать этот путь и пошел за колдуньей при тусклом свете. проникавшем из промежутков между стенами. Вскоре они, по мнению Альфонсо, уже приблизились к жилищу Морты, как вдруг он услышал позади себя оглушительный треск и не успел оглянуться. как потоки света хлынули из множества отверстий в высоких стенах. откуда выглядывали теперь бесчисленные еврейские физиономии, сплошь искаженные злобой и яростью. Град ругательств посыпался на непрошеного пришельца; поднялись крики, угрозы мщением. На него со многих сторон были направлены мушкеты и самострелы, и наконец он заметил, что вода протока быстро прибывала, а между ним и выходом была спущена толстая железная решетка.

В эту страшную минуту распахнулась дверь жилища старых евреек, и Мириам выбежала оттуда с безумным воплем: "Джиованни!" Морта крикнула иоанниту, чтобы он спасался, схватила Мириам в объятия и увлекла ее насильно прочь. Альфонсо одним прыжком очутился позади нее в подвале, где было совершенно темно, и вдруг почувствовал, что его хватают со всех сторон. Он пытался обнажить свой меч, однако оружие было вытащено у него из ножен сзади, и в тот момент, когда он, обезоруженный, считал себя близким к гибели, в подземелье хлынул яркий свет, и Альфонсо увидел, что он окружен толпой евреев, большинство которых было вооружено; все они выкрикивали яростные проклятия.

"Предательство" и "Цезарь" — были две мысли, одновременно мелькнувшие в уме Альфонсо, который не ждал ничего, кроме неминуемой смерти. Однако, к его изумлению, разъяренная толпа внезапно стихла, и какой-то старый еврей, трясясь и кашляя, выступил вперед и крикнул:

— Сдавайся, проклятый назарянин, изменник дочерям нашего народа! Свяжите его и не мешкая отведите к сенатору, как было приказано, через ворота, ведущие на площадь Орсини, где бодрствуют его чиновники и проклятый инквизитор.

Альфонсо почувствовал некоторое облегчение, убедившись, что его не собираются умертвить на месте. Тем не менее, тревожась о дальнейших последствиях сделанного им промаха, он стал с жаром

уверять в своей невиновности и обратился за поддержкой к Морте, сестра которой вышла с Мириам.

— Презренный сын нечестивого рода, собака моего врага! — яростно завопила Морта, — я должна заступиться за тебя, предавшего позору кровь нашего отца и привлекшего ее к суду, угрожающему ей? Будь ты проклят со всем своим племенем, и да будет благословен тот, кто поможет уничтожить тебя вместе с ним!

— Долой ero! Он — козлище отпущения назарянина! — гневно подхватил старик-еврей. — Нет ему чести в Израиле. Пусть судят

христианина по христианским законам!

— Пусть посадят его живым на кол, как моего сына, моего Рувима! — закричал другой старый еврей. — Пусть обождут совершения казни до солнечного заката, как было с моим сыном; к той поре коршуны до того проголодаются, что перестанут робеть. Назарянин не допустил меня отгонять их, не дал мне смочить каплей воды запекшиеся, почерневшие уста моего Рувима.

Это ужасное напоминание о горе старика до такой степени распалило ярость людей, карауливших пленника, что только строгий запрет старейшины удержал их от немедленной кровавой расправы с ненавистным врагом. Альфонсо чувствовал сам, что может надеяться на спасение, только подчинившись силе, но, пока он вел переговоры со своим караульным, явилась стража алебардистов, состоявшая на службе у сенатора. Ее приход подал рыцарю некоторую надежду, тем более, что между этими солдатами он увидел юного Фабио Орсини. Альфонсо тотчас объяснил, что он — посланник повелителя Феррары и от имени папы требует защиты. Однако единственным ответом знатного юноши был дикий хохот, звучавший насмешкой и ненавистью. Он приказал евреям тотчас предстать со своей жалобой и со своим пленником на суд его брата, и это приказание было неукоснительно исполнено.

Между тем ни один добрый или злой дух не шепнул об этих событиях Ватикану. Упоенная нектаром страсти, проникавшей все ее существо, Лукреция не без удивления повиновалась требованию папы, потребовавшему ее к себе, и ее удивление еще возросло, когда она увидела, что он крайне взволнован и расстроен. С мрачной серьезностью, какую она никогда не замечала в нем раньше, Александр сообщил дочери, что из-за слуха, пущенного Орсини, ей не следует больше видеться с феррарским посланником. Лукреция вспыхнула ярким румянцем и принялась с жаром возражать против такого странного распоряжения. Впрочем, молодая женщина не решалась расспрашивать о неприятном слухе из боязни, чтобы это не повело к опасным допытываниям со стороны отца. Ее молчание и замещательство не говорили в ее пользу и еще более усилили подозрение папы, так что он, приказав сообщить двору, что Лукреция не выйдет больше в этот вечер, задержал ее при себе до позднего часа, как будто совершенно углубившись в шахматную партию, которую умел,

по своей испанской ловкости, затягивать почти на неопределенное время.

В Ватикан пришло известие о беспорядках в гетто и об аресте христианина, явившегося туда проведать свою возлюбленную еврейку, однако на это не обратили внимания, так как смута между евреями была усмирена самим сенатором, который нарядил следствие по этому делу. Но, когда Лукреция получила наконец позволение удалиться, папа в ее присутствии отдал приказ доложить феррарскому посланнику, что завтра утром он сделает ему визит, чтобы сообщить свои последние распоряжения. Тут у молодой женщины мелькнуло тревожное подозрение, и она остановилась в нерешительности у входа в свои покои, спрашивая себя, не вернуться ли ей назад и не открыть ли всего отцу; однако выражение, подмеченное ею в глазах начальника папской канцелярии, честность которого казалась ей сомнительной, удержало ее от этого.

Беспокойство Лукреции усилилось еще более, когда он, войдя к себе, заметила отсутствие своей кормилицы, против обыкновения не дожидавшейся ее в тот вечер, причем на все расспросы прислуга отвечала ей незнанием того, куда девалась Фаустина. В своем расстройстве молодая женщина даже не подумала о том, чтобы лечь в постель, и отпустила своих служанок, отказавшись от их обычных услуг. Забрезжившее утро застало ее все еще погруженной в задумчивость, которая, несмотря на свою сладость, вызывала слезы на ее глаза. Тишина рассвета успокоила утомленное тело женщины, и она предалась дремоте, не вставая с кресла. Но вдруг ее потревожил посол от папы; последний немедленно требовал к себе дочь, желая видеть ее одновременно с феррарским посланником.

Лукреция была удивлена, но ей не хотелось показаться перед своим возлюбленным истомленной и бледной после бессонной ночи, а потому она извинилась перед отцом, велев сказать ему, что не может прийти. Однако на это последовал еще более настоятельный приказ явиться в папские покои, и Лукреция поспешила к отцу, даже не переодевшись. При входе к нему ее крайне поразил и встревожил его первый вопрос о том, куда девался иоаннит; с солнечного заката накануне он исчез из своих покоев, и перепуганный Бембо подтверждал это известие.

Страх и замешательство Лукреции при этом известии, казалось, усилили до крайности гнев папы. Александр высказал намерение отправиться лично на поиски иоаннита, чтобы узнать, по какой причине тот спрятался во дворце, но затем без видимой связи с предшествующими словами приказал позвать Фаустину. Лукреция, запинаясь, сообщила, что кормилица куда-то скрылась.

Это явно усилило волнение папы, и он воскликнул своим страшным голосом, испугавшим даже Лукрецию:

— Ну, так где же он? Это невероятно, хотя до нас дошли недавно странные рассказы о его лицемерном распутстве. Фиамма... молодая еврейка... ты слышишь?..

 Клянусь своей жизнью и честью, — с большим жаром возразила Лукреция, — все это — отвратительная клевета, придуманная

его врагами, чтобы вооружить вас против него.

— А кто сказал нам не дальше, как вчера вечером... Слушай, Лукреция, твоя Фаустина — так мне сообщили — искала защиты у Орсини. Нет ли и у нее на языке чего-нибудь такого, о чем охотно послушали бы враги? Несчастная, где иоаннит?

— Клянусь всеми святым, я сама желала бы знать это, чтобы успокоиться относительно его безопасности, — ответил молодая жен-

щина с горячностью, поколебавшей подозрение папы.

- Однако, что означает твой все разгорающийся румянец? продолжал он после некоторой паузы. Послушай, Лукреция, я хочу узнать самое хупшее, и, пожалуй, это необходимо, чтобы спасти наше имя от величайшего позора. Мне говорят, будто иоанниту было поручено разузнать здесь нечто такое, что могло бы беспрепятственно содействовать твоему браку с его повелителем. Английский рыцарь подтверждал это раньше, да и меня уверяют, Лукреция... Но если ты в самом деле такая презренная, какой я не хочу тебя назвать, то сознайся по крайней мере вовремя, чтобы я успел помешать предателю вернуться со своими хвастливыми речами в Феррару и покрыть нас вечным стыдом и позором, сделать всеобщим посмещищем.
- Отец, что значит все это? спросила до крайности пораженная Лукреция.
- У тебя только одно средство спасти свою жизнь: выдай мне иоаннита без всяких условий! Или ты хочешь заставить меня предать огласке и ворваться в твои покои с моими швейцарами, чтобы найти в них этого иоаннита?

Лукреция молчала с досады, стыда и горя. Однако это молчание подтверждало догадку ее отца; он был жестоко потрясен и опустился в кресло, точно силы покидали его и ноги отказывались ему служить. Закрыв лицо руками, он воскликнул:

— Вот истинная небесная кара!

— Умертвите меня, но не подозревайте в подобных вещах, — сказала наконец Лукреция задумчивым тоном, словно ей не хотелось верить тому, что она слышала, и ее томило смутное предчувствие страшного несчастья.

В этот момент вошел Бурчиардо; дрожа от страха, он доложил о приходе двух убогих старух из гетто, которые такими странными словами добивались доступа к Лукреции, что он пришел спросить, как она прикажет поступить с ними.

Не дав дочери распорядиться, чтобы евреек удалили, папа велел немедленно ввести их. Бурчиардо тотчас явился назад с Мортой и

Ноттой. Не замечая папы или не обратив на него внимания, они бросились к Лукреции, ухватились за ее платье и принялись вопить,

колотя себя в грудь.

— Мы снабдили тебя чудесным питьем, которое доставило тебе любовь твоего возлюбленного, — закричала Морта, — будь же и ты сострадательна к нам! В нашем доме схватили назарянина. Но ты пожалела наше дитя и сказала, что было бы святым делом показать бедняжке соблазнителя ее юности, чтобы успокоить ее отчаяние, так как в своем безумии обманутая считала его мертвым, убитым предательской рукой. Мы сделали только это, но не более.

— Да, он богат и расточает свое богатство, как приличествует воину, — подхватила Нотта, страшно ухмыляясь. — Но, прекраснейшая синьора, если ты согласна оказать милость ему и нам, то вот великолепнейший из его даров — эти драгоценные камни, достав-

шиеся ему при разграблении Капун, — возьми их себе.

— Венок с турнира! — воскликнула Лукреция, вне себя от испуга и удивления, когда старая ведьма с плачем и жалобными стонами положила к ее ногам венец из превосходных бриллиантов. — Что это значит? Не похитил ли арестованный в гетто христианин этих дивных драгоценных камней, чтоб подарить их своей возлюбленной?

— Нет, нет, только ты молчи, — возразила Нотта, и остальные слова были сказаны сестрами в один голос, как будто эти ведьмы не хотели уступить одна другой такого сладостного мщения. — Не разглашай о том, ведь пойманный синьор — рыцарь-монах, рыцарь Белого Креста Иоанна, которого назаряне называют святым.

У Лукреции вырвался полуподавленный крик, и, растерянно

взглянув на папу, она воскликнула:

- Так его нет в вашем доме? Где же он, адские женщины?

— Его увезли узником из Рима, — отвечала Морта. — Сенатор сам судил его, и мы не можем узнать, что сталось с ним и с нашим детищем — Мириам.

Сенатор? Орсини? Узник! — задыхаясь, воскликнула Лукре-

ция, а затем пошатнулась и упала без чувств к ногам папы.

Когда молодая женщина снова пришла в себя, то ее взор упал на Цезаря, который суетился, подавая ей помощь.

— Он умерщвлен! Не ты ли убил его, палач? — закричала

она. — Говори! Разбей мое сердце! Он умер?

- Этот бред действительно подтверждает рассказ Орсини, приведший меня в смущение, ответил Цезарь, содрогнувшись перед злобой, которой сверкали глаза его сестры.
- Убийца! Прочь твою окровавленную руку! Но скажи мне, жив ли он. Если ты не скажешь, то заговорю я и покажу перед небом и землею, какое ты чудовище! воскликнула Лукреция в сильнейшей ярости.
- Он не умер, и ему не причинено никакого вреда, поспешно ответил герцог. — Еврейка бредит. Просто нечестивые похоти

иоаннита отдали его во власть Орсини, а последний воспользовался настоящим случаем для нашего позора и отправил его в цепях в Феррару к его оскорбленному повелителю с неопровержимыми доказательствами его измены, если только это не было выдуманной шуткой. О, какой злополучный день!.. он покрыл нас таким стыдом!

Лукреция крайне изумилась этой поразительной цепи событий, которые так быстро содействовали всем намерениям зачинщиков, и долго смотрела перед собой, погруженная в молчание. Цезарь не понял значения одолевавших ее мыслей и не мог удержаться от горького смеха. Последний, к его удивлению, встретил отклик в его

сестре.

— А, так, значит, поймали соблазнителя еврейской девушки, которого, говорят, убил злодей, не имевший себе равного на земле со времен Каина! — сказала Лукреция, скрывая, насколько хватило сил, действительную скорбь под видом другой. — Прошу вас, — продолжала она, обращаясь к папе, — если вы любили меня когда-нибудь, то прикажите вернуть негодяя и подвергнуть его заслуженной каре за его чудовищное преступление.

— Можно предоставить наказание иоаннита его повелителю, — возразил Цезарь, — вернуть же его нет возможности, если посланный за ним вдогонку не помчится с быстротой ветра. Теперь светает, а он был увезен из Рима час спустя после солнечного заката на самой

быстроногой лошади, какую только можно было найти.

— Ах, догнать его решительно невозможно? — сказала Лукреция, причем ее прекрасное лицо удивительно просветлело. — Пусть он стремиться к своему наказанию в Ферраре, а я подожду своего в Риме. Не осуждайте меня, однако, не выслушав предварительно моих оправданий. Пошлите за сенатором Орсини, и пусть он предъявит свое обвинение; если же мне удастся опровергнуть его явными для всех доказательствами, то пусть я погибну, не оплаканная даже родным отцом.

— Сенатор в замке святого Ангела, куда он явился по моему желанию, — сказал Цезарь. — Но какой прок удовлетворять его жажду мести и радовать этого человека видом нашего отчаяния?

— Все равно, пусть придет, — возразила Лукреция.

Цезарь посмотрел на нее, как на помешанную, однако ей не противоречил, и за Паоло Орсини был отправлен посол.

— Никого не выпускать отсюда! — распорядилась Лукреция, заметив, что еврейки, стоявшие на коленах, хотели потихоньку ускользнуть ползком. — Вы не должны возвращаться к себе, в гетто, с половинным вестями обо мне: ведь их и так ходит слишком много; вам нужно получить более справедливое мнение о своей внучке, прежде чем вы вернетесь к приготовлению своих ядовитых снадобий. Не удивляйся, Цезарь! Дай мне только убедиться в справедливости рассказа этих старух, а тогда я с радостью разделю всякую участь, какая постигнет феррарского посланника. Бембо был его товарищем;

пусть же он будет свидетелем его разоблачения. Пошлите также и за ним!

Сам папа начал думать, что страх отнял рассудок у его дочери, однако твердый и спокойный тон ее речи опровергал подобное подозрение.

Орсини явился вскоре в сопровождении троих чиновников — членов его суда, двоих инквизиторов и одного писца. Радость мщения, которую он испытывал, носила спокойный характер, потому что Паоло чувствовал себя удовлетворенным с избытком; он вошел со смиренной церемонностью, обычной при появлении перед папой.

- Господин сенатор, заговорила Лукреция, как вы осмелились нарушить законы Рима, тогда как вы призваны перед всеми строго требовать их соблюдения? Как вы осмелились избавить рыцаря-иоаннита от возмездия, положенного законом за то преступление, в котором он был изобличен?
- А неужели вы разгневались так сильно из-за того, что к деятельности блудших римлянок присоединилась и нечестивая еврейка? со страшной улыбкой спросил Орсини. Но у римского сенатора есть обязанность поважнее соблюдения законов, потому что общественная безопасность стоит превыше всего. Союз в Феррарой представляет политический вопрос такой важности, что я был совершенно прав, удалив мошенника, который испортил бы нам все дело.
- Славная шутка! возразила Лукреция. Но объяснитесь точнее
- Как вам угодно, сиятельная синьора! Нотариус, прочтите нам то, что показала в нашем присутствии мона Фаустина, прежде чем была отправлена в качестве свидетельницы в Феррару, сказал Орсини, дрожа от нетерпения и радости,

Нотариус вздрогнул и в испуге посмотрел на папу, но Лукреция подала ему знак читать документ, и он, упав на оба колена, повиновался ее воле.

Фаустина, бежавшая из помещения Лукреции несомненно вследствие угрозы Цезаря или по его приказанию, открыла все, что она знала о свидании Альфонсо с Лукрецией, или видела своими глазами, или подозревала. Хотя в ее словах не было прямого обвинения, но они указывали на опасность, грозившую в будущем. Кормилица утверждала, что, судя по обстоятельствам и жалобам своей повелительницы, она до последнего времени думала и знала, что феррарский посланник пользовался своим полномочием, чтобы действовать против Лукреции, но во время того свидания они как будто заключили между собою договор, результатом которого явилось предложение посланника на другой день. Затем Фаустина рассказала все о ночном приключении и только не передала слов их разговора.

Подробности ее рассказа бросили в краску Лукрецию, а у папы вызвали громкий стон.

- Поэтому-то я и опасался, сказал Орсини, что союз с Феррарой не состоится, если не удалить своевременно этого человека. Если же я выследил его до самой потайной лазейки, то исполнил только свою обязанность.
- О, какой же негодяй и отвратительный изменник этот иоаннит! воскликнул Цезарь, будучи не в силах дольше преодолеть свое торжество. И самым подлым из всех его преступлений я считаю то, что он пользовался своей возлюбленной-еврейкой, чтобы распространять гнуснейшую клевету на мой счет; надо сознаться, я постоянно замечал, как все его стрелы направлялись втайне против меня.
- Теперь, ваше святейшество, вы можете усмотреть, что я, не помышляя о предательстве, вправе сложить с себя навсегда свое презренное занятие, сказал Орсини со спокойной улыбкой скрытой метительности.
- Да, я усматриваю здесь карающую десницу, простонал папа, удрученный скорбью. — Мой Джиованни убит, Цезарь помышляет о восстании, а Лукреция... О ты, худшая из всего твоего злого рода, что ты такое?
- Ваша дочь и невеста Альфонсо Феррарского, спокойно ответил та. Вся эта история, хотя и раздутая болтовней старых баб, справедлива. Совершенно верно, что вплоть до продолжительного свидания со мной наедине феррарский посланник был против моего брака с его принцем, но затем он объявил о нем на следующий день. До той поры я не знала о клевете, возводимой на меня родным братом, и о том позоре, который навлекла на мое имя его шутка над английским рыцарем.
- Нам пока не известно, одобрит ли Альфонсо Феррарский те средства, которые были выбраны иоаннитом для доказательства вашей невиновности, синьора, заметил Паоло Орсини.
- Презренная, неужели ты сама сознаешься в своей вине? тоном отчаяния воскликнул папа.
- Если любовь провинность, то я, разумеется, страшно виновна, ответил Лукреция. Но разве мне не приходилось слышать очень часто, что вы сами признаете за Альфонсо Феррарским высокое геройство и все достоинства правителя? Неужели он захотел бы сочетаться с позором? Неужели согласился бы дать своим детям мать, имя которой должно было вызывать на их лица краску стыда? Чтобы показать вам, отец, что я ни делом, ни помышлением не виновна в том, что мне приписывают; чтобы убедить вас, Орсини, что посланник, отправленный вами в Феррару, не изменник, а тебя, Цезарь, что эти старые бабы не сделали по крайней мере ничего, чтобы опровергнуть обвинения, которые ты усмотрел в бреду их внучки, я скажу вам всем... нет, только вам батюшка: "Иоаннит это сам Альфонсо Феррарский".

Солнечный луч, внезапно проникший во мрак, не так быстро освещает все, что было темно и загадочно, как быстро подействовало это открытие на пораженных слушателей. Водворилась тишина, как после потрясающего громового удара.

Цезарь опомнился первый и пробормотал:

 Если так, то после приключения прошедшей ночи мы не скоро услышим что-нибудь о Ферраре!

 Мы должны немедленно отправить посла за ним вдогонку, чтобы принудить его к исполнению обещанного, — сказал папа, бросая

на Лукрецию растерянный взор.

- Слава Пресвятой Деве, потому что благодаря заботливости Орсини его нельзя догнать, во вздохом промолвила Лукреция. Ни под каким видом принуждения не приняла бы я его руки. Только дай Бог ему благополучно прибыть в Феррару. А ты, Цезарь, вспомни катакомбы! Немедленное прибытие посла от Альфонсо должно подтвердить или опровергнуть мои слова, принести мне славу или бесчестье.
- Как давно знала ты обо всем этом, Лукреция? спросил Цезарь, смущенный зловещими словами сестры. — Ведь в долине Эгерии я слышал, как он признался тебе, что его намерения враждебны нам.
- Ну, тогда я величайший глупец, обманутый лукавством Борджиа! воскликнул Орсини при таком неожиданном разоблачении обмана всей интриги Цезаря.
- Удалитесь все, в сильнейшем замешательстве сказал папа. Мы должны узнать всю правду, Лукреция. Что же касается вас, Орсини, то если звание, которым мы вас облекли, причиняет вам столько забот и труда, тогда мы снимаем его с вас, чтобы отдать этот столь неприятный пост одному из ваших врагов.

Вслед за этим Лукреция обратилась к брату:

— Не смотри так дико, Цезарь! Уведи этих ведьм, так дерзновенно поносивших имя моего Господа, в твои темницы в замке святого Ангела и успокойся на том, что мы не хотим причинить тебе дальнейший вред, если ты не замышляешь ничего дурного против нас.

Лукреция произнесла эти слова с твердостью, но даже ее смелый дух поколебался от страшного взора Цезаря и, отвернувшись с содроганием от брата, она упала в простертые ей объятия папы.

XI

Лебофор покинул Рим в назначенный ему срок, к великой радости своей свиты и особенно старого оруженосца Бемптона. Предполагаемой целью его путешествия была Венеция, но туда он направился несколько необычным путем, а именно через Урбино, после того как получил перед своим отъездом через неизвестное лицо письменное удостоверение от папы, что ему разрешено жениться на своей двоюродной сестре. Как слышал Бемптон, рыцарь избрал этот путь, чтобы

миновать область Феррары и сесть на корабль в одной из гаваней Умбрии, но, будучи не знаком с тайнами союзных дворян, в которые Орсини посвятил английского рыцаря, недоумевал, почему его юному повелителю вздумалось остановиться в Урбино, все еще сильно волновавшийся после предательского нападения Борджиа. Хотя многочисленная свита ограждала Лебофора от опасностей и оскорблений, однако пребывание в Урбино не представляло ничего приятного, и Бемптон беспокоился до тех пор, пока Лебофор не решил продолжать свое путешествие.

Приближаясь к границам Урбино, Реджинальд прибыл со своей свитой на плоскогорье под диким горным проходом в Романью, над которым господствовала крепость Сан-Лео, главная твердыня в области Умбрии. На дикой тропе, вившейся к горному перевалу, шло множество поселян, гнавших волов, овец, везших на возах зерновой хлеб, а также кучки горцев, нагруженных произведениями своей скудной почвы. Реджинальд был безучастен к происходившему, но Бемптон узнал, что по всей окрестности производятся насильственные поборы на удовлетворение нужд гарнизона в крепости Сан-Лео, что не было редкостью при разбойничьих наклонностях наемного войска Борджиа. Лишь когда путешественникам попались дроги с тяжелым бревнами, Реджинальд стал собирать сведения и вступил в разговор с крестьянами-погонщиками волов, предводителем которых был коренастый горец по имени Пальтрони.

Собиралась гроза, когда английские стрелки приблизились к вершине горы Сан-Лео, на которой была сооружена одноименная крепость. Подъемный мост через пропасть был спущен, и ворота отворены для пропуска крестьян с их кладью и убойным скотом. Гарнизон держал себя до крайности нагло, а его начальник с красным от пьянства лицом и яростным голосам бражничал верхом на лошади со своими офицерами, производил приемку привезенных припасов по списку, бывшему у него в руке, и ругал, даже бил несчастных крестьян, не исполнивших, по его словам, своих повинностей. Когда осмотр был окончен, крестьян впустили через подъемные решетчатые ворота башни во внутренний двор крепости, где они выгрузили свою кладь и получили подобие квитанций.

Реджинальд, приблизившись к подъемному мосту, приказал своим людям остановиться и, по обычаю, дать сигнал трубой, что означало желание вступить в переговоры. Однако начальник крепостного гарнизона, услышав звук трубы, в первый момент замешательства крикнул: "Измена!", а затем приказал немедленно поднять спущенный мост.

Реджинальд увидел, что его просьба не будет уважена. Впрочем, этого надо было ожидать как ввиду суровости коменданта Пиетро Овиедо, так и ввиду того, что было опасно впустить в крепость вооруженный отряд, потому что гарнизоны Цезаря были очень слабы в Урбино, а частью и совсем отозваны, чтобы послужить подкреп-

лением для союзных дворян при осаде Болоньи. Однако Лебофор двинулся на своем коне к подъемному мосту и крайне вежливо попросил приюта и ночлега в Сан-Лео себе и своим спутникам. Тем временем подоспел и Пальтрони со своими бревнами и, понукая волов, обогнал рыцаря, так что волы и бревна очутились между комендантом и его непрошеными гостями.

— Прочь с дороги! — заорал Пиетро Овиедо. — Мы ответим на эту просьбу пушками, если нарядный господинчик не избавит нас тотчас от своего присутствия. Чего вы рыщете по владениям моего

государя герцога Романьи?

— Если хочешь знать, то не угодно ли тебе пожаловать сюда со своим копьем? — ответил Реджинальд. — Чего ты лжешь? Этот замок принадлежит не герцогу Романьи; он лишь отнял его, как вероломный и бесчестный грабитель.

Горцы и крестьяне, столпившиеся позади Реджинальда, одобрили этот ответ громким криком, да и в крепости он нашел себе бурный отклик, так что комендант, сильно обеспокоившись, вторично при-казал запереть ворота. Несколько солдат принялись гнать своими копьями волов дальше; однако, когда бревна очутились как раз под опускными воротами крепости, Пальтрони внезапно схватил топор и, размозжив голову ближайшему из неприятелей, кинулся вперед с криком: "Бог и мой государь герцог Урбино!" Этот возглас был немедленно подхвачен тысячью грозных и нестройных голосов внутри и снаружи крепости. Реджинальд со своими воинами тоже поскакал вперед с кликом: "Святой Георгий!" В один миг Пиетро Овиедо был сброшен сильным ударом наземь, а затем Реджинальд, выхватив меч, вступил в рукопашную схватку с солдатами Борджиа.

Бой был жесток, но непродолжителен, потому что неприятеля удалось захватить совершенно врасплох. Этим был осуществлен план Паоло Орсини оживить мужество союзников, отвоевав обратно Урбино и возвратив эту страну ее законному герцогу. Крепость Сан-Лео, имевшая важное стратегическое значение, пала; из всего ее гарнизона только не многие, и между ними комендант, спасенный Реджинальдом, избегли мщения народа, которое они навлекли на себя своей жестокостью и вымогательствами.

Но теперь возникло затруднение, каким образом удержать за собою дорого доставшуюся добычу. Реджинальд занял крепость своими воинами, а Пальтрони распространил весть об одержанной победе и поднял восстание во всей стране. В то время как Лебофор после побоища распоряжался уборкой бревен с моста, через него поспешно перешел человек, изнуренный усталостью, и кинулся к его ногам. Это был негр в запекшимся от страшной жажды языком; едва владея силами, он вытащил из-за пояса письмо, а затем потерял сознание. Бемптон узнал в нем скорохода Цезаря, носившего кличку "Душитель". Реджинальд созвал солдат в свидетели того, что письмо, принесенное негром, было адресовано коменданту, и вскрыл конверт.

Однако послание было написано тайным шрифтом, и, желая узнать его содержание. Лебофор приказал привести Пистро Овиедо и предложил ему прочесть письмо. Тот отказался, ссылаясь на свою неграмотность, и с письмом удалось ознакомиться при помощи духовника коменданта, знавшего ключ к тайному шрифту. В письме заключалось сообщение об аресте феррарского посланника и о тех причинах, по которым для Борджиа было необходимо разрушить план Орсини, хотевших доставить виновного посла в Феррару. Поэтому комендант крепости получил приказ во что бы то ни стало захватить этого пленника Орсини: если же они уже проехали со своим пленником через Сан-Лео, то отправиться за ними в погоню и скорес перебить весь конвой, чем пустить их дальше, причем в случае возможности привезти узника обратно в Сан-Лео и держать под строгим караулом до дальнейших распоряжений. Шедрая награда, обещанная Цезарем, доказывала, какую важность придавал он удаче этого пела.

Реджинальд тотчас поспешил расспросить негра и, узнав, что тому действительно удалось опередить путников, хотя и не на большое расстояние, разослал во все стороны разведчиков, которым было при-казано привезти Орсини с их пленником в Сан-Лео.

К вечеру вся компания прибыла в крепость. Хотя Орсини слышали дорогой о восстании и нападении на крепость, однако рассчитывали на дружбу урбинцев и на их ненависть к роду Борджиа, а потому были убеждены, что им дадут свободный пропуск, чтобы повредить интересам Цезаря. Конвоем командовал Фабио Орсини, причем его сопровождали опытные приверженцы рода Орсини и свита из воинов, закаленных в боях.

Реджинальд нарочно не показывался, пока все прибывшие сошли с коней, а пленник был отведен в приготовленную для него комнату, но наблюдал через бойницу одной башни за прибытием всей партии, и его сердце волновалось разнородными чувствами, когда он увидел иоаннита, который в грубом плаще с поднятым капюшоном сидел связанным в седле, не теряя, однако, своей царственной осанки и спокойного достоинства. В отряде всадников оказалась и женская фигура; всмотревшись в ее печальные черты, Реджинальд узнал Фаустину.

Фабио Орсини обнаружил некоторое удивление, встретив в лице завоевателя Сан-Лео английского рыцаря, однако не почувствовал ни малейшего беспокойства, воображая, что Реджинальд кипит непримиримой враждой к Цезарю, которая была вызвана его поступком. Со своей стороны, Реджинальд удивился перемене, происшедшей в душе Фабио. Молчаливый юноша, обращавший прежде на себя внимание только своей скромностью и кротостью, пылал теперь дьявольской жаждой мести и ненавистью к вероломному, как он думал, посланнику Феррары. Фабио, должно быть, воображал, что узника ожидает страшнейшая кара со стороны его ожесточенных повели-

телей, и у него самого являлось искушение лично покончить с ним; наконец, юноша, приведенный в ярость собственным рассказом об успехе Альфонсо у Лукреции и о разбитых надеждах его брата Паоло и вспомнивший, что Реджинальда томит то же горе, неожиданно кинулся в объятия последнего и сознался ему, что и сам он уже давно сделался жертвой страсти к Лукреции.

Лебофор намеревался сначала объяснить молодому человеку опасность принятого им на себя поручения и освободить пленника, но внезапное признание Фабио, а также уверенность в том, что урбинцы захотят удержать в своих руках заложником столь важное лицо, если обнаружится его звание, удержали его от этого необдуманного шага. Он быстро составил в уме план и посвятил в него лишь несколько из своих людей, без помощи которых не мог обойтись.

Около полуночи Альфонсо был разбужен светом факела и, вскочив с постели, увидел перед собой Реджинальда Лебофора.

- Не удивляйтесь, синьор Альфонсо, заговорил англичанин мягким, но дрожащим голосом. Не знаю, сообщили ли вам ваши стражи о том, что произошло в этой стране, но я считаю нужным сообщить вам, что я отбил и занял этот укрепленный замок для герцога Урбино.
- А теперь явились сюда, чтобы стать убийцей? Да, действительно, ваш кроткий нрав совершенно переменился, сказал Альфонсо, выпрямляясь и с отчаянием взглянув на свои крепко стянутые руки.
- Эта горькая речь не совсем не заслужена мною, а потому я перенесу ее, ответил Лебофор. Но, клянусь, если бы кто-нибудь убил меня, когда я предался обманчивой надежде на райское блаженство, то я не изведал бы жестоких упреков совести. Не страшитесь однако! Я пришел освободить вас, избавить от рук Орсини. Да, вы получите свободу, но при одном условии, в исполнении которого вы должны поклясться мне своей рыцарской честью и словом государя.
- Назовите свое условие, сказал Альфонсо, и тогда я отвечу вам.
- Судя по вашему странному поведению в Риме, по аресту в гетто, словом, по всему, вы стали равнодушны к Лукреции, и если бы... Впрочем, довольно! Поклянитесь мне, что вы не заплатите неблагодарностью за ее слишком расточительную любовь, что вы не покинете ее, чтобы осуществить тем низкую надежду Цезаря и Орсини, добивающихся того, чтобы она была покрыта стыдом и позором. Поклянитесь, что вы сделаетесь ее супругом согласно принятому на себя обязательству.

Несколько мгновений Альфонсо молча смотрел на Лебофора и, почти завидуя его рыцарской преданности и бескорыстной любви, ответил:

— Если вы отпустите меня теперь на свободу, а я не попрошу из Феррары ее руки, то вы вправе счесть Альфонсо Феррарского малодушным изменником, и я согласен на то, чтобы наши мечи решили, справедливо ли я поступил или нет.

— Я удовлетворюсь и готов поверить вам, потому что всегда видел ваше благородство и ваш возвышенный образ мыслей, подобающий царственному лицу, — ответил Реджинальд, после чего распилил

железные обручи на руках своего соперника.

Будучи вполне побежден великодушием англичанина и горя желанием оправдать себя и Лукрецию во мнении Реджинальда, Альфонсо правдиво рассказал ему то, что привело его в гетто. Этот рассказ разоблачил еще много других вещей, и между прочим принц открыл Реджинальду большую часть обстоятельств, убедивших его в невиновности Лукреции и в чудовищной преступности Цезаря. Для Реджинальда подобное открытие было благодетельно, так как оно убедило его в горячей любви Лукреции к своему жениху и в безнадежности его собственной страсти.

Избавив своего соперника от оков и веревок, Реджинальд дал ему вооружение и плащ одного из своих стрелков и затем беспрепятственно вывел из крепости, где изнуренная стража и Орсини бражничали или спали. Одна из лучших лошадей Лебофора стояла оседланной по ту сторону крепостных валов. Тут Реджинальд простился с Альфонсо и дал ему на дорогу два паспорта: один, подписанный Пиетро Овиедо, — для партии Борджиа, а другой, изготовленный Пальтрони, — для урбинцев, на случай, если бы принцу пришлось столкнуться в пути с людьми того или другого лагеря. Феррара находилась лишь в нескольких часах езды от Сан-Лео, и, будучи хорошо знаком с местностью, Альфонсо, снабженный такими надежными документами, едва ли рисковал чем-нибудь, так как ему не угрожало более преследование Орсини. Вскоре бывшие товарищи по оружию расстались.

Побег иоаннита был обнаружен только на следующее утро. Все были поражены изумлением и стали подозревать здесь измену, пока Лебофор не сознался открыто, что сам освободил феррарского посланника. Он указал изумленным Орсини на ту опасность, какую они навлекли бы на себя, доставив в Феррару подобного узника, а урбинцам выставил на вид выгоду для них от того, что можно заручиться дружбой столь могущественного соседа, или по крайней мере избежать явного разрыва с ним, который может явиться следствием какого-нибудь насилия со стороны Орсини. В заключение он

сообщил, что иоаннит был самим Альфонсо Феррарским.

Это сообщение подтвердилось в тот же день. Немного спустя в крепость прибыл епископ д'Энна; он был преданным слугой Цезаря и, вероятно, получил от него важные распоряжения, однако счел нужным умолчать о них, когда увидел, как сложились обстоятельства, и когда сам очутился пленником. Однако он вполне подтвердил

то, что произошло в Риме, причем ложно сообщил, что прислан с приказом об освобождении столь высокопоставленного пленника и о почетном обхождении с ним.

В приливе упорства и ненависти Реджинальд отправил негра, епископа д'Энну и Фаустину в ближайшую крепость Цезаря в Романье, приказав им как можно скорее явиться к своему повелителю с докладом о том, что его распоряжения опоздали. Фабио Орсини поневоле согласился с этим.

XII

За взятием Сан-Лео последовало восстание по всей области Урбино, и герцог Гвидобальдо быстрее, чем лишился своего герцогства, снова получил его в свое владение, за исключением некоторых крепостей; конечно, он поспешил немедленно осадить их. Реджинальд под влиянием жажды мщения Цезарю остался главной опорой восстания, и оно благодаря его пылкому усердию и храбрости вскоре

произвело полный политический переворот.

Последствия событий в Урбино были чрезвычайны. Римское дворянство оправилось от внезапного испуга, в какой повергли его отпадение Франции и победы Цезаря. Вассалы церкви не приняли его предложения выступить с ним вместе на осаду Болоньи, предписанную ему папой, но на заседании в Маджионе составили между собой явный союз против партии Борджиа и обязались помочь всем изгнанным из своих владений дворянам водвориться в них снова. После такого решения герцог Гвидобальдо, Вителлоццо и Оливеротто да Фермо выступили со всеми своими боевыми силами в Урбино, чтобы отразить нападение значительного военного отряда, высланного туда Цезарем под предводительством Мигуэлото.

Сам Цезарь находился в Имоле, когда пришла первая весть о том, что счастье изменило ему. Он получил письмо, сообщавшее о захвате крепости Сан-Лео и об освобождении Феррарского принца. Для Цезаря в политическом отношении было бы неизмеримо важно, если бы Альфонсо очутился в его власти, и на этом обстоятельстве основывалась большая часть его планов, задуманных им после того, как он попал в немилость у папы. Однако события в Сан-Лео разрушили все его замыслы и поощрили дворян противиться его предложениям, и они приводили свои вилы в полную готовность к открытому сопротивлению господству рода Борджиа, а их главный советчик Паоло Орсини помышлял только о мщении.

Цезарь понял, что запутался в страшных затруднениях и окружен опасностями. Вся Италия с изумлением узнала, что он заперся с ничтожными боевыми силами в Имоле, недалеко от повелителей Болоньи, снаряжавшихся для нападения на него, тогда как в Перудже дворяне южной части итальянских владений собирали под предводительством ожесточенного Паоло Орсини свои войска, наводившие ужас на Рим и не намеревавшиеся отступить оттуда. Умбрия

находилась в волнении; Романья колебалась; Феррара была раздражена, а на французов в Милане Цезарю было трудно рассчитывать, так как их вице-король был личным врагом Цезаря; венецианцы тоже были его заклятыми врагами; флорентийцы колебались между двумя почти одинаковыми антипатиями. Одним словом, положение Цезаря было почти безвыходным, а поражение, нанесенное Мигуэлото под Кальи герцогом Урбино, Орсини и Реджинальдом, довершило злополучие римского полководца.

Победа союзников поразительно сказывалась в том беспокойстве, которое овладело всеми, имевшими причину бояться. Это особенно относилось к Флоренции, которая чуяла в этом повороте военного счастья торжество своих изгнанных тиранов — Медичи. Смущенная столь быстрым ходом политических событий и озабоченная тем, как Цезарь, отрезанный от Рима, не сдался Орсини, она решила отправить к нему посла с предложением убежища в своей области. Эта миссия была возложена на Никколо Макиавелли.

Посол могущественной Флоренции был принят в Имоле с почетом, и ему было отведено помещение в большом здании, походившем на крепость и служившем некогда резиденцией изгнанникам Риарти. В нем жил Цезарь, и в виде особого благоволения здесь же были отведены комнаты послу. Готовясь к аудиенции, Макиавелли только что переменил свое дорожное платье на простой черный костюм, из которого состоял его чисто республиканский гардероб, как вдруг за зеркалом отворилась потайная дверь и в комнату вошел сам Цезарь.

 А, Никколо! Неужели старейшины вашей республики не могут дать тебе ничего, кроме платья из черного генуэзского бархата?

заговорил он.

— Республиканцы не любят тратить свое золото на позументы, а мое личное достояние заключается преимущественно в виноградниках, которые сильно опустошены недавними набегами Вителли, — не без замешательства ответил посланник. — Однако я весьма радвидеть вас таким здоровым и веселым и спешу сообщить, что имею поручение от имени своих повелителей предложить вам во Флоренции защиту и убежище от окружающих вас врагов.

— Неужели полагают, что я нахожусь в таких тисках? — воскликнул Цезарь с несколько отуманенным лицом. — Впрочем, я с удовольствием выслушаю твое предложение, так как знаю, что дворяне просили тебя вступить в союз против тирана, каким считают

меня. Не правда ли?

— И весьма убедительно, но, пока Орсини и Вителли состоят в родстве с Медичи, — безуспешно, — ответил флорентиец.

Но, конечно, тебе поручено предложить мне благоволение и

защиту твоих повелителей на тяжелых условиях?

— Нет, мое поручение и воля моей республики будут исполнены, если я склоню вас принять ее помощь и не подчиняться власти ваших наглых мятежников, — возразил Макиавелли.

— Ну, я не сомневаюсь, — заметил в раздумье Цезарь, — что если мы заключим мир, то условием его будет поставлено восстановление Медичи.

— Но ведь это было бы для вас окончательной гибелью. — с бес-

покойством подтвердил посланник.

- Ваше собственное участие ко мне убеждает меня в безвыходности моего положения, сказал герцог со странной улыбкой, в которой таился загадочный смысл. Вашей республике не мешало бы последовать благоразумному примеру прочих, не стараясь о поддержке моего закатившегося счастья, как это делают французы; ты видишь, мне не шлют ни одного копья из Милана.
- Наше желание помочь вам сильнее нашей власти, но ведь теперь у вас новый могущественный союзник в Ферраре, который не нокинет вас в крайности, возразил Макиавелли.
- Как же, я слышал, его посланники проследовали вчера через Болонью. Но ведь они едут свататься, а не воевать, и нашлись злоумышленники, которые убедили их, что лучше сидеть дома, пока мои гарнизоны стоят у границ Феррары. Правда, перед его святейшеством они ссылаются в данном случае на венецианцев, будто бы мешающих им явиться со своей миссией в Рим, и папа принимает в уважение эту отговорку. Пусть будет так до поры до времени. Но я благодарен им; они сделали мне больше добра, чем хотели. Паоло Орсини соблаговолил наконец внять моим убедительным просьбам и, как только мои заложники прибудут в его лагерь, великодушно намеревается прибыть в Имолу, чтобы сообщить мне приказ о тех моих действиях, которые могут вернуть мне благосклонность как его самого, так и его сотоварищей по мятежу.

— Ну, тогда я прошу вас не соглашаться ни на какие условия,

клонящиеся к ущербу нашей республики.

- Можешь быть уверен. Ну а теперь, друг Никколо, скажи откровенно, по-дружески, что думаешь ты о моем теперешнем положении.
- Прежде всего я дивлюсь, как это вы, столь мудрый государь, могли очутиться в нем, поспешно ответил Макиавелли, а вспоминая наши частые разговоры, удивляюсь тому, что вы не постарались составить свое собственное войско, вместо того чтобы попрежнему полагаться на союзников и наемных солдат.
- Никколо, Никколо! Ведь если бы не сумасбродство проклятого Лебофора, внезапно и насильственно раскрывшего мои планы, то почти все обстоятельства благоприятствовали бы моим замыслам и желаниям, потому что только испуг и гнев, вызванные могущественной коалицией дворянства, могли бы заставить папу и Лукрецию раскошелиться, чтобы я мог навербовать войско, как ты часто советовал мне. Но это не помешало мне все же позаботиться об этом важном для меня деле, и сейчас я тайком собираю войско в своих укрепленных замках, а также купил всю артиллерию бывшего

неаполитанского короля Федериго. Таким образом мои силы растут, и для меня даже важно, чтобы мои враги думали, что я в опасном положении. Чем дольше оно будет продолжаться, тем лучше для меня. Мне нужно только время, и в конце концов победа будет за мною. Дворяне против меня; но что ж из этого? Я неслышно забиваю клинья, однако они раскалывают вражескую коалицию по всем направлениям. Почему, например, Бентифольи колеблются пойти на приступ Имолы? Да потому, что я болтаю о том, будто намерен уступить им Болонью, взяв в вознаграждение их золото и их солдат. Орсини в свою очередь прислушиваются к моим удивительным замыслам против Феррары, начиная с насильственного брака их Паоло с Лукрецией; Вителли довольны тем, что я беру Сиену, а Петруччи — моими заявлениями о том, что герцог Урбинский Гвидобальдо не нуждается в восстановлении своей власти.

Макиавелли с восхищением смотрел на своего великого ученика или, скорее, учителя и воскликнул, словно пророчествуя:

— Тогда я по-прежнему могу видеть в моем Цезаре предназначенного судьбою освободителя Италии, который должен изгнать варваров из прекрасной, но опустошенной страны!

- Да, я буду так славен, что мои недостатки покажутся изумленным взорам людей не темнее пятен вон там, на солнце, которое лучезарно закатывается над горами и долинами Италии, где мое имя должно быть так же вечно, как имя первого Цезаря, сказал Борджиа с восторгом честолюбия. Орсини проложили мне первый путь, и никакие просьбы, даже просьбы Лукреции, не могут укротить гнев папы против них, потому что они открыто заявляют о необходимости низвержения его.
- Но когда мои повелители услышат, что Паоло Орсини был у вас, что могу я сказать им в утешение? жалобным тоном спросил Макиавелли.
- Передай им только одно, что в промедлении вся моя надежда, а переговоры скучное занятие. Прибавь еще, что я внимательно слежу за всем и выжидаю благоприятного времени.

Так закончился первый деловой разговор между Борджиа и посланником, и последний с меньшим беспокойством ожидал теперь прибытия Паоло Орсини на следующий день. Это свидание Орсини с Цезарем состоялось, и Паоло вышел от герцога с мертвенно-бледным лицом и без той твердой и надменной осанки, с какой прибыл в Имолу. Очевидно, он убедился, что шансы дворянской коалиции вовсе не столь блестящи, как это могло казаться, и это вскоре оправдалось.

Правда, все союзники энергично продолжали одерживать победы, и величие партии Борджиа висело на волоске. Но Цезарь прикидывался таким покорным, а страшная опасность, до которой они его довели, была так несомненна, что они поверили, будто достигли всего, и охотно уступили его просъбам предписать ему условия. Паоло

Орсини сделался его послушнейшим орудием, но, едва ослабла общая опасность, оказалось столько поводов к невозможности выполнить обещанное, и Борджиа умел так ловко пользоваться ими, что не только затянулись переговоры, но постепенно возникли недоверие и раздоры между союзниками. Вдобавок по настойчивым требованиям папы Цезарь получил наконец подкрепление, состоявшее из отряда французского войска, который вместе с набранным им самим боевыми силами уже давал ему перевес над его противниками.

Смущение последних было велико, но Цезарь не обнаруживал своего намерения отступить от принятых им условий, и даже Вителлоцио поверил его искренности, когда возобновились переговоры о всеобщем мире. Борджиа даже отказался от своих видов на Болонью и вместо ее подчинения соглашался удовольствоваться порядочным количеством войска и денежной помощью. Зато он совсем не хотел выслушать условия союзников в пользу герцога Урбинского. но, чтобы усыпить их опасения, намеревался отпустить французских солдат, если ему обещают поддержку при вторичном завоевании герпогства Урбинского. Паодо Орсини особенно настаивал на этом. Вместе с тем был возобновлен вопрос о командовании армией союзников. Наконец было решено во избежание недоверия, что всеми военными силами будет предводительствовать один из вождей лишь под главным начальством Цезаря. Паоло выразил готовность принять на себя эту почетную и опасную должность, роковой договор был наконец заключен.

Несчастный герцог Урбинский, окруженный наступающими врагами и вероломными союзниками, счел всякое сопротивление напрасным и снова бежал в Венецию, предварительно разрушив большую часть своих крепостей, чтобы ими нельзя было снова воспользоваться для угнетения его верных вассалов. Он освободил своих приверженцев от всех обязательств и уговорил Лебофора принять под свою защиту Синигалию, пока его сестра, повелительница этого города, успеет устроить свое бегство.

Макиавелли был чрезвычайно обрадован таким оборотом дел и старался внушить Цезарю различные коварные меры, чтобы сокрушить вконец могущество союзных дворян. Цезарь согласился, и его отряд, состоявший преимущественно из французских солдат, действительно выступил для нападения на дворян, но по прибытии их в Фано было объявлено о заключении мира и о роспуске французского войска.

Это крайне удивило всех, особенно французов, однако Цезарь оправдывался истощением страны и невозможностью вернуть себе иным способом доверия дворян. Французы удалились в большой досаде, радость же союзников была, напротив, безгранична, и они по просьбе Паоло позволили стянуть их боевые силы к Синигалии, чтобы снова отвоевать этот город для герцога Романьи, но с тем

условием, что он не появится среди них лично — настолько еще сильно было их опасение перед ним.

Повелительница Синигалии устроила свое бегство с помощью Лебофора, и были получены известия, что он будет занимать этот город лишь до тех пор, пока прибудут галеры, которые герцог Урбинский обещал прислать из Венеции, чтобы доставить туда Реджинальда с его солдатами. Но со времени бегства Альфонсо из Сан-Лео Паоло Орсини был так озлоблен против Лебофора, что ему очень хотелось утолить свою жажду мести, и Цезарь, по-видимому, подстрекнул ее, чтобы довести дело до нападения. Дворяне поставили условием, чтобы Цезарь оставался в Фано, а их знатнейшие союзники полководцы трое Орсини, Вителлоццо и Оливеротто да Фермо выступили во главе своих военных сил против Синигалии.

Реджинальд, увидав многочисленное войско, понял, что может оказать ему лишь слабое сопротивление: город не был укреплен, население было недовольно или парализовано страхом, а гарнизон едва достаточен для защиты валов. Однако, несмотря на это, он не пал духом, когда явившийся Паоло Орсини стал требовать сдачи города, а, заметив недоверие между дворянами и Цезарем, заносчиво ответил, что так как ему предлагают сдать город церкви, то он может вручить ключи Синигалии только ее представителю — герцогу Романьи.

 Ну, тогда прощай, военачальник Синигалии, и если мы увидимся вновь, то один из нас будет стоять на краю вечности! — воскликнул Паоло.

Начались приготовления к приступу, но жители города покинули крепостные валы, а так как собственные военные силы Реджинальда были слишком слабы, то он решил запереться в крепости и выговорить себе как можно более выгодные условия для почетного удаления из нее. Горожане тотчас вступили в переговоры с осаждающими, и знамена последних к вечеру уже развевались на городских валах.

Два дня беспрерывных приступов внушили осаждающим уважение к мужеству врагов. Однако крепость была окружена со всех сторон, а Цезарь прислал для поддержки своим союзникам несколько орудий, и те принялись обстреливать крепостные валы. У Лебофора не было особых причин затягивать защиту города дольше того, сколько требовала честь, и он решил предложить сдачу крепости с условием, чтобы его солдаты могли беспрепятственно удалиться в Венецию.

Когда пришло это предложение, дворяне совещались между собой, но о другом предмете; однако Паоло Орсини тотчас присоединил и его к настоящему делу.

— Синьоры, — сказал он, — в данном случае я должен по требованию герцога Цезаря выразить его настоятельное желание лично переговорить с защитником Синигалии. Может быть, он помышляет отомстить вероломному чужеземцу или просто насладиться унижением его гордости, когда заносчивый юноша будет принужден вручить ключи города полководцу церкви. Так или иначе, но было бы нелюбезно с нашей стороны отклонить его просьбу. Да и чего нам опасаться, раз он отпустил французов, а флорентийцы из-за его союза с нами питают к нему страх и недоверие, мы же примем его среди наших победоносных войск?

— С какой это стати вздумалось Цезарю отдаваться в наши руки? — подозрительно спросил Вителлоццо, потряхивая длинной се-

дой бородой.

— Ну, почтенный Вителли, не станем спрашивать, почему, а лучше воспользуемся случаем, — перебил Оливеротто да Фермо. — Говорю вам, пусть он пожалует, тогда мы поднимем вопрос о Тоскане, а если Борджиа заартачится, то мы перережем ему глотку и бросим его труп собакам.

— Замолчи, бульдог, ведь ты способен опровергать хоть соломонову мудрость, — возразил Вителлоццо. — Впрочем, нет, Паоло, ведь между нами было условлено, что только один из нас должен одновременно плясать в силках Цезаря, и ты сам добровольно при-

нял на себя это назначение.

— Совершенно верно, — ответил Паоло, — но подумал ли ты, Вителли, также и о том, как опасно оставить все здешние войска без предводителей, подвергнутыми влиянию серебряного языка Цезаря?

 Его серебряный язык будет звучать напрасно перед моей суровой немецкой конницей,
 с хриплым смехом возразил Оливе-

ротто.

- Ну а что ты скажешь насчет золотого? подхватил Паоло. Папа хотя и стонет, что должен истратить приданое своей дочери, однако со страху сыплет деньгами обеими руками. Цезарь заранее предвидел нашу отговорку и потому соглашается, чтобы мы расквартировали своих солдат по ближайшим городам и замкам, а сами остались в лагере с одними нашими наемниками.
- Я полагаю, что у него не наберется при себе в Фано и трехсот копий, тогда как я занял полгорода целой тысячью, — сказал Оливеротто. — Должно быть, страх, который мы на него нагнали, отшиб

у него разум.

- Нет, я не полезу в яму, которая так гладка и открыта и откуда так заманчиво несет трупным запахом, решительно возразил Вителлоццо. По-моему, мнимое намерение Цезаря уничтожить всякий повод к зависти и раздору между нами есть не что иное, как лакомая приманка. Нет, клянусь честным крестом, я не дамся ему в когти!
- Ну, Паоло, будем откровенны с ними, порывисто сказал герцог Гравина. Синьоры, что может быть для нас опаснее этого союза Борджиа с Феррарой? Да и для Цезаря будет гибелью, если папа вздумает сделать имя детей своей дочери знаменитейшими в Италии. Кому не известно, что Урбино и Феррара соприкасаются

на горах! Но пусть папа справляет великолепное бракосочетание своей Лукрецией с Альфонсо Феррарским. Мы соберемся тоже на него, и что может нам помешать тогда — конечно, в согласии с Цезарем, — посадить его на трон? Ведь этот трон станет для него обузой на всю жизнь, лишит его навсегда благоволения Франции и папы и поставит в полную зависимость от нас! Я не утверждаю, что Цезарь питает именно такое намерение; но что, если это именно так?

При всем желании достичь своей цели Паоло Орсини почувствовал зловещее волнение в душе, котя отец высказал лишь мысли, внушенные им же самим, и, прерывая наступившее молчание, сказал:

— Но о чем же мы беспокоимся? Ведь мы получим от Цезаря чрезвычайно важный залог его искренности. Дело в том, что Лукреция, как помолвленная невеста, должна проезжать по владениям герцога Романьи, и Цезарь поклялся мне, что не потребует от нас ни малейшей помощи в ратном деле, пока не отдаст мне своими руками Лукрецию как невесту, давно обещанную нам его вероломным отцом.

Все члены совещания оживленно заговорили; многие оспаривали предложение Орсини, но в конце концов он убедил союзных дворян разрешить Цезарю желаемое свидание.

Упоенный своею победой, Паоло призвал посланного Реджинальда и велел ему передать своему господину, что враги предоставляют ему вручить на следующий день ключи города герцогу Романьи.

 Да скажите доброму рыцарю, — угрюмо прибавил Вителлоццо, — что я предлагаю ему побрататься со мной и похлопочу о верном исполнении его условия, если останусь до тех пор жив.

XIII

Заключение мира и уход французов удивили Макиавелии, а затем он был крайне озабочен слухом, что Цезарь хочет присоединиться к войску союзников в Синигалии. Наконец его тревога еще усилилась тем, что герцог, против своего обыкновения, отказывал ему в аудиенции до утра следующего дня, причем назначил ему прием перед самым своим отъездом в Синигалию. Макиавелли явился к нему на рассвете и был введен в маленькую комнату, где Цезарь находился в обществе Мигуэлото и некоторых важнейших офицеров.

Доброго утра, мессир Никколо Макиавелли, — со смехом приветствовал его Цезарь. — Простите, что я побеспокоил вас еще до петухов. Позавтракайте у меня. Но разве кто-нибудь сказал вам о

путешествии, что вы нарядились в дорожный костюм?

Если вы должны попасть в руки Орсини, то посланнику Флорентийской республики нечего у вас делать,
 ответил Макиавелли.

— Неужели ты боишься медведя в наморднике, Никколо? — в раздумье спросил Цезарь. — Э, полно!.. Как ни силен и ни увертлив Паоло Орсини, однако он сделается таким же безобидным, как этот укрощенный зверь, между двумя силачами Савелли, у которых его дядя отнял ленное владение на Тибре. Бычок Вителлоццо буен, но при нем есть люди, которые удержат его на крепком недоуздке.

— Да какой же в том прок, раз они окружены войском, которое

им легко созвать в один час? — возразил Макиавелли.

— Между жизнью и смертью нет и минуты, Никколо, — мрачно заметил Борджиа. — В один час? Да этого срока было бы достаточно для уничтожения всего человеческого рода, если бы мы имели к тому средства, как я имею их, чтобы поразить своих противников. Думаю, тебе известны правила, следуя которым я душу людей в раздражении или наношу внезапный удар и истребляю своих врагов без остатка, вместо того чтобы обрубать им ветви. Тебе ли удивляться, если сегодня я навсегда избавлюсь от помех своему величию, как избавилась ваша республика от своих смертельных врагов, и отниму от своих противников в Риме их единственный противовес против меня, принудив их ради собственной защиты и спасения отхлебнуть из кубка кровавой мести?

Макиавелли бросил боязливый взор на своего страшного воспитанника, но он был политик, лучше всех других посвященный в правила итальянской государственной хитрости, да к тому же патриот и республиканец, который не мог забыть набеги Орсини и Вителли на Тоскану и их намерения восстановить блестящую тиранию Ме-

дичи, а потому, овладев собою, он произнес:

— Флоренция, разумеется, зажжет торжественную иллюминацию, когда услышит подобные вести вместо удручающих, которых ожидали от меня. Позвольте мне оставаться в вашей свите, чтобы я мог сообщить во Флоренцию столь приятные новости. Однако, сознаюсь, мне непонятно, как можете вы помышлять об уничтожении своих врагов, когда они окружают вас своим победоносным войском?

— Слушайте, мессир Никколо: что бы ни случилось, я должен идти вперед, я не могу и не хочу отступать! Сегодня все будет приобретено или все потеряно, и я ни за что на свете не хочу расставаться со своей надежной. Осуши же со мною бокал, пока солнце

не успело еще взойти над нашими головами!

Сумрак еще не рассеялся, когда герцог и Макиавелли с восемью офицерами и слабым прикрытием из отряда всадников выехали в Фано. Одно из опасений флорентийца рассеялось, когда он увидел выстроенное на берегу реки Метавро войско Цезаря, собранное им

втайне из захваченных крепостей.

Переправа через реку была произведена немедленно. Остальная часть пути пролегала по унылой местности, вдоль морского берега, по пустынным песчаным холмам у подножия горного хребта. Беспрерывный шум моря подействовал оживляющим образом на душевное настроение Цезаря, и он даже часто кидался на лошади в пенящуюся воду, как будто бушующие пенящиеся волны доставляли

ему огромное удовольствие.

Наконец Цезарь прибыл в Синигалию. Между ним и союзниками состоялся договор, по которому дворяне обязались передать город ему и его свите, а свои собственные военные силы расквартировать по окрестным деревням. Однако Оливеротто да Фермо, чтобы предохранить себя от всякой опасности, занял предместье, лежавшее по дороге в Фано и отделенное от городских валов рекой, через которую вел узкий мост. Когда авангард войск Цезаря подъехал к этому мосту, он внезапно остановился, как будто хотел вступить в город, сделал поворот и разомкнул свои ряды.

Тем временем союзные дворяне усаживались на коней, чтобы приветствовать гостя. Веселость Паоло бросалась в глаза; он явился в великолепном вооружении с белым султаном. Вителлоццо, напротив, снова приуныл. Его костюм был поразительно небрежен, он был без доспехов, а его голову покрывала лишь зеленая бархатная шапочка. Заметив спешивших к городу многочисленных копьеносцев, лица и вооружение которых были ему чужды, он упорно отказался следовать дальше, если Оливеротто со своими немецкими ландскнехтами не останется в предместье Борго ради предохранения от всякой измены. Напрасно старался Паоло убедить его, что большой отряд двигался вполне мирно, а это должно было бы опровергнуть всякую мысль о каком-либо злом умысле.

Вителлоццо стоял на своем. Оливеротто, его воспитанник и горячий приверженец, принял его сторону, и наконец было решено

оставить его в Борго.

С небольшим конным отрядом герцог Гравина рядом с Вителлоццо и Паоло поехал дальше. Когда они переехали реку и Цезарь уже приближался к ним, Вителлоццо задрожал всем телом, как в лихорадке, и его лицо покрылось мертвенной бледностью. Паоло, тревожно наблюдавший за ним, сказал, улыбаясь:

Вы дрожите, Вителлоццо, потому, что на вас нет доспехов.
 Я видел вас во многих сражениях, но никогда не замечал, чтобы

вы дрожали.

— У меня на душе точь-в-точь так, как было у моего брата Паоло в тот день, когда мы возвращались во Флоренцию, где неблагодарные злодеи убили его, — чуть слышно ответил Вителлоццо. — Тем не менее, клянусь всеми святыми, я охотнее пошел бы навстречу целому городу Флоренции и его женщинам с их острыми ногтями, чем Цезарю Борджиа.

 Это пустая тревога, Вителлоццо! Знаешь ли, сегодня мне немного грустно, а между тем я точно несусь на крыльях со своим конем, — возразил Паоло и заставил свою лошадь сделать высокий

прыжок.

Цезарь, увидевший в тот момент подъезжающих всадников, ска-

зал в свою очередь Макиавелли:

 Ну, Никколо, кажется, ты улавливаешь на лицах этих людей тень вечного мрака, на грани которого они стоят? Клянусь небом, твое лицо имеет свинцовый цвет моря, по берегу которого мы проезжали.

Макиавелли улыбался, но его сердце сильно билось.

Цезарь радостно махнул рукой, когда полководцы приблизились,

и пришпорил своего коня.

— Я снова счастлив, мои паладины возвращаются! — воскликнул он и обнял Паоло, ехавшего впереди, после чего приветствовал обоих старших воинов с большей почтительностью, но необычайно сердечно. — Сиятельный Гравина, которого я вправе называть своим батюшкой, потому что он — отец Паоло... Вителлоццо... о, мне так недоставало твоей высокой фигуры в моем боевом строю! Но где же храбрый Оливеротто?

- Он собирает нашу маленькую свиту, чтобы приветствовать

вас, - поспешно ответил Вителлоццо.

- Хорошо, - сказал Борджиа, и его взор обратился на Мигу-

элото, который понимал взгляды не хуже слов.

Цезарь спокойно ехал дальше, не переставая рассыпаться в любезностях перед полководцами, пока Мигуэлото, по его расчету, успел исполнить намерение своего повелителя. Тогда он прикинулся сильно утомленным и попросил своих хозяев, как он их называл, проводить его в отведенную ему квартиру.

Тем временем Мигуэлото поехал на площадь предместья, где Оли-

веротто выстраивал своих солдат, и заявил:

— Я послан просить вас о том, чтобы вы отослали своих солдат по их квартирам. Герцог опасается, как бы его люди — народ грубый и неотесанный — не напали на них, видя их праздными, а это могло бы повлечь за собой внезапное и опасное восстание. Поэтому я прошу отправить немцев на место их стоянки и пожаловать со мной к герцогу, который поклялся мне, что ему недостает только вас в

такую радостную минуту.

Эта льстивая речь и мирное прибытие Цезаря заставили Оливеротто немедленно исполнить желание герцога, и он весело поскакал к нему. Навстречу ему выехал дон Уго, и между ним и Мигуэлото Оливеротто продолжал свой путь. Вскоре показался Цезарь. Он ехал, разговаривая с Паоло; за ним следовал герцог Гравина, беседовавший с епископом д'Энной и дворецким герцога Романьи; Вителлоццо замыкал кортеж в сопровождении двоих здоровенных швейцарцев. Последние кидали на него внимательные взоры, но Вителлоццо не обращал на них внимания, так как обдумывал свое решение остаться в Синигалии, очутившись среди солдат Оливеротто. Поэтому можно представить себе, насколько усилились его опасения, когда он увидел, что предместье Борго совершенно покинуто ими, а Оливеротто слез с коня, чтобы приветствовать герцога.

О, ты снял свой траур? — с улыбкой сказал Цезарь, заметив

нарядную одежду да Ферма.

— Это старое платье, то самое, в котором я был на банкете, когда вспыхнуло восстание, повлекшее за собою смерть моего несчастного дяди; но с той поры прошел уже целый год, — в некотором замешательстве ответил Оливеротто.

Очень рад, очень рад, что у вас есть теперь друг в раю, который будет там вашим заступником; я слышал, что он был предобрый старик,
 сказал со странным ударением Цезарь.
 Поезжайте, однако, впереди, сегодня вечером вы должны все отужинать у меня.

Прошу извинения, — возразил Вителлоццо. — Меня как-то странно знобит; должно быть, оттого, что сегодня я в первый раз

после долгого времени выехал без доспехов.

— Но я прошу вас всех проводить меня на мою квартиру. Мне хочется посоветоваться с вами о том, как нам поступить с молодым сорвиголовой, который осмелился отнять у меня Сан-Лео.

С этими словами он поскакал дальше и почти не слушал, что говорил Вителлоццо, пока не настиг арьергарда обреченных на гибель

воинов, въезжавших в ворота Синигалии.

 Я дал слово, Вителлоццо, — сказал тогда Цезарь, — это правда, и если вы сдержите свое, то я последую вашему примеру. Но где же Фабио? — Мы не можем отучить его от книг, но я готов биться об заклад, что он представляется, будто изучает немецкий строй у солдат Оливеротто, — угрюмо ответил герцог Гравина. — Монахи сбили меня с толку, уговорив сделать из него ученого. Теперь, будь у меня хоть сотня внуков, ни один из них не станет долбить латынь.

 — Моя сестра — ученая особа, — с лукавой улыбкой заметил Цезарь. — Она не допустит, чтобы вы исполнили свое намерение.
 Но что скажете вы, однако, насчет того англичанина. Оливеротто?

— Да, по-моему, ему место вот на зубцах той башни, — ответил да Фермо и показал на замок, зубчатые стены которого возвышались нал дворцом, отведенным для жилья Цезарю.

- В самом деле его предательство по отношению к моему сыну

не заслуживает ничего лучшего, - сказал герцог Гравина.

— Измена за измену! — серьезным тоном подтвердил Цезарь. — Значит, вот то мрачное здание должно служить мне жилищем? Ну, так как вы все, кажется, утомлены, то выпьем только за прочность любви и доверия между нами из одной кружки, а потом простимся до утра.

— Прошу извинения, но я боюсь распри между солдатами, а потому котел бы отправиться к ним, чтобы понаблюдать за порядком, — сказал Вителлоццо, хотя приглашение выпить из одной ча-

ши устраняло всякую боязнь отравы.

— Я смотрю на себя просто как на вашего гостя в Синигалии, — довольно решительным тоном возразил Борджиа. — Если вы не хотите приветствовать меня в моей квартире, то я провожу вас в вашу, чтобы уличные зеваки не сказали, что мы расстались холодно.

Вителлоццо осмотрелся, увидал целый лес копий между собой и предместьем Борго и с тяжелым вздохом последовал за остальными, которые сошли с коней, чтобы ввести герцога Романьи в его комнаты. Когда они вступали в сени, он с удрученным видом замешкался на пороге и, поспешно подойдя к Макиавелли, произнес:

 Мессир Никколо, я очень рад видеть вас здесь. Прошу покорно, отужинайте сегодня вечером с нами, и я надеюсь, что тогда у вас

рассеется всякое подозрение насчет наших намерений.

 Боже меня сохрани разделить сегодня вечером с вами трапезу! — возразил Макиавелли, испугавшись собственной мысли, мелькнувшей при этом приглашении, скорее похожем на требование.

Пока он говорил таким образом, они вошли в большую мрачную комнату с железными решетками в окнах. У Вителлоццо немножко отлегло от сердца, когда он увидел, что тут не было никого, кроме негра Зейда, который уставился на вошедших огромными белками своих противных глаз с удивительно кровожадным выражением.

Вина! Вина! — воскликнул Цезарь.

К нему проворно подлетел негр с золотым кубком и большой хрустальной бутылкой и подал их герцогу, опустившись на колена.

— Как это вышло, что ты являешься моим виночерпием? — спросил Борджиа, наполняя кубок до краев, и посмотрел на группу, почтительно окружившую его. — Мы выпьем за здоровье друг друга, — продолжал он, причем послушные исполнители его воли следили за ним нетерпеливым взором охотничьих собак на своре.

В этот момент он заметил, что Вителлоццо вздрогнул, причем его взоры были устремлены на носок сапога, торчавшего из-под стенного ковра. Нельзя было терять ни минуты, а потому, подняв кубок, Цезарь крикнул: "Смерть всем изменникам!" — и подбросил кубок кверху. В тот же миг каждый из полководцев почувствовал, что его оружие схвачено с обеих сторон, а когда кубок зазвенел, упав на пол, ковер был сорван со стены спрятанными за ним вооруженными людьми, и не успел никто пикнуть, как вся группа была окружена копьями наперевес.

 Да, смерть всем изменникам, а тем более таким низким, как вы! — воскликнул Цезарь, хохоча в безумном ликовании над ис-

пугом своих гостей.

— Ведь я говорил тебе, Паоло! — промолвил Вителлоццо со спокойствием отчаяния.

 Нет, этого не может быть! Это невозможно! Цезарь не в состоянии осуществить без нашей помощи ни одного из своих планов.

— Тогда Цезарь навеки сделался бы вашим рабом! Но — увы! — он должен приступить к делу без вас и не теряя времени, — возразил герцог с насмешливой свирепостью. — Нет, Вителлоццо, не оглядывайтесь назад: там вы не увидите никого, кроме своего палача.

— Убедительно прошу вас, вспомните, что все, чем я провинился перед вами, сделано мною из благодарности за множество великих милостей, оказанных мне Вителлоццо, — сказал Оливеротто и со страхом перевел взор со своего повелителя на своего неумолимого

стража.

— Негодяй! А какую благодарность выказал ты своему старому дяде, когда размозжил ему голову на пиру, который он давал в твою честь? — возразил Цезарь. — Взгляни, ты еще не износил башмаков, которыми топтал седые волосы почтенного старца, и тебе суждено умереть в них. Отведите его на молитву, пока я расправлюсь с мятежными рабами, которые оказывают им поддержку.

— Но выслушай меня!.. только одно слово, Цезарь Борджиа! — в отчаянии взмолился Паоло. — Да, ты должен выслушать меня! К какой позорной смерти ни приговорил бы ты меня, пощади только моего отца и младшего брата, попавших из-за моего безумия в эту страшную беду. Пощади их, и я стану молиться о прощении тебе перед престолом Судии, к Которому ты хочешь послать меня.

— Было бы действительно делом великой мудрости обрубить сучья и оставить ствол, — насмешливо возразил Цезарь. — Между вами нет ни одного — старого или молодого, — кто не был бы отвратительным изменником, угнетателем, опустошителем и убийцей,

достойным лютой смерти.

— Тогда да постигнет тебя мое проклятие на вершине твоих сбывшихся надежд и твоего могущества, и пусть тяготеет оно над тобою тяжелее крови твоего брата и поразит тебя хуже Каина, твоего первообраза! — в ярости воскликнул Паоло Орсини, порываясь кинуться на своих предателей, но Савелли крепко держали его.

— Я спокойно спал под грузом целой горы проклятий, которыми осыпали меня Колонна, и не думаю, чтобы проклятия рода Орсини вернее достигли неба, — возразил Цезарь, после чего повелительно

повторил: — Прочь их отсюда!

— Исполните только одну мою просьбу, которая касается моей души, а не тела, — робко взмолился Вителлоццо. — Его святейшеству было угодно отлучить меня от церкви. Обещайте, Цезарь, исходатайствовать мне от него прощение и отпущение хотя бы в загробном мире.

— Клянусь Пресвятою Богородицей, я сомневаюсь, простит ли он тебе даже там: Ведь это ты болтал о том, чтобы лишить его папского пурпура и сжечь живым под предлогом, который оставляет тебе мало надежды на заступничество Лукреции, — ответил Цезарь и крик-

нул еще раз грозным голосом: — Увести их прочь!

Каждому из преданных и обреченных на гибель людей было строго приказано его стражем идти вперед. Паоло сделал машинально несколько шагов и посмотрел с разрывавшим сердце выражением на своего отца. Старый герцог стоял все время словно окаменевший от ужасной неожиданности, но взор сына заставил его опомниться и

вернул ему врожденную гордость и злобу.

— Адский Борджиа, священник-расстрига! Смеешь ли ты помышлять о пролитии крови Орсини и Вителли? — воскликнул он, дрожа больше от бешенства и слабости, чем от страха. — Вспомни, негодяй, рожденный вне брака изменник, что за каждую каплю моей крови восстанет мститель, который прольет до последней капли всю свою кровь, чтобы отомстить за предательство, подобного которому не бывало с сотворения мира.

— Старик, ты — мастер грозить, но я должен добраться и до Фабио, — спокойно возразил Цезарь. — А чтобы ты был доволен, я не пролью ни капельки вашей благороднейшей и вполне законной крови, но прикажу удавить вас, как заурядных воров, грабителей и опустошителей, каковыми вы всегда были и остались до сих пор.

Яростные возгласы старого герцога и мольбы Оливеротто вскоре замолкли, когда осужденных поспешно увели прочь; но страшное молчание и взор, кинутый Паоло Орсини на изменника Цезаря Борджиа, когда он покидал комнату со своим стражем, долго нарушали

одинокое раздумье Макиавелли.

— Вот мщение, которому я, как обещал тебе в Имоле, задумал подвергнуть врагов твоих повелителей, — сказал Борджиа своему бывшему наставнику, хохоча в избытке своего торжества. — В Риме у меня собственные враги; они с содроганием услышат об этих событиях и заплящут теперь в свою очередь. Если у тебя хватит духа видеть применение к жизни твоих уроков, то пойдем посмотреть,

как будут уничтожены эти варвары в Борго.

Во время описанных происшествий в городе Синигалии Реджинальд был занят приготовлениями к очистке крепости, но ответ на его предложение сдаться растерзал ему сердце; он надеялся, что его раскаяние и старания в пользу союзников должны были смягчить Паоло Орсини. Однако бегство было невозможно для него, а потому он был бы принужден настанвать на своих прежних условиях; его беспокойство усиливалось при мысли, что он унизился перед своим заносчивым врагом герцогом Романьи и что ему нельзя рассчитывать на свою безопасность.

С зубцов своей башни он видел прибытие Цезаря с дворянами, а когда они скрылись во дворце, продолжал свои сборы к выступ-

лению, которого, как ему казалось, от него должны были вскоре потребовать. Поэтому Реджинальд не заметил, как Цезарь немного спустя снова показался из дворца, сел на коня и со всем своим конным конвоем поскакал в предместье Борго. Немецкие солдаты Оливеротто были захвачены врасплох, а потому, не будучи в силах оказать значительное сопротивление, были почти все перебиты. Тем временем войско, назначенное действовать против Синигалии, выступило под предводительством Мигуэлото для нападения на прочис места стоянок союзных дворян, а воины Цезаря, оставшиеся в городе, принялись за грабеж, считая себя вправе поживиться добычей

по примеру своих собратий в предместье.

Лебофор снова поднялся на зубцы, заслышав шум в городе, и подумал, что дело дошло до стычек между горожанами и победителями. Это предложение подтвердилось, когда Цезарь наконец снова появился среди поднявшейся сумятицы и в своей ярости собственноручно положил на месте несколько грабителей. Наступила ночь, и шум как будто затих, но вдруг Реджинальд был извещен герольдом, что герцог Романьи ожидает получения ключей. Рыцарь не счел нужным передать ключи в золотой чаше, данной ему с этой целью повелительницей Синигалии, но просто положил их в свой шлем и поехал в замок в сопровождении лишь одного стрелка. Впрочем, Лебофор предварительно дал Бемптону приказ не сдавать крепости, пока сам он не вернется назад.

Реджинальд ожидал, что враги встретят его насмешками за веселым пиром, и был, видимо, удивлен, когда его ввели в пустую комнату, где только что произошло предательское нападение на трех вождей дворян. Цезарь беспокойно прохаживался взад и вперед.

— Добро пожаловать, Роланд... добро пожаловать, Ланселот или скорее все рыцари Круглого Стола, соединенные в одном лице! — воскликнул он и схватил руку Реджинальда в железной перчатке.

— Я — ни тот, ни другой, а комендант Синигалии и принес вам, как уполномоченному церкви, ключи от крепости, потому что не могу долее сопротивляться вашему оружию, — колодно возразил Лебофор и поднес Цезарю свой шлем с меньшими изъявлениями поч-

тительности, чем можно было ожидать от побежденного.

— Ну да, и он должен поучиться манерам в моей школе! — сказал Цезарь вслух, но как будто разговаривая с самим собой. — Впрочем, твое напоминание еще не оскорбило моей шутливости. Дело в том, что я научился ценить тебя лучше, даже когда ты вредил мне; если ты захочешь сделаться моим полководцем, то подвесишь сегодня ночью к своему поясу ключи более благородного города, чем это собрание рыбачьих хижин.

- Я не намерен служить господину, стоящему ниже королевского

величества, - гордо возразил Реджинальд.

— Вот именно это и было у меня на уме. Ты должен служить более высокому повелителю — императору, римскому императору, — ответил Борджиа, кинув сверкающий взор на удивленного во-ина, — да, императору, который должен взойти на трон с помощью таких испытанных и усердных мечей, как твой, и который вознаградит по заслугам всех, потому что он обязан всем.

— Римский император? Как, разве Максимилиан и немецкие гибеллины призваны в Италию? — спросил крайне изумленный Ле-

бофор.

— Можешь ли ты так бредить? Взгляни на мою секиру, которой я лихо крошил сейчас толстые черепа немецких копейшиков Оливеротто, — ответил Цезарь, поднимая окровавленное оружие, на которое он опирался.

— Я видел, как от вас понесли заслуженную кару несколько грабителей. Но какой же может быть император, если только не римский король явится в Рим требовать себе императорской короны? спросил Лебофор, в душе которого шевельнулось подозрение.

— Ах, ты не хочешь поверить в другого императора, кроме того, который носит на голове корону? — презрительным тоном ответил Борджиа. — Ну, я должен поговорить с тобою ясно. Грабители, павшие от моей руки, принадлежали к моему собственному войску, но из немецких ландскнехтов Оливеротто лишь немногие избегли своей участи. Однако ты говоришь, что императорская корона находится в Риме и вот туда-то отправляется за ней император, имя, а может быть, и деяния которого обещают сделаться отголоском первого Цезаря.

Реджинальд некоторое время молчал, пораженный огромностью честолюбия Цезаря Борджиа, но затем заговорил с явным недоверием:

Вы опять подшучиваете над моей недогадливостью северянина.
 Хотя его святейшество сильно любит вас, но какой папа потерпит

в Риме императора?

— А если перевернуть вопрос так: "Какой император потерпит папу?" — спокойно возразил Цезарь. — Я же думаю, что так может выйти, когда я вступлю со своими могучими и победоносными итальянскими легионами в Рим, что должно случиться через месяц.

Чтобы низложить с престола папу? Нет, нет! Только проклятый турок и язычник могут замышлять что-нибудь подобное! — во-

скликнул Реджинальд.

— Ах, ты, суеверный северянин! Но действительно дело касается папы Александра, отца моего, Лукреции и твоего, если ты захочешь и посмеешь, — пылко ответил Борджиа. — Но я говорю не о низложении, а только о занятии вновь императорского трона, который так долго присваивали себе священники. Пусть они облекутся опять в свое прежнее смирение и святость, от которых у них уже столько веков оставалось одно звание.

Но что скажут Орсини, Вителли и прочие ваши союзники?
 Предпочтут ли они сильное господство солдата слабому правлению

священника? — спросил еще более изумленный Лебофор.

— Я надеюсь по крайней мере на их молчаливое согласие! Или ты позабыл, что Паоло любит Лукрецию и готов предать опустошению весь мир, лишь бы вырвать ее из объятий ее возлюбленного Альфонсо?

— А разве вы дали свое согласие? — воскликнул Реджинальд,

бледнея, что не укрылось от внимания герцога.

— Я поклялся Паоло задержать Лукрецию на ее пути через Романью к своему обрученному жениху, к которому она уже отпра-

вилась. Она обещана мною Паоло в виде награды и залога его помощи в моем предприятии.

О, если так, то, клянусь, я не стану помогать вам, но скорее готов сражаться до смерти с вами, с Орсини и со всеми вашими ве-

роломными союзниками! — воскликнул Лебофор.

— Ты ведешь опасную для себя речь, — спокойно, даже с оттенком удовольствия сказал Цезарь. — Разве ты не знаешь, что я хитер в своем могуществе и слишком много доверил бы тебе, если бы ты не был вполне в моей власти?

Орсини, Вителли и даже неистовый Оливеротто обещали исполнить мои условия,
 возразил Реджинальд, несколько встрево-

женный намеком Цезаря.

- А я нет, серьезно произнес герцог. Витедли не изъявляют больше готовности помочь тебе, тогда как Орсини и Оливеротто, по-моему, замыслили нарушить ваш договор, отняв у тебя жизнь.
- Вероломные! Дайте мне по крайней мере отомстить им, умирая, и дозвольте вызвать их всех на поединок, чтобы я хотя бы мог

пасть от их руки! — с яростью воскликнул Реджинальд.

— Да, ты будешь отомщен совершенно по своему свирепому желанию, но двое из твоих противников вскоре сделаются недоступными тебе, очутившись, как я надеюсь, в лучшем мести, чем наша жалкая земля, — весело сказал Цезарь. — Прислушайся однако: как будто слышится молитва отходящей христианской души?

В смежной комнате внезапно раздались крик, топот и суетливая

возня, после чего как-то разом наступило глубокое молчание.

— Убийца Оливеротто отправился на тот свет, навстречу своему старому дяде, — спокойно объявил герцог. — В моих действиях правосудие идет рука об руку с политикой. Вот теперь кто-то с грехом пополам бормочет "Отче наш". Не знаком ли тебе этот голос?

Вителлоццо! — воскликнул Реджинальд.

— Молчи, не то ведь он подумает, что его зовет злой дух, потому

что этот мерзавец подпал под церковное отлучение.

Снова наступила ужасная тишина. Потом дверь приотворилась, и оттуда высунулась отвратительная голова негра, который кивнул герцогу и тотчас скрылся.

- Мир их предательским душам, хотя я и не завидую ему, -

промолвил Цезарь.

Мужество Лебофора поколебалось. Волосы стали дыбом, а колена тряслись, когда он спросил:

- Что том творится? Неужели Вителли убит?

— Пойдем посмотрим! — ответил Цезарь, после чего взял со стола лампу и поспешно пошел, чтобы отворить дверь, откуда выгля-

дывал негр.

Эта дверь вела в маленький, обсаженный высокими деревьями двор, где возился Зейд, а Мигуэлото раздевал труп. Свет лампы упал на страшно искаженные черты человека, на шее которого был особенным образом скручен платок — орудие убийства. Невдалеке оттуда валялось другое мертвое тело, наполовину засунутое в мешок, что не мешало с первого взгляда узнать в нем великана Оливеротто.

- Неужели Паоло Орсини также нет в живых? хрипло вымолвил Реджиналья.
- Я решил отложить расправу с Орсини до тех пор, пока получу известие из Рима о поимке всего их отродья, включая и Фабио Орсини, который, к несчастью, замечтался над своим Петраркой, мрачно ответил Борджиа. Когда кардинал и прочие будут схвачены, я покончу с теми, которые находятся в моих руках, потому что не жалею их точно так же, как и ты, и не имею причины благоволить к ним. Если ты воображаешь, что я все еще веду переговоры с человеком, мечтавшим получить руку Лукреции, то пойдем со мною.

Герцог пошел через двор к башне и поднялся по узкой лестнице в комнату, запертую изнутри на замок и охраняемую снаружи солдатами. Он постучал и вошел, когда ему отворили; Лебофор маши-

нально следовал за ним.

Первое, что бросилось здесь ему в глаза, был Паоло Орсини, сидевший в цепях, устремив взор на лампу, которая за неимением стола была поставлена прямо на пол и отбрасывала мрачные тени кверху, на его бледное лицо.

— Это палач, — сказал Паоло Орсини, не оглядываясь назад.

— Так следовало бы по-настоящему, но это — комендант Синигалии, явившийся с ключами, — весело возразил Цезарь, и Паоло, обернувшись, увидел своего бывшего друга. — Ты желал, чтобы он погиб от моей руки; желаешь ли ты теперь, чтобы он простился с жизнью или поменялся с тобой участью?

 Какой участью должен он поменяться со мной? — со странной поспешностью спросил Паоло, хватаясь за последнюю надежду.

— Вот видишь, Реджинальд, как охотно предоставляет он тебя твоей судьбе! — продолжал герцог. — Но я говорю не о той участи, которая постигла сейчас сообщников твоей измены, а о другой, которую назначил ты себе сам в Фаэнце, мечтая о несравненных прелестях Лукреции и не думая о ее ненависти и отвращении, которых нечего особенно бояться этому красавцу-рыцарю.

— А, изменник! Лютый зверь в человеческом образе! — яростно завопил Орсини. — Я не обращаю внимания на твои дьявольские глаза и хочу сказать тебе, англичанин, что он влечет тебя на гибель этой приманкой, которая завлекла меня сюда. О, я, глупец, непроходимы дурак! В Фаэнце он хотел поймать Лукрецию и не допустит

ее брака с Альфонсо.

- А где найду я более смелое сердце для исполнения этого замысла, чем то, которое бьется в груди Реджинальда? спокойно возразил Цезарь. Знаменитый воин, с сильными связями в Англии, откуда я могу привлечь к себе храбрые мечи, не родня могущественном мятежникам Эсте или Орсини; не совсем безразличный для Лукреции я высказываю мысль, давно засевшую у меня в голове, он из всех ухаживателей, которых имеет или имела Лукреция, был наименее опасным, а для меня наиболее желанным. Клянусь небесами, если он согласится, я немедленно назначу его начальником Фаэнцы!
- Говори же, Реджинальд, в силах ли ты устоять против такой соблазнительной приманки? — с хриплым смехом спросил Паоло.

— Да, рыцарь Лебофор, ты должен узнать, что я так же нуждаюсь в тебе, как ты можешь нуждаться во мне, - сказал Борджиа, кидая взглял смертельной ненависти на свою скованную жертву. — Лукреция не должна прибыть в Феррару, а между тем, пока Рим еще не очутился в моей власти, я не могу задержать ее в Фарице. Твоя любовь к ней, Лебофор, известна, и многие полагают, что Лукреция неравнодушна к тебе. В Риме я могу свалить всю беду на твое наглое упорство, а свету и Альфонсо Феррарскому поведаю такие вещи, которые должны задеть его чувство даже к такой красавице-невесте, как Лукреция. Твоя храбрость и кое-какие оскорбления, нанесенные тебе мною, послужат оправданием тому, что я доверяю тебе теперь самую важную крепость в своей стране. После всего этого было бы странно, если бы ты в блеске своей славы не добился успеха у Лукреции, потому что я буду покровительствовать твоему ухаживанию за ней, а достигнув безусловной власти в Риме, пожадуй, даже заставлю сестру принять твою руку.

— Если ты хоть на миг заслушаешься голоса этой сирены, то твоя гибель неизбежна, — сказал Паоло, невольно с бешеной ревностью переведя взор с искусителя на Реджинальда. — Предоставь мне умереть даже без малейшей надежды на то, что тебя будет мучить совесть за мою гибель. Ведь это ты привел меня сюда!.. Если бы ты хотя бы намекнул мне на герцога Феррарского, то я приучил бы свою душу к отчаянию и благополучно избег бы всех ловушек коварного Борджиа. Что я тебе сделал, что ты хочешь пролить кровь своего друга и охранять своего соперника и врага от всякого вреда?

Реджинальд Лебофор был глубоко растроган этими речами, однако чувствовал необходимость лицемерить и ответил Цезарю с притворным видом радостного смущения:

— Если бы я мог считать обещаемое тобою счастье не пустой меч-

той, то я в самом деле стал бы твоим рабом навек.

 Теперь ты — начальник Фаэнцы и сделаешься ее государем в тот день, когда Рим увидит меня коронованным императором, —

сказал Цезарь.

Упоенный своим триумфом над самыми тонкими политиками Италии и знакомый с всесильною страстью, влияние которой на Реджинальда было испытано им, Цезарь не мог сомневаться в успехе своей хитрости. Однако большую часть следующей ночи он употребил на то, чтобы вызывать в воображении Лебофора самые блестящие картины честолюбия и любви, а также сообщить ему кое-какие сведения о своих чудовищных планах. Он с притворной искренностью уверял рыцаря, что главнейшим препятствием его намерению достичь нераздельной власти в Риме послужил бы союз папы с могущественным домом Эсте и помещать ему было бы для него столь важно, что успех сватовства его, Реджинальда, к Лукреции он счел бы вернейшим признаком своей собственной победы. Он обещал Лебофору всевозможное содействие и старался разжечь в нем самые пылкие страсти, представляя ему ожидающий его громадный триумф, когда он отобьет у своего гордого соперника прелестную невесту даже с ее собственного согласия.

 Лукреция, — сказал Цезарь, — вероятно, уже убедилась, что ошибочно приняла робость и обидчивость, вызванные в ней наглым обращением иоаннита, за любовь, которую в действительности заронила в ее сердце твоя родственная ей натура, и в этом она, конечно, успела удостовериться в настоящее время. Волнения, которые неминуемо вызовет в Риме весть об уничтожении мятежников, прибавил Цезарь, — должны вызвать обратно меня туда. Когда же мне удастся овладеть городом и громадными сокровищами, накопленными папой, то уже в моей власти будет принять в зятья человека, пришедшегося по сердцу мне и Лукреции.

Когда лукавый герцог отпустил наконец от себя молодого рыцаря, он был вполне уверен, что рассеял все его недоверие и сделал из него безусловно послушное и необходимое орудие своей отважной

политики.

XIV

На другой день Реджинальд был уже на пути в Фаэнцу в сопровождении собственных стрелков. Однако Пиетро д'Овиедо и хитрый епископ д'Энна также ехали возле него с многочисленным отрядом солдат, состоявших на службе Цезаря. Эти люди и гарнизон Фаэнцы составляли внушительную военную силу, вполне достаточную для

того, чтобы не выпустить из рук ожидаемую добычу.

Борджиа не особенно полагался на верность своего нового приверженца и обставил дело так, что Реджинальду было немыслимо убежать или уклониться от исполнения предначертаний Цезаря. По прибытии в Фаэнцу ему отвели помещение в старинном замке под бдительным надзором прелата д'Энна, он был окружен солдатами Овиедо и не имел возможности открыть свое положение даже ста-

рику Бемптону.

Устроив эту часть своего замысла, Цезарь пустил в ход все рычаги и колеса, бывшие у него давно наготове. Мигуэлото покинул Синигалию и отправился в Рим под предлогом доставить туда известие о поражении Орсини, на самом же деле с целью осуществлять замыслы Цезаря. Между прочим он был обязан, сообщая о беспокойном состоянии страны, покрытой рассеянными, но не подавленными приверженцами Орсини, тормозить отъезд Лукреции до тех пор, по-

ка план задержки ее в Фаэнце станет исполнимым.

Получив донесение Цезаря, папа немедленно велел арестовать всех членов дома Орсини, находившихся в Риме, и завладел всеми их укрепленными замками, предварительно разграбив их. Он объявил весь их род лишенным имущественных прав и приказал опустошить их владения. Однако возвращение Фабио и необычайная храбрость, проявленная им, внезапно воскресили мужество и решительность приверженцев их рода. Сам Цезарь был удивлен победоносными успехами юноши и, казалось, отложил принятые им решения, потому что щадил жизнь своих пленников или скорее откладывал смерть Паоло и его отца герцога Гравины. Он повсюду таскал их за собою в цепях, тогда как папа ограничился тем, что заточил свои жертвы в замок святого Ангела, где доставлял им всевозможные льготы и даже публично заявил, что не посягнет на их жизнь.

Тем временем Цезарь не терял ни минуты для осуществления своих планов. Он пока соблюдал заключенный им договор с Болоньей и только принудил повелителей города доставить ему выговоренное подкрепление, составлявшее значительную военную силу. В области Сиены, где он также воевал, до него дошла весть о победах Орсини, которые овладели всей Кампаньей и угрожали даже Риму. Тогда Цезарь поспешил к Вечному городу и тем помешал отчаянной попытке Фабио, замышлявшего захватить в плен папу с Лукрецией, чтобы держать их заложниками для обеспечения безопасности своих отца и брата. Это возбудило сильнейший гнев папы, и, когда Орсини после нескольких кровопролитных сражений были изгнаны превосходящими силами Цезаря из Неаполя и принуждены искать убежища в своих укрепленных замках, он дал приказ осадить Браччиано, где нашел себе приют Фабио. Политика Цезаря принесла ожидаемые плоды и в Неаполе, где французы после неудачных сражений с испанцами стали более зависеть от произвола папы, последний же пренебрегал теперь их просъбами и даже угрозами перейти на сторону Орсини.

Весть о подавлении восстания Орсини и об отчаянном положении их юного вождя только что успела дойти до Фаэнцы, как там стало известно, что Лукреция приближается к этому городу, последнему из значительных городов в области Борджиа, через которые лежал ее путь. В Фаэнце делались блестящие приготовления к ее приему, но на самом деле они должны были послужить только средством к тому, чтобы задержать ее. Фаэнца отстоит всего на какой-нибуль день пути от Феррары, и хотя город, обнесенный крепкими стенами и зашишаемый значительным гарнизоном, мог дать отпор всякому нападению, однако Цезарь желал по возможности убедить герцога Феррарского, что его невеста не была задержана здесь против ее воли. Кроме устройства празднеств, от участия в которых Лукреция, конечно, не могла уклониться, был пущен еще слух, что Вителли бежали в окрестности и до их изгнания оттуда проезд в Феррару представляет крайнюю опасность. В то же время были пущены в ход все ухищрения, чтобы доставлять удовольствия Лукреции с ее свитой, причем Реджинальду дали понять, что в отношении влияния на Лукрецию Цезарь рассчитывает преимущественно на него.

Борьба в сердце Лебофора была бы еще сильнее, если бы, зная о недостойной страсти Цезаря, он не был уверен, что этот лицемер ни в каком случае не мог желать успеха его собственной любви. Рыцарь видел, что в Фаэнце следят за каждым его шагом и вовсе не намерены предоставлять ему настоящую власть, которая находилась фактически только в руках епископа д'Энна и Овиедо. Вдобавок Реджинальд был уверен в любви Лукреции к своему жениху, а также в том, что союз с таким могущественным государем льстил ее гордости и честолюбию. Между тем Лебофор считал совершенно невозможным предостеречь Лукрецию от расставленной ей западни, не рискуя при этом внезапной и бесполезной гибелью. Он мог только питать пустые надежды и строить неисполнимые планы разрушения коварных замыслов Цезаря, беспрекословно и терпеливо исполняя в то же время все предъявленные ему требования, чтобы усыпить подозрение своих врагов.

Наконец приближение поезда невесты принесло ему некоторую свободу, а потому в тот день, когда ожидалось прибытие Лукреции,

Реджинальд получил официальное назначение комендантом Фаэнцы. Однако епископ д'Энна заявил, что для рыцаря было бы рискованно выступать публично в своем новом звании, пока Лукреция не прибудет в город, причем отсутствие начальника при встрече можно было извинить опасностью, которой угрожали здесь беглецы из партии Вителли.

В жаркий летний день появились два герольда, возвестивших о приближении поезда невесты. Любопытство жителей, собравшихся на Рыночной площади, было немного отвлечено прибытием нового коменданта, который выехал из замка со своими английскими стрелками для приема ожидаемых гостей. Горожане были разочарованы, потому что он не поднял своего забрала, но его великолепные до-

спехи возбуждали всеобщее восхищение.

Поезд вступил в город и подвигался по главной улице, приветствуемый оглушительными кликами, звуками труб, литавр и ружейным огнем войска, выстроенного двумя рядами. Лебофор был удивлен и несколько успокоен при виде многочисленности и молодецкой выправки испанских стрелков и всадников, составлявших охрану Лукреции. Епископ д'Энна был заметно озадачен такой неожиданностью. Они открывали шествие, а за ними следовало множество хорошо вооруженных и великолепно одетых слуг, что заставило епископа еще более призадуматься. Далее ехали украшенные роскошными покрывалами повозки, нагруженные гардеробом невесты и драгоценным подарками, полученными ею от отца, а главное — ее денежным приданым из трехсот тысяч золотых. Потом показался мул с мягким сиденьем на спине, устланным белыми атласными подушками, под балдахином из золотой парчи: он был предназначен для Лукреции, однако она предпочла вступить в город на своем белом коне. Лицо красавицы было почти совершенно закрыто вуалью невесты, ниспадавшей до ног, но ее похорошевшие черты были видны под ней, а ласковая улыбка, которой молодая женщина благодарила за шумные приветствия народа, сияла подобно солнечному лучу сквозь прозрачную ткань, прикрывавшую ее лицо.

Рядом с Лукрецией ехал кардинал д'Эсте, брат Альфонсо, в алом одеянии, а их сопровождало множество придворных дам, знатных дворян, рыцарей и прочая свита из Рима и Феррары. Однако, несмотря на столь многочисленную и великолепную свиту, Лукреция вздрогнула, увидев на Рыночной площади внушительное войско под знаменем Цезаря. Но в этот момент возле нее очутился епископ д'Энна, чтобы принести ей приветствия и поздравления от города.

Внимание Лукреции было тотчас приковано личностью коменданта, едва он приблизился к городу. Реджинальд произнес несколько слов таким тихим и невнятным голосом, что епископ д'Энна в оправдание его указал на иностранное происхождение рыцаря.

— Синьор, — перебила епископа Лукреция, обращаясь к Лебофору, — я не могу ошибаться так сильно: ваш голос положительно знаком мне, а между тем вы на службе герцога Романьи! Прошу вас, откиньте забрало, чтобы я могла удостовериться в столь волшебном превращении.

Лебофор повиновался с низким поклоном. Лукреция вздрогнула при виде бледного и взволнованного лица, которое они привыкла видеть юношески-цветущим, но все ее черты просияли радостью, и она сказала с восторгом, больно кольнувшим в сердце Реджинальда, как упрек:

— О, теперь я вполне спокойна и очень... очень счастлива!

Молодая женщина протянул ему руку с такой доверчивой улыбкой, что Лебофор почти не мог преодолеть свое волнение, когда наклонился поцеловать ее. Вероятно, она почувствовала трепет его губ, потому что тотчас бросила на него взор, в котором было много ее

врожденного кокетства.

По прибытии в замок Лукреция сошла с коня при помощи Реджинальда, а при входе в мрачные залы взглянула на него с содроганием и попросила его оставаться при ней; однако она произнесла это таким тоном, что его беспокойство лишь усилилось. Должно быть, его нерешительные и мрачные ответы встревожили Лукрецию, потому что она, садясь за парадный обед, сказала низко кланявшемуся ей епископу, что намерена на следующий день продол-

жать свой путь.

Кардинал д'Эсте, отличавшийся более остроумием, чем святостью, смеясь заметил, что не мешало бы немножко отдехнуть с дороги, прибавив, что надо обождать еще известия, все ли готово в Ферраре к приему нареченной невесты герцога. Лукреция, краснея, улыбнулась, и ее лицо опять повеселело. Однако новое беспокойство овладело ею, когда она спросила Реджинальда, правда ли, что Вителли опустошают окрестности. Дон Уго предупредил его ответ и нарисовал яркую картину опустошений, чинимых мятежниками, и их планов кровавой мести.

Лукреция побледнела и стала убедительно просить Лебофора посетить ее и кардинала рано поутру для обсуждения необходимых мер

безопасности.

Взор молодого рыцаря при его ответе на это приказание, очевидно, имел особое выражение, потому что она покраснела снова, а кардинал многозначительно улыбнулся. Лукреция несколько мгновений исподтишка наблюдала за Реджинальдом, а потом задала ему вопрос, каким образом очутился он в Фаэнце. В разговор тотчас вмешался один из бдительных приспешников Цезаря, а епископ д'Энна поспешил произнести блестящий панегирик английскому рыцарю, сказав, что его несравненная храбрость заставила герцога Романьи не только простить ему поддержку, оказанную мятежникам, но и убедительно просить его поступить к нему на службу.

 Подвиги рыцаря Лебофора превозносят его больше ваших слов, — ответила Лукреция, наблюдая за борьбой страстей на лице Реджинальда. — Однако я надеюсь, что воспоминание о старой дружбе окажется сильнее всяких посулов и уверений герцога Ро-

маньи.

К этому моменту Реджинальд достаточно овладел собой, чтобы искусно играть свою роль, однако он выдал себя, когда ответил:

— В Синигалии, конечно, понадобились иные чары, чтобы склонить меня к содействию, но Орсини искали случай погубить меня, а потому какое же мне дело до их собственной гибели!

Содрогнувшись при этих словах и вызванных ими воспоминаниях, Лукреция дала другой оборот разговору, и он вскоре сделался общим и очень оживился. Кардинал д'Эсте был самый остроумный собеседник, отличавшийся острой наблюдательностью, а в его свите находилось много превосходных поэтов, придворных и ученых людей, которые сделали Феррару знаменитой. Между всеми выдавался Лодовико Ариосто, молодой человек, состоявший на службе кардинала и приобретший благосклонность Лукреции приятным характером и веселостью.

Реджинальду очень хотелось узнать, какие заключения вывели шпионы Цезаря из событий этого знаменательного дня, и он с удовольствием услыхал, что они не на шутку встревожены численностью и силою свиты невесты. Хотя Пиетро д'Овиедо разместил прибывших солдат отдельными группами там, где его превосходящие силы могли одолеть их без труда в случае надобности, однако привержениы Цезаря обнаружили свое беспокойство, единодушно согласившись с мнением епископа д'Энна, что Лебофору следует повидать ся с Лукрецией отдельно в отсутствие кардинала д'Эсте. В разговоре наедине он мог скорее напугать ее опасностями, грозившими со стороны Вителли, и склонить к тому, чтобы она воспользовалась этим предлогом для своей остановки в Фаэнце. Реджинальд, сделав вид, будто не заметил иронии епископа, когда тот обратился к нему, принял его предложение с радостью, как и следовало ожидать от счастливого влюбленного. Так как Лукреция предложила епископу привести к ней Лебофора, как только кардинал д'Эсте будет готов принять участие в совещании, то, следуя своему плану, он уговорился с Реджинальдом, что проведет его, однако, в ее комнаты, как будто по недоразумению. Однако Реджинальд заявил, что если за ним должен следить шпион, то ему будет невозможно коснуться воспоминаний, которые могут привести к возврату благосклонности Лукреции к нему, и дал епископу совет оставить его с Лукрецией вдвоем, как только представится удобный случай. Епископ, по-видимому, не был расположен согласиться на это, однако Овиедо и Уго одобрили это требование.

Епископ был немало удивлен, когда его позвали очень рано утром к Лукреции; по его мнению, она не могла рассчитывать на то, что кардинал д'Эсте будет готов в столь ранний час; вдобавок подозрительным казалось то, что ей вздумалось принять рыцаря в маленьком саду при дворце. Однако он поспешил к ней с Реджинальдом. Последний, видимо, был взволнован особыми обстоятельствами этого свидания и едва мог владеть собою, когда Лукреция, наскоро поздоровавшись с ними, взяла его под руку и, отпустив епископа приветливым кивком головы, увела его к террасе, подальше от группы своих приближенных.

— Злое орудие моего злого брата, — сказала она, провожая взором д'Энну, который в свою очередь следил за ней и Реджинальдом мрачным взором сыщика. — Но я знаю: вы — не орудие злобы, мой

рыцарь, вы сделались полководцем Цезаря потому, что в противном случае он стал бы вашим палачом.

— Действительно, я скорее могу назваться узником, чем комендантом Фаэнцы, — ответил Лебофор и оглянулся с беспокойством, испугавшим Лукрецию, которая знала, что такой храбрый человек,

как он, не станет беспокоиться без причины.

— Тогда мой супруг может отплатить вам отчасти за великую услугу, оказанную вами ему. Ведь я знаю все... все, так же, как и ваше беспримерное великодушие, — сказала она со слезами на глазах. — Послушайте, вам не могут запретить проводить меня, когда я поеду из этого города, а ведь стоит мне очутиться за его стенами, и вы сами можете стать вольной птицей. Тогда от вашей воли будет зависеть, вернуться ли вам назад или сопровождать меня в Феррару, где герцогский дворец будет вашим родным кровом, повелитель страны вашим братом, а его супруга вашей признательной, неизменной, даже любящей приятельницей. Пусть Италия сделается вашим отечеством, и позвольте Лукреции д'Эсте расположить к себе паладина Лукреции Борджиа.

— О, неужели вы считаете это возможным? Неужели мыслимо, чтобы я, завидующий каждому взору, который любуется, помимо меня, вашей несравненной прелестью, мог видеть вас в объятиях другого, мог слышать, как ваши дети станут звать его своим отцом? Нет, нет, я не в силах выдержать это и остаться в живых! — воскликнул Реджинальд, однако, заметив беспокойство Лукреции, прибавил с печальной улыбкой: — И неужели вы после всего происшедшего все же уверены, что герцогу Альфонсо понравиться такой

провожатый?

— Чего же ему опасаться, когда он сам будет среди нас? — возразила Лукреция с боязливой улыбкой, причем в ее глазах отразилась сильная тревога. — Об этом-то я и хотела потолковать с вами. Так как мне говорят об опасностях, которым будто бы угрожают нам Вителли, то я должна сознаться вам, что мой супруг не хочет дольше ждать моего прибытия в Феррару, а явиться сюда сам на закате солнца в своем прежнем одеянии иоаннита, поэтому я прошу вас, вышлите отряд своих солдат навстречу ему — я лично не могу отпустить ни одного воина из своего конвоя, — охраняйте дороги и доставите Альфонсо невредимым в Фаэнцу. Если же это невозможно, тогда я, пренебрегая всякими опасностями, должна пуститься сама навстречу моему супругу.

— В таком случае все погибло, и теперь я вижу, почему вероломный герцог Борджиа выбрал именно этот город на границе Феррары. Да, да, все погибло! — свирепо произнес Реджинальд. — Ад посвятил Цезаря во все свои хитрости, и теперь нам действительно

нет спасения.

— Что значит ваша тревога? — в сильном волнении спросила Лукреция. — Если меня станут так пугать, то я немедленно покину ваш город. Или вы не верите, что я старалась уклониться от этого безрассудства?

— Верю, но — увы! — вы не знали, как это сделать, — ответил Реджинальд, с отчаянием поднимая взор на высокие зорко охраняемые стены. — Неужели нам не вырваться из этой громадной за-

падни? С виду кажется, будто довольно одного прыжка, чтобы очутиться на свободе, а между тем мы заперты в бойне и ожидаем только топора убийцы.

— Я хочу уехать, не дожидаясь завтрака, — сказала Лукреция, мрачно нахмурившись, но дрожа всем телом. — Прощайте, если вам доставляет удовольствие пугать меня, и пусть ваш Цезарь один поль-

зуется этим дворцом.

— Вам не удастся так просто выйти отсюда! — возразил Лебофор. — Выслушайте меня и, если хотите, попробуйте выбраться из этого проклятого заколдованного места, где, пожалуй, вас стерегут, чтобы отдать в жертву ужасам, каких не снилось самим чертям, тогда как я и ваш жених, наверно, погибнем здесь лютою смертью.

— Говорите откровенно, иначе страх убьет меня! — воскликнула Лукреция, опускаясь на подножие статуи, обросшее вьющимся рас-

тением в цвету.

- Как раз теперь Цезарь со своим громадным войском, наверно, находится в Риме, повелевая всем и дерзая на все! сказал Реджинальл.
- Последними словами моего отца перед разлукой было торжественное обещание, что он ни под каким видом не впустит в город шаек Цезаря, пока его жизни или господству не будет грозить опасность, возразила Лукреция, зорко наблюдая за действием своих слов.

- Тогда, пожалуй, и жизнь, и власть его святейшества в крайней

опасности, - ответил Лебофор.

— Как так? Разве вы опасаетесь влияния приверженцев Цезаря в консистории? — продолжала Лукреция. — Но эти времена миновали: сторонники мира в Италии, друзья Феррары и мои получили

теперь там перевес.

— Все напрасно! Консистория, составленная даже из ангелов, едва ли спасет нас в данное время, — торопливо ответил рыцарь, а затем рассказал Лукреции о том, что открыл ему Цезарь в Синигалии, сообщил его план, для осуществления которого он сам был послан в Фаэнцу, и не умолчал даже о назначенной ему при этом роли.

Лукреция понимала свое опасное положение и после долгого жут-

кого молчания заговорила вновь:

— Если таков его чудовищный план, то Небо, конечно, воспротивиться его осуществлению. Пресвятая Дева защитит нас. Пожалуй, это Она внушила мне сию минуту благую мысль. Нет ли у вас кого-нибудь, кого вы могли бы отправить как надежного гонца по настоящему важному делу?

Лебофор ответил:

 Каждый из моих всадников пригоден на это, да беда в том, что ни один человек в одежде моих слуг не имеет права покинуть

город.

— Хорошо; тогда мы сумеем обратить затеянное предательство против самих же его зачинщиков, — продолжала Лукреция. — Так как они пожелали воскресить нашу дружбу, то передайте им, что я примирилась с вами благодаря вашему красноречию, тем более, что принц Феррарский, к моей досаде, отказался от своего обещания прибыть за мною в Фаэнцу. В качестве ревнивого соперника или

влюбленного, желающего обеспечить за собою полную победу, подайте им совет, каким способом они могут еще захватить Альфонсо. Ведь им было бы слишком больно, если бы от них ускользнула такая лакомая добыча. Скажите, будто вы уговорили меня написать в пылу гнева письмо Альфонсо с приглашением повидаться со мною тайком в Фаэнце. Можете прибавить, что я соглащаюсь доверить свое поручение только человеку, не знающему местного языка, чтобы он не разболтал о нем дорогой, — именно одному из ваших преданных слуг. О, если бы ему удалось еще своевременно застать моего супруга дома и привезти сюда, но не одного, а с военной силой, которой всегда должен быть окружен государь! Этого отряда вместе с моею свитой будет вполне достаточно для того, чтобы изменники побоялись исполнить свой злодейский умысел.

Реджинальд охотно принял это предложение, которое являлось первым лучом надежды, мелькнувшим перед ним во мраке.

XV

Во время этих происшествий в Фаэнце политические дела в Риме также быстро приближались к развязке. Мигуэлото под ночь угрюмо бродил по одному из обширных залов замка святого Ангела, осматривая затворы у дверей и окон и чутко прислушиваясь по временам, как вдруг чья-то рука неожиданно опустилась ему на плечо. Он вздрогнул и увидел перед собою фигуру мужчины в грубой одежде ратника. Каталонец схватился уже за кинжал, однако незнакомец приподнял с одной стороны широки поля своей шляпы, так что Мигуэлото увидел перед собой Цезаря Борджиа.

— Не удивляйся тому, что видишь меня в Риме, — сказал Цезарь, — ведь официально я нахожусь в лагере под Браччиано и сплю

у себя в палатке. Что новенького?

Начальник папской канцелярии внезапно заболел весьма опасной резью в животе,
 с серьезным видом ответил Мигуэлото.

- И странные вещи высказал на этот счет его святейшество, как довелось слышать одному из моих друзей, мрачно заметил Цезарь. Говорю тебе, нам нельзя терять время. Лукреция в Фаэнце, и мои замыслы осуществляются так удачно, что Альфонсо благодаря предательству влюбленного английского рыцаря должен скоро очутиться в моей власти. Но негодяй не воспользуется плодами своего преступления, продолжал Цезарь, его ожидает заслуженное возмездие!
- Удивительно, как вы умеете подделаться к каждому человеку! промолвил Мигуэлото несколько укоризненным и дрожащим тоном. А вот я так думаю, что для меня будет очень душеспасительно сделать из бедняжки Мириам христианку.

— Для тебя? — со смехом воскликнул Цезарь.

— Она сле жива, потому что тюремный воздух быстро подтачивает силы в юношеском возрасте, а назойливые мысли втайне гложут ей сердце. Когда мы освободили монаха Бруно от пытки и дали ему опять немного отдышаться, я позволил ей посещать его, и он привел девушку в такое мирное, благочестивое настроение, что она проливает слезы и на нее отрадно смотреть.

— Значит, и ты осмелился нарушить мои приказания? — злобно спросил Цезарь.

— Нет, ваша светлость, потому что, как только был получен ваш

приказ, мы ни на миг не прекращали его кары.

- А еврейка чуть жива? Но это не может происходить от тю-

ремного воздуха; ведь остается же здесь в живых Фиамма?

— Да, но Фиамма почерпает утешение в твердой надежде, котя последняя исходит не от неба, потому что она смеется, когда я увещеваю ее опомниться и обратиться к покаянию, — возразил каталонец.

 Ну, если ты до сих пор веришь в разоблаченного обманщика, то чернь будет поклоняться ему,
 шутливо промолвил Борджиа.

Проводи меня в его темницу, мне надо поговорить с ним.

Мигуэлото немедленно повиновался и повел герцога в подземелье под садом замка, настолько глубокое, что свет не проникал туда,

а воздух там был душен, как в могиле.

Цезарь взял лампу Мигуэлото, приказал ему дожидаться за дверьми и вошел один в темницу отца Бруно. Даже при огне, тускло горевшем в этом удушливом воздухе, он не мог сначала ничего различить вокруг себя; лишь постепенно его глаза освоились с темнотой, и он увидал отца Бруно. Последний был прикован к стене такой короткой цепью, что едва мог отойти от кучи соломы, служившей ему ложем, и покоился на ней в полусидячем положении, с закрытыми глазами; его громкое бормотание нарушалось только монотонным капаньем воды, которая сочилась из отверстия в стене и медленно падала на каменный пол с однообразным плеском.

Уверяют, будто необычайное мучение, вызываемое этим неизменным звуком, нередко преодолевало упорство преступников, которых

не могли привести к сознанию самыми жестокими пытками.

Цезарь прислушался и наконец уловил несколько слов страшного

разговора отца Бруно с самим собой:

— Дьявол, ты лжешь, потому что я верю в это! Я молю только о том, чтобы получить знамение, устраняющее всякие сомнения. Тик-так! Да, постоянно и вечно! О, если бы то был хотя бы одинаковый звук: "тик-тик" или "так-так"! Пусть капли падали бы лишь чуточку поскорее! Но нет, тик-так во веки веков в этом непроглядном мраке преисподней!

— Вот тебе знамение! Пробудись и воспрянь! — воскликнул Це-

зарь, внезапно направив свет прямо на доминиканца.

Тот вскочил, загремев цепями, но тусклое пламя лампы ослепило его в первый момент, и отец Бруно не своим голосом воскликнул:

— Я вижу свет твоего присутствия, но не твой образ! Ангел ли ты с неба или насмешливый злой дух, который нагромождает мне на мозг целые горы невыносимо тяжких дум?

— Я не ангел, — возразил Цезарь, — хотя женщины находят, что я недурен собой. Неужели ты не можешь припомнить меня?

— Прочь, дьявол! Не ради того ли принял ты этот облик, что в ее облике тебе не удалось довести меня до богохульства? — в ярости завопил монах. — Я плюну тебе в лицо, оттолкну тебя из своих объятий, хотя бы ты обладал всей ее прелестью и старался соблазнить меня самым нежным тоном ее голоса.

— Дьяволом я, пожалуй, могу быть, но и злые духи иногда принуждены способствовать благим целям небес, — спокойно ответил Борджиа. — Я пришел избавить тебя от твоих оков и твоего несносного "тик-так" и послать тебя проповедовать людям, которые уже давно видят в тебе чудотворца. Скажи им, что ты послан небом исправить церковь, вернуть ее к первоначальному смирению и святости апостольских времен, и прибавь к тому, что существует избранник, предназначенный служить твоим мечом в этом великом деле, имя ему Цезарь Борджиа.

Во время этой речи монах смотрел во все глаза на говорившего, как будто не понимая смысла его слов. Он повторял их странным тоном удивления, видимо, напрасно стараясь вникнуть в сказанное.

Цезарь терпеливо ждал результата и старался помочь усилиям до-

миниканца, повторяя свою речь.

— Внимание Александра скоро будет поглощено его собственными делами. Колонна хлопочут в Риме, чтобы извлечь выгоду из нашей войны с Орсини за пределами города. Но, как бы то ни было, клянусь помогать тебе во всех твоих трудах. Этот замок должен быть твоим убежищем, а всякий раз, когда ты будешь показываться народу, пусть твое появление считают чудом.

— Ты, Цезарь Борджиа, станешь помогать в этом деле? — спро-

сил Бруно, выпучив на него глаза.

— Можешь поверить мне в этом. Тигр и волк живут в одном логовище. Говорю тебе, скоро в Риме будет император. И разве ты не обличал пред небом и землею замужества Лукреции как беззаконие?

Эти слова возымели немедленное действие. Наполовину притупившаяся у монаха способность понимания внезапно оживилась; блуждающие мысли получили направление и со злобным взором, заставившим содрогнуться даже Цезаря, он воскликнул:

- Кто отрекается от своих слов, тот обрекает сам себя на

осуждение!

— Я не отрекался, — возразил Цезарь, — потому что отважился на очень опасный шаг, чтобы помешать этому браку. Лукреция поручена наблюдению одного моего уполномоченного и как раз теперь она — моя пленница в Фаэнце.

Эта весть, видимо, изумила доминиканца, и он сказал:

Твоя пленница? В Фаэнце?

— Мне нет надобности говорить тебе, духовнику, что я скорее согласен погибнуть, чем допустить, чтобы Лукреция вступила в брак с Альфонсо Феррарским, которого она так страстно любит, — сказал герцог с дьявольским выражением в лице. — И позволь сказать тебе, что хотя ты устоял против всех моих пыток, однако я знаю, почему ты так жестоко ненавидишь меня: ведь ты сам слишком любил Лукрецию.

Бруно поник головой, и даже на его бледном, как у привидения,

лице выступила краска; но после паузы он спросил:

— Так она захвачена тобою в Фаэнце на своем пути в Феррару?

— Да, на пути к супругу, герцогу Феррарскому! — подтвердил Цезарь. — Разве ты не знаешь, что герцог Альфонсо — тот самый человек, который добивался ее любви под видом иоаннита?

— Я давно знал это, но судьба сильнее людей, и вот Лукреция — твоя пленница в Фаэнце, — поспешно ответил доминиканец.

- И, пржде чем она убедится в том или ее отец получит весть о ее плене, я должен овладеть Римом или искать убежища. Ты спросишь где? Его может доставить мне только могила. Поэтому ты должен возвестить это предстоящее событие среди суеверной черни, а с помощью волнений, вызванных мною, и восстания рода Колонна папа будет принужден призвать меня с моими войсками в Рим. Когда я сделаюсь властелином, тогда ты должен приступить к исправлению церкви и привести ее к такой бедности и убожеству, какие только подскажет тебе твоя фантазия монаха-босяка. Да, я припас тебе такое чудо, что самые закоренелые в неверии люди должны поверить, что ты послан небом.
- Какое чудо? Есть вещи чудеснее тех, которые чернь называет чудесами, — промолвил Бруно, очнувшись наконец от своего экстаза.
- Когда мой план созрест, я задам новым кардиналам пир только это между нами. Их девять счетом; все они, как на подбор, богаты, все мои заклятые враги, а их наследство будет весьма желанным и очень пригодится моему новому государству. Ты также должен появиться на пиру с прочими зрителями. Обличи во всеуслышание кардиналов в сомонии, а в доказательство их виновности и своей миссии призови внезапное мщение небес на их головы. И говорю тебе: ни один из них не встанет живым из-за стола на этом пиршестве.

— Несчастье делает - людей недоверчивыми, — сказал после краткого молчания отец Бруно. — Как же произойдет это чудо?

— Смеешь ли ты сомневаться, что Небо поможет тебе превратить твои проклятия в разящие молнии? — спросил Цезарь.

— Да, потому что ты стоишь предо мною здрав и невредим, —

ответил монах. - Видишь, я не лицемерю.

— Да мне этого и не нужно. Женщины из гетто, также томящиеся в этой могиле, помогли мне закупорить несколько бутылок превосходного вина, — сказал Цезарь, спокойно скрестив руки на груди.

— Но разве ты не боишься, что в дело неожиданно вмешается ангел и отравленное питье случайно попадет в твой собственный ку-

бок? - спросил Бруно, поднимая на него мрачный взор.

— Смотрители погребов — мои верные слуги, а у всех превосходных вин, предназначенных для моих друзей, есть особый признак, которого нельзя не заметить, — ответил Цезарь, смеясь, но все-таки будучи слегка раздосадован уже одним предположением о таком грубом промахе.

— Но что за святой был бы я, если бы вызвал одно чудо, а за ним не последовало бы другого? — в глубоком раздумые сказал монах. — Цезарь, я понимаю тебя; но знаешь ли ты достоверно, что тот яд смертелен, что он не имеет вкуса и приготовлен так тонко,

что нельзя разобрать его примесь?

— Вот я сейчас произведу пробу, — задумчиво ответил Цезарь. — Мне до смерти надоели старые ведьмы, страшные проделки которых могут со временем обратиться против тех же, кто пользовался ими, и потому обещал им свободу. Да, если сами составительницы напитка выпьют его, ничего не подозревая, то кто же может открыть в нем тогда примесь ядовитой эссенции без вкуса и без всякого запаха?

— Ну, в таком случае это будет только правосудием, — с восхищением ответил отец Бруно. — Значит, ты хочешь выпустить колдуний не только из каменной тюрьмы, но также из ветхой, презренной темницы их плоти?

Цезарь самодовольно усмехнулся.

- Разумеется.

— Тогда я избавлюсь от своего вечного "тик-так". Я узнаю знамение свыше! Я согласен исполнить поручение! — воскликнул отец Бруно с некоторым воодушевлением.

Последнее возбудило подозрительность вечно бдительного Борд-

жиа, и он сказал:

- Да, но помни: за каждым твоим шагом будет следить некто,

умеющий владеть тем, что он держит в руке.

— Ты назвал меня колдуном, но, кажется, не веришь сам в мое колдовство? — со страшной улыбкой возразил доминиканец. — Но так и быть! Я продался дьяволу, то есть тебе.

XVI

При всей своей хитрости епископ д'Энна, по-видимому, дался в обман. Его сбили с толку лукавое предложение Лукреции, уверенность в том, что Лебофор действует под влиянием ревности и ненависти к счастливому сопернику, а также собственное усердие подслужиться своему повелителю, изловив Альфонсо д'Эсте. Старик Бемптон был тем гонцом, которого, с согласия д'Энны, отправили с письмом в Феррару. Ради поддержки затеянного обмана Лукреция усилила по отношению к Реджинальду свою показную нежность и кротость с ним, и, конечно, это вызвало в душе влюбленного и мучимого ревностью Лебофора самую жестокую и ужасную борьбу, какой он еще не испытывал вовремя всех перипетий своей страсти к

Лукреции.

Наступила ночь, но герцог Альфонсо не явился; между тем он мог бы уже прибыть в Фаэнцу, если бы не получил спасительного предостережения. Благодарность за это принудила Лукрецию отнестись к Лебофору с еще большей нежностью, но это доводило Реджинальда до невыразимой тревоги и отчаяния, так как он знал ее причину. Минутами под влиянием ревности к счастливому сопернику он готов был отказаться от дальнейшей помощи Лукреции и склонялся к тому, чтобы исполнить поручение Цезаря, но тотчас же в его честной душе раздавался голос совести, и он неуклонно принимался за поставленную себе трудную и опасную задачу. Он говорил епископу, будто бы его ухаживание увенчалось поразительным успехом, и это даже удивляло самого прелата, который начал уже опасаться, как бы молодые люди не зашли в своей любовной игре дальше, чем этого желал великий заговорщик. Реджинальд даже заявил, что его окончательная победа вне сомнения, если только Лукрецию удастся уверить, что жених оказывает ей пренебрежение, а с этой целью необходимо захватить Альфонсо тайком и тщательно скрывать от нее поимку герцога, пока она сама найдет повод радоваться такому обороту дел. До тех же пор ее следует держать в уверенности, будто к ее приглашению жених отнесся пренебрежительно или — еще хуже — с недоверием, оскорбительным для ее гордой души. Под предлогом очистить окрестности от бродячих шаск Вителли, по совету Лебофора, были разосланы по всем дорогам, ведущим к Фаэнце, сильные конные отряды с приказанием схватить иоаннита и доставить его при наступлении ночи к одним из городских ворот, которые взялся стеречь сам Реджинальд со своими стрелками.

Таков был план Лебофора.

Епископ, по-видимому, окончательно попался в ловушку, и Лебофор заметил, что на другой день большое число самых свиреных и решительных солдат Цезаря покинуло город, чтобы рыскать по всем направлениям в местности, примыкавшей к Ферраре. Между тем радость, с какой Лукреция ждала прибытия Альфонсо, невольно причиняла Реджинальду такие мучительные страдания, что молодая женшина заметила странную перемену в его обращении, и ее подозрения стали еще мрачнее. В ее душе возникли сомнения в его честности, и она терзалась мыслью, что сама придумала план, посредством которого ее жених будет предан врагам. К тому же ее письмо к Альфонсо, написанное таким образом, чтобы его можно было показать епископу, содержало в себе непреодолимую приманку для влюбленного жениха и было доверено приверженцу его соперника. Подозрения молодой женщины еще усилились при исчезновении Реджинальда около того времени, когда мог прибыть Альфонсо. Лукреция узнала, что рыцарь находится на валах для встречи посланных разведчиков, о чем он умолчал перед нею, потому что часть плана, которую предстояло теперь выполнить, была связана с большой личной опасностью для него. Но он признал необходимым держать свиту Лукреции наготове и потому решил довериться Бембо. Содействие последнего не могло возбудить особенных подозрений, и он мог тайком предупредить свиту герцогини о предстоящем прибытии принца, который хотя путешествовал инкогнито, но должен был рассчитывать на встречу, подобающую его сану.

Вскоре после того, как Лебофор со своими стрелками занял обсервационный пост на валу, он был удивлен неожиданным визитом. Лукреция в сопровождении своей свиты и стражи телохранителей приблизилась к нему, когда он с печальным видом смотрел вдаль, ожидая солнечного заката, потому что Альфонсо мог прибыть в эту пору. Рыцарь пошел ей навстречу и был удивлен переменой, происшедшей с ней в такой короткий срок, а именно странным выражением гнева и озабоченности, занявших место обычной приветливости и веселого оживления в ее чертах, к которым привык рыцарь.

— Я пришла сторожить вместе с вами, рыцарь, — торопливо сказала она. — Время тянется невыносимо во дворце, являющемся для меня тюрьмой, а свежий вечерний воздух, может быть, освежит меня и разгонит печальные мысли, не дающие мне покоя. Вдобавок мне еще необходимо поговорить с вами наедине.

При этих словах спутники герцогини Борджиа отошли в сторону.

Тогда Лукреция приблизилась к Реджинальду и заговорила в большом волнении:

— Я доверяла вам и буду доверять, наперекор нашептываниям злого недруга, пока не увижу своими глазами вашего вероломства. Ко мне приходил епископ д'Энна и предостерегал меня от слепого доверия вам. Он сообщил, что вы подняли мятеж среди гарнизона и склонили на свою сторону солдат Цезаря, чтобы они оказали поддержку вашему предательству, так как вы замышляете забрать меня в плен. Да, епископ опасается, что вы намерены отрезать мне всякое сообщение с моими друзьями, и говорит, будто сам слышал, как вы давали своим разведчикам приказ убить какого-то иоаннита, который должен явиться сюда с вестями из Феррары, причем прибытие окровавленного тела иоаннита к городским воротам должно послужить сигналом к открытой измене, имеющей целью лишить меня жизни.

Реджинальд, услышав это, воскликнул:

— Так вот на что надеялись и рассчитывали эти гнусные злодеи! — Выслушайте меня! — продолжала Лукреция. — Я приказала своей свите в полном составе дожидаться меня внизу, у ворот. Моя безрассудная жалость и доверие дали вам надежду и средства исполнить ваш жестокий замысел. Но знайте, я хочу дожидаться здесь прибытия Альфонсо. Если он жив и невредим, то я буду благодарна вам за свое существование, в противном же случае я отомщу вам за его смерть собственной рукой. Да, я намерена убить вас за ваше бесчестное предательство; я отдам вас на расправу моим солдатам без всякого сожаления, не задумавшись ни на одну минуту.

Пораженный этими словами, Реджинальд не мог ответить ей ни слова, а только показал на заходящее солнце и поник головой в тя-

гостном раздумье.

Лукреция сделала бы еще попытку разрешить свои мучительные сомнения, если бы на валу не показался епископ. Он сделал вид, будто не замечает волнения Лукреции и Реджинальда, и с целью усилить подозрения молодой женщины выразил удивление, что ни один из всадников, посланных по направлению к Ферраре, не вернулся назад.

Быть может, они услыхали что-нибудь о рыскающих по окрестностям Вителли и соединились в один отряд, — возразил Лебофор

с притворным спокойствием.

Епископ кинул испытующий взор на Лукрецию. Она меж тем печально смотрела на своих солдат, поспешно собиравшихся у подно-

жия крепостного вала, и думала:

"Так вот в чем заключался злодейский умысел! Альфонсо намеревались убить, его смерть приписать содействию Реджинальда, меня же заставить или покончить с ним, или разделить позор приписанного ему преступления!"

Нетерпение и тревога молодой женщины возрастали с каждой минутой. Солнце уже закатилось, но на горизонте не появлялось еще ни одного копья, и ничто не возвещало приближения избавителей Лукреции. Она слушала речи епископа, явно не понимая, что ей говорили, и часто ее взор с беспокойством обращался на Лебофора. Мучения рыцаря становились почти невыносимыми; сам епископ то-

же, видимо, волновался и снова осведомился о разведчиках. Убсдившись наконец, что Альфонсо не едет, Реджинальд пришел в бешенство от окружавшего его вероломства и стал думать о насильственной расправе с злоумышленниками. Он мог надеяться овладеть
городом с помощью свиты Лукреции, если бы ей внезапно стала грозить опасность, но его удерживало от этого шага только опасение,
что мятеж, который неминуемо должен последовать за тем, мог бы
оказаться пагубным для нее. При наступлении ночи он стал убедительно просить герцогиню отправиться на покой. Однако его мрачная озабоченность усилила ее сомнения и опасения, и вместо того,
чтобы последовать его совету, она вскочила и воскликнула точно в
припадке безумия:

Нет, изменник, прежде чем я удалюсь отсюда, я хочу дождаться здесь окровавленного трупа Альфонсо и увидеть, как падет твоя

голова в расплату за твое предательство!

Во время ее речи епископ внезапно воскликнул:

— Чье же это знамя там внизу? Ведь мы не высылали своих главных сил?

— Это — знамя Альфонсо д'Эсте и его войска, — ответил Реджинальд, посмотрев по направлению, указанному епископом, и обратился к Лукреции: — ну, зовите своего палача; его удар не так жесток, как ваши слова.

— Где же дон Уго?.. Вот странное дело! — воскликнул епископ

д'Энна и внезапно повернулся, как бы намереваясь уйти.

Однако Реджинальд Лебофор проворно схватил его и воскликнул:

— Ни с места! Иначе, несмотря на твой священный сан, я покажу тебе, что я — комендант Фаэнцы и требую повиновения от всех, кто находится в ней! Ни с места, или эта секира размозжит твой предательский и полный кознями череп! Наконец-то простая честность одолела тебя.

Реджинальд... мой герой... мой спаситель! Неужели вы не простите меня?
 воскликнула Лукреция, и ее жестокое нравственное

напряжение разрешилось потоком слез.

— Отпирайте ворота, стрелки! Спешите навстречу нашим друзьям! Трубите в рог в знак приветствия им! — воскликнул Лебофор.

Подступающее войско уже настолько приблизилось к Фаэнце, что услыхало звуки военных труб и пришпорило своих усталых коней. Лебофор сам направился к воротам, чтобы приветствовать всадни-

ков, во главе которых ехал иоаннит.

Однако Реджинальд не спешил присутствовать при свидании влюбленных, и только, когда вся свита Лукреции вернулась во дворец, а принц сам в сопровождении своих знатнейших офицеров и рыцарей пошел искать его, Лебофор показался приезжим. Но эта холодность была почти побеждена искренним и долгим объятием, которым Альфонсо приветствовал своего бывшего друга. Принц сказал ему, что велел своим собственным солдатам расположиться на ночлег по соседним деревням, чтобы не отяготить обывателей Фаэнцы своим неожиданным посещением. Реджинальду было не особенно приятно провожать царственного жениха к Лукреции, однако его неудовольствие растаяло от сердечного волнения, когда красавица бросилась им навстречу и, схватив руки Реджинальда, стала

просить у него прошения за свои несправедливые подозрения. Она заметила бледность, почти моментально сменившую яркий румянец на его лице, когда Альфонсо, смеясь, заявил, что в нем заговорила ревность и сказала:

О. простите меня, чтобы я могла заснуть сеголня ночью, иначе-

совесть не даст мне сомкнуть глаза!

Теперь замысел Цезаря был уже не страшен. Военные силы герцога Феррарского не уступали в численности гарнизону Фаэнцы, а на рассвете к ним должен был присоединиться еще более значительный отряд, по прибытии которого принц со своей невестой намеревался выступить из города. Оба они убедительно просили английского рыцаря сопровождать их в Феррару, однако он отклонил их просьбу. Странное дело: Лукреция вспыхнула и со вздохом отвела взор, избегая взгляда своего жениха.

Тут Реджинальд объявил о своем решении вернуться тайком в

Рим, чтобы спасти Орсини, открыв папе заговор Цезаря.

Лукреция не желала огорчать отца разоблачением вероломства и предательства своего брата, однако необходимость предостеречь его заставили ее сделать это. Вместе с тем Лебофор в Риме мог подвергнуться опасности, и мысль об этом внушила Лукреции настоятельное желание послать туда другого гонца; однако ей не удалось поколебать решимость рыцаря, да в конце концов ее пылкие насто-

яния вызвали неудовольствие Альфонсо.

Реджинальд доказывал, что никто другой не обнаружит такого усердия в данном случае, как он, потому что им руководит желание загладить свою несправедливость перед Орсини, и никто лучше его не сумеет привести неопровержимые доказательства виновности Цезаря. Но Лукреция не соглашалась с ним, пока наконец Лебофор, заметивший внезапную мрачность принца, не обещал проводить ее для вида по дороге в Феррару, как будто с намерением отправиться туда, а потом вернуться переодетым в Рим, чтобы избежать мести

При их совещании забрезжил рассвет, и Альфонсо стал просить

свою невесту дать себе отдых.

— Я должна привыкать повиноваться, — сказала она, — но я кочу поставить одно условие. Я по-прежнему дрожу от страха и вы должны обещать мне, что будете бодрствовать со своим боевым то-

варишем.

Реджинальд чувствовал, что теперь ему будет труднее всего заручиться согласием Бемптона на предстоящее дело. Верный оруженосец, рискуя жизнью, по воле своего господина успешно исполнил поручение к Альфонсо, надеясь, что приключения Реджинальда в Италии окончатся с освобождением Лукреции.

Поэтому Бемптон крайне разочаровался, узнав о намерении Реджинальда возвратиться в Рим и получив приказ отвести его стрелков в Феррару, куда обещал явиться в скором времени сам Лебофор,

чтобы вслед затем отплыть в Англию из Венеции.

- Я так и знал, что мне не суждено больше увидать дочь и белокурых внуков, — сказал старик со слезами на глазах. — Если вы допустите мысль, что я способен отпустить вас теперь одного, то лучше назовите меня лукавым и бесчестным негодяем. Нет. нет. я по-

следую за вами в самую пасть смерти.

Реджинальд знал упорство своего старого оруженосца и напрасно старался отговорить его от такого опасного решения. Бемптон был непоколебим, и рыцарю пришлось наконец уступить верному слуге.

При восходе солнца военная свита, которой предстояло сопровождать герцога Альфонсо с его невестой в Феррару, получила значительное подкрепление. Однако оно едва ли было нужно, потому что Лебофор не позволил никому покидать Фаэнцу, чем отнял у заговоршиков всякую возможность собрать военные силы, которые могли бы оказать сопротивление провожатым Альфонсо.

Прежде чем могда дойти весть до соседних гарнизонов, свадебный поезд в сопровождении Реджинальда со стредками покинул город.

По прибытии в Равенну всякая опасность миновала, так как тут начиналась уже хорошо оберегаемая граница Венецианской республики.

Когда путешествие подходило к концу, Лукреция была так поглощена разговором с женихом, что несколько минут не замечала отсутствия Лебофора, но вдруг она увидела всадника в темной одежде иоаннита и в сопровождении одного старого воина. Когда же рыцарь сошел с коня и, подняв забрало, опустился на колена у ее стремени, она узнала в нем Реджинальда, который спросил ее дрожа-

щим голосом, нет ли у нее поручений в Рим.

- Его святейшеству мой всенижайший привет, ответила она также в сильном волнении и вынула из-за корсажа письмо. Я прошу его святейшество оказать вам безусловное доверие и как можно усерд нее позаботиться о вашей безопасности. В знак удостоверения представьте папе вот это кольцо. Я получила его от отца с обещанием. что всякая моя просьба, при которой оно будет предъявлено ему, должна быть уважена. Возьмите же этот перстень, добрый, храбрый и честный рыцарь, и пусть ваше теперешнее одеяние принесет вам столько же счастья, сколько принесло оно моему супругу, по его словам.
- Тогда оно должно принадлежать мне навек. сказал Реджинальд, напрасно стараясь придать своему голосу внятность и тверлость.
- Нет, нет, Лебофор, возразила Лукреция, наклонясь, чтобы скрыть свое волнение, но не будучи в силах сдержать хлынувшие слезы. — Обещайте мне привезти к нам вашу милую английскую невесту, чтобы она могла познакомиться с вашими друзьями в Италии. Благодарность не может вознаградить вас, поэтому я не говорю о ней. А между тем, - прибавила Лукреция с одной из своих очаровательнейших улыбок, - мой супруг простит мне, если я помышляю о том, что ваш первый поцелуй был принят приветливо; пускай же этот наш последний поцелуй унесет с собой пчелиное жало.
- О, никакое время не изгладит в моей памяти этого мгновения, и, чтоб оно длилось вечно, я не хочу прощания! - воскликнул Реджинальд и расстался с Лукрецией и принцем Альфонсо.

Реджинальда воодушевляли теперь надежда и цель спасти Орсини и отомстить за себя Цезарю, которого он хотел показать во всей его низости, чтобы разрушить все смелые планы его честолюбия.

Рыцарь позаботился о том, чтобы ни один гонец не мог покинуть Фаэнцы перед его отъездом оттуда, и имел повод рассчитывать, что приверженцы Цезаря употребляют все средства, чтобы поправить беду, прежде чем осмелятся послать ему известие о постигшей их неудаче. Путешествие Лебофора совершилось настолько быстро, что на другой день он был уже у берегов Тибра. Когда он сошел с коня в лесной долине, чтобы переправиться через реку на пароме, его догнал чернокожий пешеход и, кинув беглый взор на обоих всадников, поспешил дальше с неимоверной быстротой.

Погруженный в задумчивость, Реджинальд Лебофор почти не заметил этого человека, принятого им за беглого мавританского раба.

Но Бемптон схватил свой лук, наложил стрелу и нанес смертель-

ную рану быстроногому гонцу.

Реджинальд только тогда опомнился от изумления, когда узнал в убитом, который с диким воплем ужаса скончался, быстрейшего скорохода Цезаря Зейда. Они с Бемптоном утащили мертвое тело в лес и тщательно обыскали его, думая найти при нем какое-нибудь важное письмо, но нашли лишь несколько строк, составляющих краткое донесение епископа д'Энна герцогу Романьи о том, что весь план в Фаэнце был разрушен изменой английского рыцаря и Альфонсо со своей невестой благополучно достиг Феррары и что сам он с целью принять меры на случай опасности намерен собрать все военные силы и поспешить с ними к Риму для присоединения к Цезарю.

Лебофор поспешно продолжал путь, нигде не останавливаясь, пока не приблизился к Браччиано. Он нарочно замедлил свой проезд через окрестности этого города до наступления ночи, чтобы не наткнуться на бродячие шайки осаждающих, и на одном холме ему попалось печальное шествие. Несколько вооруженных людей с факелами в руках, одетые в цвета Орсини и, по-видимому, находившиеся под караулом буянов Мигуэлото, среди которых бросался в глаза известный разбойник и наемный убийца Джиованни из катакомб, сопровождали высокую колесницу, драпированную черным бархатом и украшенную гербами. На ней стояли носилки, где под

алым бархатным покровом покоилось два трупа.

Это зрелище, естественно, подстрекнуло любопытство Реджинальда; он приблизился к предводителю отряда, сообщил полученный в Фаэнце лозунг: "Цезарь император" и узнал, что на носилках лежали тела Паоло Орсини и его отца герцога Гравины, которые были задушены по приказу Цезаря в их замке Пиеве. С целью устрашить юного Фабио с его приверженцами зрелищем кары, постигшей их родственников, и принудить их к подчинению, тела убитых торжественно препровождались в Браччиано, где должно было состояться погребение.

Лебофор не решался поверить этому рассказу, котя разбойник уверял его, что сам собственноручно совершил над пленниками акт

"правосудия"; наконец перед его глазами откинули погребальный покров, причем рыцарь увидел при свете факсла лица обоих Орсини. В душе Реджинальда снова разгорелось чувство мести Цезарю, но он, затаив его, двинулся в путь, предварительно сказав разбойнику следующее:

— Передай герцогу Романьи, что тебе повстречался гонец из Фаэнцы в вооружении, некогда принадлежавшем одному иоанниту, и доложи его светлости, что в Фаэнце все идет как нельзя лучше.

Лебофор прибыл в Рим очень рано, так что не мог тотчас представиться папе. Известия, полученные им по приезде, только увеличивали его гнев и опасения. Уничтожение всего дома Орсини, казалось, было делом решенным. Приверженцы этого несчастного рода были доведены до открытого восстания яростным преследованием,

которому они подвергались.

Род Колонна волновался в Южной Кампанье, встречая тайную поддержку в испанцах. Но еще зловещее было появление вновь пресловутого монаха Бруно Ланфранки. Ходила молва, будто он обладает сверхъестественной властью покидать, когда ему вздумается. подземную темницу, где его пержит в заточении Цезарь Борджиа, и эти странные бредни поддерживались красноречием доминиканца: он собирал вокруг себя несметные толны народа и возвещал, в качестве посланника Небес, страшные пророчества относительно папы и его правления. Бруно выказывал при этом такую горячность, что всех удивляло равнодущие или беспокойство папы, не принимавшего никаких мер для прекрашения шумных сбориш вокруг этого обличителя. Между тем в данный момент было крайне рискованно допускать волнения среди фанатической и свирепой римской черни, так как папские войска находились в отсутствии с целью подавить попытку со стороны Колонна, а затянувшаяся осада Браччиано наряду с охраной новых владений Борджиа требовала солействия всех военных сил Цезаря.

Наконец Реджинальд явился в Ватикан и после доклада о том, что он привез письмо от герцогини Феррарской, был тотчас принят папой. Александр сидел, погруженный в мрачные думы, но тотчас повеселел при появлении гонца своей дочери. — Ну, что? Какие новости? — с нетерпением спросил он. — Как поживает молодая герцогиня? Присутствовали вы при ее торжественном въезде? Что говорили феррарцы при виде красоты невесты своего государя? Ах, им

досталось все, чего лишились мы!

— Ваше святейшество, привезенные мною вести предназначаются только для вашего слуха, — ответил Реджинальд, не открывая сво-

его лица, причем его голос показался папе знакомым.

— Вы говорите каким-то замогильным голосом, — заметил Александр. — Почему не откинете вы своего забрала? Неужели вы воображаете, что я доверюсь незнакомцу с опущенным забралом?

— При мне есть письмо, которое должно служить достаточной порукой за меня, — возразил Лебофор и, преклонив колена, подал по-

слание Лукреции.

— Да, это — рука нашей любезной Лукреции, — сказал папа и, распечатав письмо, принялся за него. Вдруг он побледнел, как смерть, и, торопливо приказав своей свите удалиться, обратился к

Реджинальду: — Значит, это именно вы одурачили Цезаря, благородный английский паладин, наделавший нам столько вреда? Говорите смело! Мы уважаем вашу храбрость, хотя она и была нам пагубна. В этом письме сказано, что я должен доверять вам, как бы ни были удивительна ваши сообщения и каких бы ужасов ни передали вы мне относительно поступков герцога Романьи. Но прежде всего скажите, где оставили вы нашу племянницу? Лукреция, конечно, в безопасности, в объятиях ее августейшего супруга?

- О, да, в безопасности, по ту сторону Равенны, за пределами

Фаэнцы.

— За пределами Фаэнцы? важнейшей крепости ее брата? Неужели вы осмеливаетесь повторять ложные слухи, за которые понесли кару неаполитанские поэты?

— Судите о том сами, когда услышите, с помощью каких средств и с какой целью герцог Романьи назначил меня комендантом Фаэнцы, — ответил рыцарь и весьма спокойно изложил свою беседу с Цезарем в Синигалии относительно захвата в плен Лукреции.

Папа часто прерывал его возгласами, выражавшими недоверие, гнев и удивление; однако сомнения взяли наконец перевес над всем

остальным.

— Какое безумное вранье! — воскликнул он. — Пожалуй, вы придумали эти небылицы, чтобы потешить свою ненависть к герцогу и отмстить за изменников, своих друзей? А между тем это — рука Лукреции. Но я понимаю, в чем тут суть. Вы позавидовали тому величию, которого добился Цезарь с таким трудом, такими подвигами храбрости. Мятежное отродье Орсини скоро будет истреблено, и мы сделаемся повелителями Италии. И вот являетесь вы со своею ложью! У Лукреции нет больше сердца Борджиа, она стала теперь настоящею Эсте. Она разлюбила своего отца; да, да, ведь любящая дочь побоялась бы терзать мне сердце подобными выдумками. Прочь с моих глаз, клеветник! Или не отослать ли мне тебя в замок святого Ангела, чтобы мой сын мог разделаться с тобой по заслугам за твою клевету?

— Может быть, вот этот знак защитит меня! — сказал Реджинальд, подавая кольцо Лукреции. — А если нет, то пусть герцог Цезарь на честном поединке докажет мне, что я лгу, и я буду удов-

летворен.

- Это несомненно ее кольцо, промолвил папа, смягчив свой гневный тон. Но если в вашем рассказе есть хоть тень правды, то как же могла случиться, что Лукреция очутилась в Ферраре, а вы здесь?
- Меня хотели сделать убийцей ее благородного супруга и найти предлог для моей гибели, когда наступит благоприятное время. Поэтому я не ставлю себе в заслугу, что помог разрушить злодейские козни, ответил Лебофор и продолжал тем же твердым тоном рассказывать дальше свою историю.

Папа слушал его в боязливом молчании.

— Это неправда! этого не может быть! — воскликнул наконец Александр, сжимая кулаки и подняв к небу взор, точно хотел в избытке своей скорби умолять Провидение изменить в его пользу даже законы нравственной достоверности.

— В таком случае прочтите вот эту перехваченную мною записку шпиона Цезаря; смерть помогла мне добыть это вещественное до-казательство, — возразил Реджинальд и подал папе забрызганное

кровью Зейда послание епископа д'Энны.

— А что, если все это — правда? Но нет, вы придаете неверную окраску делу, — сказал папа после долгого разглядывания этой неопровержимой улики. — Герцог Романьи дорожит нашим благоволением, но не любовью своей сестры, и придумал средство удержать ее в дороге, за что вам-то уж не следует быть неблагодарным ему.

— Соблаговолите, ваше святейшество, обратить внимание на заключение письма, где епископ обещает прислать военные силы герцога Романьи в Рим, — продолжал неумолимый метитель. — Вам

надо еще узнать, для чего именно явятся они сюда.

— Да, герцогиня пишет о предательстве, замышляемом против меня, о разоблачениях, которые я слышу от вас, и предлагает мне помощь своего супруга против своего брата. Ну, она слишком рано вздумала разыгрывать из себя королеву! Святейший престол под нашим господством еще не дошел до того, чтобы нуждаться в помощи ломбардского герцога.

Невзирая на муку, причиняемую ему, Реджинальд продолжал свой рассказ, излагая последствия замысла в Фарнце, которых Цезарь, несомненно, будет добиваться в Риме и которые, вероятно, приведут к свержению папы или по крайней мере лишат его действи-

тельной власти.

— Мне дурно, добрый рыцарь, воздуха, воздуха! — произнес Александр и, шатаясь, сделал несколько шагов, но, прежде чем Лебофор подоспел ему на помощь, он уже оправился и резко продолжал: — Это — ложь, это должно быть ложью! Если бы Цезарь замыслил измену против нас, зачем лишил бы он себя поддержки, которую мог бы дать могущественный союз с герцогом Феррарским?

— Он руководствуется здесь тем же самым побуждением, которое довело его до убийства родного брата, герцога Джиованни Гандийского, — ответил Реджинальд, и его взор встретился с полубезум-

ным взором Александра.

- Джиованни убит? повторил папа, причем на его лице проступил холодный пот, и он одно мгновение даже навалился всей своей тяжестью на плечо молодого англичанина. Однако он оправился после энергичного усилия над собой и промолвил: Это ничего, мы только становимся стары. У меня на секунду потемнело в глазах. Но где же вы оставили мое дитя? Где моя Лукреция? Ах, я близок к смерти, и она подумает, что убила меня! Скажите ей, что это неправда, добрый рыцарь. Но чтобы Джиованни пал от руки Цезаря? Нет. Это выдумки, это ложь!
- А разве вы уже забыли безумную молодую еврейку из гетто?
 Это было бы, конечно, заслуженной карой для меня, более тяжким жребием, чем участь грешника, обреченного на вечные мучения в неугасимом пламени геенны, простонал папа. Но этот страх по крайней мере не основателен; вот ты сейчас услышишь сам. С этими словами он дернул серебряный звонок, прикрепленный к его скамеечке, и, приказав вошедшему слуге ввести доминиканца, опять обратился к Реджинальду: Встаньте в тени вон

того балдахина; монах видит плохо и не заметит там вашего присутствия.

Лебофор повиновался.

В комнате вскоре появилась тучная фигура монаха Биккоццо, который, приблизившись к папе, опустился перед ним на колена.

- Не бойтесь! Великая услуга, оказанная вами, согласно вашему обещанию, конечно, может заставить забыть дикие безумства человека, с которым мы поступили несколько сурово и который только что выпущен из нашей тюрьмы, заговорил Александр. Верный своему долгу, отец Бруно не откроет того, что было доверено ему на исповеди, но, разумеется, назовет нам убийцу герцога Ганлийского.
- Да, если новообращенной еврейке будет дозволено явиться сегодня вечером на торжественный пир, на котором будет присутствовать убийца. ответил монах.

— На празднестве в Ватикане? Но разве ему известно, что герцог Романьи прибудет сюда из лагеря под осажденным Браччиано?

— Отец Бруно поручил мне просить вас послать за ним, чтобы он мог разделить радость открытия, которое, судя по слухам... Впрочем, я должен быть глух ко всему, кроме того, что мне велено сказать!

Хорошо. Тогда ступай и скажи отцу Бруно, что если он исполнит свое обещание, то его капюшон может превратиться в крас-

ную шляпу кардинала, - многозначительно добавил папа.

— Отец Бруно хочет, чтобы вы, ваше святейшество, соблаговолили послать за ним, когда он будет всенародно крестить молодую еврейку на площади святого Петра; но только для этого понадобится значительная военная сила. Появление большого отряда воинов послужит в глазах черни извинением его покорности. Вдобавок солдаты должны быть под командой надежного человека, на которого вы можете положиться, что он не отступит ни перед каким сопротивлением, так как убийца — лицо с большой властью.

Папа выразил знаком свое согласие.

- Отец Бруно, продолжал доминиканец, боится могущества тех, кого он должен предать в жертву вашему мщению, и ради собственной безопасности умоляет вас послать ему в залог вашей защиты золотой ковчежец, который вы всегда носите за пазухой.
- Ковчежец со Святыми Дарами? сказал папа. Один астро лог говорил мне, что я не умру, пока ношу его при себе. Но вот он! Передайте отцу Бруно, что он должен держать его у себя, пока не попросит у меня сам выкупа за него.

Биккоццо взял святыню и почтительно приложился к ней, после

чего был отпущен молчаливым жестом папы и удалился.

— Ну вот, вы слышали? — торжествующим тоном воскликнул

Александр, когда Реджинальд вышел из своего убежища.

— А это поручение исходит от отца Бруно? — спросил рыцарь также радостным тоном, хотя сначала лишь смутно припомнил странные истории, слышанные им от герцога Альфонсо.

Разумеется, от него, — подтвердил папа, превратно истолковавший себе довольство, обнаруженное Лебофором. — Послушайте, к какому решению я пришел. Цезарь сам дает сегодня вечером празд

ник примирения вновь назначенным кардиналам, хотя не многие из них считаются его друзьями. И вот, чтобы опровергнуть эти злые помыслы и отвлечь его от зависти счастью сестры, приглашенные должны столковаться со мной относительно того, чтобы превратить герцогскую корону Цезаря в королевскую. Да, он должен сделаться королем Романьи, потому что Небо даровало нам власть раздавать и отнимать все мирские господства на земле, особенно в пределах нашего отечества. Не бойтесь за себя! Ваша безопасность дорога нам, как наша собственная, и мы полагаем, что на этом празднике будет положено начало всеобщему примирению. Вы предназначены способствовать благому делу и быть тем послом, которого мы намерены отправить за отцом Бруно и новообращенной еврейкой. Вы должны быть свидетелем всего, а потом вернуться к нашей племяннице с радостными новостями и докладом, что мы желаем видеть ее на троне в Ферраре.

С этими словами папа сделал жест, указывавший на то, что аудиенция Реджинальда Лебофора окончена, и рыцарь удалился.

XVIII

Приблизительно около того часа, когда Реджинальд встретил носилки с прахом обоих Орсини, из одной тюремной камеры замка святого Ангела выскользнула фигура черного кающегося монаха и, пройдя мимо нескольких часовых, которые пропустили ее без оклика, затерялась в длинном коридоре. Последний вел в подземелье, где находилась Фиамма.

Монах — это был дон Савватий — спустился туда по винтовой лестнице в колонне, зажег факел и осмотрелся в потемках.

Первый предмет, который отец Бруно различил перед собой, была фигура женщины, прикованной к стене и распростертой на соломе.

— Тик-так! Фиамма, час мщения наступил, — сказал монах. — Нотта еле жива и могла лишь с трудом вымолвить в своей агонии, что ты видела, где было спрятано отравленное вино. Говори: где мне найти его?

Не отвечая ни слова, узница указала только своей исхудалой белой рукой на сводчатую галерею. Савватий тотчас последовал по указанному направлению и вошел в круглое углубление, служившее как будто винным погребом. Там была навалена большая куча снега, из которой торчали красные бутылки, закупоренные пробками с серебряным колпачком. Другие бутылки точно такой же формы и цвета, но со свинцовыми колпачками на пробках, лежали поодаль от первых. Доминиканец подошел к первой груде, вынул из кармана инструмент и осторожно вытащил пробки из всех бутылок, не повредив печатей. Потом он откупорил такое же количество посуды, закупоренной свинцом, а каждую из первых бутылок снабдил свинцовой пробкой. Произведя этот обмен, он поставил опять всю посуду на прежнее место, в том порядке, в каком нашел ее, и удалился.

— Фиамма, — сказал он, вернувшись в тюремную камеру узницы, — Морта сообщила человеку, обрекшему тебя на медленную смерть, что лишь тебе одной из всех се учениц известно противоядие

той тонкой отраве. Смотри, никому не выдавай его!

Молодая женщина засмеялась чуть слышно и заслонила лицо лалонью: как будто свет резал ей глаза.

Колдун с тяжелым вздохом загасил свой факел и пробормотал: — Тебе следовало бы по крайней мере сохранить настолько сознания, чтобы ты понимала, что отомщена и была свидетельницей

мучений твоего убийцы.

Когда около полудня сигнальная пушка в замке святого Ангела возвестила прибытие Цезаря, Мигуэлото немедленно представился ему.

Герцог выслушал его донесения с большим вниманием и интересом, причем в его чертах против обыкновения замечалось беспо-

койство.

— Нам некогда много разговаривать, — сказал он. — Каждая минута дорога. Но монах, надеюсь, не сомневается более в действии нашего волшебного напитка, так как он видел своими глазами ста-

рых ведьм в предсмертной агонии?

- Они все еще ползают, возразил Мигуэлото. Если бы старухи не питались впроголодь и не были так подозрительны, то не прожили бы и получасового срока, который они предоставляют каждому, кто хлебнул их снадобья. Вот послушали бы вы, как эти колдуньи неистовствуют, ругаются, как они обещают мне все свои сокровища в гетто, если я доставлю им то, что нужно для изготовления противоядия. Но я доберусь до их богатств более дешевым способом. Однако сильнее собственной участи сокрушает евреек обращение в христианство их внучки.
- Я буду рад этому, сказал Цезарь, потому что это дело справедливое, а когда мы достигаем своей цели честными средствами, то должны радоваться. Не понимаю, однако, почему на меня напало такое уныние? Обыкновенно я бываю всегда спокрен духом и бодр при каждом своем предприятии, а это - величайший замысел моей жизни, завершение и венец всего. Между тем мне не на что пожаловаться. Все идет отлично; Орсини парализованы страхом и заняты теперь лишь погребением своих мертвецов. Хотя Фабио непреклонен, однако их приверженцы уже тайком переговариваются о сдаче, которую я, однако, отклоняю, потому что откажусь от Браччиано, только получив взамен его Рим. Если грянет гром, то старик не посмеет отказать мне в этом, хотя он и обещал все своей любезной Лукреции, которая мечтает подчинить своему господству нас всех. заняв герцогский трон в Ферраре. Самые утешительные известия приходят из Фаэнцы. Лукреция попала в западню, и последний гонец привез мне весть об одном замысле, который должен погубить обоих моих врагов. Герцог Альфонсо д"Эсте и упрямый английский рыцарь, вероятно, уже сложили головы: иначе что могли бы значить переданные мне честным Джиованни слова одного незнакомца, встреченного им в Браччиано? Человек в черной олсжде иоаннита у трупов Орсини! Конечно, он скоро будет здесь, так как пушка возвестила о моем прибытии в Рим.

- Но не странно ли, что он не явился со своими вестями к вам

в Браччиано? - спросил каталонец.

— Это мы разузнаем. Конечно, епископ д'Энна послал его, чтобы изобразить в благоприятном свете пребывание Лукреции в Фаэнце,

согласно моему требованию, — возразил Цезарь. — Но этот поступок действительно немного странен. Где же, однако, монах? — про-

должал он после некоторой паузы.

— Я как раз слышу его бормотанье — неизменное "тик-так", — ответил Мигуэлото. — Одиночное заключение несколько помутило ему рассудок, но так бывает со всеми. Фиамма в свою очередь сде-

лалась очень странной.

— Тик-так! Как удивительно вертится мир, не зная ни покоя, ни отдыха! — бормотал про себя отец Бруно, входя в комнату, но его тон сделался рассудительнее и спокойнее, когда он узнал герцога Романьи. — Ваша светлость, — продолжал он, — еврейки находятся в ужасном предсмертном томлении и умрут без покаяния и отпущения грехов.

Туда им и дорога! — заметил Цезарь. — Их гибель — дело

правосудия.

Терцог Романьи говорит так, и это — вещие слова, — промолвил Бруно с особым выражением в глазах.

Последнее не ускользнуло от подозрительного Борджиа, и он при-

грозил:

- Назови это мщением, а не правосудием, если хочешь, но смотри, как бы то же самое не постигло тебя самого! Соучастники твоего колдовства еще живы и могут поведать миру, кто ты таков, если ты прогневишь меня. Но я тебе доверяю: отныне ты должен быть нашим единственным чудотворцем. Вопреки заявлению Мигуэлото, вопреки мольбам евреев, ты должен сдержать слово, данное черни, и появиться со своей новообращенной на плошади Петра. Ты должен опровергнуть перед папой слова этих евреев, утверждающих, будто бы Мириам помешанная; да, ты должен опровергнуть их своими чудесами, хотя твое обвинение навлечет гибель на князей церкви, симонистов, имена которых ты найдешь вот в этом списке. А если тем временем Мириам придется выдать по высочайшему повелению евреям и вся христианская чернь поднимет из-за этого бунт, если Колонна и Орсини затеют открытое восстание, а простонародье признает твою чудодейственную силу, то Александру останется искать себе защиты только в моей крепости, и мечи моих солдат явятся для него единственной надеждой на спасение. Когда же он очутится у меня, в замке Ангела, а она — в Риме, то я сделаюсь императором, ты — святым, а Лукреция...

— А она?.. — спросил доминиканец.

— Ну, чем же она может сделаться, подавленная ужасной молвой, которая должна последовать за нею сюда из Фаэнцы, и после гибели обоих своих возлюбленных? — сказал Цезарь, кидая на Бруно огненный взор.

Монахиней самого строгого ордена, — холодно ответил тот.

— Разумеется, чтобы она тем лучше подходила тебе! — с мрачным смехом подхватил Борджиа. — Доведенная до отчаяния, изнемогающая под бременем своих преступлений, чем же иным может сделаться она? Ведь не думаешь же ты, что мы станем умолять ее разыгрывать роль императрицы в Риме или помогать тебе в деле исправления ее любезного родителя? Однако примемся поскорее за дело, — продолжал Цезарь. — Наш властелин пьет на испанский

манер, но погода стоит жаркая. Мигуэлото, шести бутылок того же сорта, как те, чудодейственные, будет вполне достаточно, а мы оба удовольствуемся свинцовыми пробками, хотя они не так почетны, как бутылки с серебряными коронами, предназначенные для наших гостей.

— Никакого подозрения не может возникнуть, — сказал Мигу-

элото.

— Однако нам следует подать смотрителю погреба знак, когда он должен поднести превосходный напиток нашим друзьям. Кроме того, пусть он пришлет мне тарелку с персиками по числу осужденных, тех самых, что были собственноручно сорваны мною. Ну, теперь ступай и ты, берись за свое дело, монах! Минуты бегут.

Бруно вздрогнул, словно очнувшись от забытья, но тотчас пови-

новался и вышел с низким поклоном.

— И до тебя дойдет очередь, — промолвил Цезарь, провожая его долгим тревожным взором. — Когда твое дело будет сделано, я постараюсь узнать, почему помогал ты мне с таким рвением. Мигуэлото, смотри, чтобы все было готово, а если сюда придет иоаннит, посол из Фаэнцы, то пошли его немедленно ко мне во дворец.

• . •

Роковые часы быстро мелькали один за другим, и приглашенные на праздник гости собрались в большом числе в зеленеющих крытых ватиканских аллеях. Папски двор направился в зеленый зал из ильмовых деревьев, переплетенных между собой побегами виноградных лоз. Здесь находились папа и герцог Романьи с блестящей свитой из кардиналов и дворян, среди которых можно было заметить рыцаря со спущенным забралом.

Волнение в чертах папы возбуждало всеобщее внимание. Цезарь также казался расстроенным, в особенности когда он увидал иоаннита; но в ответ на его испытующий взор со стороны рыцаря последовал многозначительный кивок головой, что снова успокоило и

ободрило герцога.

Папа был погружен в глубокую задумчивость и делал вид, что слушает любезности, которые Цезарь расточал кардиналам по мере того, как Бурчиардо представлял их с обычными формальностями.

— Церковь более, чем в одно смысле, получила превосходное приращение по внушению свыше, — произнес герцог. — Хотя мы и не принимали участия в вашем повышении, высокочтимые синьоры, однако сердечно радуемся ему и даем этот праздник в знак на-

шего удовольствия.

— Племянник, — сказал папа, — признавая, что ваше довольство настолько же политично, насколько и благородно, прошу вас выслушать нашу речь. В доказательство того, что всякие слухи о нашем нерасположении к вам или о незнакомстве с вашими заслугами были несправедливы, святая коллегия с нашего согласия единодушно решила в воздаяние ваших трудов заменить ваш герцогский титул королевским и сделать вас королем Романьи.

Сам Цезарь был так поражен подобной неожиданностью, что не

сразу опомнился.

Однако он скоро пришел в себя и поразительно кратко и холодно

выразил свою благодарность.

— Романья! — воскликнул честолюбец. — Мы боимся, что это название скоро сделается настолько нестерпимым для нашего слуха, что ему не поможет даже возведение ее в королевство. Не по приказу ли вашего святейшества герцогиня Феррарская остается в Фаэнце?

— Уж не боишься ли ты, Цезарь, что она отнимет у тебя город? —

возразил озадаченный папа.

— Нет, не то, но я назначил Реджинальда Лебофора комендантом Фаэнцы за его храбрость, а вашему святейшеству известно, что герцогиня Феррарская по некоторым причинам не должна оставаться в том месте, где повелевает он. И... я принужден позволить себе смелость просить вас, чтобы вы заставили ее поторопиться отъездом во избежание дурной молвы, вредной для всех нас.

— Вина! Мне нездоровится! Но это правда, Цезарь, мы слышали о том. Набеги Вителли пугают Лукрецию; однако при ней теперь супруг, который придаст ей мужество, — ответил папа с заметным

содроганием.

Это было не без удовольствия замечено Цезарем, и он воскликнул: — Ну, тогда наполним кубки и дружески чокнемся между собой! Я нашел в Урбино запасы превосходного вина и хочу угостить им сегодня на радостях знатоков. Скажите мессиру Антонио, чтобы он прислал мне алые бутылки вместе с персиками, собранными мною собственноручно в садах Лукреции.

В эту минуту из тесной толпы придворных выступил Мигуэлото, опустился перед папой на колена и, по-видимому, ждал, чтобы ему

позволили заговорить.

Что с тобой? — спросил его Цезарь. — На тебе лица нет. Чем

ты так напуган?

— Ваша светлость, — ответил каталонец, — монах, бежавший из замка святого Ангела и уже давно мутивший народ, крестит теперь, вопреки моему запрещению, сврейку на площади святого Петра, да еще держит возмутительные речи к уличной черни. Еврейка помешана, и ее родные утверждают, что доминиканец старается только присвоить себе ее наследство; это берутся доказать богатейшие и самые почтенные из ее соплеменников.

— Ступайте, передайте еврейку ее близким и схватите монаха именем его святейшества! — повелительным тоном распорядился

Цезарь. — Эти народные волнения становятся опасными.

— Нет, монах и новообращенная должны предстать перед нами! — внезапно вспылив, воскликнул папа. — Евреи должны быть выслушаны, и мы сами рассудим, в здравом ли уме та женщина или такая же помешанная, как некоторые люди среди нас, разгуливающие, однако, на свободе.

 К чему же это, если нам известно, что дело идет о той самой сумасшедшей девушке, которая вела странные речи против нас в

день юбилея? — с беспокойством возразил Цезарь.

— Так должно быть, или мы посмотрим, кто властелин в Риме, — ответил папа более строгим тоном и, тяжело вздыхая, оглянулся на Реджинальда, после чего прибавил: — Рыцарь, мы можем вполне

положиться на вас. Возьмите с собой наших швейцарцев, которых

мы отдаем под вашу команду.

— Может произойти внезапное волнение, а у нас, в Риме, не найдется достаточно военных сил для отпора мятежникам, — сказал Цезарь, — в особенности, если еврейка будет схвачена, по-видимому, с целью предать ее мести родственников.

— Пусть этот рыцарь предотвратит насилие, — возразил папа со

вздохом.

Цезарь истолковал это в благоприятном смысле, тем более, что посол из Фаэнцы ответил на его испытующий взор низким поклоном, и устремил свое внимание на смотрителя погреба, появившегося с вином в красных бутылках. Реджинальд немедленно удалился, а Цезарь так зорко следил за смотрителем погреба, откупоривавшим вино, что Мигуэлото напрасно ожидал условного знака с его стороны; лишь заметив, что кубки, предназначенные для него и папы, были наполнены из бутылок со свинцовыми, а все же остальные — из бутылок с серебряными головками, Цезарь, подняв взор, произнес:

— Теперь у нас лихие времена, и мы должны быть готовы ко всему худшему! Окружи виноградник моими телохранителями, Мигуэлото, чтобы чернь не последовала сюда за своим коноводом, прорицателем. Отвори ворота в замке святого Ангела и вели своим солдатам выстроиться, чтобы мы могли доставить его святейшество в

безопасное место в случае возникновения беспорядков.

Волнение Александра явно усиливалось, но, будучи уверен, что его приказ поспешит исполнить и монах с еврейкой сейчас предстанут перед ним, он развеселился. Рассыпаясь в похвалах, он вторично заявил о своем намерении возвести Цезаря в королевский сан и предложил присутствующим выпить за здоровье короля Романьи.

Между тем Мигуэлото явился со свирепыми и хорошо вооруженными солдатами Борджиа, после того как Реджинальд отправился исполнять данное ему поручение. Тут Цезарь впервые высказал свою благодарность, хотя пожаловался со смехом, что ему самому нельзя отведать превосходный напиток. Когда же все собрание поднялось и каждый из вновь произведенных кардиналов взял в руки наполненный кубок, ожидая знака со стороны папы, чтобы поднести его к губам, лицо Цезаря просияло страшной радостью.

Зато на лице папы виднелось совсем иное выражение. Его нервная рука дрогнула, когда он поднял кубок, и после минутного колебания он поставил его на стол, стал шарить у себя за пазухой, а затем

сказал молодому епископу Караффа:

— Ступайте во дворец и принесите мне мой ковчежец. Впрочем, нет, нет, я позабыл, что отдал его сам в залог нашей защиты одному человеку!

Однако епископ успел уже удалиться, чтобы исполнить получен-

ное поручение.

Папа осмотрелся с некоторым смущением вокруг, поспешно схва-

тил кубок и осушил его, не произнеся никакого тоста.

— Ваше святейшество, вы забыли провозгласить тост за здоровье короля Романьи, — с улыбкой сказал Цезарь, но взглянул с видом обманутого ожидания на гостей, которые смотрели друг на друга во все глаза, не решаясь пить.

— Да, это правда, — торопливо подтвердил папа, — однако мою забывчивость легко исправить. Пусть наполнят еще раз бокалы. Я позабыл, нет, не позабыл, но мои мысли были рассеяны; не знаю, как это произошло. Мне все чего-то недостает, и я сам не свой с той поры, как не стало солнечного света, навсегда покинувшего нас. Моя старость становится крайне одинокой. Но это должно предостеречь нас на будущее время, чтобы мы не опустошали сердца других. Кротость подобает старцу, и отныне я намерен более прислушиваться к ее голосу, чем к строгому призыву правосудия. За здравие короля Романьи!

Папа вторично осушил кубок, и все последовали его примеру, к

безграничному удовольствию Цезаря.

После этого поднялся с места он сам и выпил за здоровье новых кардиналов. Папа присоединился к нему, в надежде успокоить свое все усиливавшееся волнение. Цезарь осушил свой кубок до дна, не оставив в нем ни единой капли, и приказал смотрителю погреба, принесшему персики, снова наполнить кубки его превосходным вином, чтобы все присутствующие могли выпить за благополучное и скорое прибытие герцогини Феррарской в ее новую столицу.

Александр с жаром присоединился к этому тосту и, обуреваемый своими затаенными помыслами, вероятно, впервые по восшествии на папский престол нечаянно назвал Лукрецию своей любезной до-

черью, сестрой короля Романьи.

Кардиналы переглянулись, несколько раздосадованные обмолвкой

папы, но Цезарь вдруг воскликнул с затаенной насмешкой:

 Да, никто не может отрицать, что его святейшество всегда обращался с моей сестрой, как с дочерью, со своей любимой дочерью!

Александр взглянул с неописуемым и страшным выражением на герцога, так что тот едва мог выдержать молчание этого гневного, испытующего взора, и отвернулся в сторону, устремив взор на дверь, откуда должен был появиться монах Бруно.

Последний действительно показался минуту спустя между двух швейцарцев, но без Мириам, в сопровождении лишь доминиканца

Биккоццо.

Все взоры тотчас устремились на отца Бруно, и, когда он остановился перед группами участников пира в их пышном одеянии и гордо выпрямился без малейшего признака почтительности к папе, с мертвенно-бледным лицом, выражавшим жестокую, хотя и немую страсть, всем невольно стало жутко.

Только герцог Романьи оставался спокойным. Он кивнул монаху

и бросил многозначительный взгляд на опорожненный бокал.

Бруно отлично понял этот взгляд, и страшная улыбка осветила

его изможденные мрачные черты.

— Где же твоя новообращенная? — спросил монаха папа. — Мы приказали представить ее нам, чтобы мы могли разрешить спор меж-

ду тобой и евреями, которые объявляют ее помешанной.

 Она с моими прочими верующими и ругающимися евреями задержана у ворот стражей герцога Романьи, — спокойно ответил доминиканец. — Черный рыцарь, посланный вашим святейшеством, просит вашего приказания впустить их или позволения проложить себе дорогу среди сопротивляющихся. — Бурчиардо, ступайте и прикажите от моего имени, чтобы никто не препятствовал пропуску иоаннит, евреев и Мириам; мы сами будем чинить здесь суд, — сказал папа с порывистой запальчивостью.

Это заставило Цезаря воздержаться от решительного сопротив-

ления отцу, и он произнес с притворным равнодушием:

— Хорошо! Я, я не вмешиваюсь в обращение неверных, хотя, говорят, эта еврейка хороша собой. Однако, монах, ведь я — знаменосец церкви и имею право спросить тебя, какого рода учение проповедуещь ты; ведь оно подстрекает народ к мятежу и еретическому неверию.

— Мое учение не подлежит вашему суду, — спокойно возразил

монах, - судить о нем подобает только церкви.

- Тогда изложи мне его; я есть церковь, приветливо, но все еще в сильном волнении сказал папа. Познакомь меня со своими планами, и если они хороши и полезны, то я буду усердно способствовать им, так как чувствую, что слишком долго медлил с этим лелом.
- Вот мои планы! ответил монах. Я хочу искоренить симонию Родериго Борджиа, ложно именующего себя папой Александром Шестым. Она расшатала столпы церкви в глазах всего мира, так что небесная твердь колеблется над нашими головами, готовая рухнуть и ввергнуть землю опять в первобытный хаос. Я хочу предать уничтожению все ее и его проклятое отродье. Я хочу очистить церковь от ее грязи и вернуть заблудшие человеческие племена в ее стадо; я хочу показать небесное правосудие во внезапном, страшном и окончательном падении нечестивой шайки, которая осмелилась похитить даже молнии Господнего гнева, чтобы только опустошить землю.
- Он сумасброд, совершенный сумасброд, сказал после долгой паузы Александр, опомнившись наконец от своего изумления, но, как безумец, этот монах может неистовствовать безнаказанно.
- У него смелость и, пожалуй, миссия пророка, возразил Цезарь, причем в тоне его голоса слышался, может быть, не совсем притворный страх. Взгляните, как почернели все ступени Ватикана от его уличного сброда. Надеюсь, что нам по крайней мере не преградят дороги в замок Ангела и мы успеем доставить этому чудотворцу наш ответ из-под Браччиано.

— Я вспомнил, Цезарь, что имел намерение посетить ваши тюрьмы в замке святого Ангела ради дел милосердия и помилования преступников, — произнес папа. — Между прочим, я обещал Лукреции навести справку, содержится ли там Фиамма Колонна как уз-

ница или живет у вас в качестве гостьи.

— Ваш зять великодушно принял ее во Флоренции под свою защиту; после взятия Капуи мы не слыхали ничего больше о ее судьбе, — не без тревоги ответил Цезарь. — Дай Бог, чтобы она не натворила бед в Ферраре! Однако монах, древние пророки имели видимые знаки своего призвания свыше. А где же доказательства, что ты послан Богом? — насмешливо спросил герцог, но с таким взглядом, который был понят отцом Бруно.

Последний ответил на него взором, полным отвращения и тор-

жества, и воскликнул:

— Может ли быть знамение более явное, чем то, что Цезарь Борджиа, братоубийца, превзошедший жестокость Каина, тиран гнуснее Нерона, неверующий, перешеголявший Фому, помышляет об исправлении церкви? Неужели было бы удивительнее этого, если бы развалины, покрывающие пустыни семи римских холмов, внезапно воздвиглись вновь во всем их минувшем великолепии?

- Послушай, монах: хотя ты и помешанный, но твои бредни отзываются злобой, отличающей тебя от прочих безумиев. — заметил

Пезарь.

— Я ссылаюсь на защиту его святейшества, которая была обещана мне при этом знаке. — с горькой усмешкой ответил Бруно и показал ковчежен папы.

- Это правда, - подтвердил Александр глухим, мрачным тоном. — Цезарь, так как ты считаещь этого монаха пророком, то ока-

зывай ему тот почет, который подобает пророку.

- Но ведь вы требуете доказательств. поспешно прододжал доминиканец, — и я даю вам ответ. Разве я здесь не на своболе? Разве я не принудил камни в замке святого Ангела возвратить мне мою новообращенную? Да, и я отозвал твою приносящую несчастье дочь. Александр, от ее прелюбодейств в Фаэнце, и она должна повиноваться.
- Какие прелюбодейства взводишь ты на нашу дочь? воскликнул папа и перевел взор с монаха на Цезаря, который, очевилно. был его сообщиком.
- Симонист! запальчиво воскликнул Бруно. Ты противозаконно и безбожно расторг помолвку своей дочери с сыном человека, который спас тебе жизнь и которым ты пренебрег, возгордившись своим нечестиво достигнутым господством. Это он называет супругу Альфонсо Феррарского предюбодейкой, ту самую, которая милуется с Реджинальдом Лебофором! Это он через посредство отвратительного чудовища, твоего сына Цезаря, возвращает ее теперь обратно в Рим!

— А где же он, этот удивительный, первый жених Лукреции? Глупец, ты бредишь! - воскликнул Цезарь не своим голосом и схватился за кинжал, но отпрянул назад перед гневным взором, который метнул на него папа.

— Он здесь, — ответил монах. — Я — Бернардо Ланфранки, которого жалкая гордость и тирания Родериго Борджиа лишила обрученной невесты, чтобы принудить его к монастырской жизни.

— Если ты — Бернардо Ланфранки, то зачем ты так долго скрывался от моей благодарности, хотя, правда, она не зашла бы так далеко, чтобы принести тебе в жертву мое дитя? Ты должен получить все нужное для своего благосостояния, только перестань бредить Лукрецией. Узнай, что твое требование пришло слишком поздно в Фаэнцу, а сюда явится сейчас некто, принесший нам весть, что она благополучно избегла расставленной ей западни, встретилась со своим супругом, Альфонсо Феррарским, и прибыла в его укрепленную столицу. Приветствуй его, Цезарь! Это — твой военачальник в Фаэнце, Реджинальд Лебофор.

В этот момент Реджинальд вошел в зеленый зал в сопровождении Бурчиардо и новообращенной Мириам, которая шла в длинном белом одеянии, устремив взор на мотылька, порхавшего перед ней. Услыхав слова папы, рыцарь тотчас откинул забрало и предстал перед изумленным взором Цезаря.

Появление Лебофора еще сильнее подействовало на доминиканца; он несколько минут смотрел во все глаза на молодого англичанина, но затем оправился от своего потрясения после такой неожидан-

ности.

— По крайней мере я требую мщения! — воскликнул он, после чего схватил новообращенную и, увлекая ее вперед и сорвав с нес покрывало, воскликнул: — Мириам, вот награда, обещанная тебе мною за твою веру — месть убийце твоего Джиованни! Осмотрись

вокруг, Мириам, и скажи нам - кто он.

Наступило страшное глубокое молчание; Мириам озираласъ кругом, пока ее взор не упал на Цезаря, лицо которого пылало, искаженное дьявольскими страстями и страхом. С воплем, который, казалось, должен был достичь до неба, молодая еврейка указала на него:

- Вот он, вот он! О, окажи мне правосудие, судья, и умертви

убийцу Джиованни!..

Она стремительно подбежала к папе, заседавшему среди собрания,

м бросилась перед ним на колена.

Цезарь вскочил, как дикий зверь, потревоженный в своем логовище, и, казалось, был готов кинуться на несчастную еврейку; однако папа со страшной тревогой в лице сам поднялся с места и воскликнул:

- Проклятие тебе, Каин! Подойди ближе, и моя собственная ру-

ка... Гвардейцы, копья вверх!

Меч Реджинальда тотчас сверкнул над головой коленопреклонен-

ной еврейки.

- Ĥу, теперь выслушай мое проклятие, сказал тогда отец Бруно, стоявший перед блестящим собранием в суровом величим зловещего пророка древних времен, с горевшими дикой злобою глазами. Выслушайте меня, Родериго и Цезарь Борджиа! Небу стали наконец нестерпимы ваши преступления земле н небу. Тираны, угнетатели, изменники! Час суда, справедливого возмездия и разрушения близок! Повелеваю вам через час предать свои отвратительные души праведному мщению, и пусть ответ на мое требование решит, пророк ли я, посланный Богом, или лживый обманщик из ада.
- В самом деле, со мною поступают ужасно! Отцеубийца, ты отравил мое питье? воскликнул Александр, побледнев, как мертвец, после короткой борьбы пошатнулся и был отведен Реджинальдом к своему креслу.

 Мое сердце в огне, но в этом я не повинен, Александр. Адский колдун, ты отравил меня? — сказал доминиканцу Цезарь, в груди

которого уже начал действовать яд.

— Нет, я только заменил головки на бутылках серебряными ради почетного отличия, подобавшего вашему сану и вашим заслугам, — со страшной улыбкой ответил ему отец Бруно.

— Унесите меня прочь отсюда! Я умираю! Рыцарь, в Ватикан, не в замок Ангела, — простонал папа и, бросив ужасный взор на Цезаря, прибавил: — это — правосудие!

После этого он без сознания склонился на руки подоспевших к

нему Реджинальда и Бурчиардо.

— Противоядия! Противоядия! Нотта и Морта! Тысячу золотых

тому, кто приведет сюда одну из них! - крикнул Цезарь.

— Ваша светлость, они обе умерли, когда я покидал крепость святого Ангела. Епископ д'Энна прибыл со страшными вестями, — сказал Мигуэлото, только что вбежавший в зал пиршества и с ужасом смотревший на потрясающее зрелище.

Мириам тотчас же увидела его и с криком испуга выскочила из-за кресла папы, после чего кинулась опрометью в олну из крытых аллей

виноградника.

— О, никакой надежды более не осталось! — кричал Цезарь, шатаясь и бледнея, как смерть. — Все пропало! Отрава горит в моих жилах! Однако мщение! Мигуэлото, хватай колдуна! Он отравил нас. Отец, не считайте по крайней мере меня своим убийцей! Помогите!.. Фиамм!... о, Фиамма! Противоядия! Огненные фигуры! Черная в сверкающей чалме. Прочь его! Он вырывает у меня сердце своими раскаленными щипцами! Все эти чудовищные образы. Пламя... пламя! Так это и есть ад? Ужас! ужас! Помогите... спасите, Фиамма, помоги!

И герцог Романьи в свою очередь рухнул без памяти наземь.

. .

Когда с поразительной быстротой по Риму распространилось известие, что папа лежит при смерти в Ватикане, а герцог Романьи в таком же состоянии в замке святого Ангела, в городе тотчас возникли беспорядки, грозившие всеобщей гибелью.

Еще неделю томился папа в жестоких предсмертных страданиях, пользуясь до самого конца заботливым уходом Реджинальда Лебо-

dopa.

Об участи Цезаря не знали ничего достоверного. Ходила только смутная молва, что он еще жив и что какая-то колдунья избавила его от действия отравы разными диковинными снадобьями. Однако телесные муки, казалось, не сломили силы и энергии его духа, и, как только стало известно, что папа скончался, его солдаты заняли Ватикан, откуда Реджинальд успел своевременно удалиться. Фабио выступил с сильным войском в Рим и угрожал гибелью всем Борджиа. Реджинальд поспешил ему навстречу и скрежетал зубами от ярости, когда услышал, что Паоло Орсини в последние минуты просил передать английскому рыцарю просьбу уехать в Англию не ранее того, как он отомстит за его смерть уничтожением тиранов.

Относительно участи, постигшей Мириам, не удалось получить верных сведений, но, когда мстители проезжали по мосту в замок святого Ангела, старый лодочник Чиавоне причалил к берегу с женским трупом, который он вытащил из речной тины. Это было мертвое тело Мириам. Однако, добровольно или насильственно нашла она смерть в волнах Тибра, осталось навсегда неразгаданною тайной.

Фабио Орсини и Реджинальд решили отомстить Цезарю, но значительные боевые силы, которыми герцог Романьи занял Ватикан и крепость святого Ангела, а также приказы кардинальской коллегии, взявшей на себя управление городом и старавшейся удалить оттула все враждующие партии на время выборов нового папы, сильно затрудняли эту задачу. Тогда Фабио вздумал подстрекнуть фанатическое безумие народа, прося помочь ему освободитьотца Бруно из рук Цезаря. Народная ярость вспыхнула при этом с такой силой. что римляне потребовали оружия, собираясь идти на приступ крепости святого Ангела. Однако этот замысел был внезапно разрушен встречным народным движением, вызванным партией Борджиа. Было объявлено, что колдун в монашеской рясе потребовал, чтобы Божий суд огнем доказал непреложность его пророческой миссии и несправедливость взведенного на него обвинения, и Цезарь разрешил произвести это торжественное испытание всенародно на площади святого Петра

Любопытство и фанатизм черни были возбуждены до крайности. Фабио с Реджинальдом решили присутствовать на этом зрелище, чтобы воспользоваться каждым благоприятным случаем для возмущения народа, в надежде, что доминиканец потребовал Божия суда лишь с целью искать защиты у своих приверженцев и врагов

Борджиа.

Костер был воздвигнут. Лебофор и Фабио с конным отрядом отборного войска были готовы действовать, как только представиться удобный момент. Бруно Ланфранки явился окруженный многочисленной стражей; Мигуэлото шел с ним рядом с обнаженной головой. Бруно шел, откинув капюшон и потупив взор, но ни в его поступи, ни в чертах ничто не указывало на твердую решимость подвергнуться страшному Божиему суду. Вдруг Биккоццо, проложив себе дорогу в густой толпе, кинулся к ногам отца Бруно и стал молить его сказать только слово, после чего народ немедленно освободит его. В несметной толпе, запрудившей площадь, поднялось страшное волнение. Но Бруно мановением руки водворил молчание и стал держать воодушевленную речь народу, в которой изъявил свое непоколебимое намерение предать себя пламени.

Реджинальд был склонен освободить его насильно, но Фабио Орсини поддался общему суеверному волнению и просил своего друга

выждать результата.

Костер был подожжен, и пламя взвилось высоко кверху. Реджинальд хотел сделать еще попытку подстрекнуть народ к освобождению монаха, как вдруг возглас Бемптона: "Берегитесь! Измена!" — заставил его вздрогнуть. Верный старый оруженосец кинулся к нему и успел еще вовремя заслонить его собою, чтобы принять в грудь смертельный выстрел, направленный в молодого рыцаря.

Поняв неудачу своего покушения, Мигуэлото крикнул своим конным солдатам, чтобы они спешили обратно в крепость святого Ангела, но Лебофор яростно поскакал за ним вдогонку и настиг каталонца на мосту замка. Однако у Мигуэлото не было охоты помериться силами с разъяренным противником, да не было и времени: испуганная лошадь Мигуэлото прыгнула вместе с ним самим через

перила в реку. Бемптон умер в объятиях своего юного повелителя с последним словом:

- Помой! домой!

Кардиналы употребили все средства, чтобы восстановить спокойствие в городе перед избранием нового папы, и по соглашению с посланниками иностранных держав было решено, что Цезарь, Орсини и Колонна должны оставить город со всеми своими войсками. Реджинальд не котел уезжать, пока партия Борджиа не выстучит из Рима, и остановился у городских ворот. Вскоре появились носилки, в которых двенадцать алебардистов несли некогда столь могущественного властелина. Реджинальд выразил желание переговорить с Цезарем, как вдруг подскакал паж в надвинутом на глаза берете и поднял свою секиру, как будто считая возможным оказать какое-либо сопротивление, если бы английский рыцарь воспы. О враждебными намерениями. Реджинальд передал ему свою желичую перчатку с просьбой доложить Цезарю о вызове.

— Удержите ее, рыцарь, при себе, — ответил юноша. — Это бесполезно, он не может отвечать вам. Некогда столь могучий ум потрясен, и не осталось больше ни одного столпа, чтобы подпереть

падающее здание.

В это время Цезарь сам отдернул занавеску своих носилок, сви-

— Подай мне перчатку, Фиамма! Я хочу жить, хотя бы только для того, чтобы отомстить этому рабу, разрушившему все мои планы создания могучей империи.

* *

Реджинальд хотя и обманулся в своем расчете расквитаться с заклятым врагом и потерял надежду на все, все же не мог заставить себя вернуться в свое отечество и однажды, в момент полного уныния, решился отпустить обратне в Англию своих стрелков и хлопотать о принятии его в орден иоаннитов. Покинув Рим, он отплыл на остров Родос, в то время главное владение ордена. Однако некоторое время спустя молодой англичания был так возмушен распущенностью иоаннитских рыцарей, что изменил свое намерение.

К тому же произошло событие, подавшее ему новую надежду

удовлетворить свою жажду мщения.

Падение Цезаря Борджиа произошло так же быстро, как и его возвышение, а после того, как физическое действие отравы было ослаблено, больного постиг душевный недуг. Ярость его врагов несколько утихла, когда они отняли у него всю власть и все его владения. Испанцы отправили некогда победоносного вождя в качестве пленника в свое отечество, где он просидел два года в одном укрепленном замке, пока не вырвался на свободу с помощью своего верного пажа Фиаммы, делившей его заточение. Цезарь бежал в Наварру, король которой, его зять, принял его с распростертыми объятиями. В войне между королем и его вассалами Борджиа стяжал вновь свою былую военную славу, и молва о том побудила Реджинальда оставить свое намерение поселиться на Родосе. Воспылав вновь жаждой мщения, он отправился через Францию в Наварру

и прибыл в город Виенну, который был осажден королем наваррским и Цезарем Борджиа. Лебофор поступил добровольцем на службу владетельного князя Виенны, и прибытие этого знаменитого английского рыцаря вдохнуло новое мужество в осажденных. Они отважились на вылазку; последовала общая битва, и осажденные потерпели в ней поражение. Когда Цезарь слишком рьяно пустился преследовать беглецов, ему внезапно преградил дорогу рыцарь в ненавистном и зловещем для него одеянии иоаннитского ордена.

— Цезарь Борджиа, — громко воскликнул Реджинальд, — я

явился к тебе за своей железной перчаткой!

Через минуту, думая, что противник успел приготовиться к битве, он взял копье наперевес и кинулся на герцога. Тот как будто внезапно обессилел, и Лебофор почувствовал, что оружие врага лишь слабо скользнуло по его груди, тогда как его собственное копье, пробив доспехи Цезаря, вонзилось ему в тело, и кровь хлынула из раны. Цезарь еще твердо держался в седле, пока наконец упал навзничь на руки пажа, который, соскочив с лошади, едва успел подхватить его. Тяжесть герцога угнетала верного слугу к земле; тогда Реджинальд в свою очередь также спрыгнул с коня, чтобы поспешить ему на помощь. Паж снял шлем со своего раненного господина.

Опершись на локоть, Цезарь уставился на Лебофора взором, а

юноша-паж старался унять кровь, лившуюся из глубокой раны.

— Не суетись, не суетись, Фиамма, все напрасно! Видишь, он явился схватить меня, — сказал Борджиа глухим тоном ужаса. — Это — Джиованни!

— Нет, я — Реджинальд Лебофор и явился, чтобы заставить тебя поплатиться за все преступления! Жалею только, что тебе не при-

шлось умереть смертью злодея.

 Реджинальд Лебофор! Ну, тогда, человеческое ли ты существо или... порождение ада... Фиамма, пусти меня! — воскликнул Цезарь

и оттолкнул руку, зажимавшую ему шарфом рану.

Он с нечеловеческим усилием вскочил на ноги, чтобы кинуться на своего врага, но почти моментально рухнул наземь возле коленопреклоненной Фиаммы. Много лет не мог позабыть Реджинальд вопль испуга, вырвавшегося у нее, когда она увидела смертельную бледность окровавленного трупа, голову которого несчастная еще

старалась безуспешно приподнять.

Приближение отряда наваррских всадников заставило английского рыцаря подумать о собственной безопасности, и он покинул пажа на груди слишком горячо любимого, жестокого повелителя, этого гения коварства, наконец-то покинувшего земной мир, который он осквернял своими ужасными преступлениями. История занесла их на свои бесстрастные, правдивые страницы, и имя Борджиа считается вечным позором человечества.

Литературно-художественное издание

линдау м.

Злой гений коварства

Из жизни Цезаря и Лукрецыи Борджиа Исторический роман

Ответственный за выпуск Е. Б. Никапорова Художественный редактор А. А. Власов Технический редактор Н. И. Дмитраева

Сдано в набор 30.10.91. Подписано в печать 26.12.91. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 30,20. Кр.-отт. 26,5 Формат 60Х90/16. Гарн. "Тип. Таймс", Тираж 100,0 тыс. экз. Заказ №411

Оригинал-макет подготовлен МП "ЭКИП"

Санкт-Петербургская типография № 6 Министерства печати и информации Российской Федерации. 193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10

•					

